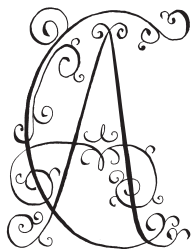

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

1-2 · 2021

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2021

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2021. — Вып. 1–2 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2021. — 568 с.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 1–2 за 2021 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, языкознания, этнолингвистики, литературоведения и истории науки. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Индрик», 2021

Slavic Almanac 2021. Issues 1–2 /

Moscow: Indrik, 2021. — 568 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

This issue of “Slavic Almanac” (1–2, 2021) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, etnolinguistics, literary studies and history of science. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.

Institute of Slavic Studies RAS

Phone: +7 (495) 938-17-80

Website: slavicalmanac.ru

E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year

Circulation: 500 copies

Published since 1997

© Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2021

© Authors, 2021

© Publishing house “Indrik”, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Белградский университет, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Макарецев М. М., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirillina L. A., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Kocheharov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Makartsev M. M., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Содержание

История

<i>Корзо М. А. (Москва). Иосафат Кунцевич и «чудесное обращение» патриарха Никона: штрихи к истории одной легенды</i>	12
<i>Флоря Б. Н. (Москва). Рада старшины Левобережного Гетманства в Батуруине в мае 1671 г. и ее решения</i>	26
<i>Беклемишева М. М. (Москва). Русский публицист А. А. Башмаков о македонском вопросе в письмах и публицистике (1899 г.)</i>	33
<i>Гусев Н. С. (Москва). Митрофан Иванович Ретивов: русский врач-эмигрант о жизни болгарского села в 1920-е гг.</i>	60
<i>Станков Н. Н. (Москва). Первая в СССР книга о Чехословацкой республике: «Современная Чехо-Словакия»</i> <i>П. Н. Мостовенко</i>	78
<i>Зайцев А. В. (Москва). Югославия на страницах журнала «Славяне» (1942–1958)</i>	100
<i>Стоянович Д. (Белград). «Планом предусмотрено известное расширение сотрудничества»: взгляд югославской дипломатии на югославско-советские литературные связи. 1961–1964</i>	127
<i>Даниелова Т. А. (Москва). Вышеградская группа в российском внешнеполитическом планировании и СМИ (1991–2018 гг.)</i>	147
<i>Ерёмин Д. П. (Москва). Хорватский вопрос и эволюция политической системы Боснии и Герцеговины в период стабилизации (1995–2004)</i>	174
<i>Колосков Е. А. (Санкт-Петербург). От Бухареста до Преспы: спор о государственном наименовании Македонии в 2008–2018 гг.</i> ..	207

История Белоруссии в XX столетии

<i>Баринов И. И. (Москва). «Натурализованный сын Белоруссии»: загадка доктора Дитмана</i>	233
<i>Короткова Д. А. (Москва). Советское полпредство и белорусская колония в Литве в 1920-е гг.</i>	254
<i>Кодин Е. В. (Смоленск). Абрамчик и Островский: борьба за лидерство в среде белорусской послевоенной эмиграции</i>	272

Языкознание. Социолингвистика. Этнолингвистика

- Скорвид С. С. (Москва).* Русские лексические и сочетаемостные кальки в чешских и польских островных говорах в России 291
- Борисов С. А. (Москва).* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) 310
- Лю Ху (Москва).* Змееподобные мифологические персонажи провинции Шаньдун (Китай) в сопоставлении с сербскими 329

Литературоведение

- Адельгейм И. Е. (Москва).* Поэтизированная индульгенция. Феномен успеха романа Анджея Щипёрского «Начало» 346
- Байдалова Е. В. (Москва).* Украинский бестселлер: на пути к национальной идентичности 365
- Старикова Н. Н. (Москва).* Как менялась «формула» успеха: словенские бестселлеры 2010-х гг. «Чефуры, вон!» Г. Войновича и «Белое стирают при девяносто» Б. Жакель 380
- Широкова Л. Ф. (Москва).* «Лидеры продаж» или «книги-лауреаты»: вкусы и предпочтения словацкого читателя 396
- Бодрова А. Г. (Москва).* Травелог второй степени: «Письма из Норвегии» Исидоры Секулич как претекст книги о Норвегии Виды Огненович 407
- Калавски Ж. (Будапешт).* О трансформации одной украинской песни на венгероязычных землях в первой половине XIX в. 420

История науки

- Ковалёв М. В. (Москва).* В. М. Жирмунский в Венгрии, 1962 г.: из истории научных связей 452

Публикации

- Ганин А. В. (Москва).* На гетманской Украине летом–осенью 1918 г.: из воспоминаний генерала П. С. Махрова 477

Рецензии и обзоры

- Баринев И. И. (Москва).* Белорусская народная республика: возвращение истории 508

Хроника

<i>Дронов М. Ю., Клопова М. Э. (Москва).</i> Международная научная конференция «Украинцы и белорусы в восточноевропейском регионе: Проблема интеграции в полиэтнических сообществах» ..	517
<i>Усачёва А. В. (Москва).</i> Круглый стол «Феномен бестселлера в литературах ЦЮВЕ: национальное и мультикультурное»	520
<i>Будагова Л. Н. (Москва).</i> В честь 75-летия Победы над фашистским агрессором	525
<i>Лескинен М. В. (Москва).</i> Научная конференция «Врата Царегграда: Константинополь в истории и культуре славян»	540
<i>Баринов И. И., Короткова Д. А. (Москва).</i> Международный круглый стол «Имя страны: Белоруссия и ее название в языках народов мира»	550
<i>Кириллов В. Б., Лесная Г. М. (Москва).</i> Румынский акцент современной славистики: Международный симпозиум «100 лет клужской славистке»	554

Content

History

<i>Korzo M. A. (Moscow)</i> . Josafat Kuntsevych and “Marvelous Conversion” of the Patriarch Nikon: The Story of one Legend	12
<i>Florya B. N. (Moscow)</i> . The Rada of the foreman of the Left-Bank Hetmanate in Baturyn in May, 1671 and its decisions	26
<i>Beklemisheva M. M. (Moscow)</i> . The Russian publicist Alexandre Baschmakoff on the Macedonian question in letters and journalism (1899)....	33
<i>Gusev N. S. (Moscow)</i> . Mitrofan Ivanovich Retivov: Russian emigrant doctor about the life of a Bulgarian village in the 1920s	60
<i>Stankov N. N. (Moscow)</i> . The First Book about the Czechoslovak Republic in the USSR: “The Modern Czecho-Slovakia” by Pavel N. Mostovenko	78
<i>Zaytsev A. V. (Moscow)</i> . Yugoslavia on the pages of the journal <i>Slavyane</i> (1942–1958)	100
<i>Stojanovic D. (Belgrade)</i> . “A certain expansion of cooperation is planned”: A view of the Yugoslav diplomacy on Yugoslav-Soviet literary exchange. 1961–1964	127
<i>Danielova T. A. (Moscow)</i> . The Visegrad Group in the Russian Foreign Policy Planning and Mass Media (1991–2018)	147
<i>Eremin D. P. (Moscow)</i> . The Croatian issue and the evolution of the political system in Bosnia and Herzegovina during the stabilization period (1995–2004)	174
<i>Koloskov E. A. (Saint Petersburg)</i> . From Bucharest to Prespa: Macedonian naming dispute in 2008–2018.....	207

History of Belarus in the XX century

<i>Barinov I. I. (Moscow)</i> . “The naturalized son of Belarus”: The Mystery of Dr. Dittmann.....	233
<i>Korotkova D. A. (Moscow)</i> . The Soviet Plenipotentiary Mission and the Belarusian diaspora in Lithuania in the 1920s	254
<i>Kodin E. V. (Smolensk)</i> . Abramchik and Ostrovsky: the struggle for leadership among the Belarusian post-war emigration	272

Linguistics. Sociolinguistics. Ethnolinguistics

- Skorvid S. S. (Moscow)*. Russian lexical and collocative calques in the Czech and Polish insular dialects in Russia 291
- Borisov S. A. (Moscow)*. Czech language and the traditional culture in the multiethnic environment (results of the field research of 2019 in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina)..... 310
- Liu Hu (Moscow)*. Snake-like mythological characters of Shandong province (China) in comparison with Serbian ones..... 329

Studies of literature

- Adel'gejm I. E. (Moscow)*. A poeticised indulgence. "The Beginning" by Andrzej Szczypiorski: A story of success..... 346
- Baydalova E. V. (Moscow)*. The Ukrainian bestseller: On the way to national identity 365
- Starikova N. N. (Moscow)*. How the "formula" of success has changed: Slovenian bestsellers of the 2010s. "Čefurji raus!" by G. Vojnović and "Belo se pere na devetdeset" by B. Žakelj..... 380
- Shirokova L. F. (Moscow)*. "Sales leaders" or "prize-winning books": tastes and preferences of the Slovak reader..... 396
- Bodrova A. G. (Saint Petersburg)*. A travelogue of the second degree: "The Letters from Norway" by Isidora Sekulić as a pretext of the book about Norway of Vida Ognjenović..... 407
- Kalavszky Zs. (Budapest)*. Transformations of a Ukrainian song in Hungarian territories during the first half of the 19th century..... 420

History of science

- Kovalev M. V. (Moscow)*. V. M. Zhirmunsky in Hungary, 1962: Towards the history of the scientific ties 452

Publications

- Ganin A. V. (Moscow)*. In Ukraine under Hetman summer — autumn 1918..... 477

Reviews

- Barinov I. I. (Moscow)*. Rediscovering History: The Belarusian People's Republic 508

 Chronicles

<i>Dronov M. Yu., Klopova M. E. (Moscow). An International Academic Conference “Ukrainians and Belarusians in the Eastern Europe: The Problem of Integration in Multiethnic Communities”</i>	517
<i>Usacheva A. V. (Moscow). The roundtable “The phenomenon of a bestseller in the literatures of Central and South-East Europe: The national and the multicultural”</i>	520
<i>Budagova L. N. (Moscow). To the 75th anniversary of the Victory over fascist aggressor</i>	525
<i>Leskinen M. V. (Moscow). The conference “Gates of Tsaregrad: Constantinople in the history and culture of the Slavs”</i>	540
<i>Barinov I. I., Korotkova D. A. (Moscow). An International Round Table “The name of a country: Belarus and its naming in the world’s languages”</i>	550
<i>Kirillov V. B., Lesnaya G. M. (Moscow). A Romanian Accent in Modern Slavic Studies: The International Symposium “100 years of Cluj Slavic Studies”</i>	554

**Иосафат Кунцевич и «чудесное обращение»
патриарха Никона:
штрихи к истории одной легенды¹**

Корзо Маргарита Анатольевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт философии РАН
109240, ул. Гончарная 12/1, Москва, Российская Федерация
E-mail: korzor@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6299-5187

Цитирование

Корзо М. А. Иосафат Кунцевич и «чудесное обращение» патриарха Никона: штрихи к истории одной легенды // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 12–25. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.01

Статья поступила в редакцию 30.11.2020.

Аннотация

В посвященных первому мученику униатской церкви в Речи Посполитой Иосафату Кунцевичу (1580–1623) агиографических памятниках конца XVII — первой половины XVIII в. можно встретить легенду о «чудесном обращении» в католицизм патриарха Московского Никона (1605–1681). Данное событие связывается с профанацией Никоном изображения Иосафата и последовавшими за этим покаянием патриарха и взыванием к заступничеству Кунцевича. Конверсия Никона, как считают униатские агиографы, и стала главной причиной последующей опалы патриарха. Созданное около 1672 г. описание данного «чуда» обрастает со временем различными подробностями и деталями, которые рождаются на основании слухов и домыслов, но также отражают определенную историческую реальность, пусть и в несколько искаженной форме. В статье анализируются самая поздняя из известных версий «чуда» (Ważyński S. P. Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kunczewicza. Wilno, 1762) и этапы формирования отдельных сюжетных линий данной легенды;

1 Хотелось бы выразить благодарность Е. В. Беляковой, Т. А. Опариной, С. К. Севастьяновой, П. В. Седову, М. Петрович и А. Гилю за полученные устные консультации.

делаются предположения о том, какие реальные события могли лечь в ее основу и почему данная легенда актуализируется в униатской агиографии Кунцевича именно в середине XVIII в.

Ключевые слова

Униатская агиография, Иосафат Кунцевич, патриарх Московский Никон.

Одной из функций агиографических сочинений раннего Нового времени было формирование определенной конфессиональной идентичности. Особо действенными в этом смысле становились жития и чудеса новых подвижников и святых, чья жизнь пришлась на эпоху напряженного религиозного противостояния XVI–XVII вв. Агиография конструировала историческое прошлое, расставляя все акценты «правильным» образом, а апелляция к событиям недавнего прошлого делала чудеса святых и подвижников еще более убедительными и реальными в глазах верующих. Особенно если в чудесах повествовалось о значительных по своему масштабу исторических событиях.

Одна из таких историй рассказывает о том, какую роль первый мученик униатской церкви архиепископ Полоцкий Иосафат Кунцевич (1580–1623) сыграл в «чудесном обращении» в католицизм патриарха Никона. Фигура Кунцевича была одной из ключевых для становления конфессиональной идентичности униатов, его культ активно пропагандировался не только василянами, но и иезуитами. Описание этого чуда встречается в единичных житиях Кунцевича последней трети XVII — середины XVIII в.; в 1762 г. оно было озвучено в устной проповеди василянина Порфирия Важинского (*Skarbek Porfiry Ważyński*, 1730–1804) в кафедральном соборе Полоцка², выйдя, таким образом, за рамки только письменного нарратива.

Интересующая нас история с момента своего появления до 1762 г. подвергалась расширению и обростала новыми историческими подробностями. Остановимся сначала на содержании легенды в том виде, как ее представил в своем поучении василянин Важинский.

В произнесенной, а затем и опубликованной проповеди на день блаженного Иосафата Важинский описывает наиболее значимые чудеса, совершенные Кунцевичем уже после кончины. И одно из этих

2 *Ważyński S. P. Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kunczewicza <...> miane w katedrze Połockiej. Wilno, 1762.*

чудес — обращение в католицизм патриарха Никона. История гласит, что после своей интронизации Никон стал уговаривать царя Алексея Михайловича, чтобы тот сделал его «папой, равным Римскому». Чтобы достичь своей цели, Никон повелел напечатать перевод «Константинова дара», с помощью которого стремился обосновать значительные полномочия церковной власти и ее независимость от власти светской³. Притязания Никона, как повествует Важинский, вызвали негодование представителей московской знати, под давлением которых царь «перестал и думать о папстве Никона», да и сам патриарх, «застыдившись, от своих дерзких мыслей отказался, довольствуясь своим патриаршим достоинством». Искренним смирением и отказом от первоначальных замыслов Никон впоследствии снискал особую благодать от Бога, явленную ему при посредничестве Кунцевича. Однажды, посещая в тюрьме плененных поляков, Никон отобрал у одного из них брошюру с изображением Иосафата, бросил ее в гнев на землю и истоптал ногами, за что был почти сразу поражен от Бога тяжелой болезнью. Позднее, «когда [патриарха] отнесли в палаты, <...> он приказал принесли растоптанную картинку и перед нею <...> с благочестием отслужить молебен, во время которого он <...> испрашивал у мученика прощения, и сразу же выздоровел». О произошедшем по всей Москве пошли слухи, которые подтверждали сами пленные — некий доминиканец Бальтазар Суский (*Baltazar Suski*) и выходец из Великого Княжества Литовского Василий Лускина (*Bazyli Łuski*). Последний из них, «взятый к патриарху в услужение, видел все своими глазами». После чудесного исцеления благодаря заступничеству Кунцевича, Никон переселился в основанный им монастырь и, «живя там в единстве святом с Церковью Римской, предавался суровому покаянию». И именно за свое обращение в католицизм, как повествует Важинский, патриарх и был назван еретиком и проклят на церковном соборе представителями русского и греческого духовенства. На этом же соборе Никон выступил с речью, в которой открыто признал, что только папа Римский имеет над ним власть и имеет право его судить⁴.

В изложенной Важинским истории можно выделить две основные сюжетные линии: церковно-политические амбиции Никона, который

3 Речь шла о включении «Константинового дара» в «Кормчую» (см.: Кормчая книга. М., 1653. Л. 738–747об.).

4 *Ważyński S. P. Kazanie na uroczystość Wł. Jozafata Kuncewicza. K. D2–D2v.*

захотел возвыситься как папа Римский, и чудесное обращение патриарха в католицизм посредством Иосафата Кунцевича. Анализ более ранних версий данного чуда первого униатского мученика свидетельствует о том, что эти сюжеты сформировались независимо друг от друга и, судя по всему, были восприняты униатской агиографической традицией из разных источников.

Самое раннее описание чуда встречается в агиографическом памятнике «*Korona złota nad głową zranioną b. m. Iozaphata Kuncewicza <...> z łacińskiego języka polskim objaśniona*» (Вильно, 1673). Перевод данного сочинения с латыни приписывается доминиканцу Доминику Малиновскому (*Dominik Malinowski*, ум. после 1678), а в качестве автора латинского издания называется иезуит Станислав Косинский (*Stanisław Kosiński*, ок. 1587 — 1657)⁵. Утверждение об авторстве Косинского надо признать сомнительным: в сочинении «*Korona złota*» представлены чудеса Кунцевича, датированные 1673 г. включительно; иезуит же скончался за 16 лет до публикации данного памятника. Если Косинский и был его автором, то Малиновский в процессе перевода существенно расширил текст. Датированное IX.1672 г. чудо № 149⁶ описывает только историю с профанацией Никоном образа Иосафата, за которой последовала тяжелая болезнь и чудесное исцеление патриарха после молебна перед образом униатского мученика. Здесь не говорится о переходе Никона в католицизм, нет и намек на его церковно-политические амбиции. Рассказавшим о случившемся под присягой свидетелем называется доминиканец Суский — «покровитель св. розария Минского монастыря русской провинции»⁷, который хотя и провел в московской тюрьме около 14 лет, но не был очевидцем произошедшего (как это акцентируется в версии Важинского), а узнал о событиях со слов находящегося в услужении у Никона «обывателя Оршанского повета Василия Лускины»⁸.

Интерпретация совершенного Кунцевичем чуда как главной причины перехода Никона в католицизм, а также описание папских ам-

5 Staropolskie piśmiennictwo hagiograficzne / red. A. Witkowska, J. Nastalska. Lublin, 2007. Т. I. S. 122, 149; Т. II. S. 78.

6 *Korona złota nad głową zranioną b.m. Iozaphata Kuncewicza*. К. К–Кв.

7 Некий Бальтазар Суский действительно фигурирует в картотеке членов ордена доминиканцев в Польше (информация получена от отца Иринеуша Высокинского, Архив Польской провинции доминиканцев, г. Краков). Детали его пленения и пребывания в Москве установить не удалось.

8 *Korona złota nad głową zranioną b.m. Iozaphata Kuncewicza*. К. К.

биций патриарха появляются в униатских памятниках лишь в первой трети XVIII в. Так, об этом пишет василианин Игнаци Кулчинский (*Ignacy Kulczyński*, 1707?–1747?)⁹ в составленной им агиографической истории «руської» церкви «*Specimen Ecclesiae Ruthenicae*» (Рим, 1733)¹⁰. Данная история впоследствии не фигурировала в материалах процесса канонизации Кунцевича в XIX в.¹¹; пока не удалось обнаружить и более поздних (после 1762 г.) житий Иосафата, в которых бы присутствовал данный сюжет.

Необходимо задаться вопросом о том, как вообще могла возникнуть такая легенда и в какой степени она отражала реальные исторические события, связанные с фигурой патриарха Никона.

Можно предположить, что сюжет с профанацией или уничтожением некоей брошюры, в которой было изображение Кунцевича (или какого-то иного деятеля униатской или католической церкви), действительно имел место в реальности: во-первых, изображения Иосафата присутствуют уже в ранних его житиях, изданных в виде брошюр вскоре после его кончины¹², а потому были достаточно широко доступны; во-вторых, опубликованные в Речи Посполитой польско- и латиноязычные книги не были редкостью в Москве второй половины XVII в. А потому не исключено, что если и не самому патриарху, то кому-то из его окружения действительно могла попасться на глаза брошюра (или только картинка?) с изображением Иосафата.

Закономерно возникает вопрос, как информация (или слухи) о профанации изображения Кунцевича могла попасть в пределы польско-литовского государства. Во всех версиях описания чуда в качестве очевидцев фигурируют два находившихся в московском плену выходца из Речи Посполитой. Представляется вполне вероятным, что патриарх действительно общался с кем-то из пленных поляков, даже если и не посещал их лично в тюрьме: известно, что Никон очень бла-

9 *Rechowicz M. Kulczyński Ignacy // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1971. T. 16. S. 138–139.*

10 У него история Никона излагается на с. 133–135. О двух небольших, но существенных деталях, которые отличают версию Кульчинского от проповеди Важинского, будет сказано ниже.

11 *S. Josaphat hieromartyr: documenta romana beatificationis et canonisationis / ed. A. G. Welykyj, OSBM. Romae, 1952–1967. Vol. 1–3.*

12 *Kreuzo L. Kazanie o świętobliwym żywocie u chwalebney śmierci przewielebnego w Bodze oycy Iosaphata Kvncewicza, arcybiskupa Połockiego, Witebskiego y Mścisławskiego. Wilno, 1625.*

говолит к иноземцам, которых было много даже в его личном окружении. Так, боярин Одоевский посещал в 1663 г. по велению царя опального патриарха в Воскресенском монастыре и доносил, что там у Никона проживает множество иностранцев¹³. Об особом благоволении Никона к неправославным писала и зарубежная пресса чуть более поздней эпохи — так, «Рижская газета» от 19.XI.1670 г. сообщала, что патриарх был низложен за то, что позволил лютеранам, кальвинистам и «папистам» ходить в русскую церковь¹⁴.

Известно, что пленные содержались в Москве в большой строгости и теоретически не могли вступать в контакты с соплеменниками. Но известно также и то, что такие контакты были: когда официальные представители польско-литовского государства обращались к царю с просьбой вернуть пленных, то они зачастую были лучше осведомлены о том, кто конкретно из граждан Речи Посполитой находится в плену, чем соответствующие московские органы власти. А потому о происходящем в московских тюрьмах пленные поляки вполне могли сообщить своим соплеменникам. Одним из таких источников информации мог быть и вернувшийся из плена доминиканец Суский: по картотеке доминиканского архива в г. Кракове, 28 февраля 1668 г. он находился уже в доминиканском конvente в Минске¹⁵.

Якобы произнесенная Никоном на церковном соборе фраза, что только папа Римский имеет над ним власть и имеет право его судить (что Важинский проинтерпретировал как одно из подтверждений уже состоявшегося перехода Никона в католицизм), могла стать известна в Речи Посполитой через членов польского посольства, которые посещали Москву в 1667 г. по случаю подписания Андрусовского перемирия. В реляции посланников говорится о том, что перед самым отъездом из Москвы они встречались с некоторыми греческими церковными иерархами, приехавшими на собор, а потому были в курсе, что основной причиной созыва собора было низложение Никона¹⁶. Во всяком случае,

13 *Берх В. Н.* Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1. С. 224–225.

14 *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М., 1995. С. 245.

15 Буквально: «instituitur in Promotorem Rosarii conventus Minscensis».

16 Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 г. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / ред. Н. М. Рогожин. М., 1991. С. 339.

в историографии вплоть до первой трети XX в. повторялось мнение, что информация о том, что Никон якобы перешел в католицизм, попала в Речь Посполитую именно с польским посольством 1667 г.¹⁷

Сама же приписываемая Никону фраза о том, что только папа Римский имеет над ним власть и имеет право его судить, восходит с большой долей вероятности к слухам, которые задолго до приезда в Москву польского посольства распускал противник патриарха Паисий Лигарид (ок. 1610 — 1678). Паисий в своем свидетельстве ссылался на личный разговор с Никоном¹⁸. Но Никон и сам мог дать повод к распространению домыслов о его желании апеллировать к суду папы Римского. Во время заседаний Московского собора патриарх, отвечая на обращенные к нему вопросы боярина Семена Стрешнева, процитировал III канон Сардийского поместного собора (343–344): «Аще кто из епископов имеет дело с братом своим и соепископом: ни который из них не призывает в посредники епископов из иных областей <...> да напишется от сих к епископу Римскому»¹⁹. Ссылкой на данный канон Никон, конечно же, не хотел сказать, что собирается требовать, чтобы его судил сам папа Римский, — он всего лишь хотел обосновать неправомочность участия в Московском соборе представителей иных православных церквей, которые не имели над ним канонической власти.

Свидетельство Паисия Лигарида, сообщения в европейской прессе и привезенные из Москвы польскими дипломатами слухи — все это и могло стать одним из источников для василианских агиографов более поздней эпохи.

Сюжет о якобы имевшихся у Никона амбициях стать в России «папой, равным Римскому» вырастает также как из сплетения различных слухов и домыслов, так и из неверной интерпретации некоторых исторических фактов. Известно, что Алексей Михайлович относился к патриарху с симпатией. Никон еще во время интронизации добился от царя обещания не вмешиваться в церковные дела, а с 1652 г. в

В польскоязычных публикациях материалов посольства о факте встречи с кем-то из греческих церковных иерархов не упоминается. См.: *Relacya poselstwa Kazimierza Bieniawskiego do W. X. Moskiewskiego // Pamiętniki historyczne / wyd. L. Hubert. Warszawa, 1861. T. I. S. 73–93.*

17 *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1934. Ч. II. С. 164, 166.

18 *The Patriarch and the Tsar / translated by W. Palmer. London, 1871. Vol. I. P. XXI.*

19 *Ibid.* P. 3.

титулатуре патриарха значилось также «великий государь». Частые отлучки царя из Москвы в связи с участием в военных действиях давали Никону дополнительные возможности для укрепления своей власти. Приближенные к царю бояре считали политические амбиции патриарха чрезмерными и видели в них угрозу царской власти. Примечательно, что московская знать апеллировала именно к публикации патриархом «Константинова дара»: они считали, что с помощью данного документа Никон хотел показать, что как Константин Великий уступил Рим папе Сильвестру I, так и царь должен был бы уступить ему власть в Москве. Как мы помним, именно этот сюжет фигурировал в полоцкой василианской проповеди 1762 г. в качестве подтверждения папских амбиций Никона. Отметим в качестве примечания, что сразу за текстом «Константинова дара» в «Кормчей» следует глава о римском отпадении от православной веры — о чем ни у Важинского, ни у его предшественника Кульчинского, конечно же, не упоминается. Но этот факт, будь он известен василианам или прихожанам, собравшимся в Полоцком кафедральном соборе на проповеди по случаю дня Иосафата Кунцевича, поставил бы под сомнение достоверность истории об обращении Никона в католицизм.

Весьма вероятно, что на отчасти придуманную историю о властных амбициях Никона наложились впоследствии и реальные исторические события, связанные с несостоявшимся проектом учреждения в Москве папского престола наподобие папской кафедры в Риме. Впервые о существовании подобных проектов написал Василий Татищев. Рассказывая в своем труде о царствовании сына Алексея Михайловича — Федора Алексеевича, Татищев упоминает о встрече последнего в 1676 г. с осевшим в Москве выходцем из Речи Посполитой Симеоном Полоцким, который был сторонником идеи основания четырех патриарших кафедр в России и поставления Никона над ними в качестве своеобразного папы²⁰.

На протяжении долгого времени сообщение Татищева считалось вымыслом, пока не было найдено подтверждение его слов в других источниках той эпохи. Павел Седов считает, что проект учреждения папской кафедры в Москве мог быть частью грандиозной церковной реформы 1680-х гг., которая, правда, не была реализована в полном объеме, но заложила основы для позднейших церковных преобразований Петра Великого. Правдоподобность всей истории придает и то обстоятельство, что титул «папа» не был чем-то необычным для

20 Татищев В. Н. История Российская. СПб., 2014. Т. 1. С. 518.

православного мира конца XVII в. — подобный титул носил тогда, например, патриарх Александрийский²¹.

Сообщение Татищева, правда, не могло стать для василиан непосредственным источником — «История Российская» была впервые опубликована уже после смерти ее составителя в 1768 г. Но в конце XVII — первой половине XVIII в. о проектах учреждения в Москве папского престола упоминается в ряде дипломатических источников. Голландский резидент в Москве Иоганн ван Келлер писал в своем донесении от 5 сентября 1681 г., что только смерть Никона помешала ему быть провозглашенным папой. Датский посланник Георг Грунд в своем докладе королю Фредерику IV приписывает инициативу учреждения в России папства именно Никону, а все действия переносит в эпоху правления Алексея Михайловича. Грунд утверждает, что на притязания Никона царю открыла глаза его родная сестра (не называя, правда, эту сестру по имени)²².

Примечательно, что в версии Кульчинского в качестве разоблачителя амбициозных планов Никона также фигурирует сестра царя — Ирина (1627–1679), в то время как в василианской проповеди 1762 г. об амбициозных планах Никона царю рассказывают представители московской знати. Подобное расхождение в деталях между Кульчинским и Важинским может говорить о том, что они черпали данную информацию из разных источников.

Таким образом, в описании обращения Никона в католицизм при чудесном посредничестве Иосафата Кунцевича и всех сопутствующих этому обращению обстоятельств сплелись как реальные исторические события и неверная интерпретация отдельных высказываний самого патриарха, так и различные слухи и домыслы. Необходимо также задаться вопросом о том, с какой целью именно данное «чудо», совершенное первым униатским мучеником, актуализируется в василианской литературе первой трети — середины XVIII в.

Исследователи единодушно отмечают, что культ Кунцевича постепенно угасает на протяжении второй половины XVII в., несмотря на значительные усилия униатского духовенства: так, например, митрополит Киприан Жоховский (1635–1693) включил день почитания Кунцевича (26 сентября) в новый «Служебник» 1692 г., канонически распространяя его на всю униатскую митрополию. В начале XVIII в.

21 Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 428, 432.

22 Там же. С. 427–428.

какие-то элементы культа Иосафата присутствовали преимущественно в василианских центрах в окрестностях Полоцка²³. В епархиях же, которые присоединились к унии лишь в начале XVIII в., культ Кунцевича на приходском уровне вообще не получил какого-либо распространения²⁴.

Свою проповедь Важинский начинает с сетований на то, что даже в самом Полоцке о Кунцевиче почти забыли: если раньше полочане любили его и почитали, то в настоящее время «в сердцах почти погасло благочестие к этому мученику <...> даже в день его святой годовщины (кто бы мог ожидать?) я вижу [в церкви] очень незначительную группу людей»²⁵. История о Никоне могла быть упреком полочанам за отсутствие религиозного рвения в почитании Кунцевича, сумевшего обратиться в истинную веру даже такого видного иерарха схизматиков. Это чудо могло стать одним из стимулов оживления культа первого униатского мученика за веру. Тем более что в агиографической традиции основная часть совершенных Кунцевичем уже после его смерти чудес связана именно с обращением в унию как православных, так и представителей других христианских конфессий и даже иудеев. Удивляет лишь то, что в качестве примера Важинский не апеллирует к истории «чудесного обращения» другого православного иерарха — Мелетия Смотрицкого (ок. 1578 — 1633). О том, что Мелетий перешел в унию именно благодаря чудесному влиянию на него Кунцевича, писал митрополит Иосиф Рутский (ок. 1574 — 1637) в 1627 г. в письме к секретарю Конгрегации пропаганды веры Франческо Инголи (*Francesco Ingoli*, 1578–1649). Данное чудо было включено впоследствии в состав актов беатификации Кунцевича XVI в.²⁶ Фигура Мелетия могла быть, как представляется, более подходящей в качестве назидательного примера, поскольку он проживал в пределах Киевской митрополии. Выбор фигуры Никона был, вероятно, сделан под влиянием актуальных для жителей восточных рубежей Речи Посполитой событий той эпохи: разорение Полоцка во время Северной войны войсками царя Петра Великого и последовавший за этим экономический упадок города, а также вмеша-

23 *Скоцилас I.* Релігія та культура Західної Волині на початку XVIII ст. За матеріалами Володимирського собору 1715 р. Львів, 2008. С. 30–32.

24 *Балик I. Б.* З історії культу св. Йосафата в Перемиській єпархії (XVII/XVIII ст.) // AOSBM. CCL anno a Martyrio S. Iosaphat vertente. 1973. Vol. VIII (1–4). P. 47–61.

25 *Ważyński S. P.* Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kuncewicza. K. A2.

26 *S. Iosaphat hieromartyr.* Vol. I. P. 75.

тельство России накануне Первого раздела Речи Посполитой в решение диссидентского вопроса формировали негативный образ России в том числе и среди приверженцев униатской церкви. А потому история об обращении в католицизм именно московского патриарха, или иерарха враждебной державы и церкви, делала Иосафата Кунцевича в глазах враждующих особо чудодейственным святым.

Источники и литература

Балик І. Б. З історії культу св. Йосафата в Перемиській єпархії (XVII/XVIII ст.) // *Analecta Ordinis S.[ancti] Basilii Magni* = Записки Чина св. Василя Великого. CCL anno a Martyrio S. Iosaphat vertente. Romae, 1973. Vol. VIII (1–4). P. 47–61.

Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб.: Издал И. Слѣнин (тип. Х. Гинце), 1831. Ч. 1. VIII, 316 с.

Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви / [подгот. текста, сост. и предисл. П. В. Калинина]. М.: Русский Двор; Сергиев Посад: Паломник, 1995. 407 с.

Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Ч. II: Учение патриарха Никона о природе власти государственной и церковной и их взаимоотношении. Варшава: [б. и.], 1934. 384 с.

Исторический рассказ о путешествии польских послов в Москву, ими предпринятом в 1667 г. // *Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов)* / [отв. ред. и автор вступ. ст. Н. М. Рогожин; сост. и коммент. Г. И. Герасимова]. М.: Международные отношения, 1991. С. 320–341. (Россия в мемуарах дипломатов).

Кормчая книга. М.: Московский Печатный двор, 1653. [763 л., фолиация на церковнославянском, отдельная по главам].

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века / Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с., [4] л. ил.

Скочиляс І. Релігія та культура Західної Волині на початку XVIII ст. За матеріалами Володимирського собору 1715 р. / Національна академія наук України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Львівське відділення; Український католицький університет; Інститут історії Церкви; [наук. ред. Я. Дашкевич]. Львів: [б. и.], 2008. 80 с.

Татищев В. Н. История Российская. СПб.: Лань, 2014. Т. 1. 571 с.

Korona złota nad głową zranioną b.m. Iozaphata Kunczewicza Arcybiskupa Połockiego... drogiemi kamieńmi cudow... sadzona... od jednego kapłana... z łacińskiego języka polskim objaśniona, y do Druku podána. Wilno, 1673.

Kreuzo L. Kazanie o świętobliwym żywocie y chwalebney śmierci przewielebnego w Bodze oycy Iosaphata Kunczewicza, arcybiskupa Połockiego, Witebskiego y Mścisławskiego. Wilno, 1625.

Kulczyński I. Specimen ecclesiae ruthenicae ab origine susceptae fidei ad nostra usque tempora in suis capitibus seu primatibus Russiae cum s. sede apostolica romana semper unitae exhibitum. Romae: typis H. Mainardi, 1733.

Rechowicz M. Kulczyński Ignacy // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław: Polska akademia nauk, Instytut Historii; Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971. T. 16. S. 138–139.

Relacya poselstwa Kazimierza Bieniawskiego do W. X. Moskiewskiego. 1667 // Pamiętniki historyczne / wyd. L. Hubert. Warszawa: Jan Jaworski, 1861. T. 1. S. 73–93.

S. Josaphat, hieromartyr: documenta romana beatificationis et canonizationis / coll., adnotationibus illustravit nec non introd. auxit P. Athanasius G. Welykyj, OSBM. Romae: Sumptibus PP. Basilianorum, 1952–1967. Vol. 1–3. (Analecta Ordinis S. Basilii Magni = Записки Чина св. Василя Великого: Documenta Ecclesiae Unitae in terris Ucrainae et Bělorussiae).

Staropolskie piśmiennictwo hagiograficzne / red. A. Witkowska, J. Nasalska. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 2007. T. 1–2.

The Patriarch and the Tsar. Vol. 1: The replies of the humble Nicon: by the mercy of God Patriarch, against the questions of the boyar Simeon Streshneff and the answers of the Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides / translated from the Russ by W. Palmer. London [et al.]: Trübner and Co [et al.], 1871. 674 p.

Ważyński S. P. Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kunczewicza... miane w katedrze Połockiej. Wilno, 1762.

References

Balyk, I. B. “Z istoriï kul’tu sv. Īosafata v Peremys’kiï ieparkhiï (XVII/ XVIII st.)” *Analecta Ordinis S.[ancti] Basilii Magni. CCL anno a Martyrio S. Iosaphat vertente*, vol. 8, no. 1–4, Romae, 1973, pp. 47–61.

Evgeniï (Bolkhovitinov), Metropolitan. *Slovar’ istoricheskii o byvshikh v Rossii pisateliakh dukhovnogo china Greko-Rossiiskoi Tserkvi*, ed. by P. V. Kalitin, Moscow: Russkii Dvor, Sergiev Posad: Palomnik, 1995, 407 p.

“Istoricheskiï rasskaz o puteshestvii pol'skikh poslov v Moskoviiu, imi predpriniamtom v 1667 g.” *Proezzhaia po Moskovii (Rossiia XVI–XVII vekov glazami diplomatov)*, ed. by N. M. Rogozhin, compiler G. I. Gerasimova, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1991, pp. 320–341.

Rechowicz, M. “Kulczyński Ignacy.” *Polski Słownik Biograficzny*, vol. 16, Wrocław: Polska akademia nauk, Instytut Historii: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971, pp. 138–139.

S. Josaphat, hieromartyr: documenta romana beatificationis et canonizationis, coll., adnotationibus illustravit nec non introd. auxit P. Athanasius G. Welykyj, OSBM (Analecta Ordinis S. Basilii Magni: Documenta Ecclesiae Unitae in terris Ucrainae et Bělorussiae), vol. 1–3, Romae: Sumptibus PP. Basilianorum, 1952–1967.

Sedov, P. V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskiï dvor kontsa XVII veka*. Saint Petersburg: Dmitriï Bulanin, 2006, 604 p.

Skochyliias, I. *Relihiia ta kul'tura Zakhidnoï Volyni na pochatku XVIII st. Za materiialamy Volodymyrs'koho soboru 1715 r.* Lvov: s. n., 2008, 80 p.

Witkowska, A., and J. Nastalska, editors. *Staropolskie piśmiennictwo hagiograficzne*, vols. 1–2, Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 2007.

Zyzykin, M. V. *Patriarkh “Nikon”. Ego gosudarstvennye i kanonicheskie idei*, pt. 2, Warsaw: Sinodal'naia tipografia, 1934, 327 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.01

Korzo M. A.

Josafat Kuntsevych and “Marvelous Conversion” of the Patriarch Nikon: The Story of one Legend

Margarita A. Korzo

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

109240, Goncharnaya st. 12/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: korzor@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6299-5187

Citation

Korzo M. A. Josafat Kuntsevych and “Marvelous Conversion” of the Patriarch Nikon: The Story of one Legend // Slavic Almanac. 2021.

No 1–2. P. 12–25 (in Russian).

Received: 30.11.2020.

Abstract

The hagiographic works of the late 17th — first half of the 18th century related to the figure of the first martyr of the Uniate Church in the Polish-Lithuanian Commonwealth, Josaphat Kuntsevych (1580–1623), describe the “miraculous conversion” of the Patriarch of Moscow Nikon (1605–1681) to Catholicism. This event is associated with Nikon’s profanation of the image of Josaphat, and the subsequent repentance of the Patriarch and his appeal to the intercession of Kuntsevych. The conversion of Nikon, according to the Uniate hagiographers, became the main reason for the subsequent disgrace and detronization of the Patriarch. The description of this “miracle” created around 1672 (*Korona złota nad głową zranioną b.m. Iozaphata Kuncewicza*, Wilno 1673) is overgrown later with various details and circumstances that are born of rumors and speculations, but also reflect a certain historical reality, albeit in a somewhat distorted form. The article analyzes the latest known version of the “miracle” (S. P. Ważyński, *Kazanie na uroczystość Bł. Jozafata Kuncewicza*, Wilno 1762) and discusses the stages of different plot lines formation. Assumptions are made about which real events could influence the folding of the legend, and why this legend is especially actualized in the Uniate hagiography of Kuntsevych in the middle of the eighteenth century.

Keywords

Uniate hagiography, Josaphat Kuntsevych, Patriarch of Moscow Nikon.

Рада старшины Левобережного Гетманства в Батурине в мае 1671 г. и ее решения

Флоря Борис Николаевич
Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

Цитирование

Флоря Б. Н. Рада старшины Левобережного Гетманства в Батурине в мае 1671 г. и ее решения // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 26–32. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.02.

Статья поступила в редакцию 01.11.2020.

Аннотация

В центре внимания автора статьи — старшинская рада, которая состоялась в мае 1671 г. Информация о данном событии до настоящего момента оставалась неизвестной историкам, поскольку о нем не было упомянуто в фундаментальном труде Н. И. Костомарова «Руина», а документы не были опубликованы. На раде обсуждались вопросы увеличения «охотных» (наемных) войск, снабжение провиантом русского гарнизона в Батурине, амнистии для представителей казацкой старшины, сосланных ранее в Сибирь по доносам гетмана И. Брюховецкого, выделения дворов в Батурине для проживания там казацких полковников, а также ограничения контактов Левобережного Гетманства с Запорожской Сечью. Рада поддержала предложения, касавшиеся стрелецкого гарнизона в Батурине, Запорожья и амнистии для ссыльных. Однако пункты о строительстве дворов для полковников и увеличении численности наемных войск поддержаны не были. Старшина, таким образом, солидаризировалась с гетманом в тех вопросах, которые касались противодействия возможным выступлениям социальных низов (в том числе под влиянием запорожцев и восстания Разина), но была против политики усиления личной власти гетмана Демьяна Многогрешного, которую тот рассчитывал проводить в том числе с опорой

на русское правительство. В этих противоречиях следует видеть зародыш того конфликта, который привел к свержению Многогрешного в результате старшинского заговора в 1672 г.

Ключевые слова

Казачество, Запорожье, гетман, казацкая старшина, Россия.

Характер казацких рад у левобережного казачества с течением времени, как известно, заметно изменился. Генеральные рады, в которых участвовало и рядовое казачество, в нормальной ситуации собирались редко. Различные вопросы, связанные с урегулированием внутренней жизни гетманства, обсуждались теперь на достаточно часто собиравшихся «радах»-собраниях членов старшинской верхушки. На них, как правило, решались накопившиеся текущие вопросы, но иногда они собирались для принятия важных решений.

Именно последнее имело место на съезде старшины, собравшемся в Батуристине в мае 1671 г. О важности этого события говорит тот факт, что документы, обсужденные и одобренные на съезде, были посланы на рассмотрение в Москву. К сожалению, Н. И. Костомаров не включил эти документы в подготовленное им издание «Актв Южной и Западной России»¹, и в тексте своей монографии «Руина»² о созыве батуринской рады не упомянул. Вероятно, поэтому указанное важное событие не привлекло внимания исследователей.

О работе съезда сведения содержатся в двух документах. Один из них представляет собой перечень вопросов и пожеланий гетмана, адресованных его участникам. Другой — ответы участников рады, — полковников, на предложения гетмана. В «статьях» гетмана Демьяна Игнатовича Многогрешного первым пунктом стояло предложение «запасы ис полков обмыслить» — «московским людем у нас на службе будучим»³. Речь шла прежде всего о недавно разместившемся в Батуристине стрелецком гарнизоне, прибывшем из Москвы, присылки

1 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1877. Т. 8 / [ред. Н. И. Костомаров].

2 *Костомаров Н. И.* Руина // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1882. Т. 15.

3 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 9. Л. 854об.

которого гетман в течение длительного времени упорно добивался. Глава гарнизона М. И. Колупаев уже в то время играл важную роль во внутренней жизни гетманства. В присланной вместе со «статьями» грамоте гетмана говорилось, что Колупаев управляет Батуриным во время его отсутствия⁴. Но дело, возможно, этим не ограничивалось, так как в этой же грамоте указывалось: «молим и просим... в некоторые города... вашего царского величества ратных людей»⁵. В обращении в Москву это аргументировалось необходимостью защиты от внешней опасности, но не исключено, что в расчетах гетмана такое войско могло выступать как определенная опора его власти.

Военных дел касалось и другое предложение гетмана Многогрешного. Он предлагал позаботиться о том, чтобы исправно снабжались «охочие, конные и пешие»⁶. Решения казацкой рады в Глухове в марте 1669 г. предусматривали создание за рамками полковой организации особого отряда из 1000 чел. во главе с полковником для борьбы со «своевольниками». К 1671 г. размеры такого войска, по-видимому, серьезно увеличились, во главе него стояло уже двое полковников⁷. Естественно, что встал вопрос о его снабжении. Первоначально «охотное» войско создавалось для выполнения охранительных функций, но теперь гетман ставил перед ним иные задачи. Демьян Многогрешный утверждал, что одно «городовое войско» с началом войны не сможет дать отпор неприятелю. Таким образом, охотное войско выступало как своеобразное «ядро» вооруженных сил гетманства. Нельзя исключить при выдвигании такого предположения и иную, не выраженную в тексте мотивацию. Увеличение наемного войска, стоявшего за рамками «полковой» организации и прямо подчиненного гетману, способствовало бы укреплению его власти.

С этими предложениями, касавшимися военных дел, соседствовало предложение выделить «городовым» полковникам дворы в гетманской резиденции — Батурине, очевидно, для постоянного там проживания. Так ослаблялась бы их связь с полками и усиливался контроль за ними со стороны гетмана.

4 Там же. Л. 852об.

5 Там же. Л. 851.

6 Там же. Л. 855–855об.

7 *Сокирко О.* Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006. С. 77. См. также: *Стороженко Н.* Охочекомонный полковник Илья Федорович Новицкий // Киевская старина. 1885. Т. 12. Июль. С. 431–457.

Одно из предложений касалось контактов Левобережного Гетманства с Запорожьем. Судя по реакции на это предложение полковников (о ней см. ниже), речь шла о самых разных видах поездок запорожцев на территорию гетманства, о проезжавших через гетманство посольствах казаков Запорожской Сечи и поездках отдельных ее представителей к жителям гетманства. Гетман утверждал, что делают это запорожцы «не для общего добра, но своя ради прихоти творят вымыслы и монархов приводят». «О сем господа полковники, — обращался гетман к участникам рады, — имут изобретати совета»⁸.

Отрицательное отношение Многогрешного к Запорожью было вызвано его связью с движением недовольных низов в самом гетманстве. Еще в январе 1671 г. серьезными волнениями были охвачены его южные полки, связанные с Запорожьем, и старшине пришлось их «усмирять»⁹. В мае 1671 г. борьба с таким движением оставалась актуальной. Герман в своих статьях порицал тех, кто «самого ради своевольства на Низ обычали исходити... , сами себе обрав старейшего, в города посылают и невинных людей без милосердия утесняют». Он предлагал, чтобы полковники «прежде времени непослушных усмиряли»¹⁰.

Наконец, гетман предлагал ходатайствовать об амнистии епископу Мстиславскому Мефодию и сосланным в Сибирь по доносам бывшего гетмана Ивана Брюховецкого людям, которые все еще находились в заключении, таким как бывшие генеральный писарь Захарий Шийкевич и переяславский полковник Тимофей Цецур¹¹.

Если давать самую общую оценку предложений гетмана, то они предполагали меры по подавлению сопротивления низов и ряд шагов по усилению власти гетмана при поддержке русского правительства.

Как же реагировали полковники на эти планы гетмана? Было поддержано предложение о ходатайстве об амнистии сосланных в Сибирь при Брюховецком. Очень живой оказалась реакция на идею Многогрешного относительно запорожских посольств и действий недовольных низов. Полковники заявили: «Остерегати будем, чтобы таковые не могли уходить из городов в Запороги». Одновременно полковники предложили озаботиться тем, чтобы и запорожцы не приходили на территорию гетманства. Эти люди, говорилось в их решении, прихо-

8 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 9. Л. 856об.

9 См. об этом в донесениях русского гонца К. Бухвостова (Там же. Л. 240–240об.).

10 Там же. Л. 855об.–856.

11 Там же. Л. 857об.

дят «с явственными прелестными умышлении своими, и нам вредительными». Полковникам следовало их «остерегати и воздержати», а задержанных запорожских посланцев отправлять к гетману¹². Таким образом, сохранялась общая для гетмана и старшины позиция, враждебная по отношению к низам и Запорожью, что в общем не вызывает удивления и говорит о существовании серьезной социальной напряженности на территории гетманства. Был удовлетворительно решен и вопрос о снабжении русского гарнизона в Батурине: участники рады постановили «дать корму со всех полков»¹³.

На этом фоне привлекает внимание иной по содержанию ответ на предложение об организации снабжения «охотного» войска: «не отговариваем, но о всем позволяем всякое довольство чинить»¹⁴. Таким образом, не отклоняя прямо предложения гетмана, участники рады фактически предлагали ему обеспечивать снабжение этого войска из собственных доходов. В его увеличении они явно не были заинтересованы.

Что касается предложения о выделении полковникам дворов в Батурине, то в решениях рады оно было обойдено молчанием. Это совсем не было случайным. В августе 1671 г. гетман говорил царскому посланцу А. Чайнову, что когда он приказал полковникам устроить себе дворы в Батурине, целый ряд из них отказался это сделать¹⁵.

Эти наблюдения позволяют определить место съезда и его решений во внутривосточной истории Левобережного Гетманства. Съезд собрался на грани двух периодов в истории этого политического образования. Он как бы завершил период, когда разные части правящей элиты объединились в общее целое, чтобы противостоять действиям низов, связанных с Запорожьем, а также противодействовать потенциальной угрозе социальным порядкам гетманства со стороны восставших против русского правительства донских казаков под предводительством Степана Разина. Действия низов и в мае 1671 г. представляли собой серьезную угрозу, с которой гетман и старшина готовы были совместно бороться. Вместе с тем в условиях, когда эта опасность была, по-видимому, уже не так сильна, как раньше, обозначилось стремление гетмана и его окружения, опираясь на поддержку Москвы, определенно усилить свою власть за счет интересов старшинской верхушки, что встретилось с отрицательной реакцией с ее стороны, пусть и завуалированной, не носившей характера решительного

12 Там же. Л. 860–860об.

13 Там же. Л. 858–859.

14 Там же. Л. 859об.

15 Там же. Оп. 3. № 19. Л. 7об.

протеста. Тем не менее даже в таком виде эта реакция побудила гетмана Демьяна Многогрешного предпринять резкие действия против недовольных старшин уже летом 1671 г. Как он сообщал А. Чаянову, тех, кто отказывался «строить» дворы в Батурине, он «сажал в тюрьму, и устрашивал смертью, а иных переменял». Тогда же от него последовало заявление, что «генеральную старшину и полковников... держит их в крепости и под великим страхом»¹⁶, чем обеспечивается их верность русскому правительству. Все эти меры привели к серьезному обострению отношений между гетманом и его окружением. Начальник стрелецкого гарнизона в Батурине М. И. Колупаев сообщал в июне 1671 г., что Многогрешный «ото всех начальных людей остерегательство имеет»¹⁷. Углубившийся конфликт привел в марте 1672 г. к отстранению Демьяна Многогрешного от власти и его аресту недовольной старшиной, воспользовавшейся возникшими сложностями в отношениях гетмана с Москвой. Начальную стадию этого конфликта есть основания связывать с работой съезда в мае 1671 г.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 9: 1668–1672 / [ред. Н. И. Костомаров]. СПб.: Типография М. Этингера, 1877. [2], 26 стб., 988 стб., 24 с.

Костомаров Н. И. Руина: историческая монография. 1663–1667 гг. // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 15. 695, X с.

Сокирко О. Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ: Темпора, 2006. 280 с.

Стороженко Н. Охочекомонный полковник Илья Федорович Новицкий // Киевская старина. Т. 12. 1885. Июль. С. 431–457.

References

Sokyрко, O. *Lytsari druhoho sortu. Naïmane viïsko Livoberezhnoi Het'manshchyny 1669–1726 rr.* Kyiv: Tempora, 2006, 280 p.

¹⁶ Там же. Л. 7–7об.

¹⁷ Там же. Оп. 2. № 13. Л. 263.

**The Rada of the foreman of the Left-Bank Hetmanate
in Baturyn in May, 1671 and its decisions**

Boris N. Florya

Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy
of Sciences, head of Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

Citation

Florya B. N. The Rada of the foreman of the Left-Bank Hetmanate in Baturyn in May, 1671 and its decisions // Slavic Almanac. 2021. No 1–2. P. 26–32 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.02

Received: 01.11.2020.

Abstract

The author of the article focuses on the Foremen’s Rada, which took place in May 1671 in Baturyn. Information about this event until now remained unknown to historians, since it was not mentioned in the fundamental work of N. I. Kostomarov “The Ruin”, and the respective documents were not published. The council discussed the issues of increasing the “hunting” (mercenary) troops, the provision of food to the Russian garrison in Baturyn, amnesty for representatives of the Cossack foremen, previously exiled to Siberia on the denunciations of Hetman I. Bryukhovetsky, the allocation of households in Baturin for the Cossack colonels to live there, as well as the restriction contacts of the Left Bank Hetmanate with the Zaporozhian Sich. The Rada supported the proposals regarding the Streltsy garrison in Baturyn, Zaporozhye and amnesty for exiles. However, the points on the construction of courtyards for the colonels and an increase in the number of mercenary troops were not supported. The foremen thus solidarized with the hetman in those issues that concerned opposition to possible actions of the social lower classes (including those influenced by the the Cossacks and the uprising of Razin), but they were against the policy of strengthening the personal power of hetman Demyan Mnogogreshny, which he hoped to carry out with the support of the Russian government. In these contradictions, one should see the first shoots of the conflict that led to the overthrow of the Mnogogreshny as a result of the foremen’s conspiracy in 1672.

Keywords

Cossacks, Zaporozhye, hetman, Cossack foreman, Russia.

**Русский публицист А. А. Башмаков о македонском вопросе
в письмах и публицистике (1899 г.)**

Беклемишева Мария Михайловна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: mariabekl@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6648-6395

Цитирование

Беклемишева М. М. Русский публицист А. А. Башмаков о македонском вопросе в письмах и публицистике (1899 г.) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 33–59. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.03

Статья поступила в редакцию 21.09.2020.

Аннотация

В статье изучаются взгляды славянофила А. А. Башмакова на сущность и способ решения «македонского вопроса» в 1899 г., изложенные в его книге «Болгария и Македония» и архивных письмах Н. П. Игнатьеву, впервые вводимых в научный оборот. Освещаются особенности отражения в указанных источниках собранной А. А. Башмаковым в Македонии информации. Документально подтверждается частный характер македонской поездки А. А. Башмакова, не связанной с его служебными обязанностями в МИД и приуроченной к планировавшемуся всеобщему восстанию. Отмечается, что одним из главных источников его информирования о политической ситуации в регионе во время поездки послужило общение с болгарскими деятелями, оппозиционными Фердинанду Кобургу, а представления об этнической картине в Македонии сложились на основе собственных наблюдений. Основное внимание в работе уделяется представлениям А. А. Башмакова о необходимом курсе российской внешней политики в Болгарии и Македонии в 1899 г.: главной задачей русской дипломатии он видел устройство автономии в Македонии без кровопролития, а также был убежден в необходимости проведения активного курса России на Балканах.

Ключевые слова

Македония, «македонский вопрос», Н. П. Игнатьев, Болгария, внешняя политика России, позднее славянофильство.

В течение XIX в. Османская империя переживала системный политический и экономический кризис. На территории ее европейских владений происходило постепенное отмирание государственной власти: по словам русского публициста А. А. Башмакова, крупные землевладельцы, разбойники или просто отдельные смельчаки в целых районах заменяли собой государственную власть, которая мирилась с этими явлениями ввиду своего бессилия¹. Тяжелое экономическое положение населения усугублял нерешенный аграрный вопрос. Христианское население европейских владений Турции жило в сознании того, что нажитое своим трудом принадлежало не только турецкому правительству, но и местному властителю, перед произволом которого оно было беззащитным. Реформы, принятые под давлением европейских держав, оставались мертвой буквой.

Особое звучание в конце XIX в. приобрел «македонский вопрос» — вопрос о политическом будущем трех македонских вилайетов Османской империи. Обстановку в этом регионе осложняли национально-освободительная борьба против турецкого владычества, а также внешние факторы: Македония становилась полем жесткого столкновения болгарской, сербской и греческой национальных пропаганд; в прилегающих странах действовали революционные македонские комитеты, преследовавшие собственные политические цели. Восстание на Крите 1896–1897 гг. способствовало оживлению македонских революционных организаций, которые надеялись воспользоваться моментом для устройства автономии. Все эти факторы обеспечили неизбежность обострения македонской проблемы в последние годы XIX в.

В это время курс российской политики на Балканах был направлен на умиротворение и сохранение существующего порядка. В 1897 г. Россия и Австро-Венгрия — главные акторы на Балканах, заинтересованные в сохранении территориальной целостности Османской империи, — согласовали основные принципы своей балканской политики в секретном соглашении. Стороны подтвердили стремле-

¹ *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария и Македония. СПб., 1903. С. 215.

ние к поддержанию status quo на Балканском полуострове и отказ от завоевательных целей на Балканах. В случае нарушения status quo Австро-Венгрия предлагала устроить «справедливый» раздел территорий «малых балканских стран» с соблюдением принципа равновесия, без преобладания какого-либо государства «в ущерб другим»². Российский министр иностранных дел М. Н. Муравьев, однако, отмечал в дипломатической ноте, что такой способ решения «восточного вопроса» был тогда преждевременным и трудно осуществимым³. Поэтому в том, что касалось «македонского вопроса», Россия стремилась избегать радикальных решений, чреватых европейской войной.

В рамках своего курса российская дипломатия стремилась «преподать балканским государствам “советы миролюбия и умеренности”»⁴, подчеркивая, что Россия не поддержит силы, стремящиеся к нарушению существующего порядка. Эта позиция была разъяснена и македонским комитетам.

В русском обществе шла дискуссия о «македонском вопросе», и пресса отразила весь спектр позиций по нему. В конце XIX — начале XX в. Македонию посетили выдающиеся публицисты, корреспонденты и ученые: П. Н. Милюков, А. В. Амфитеатров, П. А. Риттих, А. Л. Погодин и многие другие. По результатам своих путешествий они публиковали путевые заметки, книги, статьи в периодической печати. Предпринятая летом 1899 г. по собственной инициативе македонская поездка А. А. Башмакова (1858–1943), на тот момент служившего делопроизводителем во II департаменте Министерства иностранных дел (Департаменте внутренних сношений), удостоивалась отдельных упоминаний в отечественной литературе. Так, было высказано предположение о том, что А. А. Башмаков как сотрудник МИД занимался изучением ситуации на Балканах, не имея прямого указания начальства⁵, и стремился развеять для русского общества миф о «неблагодарности» балканских славян по отношению к Рос-

2 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 305.

3 Там же. С. 307–308.

4 *Ямбаев М. Л.* Болгаро-македонское революционное движение на рубеже XIX–XX вв.: Отношения Болгарии и официальной России // *Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII — начале XX в. М., 2011. С. 155.*

5 *Смолин М. Б.* Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // *Проблемы национальной стратегии. 2012. № 1 (10). С. 152.*

сии⁶. М. Л. Ямбаев рассматривает взгляды А. А. Башмакова в статье, посвященной изучению представлений в русском обществе об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX — начале XX в.⁷ Украинская исследовательница В. А. Бурбыга относит А. А. Башмакова к приверженцам решения «македонского вопроса» в пользу Болгарии, отмечая, что спустя много лет после своей поездки публицист повторил вывод о преобладании болгарского языка среди местного населения, а решение «македонского вопроса» связывал с получением Сербией выхода к Адриатике⁸.

В большей степени тема настоящей статьи разработана в болгарской историографии, где главное внимание уделяется внутривнутриполитическому аспекту македонского вопроса в восприятии А. А. Башмакова. На македонской поездке и взглядах А. А. Башмакова останавливается болгарский историк С. Германов. Он приходит к выводу, что А. А. Башмаков верно понимал сущность македонского вопроса и много сделал для проведения своей точки зрения в русской печати⁹. Историк И. Йолов рассуждает о сильных и слабых сторонах аргументации А. А. Башмакова в пользу болгарской точки зрения. Он полагает, что во время своей поездки А. А. Башмаков контактировал главным образом с болгарскими, обладавшими ярко выраженной национальной идентичностью, поэтому его позиция столь категорична¹⁰. Автор особо выделяет два аргумента А. А. Башмакова в пользу болгарских претензий на Македонию: то, что по достижении автономии Македония бы тяготела именно к Болгарии, и что турки и албанцы в Македонии говорили на болгарском языке¹¹. Книга «Болгария и Ма-

6 *Томсинов В. А.* Александр Александрович Башмаков (1858–1943) // Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х т. М., 2007. Т. 2. С. 169.

7 *Ямбаев М. Л.* Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX — начале XX в. // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 166.

8 *Бурбыга В. А.* Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн (1908–1912 гг.) // Македония: Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 133.

9 *Германов С.* Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII век до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос: Книга първа. София, 1993. С. 248–253.

10 *Йолов И.* Руски автори за България и Сърбия в македонския конфликт 1885–1917 г. София, 1999. С. 39.

11 Там же. С. 48–49.

кедония», по мнению И. Йолова, представляет значительный интерес, поскольку в ней наблюдения путешественника сочетаются с теоретическими схемами без какого-либо противоречия¹². Автор биографического очерка об А. А. Башмакове С. Елдаров задается вопросом, что же заставило публициста после столь значительного (15-летнего) перерыва¹³ вновь обратиться к балканским проблемам, в частности, специально заняться македонским вопросом¹⁴. Не имея пока необходимых источников, можно только предполагать, были это личные причины или служебное задание, пишет С. Елдаров. Обращая внимание на «проболгарские симпатии» Башмакова, историк пишет, что такая позиция причинила публицисту серьезные служебные и личные неприятности, но вместе с тем способствовала приобретению им широкой известности в Болгарии¹⁵.

В настоящей статье на основании впервые используемых архивных материалов, дополненных опубликованными источниками, освещается позиция А. А. Башмакова по «македонскому вопросу» в связи с его представлениями о необходимом курсе внешней политики России на Балканах в 1899 г.

А. А. Башмаков с юности, благодаря влиянию отца — славянофила А. Д. Башмакова, интересовался Балканами. Его тесное знакомство с Болгарией началось в 1881 г., когда, окончив Новороссийский университет со степенью кандидата прав, он поступил на службу в Восточную Румелию, где требовались правоведаы со знанием болгарского языка. В период службы он изучал историю и культуру болгарского народа, посещал Родопы и другие районы страны¹⁶. В России

12 Там же. С. 49.

13 На протяжении 1880-х гг. А. А. Башмаков занимается юридической практикой, однако не обходит вниманием и балканские проблемы: интересуется славянским сравнительным законодательством, принимает активное участие в работе Одесского славянского общества. Лишь на службе в Прибалтике (1889–1894) он временно оставляет в стороне балканские темы и концентрируется на вопросах российской внутренней политики. В 1895–1898 гг. выходит ряд его публицистических статей о взаимоотношениях России и славянского мира, в которых главное внимание уделено южным славянам.

14 *Елдаров С.* Забравеният юбилей: 150 години от рождението на Александър Александрович Башмаков // *Македонски преглед*. 2009. Т. XXXII. № 4. С. 133.

15 Там же. С. 135.

16 *Германов С.* Руски пътешественици... С. 270.

А. А. Башмаков становится членом Одесского, а затем Петербургского славянских благотворительных обществ. На страницах газет и журналов, в выступлениях в славянских обществах он обращался к ряду политических и культурных проблем славянского мира, особое внимание уделяя отношениям России с южными славянами. Убеденный сторонник славянской взаимности, А. А. Башмаков был приверженцем активного внешнеполитического курса России на Балканах.

В июне 1898 г. А. А. Башмаков, вероятно, при содействии директора II департамента Министерства иностранных дел Н. А. Малевского-Малевича, который приглашал талантливых сотрудников (М. А. Таубе, В. Б. Лопухина) в свой департамент, переходит на юрисконсультскую службу в МИД¹⁷. Несмотря на знакомство с официальной позицией российского дипломатического ведомства по македонскому вопросу «из первых уст», А. А. Башмаков стремится выяснить, что Россия могла бы сделать для его решения, и летом 1899 г. отправляется в Македонию. Важнее всего, по мнению А. А. Башмакова, было не упустить тот момент, когда Россия могла бы освободить эту страну от турецкого ига.

* * *

Позиция публициста по македонской проблеме в 1899–1902 гг. отражена в источниках личного происхождения и опубликованных публицистических произведениях. В данной статье в качестве главного источника используются архивные письма А. А. Башмакова графу Н. П. Игнатьеву, дополненные сведениями книги Башмакова «Болгария и Македония». Дополнительно привлечены также письма А. А. Башмакова 1899 и 1901 гг. барону Ф. Р. Остен-Сакену из личного фонда этого государственного деятеля в РГАДА.

Ряд писем А. А. Башмакова графу Н. П. Игнатьеву, датированных 1899–1906 гг., отложился в личном фонде Игнатьева в ГАРФ (Ф. 730)¹⁸. Будучи знаком с ним по Петербургскому славянскому благотворительному обществу, председателем которого граф являлся, А. А. Башмаков высоко оценивал Н. П. Игнатьева как дипломата и государственного деятеля. В архиве сохранилось лишь два письма, отправленных А. А. Башмаковым Н. П. Игнатьеву из Софии: 13 июля 1899 г. — перед поездкой в Македонию и 28 августа 1899 г. — по возвращении из нее в Болгарию. Тогда он считал своим долгом как можно

17 РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 1639. Л. 21.

18 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388.

скорее донести до графа конфиденциальные сведения о том, как обстоят дела в славянских землях. К большому сожалению, письма, которые он отправлял Н. П. Игнатьеву непосредственно из Македонии, в архивном фонде отсутствуют. Возможно, А. А. Башмаков просил графа вернуть их ему для работы над своей книгой. В архивных письмах и опубликованных материалах прослеживаются текстуальные совпадения. Ответных писем Н. П. Игнатьева не имеется, поскольку дореволюционный архив А. А. Башмакова не сохранился.

В письмах А. А. Башмаков сообщает Н. П. Игнатьеву о своем отношении к наиболее актуальным событиям того времени на Балканах. Среди них — принятие болгарским Народным собранием договоров о займе с немецко-французским синдикатом во главе с «Немецким банком» (*Deutsche Bank*)¹⁹; покушение на Милана Обреновича в июле 1899 г.; обострение «кумановского вопроса» — проблемы церковной принадлежности кумановской общины. Впоследствии все эти вопросы будут изложены А. А. Башмаковым также в его книге «Болгария и Македония».

Эта книга, изданная под псевдонимом «Вещий Олег», стала главной работой о его македонском путешествии. В ее основу легли все опубликованные в 1899–1901 гг. заметки А. А. Башмакова: 17 «Писем из Болгарии и Македонии» («Санкт-Петербургские ведомости», конец июля — октябрь 1899 г.); «Македонские отблески» («Приднепровский край», январь 1900 г.); брошюра «Поездка в Македонию» (СПб., 1901), дополненные в «Приложениях» публикациями 1902 г.: четырьмя «Письмами о македонском вопросе» из газеты «Новое время» и статьей «Надежды славянского юга» из «Санкт-Петербургских ведомостей». Работа над книгой, по-видимому, шла в течение 1902 г. и в 1903 г. была завершена. В русской печати вышел ряд рецензий и отзывов на «Болгарию и Македонию», ее чешский перевод вышел в Праге²⁰.

Книга была адресована широкому кругу читателей. Следует отметить, что А. А. Башмаков — не ученый в подлинном смысле слова, а только публицист. Изучение им македонского вопроса имело целью не сбор научной статистики о населении каждого македонского вилайета, а выяснение тех начал, которыми должна была руководство-

19 Подробнее об этих займах см.: *Шеремет В. И.* Османская империя в международных отношениях на Балканах // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 43; *Туполев Б. М.* «Дранг нах Зюд-Остен» // Там же. С. 79.

20 *Veščij Oleg [Bashmakov A. A.]*. Bulharsko a Makedonie. Praha, 1903.

ваться российская внешняя политика в случае осложнений в Македонии. Свои выводы по этому поводу в 1899 г. он изложил частным образом графу Н. П. Игнатьеву, в основной части книги только указывая на необходимость предоставления Македонии автономного статуса и сохранения ее целостности.

В книге А. А. Башмакова мы не найдем примеров какой-либо агитации — сербской, болгарской или греческой, и даже имен македонских революционеров: имя руководителя «Верховного македонского комитета» Бориса Сарафова Башмаков обозначает лишь инициалом «С.»²¹. Зато публицист подробно останавливается на известных ему этнографических картах Македонии, ее топографии, приводит свои беседы с македонцами — жителями городов и сел. В книге он сделал оговорку о том, что не льстил себя надеждой исчерпать вопрос своими недостаточно полными сведениями. Однако он надеялся, что при всей неполноте собранных им данных они имели значение для ориентирования читателей среди той путаницы понятий, которая существовала в македонском вопросе²².

Далеко не все впечатления от поездки, записанные А. А. Башмаковым, попали на страницы опубликованной книги. Известно, что часть фотографий для нее была предоставлена русским консулом в Скопье В. Ф. Машковым, однако А. А. Башмаков не раскрывает никаких подробностей своего общения с консулами. То же самое можно сказать и про общение с турецкими чиновниками. Башмаков намеренно не называет имен своих собеседников, дабы не компрометировать их «неосторожностью пера»²³. В книге он часто не поясняет и источников своих сведений: печать или личное общение.

В силу определенных обстоятельств его биографии (изучение в юности болгарского языка и болгарского фольклора, служба в Восточной Румелии, давняя дружба с болгарскими учеными) из всех балканских стран с Болгарией А. А. Башмаков был знаком лучше всего. Сербским языком он не владел, понимая его лишь отчасти, догадываясь о значении слов²⁴. Во время пребывания в Македонии Башмакову иногда рекомендовали посмотреть ту или иную местность, чтобы убедиться в болгарском характере ее населения (например, в Велесе)²⁵.

21 *Вещий Олег* [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 19.

22 Там же. С. 182.

23 Там же. С. 316.

24 Там же. С. 183.

25 Там же. С. 181.

В своей книге А. А. Башмаков не упоминает ни одного случая беседы с деревенскими жителями, не имевшими национальной самоидентификации, что, однако, не свидетельствует о том, что они ему совсем не встречались. Современные исследователи полагают, что вопрос о национальном сознании у сельского населения Македонии в то время не стоял²⁶.

Что касается сербского населения македонских вилайетов, А. А. Башмаков описывает единственный случай беседы с «сербоманами» в Битоле, которые говорили, по его замечанию, на языке, «представлявшем как бы искаженный многими сербизмами болгарский язык»²⁷. Публицист пришел к выводу, что данный факт указывал не на этническую принадлежность этих людей, а на социальное явление — болгар, подвергшихся сербской пропаганде²⁸. Однако, изучая карты, которым он доверял, и отдавая себе отчет в неполноте своих сведений, он не исключал возможности существования сербских местностей в Македонии.

А. А. Башмаков полагал, что македонская нация в то время еще не сложилась. Согласно его мнению, к началу XX в. в условиях ожесточенной пропаганды уже не существовало условий для ее образования, поскольку история каждой из отдельных народностей, составлявших Македонию, давно шла по пути все возрастающего национализма²⁹.

В личных письмах Н. П. Игнатьеву, где А. А. Башмаков мог быть более откровенен и резок в своих оценках, он делал такие же выводы (о болгарском характере Македонии, преувеличенных требованиях Сербии), причем отмечал, что по своей щекотливости они тогда не позволяли опубликования³⁰.

* * *

В январе 1899 г. в МИД состоялось обсуждение «македонских дел» в связи с полученными сведениями о возобновлении в Македонии «усиленной агитационной деятельности»³¹. М. Н. Муравьев вы-

26 Ямбаев М. Л. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 317; Исаева О. Н. «Македонская смута»: взгляд русских консулов // Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 6. С. 112.

27 Вещий Олег [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 233.

28 Там же. С. 235.

29 Там же. С. 352.

30 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 7об.

31 Ямбаев М. Л. Болгаро-македонское революционное движение... С. 166.

сказал предположение о том, что лидеры революционного движения рассчитывают в непродолжительном времени поднять серьезное восстание среди македонцев в надежде этим путем вызвать европейское заступничество и побудить державы заняться устройством Македонии по примеру Критской автономии³². А. А. Башмаков, как сотрудник министерства, скорее всего, был осведомлен об этом заседании, и с этого момента его внимание было приковано к македонской проблеме. Летом 1899 г. ему удалось выяснить, что на 29 июня было запланировано всеобщее восстание в Македонии³³. Как он отметил в письме графу Игнатьеву, он узнал об этой дате «из конфиденциальных источников» — по всей видимости, из Болгарии.

5 июля 1899 г., взяв двухмесячный отпуск, А. А. Башмаков выехал из Петербурга. В разговорах с Н. П. Игнатьевым он, по-видимому, упоминал о готовящейся поездке, однако его начальству не было о ней известно: Башмаков не предал огласке своих целей и намерений и считался «якобы “отдыхающим”» где-нибудь за границей³⁴.

13 июля 1899 г. он сообщал Игнатьеву о своем приезде в Софию и писал, что останется в городе еще около недели, чтобы предварительно сориентироваться в делах и людях княжества, а затем намерен совершить основательную поездку вглубь Македонии³⁵. По приезде в Софию стало ясно, что сообщение о восстании оказалось неверным³⁶. Имевшихся у македонских революционных организаций средств было недостаточно для восстания, а тем более полного освобождения Македонии. Недостаточность этой подготовки, однако, весьма трудно было усмотреть из Петербурга.

В Софии А. А. Башмаков общался лично с представителями болгарской оппозиции, и хотя в письмах Н. П. Игнатьеву он не называет ни одного имени или партии, скорее всего, он имел беседы с представителями болгарской «Демократической партии» во главе с Петко Каравеловым: в книге «Болгария и Македония» он упоминает его как лидера оппозиционеров. Путешествуя по Болгарии, Башмаков знакомился с общественным мнением «посредством произведений печати, разговоров с государственными деятелями и вообще наблюдения над интеллигентами»³⁷.

32 Там же.

33 Возможно, выбор этой даты был связан с годовщиной выступления 29 июня 1895 г. под руководством Б. Сарафова.

34 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 12об.

35 Там же. Л. 12.

36 Там же. Л. 17 об.

37 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 67.

В самом начале августа А. А. Башмаков прибыл в Македонию и провел в Скопье 10 дней, как можно тщательнее изучая македонский вопрос³⁸. Для достижения этой цели он постарался расспросить наиболее видных представителей обеих партий, сербской и болгарской, записывая даже самые пристрастные и односторонние заявления обеих сторон³⁹. Результаты этого опроса в самых общих чертах изложены в книге «Болгария и Македония»⁴⁰.

Совершая свою поездку, А. А. Башмаков стремился как составить собственное представление о сущности «македонского вопроса», так и определить важнейшие действия России в случае всеобщего восстания в Македонии. В письме Н. П. Игнатьеву он признавался, что считал своим долгом «сделать посильное, чтобы содействовать исправлению наших несметных ошибок, можно сказать даже — исправлению самого курса русской политики на Балканском полуострове»⁴¹.

Как отмечал А. А. Башмаков в своем письме, с момента окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «игра сил» на Балканах крайне осложнилась, а политика России, по его мнению, напротив, сделалась пассивной и беспринципной⁴². Идея Сан-Стефанского договора перестала быть руководящей в российской политике. Вместе с тем дело освобождения Македонии, согласно Башмакову, не терпело промедления: «Когда наступит время ясного зрения, дело будет проиграно», — писал он, добавляя, что пока в Европе проходила Гагская мирная конференция, на Балканах усердно копалась могила для русского влияния среди южного славянства⁴³. Могила эта копалась уже не Англией и не одной только Австрией, а на сцену вполне определенно и недвусмысленно выступала имперская Германия⁴⁴.

А. А. Башмаков обстоятельно обрисовал Н. П. Игнатьеву геополитическую ситуацию на Балканах в связи с экономическим проникновением Германии в этот регион. Летом 1899 г. особое беспокойство в болгарском обществе вызывало подписание договоров государственного займа, заключенных Болгарией с группой немецких и французских банков. Согласно условиям этих договоров, насколько

38 Там же. С. 132–133.

39 Там же. С. 133.

40 Там же. С. 133–139.

41 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 12об.

42 Там же. Л. 13.

43 Там же.

44 Там же.

удалось выяснить тогда Башмакову, на определенный срок Болгария лишалась права брать займы у кого бы то ни было, а при неуплате срочных платежей магистральная линия болгарских дорог переходила в руки синдиката с правом болгарского правительства выкупить ее только через 25 лет⁴⁵. Такие условия займа, по справедливому замечанию публициста, создавали опасность овладения Германией всей железнодорожной линией от Берлина до Константинополя, а вместе со строительством дороги Конья — Багдад открывали перспективу окончательного завладения Малой Азией⁴⁶. Ряд болгарских государственных деятелей из оппозиции, с которыми А. А. Башмаков поддерживал связь, придерживались мнения, что Россия могла бы расстроить этот план. Согласно их взгляду, если бы русское правительство вовремя поняло значение этого дела и предложило заключение такого же займа на иных, продиктованных Россией условиях при посредничестве парижской биржи, все вышло бы иначе⁴⁷. Однако Башмаков не стал делать предположения о том, насколько справедливо было данное суждение. В своих «Письмах из Болгарии и Македонии» на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» (№ 199 и 201, 1899) он дал одно из первых указаний в русской печати на значение Багдадской дороги в связи с финансовым укреплением немцев на Балканском полуострове, а также упомянул, что и французские капиталисты поддерживали враждебные славянству цели. Немногим позднее обсуждение проекта этой железной дороги началось в газете «Новое время»⁴⁸.

Как отмечал А. А. Башмаков, болгарские оппозиционные силы открыто упрекали князя Фердинанда Кобурга в сознательном потворстве Австрии, игнорировании болгарских национальных интересов и в особенности измученной Македонии⁴⁹. Башмаков просил графа обратить особое внимание на то, что даже политически умеренные болгары единодушно упрекали Россию в том, что через своих дипломатов и консулов она играла роль как бы пособницы австрийских целей⁵⁰. Декларирование Россией политики «невмешательства» во внутренние дела Болгарии, по их мнению, привело к игнорированию положения

45 Там же. Л. 13об.

46 Там же. Л. 14.

47 Там же.

48 Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 291.

49 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 14.

50 Там же. Л. 14об.

вещей и слабой осведомленности в балканских делах. Собеседники А. А. Башмакова указывали на то, что России было не по плечу бороться с австрийскими и французскими консулами и агентами, прекрасно осведомленными и держащими в своих руках сложные нити целой сети негласных агентов, от которых они получали самые точные экономические, торговые и иные сведения о Балканах⁵¹. Кроме того, в Македонии Россия не желала стать на сторону какой-либо из борющихся там национальностей. Это было бы вполне разумно, если бы Россия действительно была нейтральной, рассуждали они, однако при этом русские консулы защищали в Македонии сербизм — такой упрек А. А. Башмаков слышал с разных сторон⁵². В частности, русский консул в Скопье В. Ф. Машков считался в Болгарии сербофилом⁵³.

Позднее, комментируя для Ф. Р. Остен-Сакена статью Н. Н. Дурново по македонскому вопросу, вышедшую в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1901 г., А. А. Башмаков напишет по этому поводу: «[Дурново] считает страну сербской и находит, что мы в ней поддерживаем болгаризм. Я же вижу, что это страна болгарская и что мы в ней поддерживаем сербизм, а болгаризм предали в руки палача»⁵⁴. Башмаков не сомневался: укрепление сербизма, произошедшее со времени сербско-болгарской войны 1885 г., всецело являлось результатом давления со стороны Австрии, которая толкала Сербию вниз по Вардару, «натравливая сербский элемент на болгарский»⁵⁵. Продолжение такого курса, по его мнению, привело бы лишь к повторению братоубийственной войны. Публицист был убежден, что равновесие в территориальных вопросах на Балканах могло быть достигнуто только в том случае, если бы болгарский народ стремился к преобладанию на Эгейском море, сербский — на Адриатике, а русский — на Черном море⁵⁶.

Именно поэтому роль России, по мнению А. А. Башмакова, должна была состоять в поддержке болгар также против сербов, а не только против греков в южной части Ускюбского (Скопийского) и

51 Там же.

52 Там же. Л. 14об.—15.

53 *Вещий Олег* [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 159.

54 РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1400. Л. 5об.

55 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 15.

56 Македония и македонский вопрос с точки зрения русского путешественника (корреспонденция из Петербурга) // *Славянский век*. Вена, 1900. № 3. С. 12.

в Битоляском вилайетах; поддержка же сербизма была не чем иным, как козырем в игре Австрии⁵⁷. Русское правительство, продолжал он, не осознавало этой задачи. Однако Башмаков не исключал и того, что пассивная позиция России была обусловлена «непомерным объемом тех уступок», на которые она пошла в секретном соглашении с Австрией о разграничении сфер влияния в 1897 г.⁵⁸ Следует отметить, что публицисту не были известны смысл и сущность достигнутых русско-австрийских договоренностей, поэтому он неверно передает их условия. Соглашение предполагало не разграничение сфер влияния, а возможно более длительное сохранение на Балканах status quo, а в случае его нарушения — «справедливый» раздел территорий. О российском влиянии на Балканах в соглашении речи не шло.

А. А. Башмаков не верил, что в случае восстания в Македонии Россия сумеет вовремя сориентироваться в вопросе. Он считал, что русская дипломатия стояла на ложном пути, когда стремилась «к подавлению совершенно неудержимого роста самой жизни» в Македонии⁵⁹. Россия должна была поставить македонский вопрос на очередь, не опасаясь войны: этот вопрос, с точки зрения Башмакова, подобно Критскому, мог быть урегулирован без пролития крови, тем более что война с Россией для Турции была бы немислима⁶⁰.

«Если же будем продолжать идти той же ложной дорогой, то мы натворим страшное зло, — продолжал он. — Австрия пойдет совершенно последовательно вперед, разрушая в Македонии одновременно и болгарскую народную стихию, и православие»⁶¹. По мнению Башмакова, в Призрене, Тетово, Гостиваре и Дебре в результате «зулумов» и окатоличивания лет через 10 могло дойти до того, что «православных не будет вовсе в этих округах, и Россия не будет иметь никакого основания предлагать свою защиту там, где не будет ее единомышленников...»⁶². Единственным средством борьбы с этим явлением он считал учреждение большего числа русских консульств в македонских вилайетах, а также должности российского настоятеля консульской церкви в Скопье⁶³.

57 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 15–15об.

58 Там же. Л. 15об.

59 Там же. Л. 16об.

60 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 162.

61 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 16об.

62 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 154–155.

63 Там же. С. 150, 155.

А. А. Башмаков был солидарен с одним из видных деятелей Внутренней Македонско-Одринской организации (ВМОРО) Ризо Ризовым в отношении подхода к решению македонского вопроса. Три главных положения его программы — недопустимость разделения Македонии; разрешение вопроса о церковной распре, т. е. об отношениях патриархии к экзархату в македонских приходах только по достижении автономии; необходимость скорого дипломатического вмешательства с целью устроения автономии — Башмаков представил Н. П. Игнатьеву в своем письме, отметив, что программа Ризова разумна и достижима, а кроме того, согласна с российскими интересами⁶⁴.

Во время восстания сам Башмаков предполагал стать посредником между российскими официальными представителями и повстанцами для скорейшего достижения умиротворения⁶⁵. Он отмечал, что если ему предложат принять участие в выработке положений мира, он с радостью предложит свои услуги своему начальнику⁶⁶ (т. е. директору II Департамента МИД Н. А. Малевскому-Малевичу. — *М. Б.*).

Восстания, однако, не произошло. В Македонии все было тихо. «Лукава эта тишина, — писал А. А. Башмаков, — под ней скрывается готовая вспыхнуть буря»⁶⁷. Если так будет продолжаться все лето, писал он, то ему придется со вздохом вернуться к 5 сентября, когда закончится его отпуск, «под чиновничье ярмо, быть может, как раз тогда, когда вспыхнут великие события», в которых он бы столь жаждал принять участие как преданный сын России⁶⁸. Башмаков все же надеялся, что как только в Македонии вспыхнет восстание, Россия не сможет оставаться пассивной в силу солидарности русского народа с македонцами, а одно слово русского царя задержит дальнейшее кровопролитие.

В том же письме он отмечал, что если не будет никаких событий, он надеется оказать пользу тем, что изучит этот край, соберет как можно больше данных и напишет осенью подробный доклад, который Н. П. Игнатьев, быть может, сочтет возможным довести до сведения императора. «Я с доверием излагаю Вам этот план, граф, надеясь, что Вы воспользуетесь моими сведениями для того, чтобы поспособствовать оздоровлению нашей политики»⁶⁹, — писал он ему.

64 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 16–16об.

65 Там же. Л. 18.

66 Там же.

67 Там же. Л. 17об.

68 Там же.

69 Там же. Л. 18–18об.

28 августа 1899 г. А. А. Башмаков писал Н. П. Игнатьеву из Софии, что объездил Македонию «и вкривь и вкось»: из Скопье направился в Велес и оттуда совершил экскурсию в 30 верст в западном направлении; затем отправился в Солунь, а оттуда в Битолю по железной дороге; из Битолы в экипаже — через Прилеп, Плетварский перевал в Тиквеш, а оттуда — 150 верст верхом через самые малопроезжие горы, города Штип и Эгри Паланку (совр. Крива-Паланка) перешел на дорогу Кюстендил — София и вернулся в Болгарию⁷⁰. В качестве цели своего путешествия А. А. Башмаков предусмотрительно обозначил скопийскому валию Хафыз-паше разыскание родственников покойного российского консула в Бейруте К. Д. Петковича, который был родом из окрестностей Велеса (село Башино) и был женат на Вере Андреевне Петкович, которую Башмаков в письме Н. П. Игнатьеву называет своей родственницей⁷¹. Башмаков «воспользовался этим прекрасным предлогом», чтобы отнять у турок всякий повод к задержанию его исследований⁷². О пребывании в окрестностях Ново Село близ Велеса он писал Н. П. Игнатьеву: «Турецкие власти, перед которыми я успел себя так поставить, что со мною обращались как с русским сновником, имеющим Бог знает какие тайные задачи, трепетали за мою жизнь и снарядили со мной, во-первых, целый кавалерийский вывод (7 конных суварий) и затем подняли на кон албанских бекчиев целой казы, которые целую ночь шарили по горам, дабы не было какой-либо засады и не задумал кто-либо из их же коллег пустить мне шальную пулю, на основании местных обычаев»⁷³.

Путешествие по Македонии позволило А. А. Башмакову прийти к выводу о том, что славянское население этой страны по характеру было преимущественно болгарским и использовало этнонимы «бугаре» и «българе».

Он был поражен той легкостью, с которой понимал местную речь, а жители понимали тот болгарский литературный язык, которым путешественник владел к тому моменту почти 20 лет⁷⁴. Это впечатление усиливалось тем, что, предварительно изучив печатные образцы македонского

70 Там же. Л. 6, 7.

71 Петковичи действительно являлись дальними родственниками Башмаковых: младший брат К. Д. Петковича Андрей Дмитриевич был женат на Варваре Аркадьевне, двоюродной сестре А. А. Башмакова по отцу.

72 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 60б.

73 Там же.

74 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 183–184.

наречия, А. А. Башмаков составил себе представление о разговорном языке македонцев как о трудном и малопонятном жаргоне, а на деле общение с македонцами было таким же легким и плавным, как будто разговор происходил где-нибудь в Болгарии⁷⁵. Он отмечал, что в Македонии попадались постоянные сербизмы, хотя их было немного⁷⁶.

Когда А. А. Башмаков имел дело с турками или албанцами, научившимися говорить на славянском языке вследствие соприкосновения с местным населением (среди них — велесские извозчики, конные «сувари» его конвоя и албанские полевые сторожа), то убеждался, что они обращались к македонцам на чистом болгарском языке⁷⁷. Раз они освоили болгарский язык, рассуждал Башмаков, значит, этот язык есть родной язык местного населения. Мусульмане славянского происхождения, встречавшиеся Башмакову, также говорили на болгарском языке.

Немаловажным в македонском вопросе А. А. Башмаков считал и психологический момент: в то время как сербы относились к македонскому восстанию враждебно, предпочитая видеть Македонию скорее под управлением турок, нежели болгар, последние готовы были идти на всевозможные жертвы, чтобы освободить своих братьев⁷⁸. Публицист писал Н. П. Игнатьеву, что в то время только болгары стремились к освобождению Македонии, не требуя даже ее присоединения к княжеству, а домогаясь только учреждения автономной области. «Сербы, напротив, служат орудием оттоманских козней против болгар, — утверждал Башмаков. — Они отлично сознают, что при освобождении области через пять лет следа не останется от сербской пропаганды. Поэтому турки нужны сербской пропаганде в Македонии, и наоборот, она нужна туркам»⁷⁹.

Интересно, что, признавая в открытой печати исключительную сложность македонского вопроса, в частном письме Н. П. Игнатьеву Башмаков выражал уверенность в том, что столь обострившаяся в регионе сербско-болгарская распря не имела серьезного основания: «Сербские притязания весьма велики и даже дерзки, но, по-моему, они совершенно вздорны»⁸⁰, — писал он. Между тем, полагал он, отчасти

75 Там же. С. 184.

76 Там же. С. 185.

77 Там же. С. 186–187.

78 Македония и македонский вопрос... С. 12.

79 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 8–8об.

80 Там же. Л. 7об.–8.

по остатку лобановских традиций, отчасти по случайному стечению личных симпатий российских консулов сербская пропаганда в Македонии именно в последних находила существенную поддержку⁸¹.

Русская власть, по мнению А. А. Башмакова, должна была быть нейтральна в этой распре, т. е. открыто не выступать в поддержку ни одной из сторон. Однако для того чтобы ориентироваться в вопросе об освобождении Македонии, необходимо было «знать и не терять из виду, что болгары правы более, нежели сербы»⁸². Активно вмешиваться в дела Македонии, не выступая против сербов, но и не защищая их — такой вектор российской политики Башмаков полагал непреложным. Он был уверен: одним фактом освобождения Македонии Россия бы разрушила все надежды сербской пропаганды, что стало бы самым убедительным осуждением нравственной несостоятельности последней⁸³.

Отмечая, что в Македонии имя Н. П. Игнатъева вызывало особое уважение, А. А. Башмаков просил графа помочь делу освобождения этой страны, тем самым завершив начатое в 1878 г. Насколько он успел убедиться за время своей македонской поездки, созданный инициативой графа Игнатъева Сан-Стефанский договор действительно верно и справедливо определял границы расселения болгар⁸⁴. В своем докладе, читанном в Императорском Русском географическом обществе, Башмаков позднее выскажет ту же мысль: «Глубокая правда поэтому была в Сан-Стефанском договоре, создавшем целокупную Болгарию со включением в нее Македонии»⁸⁵.

План освобождения Македонии А. А. Башмаков представлял без применения военной силы, с чисто формальным введением русского корпуса в ближайший к Македонии болгарский округ — Кюстендильский — для оказания давления на Турцию. Для осуществления этого плана нужно было войти в тайные переговоры с Фердинандом. «Как бы он ни был подозрителен, с точки зрения готовности выдать все тайны Австрии, как бы глубоко ни был он предметом отвращения всех болгар, тем не менее, он все же их князь, и тут ничего не поделаешь»⁸⁶, — писал Башмаков. Во время переговоров следовало предложить ему внезапную, примерно в недельный срок, оккупацию

81 Там же. Л. 8.

82 Там же.

83 Там же. Л. 8об.

84 Там же. Л. 7об.

85 Македония и македонский вопрос... С. 12.

86 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 9.

русскими войсками (корпусом в 50 тыс. чел.) Кюстендильского округа. «Из Кюстендила можно достигнуть Скопье в течение 16 часов; а Скопье есть стратегический ключ всей Македонии»⁸⁷, — отмечал Башмаков. Одновременно с оккупацией следовало «послать какого-нибудь великого князя поважнее, с весьма ценными подарками султану», чтобы оттенить, что Россия не желает воевать с Турцией⁸⁸. Как только русский корпус будет в Кюстендиле, писал Башмаков, Россия предложит Турции дать автономию Македонии. При этом Солунь, по его мнению, необходимо было выключить из состава Македонии, благодаря чему податливее стали бы и Турция, и Австрия.

Наконец, осуждая распространенное в России представление о Болгарии как о недружественной стране, А. А. Башмаков резюмировал в письме, что брать стамбуловщину за мерило всех российских отношений с Болгарией было столь же глупо и недальновидно, как бояться иметь дело с македонскими «комитаджи», потому, дескать, что они «революционеры» и питают склонность к динамиту и ручным бомбам⁸⁹. «На этих соображениях может быть построена только слабохарактерная политика, без целей, без идеалов, способная только унижить наш сверхъестественно-чудный престиж на Балканском полуострове»⁹⁰, — писал он.

В сентябре 1899 г., по возвращении в Петербург, А. А. Башмаков писал русскому государственному деятелю, этнографу Ф. Р. Остен-Сакену в связи с его желанием ознакомиться с результатами путешествия на Балканы. Публицист представил ему 14 своих корреспонденций для «Санкт-Петербургских ведомостей» (еще 3 на тот момент не были опубликованы)⁹¹ и кратко изложил свой план российских действий в отношении Болгарии и Македонии. Помимо упомянутой выше внезапной оккупации, по соглашению с Болгарией, Кюстендильского округа, для подкрепления требования о даровании автономии Македонии без кровопролития Башмаков предлагал еще две

87 Там же. Л. 9об.

88 Там же.

89 Там же.

90 Там же. Л. 10.

91 А. А. Башмаков направлял телеграммы о своих впечатлениях в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей» непосредственно из путешествия. 17 «Писем из Болгарии и Македонии» были опубликованы в газете осенью 1899 г., а их болгарский перевод вышел в македонском органе «Реформы» в Софии.

главные меры: проведение железной дороги Варна — Антивари и предоставление займа в 30 млн руб. Болгарии с тем, чтобы ее заем в 260 млн франков у немецкого синдиката был уничтожен⁹². Также он указал ряд дополнительных мер различного характера, среди которых: усиление православия в Старой Сербии и Македонии, открытие новых консульств, заключение с Болгарией почтовой конвенции, государственная монополия на поставку железа в Болгарию и расширение дела воспитания южных славян в России⁹³. К письму автор приложил две карты: железнодорожную и общую, на которой были отмечены его маршрут по Македонии и план строительства железнодорожной линии Варна — Антивари, которую, по его мнению, России было необходимо соорудить для усиления русского влияния и экономического отмежевания балканских государств от Австро-Венгрии (в деле карты отсутствуют). Необходимость строительства этой железной дороги не была еще общепризнанной в 1899 г.⁹⁴

По всей видимости, все эти предложения были высказаны А. А. Башмаковым и Н. П. Игнатьеву в их устной беседе о македонских делах, состоявшейся в начале ноября 1899 г. Он также показал ему некую книгу о военной топографии Македонии⁹⁵.

В том же месяце доклад А. А. Башмакова о Македонии был представлен государю императору, который отнесся к нему со вниманием⁹⁶. Вероятно, это было сделано, как и планировалось Башмаковым, с помощью Н. П. Игнатьева. А. А. Башмаков вспоминал, что благодаря этому докладу Россия провела мероприятия по финансовой поддержке Болгарского княжества «против закабаления его Австрией»⁹⁷. Надеемся, что дальнейшие исследования позволят выявить значение данного доклада и в отношении македонского вопроса.

* * *

А. А. Башмаков посетил Македонию накануне крупных политических событий начала XX в. в этой области: Горноджумайского и

92 РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1400. Л. 3.

93 Там же.

94 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 369.

95 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 3.

96 *Расловлев М.* Памяти А. А. Башмакова // *Возрождение: Литературно-политические тетради под ред. И. И. Тхоржевского*. Тетр. 4. Июль 1949 г. С. 164.

97 Там же.

Илинденского восстаний, наконец, начала реализации Мюрцштегской программы реформ. Собранные им этнографические данные и его оценка международной обстановки на Балканах позволили ему сформулировать свою позицию относительно оптимальной политики России в этом регионе. Отвергая возможность решения «македонского вопроса» с помощью реформ, считая их бессмысленными, публицист выступал за устройство в Македонии автономии дипломатическим путем. Свою позицию А. А. Башмаков стремился донести до властей через Н. П. Игнатьева и путем формирования общественного мнения. В силу первых впечатлений от поездки ему казалось, что в 1899 г. настал подходящий момент для устройства автономии, и он импульсивно предлагал Н. П. Игнатьеву идею о введении русского военного корпуса в Кюстендильский округ. Уже в 1902 г. он высказал более взвешенную точку зрения, отмечая, что не берется судить о том, созрели ли условия для совместных действий держав с целью устройства автономии, и что «без борьбы ничего не родится, тем более в политике»⁹⁸. Однако дальше предложения об автономии Башмаков не шел, не поднимая таких вопросов, как предоставление Македонии военной помощи от Болгарии или присоединение этой страны к Болгарии. Тем не менее почти целую главу своей книги он посвятил подробному описанию природного ландшафта Македонии⁹⁹, а по сути — ее военной топографии. На наш взгляд, это было сделано для военных, которые черпали сведения в том числе из открытых источников.

Идеи, которые были высказаны А. А. Башмакову болгарскими оппозиционерами (о ведущей роли железнодорожного строительства на Балканах и опасности германского «мирного проникновения» в этот регион, необходимости России выступить в качестве заимодателя Болгарии для противостояния германским и иным капиталам), были приняты им и сформулированы в виде мер по решению «македонского вопроса». Публицист верно спрогнозировал, что приобретение Германией концессии на Багдадскую железную дорогу, которое состоялось вскоре после его поездки на Балканы, в декабре 1899 г., станет крупным политическим и экономическим успехом правящих кругов Германии¹⁰⁰. Полученные им сведения о железнодорожном строительстве в труднодоступном горном районе Македонии на границе с Болгарией оказались полезными для болгарских оппозиционеров,

98 *Вещий Олег* [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 366.

99 Там же. С. 98–108, 114–118.

100 Подробнее об этом см.: *Туполев Б. М.* «Дранг нах Зюд-Остен»... С. 76.

которые, находясь в Софии, не имели информации о том, продолжалось ли сооружение турецким правительством железной дороги из Скопье до болгарской границы, которая должна была соединиться с дорогой Кюстендил — Радомир¹⁰¹.

В отношении решения «македонского вопроса» по критскому сценарию А. А. Башмаков был солидарен с македонскими революционерами и полагал, что Россия могла бы направить свою политику к сотрудничеству с теми организациями, которые ориентировались на Россию в вопросе об освобождении Македонии. Расширение сети российских консульств в Османской империи и поддержка православия в македонских вилайетах, предложенные А. А. Башмаковым в качестве мер поддержки христианского населения, берут свое начало от игнатьевских традиций в этом регионе.

Как удалось убедиться А. А. Башмакову, арсенал российских средств влияния и информирования на Балканах был крайне беден по сравнению с конкурирующими державами. Действительно, работа по сбору политических сведений на Балканах была возложена главным образом на российских консулов, и этих сил явно не хватало. Вместе с тем российское Министерство иностранных дел довольно скептически относилось к такого рода информации. Обстоятельные отчеты российского консула А. А. Ростовского из Македонии 1903 г. в министерстве толком не читались¹⁰². Показательны в этом смысле и опасения Башмакова за собственную карьеру: не только его сведения были невостребованными во внешнеполитическом ведомстве, но и его поездка в целом могла стоить ему карьеры. «Каждая строка этого письма может погубить мою служебную деятельность»¹⁰³, — писал он Н. П. Игнатьеву.

К сожалению, большой пласт информации, полученный А. А. Башмаковым на месте, не попал в печать. Его книга «Болгария и Македония», безусловно, выиграла бы в силу информационного воздействия, если бы все эти данные были включены в текст. Однако автор намеренно не приводит тех сведений, которые, по его мнению, могли бы запутать читателя, при этом оставаясь искренним во всех своих убеждениях. Позиция А. А. Башмакова по македонскому вопро-

101 *Вещий Олег* [Башмаков А. А.]. Болгария... С. 305.

102 *Ямбаев М. Л.* «Мне сердечно жаль македонских славян, но...» (А. А. Ростовский в Македонии. Начало XX в.) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 298.

103 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2388. Л. 12об.

су была чрезвычайно близка позиции П. Н. Милюкова, посетившего Македонию незадолго до него — в 1898 г. Примечательно, что оба публициста слышали от простых македонцев почти дословно совпадающие фразы: в варианте, услышанном П. Н. Милюковым — «Ние сме българи. Кога ще дойде Русия да ни освободи?» («Мы болгары. Когда придет Россия и освободит нас?»)¹⁰⁴; и «Камо да дойде, да ни освободи Русия!» («Пусть придет и освободит нас Россия!»)¹⁰⁵ — А. А. Башмаковым. В письме Н. П. Игнатьеву он обращал внимание графа на любовь и приверженность простых македонцев к России. Это заставляло Башмакова верить, что неофициальным кругам — македонской «народной стихии», борющейся за независимость, и русской, всем сердцем сочувствующей ей, — удастся изменить курс дипломатии великих держав, когда встанет вопрос о судьбе Македонии.

С 1902 г., после Горнодзюмайского восстания, российская политика на Балканах активизировалась, но не в том варианте, какой предполагал и желал Башмаков: она по-прежнему была направлена на понуждение Османской империи к реформам. Однако сохранение на Балканах мира и status quo как таковых, по А. А. Башмакову, не могло быть целью российской политики, поскольку из своей поездки он вынес впечатление, что «мир» в Македонии невозможно сохранять сколько-нибудь продолжительное время. В этом заключается принципиальное расхождение позиции Башмакова и официального курса российской дипломатии в то время. Расхождение во взглядах на Мюрцштегскую программу реформ с министром иностранных дел В. Н. Ламсдорфом предопределило уход А. А. Башмакова из ведомства в 1904 г.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
Российский государственный исторический архив (РГИА).

Бурбыга В. А. Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн (1908–1912 гг.) // Македония: Проблемы истории и культуры / Институт славяноведения РАН; [отв. ред. Р. П. Гришина]. М.: [б. и.], 1999. С. 123–141.

104 *Германов С.* Руски пътешественици... С. 247.

105 *Вещий Олег [Башмаков А. А.]*. Болгария... С. 320.

Вещий Олег [Башмаков А. А.]. Болгария и Македония. СПб.: тип. Спб. печ. и писчеб. дела «Слово», 1903. VIII, 386 с.

Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII — начало XX в. / [авт. коллектив: В. А. Георгиев, Н. С. Киняпина (отв. ред.), М. Т. Панченкова, В. И. Шеремет]. М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1978. 434 с.

Германов С. Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII век до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос: Книга първа. София: Македонски научен институт, 1993. С. 237–274.

Елдъров С. Забравеният юбилей: 150 години от рождението на Александър Александрович Башмаков // Македонски преглед. 2009. Год. 32, кн. 4. С. 129–142.

Исаева О. Н. «Македонская смута»: взгляд русских консулов // Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. Вып. 6. С. 101–118.

Йолов И. Руски автори за България и Сърбия в македонския конфликт 1885–1917 г. София: Българска духовност, 1999. 138 с.

Македония и македонский вопрос с точки зрения русского путешественника (корреспонденция из Петербурга) // Славянский век. Вена, 1900. № 3. С. 10–13.

Расловлев М. Памяти А. А. Башмакова // Возрождение: Литературно-политические тетради / под ред. И. И. Тхоржевского. Тетрадь 4. Июль 1949 г. Париж: La Renaissance, 1949. С. 161–165 (с. 163–165: *Башмаков А. А.* Письмо министру внутренних дел Н. А. Маклакову).

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / [под ред. Е. А. Адамова; сост. И. В. Козьменко]. М.: Госполитиздат, 1952. 462 с.

Смолин М. Б. Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // Проблемы национальной стратегии: [журнал] / Российский институт стратегических исследований. 2012. № 1 (10). С. 149–158.

Томсинов В. А. Александр Александрович Башмаков (1858–1943) // *Томсинов В. А.* Российские правоведа XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М.: Зерцало, 2007. Т. 2. С. 166–204.

Ямбаев М. Л. Болгаро-македонское революционное движение на рубеже XIX–XX вв.: Отношения Болгарии и официальной России // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII — начале XX в. / Институт славяноведения РАН; отв. ред. С. И. Данченко. М.: URSS: ЛЕНАНД, [2011]. С. 149–178.

Ямбаев М. Л. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребце Европы». 1878–1914 гг. / Ин-т славяноведения РАН; [редкол.: В. Н. Виноградов, В. И. Косик (отв. ред.)]. М.: Индрик, 2003. С. 297–321.

Ямбаев М. Л. «Мне сердечно жаль македонских славян, но...» (А. А. Ростовский в Македонии. Начало XX в.) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции / Институт славяноведения РАН; [отв. ред. И. В. Чуркина]. М.: [б. и.], 2004. С. 297–307.

Ямбаев М. Л. Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX — начале XX в. // Человек на Балканах глазами русских / Институт славяноведения РАН; [отв. ред.: Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин]. СПб.: Алетейя, 2011. С. 160–168.

Veščij Oleg [Bashmakov A. A.]. Bulharsko a Makedonie / z ruštiny přeložil Jan Wagner. Praha: E. Beaufort, Praha, 1903. 246 s.

References

Burbyga, V. A. “Rossiiskaia pečat’ o putiakh resheniia makedonskoj problemy nakanune Balkanskikh vojn (1908–1912 gg.)” *Makedoniia: Problemy istorii i kul’tury*, ed. by R. P. Grishina, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 1999, pp. 123–141.

Eldūrov, S. “Zabraveniia i jubilej: 150 godini ot rozhdenieto na Aleksandūr Aleksandrovich Bashmakov.” *Makedonski pregled*, year 32, book 4, 2009, pp. 129–142.

Germanov, S. “Ruski pūteshestvenitsi, ucheni i obshtestvenitsi za Makedoniia ot XVII vek do 1912 g.” *Izsledvaniia po makedonskiiia vūpros*, book 1, Sofia: Makedonski nauchen institut, 1993, pp. 237–274.

Iambaev, M. L. “Makedoniia v 1878–1912 gg.” *V ‘porokhovom pogrebe Evropy’. 1878–1914 gg.*, Moscow: Indrik, 2003, pp. 297–321.

Iambaev, M. L. “‘Mne serdechno zhal’ makedonskikh slavian, no...’ (A. A. Rostovskii v Makedonii. Nachalo XX v.)” *Professor Sergej Aleksandrovich Nikitin i ego istoricheskaiia shkola*. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, ed. by I. V. Churkina, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2004, pp. 297–307.

Iambaev, M. L. “Bolgaro-makedonskoe revoliutsionnoe dvizhenie na rubezhe XIX–XX vv.: otnosheniia Bolgarii i ofitsial’noj Rossii.” *Obshchestvennye dvizheniia u narodov Iugo-Vostochnoj Evropy i Rossii v XVIII — nachale XX v.*, ed. by S. I. Danchenko, Moscow: URSS, LENAND, 2011, pp. 149–178.

Iambaev, M. L. “Rossiiskie nabliudateli ob ētnicheskoi prinaldezhnosti naseleeniia Makedonii v kontse XIX — nachale XX v.” *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh*, ed. by R. P. Grishina, A. L. Shemiakin, Saint Petersburg: Aleteiia, 2011, pp. 160–168.

Ĭolov, I. *Ruski avtori za Būlgarii i Sūrbiiia v makedonskiiia konflikt 1885–1917 g.* Sofia: Būlgarska dukhovnost, 1999, 138 p.

Isaeva, O. N. “‘Makedonskaia smuta’: vzgliad russkikh konsulov.” *Slavianskii sbornik*, vol. 6, Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2003, pp. 101–118.

Kiniapina, N. S., editor. *Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii: konets XVIII — nachalo XX v.* Moscow: Nauka, 1978, 434 p.

Koz'menko, I. V., compiler. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917.* Moscow: Gospolitizdat, 1952, 462 p.

“Makedoniia i Makedonskii vopros s tochki zreniia russkogo puteshestvennika (korrespondentsiia iz Peterburga).” *Slavianskii vek*, no. 3, Vienna, 1900, pp. 10–13.

Raslovlev, M. “Pamiati A. A. Bashmakova.” *Vozrozhdenie: Literaturno-politicheskie tetradi*, ed. I. I. Tkhorzhevskii, tetrad' 4, iul' 1949, Paris: La Renaissance, 1949, pp. 161–165.

Smolin, M. B. “Stolypinskiĭ ideolog Aleksandr Aleksandrovich Bashmakov.” *Problemy natsional'noi strategii*, vol. 10, no. 1, 2012, pp. 149–158.

Tomsinov, V. A. “Aleksandr Aleksandrovich Bashmakov (1858–1943).” *Rossiiskie pravovedy XVIII–XX vekov: ocherki zhizni i tvorchestva*, by V. A. Tomsinov, vol. 2, Moscow: Zertsalo, 2007, pp. 166–204.

Veščij Oleg [Bashmakov, A. A.]. *Bulharsko a Makedonie*. Translated from Russian by J. Wagner, Praha: E. Beaufort, 1903, 246 p.

Veshchii Oleg [Bashmakov, A. A.]. *Bolgariia i Makedoniia*. Saint Petersburg: s. n., 1903, VIII, 386 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.03

Beklemisheva M. M.

**The Russian publicist Alexandre Baschmakoff
on the Macedonian question in letters and journalism (1899)**

Maria M. Beklemisheva

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovskiy Prospekt, 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: mariabekl@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6648-6395

Citation

Beklemisheva M. M. The Russian publicist Alexandre Baschmakoff on the Macedonian question in letters and journalism (1899) // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 33–59 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.03

Received: 21.09.2020.

Abstract

The article studies the views of the Slavophile Alexandre Baschmakoff on the essence and solution of the «Macedonian question» in 1899 developed in his book «Bulgaria and Macedonia» and archival letters to Count N. P. Ignatiev, the latter for the first time used as a historical source. Special aspects of the representation of facts in Baschmakoff's book and letters are highlighted. In addition the author documents the unofficial manner of his trip. It is shown that Baschmakoff sought to reach Macedonia by the time of the alleged general uprising and become a mediator between the rebels and official Russia. One of the main sources of information about the political situation in the region for him during the trip were testimonies of Bulgarian oppositionists, while his concept of ethnic composition in Macedonia was based on his own observations. The main attention in the work is paid to Baschmakoff's ideas about the necessary Russian foreign policy course in Bulgaria and Macedonia in 1899: in his opinion, the goal of Russian diplomacy should have been an establishment of autonomy in Macedonia avoiding war and an active foreign policy course towards the Balkans.

Keywords

Macedonia, the Macedonian Question, N. P. Ignatiev, Bulgaria, Russian foreign policy, late Slavophilism.

**Митрофан Иванович Ретивов: русский врач-эмигрант
о жизни болгарского села в 1920-е гг.**

Гусев Никита Сергеевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: gusevns@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Цитирование

Гусев Н. С. Митрофан Иванович Ретивов: русский врач-эмигрант о жизни болгарского села в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 60–77. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.04

Статья поступила в редакцию 01.12.2020.

Аннотация

В статье рассматриваются мемуары Митрофана Ивановича Ретивова о его жизни в 1920-е гг. в Болгарии. Оставшиеся в рукописи воспоминания были написаны вскоре после переезда из страны. Они рассказывают о судьбах русской эмиграции, рисуют картину ее горестного быта и постепенного разложения. Все это автор наблюдал, работая в русских больницах в Несебре и Лясковце. Также в мемуарах содержатся интересные сведения о жизни болгарских крестьян, с которой Ретивов был хорошо знаком — он служил врачом в нескольких селах (Меричлери, Сушице, Арчаре). Автор отмечает тягу к достижениям научной медицины наряду с сохранением традиций в поведении крестьян (коллективные визиты к врачу, нежелание раздеваться при осмотре, вера в знахарей) и их быту (скудные обстановка в домах и рацион питания, отсутствие интереса к искусству). В то же время Ретивову пришлось столкнуться со сложностями, вызванными местной бюрократией и конкуренцией со стороны болгарских коллег. Судьба автора воспоминаний в этом плане довольно показательна для русских врачей-эмигрантов в Болгарии — уже к концу 1920-х гг. большинство из них перебрались из сел в города или покинули страну. Потому в статье восстанавливается

жизненный путь М. И. Ретивова — уроженца донской станицы, в эмиграции жившего в Болгарии, Бельгии, Чехословакии, Парагвае и обретшего последний приют в Аргентине.

Ключевые слова

Русская эмиграция, Болгария, врачи, традиционное общество, крестьянство, быт, Ретивовы.

Русская эмиграция в Болгарии — довольно популярная тема в научной и научно-популярной литературе. Следует признать, что в самой Болгарии в нынешнее время она разрабатывается более активно, нежели в России¹. Однако в большинстве случаев исследователи фокусируют свое внимание на эмигрантских организациях или же персоналиях, живших в Софии и внесших заметный вклад в развитие болгарской столицы или болгарских культуры и науки². В то же время немалое количество русских беженцев оказалось в сельской местности, где они сталкивались с непривычными им образом жизни и традициями. Но поскольку мемуаристы в основной своей массе имели высокий уровень образования, ранее, как правило, жили в городах, то условия в болгарских селах казались им невыносимыми. А потому они в провинцию ехали редко. В результате воспоминаний эмигрантов о болгарском крестьянском быте немного.

Описываемые в данной статье записки М. И. Ретивова ценны тем, что автор почти шесть лет прожил в болгарских селах, где работал врачом. В 1969 г. в СССР были опубликованы воспоминания Б. Н. Александровского³, имевшего схожий опыт, но весь пафос его повествования направлен на обличение пороков западного общества,

1 См., например, хотя и не полный, но солидный справочник: Руска емиграция в България. 1878–2006: библиографски указател / съст. Е. Денева, С. Рожков. София, 2006.

2 Например, см.: Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919–1923 г. София, 1999; Косик В. И. Софии русский уголок. М., 2008; Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. София, 2016; Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018; Стоева Г. Руска военна емиграция и младежко движение в България и Кралство Югославия между двете световни войни: дисс. ... канд. ист. наук. София, 2020 и др.

3 Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969.

а потому болгарской сельской повседневности уделено незначительное внимание, к тому же ошутимо влияние «братского» дискурса тех лет на оценки увиденного⁴. Воспоминания же Ретивова писались в Брюсселе в 1928 г., всего через год после отъезда из Болгарии, и были адресованы внуку Алексею. А потому, основанные на свежих впечатлениях, не скованные цензурой, они представляют собой довольно любопытный и «откровенный» источник, рассказывающий о жизни болгарских крестьян и русских эмигрантов, к тому же не изданный и не введенный в научный оборот. Поскольку исследователи русской эмиграции на Балканах не упоминали в своих работах М. И. Ретивова, стоит обрисовать хотя бы в общих чертах его биографию.

Митрофан Иванович Ретивов родился в станице Кобылянской Области Войска Донского (ныне — Волгоградская область) в 1868 г. По окончании гимназии в Новочеркасске он поступил на медицинский факультет Московского университета, завершив учебу, отправился работать земским врачом Верхотурского уездного земства (ныне — Свердловская область), где одновременно состоял заводским врачом Богословского горного округа. Однако, понимая значимость образования для своих детей, Ретивов покинул этот регион и перебрался в Харьков. Здесь он занимал должность заведующего санитарным отделом Совета Съезда горнопромышленников Юга России, принимал активное участие в научной и общественной жизни города и страны, боролся с туберкулезом и малярией. «Словом, старался быть полезным своей Родине, своему народу, главным образом — крестьянину и рабочему», — как в старости он утверждал в одном из писем⁵. Революцию Митрофан Иванович встретил в Харькове, который покинул только накануне того, как большевики в третий и окончательный раз заняли

4 Остается малоизученной и сама деятельность практиковавших на селе русских врачей. В то же время об их городских коллегах и эмигрантах — преподавателях медицинского факультета Софийского университета существуют научные исследования, о них не единожды упоминают мемуаристы (напр., *Васильев К. К.* Эмиграция русских врачей в Болгарию // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2005. № 1. С. 59–62; *Ратиев А. Л.* То, что сохранила мне память. София, 1999. С. 543–548, 560–562; *Пчелинцева Т.* Русские врачи-белоэмигранты в Болгарии // Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова. М., 2013. С. 283–384).

5 Museum of Russian culture (San-Francisco). Mitrofan Retivov papers. Box 1. Folder 5. P. 5. (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 61. Ед. хр. 1).

город. К этому моменту один из его сыновей служил в Добровольческой армии, в ней же находилась со своим мужем его дочь, вскоре попавшая в плен к красным. В городе Ретивов оставался с женой, двумя дочерьми (младшей было 9 лет, старшая оканчивала медицинский институт) и вторым сыном, супругу которого, дочь богатого купца, уже ранее приходилось выкупать у большевиков. А потому, воспользовавшись случаем, 29 ноября 1919 г. герой настоящей статьи вместе с семьей покинул Харьков, надеясь вернуться туда через пару месяцев. Однако надеждам было не суждено сбыться.

Ретивов, везде находя работу по специальности, отступал вместе с Добровольческой армией и прошел весь ее путь — Ростов, Екатеринодар, Новороссийск, Крым. В октябре 1920 г. в составе госпиталя он эвакуировался из Севастополя на английском миноносце, который 1 ноября 1920 г. вошел в Босфор. В эвакуированной армии он вновь занял должность врача, но образ жизни русской эмиграции ему был неприятен. И когда Митрофан Иванович узнал, что его дочь собирается выйти замуж за русского врача, работающего в Болгарии, он решил переехать поближе к ней. 30 апреля 1921 г., в Великую субботу, он покинул Константинополь и через 2 дня прибыл в Софию.

Болгарская столица произвела на М. И. Ретивова благоприятное впечатление. Своей зеленью улиц и садов, тишиной она ему напомнила «один из провинциальных губернских русских городов». Как ему показалось, кириллические надписи, портреты русских писателей в витринах книжных лавок, улицы, названные в честь героев войны 1877–1878 гг., и памятник Александру II — «все это носило на себе печать влияния России, не советской, а прежней, которая искренне шла на Балканы для освобождения своих соплеменников». Здесь при помощи своего знакомого доктора А. фон Вейса Ретивов подал прошение о месте врача и встретил знакомого ему еще по Харькову известного писателя Е. Н. Чирикова. Благодаря последнему он сумел устроить сыновей в Чешский технический университет⁶, а младшую дочь — в Мариинский Донской институт в Югославии⁷.

6 В ГАРФ сохранились личная карточка и прошение старшего сына Сергея (р. 15 октября 1896 г.) о приеме на обучение на Русский юридический факультет в Праге от 17 июня 1923 г. (ГАРФ. Ф. Р5765. Оп. 2. Ед. хр. 780). Он, видимо, все же не пошел по технической стезе. Также в архиве наличествует учетная карточка Земгора на младшего сына, Георгия (р. 22 февраля 1898 г.) (ГАРФ. Ф. Р5764. Оп. 3. Ед. хр. 4862. Л. 1).

7 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 592. Л. 5–77.

Почти месяц длилось томительное ожидание назначения. Решение этого вопроса осложнялось тем, что, согласно законодательству страны, на государственную службу могли принять иностранца лишь в случае отсутствия болгарских претендентов на эту должность⁸. Но, как вспоминал другой эмигрант, в начале 1920-х гг. для русского врача устройство на работу «не представляло больших затруднений»⁹. Объяснялось это тем, что специалистов в данной сфере катастрофически не хватало. Сеть больниц и медицинских пунктов в 1920-е гг. в Болгарии расширилась, и потребность во врачах удвоилась¹⁰. Медицинский факультет Софийского университета только начинал свою работу, а в села, куда получившие за границей образование болгары не хотели ехать, срочно требовались дипломированные специалисты. В результате находившиеся на государственной службе или работавшие в частных медучреждениях медики составляли значительную часть русской эмиграции в Болгарии — 25% в 1920 г., а в 1927 — 27%¹¹.

Ретивов получил назначение в село Меричлери, находящееся в юго-восточной Болгарии. Здесь началось тесное знакомство русского врача-эмигранта с болгарскими крестьянами. По словам автора, село насчитывало около 300 дворов, в нем имелись прогимназия, две церкви и две мельницы. Однако оно не относилось к «оазисам», где дома крестьян были чисты и обустроены. Здесь жилища слабо освещались, в них был земляной пол, отсутствовала мебель, и взрослые, и дети спали на ковриках и циновках. «Спят, ходят, рожают, болеют и умирают на земляном полу», — вспоминал Ретивов. Питались жители села также скудно: «Боб (фасоль. — *Н. Г.*) каждый день, боб во всех видах». Мясо ели только по праздникам, яйца — весной, а овощи — в сезон. Вдобавок врачу бросилось в глаза, что крестьяне редко мылись. Обуславливалось это доходившим «до абсурда» страхом простудиться, потому что крестьяне и в жаркую погоду кутались в теплое платье.

8 *Кьосева Ц.* Примането на руските бежанци в България (1920–1923). Прагматизъм и емоции // България и Русия. Между признателността и прагматизма / отг. ред. Г. Марков. София, 2008. С. 308.

9 *Александровский Б. Н.* Из пережитого в чужих краях. С. 51.

10 *Пейковска П.* Русская интеллигенция в Болгарии в 20-е годы XX в.: социально-профессиональная структура // Историческая болгаристика (К 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева) / редкол. Е. Л. Валева, Т. В. Волокитина. М., 2016. С. 279.

11 Там же. С. 276.

В то же время, отмечал автор, «болгары охотно прибегают к услугам научной медицины», и, несмотря на ее дороговизну, регулярно ходят лечиться. Однако и здесь существовала своя специфика — на прием всегда приходили группой: старший, «закурив папироску», чинно рассказывал о симптомах больного. Тогда врач добился прекращения практики коллективных приемов, но сбор анамнеза был затруднен. На вопрос о том, что болит, часто звучал ответ: «Разве я знаю! Ты доктор и должен знать». В иных случаях больной жаловался на все сразу. Тогда доктор стал прибегать к хитрости — требовать в таком случае раздеться догола, и пациент сразу же локализовывал симптомы: «Нет нужды, сынок, мне раздеваться всей, у меня болит только левая нога». М. И. Ретивов, как и многие другие русские эмигранты, отмечал весьма щепетильное отношение болгар к целомудренности¹², считалось неприличным женщине раздеться даже перед доктором¹³.

Описанная сельская жизнь не устраивала врача, он подал прошение о переводе в другой населенный пункт, но получил отказ. Однако обнаружилось вакантное место в больнице Русского общества Красного Креста в прибрежном городе Несебре¹⁴. Здесь Ретивов плотнее ознакомился с жизнью русской колонии и увидел то, что сербский историк М. Йованович позднее назвал феноменом социального деклассирования и деградации эмигрантов, — трудовые навыки русских беженцев не соответствовали реальным потребностям балканских государств¹⁵. А потому в Несебре русский врач наблюдал генерала, занимавшегося межевой работой, полковника, пекшего пирожки для отдыхающих на море, казаков, зарабатывавших изготовлением кирпича, торговлей по селам или рыбной ловлей, к которой, по словам Ретивова, болгары не были привычны. «Словом, русская колония жила напряженной трудовой жизнью, очень прилично зарабатывала, ограничиваясь скромными потребностями», — вспоминал Митрофан

12 Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах // Русская Армия в изгнании / сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 200–201; Матвеева И. В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 494.

13 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 6–12.

14 Там же. Л. 38–45об.

15 Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / пер. с серб. А. Ю. Тимофеева; науч. ред. А. В. Громова-Колли, Е. В. Михайлова. М., 2006. С. 156.

Иванович. Лишь в праздники казаки устраивали застолья¹⁶. Аналогичную трудовую жизнь эмигрантов автор ранее наблюдал среди работающих на шахте неподалеку от Меричлери. Правда, там многие после полочки ехали в ближайший крупный город Пловдив, чтобы ее там прогулять: «Русская беспорядочная, широкая натура сказывалась и на чужбине»¹⁷.

В Несебре же наблюдалось другое печальное явление. Поначалу многие эмигранты верили в возобновление войны в России, потому создавали различные организации и сохраняли прежние связи. Так, донские казаки объединялись в станицы и хутора, возглавлявшиеся своими кругами и атаманами, имели свои суды. Некоторые станицы существовали как организации¹⁸, таким образом в Несебре возникла «Мессемврийская объединенная казачья станица имени генерала П. Н. Краснова». Но очевидная бесперспективность дальнейшего ожидания привела к разложению казачьей общины. Ретивов в январе 1922 г. в зале офицерского собрания пловдивского гарнизона наблюдал общеказачий съезд. Там он увидел, что все цеплялись за финансирование, а молодежь свергала авторитеты: «Как в СССР безграмотные безусые комиссары считали себя способными разрешать самые сложные государственные вопросы, так и здесь: молодежь иногда насильственно навязывала свое мнение станице»¹⁹. Вскоре колония растаяла — все уехали искать лучшей доли, и больницу перевели в небольшой город Лясковец близ Велико-Тырново.

В нем условия жизни эмигрантов, среди которых многие являлись инвалидами, оказались намного сложнее. Среди них был распространен туберкулез, 62% больных только раз в день ели горячую пищу, половина — жили по трое и более человек в комнате. Но началось сплочение эмигрантской общины — их объединяла тоска по России, в которую, как они поняли, скоро вернуться не получится. По этой же причине стала распространяться религиозность.

В Лясковец беженцы часто ходили в гости к своей соотечественнице, давно жившей в Болгарии, которой тогда было около 60 лет. Ее судьба ярко характеризует нравы болгарских крестьян того времени. Девушка, окончив киевскую консерваторию и получив предложение

16 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 18–24.

17 Там же. Л. 15.

18 *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы / пер. с болг., науч. ред. Е. В. Михайлова. М., 2008. С. 93.

19 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 26–29об.

о турне, влюбилась в болгарина, студента киевской духовной семинарии, вышла замуж и переехала на родину супруга. Там ее таланты не оценили: «Родители мужа, старозаветные болгарские крестьяне, сурово отнеслись к молоденькой пианистке и с первых дней ее приезда заставили ее нести черную работу: кормить свиней, доить коров, копать на огороде, в саду, жать в поле». Десять лет девушка не играла на фортепьяно, поскольку ни у кого рядом его не было. Затем, однако, муж купил инструмент, хотя не позволил учить детей музыке. Бывшая перспективная пианистка играла, когда в доме были гости, но болгарам это оказалось явно безразлично — они громко разговаривали и произносили тосты. Лишь русские эмигранты целенаправленно приходили послушать исполнение классических произведений. Через полгода после прибытия Ретивова больница в Лясковце была закрыта, и русские стали разъезжаться²⁰.

Автор воспоминаний весной 1923 г. получил приглашение в расположенное неподалеку село Сушица. Условия работы там не отличались от Меричлери, процветала вера в суеверия и в знахарей: «Было ясно, что народ пребывает во тьме». Но и желающих лечиться также было немало. К Ретивову ехали из соседних сел и округов, и его финансовое положение упрочилось, он стал отсылать деньги детям в Прагу²¹. В это время в Болгарии население считало русских врачей грамотными и хорошими специалистами, старалось попасть к ним на прием. Этому способствовало и отношение медиков к своему делу²². Но конкуренция с болгарскими коллегами все же была неравной. Пришлось с ней познакомиться и М. И. Ретивову. Ранее в Несебре, несмотря на ходатайство городских властей перед министром, он получил отказ в месте окружного врача из-за наличия болгарского кандидата²³, в Сушице же Митрофан Иванович почувствовал ревнивое отношение со стороны

20 Там же. Л. 38–46.

21 Там же. Л. 50–53об.

22 Такие примеры см.: *Вълчев М.* Руската емиграция в Харманлийска околия между двете световни войни // Империи и имперско наследство на Балканите. Сборник в чест на 70-годишнината на проф. Людмил Спасов / съст. Д. В. Димитров, С. Кацаров, Р. Пенджекова-Христева, Д. Борисов. Пловдив, 2019. Т. 2. С. 313–314; *Вълчев М.* Лекарите-белоэмигранти в Свиленградска околия между двете световни войни // Развитие на здравеопазването в Свиленград и региона. [Т.] 6 / ред. С. Елдъров. Свиленград, 2020. С. 104–128.

23 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 34.

начальника — местного уроженца. Тот старался выжить русского врача, желая получить его доходы. «Материальные соображения играли большую роль в неприязненных отношениях части болгарских врачей к русским коллегам. Всякое преуспевание русского врача в том или ином селе становилось предметом зависти со стороны молодых болгарских врачей», — вспоминал эмигрант²⁴. По этой причине он хотел сменить место работы. В данном случае успеху его желания способствовала активность в журнале «Народна просвета», куда М. И. Ретивов уже несколько лет регулярно писал статьи, пытаясь «быть полезным в деле санитарного просвещения народа, страна которого дала гостеприимный приют десяткам тысяч русских беженцев»²⁵. Он попросил редактора издания похлопотать о переводе и вскоре получил назначение в село Арчар близ Видина²⁶, куда выехал в начале весны 1925 г.

Дунай, обилие рыбы радовали Ретивова, выросшего на Дону, и его супругу, детство которой прошло на Волге. Своим отношением к больным он завоевал уважение среди местного населения, но сблизиться с ним не получалось. «Болгары живут со своими семьями уединенно. Своих родных и знакомых они посещают только во время больших праздников и в дни именин. Остальное же время семьи их сидят дома, а мужья проводят время в корчмах за политическими беседами», — констатировал автор. Отдушиной стало общение с видинским окружным врачом. Тот окончил реальное училище в Николаеве, университет в Киеве и сохранил теплые чувства к России. Под аккомпанемент супруги-румынки он регулярно пел песни вместе с Ретивовым. Однако и здесь жизнь была омрачена, в данном случае — главой местной администрации (кметом). По словам врача, власти часто были нечисты на руку, при этом в селе отсутствовали приличные школа, церковь и почта. «Многие жители села передавали мне, что ряд кметов и секретарей общины стали богатыми людьми, обворовав общину; что они изверились в своих общинских руководителях, ибо каждый последующий еще хуже предыдущего», — констатировал эмигрант²⁷. Впрочем, и о чиновничестве в целом Митрофан Иванович

24 Там же. Л. 51–51об.

25 Там же. Л. 25.

26 Тогда в Видине и его окрестностях жило немало донских казаков. Подробнее см.: *Вълчев Г.* Белая эмиграция в Видинской области // *Новый Журнал.* № 265. 2011. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/265/belaya-emigracziya-v-vidinskoj-oblasti.html> (дата обращения: 20.10.2020).

27 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 65–65об.

был нелестного мнения, поскольку не единожды с ним сталкивался: «Ничего более мучительного, как хождение по болгарским официальным местам, нельзя себе представить. Маленькая страна утонула в бумажном делопроизводстве <...> Один чиновник делал одно и брал за это деньги; другой говорил, что это не нужно было делать, но тоже брал деньги, говоря, что с нас неправильно и мало взяли»²⁸.

В конечном счете, кмет потребовал у своего начальства удалить русского врача, угрожая провести на подчиненной ему территории выборы так, что действующие власти их проиграют. В итоге нашли болгарского претендента на место Ретивова, и последний, в соответствии с законом, был переведен в другой населенный пункт, который мемуарист, однако, не назвал. Проработав там еще четыре месяца, 20 сентября 1927 г. Митрофан Иванович вместе с семьей покинул Болгарию, направившись в Брюссель.

На заданный себе риторический вопрос о возможности вернуться Ретивов отвечал категорически: «Нет! Опять обратно, в Болгарию? Ни за что! В эту грязь, мрак духовный? Ни за какие блага!» Объяснял это он тем, что народ невежественен, «хотя в правительстве Болгарии прилагают много стараний к его светскому просвещению»; бытовые условия тяжелы — грязные дома, паразиты, культурный досуг ограничен воскресными танцами «хоро» у молодежи, а у более взрослых — бесконечными разговорами в корчмах на политические темы. «Скаредность», по словам автора, проявлялась в постоянном стремлении обмануть, и «в болгарине отрицательные стороны берут верх над положительными, вот почему среди них и трудно жить»²⁹. Нельзя не признать, что заключения автора воспоминаний имеют под собой основу. Но он явно смотрел на ситуацию через призму негативного восприятия собственного положения. Почти все знакомство М. И. Ретивова со страной свелось к сельской жизни, где сохранялись многие архаичные черты быта, и села кардинально отличались от локомотивов модернизации Болгарии — ее динамично преобразующихся городов. Мемуарист же, хоть молодость и провел в сельской среде, все же являлся выпускником Московского университета, долго работал в промышленном и богатом Харькове, занимал высокие должности. Естественно, жизнь в болгарской глуши, где к тому же его амбиции было не реализовать, вызывала у Ретивова негативные чувства. Но огорчало и другое, что отмечали многие

28 Там же. Л. 35об–36.

29 Там же. Л. 66–68об.

эмигранты³⁰, — в Болгарии благодарность к России за освобождение испытывали только пожилые люди, остальные либо были об этом мало осведомлены, либо знали в пересказе публицистов, отрицательно относившихся к России³¹.

Вероятно, общее разочарование усиливалось и из-за тяжелых дум о собственном народе. Мысли о революции, поведении народа, которому, как считал Ретивов, он служил, проходят красной линией через мемуары. «Страшно признаться, но иногда зарождалось чувство недоброжелательства к своему родному народу, который из-за материальных благ, ради получения земли, леса и т. п. предал на поругание и носителя верховной власти и русской идеи — своего царя с его ни в чем не повинным семейством, и русскую интеллигенцию, беспощадно вырезанную большевиками», — признавался Митрофан Иванович³². Эти настроения усиливались и благодаря рассказу дочери о том, как ей в Харькове дали комнату в их бывшей квартире, где она наблюдала, как «народ» растаскивает их имущество, не заботится о работоспособности отопления и канализации, и ее же описанию «позора русской нации» — того, как в Большом театре «вскакивали и вытягивались бывшие царские генералы перед Лейбом Бронштейном, тогда военкомом, как перед ним склонялись знамена во время смотров»³³...

В Брюсселе Митрофан Иванович, видимо, не мог найти работу и перебрался в Парагвай. Возможно, выбор страны был обусловлен тем, что там уже работали известные ему по Болгарии врачи-эмигранты Е. Я. Тимченко и А. фон Вейс³⁴. Ретивов трудился в Красном кресте во время Чакской войны — конфликта между Парагваем и Боливией 1932–1935 гг. В ней же принимал участие и сын Митрофана Ивановича Сергей. В будущем он стал более известен как исследователь бассейна реки Конго³⁵. Однако герой настоящей статьи в конце 1930-х гг. перебрался в Европу — в Прагу, где тогда жил второй сын — Георгий. Тот, видимо, разделял правые взгляды отца, поскольку являлся видным деятелем эмигрантской организации «Национальный союз нового поколения» (будущий НТС). Его же сын Алексей, будущий

30 Каратеев М. Белогвардейцы... С. 173.

31 ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 67–67об.

32 Там же. Л. 35.

33 Там же. Л. 31–32об.

34 Васильев К. К. Эмиграция... С. 60.

35 Нечаев С. Ю. Русские в Латинской Америке. М., 2010. С. 73–74.

многолетний сотрудник «Голоса Америки»³⁶, служил в РОА³⁷. Понятное дело, что приход Красной армии в Чехословакию не сулил ничего хорошего подобной семье.

Как позднее рассказывал М. И. Ретивов, он поехал к дочке в Брюссель, а та для него как для гражданина Парагвая выхлопотала по линии Красного Креста возможность отправиться за океан. Уже в Парагвае в лекции «Встречи с русскими людьми “оттуда”», прочитанной перед русской колонией, он красочно описал обстановку в Праге во время ее освобождения, с воодушевлением рассказал о красноармейцах, но признал, что «дети великого русского племени» измелчали во всех смыслах, и с ужасом поведал о нравах НКВД³⁸. Но в Асунсьоне Митрофан Иванович долго не задержался. 2 декабря 1949 г. скончался живший в паргвайской столице его сын Сергей, а младший Георгий вместе с женой — дочерью Е. Н. Чирикова — и сыном жил в Нью-Йорке. И уроженец донской станицы перебрался в дочке и зятю в Аргентину, где в деревне Олега́рио Виктор Андраде 19 марта 1961 г. скончался³⁹.

Однако нельзя сказать, что в Латинской Америке Митрофан Иванович забыл о родине и смирился с ее утратой. Он написал пространные воспоминания о медицинском факультете Московского университета времен своего студенчества и на их основе — роман, а также мемуары «Этюды о России», рассказ о русских эмигрантах Парагвая. В письме редактору американского русскоязычного издания «Новый журнал» М. М. Карповичу он жаловался, что ничего из написанного не удалось напечатать⁴⁰. Ретивов утверждал, что помимо уже названных трудов подготовил произведения о русском

36 Умер Алексей Ретивов — ветеран Русской службы «Голоса Америки» // Голос Америки. URL: <https://www.golosameriki.com/a/retivov-obit-2010-10-20-105355983/189515.html> (дата обращения: 20.10.2020).

37 Татьяна Ретивова: «В эфире “Голос Америки”» // «Литература». URL: <http://literatura.org/non-fiction/3091-tatyana-retivova-v-efire-golos-ameriki.html> (дата обращения: 20.10.2020); Чирикова Новелла Евгеньевна // Лица русской эмиграции. URL: <http://rusgrave.tmweb.ru/card.php?id=1484> (дата обращения: 20.10.2020).

38 Museum of Russian culture (San-Francisco). Mitrofan Retivov papers. Box 1. Folder 12. (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 61. Ед. хр. 1).

39 Ibidem. Biographical note.

40 Однако отметим, что уже в XXI в. потомки М. И. Ретивова опубликовали часть его наследия, связанную с его работой в Харькове: *Ретивов М. Записки земского врача. Киев, 2018.*

земстве, городском самоуправлении, Ленине, Троцком, Сталине и т. д. Судя по пометкам автора письма, общий объем этих десяти работ составлял 1350 страниц. И это с учетом того, что в одном из черновиков письма он упоминает и другие работы⁴¹, воспоминания о Гражданской войне уже были переданы в Российский заграничный исторический архив в Праге⁴², а записки о Болгарии, видимо, остались в Праге, откуда затем попали в СССР⁴³!

Судьбу Митрофана Ретивова нельзя назвать простой, возможно, это определенным образом сказалось и на его взглядах. Все произведения, касающиеся периода до Гражданской войны, пронизаны ностальгией по России, которой не стало. Естественным образом, сельская Болгария, в которой Ретивов оказался на правах беженца, не могла покорить его сердце. Болгарский историк Ц. Кесева назвала несерьезным вывод сербского коллеги М. Йовановича о диссонансе между уровнем образования русских беженцев и болгарских крестьян как факторе, тормозящем адаптацию эмигрантов⁴⁴. Однако здесь важно разделять болгарские города и села. София еще с XIX в. приятно удивляла русских путешественников, и самому Ретивову город понравился. Но села и их жители в значительно меньшей степени были затронуты модернизацией. И описываемые мемуары говорят о правоте М. Йовановича — они пронизаны раздражением от архаичности мышления и быта пациентов-крестьян. Пусть автор в силу своих положения и взглядов рассматривал все в негативном ключе, но делал это он внимательно, благодаря чему «Шесть лет на службе в Болгарии. 1921–1927» являются весьма важным и интересным источником сведений не только о жизни русской эмиграции, но и о быте болгарской деревни 1920-х гг.

41 Ibidem. Box 1. Folder 5. P. 5–7.

42 Сохранилась и рецензия члена Ученого совета Русского заграничного исторического архива известного историка Е. Ф. Шмурло на рукопись. Благодаря заключению рецензента текст был принят в РЗИА: «Общее впечатление, повторяю, смешанное. Лично я на месте автора кое-что сократил бы, а на месте нашего Архива все же не отказался приобрести самую рукопись» (ГАРФ. Ф. Р5965. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 1–3).

43 На эту мысль наводит то, что остальной архив М. И. Ретивова хранится в Музее русской культуры Сан-Франциско.

44 Кесева Ц. Болгария... С. 12.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М.: Мысль, 1969. 374 с.

Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

Васильев К. К. Эмиграция русских врачей в Болгарию // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2005. № 1. С. 59–62.

Вълчев Г. Белая эмиграция в Видинской области // Новый Журнал. № 265. 2011. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/265/belaya-emigracziya-v-vidinskoj-oblasti.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Вълчев М. Лекарите-белоемигранти в Свиленградска околия между двете световни войни // Развитие на здравеопазването в Свиленград и региона. [Т.] 6: Сборник с научни изследвания от Седмата научна конференция / съст. Е. Митева, ред. С. Елдьоров. Свиленград: Исторически музей, 2020. С. 104–128.

Вълчев М. Руската емиграция в Харманлийска околия между двете световни войни // Империи и имперско наследство на Балканите. Сборник в чест на 70-годишнината на проф. Людмил Спасов. Т. 2: Ново време и съвремие / Пловдивски университет «Паисий Хилендарски», философско-исторически факултет, катедра «История и археология»; съст. Д. В. Димитров, С. Кацаров, Р. Пенджекова-Христева, Д. Борисов. Пловдив: б. и., 2019. С. 305–318.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / [пер. с серб. А. Ю. Тимофеева; науч. ред. А. В. Громова-Колли, Е. В. Михайлова]. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2006. 487 с.

Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах // Русская Армия в изгнании / [сост., предисл., коммент. С. В. Волкова]. М.: Центрполиграф, 2003. 512 с.

Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы / [пер. с болг., науч. ред. Е. В. Михайлова]. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. 312 с. (Ex cathedra).

Косик В. И. Софии русский уголок. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2008. 236 с.

Кьосева Ц. Приемането на руските бежанци в България (1920–1923). Прагматизъм и емоции // България и Русия. Между признателността и прагматизма: международна научна конференция: доклади / Институт по история на БАН, Форум «България — Русия»; [съст.: В. Тошкова, И. Марчева; отг. ред. Г. Марков]. София: Форум «България — Русия», 2008. С. 302–313.

Матвеева И. В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах 2003. М.: Индрик, 2004. С. 491–515.

Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. София: Камея Груп ЕООД, 2016. 246 с.

Нечаев С. Ю. Русские в Латинской Америке. М.: Вече, 2010. 320 с.

Пейковска П. Русская интеллигенция в Болгарии в 20-е годы XX в.: социально-профессиональная структура // Историческая болгаристика (К 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева). Сб. статей / редкол.: Е. Л. Валева (отв. ред.), Т. В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 270–284.

Пчелинцева Т. К. Русские врачи-белоэмигранты в Болгарии // Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова. М.: Новые печатные технологии: Синержи, 2013. С. 283–384.

Ратиев А. Л. То, что сохранила мне память. София: Изд-во Софийского ун-та им. Св. Климента Охридского, 1999. 681 с. (Белая эмиграция в Болгарии 1918–1945).

Ретивов М. Записки земского врача. Киев: Каяла, 2018. 112 с.

Руска емиграция в България, 1878–2006: библиографски указател / Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий», Център наукознание и история на науките на БАН, Руски акад. съюз в България; [съст. Е. Денева, С. Рожков]. София: Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий», 2006. 111 с.

Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919–1923 г. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999. 243 с.

Стоева Г. Руска военна емиграция и младежко движение в България и Кралство Югославия между двете световни войни: дис. ... канд. ист. наук. София, 2020. 214 с.

Татьяна Ретивова: «В эфире “Голос Америки”»: интервью / беседует В. Коркунов // Литература: электронный литературный журнал. № 181. Апрель 2021. URL: <http://litteratura.org/non-fiction/3091-tatyana-retivova-v-efire-golos-ameriki.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Умер Алексей Ретивов — ветеран Русской службы «Голоса Америки» // Голос Америки: [сайт]. 2010. 20 окт. URL: <https://www.golosameriki.com/a/retivov-obit-2010-10-20-105355983/189515.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Чирикова Новелла Евгеньевна // Лица русской эмиграции. URL: <http://rusgrave.tmweb.ru/card.php?id=1484> (дата обращения: 20.10.2020).

References:

Aleksandrovskii, B. N. *Iz perezhitogo v chuzhikh kraiaikh. Vospominaniia i dumy byvshogo émigranta*. Moscow: Mysl', 1969, 374 p.

Birman, M. A. *P. M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo*. Moscow: Vodolet, 2018, 444 p.

Deneva, E., and S. Rozhkov, compilers. *Ruska emigratsiia v Bŭlgariia. 1878–2006: bibliografski ukazatel*. Sofia: National Library St. St. Cyril and Methodius, 2006, 111 p.

Jovanović, M. *Ruskaia émigratsiia na Balkanakh: 1920–1940*. Translated by A. Iu. Timofeev, ed. by A. V. Gromov-Kolli, E. V. Mikhaïlov, Moscow: Biblioteka-fond Russkoe Zarubezh'e, Russkii put', 2006, 487 p.

Karateev, M. "Belogvardeitsy na Balkanakh." *Ruskaia Armia v izgnanii*, ed. by S. V. Volkov, Moscow: Tsentrpoligraf, 2003, 512 p.

Kosik, V. I. *Sofii russkii ugolok*. Moscow: PROBEL-2000, 2008, 236 p.

Kyoseva, Ts. "Priemaneto na ruskite bezhantsi v Bŭlgariia (1920–1923). Pragmatizŭm i emotsii." *Bŭlgariia i Rusiia. Mezhdū priznatelnostta i pragmatizma*, compilers V. Toshkova, I. Marcheva, ed. by G. Markov, Sofia: Forum Bŭlgariia — Rusiia, 2008, pp. 302–313.

Kyoseva, Ts. *Bolgariia i ruskaia émigratsiia: 1920–1950-e gody*. Translated from Bulgarian into Russian and ed. by E. V. Mikhaïlov, Moscow: Biblioteka-fond Russkoe Zarubezh'e, Russkii put', 2008, 312 p.

Matveeva, I. V. "Iz zhizni ruskoï émigratsii v Bolgarii: otryvki vospominanii." *Slavianskii al'manakh* 2003, Moscow: Indrik, 2004, pp. 491–515.

Mikhneva, R., et al. *'Malkata Rusiia' na zhŭltite paveta*. Sofia: Kameia Grup EOOD, 2016, 246 p.

Nechaev, S. Iu. *Russkie v Latinskoï Amerike*. Moscow: Veche, 2010, 320 p.

Pchelintseva, T. K. "Russkie vrachi-beloémigranty v Bolgarii." *Beloémigranty v Bolgarii. Vospominaniia*, ed. by V. V. Chumachenko, P. V. Chumachenko, S. A. Rozhkova, Moscow: Novye pechatnye tekhnologii, Sinerzhi, 2013, pp. 283–384.

Peïkovska, P. "Russkaia intelligentsiia v Bolgarii v 20-e gody XX v.: sotsial'no-professional'naia struktura." *Istoricheskaia bolgaristika (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia professora L. B. Valeva)*, ed. by E. L. Valeva, T. V. Volokitina, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2016, pp. 270–284.

Ratiev, A. L. *To, chto sokhranila mne pamiat'*. Sofia: University Press St. Kliment Ohridski, 1999, 681 p.

Retivov, M. *Zapiski zemskogo vracha*. Kiev: Kaiala, 2018, 112 p.

Spasov, L. *Vrangelovata armia v Bŭlgariia 1919–1923 g.* Sofia: University Press St. Kliment Ohridski, 1999, 243 p.

Stoeva, G. *Ruska voenna emigratsiia i mladezhko dvizhenie v Bŭlgariia i Kralstvo Iugoslaviia mezhdu dvete svetovni voĭni*. PhD thesis, Sofia, 2020, 214 p.

“Tat’iana Retivova: *V ěfire ‘Golos Ameriki’*, interview conducted by V. Korunov”. *Literratura: online literary magazine*, no. 181, Apr. 2021, <http://litteratura.org/non-fiction/3091-tatyana-retivova-v-efire-golos-ameriki.html>. Accessed 20 Oct. 2020.

“Umer Alekseĭ Retivov — veteran Russkoĭ sluzhby ‘Golosa Ameriki.’” *Golos Ameriki*, 20 Oct. 2010, <https://www.golosameriki.com/a/retivov-obit-2010-10-20-105355983/189515.html>. Accessed 20 Oct. 2020.

Vasil’ev, K. K. “Ėmigratsiia russkikh vracheĭ v Bolgariiu.” *Problemy sotsial’noĭ gigieny i istoriia meditsiny*, no. 1, 2005, pp. 59–62.

Vŭlchev, G. “Belaia ěmigratsiia v Vidinskoĭ oblasti.” *Novyi Zhurnal*, no. 265, 2011, <https://magazines.gorky.media/nj/2011/265/belaya-emigracziya-v-vidinskoj-oblasti.html>. Accessed 20 Jan. 2020.

Vŭlchev, M. “Lekarite-beloemigranti v Svilengradska okoliia mezhdu dvete svetovni voĭni.” *Razvitie na zdrapeopazvaneto v Svilengrad i regiona*, vol. 6: *Sbornik s nauchni izsledvaniia ot Sedmata nauchna konferentsiia*, compiler E. Miteva, ed. by S. Eldŭrov. Svilengrad: Istoricheski muzeĭ, 2020, pp. 104–128.

Vŭlchev, M. “Ruskata emigratsiia v Kharmanliĭska okoliia mezhdu dvete svetovni voĭni.” *Imperii i impersko nasledstvo na Balkanite. Sbornik v chest na 70-godishninata na prof. Liudmil Spasov*, vol. 2: *Novo vreme i sŭvremie*, compilers D. V. Dimitrov, S. Katsarov, R. Pendzhekova-Khristeva, D. Borisov. Plovdiv: Plovdivski universitet Paisiĭ Khilendarski, filosofsko-istoricheski fakultet, katedra Istoriiia i arkheologiia, 2019, pp. 305–318.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.04

Gusev N. S.

**Mitrofan Ivanovich Retivov: Russian emigrant doctor
about the life of a Bulgarian village in the 1920s**

Nikita S. Gusev

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: gusevns@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9573-7018

Citation

Gusev N. S. Mitrofan Ivanovich Retivov: Russian emigrant doctor about the life of a Bulgarian village in the 1920s. // Slavic Almanac. 2021. No 1–2. P. 60–77 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.04

Received: 01.12.2020.

Abstract

The article discusses the memoirs of Mitrofan Ivanovich Retivov about his life in the 1920s in Bulgaria. The unpublished memoirs were written shortly after moving out of the country. They tell about the fate of the Russian emigration, its difficult life and gradual decomposition. All this the author observed while working in Russian hospitals in Nessebar and Lyaskovets. The memoirs also contain interesting information about the life of Bulgarian peasants, which Retivov studied well — he served as a doctor in several villages (Mericleri, Sushitsa, Archara). The author notes the craving for the achievements of scientific medicine along with the preservation of traditions in the behavior of peasants (collective visits to the doctor, unwillingness to undress, faith in healers) and their everyday life (poor conditions in homes and diet, lack of interest in art). At the same time, Retivov had to face difficulties caused by local bureaucracy and competition from Bulgarian colleagues. The fate of the author of the memoirs is quite significant for Russian doctors-emigrants in Bulgaria — by the end of the 1920s, most of them moved from villages to cities or left the country. Therefore, the article reconstructs the life path of M. I. Retivov, who was born in Don stanitsa and then lived in exile in Bulgaria, Belgium, Czechoslovakia, Paraguay and found his last shelter in Argentina.

Keywords

Russian emigration, Bulgaria, doctors, traditional society, the peasantry, life, Retivov.

**Первая в СССР книга о Чехословацкой республике:
«Современная Чехо-Словакия» П. Н. Мостовенко**

Станков Николай Николаевич

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: stankov11@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Цитирование

Станков Н. Н. Первая в СССР книга о Чехословацкой республике: «Современная Чехо-Словакия» П. Н. Мостовенко // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 78–99.

Статья поступила в редакцию 01.10.2020.

Аннотация

В статье рассматривается книга «Современная Чехо-Словакия» Павла Николаевича Мостовенко, который с июня 1921 г. по февраль 1923 г. был советским представителем в ЧСР. Автор статьи предполагает, что Мостовенко начал работать над книгой весной 1923 г., сразу после возвращения из Чехословакии, по следам свежих впечатлений и располагая необходимыми материалами. В статье проанализированы все разделы книги, охватывающие широкий круг таких вопросов, как краткая история Чехии, образование Чехословацкой республики, ее социально-экономическое развитие, финансовая система, конституция 1920 г. и функционирование государственного механизма, ведущие политические партии, межнациональные отношения, внутренняя и внешняя политика. Книга Мостовенко явилась первым опытом освещения истории ЧСР с точки зрения коммунистической идеологии. В то же время отмечается, что целый ряд проблем развития Чехословакии в начале 1920-х гг. в книге Мостовенко освещен иначе, чем в документах Коминтерна и советской печати того времени. Автор статьи подчеркивает, что Мостовенко, основываясь на анализе международных отношений в Центральной Европе после Первой мировой войны, предвидел, что при сколько-нибудь существенном нарушении

равновесия сил в Версальской системе Чехословакия окажется первой жертвой, и ни Франция, ни союзники по Малой Антанте не придут ей на помощь, что и случилось в 1938 г.

Ключевые слова

П. Н. Мостовенко, Чехословацкая республика, Версальская система международных отношений, советская пропаганда.

В 1924 г. кооператив «Наука и просвещение» издал небольшую книгу «Современная Чехо-Словакия». Ее автором был бывший советский представитель в ЧСР Павел Николаевич Мостовенко. В прошлом профессиональный революционер, верный сторонник В. И. Ленина, которого он лично знал, один из руководителей восстания в Москве в октябре 1917 г., видный партийный и советский работник в апреле 1921 г. был назначен представителем РСФСР в Чехословакии. В феврале 1923 г. Мостовенко отозвали из Праги, но в штате Наркомата иностранных дел СССР он числился еще более полугода¹. Очевидно, в этот период Мостовенко начал работу над книгой о Чехословацкой республике, на что указывают статистические сведения и фактический материал, изложение которого доведено до начала 1923 г.

Трудно предположить, что явилось побудительным мотивом для бывшего дипломата взяться за перо и написать книгу для широкого круга читателей о стране, в которой он почти два года представлял советское государство — свежесть впечатлений и наличие под рукой необходимых материалов или необходимость показать читателю Чехословакию такой, как он ее видел, а не такой, как ее представляла в то время советская пропаганда.

В начале 1920-х гг. в советской печати от случая к случаю появлялись небольшие статьи о ЧСР. Автором многих из них был председатель Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Я. Салат-Петрлик, который по-своему интерпретировал события в ЧСР. Так, 27 июля 1920 г. газета «Известия» опубликовала его статью «Белый террор в Чехо-Словакии», где сообщалось об аресте чехословацких коммунистов: «Срываем маску с лица чешской буржуазии, которая за границей притворяется “демократической” и “благородной”, и открываем перед пролетариатом всех стран на-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 2. Л. 48.

готу ее классово-свирепости». Завершая статью, Салат сравнивал Чехословацкую республику с хортистской Венгрией: «Чехо-словацкая буржуазия начинает идти по стопам венгерской»². 8 августа в «Известиях» вышла очередная статья того же автора с характерным названием «Чехо-Словакия — пособник контр-революции»³, в которой выражалась уверенность, что наступавшая на Варшаву Красная армия, разбив «польских панов», «несомненно способствует и окончательному прояснению сознания чехо-словацкого пролетариата»⁴. Салат и другие находившиеся в Москве чехи-коммунисты перед отправлением Мостовенко в Прагу снабдили его информацией о ЧСР. Прибыв на место и ознакомившись с ситуацией, Мостовенко писал в Наркомат иностранных дел РСФСР: «Информация о Чехии, которую дал нам глава этих чехов т. Салат, не имела ничего общего с действительностью»⁵. Поэтому не без оснований Мостовенко говорил в одном из интервью: «Когда наша миссия прибыла в Чехословакию, мы имели лишь самое общее представление об этом государстве, а также о том, что в состоянии дать друг другу Советская Россия и Чехословацкая республика»⁶.

Пребывая на посту советского представителя в Праге, Мостовенко неоднократно писал в НКВД, указывая, что в советской печати в искаженном виде освещалось положение дел в ЧСР и ее внешняя политика. Уже в первых донесениях в Москву он возмущался тем, что в газетах «Известия» и «Новый мир» «усиленно подчеркивается алармистское трактование Малой Антанты, как наступательного союза против Сов[етской] России». В письме Чичерину 19 июля 1921 г. он отмечал: «Самая мысль заставить чехов воевать с любой Россией здесь представляется настолько нелепой, что алармизм в этом вопросе вызывает естественное подозрение обывателя: не есть ли это с нашей стороны выискивание повода для того, чтобы под благовидным предлогом обрушиться самим»⁷.

2 Салат Я. Белый террор в Чехо-Словакии // Известия ВЦИК. 27 июля 1920 г. № 164. С. 1.

3 Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация первоисточников.

4 Салат Я. Чехо-Словакия — пособник контр-революции // Известия ВЦИК. 8 августа 1920 г. № 174. С. 1.

5 Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 257.

6 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1977. Т. 2. С. 28. Док. 16.

7 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 73.

Спустя месяц Мостовенко вновь писал Чичерину, что «нахожу для нас политически невыгодным слишком плоско <...> толковать М[алую] Антанту чуть ли не, как, главным образом, наступательный союз против России». Он подчеркивал: «М[алая] Антанта своим главным острием обращена против Венгрии, ее основная задача — упрочение положения средне-европейских государств <...>»⁸. Поэтому представляется не случайным, что по завершении миссии Мостовенко взялся за написание книги о ЧСР.

В первом же разделе автор подчеркивал, что «политическое значение» ЧСР в послевоенной Центральной Европе «совершенно не пропорционально величине ее территории и количеству ее населения»⁹. Мостовенко отмечал высокий уровень экономического развития Чехословакии, ее союз с Францией и ведущую роль в Малой Антанте, широкие внешнеэкономические связи. Все эти факторы, а также «временный уход с политической арены» самого крупного государства в Центральной Европе — Германии, по мнению автора, существенно повышали «международное значение» Чехословакии и связывали ее «бесконечным количеством нитей» со всей жизнью Европы¹⁰.

В кратком обзоре истории Чехии (о словаках в исторической части книги не упоминается вовсе) Мостовенко указывал, что «чешский народ во все время своего исторического существования поставлен был в необходимость отстаивать свою культурную самобытность и государственную самостоятельность»¹¹. Он рассмотрел важнейшие вехи в развитии Чешского средневекового государства, а после утраты независимости — основные этапы национально-освободительного движения. В книге содержится позитивный отзыв о влиянии Чехословацкого национального совета на исход Первой мировой войны и его роли в создании ЧСР: «Эмигрировавшие из Чехии авторитетнейшие представители ее националистически настроенной интеллигенции уже во время войны вступили с Антантой в переговоры, отдали в распоряжение Антанты многочисленные чешские легионы, составившиеся из военнопленных русского и итальянского фронтов, и выговорили у Антанты образование, после победы ее, самостоятельной Чехо-Словацкой республики, как плату за эту услугу»¹².

8 Там же. Л. 136.

9 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. М.; Пг., 1924. С. 3.

10 Там же. С. 4.

11 Там же. С. 14.

12 Там же. С. 18.

Вместе с тем автор воздал должное и революционному движению. Образование Чехословацкой республики 28 октября 1918 г. он рассматривал как следствие революционной волны, докатившейся до Праги, подчеркивая, что это событие произошло «после революции в Вене и накануне революции в Германии»¹³.

Касаясь экономического развития страны, Мостовенко отмечал, что Чехословацкая республика располагала значительными природными богатствами и промышленными ресурсами. Занимая лишь пятую часть территории старой Австро-Венгрии, подчеркивал автор, Чехословакия «получила не менее 75% крупной австро-венгерской промышленности»¹⁴. Он приводил сведения по отдельным отраслям промышленности, оставшимся на территории республики после распада империи, о развитии сельского хозяйства¹⁵. Мостовенко писал, что с потерей австро-венгерского рынка Чехословакия «превратилась в типичную экспортную страну», для удовлетворения внутренних потребностей ее населения достаточно 20% общего промышленного производства, а для сбыта остальной продукции необходимы внешние рынки¹⁶. Столь значительная зависимость от экспорта привела к тому, что уже с 1920 г., по утверждению Мостовенко, «начал обозначаться промышленный кризис»¹⁷. Причины этого он видел в технической отсталости большей части промышленных предприятий Чехословакии по сравнению с другими странами, конкурировавшими с ней, и в провинциализме чехословацкой буржуазии, которой еще предстояло научиться работать в новых условиях¹⁸.

Важнейшей причиной утраты Чехословакией доступа на внешние рынки Мостовенко считал «валютный вопрос» в тогдашней Европе. В то время как чехословацкая крона с осени 1921 г. начала укрепляться (в течение одного года обменный курс поднялся со 100–110 до 27–30 крон за доллар), валюты соседних государств резко падали. В Германии, на которую в начале 1920-х гг. приходилось 32% внешней торговли ЧСР¹⁹,

13 Там же. С. 19.

14 Там же. С. 22.

15 Подробнее см.: Там же. С. 22–26.

16 Там же. С. 27.

17 Там же. С. 102.

18 Там же. С. 103.

19 *Dejpek J. Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky.* Praha, 2002. S. 47.

к осени 1922 г. произошло снижение валютного курса с 1,25 чехословацких крон за марку до 250 марок за крону, а к январю 1923 г. — до 1300 марок за крону. Тогда же случилась резкая девальвация австрийской кроны²⁰. Не столь катастрофически, но тем не менее упал курс валют Королевства сербов, хорватов и словенцев, Венгрии и Болгарии. В результате, отмечал Мостовенко, Чехословакия из-за высокого курса своей валюты оказалась «одним из самых дорогих пунктов европейского континента»²¹. К началу 1923 г. сильно сократился чехословацкий экспорт. Многие предприятия закрывались или работали ограниченное количество дней в неделю, день ото дня увеличивалась численность безработных, достигнув к январю 1923 г. 600–700 тыс. человек²². Правда, тут же автор ссылается на данные официальной статистики, которые были значительно ниже — 300 тыс. безработных, не считая работающих неполное число дней в неделю²³.

Еще одной серьезной проблемой тогдашней Чехословацкой республики Мостовенко считал межнациональные противоречия. Показательно, что раздел о межнациональных отношениях в ЧСР он назвал «Национальная борьба». Самым наболевшим национальным вопросом автор считал противостояние чехов и немцев. Вслед за революцией 28 октября 1918 г. богемские немцы, как писал Мостовенко, «устроили свою революцию», выступив с лозунгом самоопределения. И хотя в тот момент Чехословацкая республика «еще не определилась юридически», богемские немцы были объявлены мятежниками, их не допустили в Учредительное собрание ЧСР, к разработке и принятию конституции республики. По мнению Мостовенко, межнациональная рознь между чехами и немцами почти полностью повторяла «картину старой Австро-Венгрии, с той лишь разницей, что чехи и немцы поменялись местами»²⁴. Если раньше ущемлялся чешский язык, то в ЧСР та же участь постигла немецкий язык. «Та же картина парламентского саботажа и раздражающей своей мелочностью и повседневностью национальной грызни», — писал автор²⁵. На почве этой вражды осенью 1920 г. Прага пережила антинемецкий погром, когда беспорядочные толпы, не встречая сопротивления со стороны властей, громили все,

20 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 103–104.

21 Там же. С. 104.

22 Там же.

23 Там же. С. 105.

24 Там же. С. 31.

25 Там же.

что могло иметь отношение к немцам, отняли у них Ставовский театр, ворвались в здание старой ратуши, выбросили на мостовую и уничтожили хранившиеся там редкие документы²⁶. Причину чешско-немецкой вражды Мостовенко видел в чешском национализме, в деятельности Национально-демократической партии, которая энергично выступала «против каких-либо поблажек немцам» и успешно противостояла даже президенту ЧСР Т. Г. Масарику, когда он в 1921 г. пытался вернуть Ставовский театр немцам²⁷. В то же время на страницах книги ни слова не говорится о немецком национализме, о частых столкновениях на национальной почве в пограничных областях, где преобладало немецкое население, об образовании и активной античешской деятельности Немецкой национал-социалистической рабочей партии, по примеру которой была создана нацистская партия в Германии. Лишь кратко упоминается о Немецкой национальной партии и ее лидере Р. Лодгмане, и то в связи с обвинением Пражским судом члена партии А. Берана в государственной измене²⁸.

Мостовенко считал, что чешский национализм лежал в основе и всех остальных проблем в ЧСР. Отношения между чехами и венграми, проживавшими в составе республики, были «ничуть не лучше» чешско-немецких. Венгров подозревали в стремлении отторгнуть часть Словакии от ЧСР и восстановить монархию Габсбургов под главенством Венгрии²⁹.

Значительное внимание автор уделил положению Словакии и Подкарпатской Руси. Он подчеркивал, что, несмотря на заключение Т. Г. Масариком со словацкой эмиграцией в США 30 мая 1918 г. Питтсбургского соглашения, предусматривавшего создание чешско-словацкой демократической республики, в которой Словакия имела бы собственную администрацию, сейм, суды и словацкий язык стал бы официальным языком, эти условия власти ЧСР не выполнили. Когда же в конце 1921 г. словацкие клерикалы обратились к Масарику с упреком по этому поводу, то получили ответ, что данное соглашение было заключено «Масариком как частным лицом, и поэтому президент Масарик не может считаться с ним»³⁰. Мостовенко подчеркивал,

26 Там же. С. 31–32.

27 Там же. С. 32.

28 Там же. С. 32–33.

29 Там же. С. 33.

30 Там же. С. 34–35. Следует отметить, что на протяжении прошедшего столетия Питтсбургское соглашение и отношение к нему ру-

что Прага не только не выполнила условия Питтсбургского соглашения, но она «отрицает даже существование какой-либо словацкой нации и словацкого языка», официально признавая лишь чехословацкую нацию и чехословацкий язык, в действительности, по мнению автора, «не существующий». «Естественно, — писал он, — что попытка отрицать даже самое существование народа и его языка сама по себе уже способна искусственно создать национализм — на этот раз словацкий, как отпор национализму чешскому»³¹.

Отмечая различия в вопросах вероисповеданий между чехами-гуситами и словаками-католиками, Мостовенко считал вполне естественным, что провозвестниками словацкого национализма были словацкие клерикалы, ставшие наряду с коммунистами самой влиятельной партией в Словакии³². Автор утверждал, что «искусственно вскармливаемый чешской политикой словацкий национализм» являлся одним из поводов для ухудшения и без того непростых отношений между ЧСР и Польшей в 1921 г., когда Ф. Егличка создал в Варшаве «независимое» словацкое правительство³³.

Что касается Подкарпатской Руси, то Мостовенко считал, что Прага нарушила в отношении этого региона не только соглашение

ководства ЧСР, как и другие проблемы присоединения Словакии, остаются предметом дискуссии между чешскими и словацкими историками. См.: Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / отв. ред. В. В. Марьина. М., 2005. Кн. 1. С. 83; *Krajčovičová N. Slovenská historiografia po roku 1989 o začleňovaní Slovenska do I. ČSR. Nové pohľady a trendy // Česko-slovenská historická ročenka. 2003. Brno, 2003. S. 293–313; Krajčovičová N. Slovensko na ceste k demokracii. Bratislava, 2009. S. 17–48, 59–88; Rychlík J. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha, 2018. S. 203–205.*

31 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 34–35.

32 Там же. С. 35.

33 Там же. См. новейшие исследования о присоединении Подкарпатской Руси к ЧСР: *Губены Д., Круглова Н. Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2020. С. 86–95; Ироушек Б. Юридическая интерпретация связи Подкарпатской Руси с Чехословакией в толковании Вратислава Калоусека // Там же. С. 115–122; Шевченко К. В. Инкорпорация Подкарпатской Руси в состав Чехословакии в 1919 г. в оценках русинских деятелей и чешских чиновников // Там же. С. 96–114; *Rychlík J., Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha, 2016. S. 38–54.**

Масарика с русинской эмиграцией в Америке, но и Сен-Жерменский договор, предусматривавший автономию и максимальное самоуправление, а также конституцию ЧСР 1920 г.³⁴ Подкарпатская Русь не получила никакой автономии, не был созван местный сейм, и даже к моменту написания книги там не были проведены выборы в чехословацкий парламент, которые постоянно откладывались под различными предлогами. Область наводнили чешские чиновники и жандармерия, она существовала в ЧСР, подчеркивает автор, «скорее как оккупированная иноземная провинция»³⁵. Официальные же представители заявляли, что в карпато-русинском вопросе Прага не связана никакими обязательствами и он является исключительно внутренним делом Чехословакии. Результатом такой политики, отмечал автор, был «рост национального движения и мечты о каком-то ином выходе из положения»³⁶.

Завершая «картину деятельности и стремлений чешского национализма», Мостовенко касается положения еще одного национального меньшинства — шлонзаков (силезцев) в Тешине. Пока вопрос о Тешинской Силезии оставался нерешенным, чешские националисты заигрывали с шлонзаками, а после присоединения части Тешинской области к ЧСР во время переписи 1921 г. такое самоназвание было запрещено, и в результате почти все шлонзаки, отмечает Мостовенко, записались немцами³⁷.

Значительное внимание автор уделил освещению конституции 1920 г., государственного строя и политических партий Чехословакии. Мостовенко подчеркивал, что чехословацкая конституция 1920 г. — «одна из самых демократических в Европе», что ее демократический характер «выражен с весьма большой полнотой»³⁸. В то же время он усматривал в самой конституции и признаки нарушения или ограничения ее демократизма, указывая на двухпалатный парламент, а главное — на положения, относящиеся к национальному вопросу: «взамен принципа территориальной автономии отдельных национальностей, в конституции проводится полностью централизм управления»³⁹. Мостовенко считал, что в вопросах местного самоуправления чехосло-

34 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 36.

35 Там же. С. 38–39.

36 Там же. С. 39.

37 Там же. С. 39–40.

38 Там же. С. 41.

39 Там же. С. 42–43.

вацкая конституция «идет назад» по сравнению со старой австрийской конституцией⁴⁰, поскольку она уничтожила ряд отдельных земских сеймов, существовавших в прежние времена в различных областях чешских земель, а также особую земскую администрацию. Единственное исключение согласно конституции 1920 г. представляла автономия Подкарпатской Руси, но и она не была проведена в жизнь⁴¹.

Далее Мостовенко рассматривал на примерах взаимодействия парламента и правительства, как положения конституции воплощаются в политической практике. Отмечая, что правительственная коалиция состоит из пяти чехословацких партий (национальные демократы, аграрии, клерикалы, социал-демократы и национальные социалисты), он указывал на незначительное коалиционное большинство в парламенте, на чрезвычайно широкий политический спектр партий коалиции — от «крайних реакционеров и националистов, представителей крупного банковского капитала и владельцев крупных земельных латифундий⁴² до чешских социалистов», что «создает для правительства колоссальную работу, необходимую для согласования всякого законодательного проекта с требованиями каждой из партий коалиции»⁴³. Поэтому при обсуждении любого крупного законопроекта правительственная коалиция переживала кризис. Для урегулирования отношений правительства с парламентом была создана так называемая «Пятерка», которая состояла из представителей коалиционных партий и, несмотря на то, что она являлась неконституционным органом, по меткому замечанию Мостовенко, играла в государственном аппарате «роль первой скрипки». «Существование “Пятерки”, — подчеркивал автор, — как бы дорисовывает картину претворения демократической конституции в очень мало демократическую действительность»⁴⁴.

40 Очевидно, П. Н. Мостовенко имеет в виду Декабрьскую конституцию 1867 г.

41 *Мостовенко П. Н.* Современная Чехо-Словакия. С. 43.

42 Закон об отчуждении земли в пользу государства от 16 апреля 1919 г. устанавливал максимальный размер земельного владения в 150 га обрабатываемой земли и 250 га всей земли. Главным образом этот закон коснулся немецких и венгерских землевладельцев. Подробнее см.: *Kárník Z.* České země v ěře První republiky (1918–1938). Praha, 2003. D. 1. S. 455–458.

43 *Мостовенко П. Н.* Современная Чехо-Словакия. С. 44–45.

44 Там же. С. 49.

В книге Мостовенко не упоминалась другая влиятельнейшая группировка в политической жизни ЧСР, сложившаяся вокруг президента Масарика, — «Град»⁴⁵. Возможно, это свидетельствует о неполной осведомленности автора. Но и тот объем информации, которым он располагал, позволил ему сделать вывод, что «в наше время в капиталистическом буржуазном государстве любая, даже и самая демократическая конституция есть одна из форм, которой буржуазия всех видов и национальностей, принужденная мириться с демократическим поветрием времени, пользуется для организации своего влияния в государстве»⁴⁶.

Мостовенко считал, что в то время чехословацкая государственность находилась «на распутье», и с целью обеспечения политической стабильности 6 марта 1923 г. парламент принял закон «Об охране республики», который, по мнению автора, в действительности был направлен против коммунистов⁴⁷.

Обзор политических партий ЧСР Мостовенко начал, по его собственному определению, «с крайнего правого фланга правительственной коалиции» — с Национальной демократической партии (НДП) во главе с К. Крамаржем. Автор считал эту партию реакционной и националистической, защищавшей интересы крупного капитала. По его мнению, НДП, несмотря на незначительное представительство в парламенте (19 депутатов)⁴⁸, играла «руководящую роль в чешской экономической жизни» и в значительной степени направляла «линию политического поведения правительства»⁴⁹.

В отличие от НДП Чехословацкая народная партия, которую Мостовенко называет клерикальной, не играла активной роли в правительственной коалиции и громко заявляла о себе, лишь когда затрагивались «ее специфические интересы». После вступления «чешских клерикалов» (имеются в виду Я. Шрадек и Й. Доланский) в правительство Э. Бенеша в сентябре 1921 г. от партии откололось ее словацкое крыло⁵⁰.

45 Подробнее см.: *Klimek A. Voj o Hrad. 1. Hrad a Pětka. Vnitropolitický vývoj Československa 1918–1926 na půdorysu zápasu o prezidentské nástupnictví. Praha, 1996. S. 164–176.*

46 *Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 50.*

47 См.: Там же. С. 50–52.

48 Численность депутатов автор приводит по итогам выборов 1920 г.

49 *Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 56–57.*

50 Там же. С. 58.

Центром правительственной коалиции Мостовенко справедливо считал аграрную партию во главе с А. Швеглой⁵¹, правда, при ее описании, включавшем исторический экскурс, автору удалось уложиться в неполных одиннадцать строк.

Значительно больше внимания Мостовенко уделил Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (ЧСДРП), ее эволюции, внутрипартийной борьбе, завершившейся в 1920 г. расколом на правую и левую. Он считал, что ЧСДРП (имеется в виду правая) предала забвению прежние социалистические идеалы, что ее главное назначение состоит в том, чтобы «объяснять рабочим массам необходимость подчинения их классовых интересов так наз[ываемым] высшим соображениям государственного порядка», а вся ее политика строится на борьбе с коммунистической партией, образовавшейся на основе левой в 1921 г.⁵²

Несколько страниц Мостовенко посвятил Чехословацкой социалистической партии (ЧСП). Главную ее проблему автор видел в «пестром» социальном составе: членами партии являлись националистически настроенные рабочие, ремесленники, лавочники, чиновники и другие представители «мелкобуржуазного мещанства». В результате любой сколько-нибудь значимый законопроект, выносимый на обсуждение, вызывал «бурные столкновения внутри партии». Часть депутатов от ЧСП в парламенте проголосовала против закона «Об охране республики»⁵³.

Из немецких политических партий, которые Мостовенко в целом охарактеризовал как оппозиционные правительству и «в различной степени окрашенные в националистический цвет», автор рассмотрел лишь вкратце Немецкую социал-демократическую рабочую партию (НСДРП(Ч)), отметив, что по своей тактике она «значительно левее» чехословацких и германских социал-демократов. НСДРП(Ч) располагала достаточно большим количеством мандатов (29), но, несмотря на это, она не играла «сколько-нибудь значительной активной роли ни в парламенте, ни в стране», не считая постоянного голосования против правительственных законопроектов⁵⁴.

Мостовенко подробно останавливается на деятельности Коммунистической партии Чехословакии. Он отмечает, что становление партии

51 Там же.

52 См.: Там же. С. 59–61.

53 См.: Там же. С. 61–65.

54 Там же. С. 65.

происходило «в невероятно трудной обстановке», когда «сызнова пришлось строить сверху донизу свой собственный партийный аппарат» при отсутствии партийных фондов, когда в партию хлынули массы рабочих, находившиеся «на самой первой стадии коммунистического классового самосознания». Вследствие этих причин преобладающее влияние в партии вначале получила так называемая левая партийная оппозиция. Однако в скором времени, «разочарованные бесплодностью политики левых представителей оппозиции, рабочие массы быстро отошли от них и примкнули к тому крылу партии (Шмераль, Нейрат и Запотоцкий), которое полностью восприняло линию поведения III Коммунистического Интернационала». Мостовенко утверждал, что в то время КПЧ была крупнейшей партией Чехословакии и единственной партией Коминтерна, не считая РКП(б), «прочно сложившейся, изжившей фракционные трения внутри себя и имеющей перед собой ясную и твердую программу действий»⁵⁵.

Мнение Мостовенко о КПЧ, однако, не разделяло руководство Коминтерна. В год выхода книги, в июне — июле 1924 г., в Москве состоялся V конгресс Коминтерна, на котором председатель исполкома Г. Е. Зиновьев выступил с резкой критикой в адрес КПЧ⁵⁶. В «Тезисах по вопросам тактики» подчеркивалось, что КПЧ «не сумела до сих пор стать еще настоящей большевистской партией»⁵⁷. В связи с принятым конгрессом курсом на большевизацию коммунистических партий КПЧ предписывалось «прежде всего выправить теоретическую линию партии», подготовить партийные массы «идеологически и организационно для ведения решающей борьбы», «целиком стать на почву решений V конгресса и решительно их проводить», «оживить деятельность ЦК, сделать руководство более постоянным, напряженным и энергичным» и т. д.⁵⁸ В приветственном письме делегатам II съезда КПЧ (31 октября — 4 ноября 1924 г.) Зиновьев вновь обрушился с резкой критикой в адрес руководства партии. Он призывал КПЧ «покончить с провинциализмом» и выйти «на широкую дорогу действительного большевизма», требовал создания такого Центрального комитета, который был бы «большевистским не на словах, а на

55 Там же. С. 67.

56 См.: Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1925. Ч. 1. С. 84.

57 Там же. Ч. 2. С. 51.

58 Там же. С. 51–52.

деле», который бы «включил в себя свежие рабочие силы, раз навсегда положил конец “дипломатии”, словом двинул бы вперед дело коммунизма в Чехословакии»⁵⁹.

Противоположные оценки КПЧ Зиновьевым и Мостовенко объясняются не недостаточной осведомленностью последнего, а различными позициями по вопросам о положении в партии, о характере ее отношений с Коминтерном, что нашло отражение в телеграммах и письмах Мостовенко во время пребывания его на посту представителя РСФСР в Праге и вылились в острый конфликт с Зиновьевым⁶⁰.

Анализ международной политики ЧСР в книге Мостовенко начинается с так называемой «заграничной революции», когда Чехословацкий национальный совет в эмиграции во главе с Масариком задолго до событий 28 октября 1918 г. договорился со странами Антанты, прежде всего с Францией, об образовании самостоятельного чехословацкого государства. Автор отмечает благосклонность Антанты и в вопросе определения границ ЧСР: «К землям с преобладающим чешским населением были прирезаны пограничные территории Германии, Австрии и Венгрии с исключительно немецким и мадьярским населением»⁶¹. Эти обстоятельства, по мнению Мостовенко, во многом предопределили внешнюю политику чехословацкого правительства, ее зависимость от соблюдения мирных договоров и их главного гаранта — Франции. Он считал, что влияние Франции в первые годы существования ЧСР было всеобъемлющим, причем не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику молодого государства⁶². Такая зависимость от Франции, подчеркивал автор, со временем стала вызывать в чехословацком обществе все большую обеспокоенность в связи с попытками Парижа использовать Прагу в своих антигерманских комбинациях, с его двойственной политикой в отношении Венгрии — главного противника ЧСР⁶³.

Именно в Венгрии и в восстановлении монархии Габсбургов Чехословакия видела главную угрозу своей безопасности. Мостовенко объяснял, почему Прага опасалась Венгрии: отторгнутая от Венгрии

59 РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 176–178.

60 Подробнее см.: *Станков Н. Н.* Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года — февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32.

61 *Мостовенко П. Н.* Современная Чехо-Словакия. С. 68–69.

62 Там же. С. 72.

63 Там же. С. 74–75.

Словакия составляла треть чехословацкого государства, экономически она издавна была связана с Венгрией, и на ее территории проживало достаточно многочисленное венгерское население. На основании этого автор делал вывод, что для Праги венгерский вопрос являлся и внешнеполитическим, и внутренним, и перед правительством стояла задача не только обеспечения неприкосновенности границ ЧСР, но и интеграции Словакии и ликвидации там венгерского влияния⁶⁴. Поэтому с участием ЧСР, Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев была образована Малая Антанта, главная задача которой заключалась в борьбе с венгерской опасностью⁶⁵. Прага противилась всем проектам расширения Малой Антанты, присоединению к ней Польши, Австрии, Болгарии или Греции, не без основания опасаясь, что участие в альянсе новых государств повлечет за собой и изменение направления его политики⁶⁶. «Чешское правительство энергично отбивает такие попытки и твердо блюдет, чтобы основная задача Малой Антанты — враждебное окружение Венгрии — не была подменена какими-либо другими», — подчеркивал автор книги⁶⁷. Как видим, Мостовенко упорно продолжал отстаивать свое мнение, отмечая исключительно антивенгерскую направленность Малой Антанты, несмотря на то, что в документах Коминтерна и в советской печати в то время указывалось на ее антисоветский характер.

Отношения ЧСР с соседней Польшей Мостовенко характеризовал как «напряженно-неприятные»⁶⁸. Официальным поводом для столкновений между правительствами ЧСР и Польской республики, по словам автора, были территориальные вопросы. Несмотря на то, что в 1920 г. Тешинскую Силезию разделили между двумя государствами, Польша оказалась недовольна результатами раздела. Омрачал чехословацко-польские отношения и спор о Яворжине. Однако главные причины взаимной неприязни, считал Мостовенко, «пока остаются за кулисами дипломатических переговоров». Варшава была недовольна нейтралитетом Чехословакии во время польско-советской войны 1920 г., отказом Праги признать результаты Рижского мира, принадлежность Восточной Галиции Польше. ЧСР, в свою очередь, с подозрением относилась к развиту отношений между Варшавой и Будапештом, опасалась осуществ-

64 Там же. С. 71.

65 Там же. С. 70.

66 Там же. С. 75–76.

67 Там же. С. 76.

68 Там же. С. 76.

вления вынашиваемых ими проектов установления польско-венгерской границы в результате присоединения Словакии к Венгрии, создания блока трех государств — Польши, Венгрии и Румынии⁶⁹.

Как отмечал автор, чехословацкое правительство проявило большую готовность «задобрить» Польшу и в августе 1921 г. вступило в переговоры, которые завершились подписанием 6 ноября чехословацко-польского договора⁷⁰. Он предусматривал взаимную гарантию государственных границ, соблюдение благожелательного нейтралитета и предоставление права свободного провоза военных грузов через территорию другого государства в случае войны кого-либо из них с третьей страной. Обе стороны обязались не разжигать сепаратистские настроения и не поддерживать никакие организации, чья деятельность могла принести вред другому государству⁷¹. То, что скрывалось за этими обтекаемыми дипломатическими формулировками, Мостовенко изложил прямолинейно: ЧСР объявила о своей незаинтересованности в вопросе Восточной Галиции и обязалась в случае польско-советской войны обеспечить доставку в Польшу военных грузов, а Варшава, со своей стороны, обязалась не вмешиваться в словацкие дела. Впрочем, автор книги был убежден, что этот договор «обречен остаться на бумаге». Несмотря на то, что его сразу же ратифицировали в ЧСР, польский сейм не оценил чехословацких уступок и отказался ратифицировать договор. Главную причину всех проблем в чехословацко-польских отношениях Мостовенко видел во взаимной неприязни «националистически настроенных элементов населения»⁷².

Автор отмечал двойственность в политике ЧСР в отношении Германии. С одной стороны, она связана с Германией «тесными экономическими узами», а с другой — по договору с Францией обязана участвовать в санкциях против нее. По мнению Мостовенко, в Праге отлично понимали, что Франции не удастся долго удерживать Германию в поверженном положении, «в конечном итоге она восстановится и предъявит встречные претензии к своим теперешним обидчикам». Поэтому Чехословакия «нисколько не заинтересована заранее портить свои отношения с ней»⁷³.

69 См.: Там же. С. 77–80.

70 Там же. С. 80–81.

71 Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Praha, 2005. Sv. 2. S. 321–323. Dok. 765.

72 Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. С. 81.

73 Там же. С. 82.

Завершая общий обзор международной политики ЧСР, Мостовенко сравнивал ее с типичным поведением «мелкого бюргера, который у всех своих соседей оторвал по лакомому куску, ни на что больше сам не претендует и мечтает только об одном, чтобы никто его не трогал и дал ему время покойно переварить захваченные куски»⁷⁴. Автор указывал на опасность такой политики: «При первом же случае сколько-нибудь серьезного нарушения очень непрочного равновесия сил и неустойчивости в современной Европе Чехо-Словакия с неизбежностью почувствует на себе первой печальные результаты этой своей мелко-мещанской политики. <...> Ее предполагаемые союзники окажутся занятыми совсем на других фронтах, будут бессильны, да особенно и не захотят помочь ей»⁷⁵. Так за полтора десятилетия до Мюнхенского соглашения Мостовенко предсказал, что ожидало Чехословакию в будущем.

Отдельную главу автор книги посвятил политике Праги в отношении Советской России, которая, по его утверждению, в силу целого ряда свойственных исключительно Чехословакии обстоятельств занимала «центральное место как в сознании широких кругов населения, так и во внимании авторов современной политики ч[ехо]-с[ловацкого] государства»⁷⁶. Мостовенко достаточно подробно рассматривал эти обстоятельства, начиная со времен австрийского господства, когда чешская интеллигенция мечтала «о “великой и сильной” России, как о естественном друге и защитнике чешского народа». Примеру интеллигенции последовали «широкие массы мещанства», затем внимание рабочих к России привлекла революция 1917 г.⁷⁷ С начала 1920-х гг. к «психологической тяге к России» присоединились экономические интересы: потребность в рынке сбыта товаров и источниках сырья. «Все эти обстоятельства в различной степени имели своим результатом то характерное для чешского среднего обывателя дружелюбное отношение к России и ко всему русскому (в том числе к русской литературе), которое так выгодно отличается от резко неприязненного отношения его чуть не ко всем другим национальностям (немцам, полякам, мадьярам, евреям и т. д.)»⁷⁸. Тем не менее, как отмечал Мостовенко, официальные круги в Праге и отдельные политические партии

74 Там же.

75 Там же. С. 83.

76 Там же. С. 85.

77 Там же. С. 85–86.

78 Там же. С. 87–88.

и группировки не столь однозначно относились к Советской России, руководствуясь чаще конъюнктурными соображениями в каждой конкретной ситуации. Летом 1920 г. Прага, воспользовавшись наступлением Красной армии на Варшаву, добилась с выгодой для себя решения вопроса о Тешинской Силезии. В те дни многие чехословацкие политики приветствовали Советскую Россию и клеймили польский империализм. Но как только Красная армия начала терпеть поражение, те же самые политики развернули масштабную кампанию критики в адрес Москвы и травлю советской миссии в Праге⁷⁹.

С момента образования ЧСР избегала признания Советской России, заявляя, что «русский вопрос может быть разрешен во всем своем объеме только в общеевропейском масштабе». Однако когда на Каннской конференции в январе 1922 г. между Францией и Великобританией возникли разногласия в «русском вопросе», а затем последовало приглашение представителей Советской России на Генуэзскую конференцию, министерство иностранных дел ЧСР было не на шутку встревожено: «по его мнению, этим ставилось на карту самое дорогое, что Европа получила в результате мировой войны, — Версальский договор и полное согласие между собой политики главнейших держав Антанты». Накануне Генуэзской конференции Бенеш выступил со своей концепцией решения «русского вопроса»: повременить с признанием советского правительства де-юре и не торопиться вводить Советскую Россию в круг европейских держав. Поскольку главный интерес Европы в отношении Советской России заключался в доступе к российскому рынку, то, по мнению чехословацкого министра, достаточно было ограничиться заключением торговых договоров⁸⁰. Такого типа договор Чехословакия заключила с Советской Россией 5 июня 1922 г., вокруг его ратификации развернулась ожесточенная межпартийная борьба, и Бенеш под предлогом угрозы раскола коалиции предложил снять этот вопрос с повестки дня парламентского пленума⁸¹.

По мнению Мостовенко, для министерства иностранных дел ЧСР ссылка на нежелание национальных демократов пойти на какие-либо уступки в «русском вопросе» и необходимость сохранения коалиции — лишь аргумент «при уговаривании инакомыслящих»⁸². Подлинной причиной такого отношения к Советской России автор считал «страх

79 Подробнее см.: Там же. С. 90–92.

80 Там же. С. 93–94.

81 Там же. С. 97–98.

82 Там же. С. 98.

за непрочность Версальского договора, боязнь фактом полного признания России дать лишний аргумент не только коммунистам, но и левой части самой правительственной коалиции, наконец, отчасти личная и классовая неприязнь к советскому строю тех элементов интеллигенции, из которых состоит правительственная верхушка»⁸³.

Такие выводы Мостовенко строил, основываясь на своем опыте работы в Праге. Его книга была в СССР первой попыткой освещения ключевых проблем Чехословацкой республики в начальный период ее существования с точки зрения коммунистической идеологии. Автор подвергал критике социально-экономический и государственный строй ЧСР, ее внутреннюю и внешнюю политику, буржуазные и социалистические партии и в то же время в исключительно оптимистическом духе писал о КПЧ. Рассматривая международные отношения в Центральной Европе в начале 1920-х гг., отмечая произвольное определение границ в мирных договорах, наличие значительных национальных меньшинств в новых государствах, приведшее к возникновению множества конфликтных ситуаций, Мостовенко пришел к выводу о непрочности Версальской системы и предвидел, что первой жертвой ее крушения станет Чехословакия.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВВРПФ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений = Dokumenty a materiály k dějinám československo-sovětských vztahů / [Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР и др.]; ред. коллегия: сов. часть — П. Н. Поспелов (отв. ред.) [и др.], чехословац. часть — В. Краль (отв. ред.) [и др.]. Т. 2: Август 1922 г. — июнь 1934 г. / подгот. Ч. Аморт, Е. Д. Воробьева, А. Х. Клеванский [и др.]. М.: Наука, 1977. 634 с.

Мостовенко П. Н. Современная Чехо-Словакия. М.; Пг.: Госиздат, 1924. 112 с.

Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 года. Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1925. Ч. 1–2.

Салат Я. Белый террор в Чехо-Словакии // Известия ВЦИК. 1920. 27 июля. № 164. С. 1.

83 Там же. С. 99.

Салат Я. Чехо-Словакия — пособник контр-революции // Известия ВЦИК. 1920. 8 авг. № 174. С. 1.

Станков Н. Н. Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года — февраль 1923 года) // Славяноведение. 2020. № 3. С. 24–32. DOI:10.31857/S0869544X0009514-8.

Чехия и Словакия в XX веке = Czech Lands and Slovakia in the 20th century: очерки истории: в 2 кн. / [отв. ред. В. В. Марьина]. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 453 с., [4] л. портр. (XX век в документах и исследованиях = 20th century in documents and research / Ин-т славяноведения РАН).

Чехословакия и Советская Россия на обломках империи / [Э. Г. Задорожнюк, Р. Влчек, Я. Билек и др.]; редкол.: Е. П. Серапионова (отв. ред.) [и др.]; Институт славяноведения РАН, Комиссия историков и архивистов РФ и ЧР. М.: ПОЛИМЕДИА, 2020. 191 с. DOI:10.31168/0442-8.

Dejmek J. Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 2002. 384 s.

Dokumenty československé zahraniční politiky. A/3/2: Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody, 1920–1921. Praha: Ústav mezinárodních vztahů: Karolinum: Historický ústav AV ČR, 2005. Sv. 2: (1. červen — 31. prosinec 1921) / edičně zprac.: J. Dejmek, F. Kolář. 585 s.

Kárník Z. České země v éře První republiky (1918–1938). Praha: Libri, 2003. D. 1. 576 s.

Klimek A. Boj o Hrad. [D.] 1: Hrad a Pětka. Vnitropolitický vývoj Československa 1918–1926 na půdorysu zápasu o prezidentské nástupnictví. Praha: Panevropa, 1996. 432 s.

Krajčovičová N. Slovensko na ceste k demokracii. Bratislava: Historický ústav SAV, 2009. 268 s.

Rychlík J. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha: Vyšehrad, 2018. 276 s.

Rychlík J., Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha: Vyšehrad, 2016. 237 s.

References

Dejmek, J. *Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky*. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 2002, 384 p.

Dejmek, J., and F. Kolář, editors. *Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921*, vol. 2. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2005, 585 p.

Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chechoslovatskikh otnoshenii = *Dokumenty a materiály k dějinám československo-sovětských vztahů*, vol. 2. Moscow: Nauka, 1977, 636 p.

Kárník, Z. *České země v éře První republiky (1918–1938)*, vol. 1. Praha: Libri, 2003, 576 p.

Klimek, A. *Boj o Hrad, vol. 1: Hrad a Pětka. Vnitropolitický vývoj Československa 1918–1926 na půdorysu zápasu o prezidentské nástupnictví*. Praha: Panevropa, 1996, 432 p.

Krajčovičová, N. *Slovensko na ceste k demokracii*. Bratislava: Historický ústav SAV, 2009, 268 p.

Mar'ina V. V., editor. *Chekhii i Slovakiia v XX veke = Czech Lands and Slovakia in the 20th century: ocherki istorii*, vol. 1, Moscow: Nauka, 2005, 453 p.

Mostovenko, P. N. *Sovremennaia Chekho-Slovakiia*. Moscow, Petrograd: Gosizdat, 1924, 114 p.

Piatyĭ vsemirnyĭ kongress Kommunisticheskogo Internatsionala. 17 iunia — 8 iulia 1924 goda. Stenograficheskiĭ otchet, pt. 1–2. Moscow, Leningrad: Gosizdat, 1925.

Rychlík, J. *1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa*. Praha: Vyšehrad, 2018, 276 p.

Rychlík, J., Rychlíková, M. *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946*. Prague: Vyšehrad, 2016, 237 p.

Salat, Ia. “Belyĭ terror v Chekho-Slovakii.” *Izvestiia VTsIK*, 27 July 1920, p. 1.

Salat, Ia. “Chekho-Slovakiia — posobnik kontr-revoliutsii.” *Izvestiia VTsIK*, 8 Aug. 1920, p. 1.

Serapionova, E. P., editor. *Chechoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkakh imperii*. Moscow: POLIMEDIA, 2020, 192 p. DOI 10.31168/0442-8.

Stankov, N. N. “Sovetskiĭ predstavitel' v Chechoslovakii P. N. Mostovenko protiv ěmissarov Kominterna (iun' 1921 goda — fevral' 1923 goda).” *Slavianovedenie*, no. 3, 2020, pp. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.05

Stankov N. N.

**The First Book about the Czechoslovak Republic in the USSR:
“The Modern Czecho-Slovakia” by Pavel N. Mostovenko**

Nikolaj N. Stankov

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: stankov11@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Citation

Stankov N. N. The First Book about the Czechoslovak Republic in the USSR: “The Modern Czecho-Slovakia” by Pavel N. Mostovenko // Slav-ic Almanac. 2021. No 1–2. P. 78–99 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.05

Received: 01.10.2020.

Abstract

The article dwells upon the book “The Modern Czecho-Slovakia” by Pavel N. Mostovenko — the Soviet representative in Prague from June, 1921 till February, 1923. The author of the article supposes that Mostovenko began to work on this book immediately after his return from Czechoslovakia in the spring of 1923 following his fresh impressions and having all the necessary materials. All the chapters of this book embraced a wide range of problems: a brief history of Czechia, the foundation of the Czechoslovak Republic, its social and economic development, the financial system, the constitution of 1920 and the functioning of the state machinery, the leading political parties, the relations among different ethnic groups, home and foreign policy. In the USSR Mostovenko’s book was the first attempt at interpreting the history of the Czechoslovak Republic from the point of view of the communist ideology. At the same time, the author of the article states that in Mostovenko’s book quite a few aspects of the development of Czechoslovakia at the beginning of 1920s are interpreted in a way different from the documents of Comintern and the Soviet press of that period. The author of the article proves that Mostovenko on the basis of the analysis of the international relations in Central Europe after World War I predicted that in case of an essential breach of the balances of powers in the Versailles system of international relations, Czechoslovakia would become its first victim and neither France nor the allies in the Little Entente would help it. Exactly this happened in 1938.

Keywords

Pavel N. Mostovenko, the Czechoslovak Republic, the Versailles system of international relations, the Soviet propaganda.

Югославия на страницах журнала «Славяне» (1942–1958)

Зайцев Александр Вячеславович

Аспирант

Российский государственный гуманитарный университет

119435, ул. Большая Пироговская 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: zajczew.aleks2013@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5087-5831

Цитирование

Зайцев А. В. Югославия на страницах журнала «Славяне» (1942–1958) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 100–126.

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.06

Статья поступила в редакцию 25.11.2020.

Аннотация

В статье рассматривается освещение югославской проблематики на страницах журнала «Славяне». Журнал был создан по указанию ЦК ВКП(б) как орган внутри- и внешнеполитической пропаганды, направленный на русскоязычных славян, отражающий отход советской внешней политики от пролетарского интернационализма. Редакционная политика по отношению к Югославии повторяла партийную, но острые темы на его страницах замалчивались или освещались с запозданием. Пропаганда личности Й. Броза Тито как выразителя чаяний народов Югославии началась в 1943 г., деятельность Д. Михайловича замалчивалась до того момента, как в октябре 1943 г. началось ее осуждение. До 1948 г. журнал поддерживал правительство ФНРЮ, с конца 1949 до начала 1953 г. — критиковал политику ФНРЮ и КПЮ. Периоды молчания журнала о Югославии включают в себя несколько месяцев в 1948–1949, 1953–1954, 1956–1957 и 1958 гг. Всякий раз это было связано с обострением или, наоборот, попытками налаживания отношений между СССР и ФНРЮ, ВКП(б)/КПСС и КПЮ/СКЮ. Кажущееся единственным исключением — № 5 за 1953 г. с антититовскими выпадами — может быть следствием борьбы в советском руководстве. В целом политика журнала по отношению к Югославии отличалась большей осторожностью и замалчиванием проблем, чем политика советской партийной печати.

Ключевые слова

Славянский комитет СССР, журнал «Славяне», И. В. Сталин, Иосип Броз Тито, Александр Гундоров, Сергей Пилипчук.

10–11 августа 1941 г. в Москве прошел радиомитинг представителей славянских народов, призвавший славян к борьбе с фашизмом. Это было одно из мероприятий, направленных на создание в СССР общественного антифашистского движения. До конца оформить новую организацию тогда не удалось из-за эвакуации из Москвы в октябре 1941 г. Второй антифашистский митинг славян состоялся в Москве 4 апреля 1942 г. По его итогам был создан Всеславянский комитет — один из пяти созданных в начале Великой Отечественной войны по указанию ЦК ВКП (б) общественных антифашистских комитетов. Тогда же, в апреле 1942 г., ЦК ВКП(б) принял постановление о создании печатного органа Всеславянского комитета. Состав редколлегии и программа журнала были представлены 21 апреля начальником Совинформбюро А. С. Щербаковым Сталину¹ и одобрены им. Целью журнала ставилось «сплочение славянских народов для борьбы в союзе со всеми свободолюбивыми народами против гитлеровской Германии и ее вассалов». Для этого предполагался ряд мер: «освещать славные страницы истории прошлого славянских народов в их национально-освободительной борьбе <...>, освещать вклад славянских народов в культуру всего человечества; давать хронику событий славянского антифашистского движения в Америке, Англии и других странах — конгрессы, митинги, выставки; освещать работу отдельных организаций, групп и т. п.; печатать библиографические заметки и обзоры антигитлеровской литературы»².

«Славяне» выходили только на русском языке, намеренно уклонялись от освещения внутрикомитетской работы, распространялись как в СССР, так и за рубежом во всех странах, где существовали славянские общественные организации.

С самого начала в журнале восхваляли антифашистское партизанское движение в Югославии. Благодаря ему народы Югославии (в

1 Щербаков — Сталину. 21.04.1942 // Архив Александра Н. Яковлева. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1016019> (дата обращения: 01.11.2020).

2 Славяне. 1942. № 1. С. 5. «Программа» Щербакова была процитирована дословно без указания источника.

том числе хорваты) не подвергались такой же критике, как болгары и словаки за подчинение прогерманским режимам. Считалось, что марионеточные правительства А. Павелича и М. Недича (их ставили на общую доску) не имеют у своих народов никакой поддержки. В 1942 г. на страницах журнала не упоминался ни Д. Михайлович, ни Й. Броз Тито. В № 1 за 1943 г. появились важнейшие сообщения: в боснийском Бихаче состоялось учредительное собрание Антифашистского народного веча Югославии. Председателем избран Иван Рибар, бывший председателем народного веча уже в 1920 г.³ С этого момента журнал начал поддерживать АВНОЮ как законную власть на территории Югославии. В той же рубрике цитировалось письмо новозеландского добровольца, сообщавшего о существовании рядом с партизанской армией «белой гвардии», во всех отношениях помогающей завоевателям и зависящей от итальянцев⁴. В № 2 было напечатано заявление веча, подписанное Рибаром и от имени Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии главнокомандующим Тито⁵ — первое упоминание о Тито и НОАЮ. С № 4 Тито называется одним из лучших сынов югославского народа, стоящим во главе Народно-освободительной армии⁶. С № 7 в «Славянах» регулярно печатаются обзоры боевых действий НОАЮ⁷.

Огромная статья в № 10 стала переломной: в ней рассказывалось, в частности, о партизанах Д. Михайловича, который «продает свою шпагу оккупантам, и Недичу, и Павеличу». По словам авторов, Михайлович отдает преступные приказы об убийстве мирного населения, при этом «он военный министр» и правительство Югославии в изгнании несет за него ответственность⁸. Советское правительство

3 Антифашистское вече Югославии // Славяне. 1943. № 1. С. 55.

4 Новозеландский солдат в рядах югославских партизан // Славяне. 1943. № 1. С. 59.

5 Заявление антифашистского веча в Югославии // Славяне. 1943. № 2. С. 59.

6 Да здравствует боевое единство славянских народов! // Славяне. 1943. № 4. С. 4.

7 *Влахович В.* Провал двух крупных наступательных операций оккупантов // Славяне. 1943. № 7. С. 17–20; *Дитякин В.* Национально-освободительная борьба в Югославии (обзор за июль) // Славяне. 1943. № 8. С. 40–41.

8 *Масларич Б., Влахович В.* Вклад югославских патриотов в общее дело борьбы против немецких захватчиков // Славяне. 1943. № 10. С. 23–25.

давно знало о происходящем, до поры до времени не делая окончательного выбора⁹. Авторы статьи нельзя упрекнуть в замалчивании проблемы. «В 1942–1943 году, когда советская печать открыто еще не выступала против Драже Михайловича <...>, Масларич неоднократно, и нередко в грубой форме, — требовал от руководства комитета “разбить этот заговор молчания”, “положить конец бюрократическому отношению к этому делу”. “Мне говорят об интересах Советского Союза, и никто не хочет подумать об интересах моей страны”, — заявил он однажды, требуя открытого выступления против Д. Михайловича»¹⁰.

Из № 12 «Славян» читатель мог уяснить, что в Югославии, помимо всего прочего, идет братоубийственная война между сторонниками королевского правительства и АВНОЮ, в разжигании которой стороны обвиняют друг друга¹¹.

Из материалов митинга воинов-славян, прошедшего в начале 1944 г. в Москве, стало известно, что хорваты участвовали в Сталинградской битве, но при удобном случае переходили на сторону Красной армии¹². На том же митинге Михайловича называли разоблаченным предателем и призвали его солдат переходить в НОАЮ¹³. В связи с разрывом СССР в декабре 1943 г. дипломатических отношений с эмигрантским правительством Югославии редакция развернула критику каирского правительства¹⁴.

В № 5 за 1944 г. журнал перепечатал статью Й. Броза Тито, где он говорил о непреложности статуса республик в будущей Юго-

9 Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год). М., 2011. С. 355–363.

10 ГАРФ. Ф. Р-6646. Оп. 4. Д. 47. Л. 77–78. Божидар Масларич (Справка). [Составлена в югославском секторе отдела печати СК СССР. Не ранее 1948 г.]

11 К событиям в Югославии. Декларация второго заседания антифашистского веча народного освобождения Югославии // Славяне. 1943. № 12. С. 31.

12 Речь командира Югославской воинской части в СССР хорвата Марко Месича // Славяне. 1944. № 3. С. 25.

13 Обращение митинга славян-воинов // Славяне. 1944. № 3. С. 7.

14 *Дмитревич Б.* Кого представляет эмигрантское «югославское правительство» // Славяне. 1944. № 4. С. 5–9; *Козич М.* Каирские встречи // Славяне. 1944. № 5. С. 16–19.

славии¹⁵. Его соратник М. Джилас опровергал мнение о готовности Д. Михайловича признать федерализацию Югославии.

После освобождения Белграда Красной армией 20 октября 1944 г., начиная с № 11 за 1944 г., в журнале освещалось устройство жизни на подконтрольных НОАЮ территориях. В № 3 за 1945 г. сообщалось о масштабах террора в «Независимом хорватском государстве» против сербов, причем подчеркивалась его направленность и против хорватов-антифашистов. «После массовых убийств сербов в Хорватии оккупанты вооружили четников, которые должны были “мстить” и истреблять хорватский народ»¹⁶.

После Победы в нескольких номерах «Славян» печатались статьи министра по делам Черногории М. Джиласа о новой Югославии¹⁷. Журнал поддерживал территориальные и финансовые претензии Югославии к Италии¹⁸. Путевые заметки советских граждан по Югославии были выдержаны в восторженном тоне, а визит Тито в Москву выглядел триумфально¹⁹.

В № 1 журнала за 1946 г. член Агитпропа ЦК КПЮ Б. Зихерл подробно рассказывал о новой конституции Югославии²⁰, а в № 4 появилось сообщение об аресте «забытого» в течение года с лишним Д. Михайловича²¹. Лишь в конце 1947 г. в журнале вскользь сообщили о его казни²².

В последней статье, помещенной в «Славянах», Тито раскритиковал как «великосербскую реакцию», так и лидера Хорватской кре-

15 *Броз-Тито И.* Выполнение решений Антифашистского веча народного освобождения Югославии // Славяне. 1944. № 5. С. 3–6.

16 *Швоб В.* Четыре года борьбы югославского народа // Славяне. 1945. № 3. С. 13.

17 *Джилас М.* Советский человек и наша борьба // Славяне. 1945. № 6. С. 17–18; *Он же.* Советский Союз и Югославия // Славяне. 1945. № 7. С. 19–20; *Он же.* Новые политические законы в Югославии // Славяне. 1945. № 8–9. С. 17–18.

18 *Регент И.* О Триесте и Истрии (Да восторжествует справедливость!) // Славяне. 1945. № 10. С. 21–24; *Осинов Б.* Югославия и Италия (по страницам югославской печати) // Славяне. 1945. № 12. С. 15–19.

19 К пребыванию в Москве маршала Тито // Славяне. 1945. № 4. С. 25–35.

20 *Зихерл Б.* Новая конституция Югославии // Славяне. 1946. № 1. С. 14–19.

21 Предатель Михайлович в руках правосудия // Славяне. 1946. № 4. С. 22–23.

22 *Белинков С.* Турция и Балканы // Славяне. 1947. № 12. С. 32.

стьянской партии, бывшего заместителя премьер-министра Югославии В. Мачека, якобы бросившего в тюрьмы антифашистов, убитых в 1941 г. усташами²³.

В 1947 г. журнал поддерживал югославские претензии к Австрии²⁴. В середине года большие надежды возлагались на югославо-болгарские соглашения о единой экономической политике²⁵, причем опровергались слухи о создании балканской федерации²⁶.

Последняя крупная статья о ФНРЮ, написанная в хвалебном тоне, относится к № 1 за 1948 год²⁷. С № 5 со страниц журнала исчезли и упоминания о Югославии. В № 7 еще сообщили о выходе в свет третьего выпуска за 1948 г. бюллетеня Общеславянского комитета, издававшегося в Белграде. Больше о комитете ничего не говорилось, так как из его состава вышли все неюгославы²⁸. № 9 порадовал сообщением о прошедшей в Белграде с 30 июля по 18 августа Дунайской конференции, завершившейся подписанием конвенции о режиме судоходства по Дунаю представителями всех полноправных придунайских государств, включая Югославию²⁹. Тем временем в «Правде» за 8 сентября 1948 г. была помещена статья Сталина с критикой компартии Югославии³⁰ и хвалебный некролог бывшему начальнику генштаба НОАЮ А. Йовановичу, убитому якобы при попытке бегства в Румынию³¹.

Отклик на статью Сталина последовал быстро. В передовице № 10 «Славян» националистическая политика фракции, или группы,

23 *Броз-Тито И.* Жизнеспособность новой Югославии // Славяне. 1946. № 6–7. С. 13–15.

24 *Устинов Ю.* Каринтия — словенская земля // Славяне. 1947. № 4. С. 32–36.

25 *Державин Н.* Важный вклад в дело мира // Славяне. 1947. № 8. С. 27–30.

26 Под прикрытием клеветнической завесы // Славяне. 1947. № 7. С. 33; Ложь в университетском издании // Славяне. 1947. № 9. С. 35.

27 *Срешец З.* Народная Республика Хорватия // Славяне. 1948. № 1. С. 52–56.

28 *Зайцев А.* Конец Общеславянского комитета // Славяноведение. 2019. № 1. С. 96–102.

29 *Кирсанов В.* Победа принципа демократического сотрудничества между народами // Славяне. 1948. № 9. С. 22.

30 Куда ведет национализм группы Тито в Югославии // Правда. 1948. 8 сентября. С. 2.

31 Арсо Йованович (Биографический очерк) // Правда. 1948. 8 сентября. С. 2.

Тито называлась угрозой для независимости народов Югославии³². Автор другой статьи выражался крепче: «Став на путь репрессий и убийств, Тито и его подручные вызывают к себе законное презрение коммунистов всего мира. Клика Тито, порвав с коммунистическими партиями и объявив им войну, выступает в едином фронте с империалистами». Следовали также теоретические обвинения: «Фракция Тито растворила партию в беспартийном народном фронте, в который входят <...> в том числе буржуазные партии». Она стала «на позиции буржуазного национализма» и «на путь кулацкой партии»³³. При этом на последней странице появилось объявление о подписке на 1949 г. На журнал можно было подписаться в 18 странах, включая Югославию — через издательство «Југословенска књига». В Белграде к годовщине Октябрьской революции предпринимали жесты примирения³⁴; от имени Славянского комитета Югославии его председатель С. Яковлевич послал поздравительную телеграмму Славянскому комитету (далее в тексте — СК) СССР, где говорилось о братском советском народе и неразлучном братстве и единстве славянских народов³⁵. Ни публикации в 11-м номере «Славян», ни ответа не последовало.

В январе 1949 г. в Москве был подписан протокол об образовании СЭВ. Анонимный автор в февральском номере «Славян» в связи с этим жаловался: в ФНРЮ «возводят клевету», что СССР и его союзники «хотели превратить Югославию в источник сырья». Также «клика Тито недавно объявила, что культура Югославии находится в опасности, “под ударами Коминформа”», делает заявления «о “самостоятельном” и “независимом” развитии культуры». И вообще «гибельная политика “классового мира”» ведет страну «к перерождению в обычное буржуазное государство»³⁶. На деле власти ФНРЮ еще держались курса на скорейшее построение социализма.

Эту редакционную статью перепечатали в № 4 журнала Славянского комитета Болгарии «Славяни», в пражской газете югославских

32 Маяк, освещающий дорогу и дающий перспективы трудящимся мира // Славяне. 1948. № 10. С. 5–6.

33 Гаврилов Г. Книга, которая учит побеждать // Славяне. 1948. № 10. С. 11–13.

34 Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом»... С. 452.

35 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 203. Л. 58–59.

36 Югославские националисты — пособники империалистов // Славяне. 1949. № 2. С. 8–12.

эмигрантов «Нова борба». «Помимо этого, статья передавалась по радио Софии, Праги и Будапешта. Московское радио передало ее на Югославию». В ответ «с клеветническими измышлениями по адресу журнала “Славяне” выступили титовские органы: газета “Глас” (6 мая), газета “Борба” (10 мая), белградское радио. Танюг разослал специальную телеграмму, излагающую клевету “Борбы”»³⁷.

К 15 марта 1949 г. председатель президиума СК СССР А. С. Гундоров, не входивший в редколлегию журнала, но нередко там печатавшийся, подготовил рукописный отчет о деятельности СК СССР в 1948 г. и задачах на 1949 г. В нем он отмечал: «В порядке самокритики (зачеркнуто: “я должен”) надо сказать, что (зачеркнуто: “с участием”) вопрос разоблачения антисоветской националистической клики Тито в Югославии очень поздно ставится в план <...> только в февральском номере нашего журнала мы (зачеркнуто: “открыто”) выступили с определением наших позиций в этом вопросе. Сейчас мы должны нагнать упущенное и поставить разоблачение националистической клики в Югославии как одну из важнейших задач своей работы»³⁸.

1 мая 1949 г. «Правда» сообщила о выходе в свет газеты югославских эмигрантов в СССР в Югославии «За социалистическую Югославию». В номере опубликовали сообщение о состоявшейся в апреле встрече югославских политэмигрантов, единогласно решивших издавать газету с таким названием. «Газета публикует материалы, разоблачающие националистическую политику клики Тито в Югославии, письма и материалы из Югославии, а также материалы, освещающие жизнь Советского Союза»³⁹. Секретное постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о ее издании было принято еще 3 апреля якобы по предложению самих эмигрантов.

Решением партии и правительства финансирование газеты велось через Славянский комитет СССР. 4 июня 1949 г. Государственная Штатная Комиссия при Совете министров СССР утвердила расширение штата СК СССР с 47 человек до 70 за счет редакции газеты⁴⁰. Югославский сектор комитета полностью переключился на работу газеты⁴¹.

37 ГАРФ. Ф. Р-6646. Оп. 4. Д. 20. Л. 19.

38 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 84. Л. 103–104.

39 Выход в свет первого номера газеты «За социалистическую Югославию» // Правда. 1949. 1 мая. С. 4.

40 ГАРФ. Ф. Р-9539. Оп. 2. Д. 11. Л. 3.

41 Там же. Ф. Р-6646. Оп. 4. Д. 20. Л. 58.

Тем временем в № 3–4 «Славян» за 1949 г. Югославию критиковали вяло, а в № 5–7 она вообще не упоминалась, если не считать упоминания о «националистической клике Тито» в некрологе Г. М. Димитрову. На деле советско-югославские отношения ухудшались. Судя по статьям «Правды» за июнь 1949 г., Москва предоставляла инициативу в критике Югославии ее непосредственным соседям.

С № 8 за 1949 г. журнал стал регулярно печатать обзоры положения в ФНРЮ с подзаголовком «По страницам печати югославских революционных эмигрантов». Источники были перечислены: в СССР — уже упомянутая газета, выходившая на сербском языке; в Болгарии — газета «Напред», в Румынии — «Под знаменем интернационализма», в Чехословакии — «Нова борба». Первая критика властей Югославии оказалась малоубедительной. «В партийные кадры вербуются кулацкий и усташский сброд. <...> На свободу выпускаются бывшие министры королевской Югославии Маркович, Трифунович»⁴². Сейчас это назвали бы политической амнистией.

Если судить по журналу «Славяне», окончательный разрыв между СССР и ФНРЮ состоялся в августе 1949 г. в связи с обменом нотами по поводу оставления части Каринтии за Австрией и притеснением граждан СССР в ФНРЮ⁴³. Масла в огонь вражды подлила и отмеченная наконец на страницах журнала годовщина насильственной смерти генерала А. Йовановича. Автор утверждал, что его убили в застенках Белграда⁴⁴. С № 9 за 1949 г. по № 5 за 1953 г. журнал «Славяне» постоянно (за редкими исключениями) публиковал оскорбляющие югославское руководство статьи и карикатуры. 13 октября 1950 г. главный редактор «Славян» С. Н. Пилипчук требовал: «Статьи по Югославии должны быть в каждом номере»⁴⁵.

К концу 1949 г. отношения стран «народной демократии» с ФНРЮ обострились до угрозы интервенции. В 1948–1949 гг. в редколлегию «Славян» не поступило ни одной статьи, отклоненной по причине положительного освещения Югославии⁴⁶. К чести редколлегии, в конце 1949 г. она отклонила несколько статей с бранными выражениями в

42 Остановить кровавый топор палачей Тито-Ранковича! // Славяне. 1949. № 8. С. 30.

43 Кликa Тито без маски // Славяне. 1949. № 9. С. 18–20.

44 *Никитович Н.* Мужественный сын югославского народа // Славяне. 1949. № 9. С. 24–27.

45 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 81. Л. 20об.

46 См.: Там же. Ф. Р-9170. Оп. 1. Д. 159–164.

адрес югославских официальных лиц, например, статью А. Калинина «Белградские гангстеры пера»⁴⁷. В сообщениях о подписке на журнал в 1949 г. по-прежнему значилась «Југословенска књига» в Белграде.

В отчетном докладе за 1949 г. Гундоров проявлял недовольство: «Мы слышим упреки, что никто по разоблачению клики Тито не выступает из славянских деятелей других стран (Неедлы, Барциковский, Пашев, Гуса, Трояновский, Ненова, (зачеркнуто «Павлов»), но и наши деятели <не на высоте>. По-настоящему выступают только Тихонов, Мочалов, Гундоров, Баранов, остальных не было слышно»⁴⁸.

Как следовало ожидать, в 1950 г. «Југословенска књига» отказалась принимать подписку на журнал «Славяне»⁴⁹. По оценке Гундорова, в 1950–1955 г. журнал поступал в страну в двух экземплярах⁵⁰, видимо, для членов Политбюро ЦК КПЮ/СКЮ.

В журнале «Славяне» упоминаются два радиовыступления на Югославию: к 75-летию со дня смерти литературного критика и политического публициста Светозара Марковича (отмечалось 26 февраля 1950 г.) по московскому радио передали статью активного деятеля комитета профессора С. А. Никитина, затем выступили лидеры анти-титовской эмиграции Р. Голубович и П. Попивода⁵¹. 31 октября 1951 г. СК СССР провел радиопередачу на сербском, хорватском, словенском и македонском языках в честь Петра I Негоша — к 100-летию со дня рождения⁵². Его хвалили как черногорца (представителя якобы угнетаемого в ФНРЮ народа) и поборника дружбы с Россией.

В те годы журнал «Славяне» пытался предоставить всестороннюю информацию о жизни Югославии, но она была предвзятой. Объективная критика (направленная против репрессий, милитаризации общества) напоминала об аналогичных явлениях в СССР. Сообщения о массовом сопротивлении титовскому режиму были явно преувеличены. О славянском движении внутри Югославии уже не шло и речи.

Какого же рода, по мнению авторов «Славян», был национализм титовцев? «Албанское население Косово и Метохии, по существу, лишено человеческих прав <...> Дикие расправы чинят янычары Ранко-

47 Там же. Д. 165. Л. 53–73.

48 Там же. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 84. Л. 85.

49 Страх перед правдой // Славяне. 1950. № 1. С. 40.

50 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 99. Л. 46–48.

51 Памяти Светозара Марковича // Славяне. 1950. № 4. С. 63.

52 Памяти Петра Негоша // Славяне. 1951. № 11. С. 60.

вича над болгарами»⁵³. «Титовский гауляйтер Колишевский⁵⁴ — палач македонского народа»⁵⁵. «Преследованиям и эксплуатации подвергаются словаки, чехи, болгары, румыны, албанцы, венгры <...>»⁵⁶. В обзоре книги П. Куртада «Албания» источник зла найден: «Великосербские шовинисты зверски терроризируют народы Югославии»⁵⁷. Гундоров согласился: «Болтая о разрешении национального вопроса внутри страны, они фактически были яркими великосербскими националистами и принимали (так! — А. З.) всевозможные наглые комбинации, что бы (так! — А. З.) закабалить албанский народ и сделать его своей колонией»⁵⁸.

Сразу после смерти И. В. Сталина со стороны СССР последовали некоторые жесты, свидетельствовавшие об отказе от непримиримой вражды с ФНРЮ⁵⁹, среди которых — отсутствие упоминания о Югославии в № 3 журнала «Славяне» за 1953 г. Видимо, выпуск номера был задержан ради информации о похоронах Сталина, и редакция успела внести коррективы. В результате остался без освещения (негативного) договор о дружбе между Турцией, Грецией и Югославией, подписанный в Анкаре 28 февраля 1953 г., — так называемый Балканский пакт. Гундоров же с февраля готовил большую статью о Югославии⁶⁰. В апреле 4-й номер «Славян» продолжал молчать о Югославии, зато газета «За социалистическую Югославию» выступила со статьей «Белградский палач в гостях у английских правителей», где описывался визит Тито в Великобританию⁶¹.

53 Южнославянские национальные меньшинства в Венгрии и Румынии дают отпор белградским провокаторам // Славяне. 1950. № 9. С. 34.

54 Лазар Колишевский (1914–2000) — секретарь ЦК Компартии Македонии (1943–1963), премьер-министр Македонии (1945–1953), председатель президиума СФРЮ (май 1980).

55 Клика Тито — заклятый враг югославских народов // Славяне. 1950. № 5. С. 31.

56 *Иванович И.* Югославия глазами очевидца // Славяне. 1950. № 10. С. 61.

57 *Соловьев О.* Заговор белградских фашистов против Албании // Славяне. 1950. № 12. С. 56.

58 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 140. Л. 130об.

59 *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. С. 59–61.

60 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 264. Л. 102–125.

61 *Матонин Е. В.* Иосип Броз Тито. М., 2012 (ЖЗЛ, вып. 1569). С. 261–262.

В майском номере «Славян» содержалась давно не звучавшая на страницах журнала площадная брань лично по адресу Тито⁶². И. И. Удальцов сравнил «предательскую банду Тито» с «преступной бандой Сланского»⁶³. В статье специализировавшегося по Югославии постоянного автора «Славян» В. Кирсанова, помимо сравнения жилищных условий в ФНРЮ и королевской Югославии не в пользу первой, были помещены как иллюстрация три карикатуры на Тито⁶⁴. 6 июня поверенный в делах ФНРЮ в СССР Д. Джурич сообщил в Белград о скандальном номере, подготовленном, вероятно, в марте-апреле⁶⁵. 1 сентября 1953 г. заместитель госсекретаря по иностранным делам ФНРЮ А. Беблер жаловался советскому послу В. А. Валькову на недопустимые выражения в статьях номера⁶⁶. Причины подобного демарша, может быть, самого серьезного в истории СК СССР, неясны.

В протоколе заседания редколлегии «Славян» от 20 апреля 1953 г. югославская тема отсутствует, хотя упомянутая выше статья В. Московского, содержавшая оскорбления Тито, там обсуждалась. Специалист по Чехословакии И. П. Медведев заявил: «На материалах пятого номера лежит печать отставания от требований дня»⁶⁷. Возможно банальное объяснение: СК СССР не сразу остановил... подготовку к годовщине осуждения компартии Югославии на заседании Коминформа в 1948 г. 19 марта 1953 г. в записке Гундорову с рекомендациями по мероприятиям СК СССР ответственный секретарь комитета В. В. Мочалов, в частности, написал: «В июне т/г⁶⁸ исполняется пятая годовщина со дня исторического решения Информбюро по Югославии <...> Мероприятия по плану правильные, но желательно их значительно расширить»⁶⁹. Хронологию событий позволяет уточ-

62 *Московский В.* Историческая заслуга советского народа // Славяне. 1953. № 5. С. 16; Деликатная миссия Джорджа Аллена // Славяне. 1953. № 5. С. 36.

63 *Удальцов И.* Свободные народы Чехословакии строят социализм // Славяне. 1953. № 5. С. 23.

64 *Кирсанов В.* Жилищный кризис в Югославии // Славяне. 1953. № 5. С. 29.

65 *Романенко С. А.* Между «пролетарским интернационализмом»... С. 526–527.

66 Там же. С. 531.

67 ГАРФ. Ф. Р-9170. Оп. 1. Д. 40. Л. 55.

68 Текущего года.

69 ГАРФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 313. Л. 17об.

нить датировка не пошедших в журнал статей о Югославии. Очерк А. Тверского «Белград сегодня» датирован 17 мая 1953 г.⁷⁰, статья М. В. Левченко «Завоевание турками Константинополя в 1453 году и историческое значение этого события», направленная против стран Балканского пакта, — 23 февраля 1953 г.⁷¹, но напрашивается дата 23 мая, близкая к 500-летию падения Константинополя. Описка в римской цифре — II вместо V — возможна. Статья Ф. Волошина «За что хвалят югославские фашисты турецкую “демократию”» датирована 29 мая 1953 г.⁷² С. Н. Пилипчук ответил: «Тов. Сафоновой. Включите в ведомость для оплаты как непошедшую не по вине автора». Дата — 16.06.1953⁷³. Итак, в первой половине июня 1953 г. журналу «Славяне» велели прекратить антиюгославскую кампанию. Как раз в это время в СССР приняли решение об обмене послами с ФНРЮ⁷⁴.

В № 6 и 7 журнал молчал о Югославии. Напротив, в плане журнала Славянского комитета Чехословакии «Словански пшеглед» на июль — октябрь, присланном из Праги в Москву, в № 7 стояла статья «Балканский пакт поджигателей войны», в № 9 — «Тито и его клика — несчастье для югославского народа». Две антититовские статьи из семидесяти — немного, но больше, чем ничего⁷⁵.

Генерал Гундоров продолжал писать свою статью. В частности, он обозвал Тито агентом многих охранок. Судя по его замечанию, что СССР и страны народной демократии «сейчас готовятся к битве за урожай»⁷⁶, текст можно датировать июнем-июлем 1953 г. Возможно, Гундорова и прочих противников ФНРЮ вдохновил арест Л. П. Берии, раскритикованного на июльском пленуме ЦК КПСС в том числе за попытку заново подружиться с югославами⁷⁷.

Статья генерала не увидела свет. Очевидно, в ЦК КПСС разъяснили, что с прежней конфронтацией покончено. С № 8 за 1953 г. жур-

70 Там же. Ф. Р-9170. Оп. 1. Д. 228. Л. 71–73.

71 Там же. Д. 227. Л. 31.

72 Там же. Д. 228. Л. 70.

73 Там же. Л. 57а.

74 Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом»... С. 527.

75 ГАРФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 326. Л. 5–7 (на чешском языке); Д. 325. Л. 121–124 (перевод на русский).

76 Там же. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 264. Л. 102об.

77 Стенограмма июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999. С. 101, 193, 222–223, 246, 370.

нал «Славяне» стал критиковать недостатки Югославии в спокойном тоне, без перехода на личности⁷⁸, и напоминать о славном прошлом⁷⁹. В результате половина номеров до нормализации отношений СССР и ФНРЮ вышла без югославских материалов.

В середине 1954 г. была без объявления в печати закрыта газета югославских эмигрантов в СССР, а ее коллектив исключили из штата Славянского комитета СССР. В № 10 журнала «Славяне» за 1954 г. к 10-й годовщине освобождения Белграда вышла статья П. Никитина «Памятные дни», где не говорилось о современности.

О достигнутом между СССР и ФНРЮ компромиссе поведал 6 ноября 1954 г. на заседании Моссовета член Президиума ЦК КПСС М. З. Сабуров: «За последнее время улучшились отношения нашей страны с Югославией <...> Югославское правительство⁸⁰ изъявило готовность сотрудничать <...> Проявления ссоры и неприязни, наблюдавшиеся в последние годы, выгодны только врагам СССР и Югославии, врагам мира. Советское Правительство будет содействовать полной нормализации, укреплению старинной дружбы наших народов с братскими народами Югославии»⁸¹.

На партсобрании 19 сентября 1955 г. Гундоров каялся: «Надо сказать, что журнал поздно, только с 12 номера 1954 г., и крайне робко стал помещать статьи дружеского характера, связанные с Югославией, и только с шестого номера этого года, то есть после переговоров, стал коренным образом перестраиваться на дружеский тон и давать правдивую информацию о Югославии»⁸². Возможно, генерал имел в виду № 11 с выступлением Сабурова, так как упоминания о Югославии в журнале «Славяне» № 12 за 1954 г. и № 1–5 за 1955 г. приходится выискивать под микроскопом⁸³. Не сообщалось даже об экономических соглашениях СССР с ФНРЮ, заключенных в конце 1954 г. В статье специалиста по истории южных славян В. Зеленина к 14-летию

78 Югославия в планах Пентагона // Славяне. 1953. № 8; Результат пренебрежения здоровьем народа // Славяне. 1953. № 10; *Игорев И.* Старые знакомые // Славяне. 1954. № 2 (об отдыхе эсэсовцев в Югославии).

79 *Карасев В.* Связи русских и сербских революционных демократов // Славяне. 1953. № 8; *Рыльский М.* Вук Караджич // Славяне. 1954. № 1.

80 Речь шла не о партийном, а о государственном руководстве.

81 Цит. по: К новым победам // Славяне. 1954. № 11. С. 4–5.

82 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 99. Л. 50.

83 *Маресьев А.* Совместными усилиями народы могут преградить путь войне // Славяне. 1955. № 2. С. 24–25.

переворота Д. Симовича критиковался Балканский пакт наряду с Североатлантическим: «Народы Югославии не забудут, какую опасность самому их существованию несут агрессивные военные блоки»⁸⁴.

Предположительно в это же время в аппарате СК СССР появился необычный документ — неподписанный машинописный текст «О югославской тематике в журнале “Славяне”». Тематика предполагалась по преимуществу исторической. Рекомендовалось также дать серию статей и заметок о юбилеях некоторых национальных и культурных учреждений Югославии; прорецензировать книгу А. Н. Грацианского «Природа Югославии». В хронике аноним предлагал сообщать о выступлениях югославских артистов и спортсменов в СССР. По фразе о юбилеях текущего года текст датируется 1955 г., но месяц установить не удастся⁸⁵.

№ 6 «Славян» начинался с передовой статьи о переговорах между СССР и ФНРЮ на высшем уровне, в которой вина за разрыв не возлагалась ни на кого. Тем фактически признавалась ответственность советской стороны. Цитировалось выступление Хрущева в Софии — на обратном пути: «Югославия не поступилась своим суверенитетом, полностью сохранила свою независимость перед лицом империалистического лагеря». Автор передовицы предсказывал: «Отныне Балканы становятся одним из наиболее спокойных уголков земли» и предвидел улучшение отношений СССР и Болгарии с двумя другими участниками Балканского пакта⁸⁶. Также в номере можно было найти, помимо традиционной по тематике статьи о русско-сербских литературных связях, сообщения о постановках югославских театров и о югославском фильме «Буря». В следующем номере обращало на себя внимание интервью с директором московской школы № 56 П. С. Окуньковым о поездке в Югославию 13–17 мая 1955 г. Там его встретили по-дружески. Пошла в номер и рецензия на книгу А. Н. Грацианского⁸⁷.

На партсобрании антифашистских комитетов 10 августа 1955 г. Гундоров посоветовал коммунистам в редакции «Славян» исправить «допущенные в пылу борьбы с СКЮ» ошибки⁸⁸. Он упомянул жалобу

84 Зеленин В. Знаменательная дата в истории народов Югославии // Славяне. 1955. № 3. С. 24.

85 ГАРФ. Ф. Р-6646. Оп. 4. Д. 47. Л. 54–56.

86 За дальнейшее улучшение советско-югославской дружбы и сотрудничества // Славяне. 1955. № 6. С. 6–9.

87 Бондарь Н. Интересные сведения о Югославии // Славяне. 1955. № 7. С. 57.

88 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 99. Л. 24–25.

Бориса Зихерла: «Как могла Назарова в журнале “Славяне” назвать меня шпионом?» и сразу добавил: «Кстати, надо сказать, что такого выступления Назаровой в журнале не было»⁸⁹ и кто-то ему наврал, стремясь расчех (так! — А. З.) его ненависть к Советскому Союзу, пользуясь тем, что проверить было нельзя (журнал поступал в Югославию всего в 2-х экземплярах)»⁹⁰.

«Главный же упор в нашей работе сейчас должен быть сделан на журнал “Славяне”. Надо сказать, что журнал <...> только с 6-го номера этого журнала, то есть после переговоров, стал коренным образом перестраиваться на дружеский тон и давать правдивую информацию о Югославии. Я предварительно не беседовал с руководителями журнала, <...> считая, что они сами расскажут о мерах по исправлению ошибок». Сам же Гундоров предлагал следующее:

А) Не ударятся (так! — А. З.) в другую крайность: в безудержное восхваление всего относящегося к Югославии;

Б) Следует подумать, как можно было бы давать правдивую информацию об организации государственных органов ФНРЮ, управления промышленности и сельским хозяйством <...> Люди знают, что там есть особенности, и очень этим интересуются;

В) <...> Мне кажется, надо исходить из нашей специфики, со славянских позиций, с которых ни кто (так! — А. З.), кроме нас, выступать не будет. Едва ли кто в Югославии решится выступать против славянской дружбы, если она будет <...> отмежевываться от панславизма <...>»⁹¹.

В 9-м номере журнала в разделе «Коротко» можно найти множество новостей из жизни ФНРЮ, в основном о дружбе с Болгарией. Символом возврата к прежним отношениям стал № 11, где в связи с днем независимости ФНРЮ описывались отличия ее государственного устройства от советского: «В системе центральных органов ФНРЮ нет хозяйственных министерств <...> Всеми предприятиями управляют рабочие советы»⁹². Еще важнее была статья о конгрессе славистов в Белграде. Слова докладчика «Академия наук СССР предполагает

89 Нам тоже не удалось его обнаружить. А. Назарова могла, руководя югославским сектором отдела печати СК СССР, составить биографическую справку на Зихерла.

90 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 99. Л. 46–48.

91 Там же. Л. 49–52.

92 Макаренко Я. Национальный праздник народов Югославии // Славяне. 1955. № 11. С. 14.

провести съезд славистов в 1958 г. в Москве» вызвали аплодисменты⁹³. И в том же номере журнала на обложке среди стран, где принималась подписка на «Славяне», появилась Югославия. Причиной тому стал визит А. И. Микояна в ФНРЮ, закончившийся 3 октября 1955 г. В Белграде он пожаловался Тито: «Несколько месяцев назад наши работники обратились с предложением, чтобы на начале взаимности» в стране продавались советские газеты, журналы и книги. Но югославские организации не отвечали, «а наших газет и журналов в Белграде нельзя достать». Тито ответил, что не знал этого (!) и он против запретов. «Ведь в Белграде продаются другие иностранные издания, почему не должны продаваться советские?»⁹⁴ Точку зрения вождя, надо полагать, быстро довели до издательства «Југословенска књига». Увы, в справке начала 1958 г. среди стран, где журнал распространялся по подписке, ФНРЮ не оказалось (в отличие от Триеста)⁹⁵. В Югославии его получали только по обмену или в дар.

В середине 1956 г. советско-югославские отношения находились на небывалой с 1947 г. высоте, чему были свидетельством №№ 5–7 журнала со статьями, посвященными визитам в СССР секретаря ЦК Народной молодежи Югославии М. Трипало и самого И. Броз Тито. Следующее обострение отношений между КПСС и СКЮ было вызвано критикой со стороны белградского руководства советской интервенции в Венгрию в ноябре 1956 г.⁹⁶ Журнал «Славяне» в кампанию не включился, просто с № 12 за 1956 г. из него пропали статьи о Югославии (за исключением материалов по истории литературы)⁹⁷.

В мае 1957 г. СССР посетила делегация югославских журналистов, в июне — министр обороны ФНРЮ И. Гошняк (а в октябре визит югославам отдал Г. К. Жуков), в октябре же Хрущев принял югослав-

93 *Борковский В.* Международное совещание славистов в Белграде // *Славяне*. 1955. № 11. С. 13–14.

94 Сообщение А. И. Микояна о пребывании в Югославии с 18 сентября по 3 октября 1955 г. 11 октября 1955 г. // *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.* М., 2014. Т. 1. 1946–1964. С. 634.

95 ГАРФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 414. Л. 1.

96 *Романенко С. А.* Между «пролетарским интернационализмом»... С. 586–591.

97 *Брагин Ю.* Милован Глешич — переводчик русской литературы // *Славяне*. 1957. № 1; *Иовчук М.* Произведения выдающегося сербского демократа // *Славяне*. 1957. № 2.

ских ветеранов войны. № 5 журнала «Славяне» за 1957 г. поместил статью «Советско-югославские торговые отношения», а в № 6 ряд заметок сообщал об обмене научными работниками и книгами между двумя странами.

Летом 1957 г. журнал «Славяне» впервые осветил борьбу за власть в СССР, в особенности раскритиковав Молотова как министра иностранных дел: «Выступал против мер, принимаемых Президиумом ЦК КПСС для нормализации отношений с Югославией <...> Установление дружеских отношений, против чего т. Молотов выступал до последнего времени, благоприятно сказалось на улучшении обстановки на Балканах и во всей Юговосточной Европе <...> Нападкам со стороны Молотова подвергалось принципиальное положение партии о возможности различных путей перехода к социализму в разных странах»⁹⁸. В сентябрьском номере журнала Югославию назвали социалистической страной⁹⁹; регулярно печатались статьи П. Никитина о республиках Югославии. В разделе библиографии появилась заметка о книге Франьо Туджмана «Война войне», где будущий первый президент Хорватии выступал в роли теоретика партизанской войны¹⁰⁰. Очередная годовщина независимости ФНРЮ — 29 ноября — была отмечена статьей в журнале и вечером, правда, организованным без участия СК СССР¹⁰¹. Зато в начале следующего года СК СССР вместе с Советским комитетом ветеранов войны устроил встречу советских участников боев в Югославии¹⁰².

Последние заметки на югославскую тему были напечатаны в № 3 журнала за 1958 г.¹⁰³, а дальше — молчание до № 9, и это во время подготовки к конгрессу славистов, освещавшейся в каждом номере! Кроме того, на партсобрании Славянского комитета СССР 9 декабря 1957 г. член редколлегии «Славян» К. Е. Комаров призвал чаще освещать жизнь Югославии в журнале. «Надо восстанавливать прежние

98 Партия и народ всегда едины // Славяне. 1957. № 7. С. 4–5.

99 Растут и крепнут международные силы социализма // Славяне. 1957. № 9. С. 4.

100 Исследование югославского историка // Славяне. 1957. № 12. С. 58.

101 В честь национального праздника Югославии // Славяне. 1957. № 12. С. 59.

102 Встреча участников освобождения Югославии // Славяне. 1958. № 1. С. 62.

103 Культурное сотрудничество между СССР и ФНРЮ // Славяне. 1958. № 3. С. 30; Югославские скульптуры // Там же. С. 59.

связи и прежде всего приглашение делегаций». Главный редактор С. Н. Филиппчук возразил: «Работать на Югославию можно только через Союз коммунистов Югославии»¹⁰⁴. Увы, вскоре произошел очередной конфликт СКЮ с КПСС.

В апреле 1958 г. в Москву из Белграда прислали проект новой программы СКЮ, одобренный на съезде СКЮ, состоявшемся 22–26 апреля. ЦК КПСС не устроила критика претензий Сталина на диктат в Восточной Европе и претензий КПСС на гегемонию в международном коммунистическом и рабочем движении. С конца апреля 1958 г. по начало 60-х программа СКЮ подвергалась обвинениям в ревизионизме¹⁰⁵, хотя накал полемики был несравним с 1949–1952 гг. Практически одновременно сотрудникам «Славян» сообщили о закрытии журнала с 1959 г.

№ 10 «Славян» за 1958 г. осветил конгресс славистов в Москве. Авторы статьи сообщили состав делегаций всех славянских стран, кроме югославской. В заключительном слове ее глава академик Александр Белич заявил, что Москва, советские слависты, особенно В. В. Виноградов, могут гордиться проведением Конгресса¹⁰⁶. Ни СССР, ни КПСС он не похвалил.

Больше в «Славянах» ничего не писали о Югославии, а закончил свою деятельность журнал рецензией на сборник статей «Ревизионизм — главная опасность» в рубрике «Новые книги» № 12 за 1958 г. В сборнике помещались речь Н. С. Хрущева на съезде Болгарской коммунистической партии и статья из газеты «Правда» от 9 мая 1958 г. с критикой программы СКЮ; среди прочих статей две также критиковали руководство ФНРЮ.

Какова же была эффективность помещенных в «Славянах» статей о Югославии? Мы знаем о широкой известности только одной из них — редакционной в № 2 за 1949 г. В 1958 г. редколлегия составила список статей журнала, перепечатанных в «прогрессивной» славянской прессе капиталистических стран и Югославии в 1957 — начале 1958 г. На ФНРЮ пришлось 4 перепечатки из 154-х, причем статью о югославах — участниках Октябрьской революции перепечатали «Политика» и «Борба»¹⁰⁷. При такой скудости странным

104 ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 121. Л. 95–97об.

105 Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом»... С. 614–625.

106 Международный съезд славистов в Москве // Славяне. 1958. № 10. С. 8–15.

107 ГАРФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 414. Л. 26.

выглядело изобилие югославских изданий, с которыми редколлегия обменивалась экземплярами и приветствиями: 36 газет и журналов в 10 городах ФНРЮ, включая Приштину. При этом материалы для журнала готовили только в Загребе: на университетской кафедре русской литературы и в Институте истории Югославской академии наук и искусств. Связей с Комитетом славистов Югославии у журнала не было¹⁰⁸.

В целом журнал плелся в хвосте официальной линии партии и правительства, предпочитая или будучи вынужден во время перемены курса замалчивать югославскую тематику. Единственное исключение — № 5 за 1953 год. № 6, судя по невышедшим статьям, планировался в том же ключе, но в первой половине июня на поношение властей ФНРЮ был наложен окончательный запрет.

Была ли акция редколлегии «Славян» и лично А. С. Гундорова независимой? Очевидно, нет. Скорее всего, она стала результатом разногласий в советском руководстве относительно Югославии.

Общественно-политический журнал «Славяне» стал жертвой политики пролетарского интернационализма, проводившейся Н. С. Хрущевым и ЦК КПСС. На советско-югославских отношениях она, на первый взгляд, не сказалась, но в конечном счете нерешенность национального вопроса разрушила оба государства.

Источники и литература

- Антифашистское вече Югославии // Славяне. 1943. № 1. С. 55.
Арсо Иованович (Биографический очерк) // Правда. 1948. 8 сентября. С. 2.
Белинков С. Турция и Балканы // Славяне. 1947. № 12. С. 32.
Бондарь Н. Интересные сведения о Югославии // Славяне. 1955. № 7. С. 57.
Борковский В. Международное совещание славистов в Белграде // Славяне. 1955. № 11. С. 18–20.
Брагин Ю. Милован Глешич – переводчик русской литературы // Славяне. 1957. № 1. С. 43–44.
Броз-Тито И. Выполнение решений Антифашистского веча народного освобождения Югославии // Славяне. 1944. № 5. С. 3–6.
Броз-Тито И. Жизнеспособность новой Югославии // Славяне. 1946. № 6–7. С. 13–15.
В честь национального праздника Югославии // Славяне. 1957. № 12. С. 59.

108 Там же. Л. 7–8.

- Влахович В.* Провал двух крупных наступательных операций оккупантов // Славяне. 1943. № 7. С. 17–20.
- Встреча участников освобождения Югославии // Славяне. 1958. № 1. С. 62.
- Выход в свет первого номера газеты «За социалистическую Югославию» // Правда. 1949. 1 мая. С. 4.
- Гаврилов Г.* Книга, которая учит побеждать // Славяне. 1948. № 10. С. 9–15.
- Да здравствует боевое единство славянских народов! // Славяне. 1943. № 4. С. 3–6.
- Деликатная миссия Джорджа Аллена // Славяне. 1953. № 5. С. 36.
- Державин Н.* Важный вклад в дело мира // Славяне. 1947. № 8. С. 27–30.
- Джилас М.* Новые политические законы в Югославии // Славяне. 1945. № 8–9. С. 17–18.
- Джилас М.* Советский Союз и Югославия // Славяне. 1945. № 7. С. 19–20.
- Джилас М.* Советский человек и наша борьба // Славяне. 1945. № 6. С. 17–18.
- Дитякин В.* Национально-освободительная борьба в Югославии (обзор за июль) // Славяне. 1943. № 8. С. 40–41.
- Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. 612 с.
- За дальнейшее улучшение советско-югославской дружбы и сотрудничества // Славяне. 1955. № 6. С. 6–9.
- Зайцев А. В.* Конец Общеславянского комитета // Славяноведение. 2019. № 1. С. 96–102. DOI:S0869544X0003676-6-1
- Заявление антифашистского веча в Югославии // Славяне. 1943. № 2. С. 42.
- Зихерл Б.* Новая конституция Югославии // Славяне. 1946. № 1. С. 14–19.
- Иванович И.* Югославия глазами очевидца // Славяне. 1950. № 10. С. 59–62.
- Игорев И.* Старые знакомые // Славяне. 1954. № 2. С. 32–33.
- Иовчук М.* Произведения выдающегося сербского демократа // Славяне. 1957. № 2. С. 55–58.
- Исследование югославского историка // Славяне. 1957. № 12. С. 58.
- К новым победам // Славяне. 1954. № 11. С. 3–5.
- К пребыванию в Москве маршала Тито // Славяне. 1945. № 4. С. 25–35.
- Карасев В.* Связи русских и сербских революционных демократов // Славяне. 1953. № 8. С. 33–35.
- Кирсанов В.* Жилищный кризис в Югославии // Славяне. 1953. № 5. С. 28–29.
- Кирсанов В.* Победа принципа демократического сотрудничества между народами // Славяне. 1948. № 9. С. 22–23.
- Клика Тито без маски // Славяне. 1949. № 9. С. 18–24.
- Клика Тито – заклятый враг югославских народов (по страницам югославской печати) // Славяне. 1950. № 5. С. 30–33.

- Куда ведет национализм группы Тито в Югославии // Правда. 1948. 8 сентября. С. 2.
- Культурное сотрудничество между СССР и ФНРЮ // Славяне. 1958. № 3. С. 30–31.
- Ложь в университетском издании // Славяне. 1947. № 9. С. 35.
- Макаренко Я.* Национальный праздник народов Югославии // Славяне. 1955. № 11. С. 13–14.
- Масларич Б., Влахович В.* Вклад югославских патриотов в общее дело борьбы против немецких захватчиков // Славяне. 1943. № 10. С. 17–25.
- Матонин Е. В.* Иосип Броз Тито. М.: Молодая гвардия, 2012 (ЖЗЛ, вып. 1569). 464 с.
- Маяк, освещающий дорогу и дающий перспективы трудящимся мира // Славяне. 1948. № 10. С. 3–8.
- Международный съезд славистов в Москве // Славяне. 1958. № 10. С. 8–15.
- Московский В.* Историческая заслуга советского народа // Славяне. 1953. № 5. С. 6–11.
- Никитович Н.* Мужественный сын югославского народа // Славяне. 1949. № 9. С. 24–27.
- Новозеландский солдат в рядах югославских партизан // Славяне. 1943. № 1. С. 59.
- Осинов Б.* Югославия и Италия (по страницам югославской печати) // Славяне. 1945. № 12. С. 15–19.
- Остановить кровавый топор палачей Тито-Ранковича! // Славяне. 1949. № 8. С. 30–33.
- Памяти Петра Негоша // Славяне. 1951. № 11. С. 60.
- Памяти Светозара Марковича // Славяне. 1950. № 4. С. 63.
- Партия и народ всегда едины // Славяне. 1957. № 7. С. 3–5.
- Под прикрытием клеветнической завесы // Славяне. 1947. № 7. С. 33.
- Предатель Михайлович в руках правосудия // Славяне. 1946. № 4. С. 22–23.
- Растут и крепнут международные силы социализма // Славяне. 1957. № 9. С. 3–5.
- Регент И.* О Триесте и Истрии (Да восторжествует справедливость!) // Славяне. 1945. № 10. С. 21–24.
- Результат пренебрежения здоровьем народа // Славяне. 1953. № 10. С. 30.
- Романенко С. А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год). М.: НЛО, 2011. 1024 с.
- Рыльский М.* Вук Караджич // Славяне. 1954. № 1. С. 50–51.

Соловьев О. Заговор белградских фашистов против Албании // Славяне. 1950. № 12. С. 55–56.

Сообщение А. И. Микояна о пребывании в Югославии с 18 сентября по 3 октября 1955 г. 11 октября 1955 г. // Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2014. Т. 1. 1946–1964.

Срешец З. Народная Республика Хорватия // Славяне. 1948. № 1. С. 52–56.

Страх перед правдой // Славяне. 1950. № 1. С. 40.

Удальцов И. Свободные народы Чехословакии строят социализм // Славяне. 1953. № 5. С. 23–25.

Устинов Ю. Каринтия – словенская земля // Славяне. 1947. № 4. С. 32–36.

Швоб В. Четыре года борьбы югославского народа // Славяне. 1945. № 3. С. 12–15.

Щербаков — Сталину. 21.04.1942 // Архив Александра Н. Яковлева. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1016019> (дата обращения: 01.11.2020).

Югославия в планах Пентагона // Славяне. 1953. № 8. С. 46–47.

Югославские националисты – пособники империалистов // Славяне. 1949. № 2. С. 7–13.

Югославские скульптуры // Славяне. 1958. № 3. С. 59.

Южнославянские национальные меньшинства в Венгрии и Румынии дают отпор белградским провокаторам // Славяне. 1950. № 9. С. 33–35.

References

“Antifashistskoe veche Jugoslavii.” *Slaviane*, no. 1, 1943, p. 55.

“Arso Iovanovich (Biograficheski ocherk).” *Pravda*, 8 Sept. 1948, p. 2.

Belinkov, S. “Turtsiia i Balkany.” *Slaviane*, no. 12, 1947, p. 32.

Bondar’, N. “Interesnye svedeniia o Jugoslavii.” *Slaviane*, no. 7, 1955, p. 57.

Borkovskii, V. “Mezhdunarodnoe soveshchanie slavistov v Belgrade.” *Slaviane*, no. 11, 1955, pp. 18–20.

Bragin, Iu. “Milovan Gleshich – perevodchik russskoi literatury.” *Slaviane*, no. 1, 1957, pp. 43–44.

Broz-Tito, I. “Vypolnenie reshenii Antifashistskogo vecha narodnogo osvobodzheniia Jugoslavii.” *Slaviane*, no. 5, 1944, pp. 3–6.

Broz-Tito, I. “Zhiznesposobnost’ novoi Jugoslavii.” *Slaviane*, no. 6–7, 1946, pp. 13–15.

“Da zdravstvuet boeoe edinstvo slavianskikh narodov!” *Slaviane*, no. 4, 1943, pp. 3–6.

- “Delikatnaia missiia Dzhordzha Allena.” *Slaviane*, no. 5, 1953, p. 36.
- Derzhavin, N. “Vazhnyi vklad v delo mira.” *Slaviane*, no. 8, 1947, pp. 27–30.
- Dzhilas, M. “Novye politicheskie zakony v Iugoslavii.” *Slaviane*, no. 8–9, 1945, pp. 17–18.
- Dzhilas, M. “Sovetskii chelovek i nasha bor’ba.” *Slaviane*, no. 6, 1945, pp. 17–18.
- Dzhilas, M. “Sovetskii Soiuz i Iugoslaviia.” *Slaviane*, no. 7, 1945, pp. 19–20.
- Ditiakin, V. “Natsional’no-osvoboditel’naia bor’ba v Iugoslavii (obzor za iul’).” *Slaviane*, no. 8, 1943, pp. 40–41.
- Edemskii, A. B. *Ot konflikta k normalizatsii: sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 godakh*. Moscow: Nauka, 2008, 612 p.
- Gavrilov, G. “Kniga, kotoraiia uchit pobezhdat.” *Slaviane*, no. 10, 1948, pp. 9–15.
- Igorev, I. “Starye znakomye.” *Slaviane*, no. 2, 1954, pp. 32–33.
- Iovchuk, M. “Proizvedeniia vydaiushchegosia serbskogo demokrata.” *Slaviane*, no. 2, 1957, pp. 55–58.
- “Issledovanie iugoslavskogo istorika.” *Slaviane*, no. 12, 1957, p. 58.
- “Iugoslaviia v planakh Pentagona.” *Slaviane*, no. 8, 1953, pp. 46–47.
- “Iugoslavskie natsionalisty – posobniki imperialistov.” *Slaviane*, no. 2, 1949, pp. 7–13.
- “Iugoslavskie skul’ptury.” *Slaviane*, no. 3, 1958, p. 59.
- “Iuzhnoslavianskie natsional’nye men’shinstva v Vengrii i Rumynii daiut otpor belgradskim provokatoram.” *Slaviane*, no. 9, 1950, pp. 33–35.
- Ivanovich, I. “Iugoslaviia glazami ochevidtsa.” *Slaviane*, no. 10, 1950, pp. 59–62.
- “K novym pobedam.” *Slaviane*, no. 11, 1954, pp. 3–5.
- “K prebyvaniu v Moskve marshala Tito.” *Slaviane*, no. 4, 1945, pp. 25–35.
- Karasev, V. “Sviasi russkikh i serbskikh revoliutsionnykh demokratov.” *Slaviane*, no. 8, 1953, pp. 33–35.
- Kirsanov, V. “Zhilishchnyi krizis v Iugoslavii.” *Slaviane*, no. 5, 1953, pp. 28–29.
- Kirsanov, V. “Pobeda printsipa demokraticeskogo sotrudnichestva mezhdru narodami.” *Slaviane*, no. 9, 1948, pp. 22–23.
- “Klika Tito bez maski.” *Slaviane*, no. 9, 1949, pp. 18–24.
- “Klika Tito – zakliatiy vrag iugoslavskikh narodov (po stranitsam iugoslavskoi pechati).” *Slaviane*, no. 5, 1950, pp. 30–33.
- “Kuda vedet natsionalizm grupy Tito v Iugoslavii.” *Pravda*, 8 Sept. 1948, p. 2.
- “Kul’turnoe sotrudnichestvo mezhdru SSSR i FNRIu.” *Slaviane*, no. 3, 1958, pp. 30–31.
- “Lozh’ v universitetskom izdani.” *Slaviane*, no. 9, 1947, p. 35.
- Makarenko, Ia. “Natsional’nyi prazdnik narodov Iugoslavii.” *Slaviane*, no. 11, 1955, pp. 13–14.
- Maslarich, B., Vlakhovich, V. “Vklad iugoslavskikh patriotov v obshchee delo bor’by protiv nemetskikh zakhvatchikov.” *Slaviane*, no. 10, 1943, pp. 17–25.

Matonin, E. V. *Iosip Broz Tito*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012 (ZhZL, vyp. 1569), 464 p.

“Maiak, osveshchaiushchii dorogu i daiushchii perspektivy trudiashchimsia mira.” *Slaviane*, no. 10, 1948, pp. 3–8.

“Mezhdunarodnyi s’ezd slavistov v Moskve.” *Slaviane*, no. 10, 1958, pp. 8–15.

Moskovskii, V. “Istoricheskaia zasluga sovetского naroda.” *Slaviane*, no. 5, 1953, pp. 6–11.

Nikitovich, N. “Muzhestvennyi syn iugoslavskogo naroda.” *Slaviane*, no. 9, 1949, pp. 24–27.

“Novozelandskii soldat v riadakh iugoslavskikh partizan.” *Slaviane*, no. 1, 1943, p. 59.

Osipov, B. “Iugoslaviia i Italiia (po stranitsam iugoslavskoi pečati).” *Slaviane*, no. 12, 1945, pp. 15–19.

“Ostanovit’ krovavyi topor palachei Tito-Rankovicha!” *Slaviane*, no. 8, 1949, pp. 30–33.

“Pamiati Petra Negosha.” *Slaviane*, no. 11, 1951, p. 60.

“Pamiati Svetozara Markovicha.” *Slaviane*, no. 4, 1950, p. 63.

“Partiia i narod vsegda ediny.” *Slaviane*, no. 7, 1957, pp. 3–5.

“Pod prikrytiem klevetnicheskoi zavesy.” *Slaviane*, no. 7, 1947, p. 33.

“Predatel’ Mikhailovich v rukakh pravosudiia.” *Slaviane*, no. 4, 1946, pp. 22–23.

“Rastut i krepnut mezhdunarodnye sily sotsializma.” *Slaviane*, no. 9, 1957, pp. 3–5.

Regent, I. “O Trieste i Istrii (Da vostorzhestvuet spravedlivost’!)” *Slaviane*, no. 10, 1945, pp. 21–24.

“Rezul’tat prenebrezheniia zdorov’em naroda.” *Slaviane*, no. 10, 1953, p. 30.

Romanenko, S. A. *Mezhdru “proletarskim internatsionalizmom” i “slavianskim bratstvom”*. Rossiisko-iugoslavskie otnosheniia v kontekste etnopoliticheskikh konfliktov v Srednei Evrope (nachalo XX veka — 1991 god). Moscow: NLO, 2011, 1024 p.

Ryl’skii, M. “Vuk Karadzhih.” *Slaviane*, no. 1, 1954, pp. 50–51.

“Shcherbakov — Stalinu. 21.04.1942.” *Arkhiv Aleksandra N. Iakovleva*. <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1016019>. Accessed 1 Nov. 2020.

Shvob, V. “Chetyre goda bor’by iugoslavskogo naroda.” *Slaviane*, no. 3, 1945, pp. 12–15.

Solov’ev, O. “Zagovor belgradskikh fashistov protiv Albanii.” *Slaviane*, no. 12, 1950, pp. 55–56.

“Soobshchenie A. I. Mikoiana o prebyvanii v Iugoslavii s 18 sentiabria po 3 oktiabria 1955 g. 11 oktiabria 1955 g.” *Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Iugoslavii v 1946–1980 gg*. Moscow: Mezhdunar. fond “Demokratiia”, 2014, vol. 1. 1946–1964.

- Sreshets, Z. “Narodnaia Respublika Khorvatia.” *Slaviane*, no. 1, 1948, pp. 52–56.
- “Strakh pered pravdoi.” *Slaviane*, no. 1, 1950, p. 40.
- Udal'tsov, I. “Svobodnye narody Chekhoslovakii stroiat sotsializm.” *Slaviane*, no. 5, 1953, pp. 23–25.
- Ustinov, Iu. “Karintia – slovenskaia zemlia.” *Slaviane*, no. 4, 1947, pp. 32–36.
- “V chest' natsional'nogo prazdnika Iugoslavii.” *Slaviane*, no. 12, 1957, p. 59.
- Vlakhovich, V. “Proval dvukh krupnykh nastupatel'nykh operatsii okkupan-tov.” *Slaviane*, no. 7, 1943, pp. 17–20.
- “Vstrecha uchastnikov osvobodzheniia Iugoslavii.” *Slaviane*, no. 1, 1958, p. 62.
- “Vykhod v svet pervogo nomera gazety «Za sotsialisticheskuiu Iugoslaviuu.»” *Pravda*, 1 May 1949, p. 4.
- “Za dal'neishee uluchshenie sovetsko-iugoslavskoi družby i sotrudnich-estva.” *Slaviane*, no. 6, 1955, pp. 6–9.
- “Zaiavlenie antifashistskogo vecha v Iugoslavii.” *Slaviane*, no. 2, 1943, p. 42.
- Zaitsev, A. V. “Konets Obshchslavianskogo komiteta.” *Slavianovedenie*, no. 1, 2019, pp. 96–102. DOI:S0869544X0003676-6-1.
- Zikherl, B. “Novaia konstitutsiia Iugoslavii.” *Slaviane*, no. 1, 1946, pp. 14–19.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.06

Zaytsev A. V.

Yugoslavia on the pages of the journal *Slavyane* (1942–1958)

Aleksandr V. Zaytsev

PhD student

Russian State University for Humanities

119435, Bolshaya Pirogovskaya st. 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: zajczew.aleks2013@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5087-5831

Citation

Zaytsev A. V. Yugoslavia on the pages of the journal *Slavyane* (1942–1958) // *Slavic Almanac*. 2021. № 1–2. P. 100–126 (In Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.06

Received: 25.11.2020.

Abstract

The journal *Slavyane* was created by the Central Committee of All-Union Communist Party (Bolsheviks) as an organ of internal and external political propaganda aimed at Russian-speaking Slavs. It reflected

the pullback of Soviet foreign policy from proletarian internationalism. The policy of its editorial board towards Yugoslavia repeated the one of the Party, but sensitive subjects were avoided or covered with a delay on the pages of the journal. Josip Broz Tito as spokesman for the aspirations of Yugoslav peoples was extolled since 1943 while D. Mihajlović's activities had not been covered until his condemnation in October 1943. The journal supported the government of the People's Federative Republic of Yugoslavia until early 1948, condemned it since late 1949 to early 1953, kept silence on Yugoslavia for several months in 1948–1949, 1953–1954, 1956, 1957 and 1958. Each time such deliberate silence had been caused by the aggravation or, on the contrary, by attempts to break ice in relations between the Soviet Union and People's Federative Republic of Yugoslavia, the All-Union Communist Party (Bolsheviks) / the Communist Party of the Soviet Union and the Communist Party of Yugoslavia / the Union of Yugoslavian Communists. The only exception from the rule seems to be Issue 5/1953 of the journal which contains anti-Tito insults but they may be due to struggle on top of the Soviet government. Overall, the policy of the editorial board was marked by more caution and desire to cover up problems than the policy of Party newspapers.

Keywords

The Slavic Committee of the USSR, the journal "Slavyane", I. V. Stalin, Josip Broz Tito, Alexander Gundorov, Sergei Pilipchuk.

**«Планом предусмотрено известное расширение
сотрудничества»:
взгляд югославской дипломатии на югославно-советские
литературные связи. 1961–1964**

Стоянович Душица
Исследователь
Центр российских и восточноевропейских исследований им. М. Йо-
вановича
Историческое отделение Философского факультета Белградского
университета
11000, Чика Любина 18-20, Белград, Сербия
E-mail: dusicas996@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1560-4256

Цитирование

Стоянович Д. «Планом предусмотрено известное расширение со-
трудничества»: взгляд югославской дипломатии на югославно-
советские литературные связи. 1961–1964 // Славянский альманах.
2021. № 1–2. С. 127–146. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.07

Статья поступила в редакцию 15.10.2020.

Аннотация

Отношения Югославии и СССР в 1961–1964 гг. улучшились по сравнению с предшествующим периодом. Эти годы характеризовались интенсивным сотрудничеством в сфере культуры и, следовательно, литературы. В статье прослеживается деятельность югославских дипломатов, направленная на поддержание литературных связей Югославии и СССР. В переговорах с советскими дипломатами, издателями и редакторами журналов они пытались использовать литературу как один из рычагов внешней политики Югославии. Как следует из отчетов, которые посольство отправляло в Белград, по вопросу публикации книг оно, по договоренности с Комиссией по культурным связям с заграницей и Союзом писателей Югославии, неофициально рекомендовало собеседникам современные произведения. Побуждая советских издателей договариваться с самими югославскими писателями и их союзом, более компетентным в вопро-

сах литературы, посольство стремилось представить дело так, будто государство в Югославии не вмешивается в деятельность самостоятельных творческих объединений. Организованная в СССР выставка югославской книги, в том числе и политической, должна была познакомить публику с югославским путем строительства социализма. Взаимные поездки писателей демонстрировали близость и дружбу двух стран. Перед югославскими дипломатами стояла задача путем взаимодействия с советскими партнерами, с одной стороны, и с югославскими издателями и Союзом писателей, с другой, способствовать поддержанию хороших отношений между Белградом и Москвой. Следовало предотвращать разногласия в области культуры, которые могли перейти и на политический уровень. Инструментализация культуры, нашедшая отражение в дипломатических донесениях, демонстрирует, что, несмотря на публичное выпячивание различий между Югославией и СССР, на практике оба государства имели схожий подход к культурной политике.

Ключевые слова

Югославско-советские отношения, литературный обмен, Борис Пастернак, Меша Селимович, Радован Зогович.

В 1960-е годы югославская дипломатия с большим вниманием отслеживала культурные связи Югославии и СССР, видя в них индикатор «зигзагов советско-югославских отношений» в период правления Н. С. Хрущева¹. Контакты в области литературы, осуществлявшиеся союзами писателей обоих государств, опирались на двусторонние соглашения о культурном сотрудничестве. Позиция югославского посольства в Москве имела значение для определения эффективности и резонанса взаимных визитов литературных деятелей, качества международного обмена изданиями и выставок, которые организовывались в течение интересующего нас временного отрезка. Югославские дипломаты также играли важную роль в практической реализации литературных связей. На них не мог не накладываться глубокий отпечаток общий курс государства, так как литература являлась важным инструментом его культурной политики.

1 *Стыкалин А. С.* СССР — Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х — начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3. С. 95–102.

Речь идет о периоде, в который, согласно оценке историографии, отношения Югославии и Советского Союза переживали наибольший подъем. В 1955 г. их удалось официально восстановить после разрыва, ставшего следствием памятного конфликта 1948 г. Делегация литераторов с участием Добрицы Чосича и Марина Франичевича присутствовала на Съезде советских писателей в 1954 г., чем внесла существенный вклад в возобновление политических, а тем самым и культурных отношений двух стран². Восстановленные отношения опять ухудшились к концу 1950-х годов под влиянием венгерских событий 1956 г. и принятия программы Союза коммунистов Югославии, а в 1960–1961 гг., после проведения двусторонних переговоров, снова пошли на поправку, показателем чего стали взаимные визиты государственных деятелей³.

Говоря о внешней политике Югославии того времени, нельзя не упомянуть формирование Движения неприсоединения, ставшее плодом усилий, предпринятых в более раннее время. Появление внеблокового объединения государств приблизил Йосип Броз Тито, который осуществил множество поездок по всему миру и провел большое количество встреч с лидерами различных стран. Создание Движения сказало и на культурном сотрудничестве⁴. В начале 1960-х гг. отношения Югославии с Советским Союзом снова оказались на подъеме, в то время как с Америкой, напротив, наступило охлаждение, особенно после Белградской конференции. Не будет ошибкой сказать, что и позднее уровень отношений Югославии с США отставал от югославско-советских, свидетельством чего служили и выступления Тито в ходе визита в Москву, в которых он демонстрировал свое расположение к СССР и критиковал внешнеполитический курс Вашингтона⁵.

Донесения югославского посольства о культурных отношениях Югославии и Советского Союза позволяют судить о том, какие аспекты культурной жизни в целом и советской литературы в частности интересовали дипломатов и, следовательно, югославское руковод-

2 *Edemski A. B., Ninković N. M.* «Misija dobre volje». Dobrica Čosić na Drugom svesaveznom kongresu sovjetskih književnika (15–26. decembar 1954) // *Istorija 20. veka*. 2019. № 2. S. 195.

3 *Tripković D.* Jugoslavija i SSSR 1956–1971. Beograd, 2013. S. 78, 107–113.

4 *Новосельцев Б. С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015. С. 14.

5 *Bogetić D.* Jugoslovensko-američki odnosi: 1961–1971. Beograd, 2012. S. 42.

ство. Отметим, что посольство усердно информировало Белград о съездах советских писателей, их новых произведениях и публичных выступлениях⁶. Сообщения отражают как сложившееся мнение их авторов о некоторых представителях советской литературы, так и стремление принимающей стороны определенным образом преподнести югославским дипломатам те или иные культурные события в СССР. Положительно оценивалось молодое поколение советских литераторов (в частности, Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский), то есть те, кто критиковал сталинизм⁷. Негативно воспринимались деятельные поборники советской идеологии, вроде Бориса Полевого, которого величали «школьным писателем», автором книг для детей. Проявляя интерес к различным течениям советской литературы, посещая соответствующие встречи и мероприятия, посольство получало представление о тех директивах и инструкциях, которые руководство СССР направляло не только писателям, но и всем прочим работникам культуры. Вообще в советской литературе югославские наблюдатели видели прежде всего отражение официальной советской идеологии.

В целом югославно-советские отношения, включая тот их аспект, который имел касательство к литературному процессу, были окрашены идеологическими противоречиями, о чем свидетельствуют и переговоры сотрудников югославского посольства с советскими партнерами. Первым часто приходилось протестовать в связи с неподобающими оценками, появлявшимися в печати. При этом неизменно выражалось пожелание преодоления возникающих разногласий ради поддержания добрых взаимоотношений⁸. Советско-югославские дипломатические отношения того времени нередко омрачались взаимной критикой и педализацией идеологических противоречий. Тем не менее югославские власти неизменно стремились найти точки соприкосновения, дабы не допустить рецидива 1948 года⁹. С этой целью сотрудники югославского посольства в Москве консультировали Союз югославских писателей и прочие объединения в связи с публикацией тех или иных произведений, а также организацией поездов литераторов, полагая, что недостаток внимания к этим вопросам грозит не-

6 Дипломатски архив министарства спољних послова Републике Србије (ДАМСП РС). ПА. 1962. СССР. Ф-125. 42997.

7 Там же. 414151.

8 Там же. 1961. СССР. Ф. 133. 420670.

9 *Tripković Đ.* Jugoslavija i SSSR. S. 143–145.

гативными последствиями на межгосударственном уровне¹⁰. СССР со своей стороны также стремился к сближению с Югославией, отношения с которой были важным элементом советского внешнеполитического курса, особенно в период проведения Белградской конференции. В Москве считали, что это облегчило бы обретение общего языка с остальными странами — членами Движения неприсоединения¹¹. Если взглянуть на то, как отношения развивались на политическом уровне, бросается в глаза, что Югославия пыталась предстать перед миром в качестве независимого государства, сотрудничающего и с США, и с СССР, следующего своим путем строительства социализма. Этот подход просматривается и в донесениях, составленных работниками посольства в Москве по итогам встреч с официальными лицами.

Нередко редакторы советских журналов и издательств обращались к посольству с вопросом, что из произведений югославской литературы оно могло бы посоветовать для публикации в СССР. Следовал ответ, что квалифицированное суждение мог бы вынести Союз писателей Югославии или сами югославские литераторы. При этом «не для протокола» советским партнерам рекомендовалось печатать работы современных югославских авторов. Однако даже подобные неофициальные советы, сопровождавшиеся оговорками, что они не претендуют на компетентность, согласовывались с Комиссией по культурным связям с границей. В апреле 1961 г. данное учреждение направило посольству список литературы, которая в процессе переговоров могла быть рекомендована к переводу и публикации в Советском Союзе¹². С одной стороны, беседуя с советскими чиновниками, югославские дипломаты признавались, что они не вправе советовать, что опубликовать. С другой, они направляли инструкции по разным вопросам и Союзу писателей Югославии, и Комиссии по культурным связям с границей. Придерживаясь такой линии поведения, посольство в Москве стремилось показать советским издателям и редакторам, что югославские власти не контролируют публикацию книг в стране и не влияют на выбор произведений, которые можно переводить за рубежом. Однако имеющиеся в нашем распоряжении сведения о неофициальных рекомендациях сотрудников посольств, согласованных с Союзом писателей и упомянутой Комиссией, убеждают в обратном.

10 ДАМСП РС. ПА. 1962. СССР. Ф-129. 43924.

11 *Новосельцев Б. С.* Внешняя политика Югославии. С. 44.

12 Архив Југославије (АЈ). 559. Савезна комисија за културне везе са иностранством. Ф. 74. Књижевност и издаваштво 1961.

В начале 1961 г. в отношениях Югославии и Советского Союза все еще сохранялась напряженность. В частности, обзор материалов советской прессы, посвященных Югославии, сообщал, что на культурном поприще наблюдается дисбаланс, особенно заметный в издательской сфере. В СССР сокращалась программа перевода югославской литературы, в то время как в Югославии советских произведений печаталось все больше. Кроме того, отмечалось осуществление антиюгославской кампании посредством публикации книг, журналов, а также проведения лекций, в которых осуждался югославский ревизионизм¹³. Выражая сожаление, представители посольства, тем не менее, подчеркивали, что такой уровень критики Югославии можно считать минимальным и что с ним придется смириться, тем более что присутствовала готовность к продолжению сотрудничества. Когда речь шла о литературе, отмечалось проявлявшееся время от времени желание советских партнеров проигнорировать официальные югославские учреждения и наладить прямую связь с интересующими их авторами. В частности, советской поддержкой пользовались Десанка Максимович и Бранко Чопич. Это, разумеется, неодобрительно воспринималось югославским посольством в Москве¹⁴. Со своей стороны, советское посольство в Белграде негодовало по поводу издания публицистических материалов, содержащих критику Советского Союза. В частности, в качестве таковых упоминались научные труды Эдварда Карделя, в которых утверждалось, что в СССР имеет место государственный капитализм¹⁵. Таким образом, наиболее болезненно советская сторона реагировала на политическую публицистику, формировавшую негативный образ Советского Союза. Схожая проблема омрачила подготовку выставки югославской книги в СССР.

Сама выставка, состоявшаяся в 1961 г., знаменовала начало сближения двух государств. О том, чтобы представить югославскую литературу в трех городах — Москве, Ленинграде и Киеве, переговоры велись с 1958 г. Однако двусторонние отношения в то время были далеки от безоблачных, что сказывалось и на культурных контактах. Книжная выставка все время откладывалась и в то время так и не состоялась. Неудивительно, ведь югославская сторона хотела представить и политическую литературу, с содержанием которой советская власть не

13 ДАМСП РС. ПА. 1961. СССР. Ф-133. 439545.

14 Там же. 439178.

15 Там же. 420670.

могла согласиться. Та же проблема возникла при подготовке выставки в 1961 г.¹⁶ Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, Югославия придавала мероприятию большое пропагандистское значение. С упорством отстаиваемое намерение познакомить советскую публику с современными произведениями, а также с трудами Тито и Карделя было обусловлено целями югославской культурной политики того времени. Читателям в СССР следовало поведать о социалистическом развитии Югославии, передовом характере ее политического устройства, выгодно отличавшем ее от остальных социалистических стран, в том числе и Советского Союза¹⁷. Согласно отчетам о выставке, она проходила с успехом, показателем которого служил и резонанс в советских средствах массовой информации. Особенно позитивно оценивалась выставка в Ленинграде, где, как сообщалось, отсутствовали ограничения, а отношение местного руководства было более корректным, чем в Москве¹⁸.

И советские, и югославские чиновники в унисон сетовали на то, что мало издается произведений — советских авторов в Югославии и югославских в СССР. Обе стороны скромное число переводов и публикаций объясняли недостаточной осведомленностью о литературе другой страны. В то же время документы показывают, что сотрудники югославского посольства внимательно следили за культурной жизнью в СССР, и в том числе за литературным процессом, что дает основание усомниться в правдивости подобного рода оправданий. Югославы полагали, что советские издатели не хотели подписывать новый договор о сотрудничестве, так как их устраивала ситуация, при которой в Югославии советских произведений переводилось намного больше, чем югославских в СССР. Исходя из представлений о том, что литература обязана служить пропагандистским целям, работники посольства в Москве уличали соответствующие югославские учреждения в пассивности, политической индифферентности и приверженности коммерческим интересам. Одновременно отмечалось, что Советский Союз ограничивает количество «экспортируемых» из Югославии книг и кинофильмов. Общий вывод, к которому пришли авторы рассматриваемых материалов, гласил, что долгосрочной целью деятельности на культурном поприще является демонстрация

16 Там же. Ф-136. 416957.

17 *Докнић Б.* Културна политика Југославије 1946–1963. Београд, 2013. С. 275.

18 ДАМСП РС. ПА. 1961. СССР. Ф-136. 422080.

«нормальных отношений между Югославией и Советским Союзом»¹⁹. Об этом говорилось в завершающем отчете о двустороннем культурном сотрудничестве в 1961 г.

Что касается издательской деятельности, ситуация в течение рассматриваемого времени существенно так и не поменялась, хотя в 1963 г. ожидался рост числа переводных югославских книг²⁰. Посольство в Москве по-прежнему в своих отчетах Государственному секретариату иностранных дел сетовало на дефицит переводов на русский язык. В 1964 г. сотрудники посольства имели возможность ознакомиться с фондами нескольких московских библиотек, в которых они обнаружили некачественно переведенные на русский язык произведения югославских авторов, а также недостаточное количество работ общественно-политической тематики и беллетристического жанра. Подчеркивалось, что такое положение вещей препятствовало формированию у московской читательской аудитории достоверного представления о югославской литературе²¹. В отчетах, отправлявшихся югославским посольством с начала 1962 г., указаны и некоторые другие проблемы сотрудничества в сфере книгоиздания. А именно, книги, напечатанные в Югославии, в СССР стоили намного дороже, чем советские книги, розничную стоимость которых дотирировало советское правительство. Поэтому фонд югославской печатной продукции оставался устаревшим и весьма ограниченным. Кроме того, подвергались цензуре и изымались из продажи отдельные номера югославских газет²². Отчеты о встречах с советскими литераторами (имеется в виду донесение секретаря Югославского союза писателей Ивана Лалича, посетившего СССР в 1964 г.) подчеркивали, что в основе проблемы с переводом югославской литературы в СССР лежит систематический политический подход. То есть в СССР, как, впрочем, и в Югославии, на книгообмен смотрели сугубо через призму политических отношений двух государств²³.

Посольство в Москве выразило недовольство в связи с публикацией в СССР в 1963 г. антологии «Поэты Югославии XIX–XX вв.», в которой югославские республики не были представлены одинаковым числом поэтов (это равенство должно было соблюдаться вне зави-

19 Там же. 1962. СССР. Ф-130. 43110.

20 Там же. 1963. СССР. Ф-128. 419020.

21 Там же. 1964. СССР. Ф-200. 445105.

22 Там же. 1962. СССР. Ф-129. 47500.

23 Там же. 1964. СССР. Ф-201. 437130.

симости от художественных достоинств произведений). И просто бешенство вызвало включение в сборник пяти стихотворений Радована Зоговича, который последовательно симпатизировал Советскому Союзу и подвергался государственному давлению на родине за свою позицию в 1948 г. В биографическом очерке, включенном в антологию, с восторгом рассказывалось о роли Зоговича в народно-освободительной борьбе, а также о преследованиях, которым он подвергался со стороны властей Королевства Югославия за свою революционную деятельность. Дополнительным поводом для критики издания послужило то, что в нем преобладали стихотворения патриотической, всеславянской и социальной направленности и не хватало лирических произведений. В донесении посольства говорилось о намерении неофициальным путем обратить внимание советской стороны на данную антологию, которая оценивалась как «проблема» и «шаг, не соответствующий уровню отношений, достигнутому к настоящему времени»²⁴.

Несколькими годами ранее протест советской стороны вызвало появившееся в Югославии сообщение о публикации в Италии в 1957 г. романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Эта публикация состоялась вопреки воле ЦК КПСС и подрывала его монополию на любую деятельность за пределами СССР. В 1958 г. советское посольство попыталось предотвратить публикацию романа в Югославии — именно в то время, когда история с романом приобрела особую актуальность в связи с предоставлением Пастернаку Нобелевской премии по литературе. Когда в конце концов книга все-таки вышла в свет, советские дипломаты не замедлили выразить протест своим югославским партнерам²⁵. Что касается югославских дипломатов, работавших в посольстве в Москве, то они публикацию «Доктора Живаго» оправдывали тем, что она должна была побудить советских издателей к более активному сотрудничеству с югославскими коллегами. Авторы соответствующего донесения в Белград надеялись, что этот шаг положит конец ситуации, при которой каждая из сторон в отсутствие соглашения между издателями печатала что ей вздумается²⁶. Разумеется, подобную тактику можно назвать весьма спорной, как и ее результаты.

24 Там же. 47281.

25 *Стојнић М.* Пастернаков «Доктор Живаго» // Савременик: месечни часопис. Год. 4. Књ. [8]. № 8/9 (1958). С. 250–261; *Пастернак Б.* Доктор Живаго. Београд, 1962.

26 ДАМСП РС. ПА. 1961. СССР. Ф. 136. 428641.

Вообще из отчетов видно, что и Москва настаивала на проведении консультаций по вопросу перевода отдельных произведений. Предлагалось осуществлять их в рамках дипломатических соглашений, а также соглашений о культурном сотрудничестве, как это происходило с восточноевропейскими странами. Когда «Доктор Живаго» все-таки вышел в Югославии в 1964 г., советские представители заявили, что выгоду из этого извлекут западные империалисты, чего бы, разумеется, не допустили советские издатели, если бы им пришлось решать, публиковать ли произведения такого рода²⁷. Наученные этим опытом югославские власти в дальнейшем проявляли большую осмотрительность, избегая разногласий с СССР по вопросам культуры, как, например, в случае с Михайло Михайловым²⁸. Со своей стороны и советское посольство, передавая югославам списки произведений, отобранных для перевода и публикации в Советском Союзе, выражало готовность согласовывать их с принимающей стороной²⁹.

В связи с издательской деятельностью и в целом литературными связями встал вопрос выплаты гонораров авторам произведений, печатавшихся за границей. На международном уровне он регулировался Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений. Однако Советский Союз не присоединился к конвенции, что, по мнению югославской стороны, создавало определенные проблемы. И пока издатели экономили на расходах, авторы часто оставались без гонораров³⁰. Документы показывают, что в процессе переговоров в этой связи озвучивались разные предложения, ни одно из которых не было реализовано, ввиду чего проблема авторских прав так и осталась нерешенной. Отметим, что некоторые югославские литераторы разными способами пытались самостоятельно добиться выплаты гонораров советской стороной³¹.

27 Там же. 1964. СССР. Ф. 200. 48143.

28 *Едемский А. Б.* Так становились диссидентами: путевые заметки «Лето московское 1964 год» М. Михайлова в перекрестье советской и югославской критики (по архивным документам) // *Славянский мир в третьем тысячелетии: Образ России в славянских странах.* М., 2012. С. 195.

29 ДАМСП РС. ПА. 1964. СССР. Ф. 200. 49922.

30 *Селинић С.* Књижевна дипломатија: међународна сарадња југословенских писаца од средине педесетих до краја седамдесетих година 20. века. Београд, 2019. С. 317.

31 А.Ж. 498. Ф. 33. Састави и извештаји о посетама појединим земљама 1964.

Полагая, что советским гражданам сообщают мало новостей о происходящем в Югославии, посольство в Москве решило восполнить это упущение. С этой целью дипломаты посетили редакции некоторых московских журналов. Тема недостаточного распространения югославской прессы и книг поднималась как в ходе этих визитов, так и в переговорах, которые велись в Белграде с работниками советского дипломатического представительства. Следует отметить, что имела место естественная диспропорция, характеризовавшая интерес (и знание языка) к советской печати в Югославии и к югославской в СССР. Советская сторона увязывала продажу прессы и книг с актуальным уровнем межгосударственных отношений. И несмотря на высоту оно-го, достигнутой к рассматриваемому времени, должное соответствие не было достигнуто. Югославские представители, напротив, не соглашались с тем, что книготорговлю следует ставить в зависимость от характера отношений между двумя странами. Настаивая на паритете, югославы стремились помешать одностороннему росту советского влияния в Югославии³².

Наряду с книгоизданием визиты писателей служили дополнительным средством межгосударственного сотрудничества в литературной сфере. Подобные поездки, особенно если в них принимали участие авторитетные фигуры, решали задачу реанимации сотрудничества, которое имело место в предшествовавший период, несмотря на взаимное охлаждение Москвы и Белграда. Приезд в Советский Союз в 1954 г. сербского писателя Добрицы Чосича и хорватского поэта (а также политического публициста и литературного критика) Марина Франичевича сыграл значимую роль в восстановлении межгосударственных отношений после конфликта 1948 г. Рецидив последнего, произошедший в 1956 г., не мог не привести к сокращению сотрудничества в разных сферах, в том числе и в культуре. Показателем этого служит сокращение писательских поездок в конце 1950-х — начале 1960-х годов³³. Когда в начале 1960-х отношения пошли на поправку, ожидалось и возобновление культурного сотрудничества на персональном уровне. Из переписки посольства в Москве с Союзом писателей Югославии следует, что в течение первого полугодия 1960 г. велись переговоры о налаживании литературных связей с СССР посредством личных контактов. В одном из своих секретных посланий посольство просило направить видных деятелей литературы или функционеров Союза

32 ДАМСП РС. ПА. 1964. СССР. Ф. 200, 435.

33 *Селиний С.* Књижевна дипломатија. С. 49–56.

писателей, чтобы сдвинуть с мертвой точки переговоры о дальнейшем сотрудничестве³⁴.

В июне 1961 г. в СССР прибыла делегация, которую составили политически благонадежные писатели: Оскар Давичо, Юре Каштелан, Хуссейн Тахмишчич, Тоне Павчек и Гане Тодоровски. Любопытно, что среди прибывших не было сербов, которые традиционно вызывали подозрения, когда речь шла о контактах с русскими. Источники свидетельствуют, что и делегация, и посольство выразили удовлетворение визитом, в ходе которого состоялись переговоры с советскими писателями. В их числе оказался не только кандидат в члены ЦК КПСС Алексей Сурков, но и молодой Андрей Вознесенский, имевший репутацию свободомыслящего поэта. К выступлениям югославских гостей особый интерес проявили молодые советские литераторы, которые, как отмечали работники посольства, в ходе дискуссии встали на сторону югославских коллег. О значении, которое этому факту придавали дипломаты, говорит тот факт, что в донесении соответствующие строки подчеркнуты ручкой³⁵.

Визит, состоявшийся в следующем году, также оставил позитивные впечатления. Делегация, которую составили малоизвестный автор Мирко Божич, а также Антон Инголич, Димитар Солев и Драган Еремич, выразила удовлетворение в связи с доброжелательностью принимающей стороны, результатами переговоров с коллегами-писателями и редакторами журналов. Отмечался и общественный резонанс, вызванный приездом югославских писателей. Тот факт, что в СССР отправились и сербские авторы, говорил о снижении уровня межгосударственной напряженности. В то же время из предосторожности в состав делегации не включили никого, кто бы знал русский язык. Это позволяло контролировать высказывания югославской стороны и предотвращало ненужное сближение с советскими поэтами. С другой стороны, языковой барьер мешал осуществлять неформальную пропаганду, что с горечью подметили югославские дипломаты в своем донесении³⁶.

Как следует из источников, обе стороны выражали заинтересованность в том, чтобы принимать наиболее видных литераторов, дабы таким образом демонстрировать дружбу Югославии и Советского Союза.

34 АЈ. 498. Савез књижевника Југославије Ф. 25. Међународна сарадња, преписка са Комисијом за културне везе са иностранством са прилозима.

35 ДАМСП РС. ПА. 1961. СССР. Ф-136. 419335.

36 АЈ. 559. Ф. 74. Књижевност и издаваштво 1962.

С другой стороны, авторитетные и самостоятельные в своих суждениях фигуры потенциально представляли большую опасность, так как их было труднее контролировать. По итогам переговоров, состоявшихся в начале 1962 г., представители югославского посольства и функционеры советского Союза писателей пришли к единому мнению, что взаимные делегации должны отличаться большей представительностью.

Что касается уже состоявшейся поездки советских писателей, то они остались весьма довольными ею. Особенно Роберт Рождественский, проявивший склонность к сибаритскому образу жизни и соответствующему времяпрепровождению. В визите, о котором шла речь, участвовала многонациональная делегация молодых советских литераторов, в числе которых выделялись Р. Рождественский, Максим Рыльский и Расул Гамзатов. Югославский Государственный секретариат, детально проинформировавший посольство о визите, в целом оценивал его положительно, так как удалось осуществить многочисленные контакты между писателями, а также договориться о продолжении сотрудничества. Советские авторы проявили заинтересованность в переводе югославских произведений. В то же время сложилось впечатление, что советская делегация вела себя как группа добронамеренных граждан, проводящих отпуск в туристической поездке. Советские писатели уклонялись от обсуждения конкретных и, по оценке Государственного секретариата, острых вопросов, всячески стремясь смягчить их своими ответами³⁷. Следует упомянуть, что эта поездка прошла с опозданием и первоначально планировалась к проведению параллельно с белградской Конференцией Движения неприсоединения. Как гласят документы, задержка была вызвана тем, что в Москве ожидали инструкций от высших инстанций. Содержание оных, по-видимому, и предопределило осмотрительный характер высказываний и поведения группы советских литераторов³⁸.

Югославскую сторону до исступления доводила неизменная лояльность Советов в отношении старого друга СССР — писателя Радована Зоговича, на которого с подозрением смотрело окружение Й. Б. Тито³⁹. Мало того, что его произведения часто печатались в московских журналах, например в «Иностранной литературе»⁴⁰,

37 ДАМСП РС. ПА. 1962. СССР. Ф-129, 43744.

38 А.И. 559. Ф. 73. Книжевносћ и издаваштво 1961.

39 *Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Београд, 1996. С. 494.

40 *Зогович Р.* Инструкция маслине, Сентиментальное путешествие // Иностранная литература. 1960. № 5.

Зоговича приглашали на приемы в посольство СССР. Югославское посольство в Москве заявило протест в связи с приглашением Зоговича на прием в июне 1962 г. Принеся извинение, советская сторона пообещала, что примет меры, чтобы такое впредь не повторялось⁴¹. Любопытно, что авторы посольского отчета, описывающего данные события, никак не связывали приглашение Зоговича с тем, что ранее в Белграде был опубликован роман Б. Пастернака.

Особое значение придавалось визиту, который должен был нанести в СССР виднейший деятель хорватской культуры Мирослав Крлежа. И хотя Москва подчеркивала, что с радостью примет такого гостя⁴², сам он не торопился с поездкой, которая многократно откладывалась. Крлежа побывал в Советском Союзе в 1965 г., но как член ЦК Хорватии в составе делегации во главе с Тито⁴³. Источники свидетельствуют, что и для Югославии, и для СССР основной интерес представляли визиты писателей «крупного калибра». Югославы с радостью приняли бы Леонида Леонова и Михаила Шолохова, а Советы — Иво Андрича, Добрицу Чосича или Мирослава Крлежу. Приезд таких авторитетных гостей служил бы лучшим подтверждением дружбы Югославии и Советского Союза. В то же время мы видим, что некоторые визиты, например Шолохова и Крлежи, неоднократно переносились. Дипломатическая переписка по этому вопросу полна взаимных оправданий (не получено приглашение, ответ и т. п.), хотя постоянно подчеркивалось, какие это важные гости. Ввиду проблематичности приезда Шолохова, который также не рвался в СФРЮ, югославам предложили визит Бориса Слуцкого и Эдуардаса Межелайтиса. Югославы с готовностью согласились принять последнего, предположив, что он является выдающимся советским поэтом (вероятно, так оно и было, если судить по тиражам его книг)⁴⁴.

Смена власти, произошедшая в СССР в 1964 г., сказалась и на югославо-советских литературных связях. Об этом позволяет судить обширный отчет югославскому посольству в Москве и Государственному секретариату иностранных дел, который написал Меша Селимович — председатель Союза югославских писателей и глава делегации, посетившей Москву в ноябре 1964 г. Подвергнув резкой критике и югославскую, и советскую стороны, Селимович утверждал,

41 ДАМСП РС. ПА. 1962. СССР. Ф. 125. 418448.

42 Там же. 1964. СССР. Ф. 200. 419964.

43 У нас в гостях Мирослав Крлежа // Литературная газета. 3 июля 1965.

44 ДАМСП РС. ПА. 1964. СССР. Ф. 200. 438769.

что проблемы двусторонних литературных отношений вызваны тем, что визиты писателей проходили как туристические поездки, а к подбору участников делегаций подходили спустя рукава. Что касается влияния политики на литературные связи, выражалось сожаление, что в этот раз делегация не смогла встретиться с молодыми авторами, как это бывало раньше. Особенно резко Селимович отозвался о референте Иностранной комиссии Союза писателей СССР и переводчике с сербскохорватского Александре Романенко, который прямолинейно и демонстративно дал понять, что обязанности по линии государственной безопасности значат для него много больше, чем литературное общение. Кроме Селимовича, в негативном ключе об А. Романенко также отзывались члены делегаций, посетивших СССР в предыдущие годы. По их мнению, волюнтаризм и некоторые другие отрицательные качества референта по югославской литературе А. Романенко послужили одной из причин того, что литературные связи Югославии и СССР не развивались должным образом⁴⁵.

И югославские писатели в своих отчетах о поездках в СССР, и дипломаты в донесениях о переговорах с сотрудниками советского посольства в Белграде, а также с издателями и редакторами журналов часто писали о своем впечатлении, что советская сторона, невзирая на актуальную политическую ситуацию, заинтересована в расширении сотрудничества в литературной сфере, что в СССР растет спрос на югославскую литературу. Заверения в заинтересованности оценивались как искренние, а не как протокольные фразы, произносимые в процессе подготовки договора о культурном сотрудничестве или при его подписании.

Югославское посольство в Москве также не было высокого мнения о поездке югославской делегации в ноябре 1964 г. В отчете указывалось, что дипломатическое представительство пыталось вмешаться в ситуацию и помочь приехавшим провести те встречи, на которые они рассчитывали⁴⁶. Сравнивая визит, состоявшийся в конце 1964 г., с аналогичными, имевшими место в конце 1961 г. и в 1962 г., мы констатируем, что в начале десятилетия югославские литераторы имели возможность встретиться с молодыми советскими коллегами, которые подвергались критике со стороны партийного руководства.

45 А.Ж. 498. Ф. 27. Међународна сарадња. Преписка у вези посета странах делегација и појединача Југославији и делегација Савеза иностранству.

46 ДАМСП РС. ПА. 1964. СССР. Ф. 201. 445903.

При этом отношение к ним в то время было более мягким, и упреки в идеологических ошибках, звучавшие в выступлениях Н. С. Хрущева, воспринимались едва ли не как оправдание⁴⁷. В конце 1964 г. о встрече с молодыми писателями не могло быть и речи.

Из рассматриваемых документов следует, что, как и в случае с поведением советской стороны во время визита М. Селимовича в конце 1964 г., югославская сторона также проявляла особую бдительность при организации литературных контактов. А именно, в ноябре 1964 г., когда власть в СССР уже сменилась, югославское посольство в Москве сообщило Государственному секретариату, что писатель Владимир Солоухин выразил пожелание в конце года совершить поездку с целью сбора материала для книги о Югославии. Сотрудники посольства предположили, что автор связан с «официальными кругами», то есть с органами безопасности, от которых якобы и исходила инициатива написания указанной книги. Секретариат выразил согласие на приезд Солоухина, оговорив его целым рядом ограничений⁴⁸. В конце концов писатель отправился в Болгарию. Поэтому «Славянская тетрадь» воспроизводит те балканские впечатления выдающегося русского писателя, которые он почерпнул в одной лишь Болгарии⁴⁹. Если бы в югославском посольстве собственно о культуре думали больше, чем о культурной политике, то пригласили бы В. Солоухина, а не секретаря правления Союза писателей Э. Межелайтиса. Кто знает, может быть, тогда бы современная русская литература обогатилась еще одними путевыми заметками наподобие «Югославской тетради» К. Симонова⁵⁰. Впрочем, не исключено, что главную роль в неприезде Солоухина сыграло советское руководство, которое после падения Хрущева окончательно перестало рассчитывать на преодоление идеологических разногласий между СССР и СФРЮ⁵¹.

Разумеется, то, что работники посольства в Москве писали о литературных связях, служит отражением прежде всего югославской политики того времени. Важным ее аспектом была демонстрация все-

47 Костырченко Г. В. Н. С. Хрущев и Союз советских писателей: проблема диалога власти с творческой интеллигенцией // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура: Сборник статей. М., 2013. С. 76.

48 ДАМСП РС. ПА. 1964. СССР. Ф. 201. 445903.

49 Солоухин В. А. Славянская тетрадь. М., 1965.

50 Симонов К. М. Югославская тетрадь. М., 1945.

51 Стыкалин А. С. СССР–Югославия. С. 101.

ми возможными способами самостоятельности Югославии, ее особого, отличавшегося от советского, пути строительства социализма. Одним из таких способов в 1961 г. стала организация в Советском Союзе выставки югославской книги, отмеченная упорными попытками представить и те произведения, с содержанием которых не могло согласиться советское руководство. Единственным фактором, сдерживавшим эти попытки, служило понимание важности хороших межгосударственных отношений, а также желание не допустить, чтобы разногласия по литературным вопросам привели к реальному охлаждению отношений с СССР.

Служащие югославского посольства активно участвовали в процессе перевода и публикации книг, поддерживали контакт с посещавшими Советский Союз писателями. Можно сказать, что посольство стремилось осуществлять государственную пропаганду и использовало все культурные мероприятия для манифестации целей государственной политики. Будучи неизменно настороже, дипломаты посредством плодотворных связей в области культуры в целом и литературы в частности демонстрировали общественности дружественные отношения двух государств, не скрывая при этом имевшихся идеологических расхождений. Методы сугубо административной деятельности, с одной стороны, и культурного сотрудничества, осуществлявшегося «чиновниками от литературы», с другой, не слишком отличались в ситуации, когда административные решения всегда имели приоритет над художественным вкусом.

Источники и литература

Архив Југославије (АЈ).

Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије (ДАМСП РС).

Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд: Требник, 1996. 594 с.

Докнић Б. Културна политика Југославије 1946–1963. Београд: Службени гласник, 2013. 315 с.

Едемскиј А. Б. Так становились диссидентами: путевые заметки «Лето московское 1964 год» М. Михайлова в перекрестье советской и югославской критики (по архивным документам) // Славянский мир в третьем тысячелетии: Образ России в славянских странах. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 188–201.

Зогович Р. Инструкция маслине, Сентиментальное путешествие / пер. с сербохорв. Б. Слуцкого // Иностранная литература. 1960. № 5. С. 69–72.

Костырченко Г. В. Н. С. Хрущев и Союз советских писателей: проблема диалога власти с творческой интеллигенцией // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура: сборник статей / Институт славяноведения РАН; [редкол.: Т. В. Волокитина (отв. ред.), Г. П. Мурашко, А. А. Улыбина]. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 74–86.

Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М.: Институт славяноведения РАН, 2015. 352 с.

Селинић С. Књижевна дипломатија: међународна сарадња југословенских писаца од средине педесетих до краја седамдесетих година 20. века. Београд: [Институт за новију историју Србије], 2019, 426 с.

Стыкалин А. С. СССР — Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х — начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3. С. 95–102.

У нас в гостях Мирослав Крлежа // Литературная газета. 3 июля 1965. С. 4.

Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi: 1961–1971. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2012. 347 s.

Edemski A. B., Ninković N. M. «Misija dobre volje». Dobrica Ćosić na Drugom svesaveznom kongresu sovjetskih književnika (15–26. decembar 1954) // Istorija 20. veka. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2019. № 2. S. 195–216.

Tripković Đ. Jugoslavija i SSSR 1956–1971. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2013. 316 s.

References

Bogetić, D. *Jugoslovensko-američki odnosi: 1961–1971*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2012, 347 p.

Deretić, J. *Istorija srpske književnosti*. Beograd: Trebnik, 1996, 594 p.

Doknić, B. *Kulturna politika Jugoslavije 1946–1963*. Beograd: Službeni glasnik, 2013, 315 p.

Edemski, A. B., and N. M. Ninković. “‘Misija dobre volje’. Dobrica Ćosić na Drugom svesaveznom kongresu sovjetskih književnika (15–26. decembar 1954).” *Istorija 20. veka*, no. 2, Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2019, pp. 195–216.

Edemskiĭ, A. B. “‘Tak stanovilis’ dissidentami: putevye zametki ‘Leto moskovskoe 1964 god’ M. Mikhaĭlova v perekrest’e sovsetskoi i iugoslavskoi kritiki (po arkhivnym dokumentam).” *Slavianskiĭ mir v tret’em tysiacheletii: Obraz Rossii v slavianskikh stranakh*, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2012, pp. 188–201.

Kostyrchenko, G. V. “N. S. Khrushchev i Soiuz sovetskikh pisatelei: problema dialoga vlasti s tvorcheskoj intelligentsiej.” *Moskva i Vostochnaia Evropa. Neprostye 60-e... Ekonomika, politika, kul'tura: sbornik statej*, ed by T. V. Volokina, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2013, pp. 74–86.

Novosel'tsev, B. S. *Vneshniaia politika Jugoslavii (1961–1968 gody)*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2015, 352 p.

Selinić, S. *Književna diplomatija: međunarodna saradnja jugoslovenskih pisaca od sredine pedesetih do kraja sedamdesetih godina 20. veka*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2019, 426 p.

Stykalin, A. S. “SSSR — Jugoslaviia: zigzagi dvustoronnikh otnoshenii (vto-raia polovina 1950-kh — nachalo 1960-kh godov).” *Slavianovedenie*, no. 3, 2006, pp. 95–102.

Tripković, Đ. *Jugoslavija i SSSR 1956–1971*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2013, 316 p.

“U nas v gostiakh Miroslav Krležha”. *Literaturnaia gazeta*, 3 July 1965, p. 4.

Zogovich, R. “Instruktsiia masline, Sentimental'noe puteshestvie.” Translated from Serbo-Croatian by B. Slutskii. *Inostrannaia literatura*, no. 5, 1960, pp. 69–72.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.07

Stojanovic D.

“A certain expansion of cooperation is planned”: A view of the Yugoslav diplomacy on Yugoslav-Soviet literary exchange. 1961–1964

Dušica Stojanović

MA, Researcher

Center for Russian and East European Studies “M. Jovanović”

Department of History, Faculty of Philosophy, University of Belgrade

11000, Čika Ljubina 18-20, Belgrade, Serbia

E-mail: dusicas996@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1560-4256

Citation

Stojanovic D. «A certain expansion of cooperation is planned»: a view of Yugoslav diplomacy on Yugoslav-Soviet literary exchange. 1961–1964 // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 127–146 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.07

Received: 15.10.2020.

Abstract

Relations between Yugoslavia and the USSR in 1961–1964 differed for the better in comparison with the previous period. Intensive cooperation in the field of culture and literature characterized those years. The article traces the activities of Yugoslav diplomats in maintaining literary ties between Yugoslavia and the USSR. Yugoslav diplomats, in negotiations with their Soviet colleagues, publishers and editors of magazines, presented their country's literature as a reflection of the current state policy of Yugoslavia. According to the reports of the embassy, Soviet partners were unofficially recommended to publish contemporary Yugoslav works. By encouraging Soviet publishers to negotiate directly with Yugoslav writers and their union, which was more competent in matters of literature, the embassy tried to present the matter as if the state in Yugoslavia did not interfere in the activities of independent creative associations. An exhibition of Yugoslav books, including political ones, organized in the USSR, was supposed to present the Yugoslav path to socialism. The mutual trips of the writers demonstrated the closeness and friendship of the two countries. The Yugoslav diplomats were faced with the task of maintaining positive relations between Belgrade and Moscow through interaction with Soviet partners, on the one hand, and with Yugoslav publishers and the Writers' Union, on the other. It was necessary to prevent cultural contradictions that could darken bilateral political relations. This instrumentalization of culture, reflected in diplomatic reports, demonstrates that despite the public demonstration of the differences between Yugoslavia and the USSR, in practice, both states had a similar approach to culture policies.

Keywords

Yugoslav-Soviet relations, literary exchange, Boris Pasternak, Meša Selimović, Radovan Zogović.

Вышеградская группа в российском внешнеполитическом планировании и СМИ (1991–2018 гг.)

Даниелова Татьяна Александровна
Аспирант
Российский государственный гуманитарный университет
125993, Миусская пл., д. 6, Москва, Российская Федерация
E-mail: t.danielova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8546-3386

Цитирование

Даниелова Т. А. Вышеградская группа в российском внешнеполитическом планировании и СМИ (1991–2018 гг.) // *Славянский альманах*. 2021. № 1–2. С. 147–173. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.08

Статья поступила в редакцию 25.01.2021.

Аннотация

В статье рассматриваются роль и место стран Вышеградской группы, а также центральноевропейского региона в целом во внешнеполитическом планировании России в 1991–2018 гг. На основе историко-генетического метода для создания целостного образа восприятия региона анализируются поэтапные изменения, произошедшие в сознании высшего политического руководства и общественности по отношению к нему, начиная со времен СССР (1968–1985, 1985–1991, 1991–1995, 1996–1999, 2000–2008, 2008–2018 гг.). Данный метод дополнен контент-анализом отечественных СМИ, что позволяет выявить подходы к сотрудничеству России и стран Вышеградской группы не только на уровне официального дискурса, но и в публичном пространстве. Прослеживается зависимость роста и падения уровня интереса СМИ к данной тематике с учетом информационных поводов, возникавших в поле двустороннего взаимодействия, а также в мировой повестке дня заявленного периода. Исследование построено на изучении источников различных видов — концепций внешней политики (1993, 2000, 2008, 2013, 2016 гг.) и концепции национальной безопасности (1997 г.) России, выступлений, записей бесед российских и западных политических деятелей, статей и новостных сообщений СМИ.

Ключевые слова

Вышеградская группа, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия, США, Россия, внешнеполитические концепции, историко-генетический метод, контент-анализ, СМИ.

Страны Восточного блока в доктринально-концептуальном измерении советской внешней политики: «Доктрина Брежнева» vs. «Доктрина Горбачева»

В отношениях со странами Вышеградской группы (Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией) Россия унаследовала опыт и практику связей СССР со странами социалистического лагеря, наработанные в продолжение сорока с лишним лет еще с момента окончания Второй мировой войны. СССР рассматривал эту группу государств первой в списке приоритетных партнеров на международной арене. В 1968–1985 гг. в основу доктринально-концептуального измерения советской внешней политики в странах Восточного блока был положен принцип социалистического интернационализма, который прежде всего толковался советским руководством как необходимость равнения их на Советский Союз и поддержку любых его действий. Нередко этим принципом обосновывалось вмешательство СССР во внутренние дела социалистических стран, навязывание им своих идей и порядков. По мнению первого заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца (1989–1991 гг.), в 1960–1980-е гг. в социалистическом движении произошло значительное усиление национального фактора, а «проблема равноправия “братских партий” трансформировалась, выродилась в проблему их независимости и суверенитета»¹.

СССР, стремясь к внутренней консолидации «просоветских» режимов, сделал ставку на укрепление совместного экономического потенциала и взаимные политические консультации. В частности, в июле 1971 г. на 25-й сессии СЭВ в Бухаресте была одобрена Комплексная программа дальнейшего углубления сотрудничества и развития социалистической и экономической интеграции сроком на 15–20 лет. В 1986 г. на 41-й сессии СЭВ в Москве была принята Комплексная программа научно-технического прогресса до 2000 г., в основе которой лежало совершенствование таких направлений, как ядерная энергетика, электроника, биотехнологии и т. д.

¹ Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. Мемуары. М., 1998. С. 135.

Со второй половины 1980-х гг. на фоне политики нового мышления М. С. Горбачева советское руководство начало пересмотр идейно-теоретических и практических подходов к отношениям с союзниками в Восточной Европе². Это выразилось в отказе от политики патернализма и переходе к принципу невмешательства во внутренние дела стран Восточного блока, т. н. «доктрине Горбачева». Заявление о том, что советское руководство намерено строго придерживаться данного принципа, прозвучало из уст М. С. Горбачева уже в 1985 г. на встрече с лидерами ОВД, проходившей во время траурных мероприятий в связи с кончиной К. У. Черненко³.

Информация о советской «перестройке», вопреки всем ограничениям, просачивалась в социалистические страны и способствовала антиправительственным выступлениям, вылившимся в события «бархатных» революций. В конце 1980-х гг. правительства ряда стран Восточной Европы инициировали т. н. «круглые столы», в рамках которых были проведены переговоры между правящими коммунистическими партиями и представителями оппозиционных движений⁴. Итогами первого «круглого стола» в Польше в феврале — апреле 1989 г. стали легализация оппозиционной организации «Солидарность» и реформы политической системы (такие как многопартийные выборы, создание сената в качестве второй палаты парламента)⁵. В Венгрии

2 Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 166–176. Также см. выступления руководителей правящих партий стран Восточной Европы на заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора 28 мая 1987 г.: Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы / отв. сост. М. Ю. Прокуменщиков. М., 2015. С. 23–69.

3 Предисловие // Михаил Горбачев и германский вопрос. Сб. документов. 1986–1991 / сост., предисл. и примеч. А. А. Галкина, А. С. Черняева; Горбачев-Фонд. М., 2006. С. XV.

4 Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / отв. сост. Ю. С. Новопашин. М., 2003. С. 49–103, 127–180.

5 Тымовский М., Кеневич Я., Хольце Е. История Польши / пер. с польск. М., 2004. С. 507–514. См. советские информационно-аналитические материалы, посвященные развитию внутривосточной ситуации в Польше и проблемам ее внешней политики: Конец эпохи. С. 248–253, 256–257, 266–275, 280–285, 296–299, 327–329, 346–356, 366–367, 368–385.

в 1988 г. после смещения с поста генерального секретаря Я. Кадара в политбюро вошли приверженцы плюралистической системы и рыночных реформ. Вскоре в стране был введен принцип многопартийности⁶. Надо сказать, что венгерские события коренным образом отличались от ситуации в Польше, где представители оппозиционного движения участвовали во власти (так, «конструктивная» часть оппозиции заняла четыре места в кабинете Мечислава Раковского⁷ в сентябре 1988 г., т. е. еще до начала «круглого стола»)⁸. В Чехословакии после событий «бархатной» революции конца осени 1989 г. под давлением оппозиционных организаций из конституции страны было исключено упоминание о руководящей роли коммунистической партии, а также сформировано новое коалиционное правительство, в котором ключевые позиции заняли бывшие диссиденты. В Румынии, в отличие от большинства стран Восточного блока, началу реформ предшествовало кровопролитие. Во время событий «декабрьской революции» 1989 г. оказались убиты 1 104 человека и 3 352 человека ранены⁹.

Окончательное провозглашение советской доктрины невмешательства в дела стран Восточной Европы последовало 2–3 декабря 1989 г. в ходе мальтийской встречи М. С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем-старшим. О значении переговоров на Мальте советский руководитель высказался впоследствии так: «Как я говорил, если бы не было Мальты, если бы не было нового уровня отношений и между нами [между СССР и США], то процессы, которые развернулись в Восточной Европе и в связи с объединением Германии, создали бы ситуацию похлеще кризиса в Персидском заливе»¹⁰. Несколько месяцев ранее (апрель 1989 г.) была оглашена новая позиция американской администрации в отношении стран Восточного блока, их подход ставился в зависимость от степени сближения этих

6 См.: Конец эпохи. С. 563–565, 591–601, 609–613.

7 Мечислав Раковский — польский политик и журналист, редактор еженедельного издания «Политика» (польск. *Polityka*), первый секретарь ЦК ПОРП в 1989–1990 гг.

8 *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / пер. с англ. М., 2002. С. 612.

9 История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа / отв. ред. Ю. С. Новопашин. М., 2007. С. 23. Также см.: Конец эпохи. С. 680–690, 702–712, 719–729.

10 Из беседы М. С. Горбачева с Дж. Бушем один на один (Хельсинки, 9 сентября 1990 г.) // Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 560.

государств с США и реализации политико-экономических преобразований¹¹.

Концептуальные перемены в восприятии высшими партийными деятелями внешнего мира и расстановки сил в международных отношениях, зафиксированные в специальной записке «О некоторых актуальных вопросах сотрудничества» от 3 июля 1986 г. и в постановлении ЦК КПСС от 28 августа 1986 г., в дальнейшем были дополнены и развиты в выступлениях и речах М.С. Горбачева. Так, подводя итоги Варшавского совещания секретарей ЦК правящих партий стран СЭВ на заседании Политбюро 29 января 1987 г., советский руководитель высказался в следующем ключе: «Надо тверже держаться принципа: каждая компартия отвечает за то, что происходит в ее стране. <...> Идет процесс обновления: у одних так, у других эдак. Мы не можем встать на такую позицию, чтобы давать политическую оценку или третировать кого-то. Наше воздействие может быть только одним: через то, что мы сами у себя делаем»¹². 18 февраля 1988 г. на Пленуме ЦК КПСС, комментируя исходный принцип новых отношений между странами социалистического содружества, Горбачев заявил: «Мы назвали его. Сказали о нем во всеуслышание и не перестаем повторять всем — от президента США до наших друзей — борцов за национальную независимость и за социализм. Принцип этот — признание свободы социального и политического выбора каждым народом, каждой страной»¹³.

Во время телефонного разговора с канцлером ФРГ Г. Колем 11 октября 1989 г. М. С. Горбачев, подчеркивая неизменность намеченного международного курса, говорил немецкому коллеге: «Сегодня я имел беседу с находящимся в Москве Раковским¹⁴. Положение в Польше

11 Информация советника-посланника ПНР в Вашингтоне Р. Крыстосика директору III департамента МИД ПНР Духовскому о позиции американской администрации в связи с резким изменением политической ситуации в Польше // *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века*. СПб., 2013. Т. II. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов. С. 467.

12 Горбачев на заседании Политбюро ЦК КПСС 29 января 1987 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 30.

13 *Горбачев М. С.* Революционной перестройке — идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февр. 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 42.

14 К моменту упомянутого разговора М. С. Горбачева с Г. Колем М. Раковский уже не был главой польского правительства — эпоха коммунистов у власти подошла к концу. Во главе правительства стоял

непростое, ее руководство ищет выхода из кризисной ситуации. Из беседы у меня сложилось впечатление, что поляки надеются на помощь Запада, в том числе ФРГ, на наше содействие, а также помощь Америки. Я сказал Раковскому, что им следовало бы рассчитывать в первую очередь *на самих себя*¹⁵.

В конце 1980-х — 1990-х гг. во многих странах Центральной и Юго-Восточной Европы произошли антикоммунистические революции, в результате которых к власти пришли демократические силы. Начался сложный процесс обретения новой гражданской и политической идентичности. Несмотря на значительные экономические потери от разрыва экспортно-импортных связей с СССР, этими странами был осуществлен безоговорочный поворот на Запад. Для достижения этой цели, собственно, и была создана 15 февраля 1991 г. Вышеградская группа — союз трех центральноевропейских государств (Венгрии, Польши и Чехословакии)¹⁶. На смену расформированных в 1991 г. СЭВ

представитель оппозиции Тадеуш Мазовецкий, занявший этот пост в результате первых свободных выборов, проведенных летом 1989 г.

15 Телефонный разговор М. С. Горбачева с Г. Кодем 11 октября 1989 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 221.

16 Необходимо уточнить, что это политическое объединение полностью не соотносится ни с одним из распространенных в отечественной и зарубежной историографии политико-географических терминов. Так, термин «Центральная Европа», используемый сугубо в географическом понимании, подразумевает совокупность шести стран: Австрии, Венгрии, Германии, Польши, Словакии и Чехии. На Западе в 1990-е гг. ему на смену пришло иное понятие — «Центрально-Восточная Европа», которое охватывает Белоруссию, Венгрию, Латвию, Литву, Польшу, Словакию, Украину, Чехию, Эстонию и постъюгославские страны. Это понятие получило широкое распространение у историков стран региона, проживавших в эмиграции, главным образом в США, и практически полностью вытеснило из обращения в западной публицистике и историографии термин «Центральная Европа». В российской исторической науке эти два термина не нашли закрепления, хотя изредка перенимались в некоторых научных работах последнего времени. Для отечественных исследователей более привычным остается понятие «Центральная и Юго-Восточная Европа».

С точки зрения доктора исторических наук, известного специалиста по странам Центральной Европы Л. Н. Шишелиной Вышеградская группа — это не столько политическая или территориальная общность, сколько историко-идеологическая концепция, синтез культурных и цивилизационных характеристик входящих в нее стран. А кроме того, «своеобразный

и ОВД в регион быстро пришли европейские и евроатлантические структуры — главным образом НАТО и ЕС. Однако разделительная линия в Европе так и не стерлась, как это планировалось в эпоху антикоммунистических революций, но лишь передвинулась дальше на Восток, к границам России¹⁷.

Страны Вышеградской группы в текстах концепций внешней политики России

Россия и страны Вышеградской группы оказались в схожем переходном положении. На первом этапе выстраивания внешнеполитического курса современной России (1991–1995 гг.) доминировали представления о том, что наша страна будет отныне всегда выступать в альянсе с западным миром, в котором по известным причинам ключевая роль отводилась США. Отсюда следовала слабо выраженная артикуляция собственных национальных интересов. В новой геополитической реальности, обусловленной распадом Советского Союза и роспуском ОВД, была разрушена и система двусторонних соглашений о дружественном сотрудничестве и взаимопомощи с этими четырьмя странами Центральной Европы. После 1991 г. к «постсоциалистической» элите России постепенно пришло понимание необходимости подготовки и подписания с ними новых договоров, отвечающих духу и запросам времени. В последнее десятилетие прошлого века этот процесс был преимущественно завершён. 6 декабря 1991 г. в Москве подписан договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Венгерской Республикой¹⁸ (вступил в силу 6 марта 1995 г.), 22 мая 1992 г. — с Республикой Польша¹⁹ (вступил

европейский регион, обладающий особыми традициями, ментальностью, отношением к самим себе, своим соседям и миру». См.: Вышеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишлиной. М., 2010. С. 7.

17 Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб., 2015. С. 8.

18 Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Венгерской Республикой // Бюллетень международных договоров. 1998. № 6. С. 7–12.

19 Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве // Бюллетень международных договоров. 1993. № 7. С. 72–78.

в силу 8 мая 1993 г.), 26 августа 1993 г. в Братиславе и Праге документально оформлены принципы взаимоотношений со Словацкой²⁰ и Чешской Республиками²¹ (соглашения вступили в силу 5 декабря 1994 г. и 5 марта 1996 г. соответственно). Положения договоров совершенствуются и по сей день, принимаются консульские конвенции, соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом, природоохранном, культурном сотрудничестве, реализуются договоренности о регулярных двусторонних встречах представителей различных уровней власти.

Подчеркнем, что в 1990-е гг. произошла реконструкция идейно-политического диалога между странами. Отныне он основывался на принципах равноправия, уважения норм международного права и построения свободного демократического общества. Утверждение общих интересов в различных сферах взаимодействия, создание комплекса нормативно-правовых документов, регулирующих межгосударственное сотрудничество, бесспорно, относились к числу важнейших достижений сторон.

Авторы внешнеполитических концепций Российской Федерации — ключевых документов в идейно-теоретическом оформлении международного курса — избегали декларирования задач по развитию взаимовыгодных и полноценных отношений с этими государствами, сохранению российских позиций в регионе и профилактике его превращения в «полосу отчуждения».

В 1990-е гг. взаимное сотрудничество складывалось исходя из ориентации на связку США — НАТО — ЕС с доминированием первых. Этот тренд по отношению к четырем странам Вышеградской группы в том или ином виде прослеживался почти во всех внешнеполитических концепциях, принятых российским руководством. 23 апреля 1993 г. президент России Б. Н. Ельцин утвердил первую внешнеполитическую концепцию. В числе приоритетов ельцинской политики было включение России в евроатлантическое пространство, поддержка нарождающейся многополярности в международных отношениях, избавление международной системы безопасности от догм блокового

20 Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Словацкой Республикой // Бюллетень международных договоров. 1996. № 5. С. 16–21.

21 Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Чешской Республикой // Бюллетень международных договоров. 2005. № 7. С. 25–30.

противостояния. В шкале региональных приоритетов внешней политики России на первом месте стояли отношения с СНГ, затем — контакты с США и Западной Европой. Рассматриваемым странам Центральной Европы не уделялось большого внимания. Ключевыми принципами во взаимоотношениях с посткоммунистической Европой провозглашались взаимная выгода и равноправие с полным избавлением «от присущих бывшему СССР элементов имперского высокомерия и эгоцентризма» (гл. V)²². В начале 1990-х гг. остро встала проблема вывода российских войск с территории бывших ВНР, ПНР и ЧССР. Принципиальное значение для этих стран имело то, что российское руководство дало согласие на вывод войск без предъявления требований, урезающих их суверенитет на мировой арене. В этом контексте жизненно важной стратегической задачей в регионе объявлялось недопущение его трансформации в своеобразный буфер, который мог изолировать Россию от Запада (гл. V). Применительно к отдельным странам бывшего Восточного блока (в их числе упомянуты Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) в концепции формулировались меры, направленные на закрепление позитивной повестки в диалоге с Россией. Преимущественно это меры по подготовке упомянутых выше двусторонних договоров в области сотрудничества, а также по урегулированию финансовых вопросов и имущественных споров (гл. V)²³. Интерес к Вышеградской группе как к новоиспеченному центру политической жизни этих стран в концепции не фиксировался.

Следующий этап внешнеполитического развития России (1996–1999 гг.) проходил на фоне усиления военно-силовых аспектов в мировой политике. Среди прочего это выражалось в укреплении военно-политических блоков и союзов, угрозе размещения вблизи российских границ военных объектов и войсковых частей. Так, в 1999 г. состоялось первое расширение НАТО на Восток — ряды альянса пополнили Венгрия, Чехия и Польша.

17 декабря 1997 г. появился очередной документ, определявший внешнеполитическую деятельность России, — концепция национальной безопасности. В ней расширение НАТО на Восток рассматривалось в качестве одной из основных угроз в международной сфере

22 Основные положения Концепции внешней политики Российской Федерации 1991 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: хрестоматия: в 4-х т. / сост. Т. А. Шаклеина. М., 2002. Т. 4. Документы. С. 7.

23 Там же.

(гл. III)²⁴. Если во время президентства Дж. Буша-старшего планы стран Вышеградской группы по вступлению в НАТО не имели серьезной поддержки в США, то при Б. У. Клинтоне они нашли принципиальное одобрение. С того момента российский МИД начал переходить к активным протестам против скоропалительного принятия этих стран в альянс (вместе с тем в стратегическом документе 1997 г. тема противодействия североатлантической интеграции *конкретных* стран Восточной и Центральной Европы отражения не получила).

Однако, несмотря на громкие протесты Москвы против принятия в ряды Североатлантического альянса бывших союзников СССР, она признавала ключевую роль НАТО в конфигурации сил в Европе и пыталась наладить с ним сотрудничество на паритетных началах. 27 мая 1997 г. Россия подписала с военным блоком Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. Спустя пять лет был учрежден Совет «Россия — НАТО» (СРН) с целью проведения совместных действий и консультаций²⁵. Российское руководство настаивало на том, чтобы блок впоследствии трансформировался из сугубо военного в политический²⁶.

Начало третьего периода внешнеполитической истории современной России (2000–2008 гг.) связано с избранием В. В. Путина на пост президента. Центральное место в повестке дня президента занял вопрос диверсификации внешнеполитического курса страны. Были оживлены политические, экономические, военные контакты со многими ведущими центрами мира, в том числе в рамках «треугольника» Россия — Индия — Китай, со странами Ближнего Востока и Латинской Америки. На протяжении своих президентских сроков В. В. Путин предпринимал шаги по сохранению Россией статуса великой державы. Представляется, что на следующем этапе с приходом к власти Д. А. Медведева внешняя политика нашей страны стала бо-

24 Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17186/ (дата обращения: 22.02.2021).

25 Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и НАТО (27 мая 1997 г.) / Совет Россия-НАТО. 1997. URL: https://www.nato.int/nrc-website/media/59451/1997_nato_russia_founding_act.pdf (дата обращения: 08.12.2020).

26 *Бажанов Е. П.* Внешняя политика России (1992–2003 гг.) // Дипломатический ежегодник–2004. Сборник статей. М., 2005. С. 220.

лее «экономизированной» и военные вопросы отошли на задний план (за исключением, конечно, фазы вооруженного конфликта в Южной Осетии 8–12 августа 2008 г.).

Последующие внешнеполитические концепции рассматриваемых периодов (2000, 2008) были написаны в условиях, когда расширение НАТО на Восток стало неотвратимой политической реальностью. Однако это обстоятельство не было таким уж драматичным для отношений России и стран Вышеградской группы. Воплощая на практике принципы *Realpolitik*, российское руководство поставило перед собой задачу «преодоления кризисных явлений и придания дополнительного импульса сотрудничеству со странами Центральной Европы в соответствии с новыми условиями и российскими интересами» (гл. IV)²⁷. Принимая во внимание существенные различия в позициях государств Вышеградской группы по отношению к России, дальнейшее расширение диалога возможно только «с учетом реальной готовности к этому каждого из них» (гл. IV)²⁸. Констатируем, что в концепции 2000 г. центральноевропейское направление занимало достаточно высокое (третье) место среди региональных приоритетов нашего государства — после стран СНГ и Западной Европы. Однако в документе 2008 г. вышеградцев опередила Северная Европа, соответственно отодвинув ее на 4-е место (гл. IV)²⁹.

В последующих внешнеполитических доктринах (2013 и 2016), подготовленных на этапе «перелицовки геополитического ландшафта»³⁰ на фоне украинского кризиса и очередного витка нестабильности в глобальной экономике, отдельное упоминание о взаимодействии с Центральной Европой вовсе отсутствовало.

Таким образом, анализ концептуально зафиксированных подходов на разных этапах внешнеполитического развития России по-

27 Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 22.02.2021).

28 Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85021/ (дата обращения: 22.02.2021).

29 Там же.

30 *Лавров С. В.* Мир в эпоху перемен: приоритеты внешнеполитической деятельности Российской Федерации // Дипломатический ежегодник–2012. Сборник статей. М., 2013. С. 14.

казал, что ее отношения со странами Вышеградской группы никогда не находились в числе основных приоритетов. Однако если в начале 1990-х гг. взаимодействие с этим регионом и отдельными входящими в него странами было вписано прежде всего в более широкий контекст российско-американского и общеевропейского диалога, то со второй половины 1990-х гг. в русле нового курса Е. М. Примакова (в 1996 г. он сменил на посту министра иностранных дел А. В. Козырева) на строительство многополярного мира это направление начало преобразовываться в самостоятельный элемент российской дипломатии. Дефицит внимания к сотрудничеству со странами Вышеградской группы, наметившийся в стратегических документах конца 2000-х гг., и всецелое упование Москвы в своей европейской политике на контакты с Берлином, Римом и Парижем говорят о падении уровня доверия, ослаблении взаимного притяжения сторон вследствие недопонимания интересов и проблем друг друга, выросших в последние десятилетия, неготовности разглядеть в необходимости взаимного уважения серьезный фактор политической выживаемости наших стран в современном мире.

Репрезентация Вышеградской группы в российских СМИ

В этом разделе статьи мы проследим участие отечественных СМИ в формировании имиджа Вышеградской группы внутри нашей страны на протяжении 2005–2018 гг. Представляется, что СМИ выступают посредником между официальным и частным порядком дискурса (т. е. в среде читательской аудитории, так сказать, рядовых потребителей медиа-контента), и без их обзора репрезентационная картина будет неполной. Проведение анализа до 2005 г. представляется затруднительным ввиду нерепрезентативности исходных данных: продолжительное время в свет выходили единичные статьи, в которых Вышеградская группа находила упоминание хотя бы один раз. Увеличение количества статей на данном этапе связано преимущественно с интересом к вступлению стран «четверки» в Евросоюз в 2004 г. и его последствиями.

Итак, поэтапный контент-анализ позволил автору, во-первых, отследить динамику упоминаний исследуемого объекта и зафиксировать волны роста и падения интереса к нему в публичном пространстве; во-вторых, определить соотношение смысловой направленности текстов и новостных сообщений. Контент-анализ может применяться в качестве не только первостепенного и самостоятельного метода исследования, но и дополнения к иным методологическим инструментам. Он может

рассматриваться как элемент историко-генетического и историко-системного анализа. Вслед за постановкой цели и задач контент-анализа была выработана программа исследования, которая включила в себя подбор массива анализируемых источников, разделение их по характеру упоминания объекта исследования (нейтральный, положительный, отрицательный), статистическую обработку полученных количественных данных, визуализацию посредством гистограмм и диаграмм, текстовое представление полученных результатов исследования.

Исследовательский материал состоит из 1 045 статей и новостных сообщений, появившихся в российских СМИ в промежутке с 2005 по 2018 г. Заострим внимание на том, что автором учитывались не только те тексты, в которых упоминалась вся «четверка», но также и те, где говорилось о каждой стране в отдельности. Для достижения максимально объективного результата в мониторинге были рассмотрены источники разнообразных категорий и политических направлений. В анализе были задействованы материалы 18 печатных СМИ, 13 телевизионных каналов, 7 радиоресурсов, а также 63 электронных изданий. Среди печатных СМИ рассмотрены ведущие российские газеты и журналы, связанные с государственными структурами и выражающие их интересы (такие газеты, как «Вечерняя Москва», «Военно-промышленный курьер», «Российская газета», журналы «Международная жизнь» и «Россия в глобальной политике»), а также пресса умеренно либерального (газеты «Ведомости», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец»), независимого («Новая газета») и коммунистического (газета «Правда») толка. Вещательные СМИ в свою очередь делятся на те, что придерживаются официальных (телеканалы «Россия-1», «Первый канал», «Россия — Культура», «Россия-24», НТВ, ТВЦ, «Москва 24», «Звезда», RT (на русском языке), радиостанции «Вести FM», «Радио Культура», «Радио России»), либеральных (телеканал ОТР, радиостанции «Business FM», «Говорит Москва», «Коммерсантъ-FM») и оппозиционных («Эхо Москвы») взглядов.

Рассмотренные онлайн-СМИ классифицируются следующим образом: 1. сетевые версии печатных СМИ (например, электронные версии «Независимой газеты», «Российской газеты», «Финансовой газеты», «Парламентской газеты», «Комсомольской правды», «Известий», «Нашей версии», журналов «Forbes», «Эксперт», «Профиль» и т. д.); 2. выходящие только в Интернете (например, порталы, публикующие на русском языке статьи зарубежных СМИ, — InoPressa и ИноСМИ, онлайн-газеты «Взгляд.РУ» и «Газета.RU», интернет-журналы «ГЕФТЕР» и «Politrussia.com», информационный сайт политических комментариев «Политком.RU», сетевые издания на военную тематику

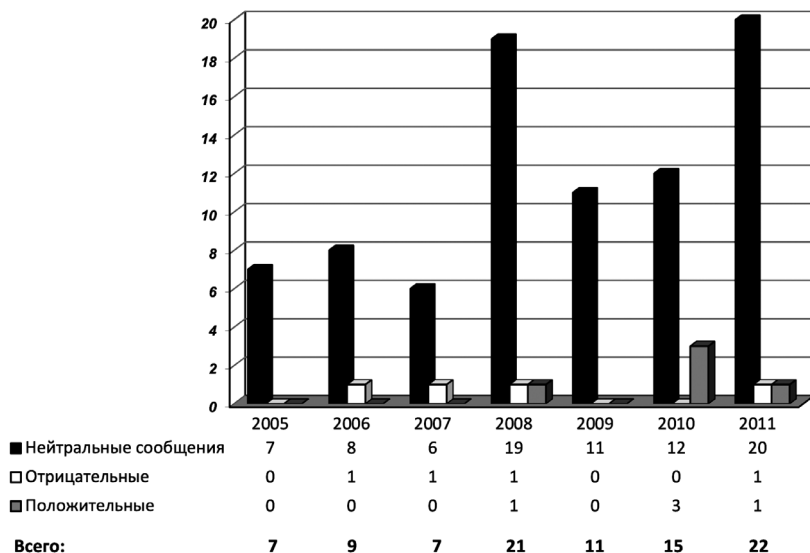
«Военное обозрение», «Война и мир», «Новости ВПК» и т. д.). Особую подгруппу составляют сайты информационных агентств, специфика работы которых в сравнении с другими СМИ заключается в сборе информации и продаже ее другим медиаресурсам. В целях проведения контент-анализа были изучены новости международных (ИА РБК, Newsru.com, Интерфакс, ТАСС, Росбалт), национальных (REGNUM, АПН) и региональных (ИА «Вестник Кавказа») информационных агентств. Необходимо отметить, что автором не было замечено принципиальных различий в подаче материалов этими тремя видами информационных агентств.

Гистограмма 1 демонстрирует, что первый всплеск интереса (пусть и относительно небольшого) со стороны российских СМИ к вышеградскому сотрудничеству наблюдался в период с 2005 по 2007 гг., что обуславливалось присоединением стран «четверки» к договору ЕС и его последствиями. Следующая волна интереса пришлась на 2008–2011 гг. в связи с появлением в 2008 г. проекта «Восточное партнерство», в котором вышеградские страны принимали активное участие. В 2008 г. этой региональной организации в российских СМИ была посвящена 21 новость, что в 3 раза превысило показатели 2007, 2006 и 2005 гг. (7, 9 и 7 сообщений соответственно). 2011 г. был наполнен сразу несколькими знаменательными событиями: 12 мая на встрече военных министров Вышеградской группы в Словакии было объявлено о создании боевой группы, а также в ЕС осуществляли председательство две страны «четверки» — Венгрия и Польша.

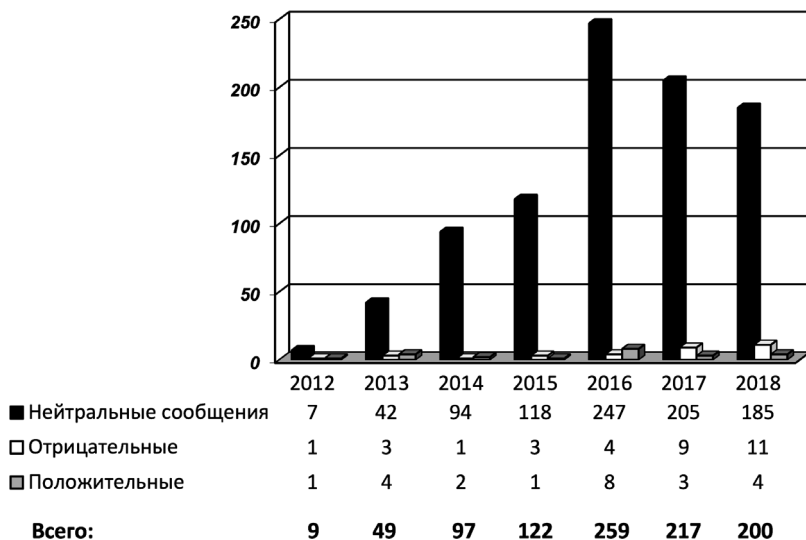
2012 г., как показывает гистограмма 2, отмечен снижением внимания к деятельности «четверки» на отечественном медиарынке (9 сообщений), что, в сущности, можно объяснить отсутствием в вышеградской повестке дня громких тем, представляющих актуальность для российской внешней политики.

Период 2013–2018 гг. характеризуется мощным ростом интереса СМИ к вышеградской тематике, что, конечно же, было предопределено событиями украинского кризиса, который с самого начала находился в центре внимания участников группы, а также проблемами размещения в Европе беженцев из стран Ближнего Востока и Африки. В 2013 г. количество сообщений увеличилось по сравнению с 2012 г. почти в 5,5 раз (49 сообщений), а в 2016 г. добралось до рекордной отметки (259 сообщений).

В 2017 г. (217 сообщений) и 2018 г. (200 сообщений) прослеживался небольшой спад медийного интереса, несмотря на это масштабы информационного сопровождения сохранялись на стабильно высоком уровне.

Гистограмма 1. Динамика освещения деятельности Вышеградской группы в российских СМИ в 2005–2011 гг.

Гистограмма 2. Динамика освещения деятельности Вышеградской группы в российских СМИ в 2012–2018 гг.

Возвращаясь к 2013 г., необходимо пояснить, что характер информационного сопровождения впервые изменился не только с количественной точки зрения, но также с функционально-жанровой и содержательной. В печати появилось больше информационно-аналитических и публицистических текстов, которые в отличие от новостных сообщений предполагают обязательное наличие авторских комментариев в отношении объекта исследования. Что касается специфики подачи материала различными изданиями, то здесь наблюдалось возрастание доли статей с повышенным психологическим воздействием на читателя, насыщенных остро оценочными и выразительно-эмоциональными компонентами. В примыкающих к гистограммам 1, 2 таблицах показана дифференциация источников в зависимости от характера упоминания о Вышеградской группе; в данном случае за смысловую единицу анализа принята положительная, отрицательная или нейтральная позиция автора конкретного источника. По данным этих таблиц, наибольшее количество положительных отзывов о Вышеградской группе и ее деятельности выявлено в 2016 г. (8 сообщений), отрицательных — в 2018 г. (11 сообщений), при этом в 2005 г. и 2009 г. не было зафиксировано ни одной новости с положительной или отрицательной тональностью.

В процентном соотношении совокупный баланс информационного благоприствования в период с 2005 по 2018 г. показан ниже на диаграмме 1.

Из нее следует, что 94% изученного массива материалов (или 981 сообщение, если вести учет в абсолютных цифрах) выдержаны в нейтральном стиле и только 6% в положительном и отрицательном (28 и 36 сообщений соответственно). Представляется, что причина такой несбалансированности тональности сообщений кроется в недостаточной степени политизации Вышеградской группы в сознании российских правящих кругов и в среде общественных организаций.

Тематическая направленность изученных в рамках контент-анализа источников характеризуется ориентацией на традиционные сферы интересов России и сводится в значительной мере к транслированию позиции Вышеградской группы относительно политических перипетий на постсоветском пространстве, а также системных противоречий России со странами ЕС и НАТО. В спектр наиболее востребованных тем, как правило, не попадают разнообразные инициативы «четверки» по вопросам культуры, науки, образования, экологии (например, проекты центра компетенций Вышеградской группы, Вышеградской ассоциации университетов и т. д.). Вне поля зрения чи-

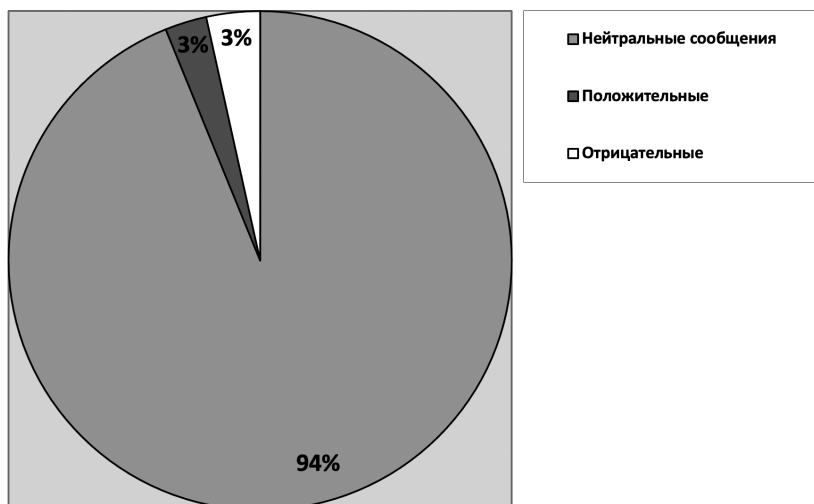

Диаграмма 1. Баланс информационного благоприятствования, сложившийся в отношении Вышеградской группы в российских СМИ (2005–2018 гг.)

тательской аудитории, к сожалению, оказалось такое важное в судьбе Вышеградской группы событие, как 20-летний юбилей ее создания, который отмечался в 2011 г. Попутно заметим, что в Москве в рамках празднования этой даты был проведен полноценный комплекс мероприятий (академический семинар на тему «Вышеградская группа: история, современность, перспективы», фотовыставка, концерт классической музыки и т. д.). Упоминание о нем удалось найти только в некоторых электронных СМИ³¹, тогда как радио и телевидение решительно обошли этот информационный повод стороной.

Бурный прирост упоминаний в российских СМИ всех политических ориентаций в 2005–2018 гг. тесно коррелирует с появлением новых сфер пересечения интересов, борьбы идей и амбиций между странами Вышеградской группы и Россией (таких как проект «Восточное партнерство», политический кризис на Украине, проблема принадлежности Крыма, натоизация Западных Балкан и т. д.). Одним из наиболее дискуссионных вопросов среди российских историков,

31 См., например: *Черкасов И. А.* День Вышеградской группы в Москве // Мecenat и мир. 14.02.2012. URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/49-52/cherkasov2.htm> (дата обращения: 16.07.2020).

политологов и журналистов была перспектива выживаемости вышеградского формата сотрудничества на европейском политическом поле. Одни полагали, что за годы своего существования группа превратилась в серьезного игрока и ее значение в Евросоюзе значительно возросло (С. Мануков³², Д. Ефременко³³), другие — что в ее политическом и экономическом механизме присутствовал полный разноряд (Д. Семушин³⁴) и она погрузилась в анабиоз (С. Стремидловский³⁵). Одни называли ее полезным и успешным форматом сотрудничества (И. Тарасов³⁶, Россия 24³⁷), другие — геополитической «пустышкой», неживым объединением, носящим ритуально-ностальгический характер (В. Винников³⁸, А. Левкин³⁹, С. Шелин⁴⁰, Я. Шимов⁴¹). Встречается

32 Мануков С. Меркель здесь, Меркель там... // Эксперт Online. 26.08.2016. URL: <https://expert.ru/2016/08/26/merkel-zdes-merkel-tam/> (дата обращения: 09.12.2019).

33 Ефременко Д. В. Жизнь после Вильнюса // Россия в глобальной политике. 2013. № 5. С. 8–20.

34 Семушин Д. Венгрия, Польша, Словакия и Чехия: V4 — зона политического разобщения и экономической стагнации // REGNUM. 26.06.2012. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1545627.html> (дата обращения: 09.12.2019).

35 Стремидловский С. Вышеградская группа больше не жилец? // REGNUM. 16.05.2018. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2415815.html> (дата обращения: 09.12.2019).

36 Тарасов И. Интересы стран Вышеградской группы и миграционная политика ЕС // Внешняя политика. 13.10.2015. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/interesy-stan-vyshegradskoy-gruppy-i-migratsionnaya-politika-es/> (дата обращения: 14.11.2019).

37 «Тройка» соберется в городе с русскими корнями // Вести.Ру. 18.10.2010. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=400760> (дата обращения: 14.11.2019).

38 Винников В. Визит Киссинджера в Россию: миссия невыполнима, или Почему июль будет «жарким» // Федеральное агентство новостей. 29.06.2017. URL: <https://riafan.ru/845538-vizit-kissindzhera-v-rossiyu-missiyaneyupolnima-ili-pochemu-iyul-budet-zharkim> (дата обращения: 05.06.2020).

39 Левкин А. Homo Habsburgus, новый европеец // Полит.Ру. 16.09.2008. URL: <https://polit.ru/article/2008/09/16/krygabsb/> (дата обращения: 26.05.2020).

40 Шелин С. Отделение хлопка от нефти // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2011/08/17_a_3735065.shtml (дата обращения: 07.05.2020).

41 Шимов Я. Центральная Европа: небольшие народы в поисках «большой родины» // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56). С. 32–39.

мнение и о том, что региональная интеграция стран Центральной Европы не способна ни в каком виде достичь успеха по причине их членства в европейских и евроатлантических структурах (Я. Шимов⁴²).

Что касается прогнозов о распаде «четверки», которые время от времени попадались в отечественных СМИ, то постепенно они приобрели все более размытые очертания. Целостность объединения будет зависеть главным образом от взаимопонимания Польши и Венгрии в вопросах безопасности европейского континента. Если по миграционному кризису в Европе, начавшемуся в 2015 г., стороны имеют близкие позиции, то по вопросу размещения баз США они оппоненты (Р. Ласецки⁴³).

Среди исследователей больше единодушия в анализе вышеградской политики в отношении Евросоюза. Эти страны не обязаны во всем слушаться Брюссель и должны стремиться к активной и последовательной борьбе за свои интересы на общеевропейских переговорах (Н. Еремина⁴⁴, Л. Бабынина⁴⁵). К особо чувствительным вопросам относится распределение мигрантов в соответствии с системой квотирования и денежных субсидий внутри ЕС, развитие энергетической инфраструктуры. Усиливать свое влияние в ЕС «четверка» намерена за счет укрепления «особых» отношений с США, реализации активной политики в Восточной Европе и на Балканах через инструментарий ЕС. Отношения с Россией являются немаловажным направлением внешнеполитической стратегии вышеградцев; в свою очередь, России необходимо иметь ясные представления о развитии восточноевропейской политики (Л. Драчевский⁴⁶).

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что фактор вышеградского сотрудничества в Европе не оказывает вли-

42 Там же.

43 Ласецки Р. Балтийская Европа // Геополитика.ru. 17.04.2014. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/baltiyskaya-evropa> (дата обращения: 09.12.2019).

44 Еремина Н. Чем кончится бунт Вышеградской группы в Евросоюзе // Евразия Эксперт. 17.03.2017. URL: <https://eurasia.expert/chem-konchitsya-bunt-vyshegradskoy-gruppy-v-es/> (дата обращения: 04.05.2020).

45 Бабынина Л. Евросоюз: через кризисы // Эксперт Online. 20.02.2018. URL: <https://expert.ru/2018/02/20/evrosoyuz-cherez-krizisy/> (дата обращения: 07.12.2019).

46 Страны Центральной Европы в условиях мирового кризиса // Международная жизнь. 09.12.2012. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8972> (дата обращения: 07.12.2019).

яние ни на формирование государственной стратегии внешней политики России (даже в странах ЕС), ни на ее общественное мнение. С одной стороны, это связано с нежеланием самой Вышеградской группы координировать политику всех своих членов в области сотрудничества с Россией: каждая из вышеградских стран предпочитает развивать отношения с ней по отдельности. (Впрочем, такая же схема типична и для многих других направлений.) С другой — в России укоренилось представление об этом региональном объединении как о слабой силе в европейской дипломатии, не имеющей потенциала привлекательности для других стран и не способной влиять на принятие решений даже внутри Евросоюза. В качестве третьей причины следует назвать фиксацию всех категорий СМИ (газет, журналов, радио, телевидения) на общественно-политических проблемах стран Вышеградской группы при освещении ее работы.

Безусловно, центральноевропейский регион для России значим, но не настолько, как, например, территория бывшего СССР. Причины ослабления взаимного притяжения России и стран, входящих в Вышеградскую «четверку», заключаются не столько в практических огрехах, сколько в концептуальном недопонимании потребностей и интересов друг друга на международной арене, в нежелании принять точку зрения оппонента.

Вполне естественно, что определенные политические идентичности и представления внедряются в публичное пространство. Это, в частности, находит отражение в репрезентациях СМИ изучаемого объекта. Обеспокоенность проблемами Вышеградской группы в российском медиапространстве во многом продиктована прагматическими соображениями и определяется лишь теми тематическими акцентами, которые непосредственно связаны с жизненными интересами российского государства. В результате поэтапного анализа роста и падения интереса российских СМИ к вышеградской тематике (2005–2007 гг.; 2008–2011 гг.; 2012 г.; 2013–2018 гг.) было выявлено, что по мере дистанцирования от этих вопросов актуальность и дискуссионность тем сотрудничества внутри регионального объединения в СМИ заметно снижалась. Специфический отбор материала приводит к полному игнорированию тех инфоповодов, которые могли бы помочь российской аудитории получить разностороннее, объемное видение деятельности этой организации, создать вокруг нее благоприятный эмоциональный фон.

Во времена, когда обстановка накаляется, диалог особенно важен. В современных условиях России необходимо отойти от упрощения политической действительности и выстроить новую стратегию

взаимодействия с правящими кругами и общественностью в регионе Центральной Европы. Ее содержание можно было бы закрепить в конкретном документе, например в форме целостной стратегии развития взаимоотношений России и Центральной Европы на среднесрочную и долгосрочную перспективы, где Вышеградская группа выступала бы в роли неперенного элемента политико-дипломатического общения и переговорной площадки для реализации российских задач в регионе.

Источники и литература

Бабынина Л. Евросоюз: через кризисы // Эксперт Online. 20.02.2018. URL: <https://expert.ru/2018/02/20/evrosoyuz-cherez-krizisy/> (дата обращения: 07.12.2019).

Бажанов Е. П. Внешняя политика России (1992–2003 гг.) // Дипломатический ежегодник–2004: сборник статей. М.: Научная книга, 2005. С. 203–235.

Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. Мемуары. М.: Международные отношения, 1998. 564, 32 с. фот.

Бюллетень международных договоров / Администрация Президента Российской Федерации. 1998. № 6; 1993. № 7; 1996. № 5; 2005. № 7.

Винников В. Визит Киссинджера в Россию: миссия невыполнима, или Почему июль будет «жарким» // Федеральное агентство новостей. 29.06.2017. URL: <https://riafan.ru/845538-vizit-kissindzhera-v-rossiyu-missiya-nevupolnima-ili-pochemu-iyul-budet-zharkim> (дата обращения: 05.06.2020).

Вышеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишелиной; Институт Европы РАН. М.: Весь мир, 2010. 563 с.

Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 271 с.

Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления: речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февр. 1988 г. Постановление Пленума ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1988. 48 с.

Еремينا Н. Чем кончится бунт Вышеградской группы в Евросоюзе // Евразия Эксперт. 17.03.2017. URL: <https://eurasia.expert/chem-konchitsya-bunt-vyshegradskoy-gruppy-v-es/> (дата обращения: 04.05.2020).

Ефременко Д. В. Жизнь после Вильнюса // Россия в глобальной политике. 2013. № 5. С. 8–20.

Информация советника-посланника ПНР в Вашингтоне Р. Крыстосика директору III департамента МИД ПНР Духовскому о позиции американ-

ской администрации в связи с резким изменением политической ситуации в Польше // *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века / Институт славяноведения РАН; [редкол.: Ю. С. Новопашин (отв. ред.) и др.]. Т. 2: Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов. СПб.: Алетейя, 2013. С. 466–468.*

История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа / Институт славяноведения РАН; [отв. ред. Ю. С. Новопашин]. М.: Наука, 2007. 397 с. (XX век в документах и исследованиях).

Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы / Российский гос. арх. новейшей истории, Институт им. Людвига Больцмана, Институт всеобщ. истории РАН; отв. сост. М. Ю. Прозуменщиков. М.: РОССПЭН, 2015. 949 с.

Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / [пер. с англ. В. Т. Олейника]. М.: Весь Мир, 2002. 656 с.: ил. (Национальная история).

Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 22.02.2021).

Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85021/ (дата обращения: 22.02.2021).

Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17186/ (дата обращения: 22.02.2021).

*Лавров С. В. Мир в эпоху перемен: приоритеты внешнеполитической деятельности Российской Федерации // *Дипломатический ежегодник–2012: сборник статей. М.: Весь Мир, 2013. С. 13–24.**

*Ласецки Р. Балтийская Европа // *Геополитика.ru. 17.04.2014. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/baltiyskaya-evropa> (дата обращения: 09.12.2019).**

*Левкин А. Homo Habsburgus, новый европеец // *Полит.Ру. 16.09.2008. URL: <https://polit.ru/article/2008/09/16/krygabsb/> (дата обращения: 26.05.2020).**

*Мануков С. Меркель здесь, Меркель там... // *Эксперт Online. 26.08.2016. URL: <https://expert.ru/2016/08/26/merkel-zdes-merkel-tam/> (дата обращения: 09.12.2019).**

Михаил Горбачев и германский вопрос: сборник документов. 1986–1991 / сост., предисл. и примеч. А. А. Галкина, А. С. Черняева; Горбачев-Фонд. М.: Весь мир, 2006. 696 с.

Основные положения Концепции внешней политики Российской Федерации 1991 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: хрестоматия: в 4 т. / сост. Т. А. Шаклеина. Т. 4. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 19–50.

Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и НАТО (27 мая 1997 г.) / Совет Россия-НАТО. 1997. URL: https://www.nato.int/nrc-website/media/59451/1997_nato_russia_founding_act.pdf (дата обращения: 08.12.2020).

Семушин Д. Венгрия, Польша, Словакия и Чехия: V4 — зона политического разобщения и экономической стагнации // REGNUM. 26.06.2012. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1545627.html> (дата обращения: 09.12.2019).

Страны Центральной Европы в условиях мирового кризиса // Международная жизнь. 09.12.2012. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8972> (дата обращения: 07.12.2019).

Тремидловский С. Вышеградская группа больше не жилец? // REGNUM. 16.05.2018. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2415815.html> (дата обращения: 09.12.2019).

Тарасов И. Интересы стран Вышеградской группы и миграционная политика ЕС // Внешняя политика. 13.10.2015. URL: <http://www.foreign-policy.ru/analyses/interesny-stan-vyshegradskoy-gruppy-i-migratsionnaya-politika-es/> (дата обращения: 14.11.2019).

«Тройка» соберется в городе с русскими корнями // Вести.Ру. 18.10.2010. URL: <https://www.vesti.ru/article/2071914> (дата обращения: 14.11.2019).

Тымовский М., Кеневич Я., Хольце Е. История Польши = Historia Polski / [пер.: В. Н. Ковалев, М. А. Корзо, М. В. Лескинен]. М.: Весь Мир, 2004. 544 с. (Национальная история).

Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. = Central and South-Eastern Europe. The end of XX — the beginning of XXI century. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. аспекты общественно-политического развития: историко-политологический справочник / Институт славяноведения РАН; [редкол.: К. В. Никифоров (отв. ред.) и др.]. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 479 с.

Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / Институт славяноведения РАН; [Ю. С. Новопашин и др.]. М.: Новый хронограф: Янович, 2003. 270 с.

Черкасов И. А. День Вышеградской группы в Москве // Меценат и мир. 14.02.2012. URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/49-52/cherkasov2.htm> (дата обращения: 16.07.2020).

Шелин С. Отделение хлопка от нефти // Газета.ru. 17.08.2011. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2011/08/17_a_3735065.shtml (дата обращения: 07.05.2020).

Шимов Я. Центральная Европа: небольшие народы в поисках «большой родины» // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56). С. 32–39.

References

Babynina, L. “Evrosoiuz: cherez krizisy.” *Ėkspert Online*, 20 Febr. 2018, <https://expert.ru/2018/02/20/evrosoyuz-cherez-krizisyi/>. Accessed 7 Dec. 2019.

Bazhanov, E. P. “Vneshniaia politika Rossii (1992–2003 gg.)” *Diplomaticeskii ezhegodnik — 2004*, Moscow: Nauchnaia kniga, 2005, pp. 203–235.

Brutents, K. N. *Tridtsat' let na Staroĭ ploshchadi. Memuary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1998, 564, 32 p. foto.

Cherkasov, I. A. “Den' Vyshegradskoi gruppy v Moskve.” *Metsenat i mir*, 14 Febr. 2012, <http://www.mecenat-and-world.ru/49-52/cherkasov2.htm>. Accessed 16 July 2020.

Efremenko, D. V. “Zhizn' posle Vil'niusa.” *Rossia v global'noi politike*, no. 5, 2013, pp. 8–20.

Eremina, N. “Chem konchitsia bunt Vyshegradskoi gruppy v Evrosoiuze.” *Evraziia Ėkspert*, 17 March 2017, <https://eurasia.expert/chem-konchitsya-bunt-vyshegradskoy-gruppy-v-es/>. Accessed 4 May 2020.

Galkin, A. A., and A. S. Cherniaev, editors. *Mikhail Gorbachev i germanskii vopros. Sbornik dokumentov. 1986–1991*. Moscow: Ves' mir, 2006, 696 p.

Gorbachev, M. S. *Perestroika i novoe myshlenie dlia nashei strany i dlia vsego mira*. Moscow: Politizdat, 1988, 271 p.

Gorbachev, M. S. *Revoliutsionnoi perestroike — ideologiiu obnovleniia: Rech' na Plenume TsK KPSS 18 fevr. 1988 g., Postanovlenie Plenuma TsK KPSS*. Moscow: Politizdat, 1988, 48 p.

“Informatsiia sovetnika-poslannika PNR v Vashingtone R. Krystosika direktoru III departamenta MID PNR Dukhovskomu o pozitsii amerikanskoĭ administratsii v sviazi s rezkim izmeneniiem politicheskoi situatsii v Pol'she.” *Anatomia konfliktov. Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa: dokumenty i materialy poslednei treti XX veka, vol. 2: Vtoraia polovina 1980-kh — nachalo 1990-kh godov*, Saint Petersburg: Aleteiia, 2013, pp. 466–468.

Kontler, L. *Istoriia Vengrii. Tysiacheletie v tsentre Evropy*. Translated by V. T. Oleĭnik, Moscow: Ves' Mir, 2002, 656 p.

Kontseptsiiia natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii ot 17 dek-abria 1997 g. Konsul'tantPlus, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17186/. Accessed 22 Febr. 2021.

Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii ot 12 iulia 2008 g. KonsultantPlus, http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85021/. Accessed 22 Febr. 2021.

Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii ot 28 iunia 2000 g. Konsortium Kodeks. *Elektronnyi fond pravovoï i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii*, <http://docs.cntd.ru/document/901764263>. Accessed 22 Febr. 2021.

Lasetski, R. “Baltiiskaia Evropa.” *Geopolitika.ru*, 17 Apr. 2014, <https://www.geopolitica.ru/article/baltiyskaya-evropa>. Accessed 9 Dec. 2019.

Lavrov, S. V. “Mir v èpokhu peremen: priority vneshnepoliticheskoi deiatel'nosti Rossiiskoi Federatsii.” *Diplomaticheskii ezhegodnik — 2012*, Moscow: Ves' Mir, 2013, pp. 13–24.

Levkin, A. “Homo Habsburgus, novyi evropeets.” *Polit.Ru*, 16 Sept. 2008, <https://polit.ru/article/2008/09/16/krygabsb/>. Accessed 26 May 2020.

Manukov, S. “Merkel' zdes', Merkel' tam...” *Èkspert Online*, 26 Aug. 2016, <https://expert.ru/2016/08/26/merkel-zdes-merkel-tam/>. Accessed 9 Dec. 2019.

Nikiforov, K. V., editor. *Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa. Konets XX — nachalo XXI vv. = Central and South-Eastern Europe. The end of XX — the beginning of XXI century. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiia. Istoriko-politologicheskii spravochnik*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2015, 489 p.

Novopashin, Iu. S., editor. *Istoriia antikommunisticheskikh revoliutsii kontsa XX veka: Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa*. Moscow: Nauka, 2007, 397 p.

Novopashin, Iu. S., editor. *Tsentral'noevropeiskie strany na rubezhe XX–XXI vv. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiia. Istoriko-politologicheskii spravochnik*, Moscow: Novyi khronograf, 2003, 256 p.

“Osnovnye polozheniia Kontsepsii vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii 1991 g.” *Vneshniaia politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii. 1991–2002: khrestomatiia*, ed. by T. A. Shackleina, vol. 4, Moscow: ROSSPÈN, 2002, p. 19–50.

Osnovopolagaiushchii akt o vzaimnykh otnosheniakh, sotrudnichestve i bezopasnosti mezhdu Rossiiskoi Federatsieï i NATO (27 maia 1997 g.). Sovet Rossiia-NATO, 1997, https://www.nato.int/nrc-webside/media/59451/1997_nato_russia_founding_act.pdf. Accessed 8 Dec. 2020.

Prozumenshchikov, M. Iu., editor. *Konets èpokhi. SSSR i revoliutsii v stranakh Vostochnoi Evropy v 1989–1991 gg. Dokumenty*. Moscow: ROSSPÈN, 2015, 949 p.

Semushin, D. “Vengriia, Pol'sha, Slovakiia i Chekhii: V4 — zona politicheskogo razobshcheniia i èkonomicheskoi stagnatsii.” *REGNUM*, 26 June 2012, <https://regnum.ru/news/polit/1545627.html>. Accessed 9 Dec. 2019.

Shelin, S. “Otdelenie khlopka ot nefi.” *Gazeta.ru*, 17 Aug. 2011, https://www.gazeta.ru/comments/2011/08/17_a_3735065.shtml. Accessed 7 May 2020.

Shimov, Ia. “Tsentral'naia Evropa: nebol'shie narody v poiskakh ‘bol'shoï rodiny’.” *Neprikosnovennyi zapas*, no. 6 (56), 2007, pp. 32–39.

Shishelina, L. N., editor. *Vishegradskaia Evropa: otkuda i kuda? Dva desiatiletiia po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovakiu i Chekhii*. Moscow: Ves' mir, 2010, 563 p.

“Strany Tsentral'noi Evropy v usloviakh mirovogo krizisa.” *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 9 Dec. 2012, <https://interaffairs.ru/news/show/8972>. Accessed 7 Dec. 2019.

Stremidlovskii, S. “Vyshegradskaia grupa bol'she ne zhilets?” *REGNUM*, 16 May 2018, <https://regnum.ru/news/polit/2415815.html>. Accessed 9 Dec. 2019.

Tarasov, I. “Interesy stran Vyshegradskoi gruppy i migratsionnaia politika ES.” *Vneshniaia politika*, 13 Oct. 2015, <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/interesystan-vyshegradskoy-gruppy-i-migratsionnaya-politika-es/>. Accessed 14 Nov. 2019.

“Troika' soberetsia v gorode s russkimi korniami.” *Vesti.Ru*, 18 Oct. 2010, <https://www.vesti.ru/article/2071914>. Accessed 14 Nov. 2019.

Tymowski, M., et al. *Istoriia Pol'shi = Historia Polski*. Translated by V. N. Kovalev, M. A. Korzo, M. V. Leskinen, Moscow: Ves' Mir, 2004, 544 p.

Vinnikov, V. “Vizit Kissindzhera v Rossiiu: missiia nevpolnima, ili Pochemu iul' budet ‘zharkim’?” *Federal'noe agentstvo novosti*, 29 June 2017, <https://riafan.ru/845538-vizit-kissindzhera-v-rossiyu-missiya-nevpolnima-ili-pochemu-iul-budet-zharkim>. Accessed 5 June 2020.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.08

Danielova T. A.

The Visegrad Group in the Russian Foreign Policy Planning and Mass Media (1991–2018)

Tatiana A. Danielova

PhD student

Russian State University for the Humanities

125993, Miusskaya sq., bld. 6, Moscow, Russian Federation

E-mail: t.danielova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8546-3386

Citation

Danielova T. A. The Visegrad Group in the Russian Foreign Policy Planning and Mass Media (1991–2018) // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 147–173 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.08

Received: 25.01.2021.

Abstract

The article examines the role and place of the Visegrad Group countries, as well as the Central European region as a whole, in the foreign policy planning of Russia in 1991–2018. Based on the historical and genetic method to create a holistic image of the region's perception, the article analyzes the step-by-step changes that have occurred in the minds of the highest political leadership and the public in relation to it since the times of the USSR (1968–1985, 1985–1991, 1991–1995, 1996–1999, 2000–2008, 2008–2018). This method is supplemented by media content analysis, which makes it possible to identify approaches to cooperation between Russia and the Visegrad countries not only at the official level, but also in the public space. The article also analyses growth and decline of the level of Russian mass media interest in this topic, taking into consideration the newsbreaks that arose in the field of bilateral interaction, as well as on the global agenda of this period. The research rests on the study of the foreign policy concepts of the Russian Federation (1993, 2000, 2008, 2013, 2016) and its concept of national security (1997), speeches, records of conversations of Russian and Western politicians, media articles and news reports.

Keywords

Visegrad group, Hungary, Poland, Slovakia, Czech Republic, USA, Russia, foreign policy concepts, historical and genetic method, content analysis, mass media.

**Хорватский вопрос и эволюция политической системы
Боснии и Герцеговины в период стабилизации (1995–2004 гг.)**

Ерёмин Денис Павлович

Библиотекарь I категории

Центр славянских культур ВГБИЛ им. М. И. Рудомино

109189, Никольямская 1, Москва, Российская Федерация

E-mail: eremindr1994@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1654-6214

Цитирование

Ерёмин Д. П. Хорватский вопрос и эволюция политической системы Боснии и Герцеговины в период стабилизации (1995–2004 гг.) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 174–206. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.09.

Статья поступила в редакцию 02.09.2020.

Аннотация

В статье рассматривается эволюция государственно-правового положения боснийских хорватов в контексте трансформации политической системы Боснии и Герцеговины (БиГ), обусловленной постепенным пересмотром Дейтонских соглашений. С точки зрения автора, изначально политическая модель Дейтонской БиГ представляла собой компромиссный вариант урегулирования между планами Вэнса-Оуэна и Оуэна-Столтенберга, не устраивавший в полной мере ни одну из основных национальных общин БиГ. Боснийские хорваты, как самый малочисленный из трех конституционных народов, не получили отдельного энтитета, тогда как на момент начала этногражданского противостояния в БиГ ими ставился вопрос равноправия народов и федерализации страны. Особое внимание в статье уделено институту международного контроля, ограничивающему суверенитет БиГ, — Управлению Верховного представителя. Подробно освещая внесение поправок в избирательное законодательство, а также инициированный Верховным представителем Вольфгангом Петричем процесс конституционного реформирования, автор показывает, что в БиГ внешними, наднациональными структурами проводится курс на централизацию с целью последующей интеграции страны в евроатлантические структуры в ущерб политическим

интересам общины боснийских хорватов: в результате реформ ФБиГ, формально продолжая оставаться энтитетом как мусульман, так и хорватов, де-факто была поставлена под контроль общины боснийских мусульман.

Ключевые слова

Югославский кризис, Босния и Герцеговина, Боснийская война, Дейтонские соглашения, национальный вопрос, политическая система, Верховный представитель.

Одним из ключевых эпизодов Югославского кризиса является этногражданский вооруженный конфликт в Боснии. Вооруженное противостояние национальных общин Боснии и Герцеговины было прекращено подписанием пакетного соглашения в Дейтоне в ноябре 1995 г. США проводили свою внешнеполитическую линию, подкрепляя ее давлением и намесками на дальнейшее применение силы, однако национальные противоречия в полной мере урегулированы не были и, таким образом, конфликт в Боснии не получил своего разрешения, а де-факто был заморожен.

Дейтонские соглашения включали «Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине» (11 статей) и еще 19 документов, по большей части приложений. Первой статьей закреплялось официальное наименование страны — «Босния и Герцеговина». Предполагалось, что БиГ будет состоять из двух энтитетов — Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской¹, однако четко не оговаривалось, является ли БиГ федерацией или конфедерацией. Представляется, что недосказанности Дейтонской конституции относительно государственного устройства были неслучайными: они обусловили возможность как развития центробежных тенденций, присущих новой политической системе БиГ с момента ее формирования², так и возможность усиления унитарного характера государства. Обозначалось равноправие энтитетов, обладающих собственными конституциями³.

1 General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina (Dayton Agreement). URL: <https://peacemaker.un.org/bosniadaytonagreement95.pdf> (дата обращения: 31.05.2020).

2 *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999. С. 219.

3 General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina.

Преимущество означало сохранение структуры центральных органов, унаследованных от РБиГ. В ведении центральных органов власти оставались международные отношения, монетарная политика, торговля, вопросы иммиграции, предоставления гражданства, обеспечение соблюдения уголовного законодательства, частично транспортная политика; образованиям передавались все правительственные функции и полномочия, прямо не возложенные конституцией на органы Боснии и Герцеговины⁴. Энтитетам были предоставлены очень широкие полномочия⁵, что обусловило сложности в функционировании центральных органов государственной власти⁶.

Пятой статьёй обозначалось согласие сторон с конституцией (Приложение 4⁷). Текст конституции подписывался лидерами конфликтующих сторон (в отношении боснийских сербов «назначили» таковым С. Милошевича⁸), представлявшими основные этнические общины БиГ. Конституция на референдум не выносилась, одобрения населения она не получила⁹. Недемократический характер конституции, как и Дейтонских соглашений в целом, был очевиден для участников урегулирования, о чем прямо писал К. Бильдт, первый Верховный представитель¹⁰. Дейтонские соглашения — это определение и решение всех «жизненно важных вопросов» для всех народов страны международными структурами¹¹.

Особое внимание привлекает создание Управления Верховного представителя (ВП). Должность Верховного представителя была учреждена в соответствии с «Соглашением об осуществлении граждан-

4 Ibid.

5 Кудряшова И. В. Этнополитическая гомогенизация под международным контролем: Босния и Герцеговина и Косово // Политическая наука. 2010. № 1. С. 114.

6 Там же. С. 110.

7 General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina.

8 Кудряшова И. В. Этнополитическая гомогенизация под международным контролем. С. 106.

9 Сидоренко А. В. «Навязанный федерализм» как инструмент конфликторазрешения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2009. Вып. 2. С. 393.

10 Bildt C. Peace Journey: The Struggle for Peace in Bosnia. London, 1998. P. 139.

11 Пономарева Е. Г. Ловушки и дилеммы Мирного соглашения, или Какое будущее ждет Боснию и Герцеговину? // Политеиа. Бр. 2. Факультет политических наук Университета, Бањалука, децембар 2011. С. 225.

ских аспектов мирного урегулирования» (приложение 10¹²). Согласно этому приложению Верховный представитель — особое должностное лицо, основной задачей которого было облегчение осуществления гражданских аспектов урегулирования путем координации деятельности организаций и учреждений. Фактически Верховный представитель, согласно Дейтонским соглашениям, не обладал широкими полномочиями, его полномочия сводились к контролю выполнения гражданских аспектов и координации сторон в этом вопросе¹³. Также в его обязанности входило участвовать во встречах с организациями-донорами, особенно по вопросам восстановления¹⁴, при этом финансирование послевоенной реконструкции зачастую увязывалось с выполнением основными политическими силами положений Дейтонских соглашений¹⁵.

Дейтонские соглашения, подписанные под давлением, — вынужденный компромисс, не устроивший ни одну из сторон: боснийским мусульманам пришлось отказаться от унитарной БиГ, боснийским сербам — от идеи единого государства с Сербией, а хорватам — от Хорватской Республики Герцег-Босна¹⁶. Ф. Туджман, подписавший пакетное соглашение, в конечном итоге отказывался от территориальных притязаний Хорватии в БиГ¹⁷: фактически он пожертвовал землями боснийских хорватов ради интеграции Восточной Славонии в состав Хорватии¹⁸.

Раздел БиГ по этническому принципу на энтитеты с широкими полномочиями означал частичную реализацию идей плана Оуэна-Столтенберга. ФБиГ, в рамках которой боснийские хорваты были вынуждены осуществлять участие в политической жизни, представляла собой реализацию принципов плана Вэнса-Оуэна. Таким образом, Дейтонские соглашения — промежуточный вариант урегулирования между планами Вэнса-Оуэна и Оуэна-Столтенберга.

12 General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina.

13 Ibid.

14 Ibid.

15 *Bildt C.* Peace Journey. P. 243.

16 *Boras F.* Kako je umirala Socijalistička Republika Bosna i Hercegovina. Mostar, 2002. S. 232.

17 *Zdeb A.* The Need to Have Something 'Of Their Own': Croat Parallel Institutions in Bosnia and Herzegovina // *Swiss Political Science Review*. Vol. 22. № 4. 2016. P. 549.

18 *Holbrooke R.* To End a War. New York, 1999. P. 236.

С точки зрения интересов хорватской общины в Боснии принципиально важно, что при образовании ФБиГ, включенной в систему Дейтонской БиГ, были реализованы принципы унитарной и одновременно децентрализованной Боснии и Герцеговины, разделенной на национальные кантоны. Община боснийских хорватов получила в общей сложности 22% территории БиГ в виде национальных кантонов, была утеряна только Боснийская Посавина, переданная Республике Сербской (РС)¹⁹. Однако хорваты не получили отдельного энтитета, тогда как на момент начала этногражданского противостояния в БиГ они ставили вопрос равноправия народов и федерализации страны. Равноправие народов формально закреплялось Дейтонской конституцией, однако боснийские хорваты, будучи самым малочисленным конституционным народом, могли самостоятельно осуществлять суверенитет только на уровне кантонов, а на уровне энтитетов, в рамках ФБиГ — только совместно с боснийскими мусульманами, самым многочисленным этносом БиГ, особенно в условиях изменения национального состава страны. По переписи 1981 г. (точнее, чем перепись 1991 г.²⁰) доля мусульманского населения в БиГ составляла 43,7%, хорватского — 17,3%²¹ (боснийских мусульман — 1 629 924, хорватов — 758 136 соответственно²²), а в 2013 г. доля боснийских мусульман стала составлять 50,1%, хорватов — 15,4%²³ (боснийских мусульман — 1 769 592, хорватов — 544 780 соответственно²⁴).

Следствием стала нестабильность Федерации: возникали острые противоречия между боснийскими хорватами и мусульманами²⁵. Создание Федерации и «заморозку» хорватского национального вопроса следует рассматривать как первый шаг на пути централизации БиГ, в которой заинтересована община боснийских мусульман, пользующаяся поддержкой международных посредников в данном вопросе.

19 *Boras F.* Kako je umirala Socijalistička Republika Bosna i Hercegovina. S. 233.

20 *Мартынова М. Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998. С. 17.

21 Там же. С. 21.

22 Там же. С. 18.

23 Попис становништва, домаћинства и станова у Босни и Херцеговини, етничка / национална припадност, вјероисповјест и матерњи језик. Сарајево, 2019. С. 23.

24 Там же. С. 27.

25 *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. С. 219.

Официально Герцег-Босна была упразднена в конце января 1996 г., когда ее Президиум принял решение о передаче своих функций органам власти Федерации Боснии и Герцеговины²⁶. В сентябре 1996 г. состоялись выборы в органы власти БиГ всех уровней²⁷, первые после окончания Боснийской войны. В выборах одержали верх национально-ориентированные партии, противоречия которых обусловили кризис в БиГ.

В коллективный президиум были избраны от боснийских мусульман — Алия Изетбегович, от хорватов — Крешимир Зубак, сербов — Момчило Краишник (президент РС Р. Караджич был отстранен от политической деятельности вследствие внешнеполитического давления²⁸).

В нижней палате Скупщины БиГ — Палате представителей, состоящей из 42 членов (две трети которых избирается от ФБиГ, а одна треть от РС²⁹), большую часть мандатов получили мусульманская Партия демократического действия (ПДД) — 19/42, Сербская демократическая партия (СДП) — 9/42, Хорватское демократическое содружество (ХДС) БиГ — 8/42³⁰.

В Палате представителей ФБиГ мандаты распределились следующим образом: 78/140 мандатов получила ПДД, 36/140 — ХДС БиГ, остальные мандаты (26) были распределены между оставшимися партиями³¹. Таким образом, в Палате представителей ФБиГ ПДД получила подавляющее большинство мандатов.

С точки зрения Холбрука, на выборах одержали победу противники Дейтонской БиГ (подразумевая прежде всего СДП и М. Краишника), так как им были подконтрольны СМИ, а люди, высказывавшиеся в пользу примирения, подвергались преследованиям³². Подобные результаты выборов означали, что Дейтонская БиГ фактически была

26 Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 304–305.

27 Holbrooke R. To End a War. P. 344.

28 См. подробнее: Ibid. P. 342–343.

29 Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине.

30 Službene novine Federacije Bosne i Hercegovine. Rezultati izbora u Bosni i Hercegovini. URL: http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/96results/FD96_20H.PDF (дата обращения: 31.05.2020).

31 Ibid.

32 Holbrooke R. To End a War. P. 344.

нежизнеспособным государством. Об этом также говорил следующий факт: государственные институты едва функционировали³³. Центральные органы власти БиГ недополучали финансирование от энтитетов, а единая валюта не была принята вплоть до лета 1998 г.³⁴ С трудом, под давлением Холбрука, сербы согласились подписать соглашение о создании единой телефонной системы и организации работы Постоянного комитета по военным вопросам³⁵. Вопреки ожиданиям К. Бильдта, все большую роль в политической жизни стали играть не политические институты и партии Боснии, а международные посредники³⁶: странами — участниками урегулирования был разработан механизм реализации Дейтонских соглашений (который, строго говоря, самими соглашениями не предусматривался. — Д. Е.). Коллективными органами, разрабатывающими и принимающими решения по реализации достигнутых в Дейтоне договоренностей, стали Совет по реализации мирного соглашения (Peace Implementation Council) и его Руководящий комитет (Steering Board), в состав которого входят: Великобритания, Германия, государство — председатель Совета ЕС, Еврокомиссия, Италия, Канада, Организация Исламская конференция (представленная Турцией), Россия, США, Франция, Япония³⁷.

Реализация гражданских аспектов Дейтонских соглашений непосредственно в БиГ была возложена на Верховного представителя³⁸. Эволюция института Верховного представителя из особого должностного лица, осуществляющего контроль и координацию в реализации мирных аспектов урегулирования, в исполнительный орган власти, осуществляющий управление БиГ, произошла на протяжении мандата первого Верховного представителя — Карла Бильдта (1996–1997 гг.)³⁹.

Полномочия Верховного представителя были значительно расширены уже в конце 1997 г. на Боннско-Петербургском заседании Со-

33 Ibid. P. 352.

34 Bildt C. Peace Journey. P. 389.

35 Holbrooke R. To End a War. P. 352–353.

36 Bildt C. Peace Journey. P. 390.

37 Office of the High representative (OHR). Peace Implementation Council. URL: <http://www.ohr.int/international-community-in-bih/peace-implementation-council/> (дата обращения: 31.05.2020).

38 Абрамов А. В. Суверенизация в условиях международного контроля: Босния и Герцеговина // Политическая наука. 2005. № 4. С. 181.

39 Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 145.

вета по реализации мирного соглашения⁴⁰: Верховный представитель был наделен правом принимать решения, обязательные к исполнению всеми органами власти БиГ, а также получил право определять порядок проведения заседаний совместных органов власти и председательствовать на них⁴¹. Необходимо подчеркнуть особое право Верховного представителя принимать «временные решения» в случаях, если боснийские стороны не могли прийти к соглашению по тем или иным вопросам⁴². Расширение полномочий Верховного представителя следует рассматривать как шаг к пересмотру положений Дейтонских соглашений, несмотря на апеллирование К. Вестендорпа⁴³ к праву ВП трактовать «Соглашение об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования» согласно статье 5 приложения 10⁴⁴ к «Общему рамочному соглашению о мире в Боснии и Герцеговине» (иными словами — трактовать собственные полномочия. — *Д. Е.*). Фактически ВП получил монополию исполнительной и законодательной власти в БиГ в условиях паралича общепоснийских органов государственной власти вследствие перманентного конфликта интересов ведущих политических сил БиГ⁴⁵. Полномочия Верховного представителя были значительно расширены, так как ведущие политические силы БиГ не могли прийти к соглашению по основополагающим вопросам государственного строительства. Только в 1998 г. была директивно утверждена государственная символика (гимн⁴⁶, флаг⁴⁷) и национальная валюта⁴⁸ ВП Карлосом Вестендорпом.

40 *Bildt C. Peace Journey.* P. 389.

41 PIC Bonn Conclusions. PIC Main Meeting Bonn. 12/10/1997. URL: <http://www.ohr.int/pic-bonn-conclusions/> (дата обращения: 31.05.2020).

42 *Idid.*

43 OHR. Interview: Carlos Westendorp, the High Representative in BiH “To Build a Better Life With Confidence”. 07/31/1998. URL: <http://www.ohr.int/interview-carlos-westendorp-the-high-representative-in-bihto-build-a-better-life-with-confidence/> (дата обращения: 31.05.2020).

44 General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina.

45 *Энгельгардт Г. Н.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. С. 145.

46 OHR. Decision imposing the Law on the National Anthem of BiH. 06/25/1999. URL: <http://www.ohr.int/decision-imposing-the-law-on-the-national-anthem-of-bih/> (дата обращения: 31.05.2020).

47 OHR. Decision imposing the Law on the Flag of BiH. 02/03/1998. URL: <http://www.ohr.int/decision-imposing-the-law-on-the-flag-of-bih/> (дата обращения: 31.05.2020).

48 OHR. Convertible Marka Currency. 01/20/1998. URL: <http://www.ohr.int/convertible-marka-currency/> (дата обращения: 31.05.2020).

Позднее, в конце 1998 г., после заседания Совета по реализации мирного соглашения в Мадриде, полномочия Верховного представителя вновь были расширены: он получил право отстранять должностные лица от занимаемых ими постов, запрещать им участие в выборах, а также занимать любые выборные или назначаемые должности, как и должности в политических партиях, до отменяющего решения⁴⁹. Значительное расширение полномочий Верховного представителя определило дальнейшее развитие и функционирование политической системы БиГ в целом, оказало непосредственное влияние на хорватский вопрос в Боснии.

В сентябре 1998 г. состоялись вторые общенациональные выборы в органы власти БиГ всех уровней. В Президиум БиГ были избраны А. Изетбегович от боснийских мусульман, Ж. Радишич — от сербов, А. Елавич — от хорватов⁵⁰.

В Палате представителей БиГ мандаты были распределены следующим образом: 17/42 получила Коалиция за единую и демократическую БиГ, 6/42 получило ХДС БиГ, а Согласие (Sloga), Социал-демократическая партия БиГ и СДП — по 4 мандата. Остальные 7 мандатов поделили между собой еще 5 партий⁵¹. Таким образом, Коалиция за единую и демократическую БиГ получила относительное большинство мандатов.

В Палате представителей ФБиГ результаты были следующие: 68/140 мандатов получила Коалиция за единую и демократическую БиГ, 28/140 — ХДС БиГ, 19/140 — Социал-демократическая партия БиГ, 6/140 — Социал-демократы БиГ, оставшиеся 19 мандатов поделили между собой еще 10 партий. В общей сложности Коалиция за единую и демократическую БиГ получила 49% от общего числа мандатов⁵².

С точки зрения международных посредников, результаты сентябрьских выборов 1998 г. были неоднозначные. М. Краишник проиграл

49 *Энгельгардт Г. Н.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. С. 146.

50 Elected Candidates. BiH Presidency. URL: <http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/98results/elected-candidates98.pdf> (дата обращения: 31.05.2020).

51 BiH House of Representatives. Seat Allocation. URL: http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/98results/seats_bih_house.pdf (дата обращения: 31.05.2020).

52 BiH Federation House of Representatives. Seat Allocation. URL: http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/98results/seats_fedbih_house.pdf (дата обращения: 31.05.2020).

Ж. Радишичу (кандидату от Социалистической партии), кандидату, «с которым могли работать как боснийские мусульмане, так и международное сообщество»⁵³, однако в РС президентскую гонку выиграл «ультранационалист» Никола Поплашен (возглавлявший Сербскую радикальную партию РС), а в Президиум от хорватов был избран «националист» Анте Елавич (от ХДС БиГ), таким образом, подкрепляя опасения Холбрука, что «в долгосрочной перспективе наибольшая опасность единому Боснийскому государству будет исходить не от сербов, а от хорватов, способных с легкостью отрезать западные части (где проживала большая часть хорватов) от Боснии и присоединить их к соседней Хорватии, которая уже де-факто осуществляла контроль над большей частью этих территорий через своего представителя и местных головорезов»⁵⁴. Победу Радишича рассматривали как «шаг вперед», и Р. Холбрук совместно с Р. Гелбардом (спецпредставитель США в Боснии) в конце 1998 г. предложили скорректировать политическую линию США в БиГ: с их точки зрения, было необходимо осуществить транзит полномочий от энтитетов к общепоснийским органам власти, то есть, по сути, речь шла о централизации БиГ. Как в США, так и в ЕС эта идея получила поддержку: начало транзита полномочий было запланировано на 1999 г.⁵⁵

Результаты выборов в БиГ были показательны: реальные «неэтнические» политические силы отсутствовали, а ожесточение народов БиГ стимулировало концентрацию избирателей вокруг «своих» этнических партий. Фактически выборы в стабилизационный период представляли собой продолжение войны избирательными бюллетенями⁵⁶. Основной задачей как ХДС БиГ, являвшейся основной политической партией боснийских хорватов, так и хорватской общины в целом было удержание контроля над хорватскими кантонами ФБиГ. Также хорватской общине было необходимо не допустить монополизации федеральных органов власти сторонниками А. Изетбеговича⁵⁷.

Международные посредники проводили политику поддержки «умеренных» политических сил⁵⁸. Представители международного сообще-

53 *Holbrooke R.* To End a War. P. 357.

54 *Ibid.* P. 358.

55 *Idid.*

56 *Энгельгардт Г. Н.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. С. 164.

57 Там же.

58 *Kaminski M.* West Pins Hopes for Bosnia On Leader of Moderate Party // *The Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB961619031762819826> (дата обращения: 31.05.2020).

ства прежде всего видели угрозу в сербском / хорватском национализме, а централизацию рассматривали как необходимое условие жизнеспособности и нормального функционирования Дейтонской БиГ.

Особое внимание международные посредники уделили системе телерадиовещания. Советом по реализации мирного соглашения в мае 1997 г. на заседании в Синтре была принята декларация, подчеркивающая роль СМИ в деле мирного урегулирования⁵⁹. Международные посредники видели необходимость установить полный контроль над всей медиаинфраструктурой БиГ. С этой целью полномочия Верховного представителя вновь были расширены: он получил возможность накладывать ограничения или останавливать деятельность любого СМИ, чья деятельность «препятствовала реализации мирного соглашения»⁶⁰. ВП К. Вестендорп воспользовался своими новыми полномочиями, и в 1997 г. силы НАТО (SFOR) взяли под контроль передатчики СРТ, прекратив вещание из Пале⁶¹. Также решением К. Вестендорпа в 1998 г. была учреждена Комиссия по независимым СМИ (ИМС)⁶².

В ходе Боснийской войны ХДС БиГ, в отличие от СДП, из собственных СМИ обладала только радиостанцией «Radio Herceg-Bosne», а телевещание на территориях хорватской общины в БиГ осуществляла НРТ (Hrvatska radiotelevizija)⁶³. Хорватский телевизионный канал в БиГ «Erotel» начал вещание уже после войны, в августе 1996 г.⁶⁴ Однако уже в ноябре 1999 г. решением Комиссии по независимым СМИ вещание канала «Erotel» было объявлено незаконным. Руководство телеканала отказалось выполнять распоряжение остановить вещание, но, при содействии Верховного представителя и SFOR, в феврале 2000 г. хорватский канал был закрыт⁶⁵.

Поддержка «умеренных» политических сил принесла свои плоды. В апреле 2000 г. состоялись внеочередные общие выборы в БиГ. Изби-

59 *Jurišić D.* Reforma Javnog RTV sistema u Bosni i Hercegovini // *Medijski dijalozi.* 2011. Vol. 4. № 10. S. 246.

60 PIC Sintra Declaration. PIC SB Ministerial Meeting Sintra. 05/30/1997. URL: <http://www.ohr.int/pic-sintra-declaration/> (дата обращения: 31.05.2020).

61 *Holbrooke R.* To End a War. P. 344.

62 OHR. Independent Media Commission. 06/12/1998. URL: <http://www.ohr.int/independent-media-commission> (дата обращения: 31.05.2020).

63 *Jurišić D.* Reforma Javnog RTV sistema u Bosni i Hercegovini. S. 245.

64 *Ibid.*

65 Country Reports on Human Rights Practices. Washington, DC, 2000. Vol. 2. P. 1213.

рались депутаты Палаты представителей Скупщины БиГ, Палаты представителей Скупщины ФБиГ, скупщины кантонов ФБиГ, президент РС и Скупщина РС. В Палате представителей БиГ мандаты были распределены следующим образом: 9 мандатов получила Социал-демократическая партия БиГ, 8 — ПДД, 6 — СДП, 5 — ХДС БиГ, 5 — Партия за Боснию и Герцеговину. Остальные 9 мандатов поделили между собой 8 партий⁶⁶. В Палате представителей ФБиГ мандаты были распределены главным образом между ПДД, получившей 38/140, Социал-демократической партией БиГ — 37/140, ХДС БиГ — 25/140, Партией за БиГ — 21/140⁶⁷.

В октябре 2000 г., под давлением международных посредников⁶⁸, Временной избирательной комиссией были внесены предложенные руководителем миссии ОБСЕ в БиГ Робертом Берри поправки в избирательный закон⁶⁹. Ранее конституции ФБиГ и БиГ предполагали, что каждый конституционный народ выбирал самостоятельно своих кандидатов в Палату народов как на уровне Федерации, так и на общегосударственном уровне. После того как поправки были внесены, ситуация в ФБиГ изменилась кардинальным образом: как хорватские, так и остальные депутаты Палаты народов стали избираться в законодательных органах кантонов совместно (хорватскими и мусульманскими голосами)⁷⁰. Учитывая численность национальных общин, данные поправки в избирательный закон были полностью в интересах боснийских мусульман.

Весной 2002 г. решением Верховного представителя Вольфганга Петрича⁷¹ в конституцию ФБиГ был окончательно внесен целый ряд поправок. Официальным предлогом являлось исполнение решения Консти-

66 BiH House of Representatives General Election 2000. URL: <http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/2000gen/bihhor-eng.pdf> (дата обращения: 31.05.2020).

67 FBiH General Election 2000. URL: <http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/2000gen/fbihhor-eng.pdf> (дата обращения: 31.05.2020).

68 *Vukoja I., Sitariski M.* Bosna i Hercegovina — Federalizam, Ravnopravnost, Održivost: Studija preustroja BiH u cilju osiguravanja institucionalne jednakopravnosti konstitutivnih naroda. Mostar, 2016. S. 46.

69 Ibid.

70 Ante Jelavić: Lagumdžija opet uzurpirao vlast u FBiH // Nezavisne novine. URL: <https://www.nezavisne.com/novosti/intervju/Ante-Jelavic-Lagumdžija-opet-uzurpirao-vlast-u-FBiH/87159> (дата обращения: 31.05.2020).

71 OHR. Decision on Constitutional Amendments in the Federation. 04/19/2002. URL: <http://www.ohr.int/decision-on-constitutional-amendments-in-the-federation/> (дата обращения: 31.05.2020).

туционного суда БиГ У 5/98-III⁷². Это был ответ на обращение председателя Президиума БиГ А. Изетбеговича в Конституционный суд страны с просьбой проверить соответствие конституций Федерации и РС конституции БиГ⁷³. Суть обращения заключалась в том, что конституция БиГ признавала конституционными народами мусульман, сербов и хорватов, тогда как в конституциях энтитетов конституционными в Федерации признавались только мусульмане и хорваты, а в РС — сербы.

В итоге сербы были признаны конституционным народом в ФБиГ (а мусульмане и хорваты — соответственно в РС), количество мандатов в Палате представителей ФБиГ было уменьшено до 98. В Палате народов ФБиГ каждый конституционный народ стали представлять 17 делегатов, 7 делегатов от меньшинств (меньшинства обозначаются категорией «остальные»). Учитывая измененный ранее порядок выбора представителей национальных общин в верхнюю палату парламента ФБиГ, община боснийских мусульман получила возможность расширить свое представительство за счет хорватских и сербских мандатов, а также за счет мандатов, предоставленных национальным меньшинствам (к меньшинствам относится чуть более 4% населения или 17 этнических групп, среди которых: албанцы, венгры, евреи, итальянцы, македонцы, немцы, поляки, румыны, русские, русины, словаки, словенцы, турки, украинцы, цыгане, черногорцы, чехи⁷⁴).

Необходимо подчеркнуть, что в конституциях как БиГ, так и ФБиГ существует особая категория — «жизненные интересы конституционного народа». Первоначально перечень вопросов, относящихся к «жизненным интересам», четко определен не был, однако если признавалось, что рассматриваемый в Палате народов вопрос относится к таковым, необходимо было набрать простое большинство голосов представителей каждого конституционного народа (боснийских мусульман и хорватов)⁷⁵. Поправками В. Петрича было определено, что к «жизненным интересам» относятся⁷⁶:

72 Ibid.

73 *Vukoja I., Sitariski M.* Bosna i Hercegovina — Federalizam, Ravnopravnost, Održivost. S. 40.

74 *Мартынова М. Ю.* Босния и Герцеговина: коллизия идентичностей // Культурная сложность современных наций. М., 2016. С. 220.

75 Parlament Federacije Bosne i Hercegovine, Prestavnički Dom. Ustav FBiH. URL: <https://www.predstavnickidom-pfbih.gov.ba/bs/page.php?id=103> (дата обращения: 31.05.2020).

76 OHR. Decision on Constitutional Amendments in the Federation. 04/19/2002.

- представительство национальных общин в органах власти
 - национальная идентичность
 - реформирование конституции
 - организация государственного управления
 - равенство конституционных народов в процессе принятия решений
- образование, вероисповедание, язык, продвижение традиций и культурного наследия
 - территориальная организация
 - система общественного реформирования

Также относящимися к жизненным интересам могли быть признаны иные вопросы, в случае если за это проголосует 2/3 делегации конституционного народа. Фактически поправками В. Петрича внеслись изменения в механизм принятия решений Палатой народов ФБиГ. Особый порядок принятия решений в Палате народов по вопросам, относящимся к «жизненным интересам конституционного народа», по сути, являлся аналогом права вето, предоставлявшегося каждой делегации Палаты народов. В особом порядке принятия решений в Палате народов была заинтересована в большей степени хорватская община, так как (до поправок) ее делегаты могли напрямую влиять на принимаемые парламентом Федерации решения, несмотря на преобладание депутатов боснийских мусульман в Палате представителей. Однако, учитывая принятые поправки в избирательный закон, делегаты хорватской общины, избранные именно голосами хорватского электората, не набирали необходимых 2/3 голосов в Палате народов: в кантонах с мусульманским большинством избирались 12 (из 17) делегатов боснийских мусульман, 12 (из 17) делегатов от боснийских сербов, 5 (из 7) от иных народов (национальных меньшинств), 6 (из 17) делегатов общины боснийских хорватов⁷⁷. В кантонах с преобладающим хорватским населением избиралось лишь 5 (из 17), остальные 6 выбирались в кантонах со смешанным населением⁷⁸. Фактически поправками в избирательный закон, носившими откровенно манипулятивный характер, верхняя палата парламента ФБиГ ставилась под контроль общины боснийских мусульман, которые, таким образом, получили возможность самостоятельно формировать правительство

77 *Vukoja I., Sitarski M.* Bosna i Hercegovina — Federalizam, Ravnopravnost, Održivost. S. 49–50.

78 *Ibid.* S. 50.

Федерации, а также избирать президента и вице-президентов⁷⁹, формально соблюдая принцип представительства всех национальных общин в руководстве энтитета.

Также необходимо обратить внимание на поправку XLII⁸⁰ к конституции Федерации: в случае если список кандидатур на посты президента и вице-президентов не получал одобрения обеими палатами парламента, то предусматривалось повторное голосование. Если же и при повторном голосовании список кандидатур не утверждался Палатой народов, то список считался утвержденным в случае одобрения Палатой представителей, где партиями боснийских мусульман в общей сложности контролировалось 2/3 мандатов⁸¹.

Община боснийских мусульман получила преимущество в парламенте и органах власти Федерации БиГ⁸², что обусловило финансовый приоритет территорий боснийских мусульман перед хорватскими землями⁸³. Таким образом, искусственно навязанными поправками в избирательный закон и конституцию политическое влияние боснийских хорватов было значительно нивелировано. Другими словами, поправки подрывали положение боснийских хорватов в ФБиГ как конституционного народа. Федерация, которая изначально была энтитетом мусульман и хорватов (так как Вашингтонским соглашением фактически закреплялся status quo относительно территориального раздела), становилась преимущественно энтитетом боснийских мусульман.

Реакция хорватской общины и ХДС БиГ была закономерной: уже в 2000 г., после утверждения поправок в избирательный закон, состоялся учредительный съезд Хорватского народного сабора (HNS) в Нови-Травнике, которым была принята «Декларация о правах хорватского народа в БиГ»⁸⁴.

79 Ibid.

80 OHR. Decision on Constitutional Amendments in the Federation. 04/19/2002.

81 *Vukoja I., Sitarski M.* Bosna i Hercegovina — Federalizam, Ravnopravnost, Održivost. S. 52–53.

82 *Мартынова М. Ю.* Босния и Герцеговина: коллизия идентичностей. С. 210.

83 Там же.

84 Deklaracija HNS-a BiH sa 1. zasjedanja (Novi Travnik, 28. listopada 2000) // HNS BiH. URL: <http://www.hnsbih.ba/deklaracija-hns-a-bih-sa-1-zasjedanja-novi-travnik-28-listopada-2000/> (дата обращения: 31.05.2020).

В. Петрич воспользовался раздробленностью политического спектра и поспособствовал формированию ненациональной коалиции на уровне БиГ⁸⁵. «Альянс перемен» был образован в январе 2001 г.⁸⁶ вокруг Социал-демократической партии БиГ под руководством Златко Лагумджии. Данная коалиция находилась у власти в БиГ до начала 2002 г., однако она оказалась непрочной⁸⁷.

Результаты выборов не позволяли ХДС БиГ принять участие в формировании правительства ФБиГ, несмотря на то что оно получило подавляющее большинство голосов хорватского электората. Руководство партии попыталось воспрепятствовать внесению поправок в избирательный закон и обратилось в Конституционный суд. В начале февраля 2001 года Конституционный суд БиГ объявил, что решение данного вопроса находится вне его юрисдикции, так как поправки были внесены в соответствии с международным мандатом миссии ОБСЕ⁸⁸. Таким образом, Конституционный суд фактически признавал миссию ОБСЕ вышестоящей инстанцией законодательной власти в БиГ⁸⁹. Подобное самоустранение Конституционного суда было обусловлено во многом тем, что 3 из 9 членов Конституционного суда были из числа иностранцев (2 членов выбирает Народная скупщина РС, 4 — Палата представителей Парламента ФБиГ, 3 назначались председателем Европейского суда по правам человека после консультаций с Президиумом БиГ⁹⁰)⁹¹. Учитывая пропорционально равное участие представителей национальных общин в органах власти, иностранным членам суда было достаточно заручиться поддержкой коллег от одной из общин, чтобы принять любое решение.

Самоустранение Конституционного суда по проблеме нового избирательного закона обусловило радикализацию политики ХДС БиГ: оно перешло к открытому противостоянию с властями Федерации и

85 *Энгельгардт Г. Н.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. С. 193.

86 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001. URL: http://www.ohr.int/?ohr_archive=chronologymonthly-tracker-2001 (дата обращения: 31.05.2020).

87 *Энгельгардт Г. Н.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. С. 193.

88 *Vukoja I., Sitariski M.* Bosna i Hercegovina — Federalizam, Ravnopravnost, Održivost. S. 48.

89 Ibid.

90 См. подробнее: *Половченко К. А.* К вопросу о статусе судьи конституционного суда Боснии и Герцеговины // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 114–119.

91 Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине.

Верховным представителем. Последовал исход членов ХДС БиГ из органов государственной власти ФБиГ⁹², а Анте Елавич объявил, что для боснийских хорватов «Федерация мертва»⁹³. Также усугублял ситуацию приговор МТБЮ Дарио Кордичу (вице-президент Герцег-Босны в 1992–1994 гг, а также председатель ХДС БиГ в 1994–1995 гг. О его аресте «договаривались» на самом высоком уровне: в ходе переговоров с Ф. Туджманом в 1997 г. на аресте Кордича настаивал Р. Холбрук⁹⁴) и Марио Черкезу⁹⁵ (высокопоставленный военный Хорватского веча обороны — ХВО, комбриг), признанным виновными в совершении преступлений против человечности в ходе Боснийской войны. Боснийские мусульмане были возмущены «мягким приговором», тогда как ХДС и хорватские ветеранские организации утверждали, что «несправедливый приговор» внушает хорватам Боснии коллективное чувство вины⁹⁶. Руководство ХДС БиГ открыто выразило поддержку осужденным: 28 февраля А. Елавич отправил им соответствующее письмо⁹⁷.

В ноябре 2000 г. Хорватским народным сабором (ХНС) был организован референдум, признанный ОБСЕ незаконным⁹⁸. У населения спрашивали согласие / несогласие с утверждением: «Хорваты должны иметь свои политические, образовательные, научные, культурные и другие институты в Боснии и Герцеговине»⁹⁹. Согласно опубликованным ХДС БиГ данным, более 70% боснийских хорватов приняли участие в референдуме, около 99% респондентов согласились с вынесенным на референдум утверждением¹⁰⁰, и 3 марта 2001 г. было объявлено о создании «Хорватского самоуправления в Боснии и Герцеговине»¹⁰¹. Президентом Хорватского самоуправления стал

92 Moore A. *Peacebuilding in Practice: Local Experience in Two Bosnian Towns*. Ithaca; London, 2013. P. 99.

93 Intervju Dana. Ne mogu me smijeniti // BH Dani. URL: <https://www.bhdani.ba/portal/arhiva-67-281/181/intervju.shtml> (дата обращения: 31.05.2020).

94 Holbrooke R. *To End a War*. P. 251.

95 Prosecutor vs. Dario Kordić & Mario Čerkez (IT-95-14/2-T). Trial Chamber Judgment. 2001, 26 February. URL: https://www.icty.org/x/cases/kordic_cerkez/tjug/en/kor-tj010226e.pdf (дата обращения: 31.05.2020).

96 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001.

97 Ibid.

98 Bieber F. *Croat self-government in Bosnia — a challenge for Dayton?* ECFR Brief #5. Flensburg, 2011. P. 2.

99 Ibid.

100 Ibid.

101 Ibid.

Марко Токич, вице-президентом — Здравко Батинич, а председателем Законодательного собрания — Иво Андрич-Лужански. М. Токич также решением ХНС 9 марта был объявлен гражданским главнокомандующим хорватского компонента армии ФБиГ¹⁰².

Решением Верховного представителя Вольфганга Петрича 7 марта 2001 г. был отстранен от должности член президиума от боснийских хорватов Анте Елавич¹⁰³. Отстранение Елавича обосновывалось тем, что он, будучи членом Президиума, подрывал конституционные основы ФБиГ и БиГ и пытался создать незаконную параллельную властную структуру¹⁰⁴. Также решением Верховного представителя были лишены выборных и партийных постов М. Токич, З. Батинич и И. Андрич-Лужански, однако ХДС БиГ отказалось лишать партийных постов свое руководство по указу ВП, а А. Елавич заявил, что «добровольно уходит в отставку» с поста члена Президиума БиГ¹⁰⁵.

12 марта «Альянсом перемен» было сформировано новое правительство ФБиГ (кабинет Алии Бехмена)¹⁰⁶. С точки зрения руководства ХДС БиГ, ведущей хорватской партии в Боснии, новое правительство ФБиГ не являлось легитимным: в «Альянсе перемен» при формировании кабинета хорватское население было формально представлено НХИ (Новая хорватская инициатива), получившей в Палате представителей 2 мандата против 25 мандатов ХДС БиГ¹⁰⁷.

В тот же день президент Хорватского самоуправления М. Токич призвал хорватское население к гражданскому неповиновению вновь сформированному правительству ФБиГ, а на следующий день А. Елавич отдал распоряжение уходившему в отставку министру обороны Федерации Мирославу Прце временно распустить хорватский компонент Армии ФБиГ, а также обязать хорватских солдат снять с униформы знаки различия ФБиГ¹⁰⁸. Роспуск хорватских частей ФБиГ

102 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001.

103 OHR. Decision removing Ante Jelavic from his position as the Croat member of the BiH Presidency. 03/07/2001. URL: <http://www.ohr.int/decision-removing-ante-jelavic-from-his-position-as-the-croat-member-of-the-bih-presidency-2/> (дата обращения: 31.05.2020).

104 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001.

105 Ibid.

106 Ibid.

107 *Vukoja I., Sitarski M.* Bosna i Hercegovina — Federalizam, Ravnopravnost, Održivost. S. 48.

108 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001.

предполагалось осуществить с целью создания отдельных вооруженных сил Хорватского самоуправления: 13 марта генерал ХВО Станко Сопта Бая обсуждал с высокопоставленными офицерами-хорватами, по предположению СМИ, возможность создания отдельной от армии ФБиГ военной структуры, однако уже 14 марта решение о роспуске хорватских частей было отменено решением Мийо Анича, вступившего в должность министра обороны ФБиГ¹⁰⁹. Заместитель командующего Объединенного командования армии ФБиГ генерал Драган Чурчич 15 марта подал в отставку, объяснив свое решение желанием сохранить верность хорватскому народу, и на его место был назначен генерал Иво Лозанчич (член НХИ), однако ряд офицеров не признал его законным представителем хорватского народа и вышестоящим должностным лицом, что привело к отставкам среди хорватских высокопоставленных военных ФБиГ¹¹⁰.

Также руководство ХДС БиГ призвало хорватов покинуть службу в Министерстве внутренних дел, а 23 марта ряд должностных лиц Министерства обороны ФБиГ, Объединенного командования армии ФБиГ, а также Таможенной службы предложили свои услуги ХНС, однако 16 из 18 должностных лиц вернулись на службу в органы власти ФБиГ. Хорватский народный сабор также призвал хорватское население не платить налоги и пошлины в пользу Федерации, а президент Хорватского самоуправления М. Токич заявил, что хорватские солдаты, в случае если оставят службу в армии Федерации, будут получать по 500 КМ в месяц¹¹¹. В конце марта, после призыва ХНС, 7000 хорватских военнослужащих армии ФБиГ покинули места своей дислокации в Витезе, Мостаре, Киселяке¹¹². В начале апреля министр внутренних дел Герцеговинско-Неретвинской жупании Драган Мандич и еще 19 других служащих заявили о непризнании Министерства внутренних дел ФБиГ.

Несмотря на вышеуказанные события, в целом ситуация для боснийских хорватов складывалась неблагоприятно, поскольку они не могли получить должной поддержки от Хорватии: стремившиеся к интеграции земель боснийских хорватов в состав Хорватии министр обороны (1991–1998 гг.) Г. Шушак скончался в мае 1998 г., а первый

109 Ibid.

110 Ibid.

111 Ibid.

112 Bosnia: Thousands Of Ethnic Croats In Army Mutiny // Radio Free Europe / Radio Liberty. URL: <https://www.rferl.org/a/1096108.html> (дата обращения: 31.05.2020).

президент республики Ф. Туджман — в декабре 1999 г. В январе 2000 г., после парламентских выборов, ХДС утратила свои позиции в Хорватии, а президентом в феврале 2000 г. был избран С. Месич, который ранее порвал с ХДС¹¹³ именно в связи с его неприятием политического курса партии по боснийскому вопросу¹¹⁴. Министерство иностранных дел Республики Хорватия отправило боснийской стороне официальную ноту, в которой руководство республики выражало поддержку законным (т. е. предусмотренным Дейтонскими соглашениями) властным институтам БиГ, а сам С. Месич осудил решения ХНС¹¹⁵, чем воспользовался Верховный представитель, чтобы лишить Хорватское самоуправление всяческой легитимности в глазах международного сообщества: СБ ООН осудил создание Хорватского самоуправления¹¹⁶. Смерть Ф. Туджмана и проигрыш ХДС на парламентских выборах предопределили то, что финансовая поддержка хорватским автономистам правительством Хорватии была в последующем прекращена¹¹⁷.

Возглавивший Хорватию С. Месич выступал за интеграцию Хорватии в евроатлантические структуры, и его правительство последовательно проводило данный политический курс. В этих условиях хорватский вопрос в БиГ для С. Месича был побочным негативным фактором, препятствующим реализации его политических устремлений, тогда как для первого президента республики Ф. Туджмана (на международной арене опиравшегося на поддержку Германии по многим вопросам) раздел территории БиГ и вхождение в состав Хорватии территорий боснийских хорватов являлся одним из политических приоритетов, о чем говорили попытки Ф. Туджмана договориться на этот счет как с С. Милошевичем, так и международными посредниками. ХДС БиГ в ходе Боснийской войны использовала поддержку

113 См. подробнее: *Пивоваренко А. А.* Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 202–203.

114 *Moore A.* Peacebuilding in Practice. P. 99.

115 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001.

116 UN Security Council Condemns Attempts By So-Called Croat National Congress To Establish Self-Rule In Bosnia And Herzegovina 22 March 2001. URL: <https://www.un.org/press/en/2001/sc7038.doc.htm> (дата обращения: 31.05.2020).

117 *Zdeb A.* The Need to Have Something ‘Of Their Own’: Croat Parallel Institutions in Bosnia and Herzegovina. P. 556.

Хорватии для создания и функционирования Герцег-Босны, без этой поддержки она была нежизнеспособна. Ранее, в ходе войны, боснийским хорватам удалось сохранить status quo, результатом которого стало Вашингтонское соглашение, именно благодаря последовательной поддержке правительства Ф. Туджмана. В отличие от своего предшественника, С. Месич (как и последующие президенты Хорватии) всячески подчеркивал уважение суверенитета и территориальной целостности БиГ хорватским правительством¹¹⁸.

В начале апреля 2001 г. Верховным представителем было принято решение о назначении временного управляющего Банком Герцеговины¹¹⁹ (Hercegovacka banka) с целью проведения аудита. Необходимость проведения аудита обосновывалась проведением подозрительных транзакций¹²⁰: Банк Герцеговины был основным учреждением, через которое осуществлялось финансирование «хорватского сепаратистского движения и параллельных структур»¹²¹. Попытка взять под контроль центральное отделение банка в г. Мостаре, а также отделения в других городах с целью проведения аудита сотрудниками Управления Верховного представителя при поддержке SFOR встретила организованное сопротивление, в результате которого 22 человека из числа международных должностных лиц получили ранения¹²². Так как поддержка SFOR была недостаточной, аудиторы были фактически взяты в заложники, а французский командующий SFOR в регионе отказался отправить подкрепление для их вызволения. Аудиторов впоследствии отпустили¹²³, однако они были вынуждены оставить критически важные документы¹²⁴, и, таким образом, операция УВП фактически провалилась.

ХДС БиГ, ХНС (Хорватский народный сабор) и руководство банка заявили, что действия представителей УВП и SFOR были не более

118 Ibid.

119 OHR. Decision appointing a Provisional Administrator for the Hercegovacka Banka. 04/05/2001. URL: <http://www.ohr.int/decision-appointing-a-provisional-administrator-for-the-hercegovacka-banka/> (дата обращения: 31.05.2020).

120 Ibid.

121 Moore A. Peacebuilding in Practice. P. 100.

122 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001.

123 Bosnia-Herzegovina: Tensions Remain High After Croat Riots // Radio Free Europe / Radio Liberty. URL: <https://www.rferl.org/a/1096174.html> (дата обращения: 31.05.2020).

124 Moore A. Peacebuilding in Practice. P. 132–134.

чем «попыткой вооруженного ограбления»¹²⁵. В связи с данным инцидентом С. Месич заявил, что с помощью насилия воспрепятствовали действиям международных должностных лиц не простые граждане, а «те, кого волновал (тот факт), что международное сообщество могло выявить, кто осуществлял сомнительные трансферты через этот банк»¹²⁶. УВП при поддержке SFOR смогло взять под контроль головной офис Банка Герцеговины только 18 апреля, однако ХДС БиГ и его сторонники больше не пытались препятствовать аудиторам¹²⁷. Фактически функционирование банка было остановлено, и УВП призывало государственные учреждения открывать счета для осуществления своей деятельности в других банках¹²⁸.

Верховный представитель подчеркивал готовность к диалогу с умеренным крылом ХДС БиГ и «не дискредитировавшими себя поддержкой незаконного Хорватского самоуправления политиками» (заявления от 24 марта и 13 апреля¹²⁹). Также УВП безуспешно стремилось привлечь руководство Банка Герцеговины к сотрудничеству: 16 апреля СМИ опубликовали открытое письмо руководства банка, в котором оно отказывалось встречаться с временным управляющим Тоби Робинсон и утверждало, что им нечего обсуждать¹³⁰. Нижняя палата парламента БиГ, Палата представителей, призвала ХДС БиГ вернуться к работе в парламенте, а солдат — вернуться в свои расположения¹³¹. Примирительный тон УВП и органов власти БиГ был вполне объясним: фактически ХДС БиГ спровоцировало серьезный политический кризис. Тем не менее существовавшая в период стабилизации политическая обстановка обрекла демарш ХДС БиГ на неудачу.

В 2001 г. ХДС БиГ не имела опоры вовне (каковой ранее была Хорватия). Партия имела только поддержку хорватского электората и клира Католической церкви БиГ, который выразил поддержку Хорватскому самоуправлению: 9 марта Конференция католических еписко-

125 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001.

126 Ibid.

127 OHR. High Representative welcomes operation securing records of Hercegovacka Banka. 04/18/2001. URL: <http://www.ohr.int/high-representative-welcomes-operation-securing-records-of-hercegovacka-banka/> (дата обращения: 31.05.2020).

128 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001.

129 Ibid.

130 Ibid.

131 Ibid.

пов БиГ осудила действия международного сообщества и призвала к диалогу с «законными представителями хорватского народа в БиГ», а 24 июля кардинал Винко Пулич и епископ Ратко Перич, выступая перед Комитетом по внешней политике Конгресса США, критично высказывались о работе представителей международного сообщества в БиГ и их подходе к работе с хорватским населением страны и заявили, что оптимальным решением для внутреннего устройства БиГ будет кантонизация территории страны или создание отдельной хорватской территориальной единицы при отмене существующего деления БиГ на 2 энтитета¹³².

Свертывание Хорватского самоуправления было вопросом времени. В начале мая ХДС БиГ формирует команду для осуществления переговорного процесса с представителями международных посредников и правительством ФБиГ, однако вскоре для УВП и властей Федерации надобность в переговорах практически отпала: в середине мая министерство обороны ФБиГ пришло к компромиссу с командованием вышедших из-под контроля хорватских частей армии ФБиГ, в течение 20 дней хорватские военнослужащие возвращались в предусмотренные места дислокации, и министр обороны ФБиГ М. Анич 15 июня заявил, что, по его расчетам, более 7200 хорватских солдат обновят свои контракты с министерством обороны Федерации¹³³.

Первая встреча руководства Банка Герцеговины с временным управляющим состоялась 15 мая, а 4 июля временный управляющий Т. Робинсон заявила, что аудит должен быть закончен через несколько недель и все материалы будут представлены судебным органам власти¹³⁴. В начале ноября В. Петрич в одном из интервью представил предварительные результаты расследования: Верховный представитель утверждал, что был выявлен факт использования банка небольшой группой злоумышленников с целью обогащения за счет держателей малых вкладов. ВП подчеркнул, что большая часть акционеров покупала акции банка за счет средств, которые взяли у него в виде займа, который затем не выплачивался, и, таким образом, банк в виде займов выдал 80% находившихся на хранении денежных средств, тогда как обычно банки не выдают в виде займов более 15%¹³⁵. Фактически деятельность Банка Герцеговины была полностью заморожена

132 Ibid.

133 Ibid.

134 Ibid.

135 Ibid.

с апреля¹³⁶, но держатели небольших вкладов получили возможность забрать средства (до 5000 КМ)¹³⁷.

В декабре временный управляющий Т. Робинсон опубликовала отчет о проведенном аудите, согласно которому банк являлся банкротом, а его учредители использовали банк для собственного обогащения и для обогащения ряда заинтересованных лиц. Согласно отчету, руководство и акционеры сознательно нарушали законодательство, осуществляли неэффективное управление в ущерб клиентам и держателям вкладов, а некоторые из них также использовали банк для финансирования «преднамеренной попытки изменения конституции БиГ нелегальными средствами»¹³⁸. В отчете также указывалось, что пропали по меньшей мере 216 миллионов КМ, предназначавшихся для выплат жалования военнослужащим ХВО, пенсий и пособий вдовам¹³⁹. Однако спустя долгое время конкретных доказательств злоупотреблений и хищений предоставлено не было, а сама Т. Робинсон опровергла положение своего отчета о хищении средств¹⁴⁰, что в целом ставит под сомнение законность действий представителей УВП и SFOR в отношении Банка Герцеговины, а также законность преследований деятелей ХДС БиГ и ХНС.

Банк находился под контролем представителя УВП вплоть до отмены миссии временного управляющего в декабре 2006 г. решением ВП Кристиана Шварца-Шиллинга, затем он был передан в управление Банковскому агентству ФБиГ¹⁴¹ и был окончательно ликвидирован

136 *Gudelj J.* Hercegovacka banka // *Nezavisne novine*. URL: <https://www.nezavisne.com/ekonomija/analize/Hercegovacka-banka/35555> (дата обращения: 31.05.2020).

137 *Šutalo M.* Sredinom rujna kreće natjecaj za prodaju Hercegovacke banke // *Poslovni dnevnik*. URL: <https://www.poslovni.hr/trzista/sredinom-rujna-krece-natjecaj-za-prodaju-hercegovacke-banke-90183> (дата обращения: 31.05.2020).

138 OHR. Provisional Administrator Announces Conclusions of Her Investigation. 12/16/2002. URL: http://www.ohr.int/ohr_archive/provisional-administrator-announces-conclusions-of-her-investigation/ (дата обращения: 31.05.2020).

139 *Ibid.*

140 *Gudelj J.* Hercegovacka banka.

141 OHR. Decision terminating the Appointment of the Provisional Administrator of “Hercegovacka Banka” Mostar and Transferring Competencies Concerning the Provisional Administration of “Hercegovacka Banka” Mostar to the Banking Agency of the Federation of BiH. 12/15/2006. URL: <http://www.ohr.int/decision-terminating-the-appointment-of-the-provisional-administrator-of-hercegovacka-banka-mostar-and-transferring-competencies-concerning-the-provisional-administration-of/> (дата обращения: 31.05.2020).

в 2012 г.¹⁴² Также властям Федерации удалось осуществить пере-
становки в правлениях стратегически важных компаний, таких как
«Elektroprivreda Herceg-Bosna», «Elektroprivreda BiH» и «Aluminij
Mostar», в которой также в конце сентября был проведен аудит¹⁴³.

Все должностные лица, выразившие поддержку самоуправле-
нию, были лишены своих постов. Кроме того, они подверглись уго-
ловному преследованию: 15 мая министр обороны ФБиГ иници-
ровал уголовное преследование А. Елавича, М. Прце и Д. Чурчича,
обвиняя их в «подрыве обороноспособности армии Федерации», а в
начале июня были также инициированы уголовные дела против 18
хорватских высокопоставленных должностных лиц Министерства
обороны ФБиГ, включая помощника министра обороны, его замести-
телей и глав департаментов, в связи с превышением полномочий¹⁴⁴.
В Сараевский кантональный суд были вызваны 4 из 7 должностных
лиц ХНС, включая И. Андрича-Лужанского и М. Прце, но суд не смог
вызвать А. Елавича, М. Токича и Д. Чурчича, так как не располагал
информацией об их месте жительства. Также прокурор Сараевско-
го кантона 31 июля обратился в кантональный суд с запросом об
инициации расследования в отношении 7 должностных лиц ХНС на
основании подозрения в осуществлении этими лицами деятельности,
представляющей угрозу территориальной целостности БиГ¹⁴⁵. После
проведения аудита против А. Елавича были выдвинуты обвинения
в злоупотреблениях и хищениях, однако уже после того, как он уе-
хал в Хорватию¹⁴⁶. Представляется, что УВП и власти ФБиГ целе-
направленно лишали Хорватское самоуправление потенциальных
источников финансирования, а его деятелей подвергали политически
мотивированному уголовному преследованию: международные по-
средники стремились подорвать функционирование Хорватского са-
моуправления, и они в этом преуспели — деятельность Хорватского
самоуправления сошла на нет.

142 *Krešić Z.* Ugašena Hercegovačka banka koju je blokirao visoki predstavnik // Večernji List. URL: <https://www.vecernji.ba/ugasena-hercegovacka-banka-koju-je-blokirao-visoki-predstavnik-430545> (дата обращения: 31.05.2020).

143 Chronology/Monthly Tracker 2001. 12/31/2001.

144 Ibid.

145 Ibid.

146 *Krešić Z.* Uništenje Hercegovačke banke bilo je projekt slamanja Hrvata // Večernji List. URL: <https://www.vecernji.ba/unistenje-hercegovacke-banke-bilo-je-projekt-slamanja-hrvata-273859> (дата обращения: 31.05.2020).

В октябре 2002 года состоялись очередные выборы в органы власти БиГ всех уровней. В Президиум были избраны от боснийских мусульман — Сулейман Тихич (ПДД), от сербов — Мирко Шарович (СДП), а от хорватов — Драган Чович (ХДС БиГ). В Палате представителей БиГ мандаты были распределены¹⁴⁷ между ПДД — 10/42, Партией за Боснию и Герцеговину — 6/42, СДП — 5/42, Социал-демократической партией Боснии и Герцеговины — 5/42, Хорватской коалицией (коалиция хорватских партий вокруг ХДС БиГ) — 5/42.

ХДС БиГ после фактического поражения Хорватского самоуправления продолжила свою политическую деятельность легальным путем и оставалась ведущей хорватской партией БиГ, о чем красноречиво говорят результаты выборов. В целом сильные позиции ХДС БиГ говорят о достаточно непримиримой позиции значительной, если не подавляющей, части хорватского населения относительно вопроса равноправного положения хорватской общины в БиГ.

Нарушение своих национальных интересов боснийские хорваты отмечают и на локальном уровне¹⁴⁸. Так, для г. Мостар в 2004 г. ВП Пэдди Эшдауном был утвержден новый городской статут¹⁴⁹, согласно которому ни один из народов не может иметь большинства в Городском вече и, таким образом, боснийские хорваты и мусульмане имеют равное представительство в органе городского управления, тогда как численность хорватского населения превышает численность мусульманского в 4 раза¹⁵⁰. С точки зрения боснийских хорватов дискриминация состоит в том, что ВП утвердил особый статут только для города с подавляющим хорватским населением, тогда как в других городах, где хорватское население представляет собой меньшинство, подобных порядков формирования местных органов власти утверждено не было¹⁵¹.

147 Izborna Komisija. Bosna i Hercegovina. Opći izbori 2002. Glasovi za kandidate. URL: <https://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/Rezultati2002/Kratki/KandidatskiGlasoviEntitetKratkaVerzija.pdf> (дата обращения: 31.05.2020).

148 Мартынова М. Ю. Босния и Герцеговина: коллизия идентичностей. С. 211.

149 OHR. Decision Enacting the Statute of the City of Mostar. 01/28/2004. URL: <http://www.ohr.int/decision-enacting-the-statute-of-the-city-of-mostar/> (дата обращения: 31.05.2020).

150 Мартынова М. Ю. Босния и Герцеговина: коллизия идентичностей. С. 211.

151 Там же.

Условно концом периода стабилизации в БиГ возможно считать 2004 г.: тогда воинский контингент НАТО (SFOR) был заменен силами ЕС (EUFOR)¹⁵². В течение периода стабилизации фактически произошла трансформация ФБиГ из мусульмано-хорватского энтитета в образование, главным образом представляющее мусульманскую общину БиГ, так как влияние хорватской общины в ФБиГ было искусственным образом нивелировано через изменение законодательства и, как следствие, реальное представительство боснийских хорватов в органах власти было снижено.

Боснийские хорваты, наиболее непримиримая часть которых — хорваты Герцеговины, и опирающаяся на хорватский электорат ХДС БиГ попытались если не пересмотреть конституционные основы БиГ, то, как минимум, оказать давление на власти Федерации, БиГ, а также международных посредников, однако попытка не увенчалась успехом — Хорватское самоуправление, вследствие усилий УВП, было изолировано, а внутривнутриполитическая ситуация в Хорватии предопределила отсутствие поддержки с ее стороны демаршу общины боснийских хорватов.

Представляется, что действия международных посредников не только не разрешили хорватский вопрос, но усугубили его: ЕС и США, осуществляя политику централизации БиГ, в том числе и для ее последующего вступления в евроатлантические структуры¹⁵³, фактически действовали в интересах одной, численно преобладающей, национальной общины — общины боснийских мусульман. Причем давление оказывалось не только на боснийских сербов, как это часто представляется в отечественной историографии, но и на боснийских хорватов. Таким образом, вопреки официальным заявлениям, международные посредники, преследуя собственные интересы, способствуют эскалации напряженности в стране и регионе.

152 *Hawton N.* EU troops prepare for Bosnia swap // BBC News. 23.10.2004. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3944191.stm> (дата обращения: 31.05.2020).

153 См. подробнее: *Пономарева Е. Г.* Ловушки и дилеммы Мирного соглашения, или Какое будущее ждет Боснию и Герцеговину? // Политика. Бр. 2. Факультет политических наук Университета. Бањалука, декабрь 2011. С. 219–233.

Источники и литература

Абрамов А. В. Суверенизация в условиях международного контроля: Босния и Герцеговина // Политическая наука. 2005. № 4. С. 173–190.

Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право: Русский национальный фонд, 2001. 720 с.

Кудряшова И. В. Этнополитическая гомогенизация под международным контролем: Босния и Герцеговина и Косово // Политическая наука. 2010. № 1. С. 100–137.

Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998. 466 с.

Мартынова М. Ю. Босния и Герцеговина: коллизия идентичностей // Культурная сложность современных наций / [Тишков В. А., Филиппова Е. И., Соколовский С. В. и др.; отв. ред.: В. А. Тишков, Е. И. Филиппова]; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 203–223.

Никифоров К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999. 262 с.

Пивоваренко А. А. Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Институт славяноведения РАН. М., 2014. 313 с.

Половченко К. А. К вопросу о статусе судьи конституционного суда Боснии и Герцеговины // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 114–119.

Пономарева Е. Г. Ловушки и дилеммы Мирного соглашения, или Какое будущее ждет Боснию и Герцеговину? // Политеиа, научни часопис Факултета политичких наука у Баньој Луци за друштвена питања. Бањалука, децембар 2011. № 2. С. 219–234.

Попис становништва, домаћинства и станова у Босни и Херцеговини, етничка/национална припадност, вјероисповјест и матерњи језик. Сарајево: Агенција за статистику Босне и Херцеговине, 2019. 1013 с.

Сидоренко А. В. «Навязанный федерализм» как инструмент конфликта разрешения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2009. Вып. 2. С. 391–400.

Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Институт славяноведения РАН. М., 2015. 334 с.

Bieber F. Croat self-government in Bosnia — a challenge for Dayton? ECMI Brief #5, May 2001. [Flensburg]: European Center for Minority Issues (ECMI), 2001. 9 p.

Bildt C. Peace journey: the struggle for peace in Bosnia. London: Weidenfeld & Nicholson, 1998. 423 p.

Boras F. Kako je umirala Socijalistička Republika Bosna i Hercegovina. Mostar: Slobodan Praljak, 2002. 288 s.

Bosna i Hercegovina: federalizam, ravnopravnost, održivost: studija preustroja BiH u cilju osiguravanja institucionalne jednakopravnost konstitutivnih naroda = Bosnia and Hercegovina: federalism, equality, sustainability: a study of BiH redesign to secure institutional equality of constituent peoples / urednici I. Vukoja, M. Sitarski; prevoditelj D. Pehar. Mostar: Institut za društvenopolitička istraživanja (IDPI), 2016. 406 s.

Centralna izborna komisija Bosne i Hercegovine. URL: <https://www.izbori.ba/> (дата обращения: 31.05.2020).

Country Reports on Human Rights Practices. Vol. 2. Washington, DC: US Department of State, 2000. 2858 p.

Deklaracija HNS-a BiH sa 1. zasjedanja (Novi Travnik, 28. listopada 2000). URL: <http://www.hnsbih.ba/deklaracija-hns-a-bih-sa-1-zasjedanja-novi-travnik-28-listopada-2000/> (дата обращения: 31.05.2020).

General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina (Dayton Agreement). URL: <https://peacemaker.un.org/bosniadaytonagreement95> (дата обращения: 31.05.2020).

Gudelj J. Hercegovačka banka // Nezavisne novine. 13.01.2009. URL: <https://www.nezavisne.com/ekonomija/analize/Hercegovačka-banka/35555> (дата обращения: 31.05.2020).

Hawton N. EU troops prepare for Bosnia swap // BBC News. 23 Oct. 2004. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3944191.stm> (дата обращения: 31.05.2020).

Holbrooke R. To end a war. New York: Modern Library, 1999. 408 p.

Jurišić D. Reforma Javnog RTV sistema u Bosni i Hercegovini // Medijski dijalozi. Vol. 4. № 10. 2011. S. 239–256.

Kaminski M. West Pins Hopes for Bosnia On Leader of Moderate Party // The Wall Street Journal. 22 June 2000. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB961619031762819826> (дата обращения: 31.05.2020).

Krešić Z. Ugašena Hercegovačka banka koju je blokirao visoki predstavnik // Večernji List. 13. srpnja 2012. URL: <https://www.vecernji.ba/ugashena-hercegovačka-banka-koju-je-blokirao-visoki-predstavnik-430545> (дата обращения: 31.05.2020).

Krešić Z. Uništenje Hercegovačke banke bilo je projekt slamanja Hrvata // Večernji List. 07. travnja 2011. URL: <https://www.vecernji.ba/unistenje-hercegovačke-banke-bilo-je-projekt-slamanja-hrvata-273859> (дата обращения: 31.05.2020).

Moore A. Peacebuilding in practice: local experience in two Bosnian towns. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013. 240 p.

Naegele J. Bosnia-Herzegovina: tensions remain high after Croat riots // Radio Free Europe // Radio Liberty. 9 Apr. 2001 URL: <https://www.rferl.org/a/1096174.html> (дата обращения: 31.05.2020).

Office of the High representative (OHR). URL: <http://www.ohr.int/en/> (дата обращения: 31.05.2020).

Službene novine Federacije Bosne i Hercegovine. Rezultati izbora u Bosni i Hercegovini. Godina 3, broj 20. Nedjelja, 20. listopada. Sarajevo, 1996. URL: http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/96results/FD96_20H.PDF (дата обращения: 31.05.2020).

Šutalo M. Sredinom rujna kreće natječaj za prodaju Hercegovačke banke // Poslovni dnevnik. 25. kolovoz 2008. URL: <https://www.poslovni.hr/trzista/sredinom-rujna-krece-natjecaj-za-prodaju-hercegovačke-banke-90183> (дата обращения: 31.05.2020).

UN Security Council condemns attempts by so-called Croat National Congress to establish self-rule in Bosnia and Herzegovina. 22 March 2001. URL: <https://www.un.org/press/en/2001/sc7038.doc.htm> (дата обращения: 31.05.2020).

Ustav FBiH // Parlament Federacije Bosne i Hercegovine, Predstavnički Dom. URL: <https://www.predstavnickidom-pfbih.gov.ba/bs/page.php?id=103> (дата обращения: 31.05.2020).

Zdeb A. The need to have something 'of their own': Croat parallel institutions in Bosnia and Herzegovina // Swiss Political Science Review. Vol. 22. 2016. № 4. P. 545–564.

References

Abramov, A. V. "Suverenizatsiia v usloviiakh mezhduнародnog kontrolia: Bosniia i Gertsegovina." *Politicheskaia nauka*, no. 4, 2005, pp. 173–190.

Bieber, F. *Croat self-government in Bosnia — a challenge for Dayton? ECMI Brief #5, May 2001*. [Flensburg]: European Center for Minority Issues (ECMI), 2001, 9 p.

Bildt, C. *Peace journey: the struggle for peace in Bosnia*. London: Weidenfeld & Nicholson, 1998, 423 p.

Boras, F. *Kako je umirala Socijalistička Republika Bosna i Hercegovina*. Mostar: Slobodan Praljak, 2002, 288 p.

Centralna izborna komisija Bosne i Hercegovine. URL: <https://www.izbori.ba/>. Accessed 31 May 2020.

Country Reports on Human Rights Practices, vol. 2. Washington, DC: US Department of State, 2000, 2858 p.

Deklaracija HNS-a BiH sa 1. zasjedanja (Novi Travnik, 28. listopada 2000). URL: <http://www.hnsbih.ba/deklaracija-hns-a-bih-sa-1-zasjedanja-novi-travnik-28-listopada-2000/>. Accessed 31 May 2020.

Engelhardt, G. N. *Republika Serbskaia v Bosnii i Gertsegovine. Vozniknovenie i evolutsiia (1990–2006 gg.)*, PhD thesis. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2015, 334 p.

General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina (Dayton Agreement). URL: <https://peacemaker.un.org/bosniadaytonagreement95>. Accessed 31 May 2020.

Gudelj, J. “Hercegovačka banka.” *Nezavisne novine*, 13 Jan. 2009, <https://www.nezavisne.com/ekonomija/analize/Hercegovačka-banka/35555>. Accessed 31 May 2020.

Gus'kova, E. Iu. *Istoriia iugoslavskogo krizisa (1990–2000)*. Moscow: Russkoe pravo — Russkii natsional'nyi fond, 2001, 720 p.

Hawton, N. “EU troops prepare for Bosnia swap.” *BBC News*, 23 Oct. 2004, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3944191.stm>. Accessed 31 May 2020.

Holbrooke, R. *To end a war*. New York: Modern Library, 1999, 408 p.

Jurišić, D. “Reforma Javnog RTV sistema u Bosni i Hercegovini.” *Medijski dijalozi*, vol. 4, no. 10, 2011, pp. 239–256.

Kaminski, M. “West Pins Hopes for Bosnia On Leader of Moderate Party.” *The Wall Street Journal*, 22 June 2000, <https://www.wsj.com/articles/SB961619031762819826>. Accessed 31 May 2020.

Krešić, Z. “Ugašena Hercegovačka banka koju je blokirao visoki predstavnik.” *Večernji List*, 13 Jul. 2012, <https://www.vecernji.ba/ugasena-hercegovačka-banka-koju-je-blokirao-visoki-predstavnik-430545>. Accessed 31 May 2020.

Krešić, Z. “Uništenje Hercegovačke banke bilo je projekt slamanja Hrvata.” *Večernji List*, 07 Apr. 2011, <https://www.vecernji.ba/unistenje-hercegovačke-banke-bilo-je-projekt-slamanja-hrvata-273859>. Accessed 31 May 2020.

Kudriashova, I. V. “Ėtnopoliticheskaia gomogenizatsiia pod mezhdunarodnym kontrolom: Bosniia i Gertsegovina i Kosovo.” *Politicheskaia nauka*, no. 1, 2010, pp. 100–137.

Martynova, M. Iu. “Bosniia i Gertsegovina: kolliziia identichnostei.” *Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii*, Moscow: Politicheskaia ěntsiklopediia, 2016, pp. 203–223.

Martynova, M. Iu. *Balkanskiĭ krizis: narody i politika*. Moscow: Staryĭ sad, 1998, 466 p.

Moore, A. *Peacebuilding in practice: local experience in two Bosnian towns*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2013, 240 p.

Naegele, J. “Bosnia-Herzegovina: tensions remain high after Croat riots.” *Radio Free Europe*.” *Radio Liberty*, 9 Apr. 2001, <https://www.rferl.org/a/1096174.html>. Accessed 31 May 2020.

Nikiforov, K. V. *Mezhdū Kremlem i Respublikoĭ Serbskoĭ (Bosniĭskiĭ krizis: zavershaiushchii ětap)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 1999, 262 p.

Office of the High representative (OHR). URL: <http://www.ohr.int/en/>. Accessed: 31.05.2020.

Pivovarenko, A. A. *Stanovlenie gosudarstvennosti v sovremennoĭ Xorvatii (1990–2001gg.)*, PhD thesis. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2014, 313 p.

Polovchenko, K. A. “K voprosu o statuse sud’i konstitutsionnogo suda Bosnii i Gertsegoviny.” *Sotsial’no-politicheskie nauki*, no. 2, 2017, pp. 114–119.

Ponomareva, E. G. “Lovushki i dilemmy Mirnogo soglasheniia, ili Kakoe budushchee zhdet Bosnii i Gertsegovinu?” *Politeia*, vol. 2, Banja Luka: Faculty of Political Sciences of University, 2011, pp. 219–234.

Sidorenko, A. V. “Naviazannyĭ federalizm’ kak instrument konfliktorazresheniia.” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 2, 2009, pp. 391–400.

Službene novine Federacije Bosne i Hercegovine. Rezultati izbora u Bosni i Hercegovini, year 3, no. 20, Sunday, 20 Oct., Sarajevo, 1996. http://www.izbori.ba/Documents/Documents/Rezultati%20izbora%2096-2002/96results/FD96_20H.PDF. Accessed 31 May 2020.

Šutalo, M. “Sredinom rujna kreće natjecaj za prodaju Hercegovačke banke.” *Poslovni dnevnik*, 25 Aug. 2008, <https://www.poslovni.hr/trzista/sredinom-rujna-krece-natjecaj-za-prodaju-hercegovacke-banke-90183>. Accessed 31 May 2020.

UN Security Council condemns attempts by so-called Croat National Congress to establish self-rule in Bosnia and Herzegovina, 22 March 2001. <https://www.un.org/press/en/2001/sc7038.doc.htm>. Accessed 31 May 2020.

Ustav FBiH. Parlament Federacije Bosne i Hercegovine, Predstavnički Dom, <https://www.predstavnickidom-pfbih.gov.ba/bs/page.php?id=103>. Accessed 31 May 2020.

Vukoja, I., and M. Sitarski, editors. *Bosna i Hercegovina: federalizam, ravnopravnost, održivost: studija preustroja BiH u cilju osiguravanja institucionalne jednakopravnost konstitutivnih naroda = Bosnia and Herzegovina: federalism, equality, sustainability: a study of BiH redesign to secure institutional equality of constituent peoples*. Translated by D. Pehar, Mostar: Institut za društvenopolitička istraživanja (IDPI), 2016, 406 p.

Zdeb, A. “The need to have something ‘of their own’: Croat parallel institutions in Bosnia and Herzegovina.” *Swiss Political Science Review*, vol. 22, no. 4, 2016, pp. 545–564.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.09

Eremin D. P.

**The Croatian issue and the evolution of the political system
in Bosnia and Herzegovina during the stabilization period (1995–2004)**

Denis P. Eremin
Librarian, Category I

Center for Slavic Cultures, Russian Library for Foreign Literature
“M. I. Rudomino”

109189, Nikoloyamskaya 1, Moscow, Russian Federation

E-mail: eremindr1994@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1654-6214

Citation

Eremin D. P. The Croatian issue and the evolution of the political system in Bosnia and Herzegovina during the stabilization period (1995–2004) // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 174–206 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.09

Received: 02.09.2020.

Abstract

The article is devoted to the evolution of the state-legal position of the Bosnian Croats in the context of the political transformation in Bosnia and Herzegovina, caused by the gradual revision of the Dayton Accords. From the author's point of view, originally the political system of the postwar BiH was a compromise option between the Vance–Owen and the Owen–Stoltenberg peace plans, which did not fully satisfy any of the main national communities in BiH. The Bosnian Croats, as the smallest constituent people, did not get their own entity, although at the beginning of the ethno-civil confrontation in BiH the Bosnian Croats raised the question of national equality and the federalization of the country. Special attention in the article has been paid to the institution of the international oversight, which has limited the sovereignty of BiH — the Office of the High Representative. The author details the amending of the election law as well as the process of the constitutional reformation, initiated by the High Representative Wolfgang Petritsch, and demonstrates that the centralization policy in BiH is pursued by external, supranational organizations in order to integrate BiH into euro-atlantic structures to the disadvantage of the Bosnian Croat political interests. As a result of the reforms FBiH, formally the Entity of Croats and Muslims, de facto was put under control of Bosnian Muslims.

Keywords

Yugoslav crisis, Bosnia and Herzegovina, Bosnian War, Dayton, Dayton Accords, national issue, political system, High Representative for Bosnia and Herzegovina.

**От Бухареста до Преспы: греко-македонский спор
о государственном наименовании Македонии в 2008–2018 гг.**

Колосков Евгений Андреевич
Кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
191060, Университетская набережная 7/9, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: e.koloskov@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Цитирование

Колосков Е. А. От Бухареста до Преспы: греко-македонский спор о государственном наименовании Македонии в 2008–2018 гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 207–232. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.10

Статья поступила в редакцию 07.10.2020.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-0900163.

Аннотация

Статья посвящена второму этапу греко-македонского спора о государственном наименовании. Автором продолжено исследование актуальной войны памяти между Афинами и Скопье. Помимо краткого обращения к ранее происходившим событиям, наибольшее внимание в статье уделено периоду от Бухарестского саммита НАТО 2008 г. и до подписания Преспанского соглашения в 2018 г. В работе рассмотрены ключевые моменты, основные факторы конфликта, а именно роль международных посредников и внутривосточная ситуация в двух странах. Предложен новый вариант периодизации спора о государственном наименовании и проведены аналогии с близким по смыслу конфликтом между Болгарией и Македонией. Отдельное внимание уделено процессу т. н. «антиквизации» в Македонии в период нахождения у власти ВМРО-ДПМНЕ и сворачиванию данного проекта после транзита власти к СДСМ. Подробно рассмотрена роль албанской общины в процессе поиска компромисса и его воплощения. Рас-

смотрены процедуры реализации соглашения по свертыванию войны памяти. Сделаны выводы о перспективах примирения в виду сложной внешнеполитической ситуации в регионе и не простых внутривосточных изменений в Греции и Северной Македонии. Учитывая, что в Греции компромисс со Скопье стал одной из причин перехода в оппозицию СИРИЗА, а в Северной Македонии — очевидного ослабления позиций партии власти, мы полагаем, что негативный потенциал греко-македонского спора о государственном наименовании до конца не исчерпан.

Ключевые слова

Северная Македония, Греция, Преспанское соглашение, историческая политика, войны памяти.

Спор о государственном наименовании Республики Македония (далее — РМ) — конфликт, оказавший значительное влияние на развитие международных отношений в Юго-Восточной Европе. После провозглашения независимости Скопье столкнулось с враждебными действиями со стороны соседней Греции, выступающей с критикой использования слова «Македония» вне греческого контекста, так как греческие интеллектуалы, политики и общественность традиционно полагают лишь себя наследниками античного Македонского царства и с возмущением смотрят на претензии своего северного, преимущественно славяноязычного, соседа на наследие Александра Великого.

В рамках нашего исследования мы постараемся осветить вторую декаду греко-македонского спора о государственном наименовании. Первое десятилетие, равно как вопрос о происхождении, идеологии, а также варианты поиска разрешения спора были проанализированы нами в предыдущих работах и рассматриваться в данной статье будут лишь по мере необходимости¹. Мы сосредоточим основное внимание на временном периоде от Бухарестского саммита НАТО в 2008 г. до Преспанского соглашения 2018 г., изучая в первую очередь отношения двух стран, развивающуюся в этот период войну памяти, роль международных посредников, внутривосточную ситуацию в двух странах, и постараемся сделать вывод о последствиях смены государственного наименования со стороны Скопье и признания этого со сто-

1 Колосков Е. А. Александр Великий в контексте греко-македонского спора о наименовании // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 4. С. 102–108.

роны Афин, т. е. дать ответ на вопрос, — завершен ли спор и стоит ли ожидать рецидивов войны памяти во взаимоотношениях двух балканских стран. Также нами будет предложена новая периодизация спора и более подробно рассмотрена роль албанской общины в указанный период. Отдельное внимание мы уделим процессу т. н. «антиквизации», проводимой правительством Македонии в 2006–2017 гг.

Мы разделили **хронологию** греко-македонского спора о наименовании на шесть этапов. Первый этап занимает временной отрезок, предшествующий непосредственному конфликту. Он начинается в 1944 г. (создание Республики Македония в рамках Югославской федерации) и заканчивается провозглашением независимости Македонии 17 сентября по итогам референдума 8 сентября 1991 г. Второй этап (1991–1995 гг.) охватывает промежуток времени от провозглашения независимости македонского государства и до подписания Временного соглашения 13 сентября 1995 г. в Нью-Йорке. Его ключевыми событиями являются: борьба Скопье за международное признание (решение Арбитражной комиссии (Бадинтера) 11 января 1992 г., Лиссабонский саммит ЕС 27 июня 1992 г. и принятие Македонии в ООН под временным государственным наименованием 7 апреля 1993 г.) и начало торговой войны между Македонией и Грецией (запрет на транспортировку нефти в Македонию от 18 февраля 1992 г. и последовавшее в 1993 г. торговое эмбарго со стороны Греции, продлившееся 20 месяцев). Важно отметить, что уже на этом этапе греко-македонский спор стал важным фактором внутривосточной жизни двух стран. 17 августа 1992 г., после неудач в попытке обрести признание под конституционным наименованием, македонскому правительству был вынесен вотум недоверия. В Греции признание Скопье под временным наименованием (Бывшая Югославская Республика Македония) привело к кризису в следующем году: правящую партию «Новая демократия» вместе со своими сторонниками покинул министр иностранных дел Антонис Самарас, что привело к досрочным выборам и победе левоцентристской партии ПАСОК². Отметим, что и покушение на президента Македонии К. Глигорова 3 октября 1995 г. зачастую также связывают с грядущей ратификацией Временного соглашения.

Третий этап греко-македонского спора (1995–2001 гг.) был связан с выполнением условий Временного соглашения: изменение флага РМ (22 сентября — 5 октября 1995 г.), подписание меморандума о пересечении границ двух государств (13 октября 1995 г.), прекращение греческо-

2 Квашнин Ю. Македонский вопрос в современной греческой политике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 69.

го эмбарго (15 октября 1995 г.), открытие так называемых «канцелярий для контактов» в Скопье и в Афинах (17 января 1996 г.), выполняющих функцию постоянных представительств в двух странах. В этот период также можно отметить увеличение непосредственных контактов сторон, в том числе и встреч на высшем уровне. Важное значение имело подписание 9 апреля 2001 г. в Люксембурге соглашения между ЕС и РМ о «стабилизации и ассоциации». Также в этот период происходит некоторое ослабление интереса к проблеме со стороны международного сообщества в связи с обострением ситуации в Албании (1997 г.), затем в Косово (1998–1999 гг.) и в самой Македонии (2001 г.). Немаловажно отметить, что, несмотря на известные достижения Временного соглашения (например, в экономическом плане), после него последовал очевидный (и в общем-то ожидаемый) подъем национализма в обеих странах, что значительно усложнило переговоры³.

Четвертый этап охватывает временной промежуток между 2001 и 2008 г., т. е. от Охридского рамочного соглашения до Бухарестского саммита НАТО. Крупнейшим успехом македонского руководства в этот период стало признание Македонии со стороны США в 2004 г. и обретение статуса страны-кандидата в ЕС в 2005 г. Стоит отметить также ряд попыток примирить две стороны при посредничестве специального представителя ООН М. Нимица в октябре 2005 г. Другие попытки решить спор предпринимались буквально в преддверии саммита НАТО в Бухаресте, намеченного на 2008 г. Переговоры ожидаемых результатов не принесли, и 3 апреля 2008 г. на саммите в Бухаресте Греция заблокировала вступление Македонии в НАТО⁴. В следующем году Афины воспользовались правом вето и сорвали начало переговоров между Скопье и Брюсселем о вступлении Македонии в ЕС. 11 апреля 2008 г. Собрание (парламент) Македонии самораспустился. Большинство македонских и западных аналитиков оценивают Бухарестский саммит как своего рода кульминацию спора о названии⁵.

3 *Gallagher T.* The Balkans in the New Millennium: In the Shadow of War and Peace. Routledge, 2005. P. 7–8.

4 Bucharest Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008. Par. 20. URL: http://www.summitbucharest.ro/en/doc_202.html (дата обращения: 05.10.2020).

5 *Frckoski L. D.* The character of the name dispute between Macedonia and Greece. Skorje, 2009. P. 12; *Габер В.* Името Македонија: историја, право, политика. Скопје, 2009. С. 387.

Пятый период охватывает временной отрезок после саммита НАТО в Бухаресте и до начала политического кризиса в Македонии и смены правительства в Греции по итогам парламентских выборов в сентябре 2015 г. После Бухарестского саммита переговоры возобновились уже через две недели. Следующий раунд состоялся 30 апреля — 2 мая 2008 г. После очередной неудачи Македония подала иск против Греции в Международный суд в Гааге в связи с невыполнением последней обязательств по Временному соглашению. Это, впрочем, не помешало проведению нового этапа переговоров, начавшихся 11 февраля 2009 г.

Дальнейшие встречи представителей двух стран в июне — августе 2009 г. и в апреле — июне 2010 г. прошли под знаком выбора нового названия страны: сначала фигурировала в основном «Северная Македония», затем, в 2010 г., — «Вардарская Македония»⁶. По всей видимости, правительства Костаса Караманлиса-мл. и Г. Папандреу, полагающие, что переговоры с правительством Н. Груевского все равно завершатся провалом, заявили о готовности признать страну под составным названием, содержащим географическую или иную привязку, т. е. де-факто Афины согласились с потенциальной возможностью использования слова «Македония»⁷.

5 декабря 2011 г. было принято решение по македонскому иску в Гааге: Международный суд ООН 15 голосами «за» при одном «против» (голос представителя Греции) постановил, что «Греческая Республика, своим возражением против вступления бывшей югославской Республики Македония в члены НАТО, нарушила свое обязательство по пункту 1 статьи 11 Временного соглашения от 13 сентября 1995 года»⁸, что, впрочем, лишь сыграло на руку националистам двух стран.

6 Solution in sight for name dispute // Kathimerini. 14 June 2010. URL: http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_politics_100008_14/06/2010_117660 (дата обращения: 05.10.2020).

7 Квашнин Ю. Македонский вопрос... С. 71.

8 190. Применение Временного соглашения от 13 сентября 1995 года (Бывшая югославская Республика Македония против Греции). Решение Международного Суда от 5 декабря 2011 года // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 2008–2012 годы. Нью-Йорк, 2014. С. 285. URL: <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-2008-2012-ru.pdf> (дата обращения: 05.10.2020).

Попытки оказания давления на Македонию со стороны ЕС весной 2012 г. и предложение названий «Славяно-албанская Македония», «Верхняя Республика Македония» или «Республика Верхняя Македония» в 2013 г.⁹ позволили Нимицу с некоторым оптимизмом говорить о том, что стороны достигли консенсуса относительно добавления «географического термина», который будет использоваться на международном уровне в качестве нового официального названия страны, однако существуют разногласия в отношении того, «где географический термин должен быть помещен». Медиатор выразил надежду, что новый раунд переговоров может закончиться принятием взаимно согласованного названия¹¹, однако этого не произошло, а начавшийся в 2015 г. длительный политический кризис оставил решение проблемы следующему правительству.

Важным элементом данного этапа стало расширение арсенала средств в войне памяти между двумя странами. Наиболее ярким проявлением этого стал процесс т. н. «македонизации» или, иначе, «антиквизации», проводившейся находящейся у власти правоцентристской Внутренней македонской революционной организацией — Демократической партией македонского национального единства (далее — ВМРО-ДПМНЕ) Груевского практически с момента ее возвращения к власти (так, например, решение о воздвижении памятника Александру Великому в центре Скопье было принято еще 30 ноября 2006 г.¹², а аэропорт Петровец был переименован в «Александр Великий» в декабре того же года¹³). Особенно явно он проводился после

9 Greece suggest «Slavic-Albanian Macedonia» to end dispute // b92. October 29, 2013. URL: https://www.b92.net/eng/news/region.php?yuuu=2013&mm=10&dd=29&nav_id=88159 (дата обращения: 05.10.2020).

10 Barber T. Macedonia calls for pressure on Greece in name dispute // Financial Times. 3 December 2013. URL: <https://www.ft.com/content/be086f5a-5bf7-11e3-931e-00144feabdc0#axzz2oP0VLSmk> (дата обращения: 05.10.2020).

11 Utrinski Vesnik, Macedonia: Matthew Nimetz sets new round of name issue talks // FOCUS News Agency. 21 March 2014. URL: <http://www.focus-fen.net/news/2014/03/21/330532/utrinski-vesnik-macedonia-matthew-nimetz-sets-new-round-of-name-issue-talks.html> (дата обращения: 05.10.2020).

12 Решение за објава на Одлуката за отпочнување постапка за подигање на споменик на Александар Македонски // Скопје 2014 под лупа. URL: <http://skopje2014.prizma.birn.eu.com/img/reshenie-za-aleksandar-make-donski.jpg> (дата обращения: 05.10.2020).

13 A stir over name of Skopje's airport // Kathimerini. Friday 29 December 2006. URL: http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_politics_100006_29/12/2006_78322 (дата обращения: 05.10.2020).

Бухарестского саммита, который, как казалось, похоронил надежды Скопье на евро-атлантическую интеграцию.

Термин «македонизация» или «антиквизация» используется, как правило, немакедоноязычными авторами в качестве критического определения проводимой официальным Скопье политики памяти в период 2006–2017 гг. Пожалуй, наиболее ярким воплощением данной политики стал проект «Скопье-2014», официально анонсированный в 2010 г. В рамках данного проекта к 2017 г. было построено или отреставрировано 137 объектов, включая 28 зданий, 39 статуй, 34 памятника, 5 площадей, 4 моста, 2 фонтана и 1 триумфальную арку, на общую сумму более чем 500 млн евро¹⁴. Основной задачей этого амбициозного проекта стало, по словам мэра Скопье В. Тодоровича, создание «нового образа македонской столицы. Придать городу с серым социально-реалистическим стилем эстетический характер»¹⁵. Однако как в самой Македонии, так и за ее пределами инициатива правительства РМ, как и в целом проводимая им политика в области истории, вызвала разностороннюю критику.

Внутри страны проект ожидаемо вызвал критику со стороны оппозиции: находящийся сегодня у власти Социал-демократический союз Македонии (далее — СДСМ) — главный противник ВМРО-ДПМНЕ — сразу же включился в критику проекта, апеллируя к стоимости (обвиняя правительство в коррупции) и невысокой эстетической ценности сооружений. До сих пор СДСМ официально называет проект «Скопье-2014» «криминальным», подчеркивает его бессмысленность и даже его угрозу для жителей города¹⁶. Проект критикуется и с точки зрения эстетических соображений не только оппозицией, но и деятелями искусства¹⁷ и национальными историками, полагающими неудачным выбор героев и символов новой мифологии¹⁸. Ино-

14 Скопје 2014 под лупа. URL: <http://skopje2014.prima.birn.eu.com/> (дата обращения: 05.10.2020).

15 Презентиран проектот «Скопје 2014» // ВМРО-ДПМНЕ. 05.02.2010. URL: <http://vmro-dpmne.org.mk/mk/zapis.asp?id=5700> (дата обращения: 05.10.2020).

16 Криминалниот проект Скопје 2014 е опасен и ги загрозува граѓаните, со Законот за ЈО одговорност ќе има за оние што смислиле и направиле // СДСМ. URL: <https://sdsm.org.mk/soopstenija/4088> (дата обращения: 05.10.2020).

17 Скопје 2014: Карикатура на европскиот град // Окно.mk. URL: <https://okno.mk/node/17870> (дата обращения: 05.10.2020).

18 *Lozanovska M.* Post-communism and the monstrous: Skopje 2014 and the other political tales // *Architecture and Ugliness: Anti-Aesthetics and Ugly*

странные отзывы также были в основном критическими¹⁹. С другой стороны, отметим, что официальные СМИ²⁰, а также деятели науки и искусств, ангажированные в проекте, положительно отзывались о нем и обвиняли критиков в непонимании важности происходящих процессов. По их мнению, сам термин «антиквизация» — это «изобретенный неологизм в широком антимакедонском заговоре»²¹.

Другим аспектом критики проекта стал вопрос визуализации роли национальных меньшинств РМ в монументальной практике. Среди сюжетов проекта «Скопье-2014» нашлось мало места представителям албанского, турецкого и влашского народов. Другие народы, проживающие в Македонии, практически не представлены. Помимо расширения площади вокруг памятника албанскому национальному герою Скандербегу, нового памятника матери Терезе и памятника Питу Гули (македонский революционер влашского происхождения, член ВМРО, герой Илинденского восстания), еще лишь на Мосту искусств воздвигнуты три статуи представителей национальных меньшинств (из 29 установленных): Неджати Зекирия (турок, поэт, детский писатель середины — второй половины XX в.), Адема Гайтани (албанец, поэт и переводчик второй половины XX в.) и Муртезы Пезы (албанец, югославский партизан, писатель и сценарист)²². Все это позволило исследователям говорить о склонности македонского истеблишмента к моноэтничному представлению прошлого страны²³. Лишь в 2016 г. под

in *Postmodern Architecture* / eds. by W. van Acher and T. Mical. London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney, 2020. P. 107–124.

19 См., например: *Revamping Skopje, Stones of Contention: Macedonia writes a new story for its capital* // *The Economist*. Jan. 5th 2013. URL: <https://www.economist.com/books-and-arts/2013/01/05/stones-of-contention> (дата обращения: 05.10.2020).

20 Целата македонска историја на Порта Македонија // *Вечер*. 04.12.2011. URL: <http://vecer.mk/makedonija/cela-makedonska-istorija-na-porta-makedonija> (дата обращения: 05.10.2020).

21 Цит. по: *Vangeli A. Nation-building ancient Macedonian style: the origins and the effects of the so-called antiquization in Macedonia* // *Nationalities Papers*, 2011. 39 (1). P. 13.

22 Скулптури на Мост на уметноста // *Скопје 2014 под лупа*. URL: <http://skopje2014.prizma.birn.eu.com/mk/skulpturi-na-most-na-umetnosta> (дата обращения: 05.10.2020).

23 *Stefoska I., Stojanov D. A tale in stone and bronze: old/new strategies for political mobilization in the Republic of Macedonia* // *Nationalities Papers*. 2017. 45 (3). P. 364.

давлением албанской партии Демократический союз за интеграцию (далее — ДУИ), партнера по коалиции ВМРО-ДПМНЕ, два деятеля албанского происхождения были представлены в центре столицы: Иосиф Багери (поэт и просветитель начала XX в., один из составителей албанской грамматики) и Неджат Аголи (член президиума Антифашистского собрания народного освобождения Македонии, умерший на Голом острове в 1949 г.).

Также исследователями отмечается специфическая подача гендерного визуального ряда²⁴: в центре города стоят лишь памятники матери Терезе, царице Олимпиаде (в рамках скульптурной композиции царя Филиппа II) и фонтан «Македонские матери», прославляющий, соответственно, материнство. Интересно, что и скульптурная композиция царской семьи (Филипп II, Олимпиада и молодой Александр) является вполне современной версией семьи — двое родителей и один ребенок, хотя явно не соответствует историческим реалиям: у Филиппа II было по меньшей мере пять жен, а у Олимпиады — двое детей.

Важно также отметить, что доминирование античных персонажей, как в плане расположения, так и в плане размера, на фоне государственных зданий, построенных в псевдоклассическом стиле, вызвало недоумение у профессиональных историков, справедливо видящих в этом возвращение к автохтонной истерии символической политики памяти первого периода нахождения у власти ВМРО-ДПМНЕ в 1998–2002 гг.: не хватало только афганских вождей — потомков македонян, участников похода в Среднюю Азию, и заявлений о прямом происхождении современных македонцев-славян от Александра Великого.

Вполне ожидаемо, что подобные действия македонских властей несколько не улучшили положение Скопье в споре с Грецией, чьи официальные представители, общественные и академические деятели развернули кампанию, критикующую практику обращения к античности. Параллельно Афины демонстрировали готовность к обсуждению и компромиссу, что на фоне критики авторитарного крена Груевского во внутренней политике со стороны Запада, по мнению исследователей, начало склонять международное общественное мнение не в пользу «Страны без названия»²⁵.

24 *Brunnbauer U.* Zwischen Eigensinn und Realitätsflucht: «Skopje 2014» als Bau an der Nation // *OST-WEST Europäische Perspektiven.* 2015. Bd. 16 (1). F. 34.

25 *Квашнин Ю.* Македонский вопрос в современной греческой политике // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 2. С. 70.

Важно отметить, что претензии на античное прошлое — вопрос, который ставит под сомнение претензии албанского меньшинства Македонии на автохтонность. Напомним, что албанская национальная историография также высказывает интерес к наследству Александра Македонского, а античные иллирийские сюжеты давно являются неотъемлемой частью национального мифа. В качестве ответа на обвинения в пришлости славян на территории Балканского полуострова македонские интеллектуалы, по мнению отечественного исследователя М. Ломоносова, «полностью отвергли автохтонность албанцев в Македонии, а заодно, на всякий случай, и присутствие иллирийцев на македонских землях»²⁶.

После античности второе место в символической политике занимает период рубежа XIX–XX вв. — период национального возрождения или, по названию построенного в рамках проекта «Скопье-2014» музея, Македонской борьбы. Разумеется, деятелей этого исторического периода Скопье приходится делить с Болгарией, полагающей таких персоналий, как, например, Петр (Карпош), Никола Карев, Яне Санданский, Гоце Делчев и др., соответственно, болгарскими.

Так же неоднозначна ситуация с деятелями средневековой истории. И если проблема принадлежности св. Кирилла и Мефодия регулярно обсуждается в академических кругах и за их пределами уже довольно давно, то попытки включения в национальный пантеон средневековых правителей, таких как Юстиниан I, царь Самуил и Стефан Душан, вызвали неодобрение соответственно у греков, болгар и сербов уже в 2010-е гг.

Исследователями отмечен отказ от переосмысления османского и югославского периодов истории страны: оба этих периода рассматриваются в негативном свете, как периоды подавления стремления Македонии к независимости²⁷. Высказывается мнение, что постройки

26 Ломоносов М. Ю. «Кому принадлежит Македония?» Политические споры о «государствообразующих нациях» и этноисторические мифы албанцев и македонцев в 1990-х — начале 2000-х гг. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М., 2019. С. 157.

27 Mattioli F. Unchanging boundaries: the reconstruction of Skopje and the politics of heritage // International Journal of Heritage Studies. 2013. Vol. 20 (6). P. 601.

в псевдоклассическом стиле призваны скрыть (османские) здания Чаршии и модернистские постройки югославского периода²⁸.

Последний, шестой, этап греко-македонского спора охватывает временной промежуток с осени 2015 по лето 2018 г., когда стороны пришли к соглашению. Как уже отмечалось выше, переговоры были прерваны политическим кризисом 2015–2017 гг. в Македонии, завершившимся сменой власти в стране. Пришедший в июне 2017 г. к власти лидер СДСМ З. Заев осенью провозгласил одной из своих задач урегулирование отношений с Грецией и Болгарией²⁹. После возобновления переговоров при посредничестве ООН в январе следующего года³⁰ первым шагом стало переименование в феврале 2018 г. так раздразнившего греков аэропорта «Александр Великий» в Международный аэропорт Скопье и автомагистрали А-1 «Александр Македонский» в «Дружбу»³¹, а также целого ряда других административно-территориальных элементов. В феврале было объявлено о прекращении действия программы «Скопье-2014». Более того, некоторые уже установленные статуи, относящиеся к античной истории, были убраны властями³².

Важным элементом политической программы Заева в начале 2018 г. стало обещание решения вопроса о госнаименовании по итогам национального референдума³³. Также необходимо отметить мас-

28 *Graan A.* Counterfeiting the nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia // *Cultural Anthropology*. 2013. Vol. 28 (1). P. 161.

29 Macedonia's Ruling SDSM Claims Victory in Municipal Elections After Early Results // *Radio Free Europe*. October 16, 2017. URL: <https://www.rferl.org/a/macedonia-municipal-elections-zaev-albania/28795298.html> (дата обращения: 05.10.2020).

30 UN presents new proposals on Greece-Macedonia name dispute // *The Washington Post*. 01.17.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/un-presents-new-proposals-on-greece-macedonia-name-dispute/2018/01/17/cfb905f6-fbbd-11e7-9b5d-bbf0da31214d_story.html (дата обращения: 05.07.2020).

31 Владата одлучи скопскиот аеродром да се вика «Меѓународен аеродром Скопје», автопатот «Александар Македонски» преименуван во Пријателство // *21TV*. 06.02.2018. URL: <https://tv21.tv/mk/vladata-odluchi-aerodromot-da-se-vika-s/> (дата обращения: 05.10.2020).

32 *Pajaziti N.* A «Skopje 2014» monument is removed // *Independent Balkan News Agency*. 22.02.2018. URL: <https://balkan.eu.com/a-skopje-2014-monument-is-removed/> (дата обращения: 05.10.2020).

33 Macedonia to Solve Nation's Name Dispute With Greece // *Sputnik*. 21.01.2018. URL: <https://sputniknews.com/europe/201801211060929838-macedonia-greece-name-referendum/> (дата обращения: 05.10.2020).

совые протесты в обеих странах против взаимных уступок сторон, проводимые партиями националистического толка как в течение всего периода переговоров, так и после заключения соглашения³⁴.

12 июня 2018 г. греческий премьер-министр А. Ципрас объявил о достижении соглашения между двумя странами, согласно которому Республика Македония будет переименована в Республику Северная Македония³⁵. Помимо переименования страны соглашение, подписанное сторонами 17 июня на берегу Преспанского озера (между Македонией, Грецией и Албанией), также предусматривало признание македонского языка в ООН³⁶, констатировало обязательства Скопье вступать в международные организации исключительно под новым наименованием³⁷ и отмечало понимание значения терминов «Македония» и «македонцы» в различном историческом контексте и относительно разного культурного наследия³⁸.

Кроме того, был согласован механизм, согласно которому если «какая-либо из Сторон считает, что другой Стороной используется один или несколько символов, представляющих часть ее исторического или культурного наследия, она уведомляет другую Сторону о таком предполагаемом использовании, а другая Сторона предпринимает надлежащие корректирующие действия для того, чтобы эффективно решить эту проблему и обеспечить уважение к такому наследию»³⁹. Также решался вопрос с античными памятниками: «В течение шести месяцев после вступления в силу настоящего Соглашения Вторая сторона [РМ] пересматривает статус своих памятников, общественных зданий и инфраструктуры на своей территории, если они каким-либо образом относятся к древней эллинской истории и цивилизации, ко-

34 PMs to meet after 'Macedonia' name dispute rally in Greece // SBS News. 23.01.2018/ URL: <https://www.sbs.com.au/news/pms-to-meet-after-macedonia-name-dispute-rally-in-greece> (дата обращения: 05.10.2020).

35 'We have a deal,' Greek PM says over FYROM name row // Н КАΘΗΜΕΡΙΝΗ. 12.06.2018. URL: <http://www.ekathimerini.com/229552/article/ekathimerini/news/we-have-a-deal-greek-pm-says-over-fyrom-name-row> (дата обращения: 05.10.2020).

36 Конечна спогодба за решавање на разликите опишани во резолуциите 817 (1993) и 845 (1993) на Советот за безбедност на Обединетите Нации, за престанување на важноста на Привремената спогодба од 1995 г. и за воспоставување на стратешко партнерство меѓу страните. С. 10.

37 Там же. С. 7.

38 Там же. С. 10.

39 Там же.

торая является неотъемлемой частью исторического или культурного наследия Первой Стороны»⁴⁰. Важнейшим фактором преодоления конфликта стало решение о создании Объединенного междисциплинарного комитета экспертов по историческим, археологическим и образовательным вопросам, целью которого было поставлено рассмотрение и пересмотр «любых учебников и вспомогательных учебных материалов, таких как карты, исторические атласы, учебные пособия, используемые каждой Стороной, в соответствии с принципами и целями ЮНЕСКО и Совета Европы»⁴¹. Комитет должен был следить, «чтобы никакие учебники или вспомогательные учебные материалы <...> не содержали ирредентистских / ревизионистских отсылок»⁴².

20 июня Преспанское соглашение было ратифицировано Собранием РМ, что вызвало вполне ожидаемую негативную реакцию оппозиции, обвинившей власть в национальном предательстве и геноциде нации⁴³. Конец июня прошел под флагом противостояния президента страны Г. Иванова с премьером-министром Заевым. Первый обвинил второго и всех депутатов правительственной коалиции в «переводе Республики Македония в состояние подчинения <...> другому государству [Греции]», пригрозил лишением свободы на срок не менее 5 лет за голосование в пользу соглашения и отказался его подписывать⁴⁴. После заявления греческого МИД об отзыве возражения со стороны Афин, 27 июня начались переговоры по вступлению страны в ЕС, а 11 июля Скопье получило официальное приглашение стать 30-м членом НАТО⁴⁵.

40 Там же.

41 Там же.

42 Там же.

43 (Видео) Стоилковски: Дали сега граѓаните ќе може да ја пеат химната «Денес над Македонија се раѓа»? // Макфакс. 21 јуни, 2018. URL: <https://makfax.com.mk/makedonija/%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE.%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8-%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D0%B8-%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%B0-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%93%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%82/> (дата обращения: 05.10.2020).

44 *Marusic S. J.* Macedonia President Refuses to Sign Greece Name Deal // *Balkan Insight*. June 26, 2018. URL: <https://balkaninsight.com/2018/06/26/macedonia-president-refuses-to-sign-greece-name-deal-06-26-2018/> (дата обращения: 05.10.2020).

45 *Marusic S. J.* NATO Invites Macedonia to Join the Western Alliance // *Balkan Insight*. July 11, 2018. URL: <https://balkaninsight.com/2018/07/11/nato-invites-macedonia-to-join-the-western-alliance-07-11-2018/> (дата обращения: 05.10.2020).

30 июля Собрание РМ утвердило дату проведения референдума — 30 сентября. Важным фактором стал совещательный характер референдума, вопреки данным ранее обещаниям Заева о том, что он будет учитываться при принятии решения, и формулировка вопроса: «Вы [выступаете] за членство в ЕС и НАТО, принимая [Преспанское] Соглашение между Республикой Македония и Республикой Греция?»⁴⁶.

Оппозиция избрала тактику бойкота голосования и преуспела: явка составила 36,91% избирателей при необходимых для признания референдума состоявшимся 50%. Впрочем, из числа проголосовавших 94,18% высказались за изменение конституционного наименования страны. Важным фактором дальнейшего развития политической дискуссии стало обсуждение влияния албанского меньшинства на итоговый результат и продолжающиеся акции протеста⁴⁷.

Спекуляции относительно роли албанской общины строятся на результатах социологических опросов, показывающих бóльшую готовность албанцев, по сравнению с остальными гражданами страны, к смене названия и, что, с точки зрения представителей македонского большинства, воспринимается как проявление их нелояльности по отношению к национальным символам и государству вообще. Так, опросы общественного мнения относительно готовности граждан Македонии к возможной смене государственного наименования страны практически всегда показывали различные цифры толерантности для албанцев и остальных македонцев. В начале 2018 г. отмечалось, что 42% македонцев категорически против сделки с Грецией, в то время как среди албанского меньшинства страны аналогично отвечал только 1% опрошенных⁴⁸. В преддверии референдума (опрос был проведен 24 июля — 1 августа 2018 г.) цифры были следующими: 54,7% македонцев — категорически против, аналогичный ответ у представителей албанского меньшинства — 2,2%⁴⁹. Учитывая, что уступки по

46 Изгласана одлука за референдум за името на 30 септември // Sitel. 30. July 2018. URL: <https://sitel.com.mk/izglasana-odluка-za-referendum-za-imeto-na-30-septemvri> (дата обращения: 05.10.2020).

47 *Bechev D.* What next after the failed Macedonian referendum? // Al Jazeera. 2 Oct 2018. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/failed-macedonian-referendum-181001185416308.html> (дата обращения: 05.10.2020).

48 *Marusic S. J.* Most Macedonians Back ‘Name’ Deal // Eurasia Review. 6 February 2018. URL: <https://www.eurasiareview.com/06022018-most-macedonians-back-name-deal/> (дата обращения: 05.10.2020).

49 Referendum 2018: Public opinion poll in Macedonia. Skopje, 2018. P. 11.

статусу албанского языка, согласно соглашению СДСМ и албанских партий, обеспечили парламентское большинство партии Заева, данный сюжет широко обсуждался в СМИ, особенно симпатизирующих ВМРО-ДПМНЕ.

15 октября начались дебаты в Собрании РМ, а уже 19 октября парламент принял решение о начале процесса изменения Конституции и переименования страны в Северную Македонию, после того как 80 депутатов (ровно необходимое число в 2/3 от 120 членов Собрания) проголосовали за⁵⁰. Видимым результатом потепления отношений между Скопье и Афинами стало возобновление авиасообщения (закрытого на 12 лет) между двумя странами в ноябре 2018 г.⁵¹

3 декабря 2018 г. Собрание Македонии одобрило проект конституционной поправки простым большинством голосов⁵². 11 января 2019 г. македонская сторона завершила правовую реализацию Преспанского соглашения, утвердив конституционные изменения для переименования страны в Северную Македонию большинством в две трети голосов⁵³. Отметим, что соглашение по официальному использованию албанского языка стало законом 15 января того же года⁵⁴.

25 января 2019 г. парламент Греции ратифицировал Преспанское соглашение⁵⁵. В своем поздравительном сообщении Заев назвал это

50 Предлог за пристапување кон измена на Уставот на Република Македонија // Собраније на Република Северна Македонија. URL: <https://www.sobranie.mk/materialdetails.aspx?materialId=8969af8a-faa3-4b21-bb22-4eef5c31e768> (дата обращения: 05.10.2020).

51 Greece resumes flights to Macedonia after 12-year pause // BBC news. 1 November 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-46064986> (дата обращения: 05.10.2020).

52 Текст на нацрт — Амандманите XXXIII, XXXIV, XXXV и XXXVI на Уставот на Република Македонија // Собраније на Република Северна Македонија. URL: <https://www.sobranie.mk/materialdetails.aspx?materialId=f1cbb328-a12f-45ff-b7db-d85df65b527a> (дата обращения: 05.10.2020).

53 Донесување на амандманите XXXIII, XXXIV, XXXV и XXXVI на Уставот на Република Македонија // Собраније на Република Северна Македонија. URL: <https://www.sobranie.mk/materialdetails.aspx?materialId=63110a18-749c-4b78-951f-9a9c70c1fa87> (дата обращения: 05.10.2020).

54 Macedonia's Albanian-Language Bill Becomes Law // Radio Free Europe. URL: <https://www.rferl.org/a/macedonia-s-albanian-language-bill-becomes-law/29711502.html> (дата обращения: 05.10.2020).

55 Greek MPs pass Prespes deal with 153 votes in 300-seat House // Kathimerini. 25.01.2019. URL: <http://www.ekathimerini.com/236998/article/>

«исторической победой» народов двух стран и концом «незаклученного мира» на Балканах⁵⁶. А. Ципрас, премьер-министр Греции, объявил ратификацию договора «поражением национализма в двух странах»⁵⁷.

Соглашение с Грецией открыло дорогу для атлантической интеграции Македонии: 6 февраля 2019 г. члены НАТО подписали протокол о присоединении Республики Северная Македония к НАТО. К концу года страны НАТО ратифицировали протокол о вступлении страны в Альянс, и 27 марта 2020 г. Республика Северная Македония официально стала 30-м членом НАТО⁵⁸. Переговоры о вступлении в ЕС развивались несколько более сложно: демарш Софии⁵⁹, затем неготовность ряда стран — членов ЕС начать переговоры со Скопье (и Тираной) в октябре 2019 г. создали атмосферу напряженности в политической жизни страны. Решение ЕС все же начать переговоры со Скопье 25 марта 2020 г. (и, возможно, пандемия COVID-19) позволили ушедшему в январе 2020 г. в отставку Заеву вернуть свой

ekathimerini/news/greek-mps-pass-prespes-deal-with-153-votes-in-300-seat-house (дата обращения: 05.10.2020).

56 Заев: Договорот од Преспа стави крај на една епизода од незавршениот мир на Балканот // Нова Македонија. 26.01.2019. URL: <https://www.novamakedonija.com.mk/makedonija/%d0%b7%d0%b0%d0%b5%d0%b2-%d0%b4%d0%be%d0%b3%d0%be%d0%b2%d0%bed1%80%d0%bed1%82-%d0%be%d0%b4-%d0%bf%d1%80%d0%b5%d1%81%d0%bf%d0%b0-%d1%81%d1%82%d0%b0%d0%b2%d0%b8-%d0%ba%d1%80%d0%b0%d1%98-%d0%bd%d0%b0/> (дата обращения: 05.10.2020).

57 Ципрас: Договорот од Преспа е пораз за национализмот и од двете страни // Нова Македонија. 28.01.2019. URL: <https://www.novamakedonija.com.mk/makedonija/politika/%d1%86%d0%b8%d0%bf%d1%80%d0%b0%d1%81-%d0%b4%d0%be%d0%b3%d0%be%d0%b2%d0%bed1%80%d0%be%d1%82-%d0%be%d0%b4-%d0%bf%d1%80%d0%b5%d1%81%d0%bf-%d0%b0-%d0%b5-%d0%bf%d0%be%d1%80%d0%b0%d0%b7-%d0%b7%d0%b0-%d0%bd/> (дата обращения: 05.10.2020).

58 North Macedonia joins NATO as 30th Ally // NATO. 27 Mar. 2020. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_174589.htm (дата обращения: 05.10.2020).

59 *Marusic S. J.* Bulgaria Sets Tough Terms for North Macedonia's EU Progress // *Balkan Insight*. October 10, 2019. URL: <https://balkaninsight.com/2019/10/10/bulgaria-sets-tough-terms-for-north-macedonias-eu-progress/> (дата обращения: 05.10.2020).

пост по итогам внеочередных выборов 15 июля 2020 г.⁶⁰ (изначально назначенных на апрель того года).

И хотя потери правящей коалиции, возглавляемой СДСМ, составили 8 мандатов и это противостояние не закончилось сменой власти в стране (по крайней мере, на момент написания статьи), очевидно ослабление позиций партии власти. Вкупе с переходом в оппозицию СИРИЗА (Коалиции радикальных левых) — партии подписавшего Преспанское соглашение Ципраса — по итогам выборов в Греции в июле 2019 г.⁶¹ это создает потенциальную угрозу ужесточения требований к соблюдению соглашений в качестве условия для переговоров с ЕС по болгарскому сценарию⁶².

Резюмируя, мы приходим к выводу, что, несмотря на достижение политического решения, приведшего к заключению и ратификации Преспанского соглашения, негативный потенциал греко-македонского спора о государственном наименовании до конца не исчерпан. Имея в виду пример поведения Софии после болгаро-македонского соглашения, учитывая нерешенность вопроса славянского меньшинства в Греции, напряженность дискуссии о лояльности албанского меньшинства в Македонии и неочевидность скорой евроинтеграции Скопье, можно ожидать спорадических моментов ухудшения отношений и актуализации войн памяти, особенно в случае возвращения политических сил, эксплуатирующих националистическую риторику, к власти в обеих странах.

Источники и литература

Владата одлучи скопскиот аеродром да се вика «Меѓународен аеродром Скопје», автопатот «Александар Македонски» преименуван во

60 Заклучок за објавување на конечни резултати и распределба на мандати за избор на пратеници во Собрание на РСМ. URL: https://drive.google.com/file/d/1WU-xSUKFCM_Zn66fBhtUmeE86Txcjn2s/view (дата обращения: 05.10.2020).

61 National elections — July 2019 // Ministry of Interior. URL: <https://ekloges.ypes.gr/current/v/home/en/parties/> (дата обращения: 05.10.2020).

62 См. например: Bulgaria sends memorandum to the Council on North Macedonia // БНР Radio Bulgaria. 09.17.20. URL: <https://bnr.bg/en/post/101342245/bulgaria-sends-memorandum-to-the-council-on-north-macedonia> (дата обращения: 05.10.2020).

Пријателство // 21TV. 06.02.2018. URL: <https://tv21.tv/mk/vladata-odluchi-aerodromot-da-se-vika-s/> (дата обращения: 05.10.2020).

Габер В. Името Македонија: историја, право, политика. Скопје: Југореклама, 2009. 446 с.

Донесување на амандманите XXXIII, XXXIV, XXXV и XXXVI на Уставот на Република Македонија // Собраније на Република Северна Македонија. URL: <https://www.sobranie.mk/materialdetails.nspx?materialId=63110a18-749c-4b78-951f-9a9c70c1fa87> (дата обращения: 05.10.2020).

Заклучок за објавување на конечни резултати и распределба на мандати за избор на пратеници во Собрание на РСМ. URL: https://drive.google.com/file/d/1WU-xSUKFCM_Zn66fBhtUmeE86Txcjn2s/view (дата обращения: 05.10.2020).

Изгласана одлука за референдум за името на 30 септември // Sitel. 30. July 2018. URL: <https://sitel.com.mk/izglasana-odluka-za-referendum-za-imeto-na-30-septemvri> (дата обращения: 05.10.2020).

Квашин Ю. Македонский вопрос в современной греческой политике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 66–74.

Колосков Е. А. Александр Великий в контексте греко-македонского спора о наименовании // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 4. С. 102–108.

Конечна спогодба за решавање на разликите опишани во резолуциите 817 (1993) и 845 (1993) на Советот за безбедност на Обединетите Нации, за престанување на важноста на Привремената спогодба од 1995 г. и за воспоставување на стратешко партнерство меѓу страните. URL: http://vlada.mk/sites/default/files/dokumenti/konechna_sporogodba_makedonija_grcija.pdf (дата обращения: 05.10.2020).

Криминалниот проект Скопје 2014 е опасен и ги загрозува граѓаните, со Законот за ЈО одговорност ќе има за оние што смислиле и направиле // СДСМ. URL: <https://sds.org.mk/soopstenija/4088> (дата обращения: 05.10.2020).

Ломоносов М. Ю. «Кому принадлежит Македония?»: Политические споры о «государствообразующих нациях» и этноисторические мифы албанцев и македонцев в 1990-х — начале 2000-х гг. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 154–158.

Предлог за пристапување кон измена на Уставот на Република Македонија // Собраније на Република Северна Македонија. URL: <https://www.sobranie.mk/materialdetails.nspx?materialId=8969af8a-faa3-4b21-bb22-4eef5c31e768> (дата обращения: 05.10.2020).

Презентиран проектот «Скопје 2014» // ВМРО-ДПМНЕ, 5 февруари 2010 г. URL: <http://vmro-dpmne.org.mk/mk/zapis.asp?id=5700> (дата обращения: 05.10.2020).

Решение за објава на Одлуката за отпочнување постапка за подигање на споменик на Александар Македонски // Скопје 2014 под лупа. URL: <http://skopje2014.prizma.birn.eu.com/img/reshenie-za-aleksandar-makedonski.jpg> (дата обращения: 05.10.2020).

Скопје 2014: Карикатура на европскиот град // Окно.mk. URL: <https://okno.mk/node/17870> (дата обращения: 05.10.2020).

Скопје 2014 под лупа. URL: <http://skopje2014.prizma.birn.eu.com/> (дата обращения: 05.10.2020).

Скулптури на Мост на уметноста // Скопје 2014 под лупа. URL: <http://skopje2014.prizma.birn.eu.com/mk/skulpturi-na-most-na-umetnosta> (дата обращения: 05.10.2020).

Текст на нацрт — Амандманите XXXIII, XXXIV, XXXV и XXXVI на Уставот на Република Македонија // Собраније на Република Северна Македонија. URL: <https://www.sobranie.mk/materialdetails.nspx?materialId=f1cbb328-a12f-45ff-b7d8-db5df65b527a> (дата обращения: 05.10.2020).

Целата македонска историја на Порта Македонија // Вечер. 04.12.2011. URL: <http://veser.mk/makedonija/cela-makedonska-istorija-na-porta-makedonija> (дата обращения: 05.10.2020).

190. Применение Временного соглашения от 13 сентября 1995 года (Бывшая югославская Республика Македония против Греции). Решение Международного Суда от 5 декабря 2011 года // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 2008–2012 годы. Нью-Йорк: ООН, 2014. С. 285–298. URL: <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-2008-2012-ru.pdf> (дата обращения: 05.10.2020).

A stir over name of Skopje's airport // Kathimerini. Friday 29 December 2006. URL: http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_politics_100006_29/12/2006_78322 (дата обращения: 05.10.2020).

Barber T. Macedonia calls for pressure on Greece in name dispute // Financial Times. 3 December 2013. URL: <https://www.ft.com/content/be086f5a-5bf7-11e3-931e-00144feabd00#axzz2oP0VLSmk> (дата обращения: 05.10.2020).

Bechev D. What next after the failed Macedonian referendum? // Al Jazeera. 2 Oct 2018. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/failed-macedonian-referendum-181001185416308.html> (дата обращения: 05.10.2020).

Brunnbauer U. Zwischen Eigensinn und Realitätsflucht: «Skopje 2014» als Bau an der Nation // OST-WEST Europäische Perspektiven. 2015. Bd. 16 (1). F. 26–35.

Bucharest Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008. Par. 20. URL: http://www.summitbucharest.ro/en/doc_202.html (дата обращения: 05.10.2020).

Bulgaria sends memorandum to the Council on North Macedonia // БНР Radio Bulgaria. 9/17/20. URL: <https://bnr.bg/en/post/101342245/bulgaria-sends-memorandum-to-the-council-on-north-macedonia> (дата обращения: 05.10.2020).

Frckoski L. D. The character of the name dispute between Macedonia and Greece. Skopje: Progres Institute for Social Democracy, Friedrich-Ebert-Stiftung, Büro Mazedonien, 2009. 16 p.

Gallagher T. The Balkans in the New Millennium: In the Shadow of War and Peace. London; New York: Routledge, 2005. 252 p.

Graan A. Counterfeiting the nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia // *Cultural Anthropology*. 2013. Vol. 28 (1). P. 22–55.

Greece resumes flights to Macedonia after 12-year pause // BBC news. 1 November 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-46064986> (дата обращения: 05.10.2020).

Greece suggest «Slavic-Albanian Macedonia» to end dispute // b92, October 29, 2013. URL: https://www.b92.net/eng/news/region.php?yuyu=2013&mm=10&dd=29&nav_id=88159 (дата обращения: 05.10.2020).

Greek MPs pass Prespes deal with 153 votes in 300-seat House // Kathimerini. 25.01.2019. URL: <http://www.ekathimerini.com/236998/article/ekathimerini/news/greek-mps-pass-prespes-deal-with-153-votes-in-300-seat-house> (дата обращения: 05.10.2020).

Lozanovska M. Post-communism and the monstrous: Skopje 2014 and the other political tales // *Architecture and Ugliness: Anti-Aesthetics and Ugly in Postmodern Architecture* / ed. by W. van Acher and T. Mical. London; New York, Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Visual Arts, 2020. P. 107–124.

Macedonia's Albanian-Language Bill Becomes Law // Radio Free Europe. URL: <https://www.rferl.org/a/macedonia-s-albanian-language-bill-becomes-law/29711502.html> (дата обращения: 05.10.2020).

Macedonia's Ruling SDSM Claims Victory In Municipal Elections After Early Results // Radio Free Europe. October 16, 2017. URL: <https://www.rferl.org/a/macedonia-municipal-elections-zaev-albania/28795298.html> (дата обращения: 05.10.2020).

Marusic S. J. Bulgaria Sets Tough Terms for North Macedonia's EU Progress // *Balkan Insight*. October 10, 2019. URL: <https://balkaninsight.com/2019/10/10/bulgaria-sets-tough-terms-for-north-macedonias-eu-progress/> (дата обращения: 05.10.2020).

Marusic S. J. Most Macedonians Back 'Name' Deal // *Eurasia Review*. February 6, 2018. URL: <https://www.eurasiareview.com/06022018-most-macedonians-back-name-deal/> (дата обращения: 05.10.2020).

Marusic S. J. NATO Invites Macedonia to Join the Western Alliance // *Balkan Insight*. 11 July 2018. URL: <https://balkaninsight.com/2018/07/11/nato-invites-macedonia-to-join-the-western-alliance-07-11-2018/> (дата обращения: 05.10.2020).

Marusic S. J. Macedonia President Refuses to Sign Greece Name Deal // Balkan Insight. June 26, 2018. URL: <https://balkaninsight.com/2018/06/26/macedonia-president-refuses-to-sign-greece-name-deal-06-26-2018/> (дата обращения: 05.10.2020).

Mattioli F. Unchanging boundaries: the reconstruction of Skopje and the politics of heritage // International Journal of Heritage Studies. 2013. Vol. 20 (6). P. 599–615.

National elections — July 2019 // Ministry of Interior. URL: <https://ekloges.yypes.gr/current/v/home/en/parties/> (дата обращения: 05.10.2020).

North Macedonia joins NATO as 30th Ally // NATO. 27 Mar. 2020. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_174589.htm (дата обращения: 05.10.2020).

Pajaziti N. A «Skopje 2014» monument is removed // Independent Balkan News Agency. 22/02/2018. URL: <https://balkaneu.com/a-skopje-2014-monument-is-removed/> (дата обращения: 05.10.2020).

PMs to meet after ‘Macedonia’ name dispute rally in Greece // SBS News. 23/01/2018. URL: <https://www.sbs.com.au/news/pms-to-meet-after-macedonia-name-dispute-rally-in-greece> (дата обращения: 05.10.2020).

Referendum 2018: Public opinion poll in Macedonia. Skopje: Macedonian Center for International Cooperation, 2018. P. 11.

Revamping Skopje, Stones of Contention: Macedonia writes a new story for its capital // The Economist, 5 Jan. 2013. URL: <https://www.economist.com/books-and-arts/2013/01/05/stones-of-contention> (дата обращения: 05.10.2020).

Skopje authorities start to tear down nationalistic statues // themanews.com. URL: <http://en.protothema.gr/skopje-authorities-start-to-tear-down-nationalistic-statues/> (дата обращения: 05.10.2020).

Solution in sight for name dispute // Kathimerini. 14 June 2010. URL: http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_politics_100008_14/06/2010_117660 (дата обращения: 05.10.2020).

Stefoska I., Stojanov D. A tale in stone and bronze: old/new strategies for political mobilization in the Republic of Macedonia // Nationalities Papers. 2017. 45 (3). P. 356–369.

UN presents new proposals on Greece-Macedonia name dispute // The Washington Post. 01.17.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/un-presents-new-proposals-on-greece-macedonia-name-dispute/2018/01/17/cfb905f6-fbbd-11e7-9b5d-bbf0da31214d_story.html (дата обращения: 05.07.2020).

Utrinski Vesnik, Macedonia: Matthew Nimetz sets new round of name issue talks // FOCUS News Agency. 21 March 2014. URL: <http://www.focus-fen.net/news/2014/03/21/330532/utrinski-vesnik-macedonia-matthew-nimetz-sets->

new-round-of-name-issue-talks.html (дата обращения: 05.10.2020).

Vangeli A. Nation-building ancient Macedonian style: the origins and the effects of the so-called antiquization in Macedonia // *Nationalities Papers*. 2011. Vol. 39 (1). P. 13–32.

‘We have a deal’, Greek PM says over FYROM name row // *НКАΘΗΜΕΡΙΝΗ*. 12.06.2018/ URL: <http://www.ekathimerini.com/229552/article/ekathimerini/news/we-have-a-deal-greek-pm-says-over-fyrom-name-row> (дата обращения: 05.10.2020).

References

“A stir over name of Skopje’s airport.” *Kathimerini*, 29 Dec. 2006, http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_politics_100006_29/12/2006_7832. Accessed 05 Oct. 2020.

Barber, T. “Macedonia calls for pressure on Greece in name dispute.” *Financial Times*, 03 Dec. 2013, <https://www.ft.com/content/be086f5a-5bf7-11e3-931e-00144feabdc0#axzz2oP0VLSmk>. Accessed 05 Oct. 2020.

Bechev, D. “What next after the failed Macedonian referendum?” *Al Jazeera*, 02 Oct. 2018, <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/failed-macedonian-referendum-181001185416308.html>. Accessed 05 Oct. 2020.

Brunnbauer, U. “Zwischen Eigensinn und Realitätsflucht: «Skopje 2014» als Bau an der Nation.” *OST-WEST Europäische Perspektiven*, vol. 16, no. 1, pp. 26–35.

“Bulgaria sends memorandum to the Council on North Macedonia.” *BNR Radio Bulgaria*, <https://bnr.bg/en/post/101342245/bulgaria-sends-memorandum-to-the-council-on-north-macedonia>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Celata makedonska istorija na Porta Makedonija.” *Večer*, 04 Dec. 2011, <http://vecer.mk/makedonija/cela-makedonska-istorija-na-porta-makedonija>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Donesuvanje na amandmanite XXXIII, XXXIV, XXXV i XXXVI na Ustavot na Republika Makedonija.” *Sobranije na Republika Severna Makedonija*, <https://www.sobranie.mk/materialdetails.nsp?materialId=63110a18-749c-4b78-951f-9a9c70c1fa87>. Accessed 05 Oct. 2020.

Frckoski, L. D. *The character of the name dispute between Macedonia and Greece*. Skopje: Progres Institute for Social Democracy, Friedrich; Ebert; Stiftung: Büro Mazedonien, 2009, 16 p.

Gaber, V. *Imeto Makedonija: istorija, pravo, politika*. Skopje: Jugoreklama, 2009, 446 p.

Gallagher, T. *The Balkans in the New Millennium: In the Shadow of War and Peace*. London, New York: Routledge, 2005, 252 p.

Graan, A. "Counterfeiting the nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia." *Cultural Anthropology*, vol. 28, no. 1, 2013, pp. 22–55.

"Greece resumes flights to Macedonia after 12-year pause." *BBC news*, 01 Nov. 2018, <https://www.bbc.com/news/world-europe-46064986>. Accessed 05 Oct. 2020.

"Greece suggest «Slavic-Albanian Macedonia» to end dispute." *b92*, 29 Oct. 2013, https://www.b92.net/eng/news/region.php?yyyy=2013&mm=10&dd=29&nav_id=88159. Accessed 05 Oct. 2020.

"Greek MPs pass Prespes deal with 153 votes in 300-seat House." *Kathimerini*, 25 Jan. 2019, <http://www.ekathimerini.com/236998/article/ekathimerini/news/greek-mps-pass-prespes-deal-with-153-votes-in-300-seat-house>. Accessed 05 Oct. 2020.

"Izglasana odluka za referendum za imeto na 30 septemvri." *Sitel*, 30 July 2018, <https://sitel.com.mk/izglasana-odluka-za-referendum-za-imeto-na-30-septemvri>. Accessed 05 Oct. 2020.

Koloskov, E. A. "Aleksandr Velikiĭ v kontekste greko-makedonskogo spora o naimenovanii." *Vestnik SPbGU. Ser. 2*, vol. 4, 2011, pp. 102–108.

"Kriminalniot projekt Skopje 2014 e opasen i gi zagrozuva graĝanite, so Zakonot za JO odgovornost ke ima za onie što smislile i napravile." *SDSM*, <https://sds.org.mk/soopstenija/4088>. Accessed 05 Oct. 2020.

Kvashnin, Iu. "Makedonskiĭ vopros v sovremennoiĭ grecheskoĭ politike." *Mirovaia ėkonomika i mezhduнародnye otnosheniia*, vol. 63, no. 2, 2019, pp. 66–74.

Lomonosov, M. Iu. "«Komu prinadlezhit Makedoniia?»: Politicheskie spory o «gosudarstvooobrazuiushchikh natsiiakh» i ėtnoistoricheskie mify albantsev i makedontsev v 1990-kh – nachale 2000-kh gg." *Slavianskiĭ mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavianskoĭ pis'mennosti i kul'tury*, ed. by E. S. Uzeneva, O. V. Xavanova, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2019, pp. 154–158.

Lozanovska, M. "Post-communism and the monstrous: Skopje 2014 and the other political tales." *Architecture and Ugliness: Anti-Aesthetics and Ugly in Post-modern Architecture*, ed. by W. van Acher, T. Mical, London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Visual Arts, 2020, pp. 107–124.

"Macedonia's Albanian-Language Bill Becomes Law." *Radio Free Europe*, <https://www.rferl.org/a/macedonia-s-albanian-language-bill-becomes-law/29711502.html>. Accessed 05 Oct. 2020.

"Macedonia's Ruling SDSM Claims Victory In Municipal Elections After Early Results." *Radio Free Europe*, 16 Oct. 2017, <https://www.rferl.org/a/macedonia-municipal-elections-zaev-albania/28795298.html>. Accessed 05 Oct. 2020.

Marusic, S. J. "Bulgaria Sets Tough Terms for North Macedonia's EU Progress." *Balkan Insight*, 10 Oct. 2019, <https://balkaninsight.com/2019/10/10/bulgaria-sets-tough-terms-for-north-macedonias-eu-progress/>. Accessed 05 Oct. 2020.

Marusic, S. J. “Macedonia President Refuses to Sign Greece Name Deal.” *Balkan Insight*, 26 June 2018, <https://balkaninsight.com/2018/06/26/macedonia-president-refuses-to-sign-greece-name-deal-06-26-2018/>. Accessed 05 Oct. 2020.

Marusic, S. J. “Most Macedonians Back ‘Name’ Deal.” *Eurasia Review*, 06 Febr. 2018, <https://www.eurasiareview.com/06022018-most-macedonians-back-name-deal/>. Accessed 05 Oct. 2020.

Marusic, S. J. “NATO Invites Macedonia to Join the Western Alliance.” *Balkan Insight*, 11 July 2018, <https://balkaninsight.com/2018/07/11/nato-invites-macedonia-to-join-the-western-alliance-07-11-2018/>. Accessed 05 Oct. 2020.

Mattioli, F. “Unchanging boundaries: the reconstruction of Skopje and the politics of heritage.” *International Journal of Heritage Studies*, vol. 20, no. 6, 2013, pp. 599–615.

“National elections – July 2019.” *Ministry of Interior*, <https://ekloges.ypes.gr/current/v/home/en/parties/>. Accessed 05 Oct. 2020.

“North Macedonia joins NATO as 30th Ally.” *NATO*, 27 March 2020, https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_174589.htm. Accessed 05 Oct. 2020.

Pajaziti, N. A. “«Skopje 2014» monument is removed.” *Independent Balkan News Agency*, 22 Febr. 2018, <https://balkaneu.com/a-skopje-2014-monument-is-removed/>. Accessed 05 Oct. 2020.

“PMs to meet after ‘Macedonia’ name dispute rally in Greece.” *SBS News*, 23 Jan. 2018, <https://www.sbs.com.au/news/pms-to-meet-after-macedonia-name-dispute-rally-in-greece>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Predlog za pristapuvanje kon izmena na Ustavot na Republika Makedonija.” *Sobranije na Republika Severna Makedonija*, <https://www.sobranie.mk/materialdetails.nsp?materialId=8969af8a-faa3-4b21-bb22-4eef5c31e768>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Prezentiran proektot «Skopje 2014».” *VMRO-DPMNE*, 05 Febr. 2010, <http://vmro-dpmne.org.mk/mk/zapis.asp?id=5700>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Primenenie Vremennogo soglasheniia ot 13 sentiabria 1995 goda (Byvshaia iugoslavskaiia Respublika Makedoniiia protiv Gretsii) reshenie Mezhdunarodnogo Suda ot 5 dekabria 2011 goda.” *Kratkoe izlozhenie resheniï, konsul'tativnykh zakliuchenii i postanovlenii Mezhdunarodnogo Suda 2008–2012 gody*. New York: UN, 2014, p. 285–298, <https://www.icj-cij.org/files/summaries/summaries-2008-2012-ru.pdf>. Accessed 05 Oct. 2020.

Referendum 2018: Public opinion poll in Macedonia. Skopje: Macedonian Center for International Cooperation, 2018, 11 p.

“Rešenje za objava na Odlukata za otpočnuvanje postapka za podiganje na spomenik na Aleksandr Makedonski.” *Skopje 2014 pod lupa*, <http://skopje2014.prizma.birn.eu.com/img/reshenie-za-aleksandar-makedonski.jpg>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Revamping Skopje, Stones of Contention: Macedonia writes a new story for its capital.” *The Economist*, 05 Jan. 2013, <https://www.economist.com/books-and-arts/2013/01/05/stones-of-contention>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Skopje 2014: Karikatura na evropskiot grad.” *Okno.mk*, <https://okno.mk/node/17870>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Skopje authorities start to tear down nationalistic statues.” *themanews.com*, <http://en.protothema.gr/skopje-authorities-start-to-tear-down-nationalistic-statues/>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Skulpturi na Most na umetnosta.” *Skopje 2014 pod lupa*, <http://skopje2014.prizma.birn.eu.com/mk/skulpturi-na-most-na-umetnosta>. Accessed 05 Oct. 2020.

“Solution in sight for name dispute.” *Kathimerini*, 14 June 2010, http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_politics_100008_14/06/2010_117660. Accessed 05 Oct. 2020.

Stefoska, I., Stojanov, D. “A tale in stone and bronze: old/new strategies for political mobilization in the Republic of Macedonia.” *Nationalities Papers*, vol. 45, no. 3, 2017, pp. 356–369.

“Tekst na nacrt – Amandmanite XXXIII, XXXIV, XXXV i XXXVI na Ustavot na Republika Makedonija.” *Sobranije na Republika Severna Makedonija*, <https://www.sobranie.mk/materialdetails.nsp?materialId=f1cbb328-a12f-45ff-b7d8-db5df65b527a>. Accessed 05 Oct. 2020.

“UN presents new proposals on Greece-Macedonia name dispute.” *The Washington Post*, 17 Jan. 2018, https://www.washingtonpost.com/world/europe/un-presents-new-proposals-on-greece-macedonia-name-dispute/2018/01/17/cfb905f6-fbbd-11e7-9b5d-bbf0da31214d_story.html. Accessed 05 July 2020.

“Utrinski Vesnik, Macedonia: Matthew Nimetz sets new round of name issue talks.” *FOCUS News Agency*, 21 March 2014, <http://www.focus-fen.net/news/2014/03/21/330532/utrinski-vesnik-macedonia-matthew-nimetz-sets-new-round-of-name-issue-talks.html>. Accessed 05 Oct. 2020.

Vangeli, A. “Nation-building ancient Macedonian style: the origins and the effects of the so-called antiquization in Macedonia.” *Nationalities Papers*, vol. 39, no. 1, 2011, pp. 13–32.

“Vladata odluči skopskiot aerodrom da se vika «Međunaroden aerodrom Skopje», avtopatot «Aleksandar Makedonski» preimenuvan vo Prijateljstvo.” *21TV*, 06 Febr. 2018, <https://tv21.tv/mk/vladata-odluchi-aerodromot-da-se-vika-s/>. Accessed 05 Oct. 2020.

“‘We have a deal,’ Greek PM says over FYROM name row.” *H KATHIMERINI*. 12 June 2018, <http://www.ekathimerini.com/229552/article/ekathimerini/news/we-have-a-deal-greek-pm-says-over-fyrom-name-row>. Accessed 05 Oct. 2020.

From Bucharest to Prespa: Macedonian naming dispute in 2008–2018

Evgenii A. Koloskov

Candidate of History, Associate Professor

Saint Petersburg State University

191160, 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: e.koloskov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-8123-2924

Citation

Koloskov E. A. From Bucharest to Prespa: Macedonian naming dispute in 2008–2018 // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 207–232 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.1.10

Received: 07.10.2020.

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project № 19-0900163.

Abstract

The article is devoted to the second stage of the Macedonian naming dispute. I continue my research on the actual memory war between Athens and Skopje. The article focuses on the period from the 2008 NATO summit in Bucharest to the signing of the Prespan Agreement in 2018. I research the key points, the main factors of the conflict, especially the role of the international mediators and the internal political situation in two countries. I propose a new version of the periodization of the Macedonian naming dispute. I paid special attention to the process of the “antiquization” in Macedonia during the period when VMRO-DPMNE was in power and to the canceling of it after the transit of power to the SDSM. Conclusions are drawn about the future for reconciliation in view of the difficult foreign policy situation in the region and in both countries. Considering that in Greece the compromise with Skopje became one of the reasons for the transition to the opposition to SYRIZA, and in North Macedonia of the apparent weakening of the position of the ruling party, the negative potential of the Greco-Macedonian dispute over the state name has not been fully exhausted.

Keywords

North Macedonia, Greece, Prespa agreement, history policy, memory wars.

УДК 9(94)
DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.01

Баринов И. И.

«Натурализованный сын Белоруссии»: загадка доктора Дитмана

Баринов Игорь Игоревич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: barinovnoble@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. «Натурализованный сын Белоруссии»: загадка доктора Дитмана // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 233–253.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.01

Статья поступила в редакцию 23.11.2020.

Аннотация

В статье рассматривается биография Валентина Дитмана, юриста и политика балтийско-немецкого происхождения, ставшего советником дипломатической миссии Белорусской народной республики (БНР) в Берлине. При непосредственном участии Дитмана была опубликована немецкоязычная брошюра «Белоруссия», долгое время служившая в Германии основным источником сведений о названном регионе. В более широком контексте через призму жизни и деятельности Дитмана исследуется трансформация системы представлений и мотиваций бывших имперских элит после революции 1917 г. Стремление сохранить и по возможности улучшить свой социальный статус в условиях нестабильности заметно расширило для них границы допустимого. В частности, ранее лояльные трону представители образованных слоев могли изменить свои взгляды на саму идею «сильного государства». Теперь их позиция колебалась от федерализма до сотрудничества с теми, кто ранее признавался «сепаратистами». На примере Дитмана можно проследить своеобразный опыт «человека имперского» по совмещению унаследованного от предков элитистского сознания с национал-демократическими взглядами и локальным (бело)русским патриотизмом.

Ключевые слова

Российская империя, балтийские немцы, Белорусская народная республика, белорусское национальное движение, германо-белорусские отношения.

Осенью 1919 г. берлинский журналист Вальтер Егер писал предисловие к небольшой брошюре с длинным названием «Белоруссия. Страна, жители, история, народное хозяйство, культура, поэзия». Уже в первых строках автор сетовал, что немецкая литература по белорусской тематике «невероятно скудна». Разбирая причины того, почему информацию приходится собирать буквально по крупичкам, он отметил, что Белоруссия воспринималась немцами вместе с «коренным образом отличающейся от нее Литвой», или же как ее «незначительный придаток». По словам Егера, лишь события новейшего времени позволили четко разделить их. В этой связи он особо выделял роль «доктора фон Дитмана, адвоката из Гродно», которому был обязан своим появлением как исторический раздел брошюры, так и ее выход в свет¹.

В реальности Валентин Дитман не был профессиональным историком. До определенного момента ничто не связывало его и с Беларуссией, кроме того, что в свое время его отец два года прослужил врачом в Полоцкой военной гимназии. Революционные потрясения 1917–1918 гг. сделали из неудавшегося чиновника и провинциально-го юриста дипломатического представителя Белорусской народной республики (БНР). Находясь в Берлине, Дитман консультировал руководителей нового государства и организовал для него первую информационную кампанию. Оценивая его заслуги, глава белорусской дипломатической миссии Леонард Заяц назвал Дитмана «натурализованным сыном Беларуссии»².

Карьера Дитмана оказалась прервана его неожиданным увольнением из дипкорпуса БНР, после чего он бесследно исчез. Вместе с неподдельной вовлеченностью в дело белорусской государственности это стало его настоящей загадкой. Дитман чем-то неосознано напомнил другого белорусского активиста немецкого происхождения, Эдмунда Зуземиля, у которого также неизвестны даже время и место смерти.

1 Weissruthenien. Hrsg. v. W. Jaeger. Berlin, 1919. S. 3–4.

2 *Сакалоўскі У.* Надзвычайная місія БНР у Нямецчыне (1919–1925) // *Arche*. 2009. № 3. С. 252.

Как представляется, подобный поворот в судьбе Дитмана стал результатом стечения обстоятельств, как случайных и неожиданных для него самого, так и обусловленных особенностями его личности.

Будущий дипломат родился 18 декабря 1878 г. в Петербурге в балтийско-немецкой семье. Его дед, выходец из Пруссии Александр Фридрих Дитман, сделал в России преподавательскую карьеру и выслужил дворянство. Отец Валентина, медик Вольдемар (Владимир Александрович) Дитман, был женат три раза и имел в общей сложности 13 детей. Валентин был одним из сыновей от второго брака. Большая семья жила в центре Петербурга, на улице Троицкой (ныне Рубинштейна), дом 5. Через четыре дома жил земляк, коллега и тезка отца семейства, Вольдемар Рипке. Его дети и племянники ходили в ту же школу, что и Дитманы. Из этой семьи происходил Аксель Рипке, в будущем известный в Германии «эксперт по России» и нацистский гауляйтер.

Стоит отметить, что мироощущение молодого Валентина складывалось под влиянием нескольких важных факторов. Долгое время остзейские провинции в составе Российской империи обладали фактической автономией, основанной на паритете местных немецких элит и правящей династии. Благодаря этому балтийские немцы сохраняли традиционный уклад жизни и структуру общественных отношений. Постепенная ревизия старых порядков со стороны центральных властей и вовлечение региона в общеимперскую жизнь в ходе русификации вызвали у балтийских немцев неоднозначную реакцию. Консервативная часть остзейского общества перешла к пассивному сопротивлению. Напротив, более либеральные балтийцы стали рассматривать империю через призму карьерных возможностей. В этом случае балтийские немцы глубоко интегрировались в общеимперское / русскоязычное пространство, при этом их «балтийскость» вытеснялась в сферу частного.

Похожую стратегию в свое время осуществили и Дитманы. Представители этой семьи были преподавателями, медиками и военными, что обеспечивало их вхождение в имперскую элиту. Вместе с тем они сохраняли традиционное балтийское мировоззрение. Одним из его элементов было восприятие Российской империи как династической федерации, состоявшей из множества различных регионов, а не жестко централизованного государства. Сюда же добавилось характерное для остзейских немцев представление о себе как проводниках «высокой» культуры для менее развитых общностей. Особый элитный статус балтийцев, до определенного момента признававшийся властями, закреплял этот идейно-психологический комплекс.

С другой стороны, окружавшая Валентина повседневность всегда носила некоторый оттенок инаковости. Вольдемар Дитман, выпускник Дерптского университета, в какой-то момент обратился к альтернативной медицине. Его перу принадлежит масса публикаций на тему гомеопатии, включая открытые письма в ее защиту. Помимо этого, семья Дитманов играла заметную роль в петербургской «Общине апостолов последних дней». В литературе она именуется «сектой ирвингиан», последователей английского проповедника Эдварда Ирвинга. Так, долгие годы ее предстоятелем был дядя Валентина, Виктор Дитман, затем это место занял сын последнего, Александр. Его заместителем, в свою очередь, был Герберт Дитман, сводный брат Валентина. Ирвингиане преследовались властями как до революции, так и после нее. Организация, в которой активно участвовали дочери Александра Дитмана, Вера и Ольга, была окончательно разгромлена уже в Ленинграде в декабре 1933 г.

Вероятно, все эти моменты пробудили у Валентина некое чувство особости, которое впоследствии давало о себе знать. Как бы то ни было, в 1897 г. он успешно окончил училище при лютеранской церкви Св. Анны, а 23 марта 1901 г. получил свидетельство о прохождении полного курса юридического факультета Петербургского университета³. Мы не знаем, как проходили следующие четыре года жизни молодого выпускника. Официальный послужной список Валентина Дитмана начинается в феврале 1905 г., когда его приняли на место младшего кандидата, а затем секретаря гражданского отделения Митавского окружного суда. Прослужив меньше года, Дитман в январе 1906 г. перешел на должность кандидата в Виленское губернское присутствие. Уже через полтора месяца он получил назначение в Гродненскую губернию, где до июня 1907 г. служил по земской части последовательно в Ошмянском, Гродненском и Сокольском уездах. К этому же периоду относится его короткий и неудачный брак с польской дворянкой Марией Родович. Подав на развод в 1905 г., бывшие супруги дождались его лишь в феврале 1907 г.⁴

Уволившись со службы, Дитман поселился в Гродно. Судя по источникам, он открыл там частную практику⁵ и вел ничем не примечательную жизнь провинциального юриста. В это время Дитман вто-

3 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34488. Л. 11, 17.

4 РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3899. Л. 2, 8–11об.

5 Памятная книжка Гродненской губернии на 1910 год. Гродна, [1909]. С. 111.

рично женился на русской немке Изольде Константиновне, от которой имел пятерых детей. Их размеренное бытие было нарушено началом Первой мировой войны и эвакуацией перед наступающими германскими войсками. Судя по месту рождения младшего ребенка, семья провела ее в Киевской губернии. Скучность освещения этого периода жизни Дитмана связана с плохой сохранностью источников.

Революция 1917 г. в России обозначила не только политические перемены, но и переворот общественного сознания. В первую очередь это коснулось национальных групп. Как в тылу, так и на фронте возникали многочисленные национальные организации — украинские полки, белорусские рады, мусульманские комитеты. Их участники, заново осознавая себя, стремились к политической, культурной и иным формам автономии. С другой стороны, революционные потрясения носили экзистенциальный характер. Карьерные и жизненные пути могли сопровождаться самыми неожиданными поворотами. Герои времени могли делать головокружительные карьеры, как адвокат Александр Керенский или беллетрист Владимир Винниченко, летом 1917 г. ставшие главами правительств России и Украины. Напротив, представители «старых» элитных групп по разным причинам могли выпасть из новой общественной структуры и потерять свое положение, а то и жизнь. В этом отношении стремление сохранить, упрочить или даже поднять свой статус в изменившихся условиях порождало самые неожиданные стратегии поведения. При этом определяющими здесь могли быть как национальные побуждения, так и вопрос социальных гарантий.

Все описанные события не могли пройти мимо Дитмана. По рождению и роду занятий он был частью прежней элиты, а его специфическое происхождение добавляло к этому элемент избранности. Помимо этого, Дитману, очевидно, была небезразлична судьба его новой родины. Еще до окончания германской оккупации он вернулся в Гродно, где стал членом Гродненской русской управы. Эта организация возникла в конце октября 1918 г. как небольшая группа бывших российских чиновников, военных и представителей православного духовенства. Свою задачу управа видела в объединении местного русского населения «с целью защиты собственных национальных, религиозных и общественных интересов». По инициативе управы была начата подготовка съезда православного населения Гродненской губернии, который открылся 1 декабря 1918 г.⁶

6 Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Гродзенская губернская ўправа // Берацейскі Хранограф. Брэст, 2010. Вып. 5. С. 125.

Затяжной кризис власти, начавшийся в последние годы существования Российской империи, в конечном итоге привел к дисфункции государства. Экстремальный опыт революции и гражданской войны на ходу создавал новые мотивации и расширял границы возможного. Конечная цель и механизмы ее достижения на первый взгляд казались несоотносимыми. В частности, германские военнопленные в России могли присоединиться к большевикам не столько из-за политических убеждений, сколько по причине желания продолжать войну с Антантой, сражаясь против союзных ей белых армий. С другой стороны, в условиях упомянутого кризиса трансформировалась сама идея сильного государства. Так, у сторонников концепции «единой и неделимой России» оказывалось немало претензий к монархии, бывшему символу государственной мощи. В этом отношении те, кто ставил во главу угла сакральную фигуру государя, неизбежно оказывались маргиналами. При этом идея сохранения «большой страны» при условии ее федерализации активно обсуждалась самыми разными политическими силами бывшей империи не только в 1917 г., но и в дальнейшем. Другой вопрос, что, по мере укрепления власти большевиков, национально ориентированные политики призывали пересмотреть отношения с Россией, видя в организаторах нового режима наследников и продолжателей имперского централизма.

Как указывал американский историк Марк фон Хаген, именно эти события оказали заметное влияние на становление национальных историографий. В центре внимания неизменно оказывались собственные страны, тогда как империя описывалась лишь для того, чтобы подчеркнуть ее историческую обреченность. Из-за этого идеи федералистов о создании многонационального государства с широкой местной автономией, сохраняющего экономический и политический статус великой державы, были преданы забвению. При этом попытки реализации подобного проекта действительно были, и происходили они уже после распада империи на ее окраинах⁷.

В случае Гродненской управы мы можем видеть если не попытку подобной трансформации, то по крайней мере декларацию о намерениях. С одной стороны, в ней присутствуют элементы старого имперского дискурса, такие как защита «русскости» в условиях «польской угрозы». Опять же в духе прежней традиции Гродненщина «воображалась» как

⁷ Хаген М. фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 26–27.

(бело)русская, причем эти понятия в представлении руководства управы не исключали, а, наоборот, дополняли друг друга. В итоге управа была переименована в «белорусскую», и в этом опять же не было противоречия. Вместе с тем показательно, что вопрос существования независимой Белоруссии не рассматривался по причине экономической, а не политической нецелесообразности. Не менее примечательно, что заключительная резолюция съезда провозглашала демократические ценности «свободы, равенства и братства», а также приветствовала национальное единение православных и католиков⁸.

Весь этот комплекс нашел свое отражение в докладе Дитмана, сделанном им на съезде. Сама риторика выступавшего говорит о том, что он был знаком с дискуссиями конца 1917 г., когда в Минске обсуждалось будущее белорусских земель. Звучавшая на Всебелорусском съезде идея о независимости Белоруссии воспринималась достаточно враждебно как способная поколебать завоевания «единого фронта российской революции»⁹. Можно с уверенностью полагать, что Дитман был сторонником федерации с демократической Россией. Отвечая на возражения представителей Белорусского комитета, он отметил, что они в рассуждениях о независимом государстве отталкиваются лишь от языковых различий, не называя других факторов для его существования. Высказываясь за объединение Гродненщины с Литвой на правах автономии, Дитман предвидел советско-польское столкновение на белорусской территории и осознавал, что никакой реальной федерации с национальным литовским государством не получится. Именно поэтому оратор назвал этот шаг «наименьшим из зол» в текущей ситуации и предложил заранее не решать судьбу «большой Белоруссии». В этом смысле называть руководителей Гродненской управы «вчерашними русификаторами», стремившимися получить финансовую помощь от литовского правительства¹⁰, было бы грубым передергиванием.

Тем временем события подтверждали опасения Дитмана. Через месяц после упомянутой дискуссии, 6 января 1919 г., Вильна была занята частями Красной армии. В это же время (18 января) в Париже стартовала мирная конференция, которая должна была решить судьбу послевоенной Европы. В феврале в Гродно появился польский комиссар, объявивший, что город скоро займет польская армия. Это соответствовало фактическому распоряжению французского маршала

8 Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Гродзенская губернская ўправа. С. 126–127.

9 Чарнякевіч А. БНР: триумф побежденных. Минск, 2018. С. 35–40.

10 Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Гродзенская губернская ўправа. С. 126–127.

Фоша, по которому польским войскам надлежало максимально занять бывшую зону германской оккупации, чтобы не допустить продвижения большевиков¹¹.

Не желая дожидаться развязки, Дитман покинул Гродно вместе с отступающими германскими войсками и в феврале 1919 г. прибыл в Берлин. Не найдя там работу по специальности, он занялся журналистикой¹². Месяц спустя по тому же маршруту отправились деятели Белорусской народной республики (БНР), провозглашенной еще в марте 1918 г. Их главной целью был Париж, где они планировали добиться международного признания нового государства. Тем не менее из-за организационных и финансовых сложностей им пришлось задержаться в Берлине. В какой-то момент там возник временный политический центр, ставший передаточным звеном между Литвой, где находилась часть правительства БНР, и Парижем, где проходила мирная конференция¹³.

Стоит отметить, что среди белорусских представителей были люди с различными политическими взглядами. Так, дипломатическая миссия в Берлине по составу фактически была левой. Первый посол, Аркадий Смолич, в свое время принадлежал к Белорусской социалистической громаде. Сменивший его летом 1919 г. Леонард Заяц, а также сотрудники военного отдела Антон Борик и Ефим Белевич, были эсерами. Напротив, делегация БНР в Париже была в основном представлена правыми консерваторами, выходцами из старой имперской элиты. Очевидно, это был вынужденный шаг со стороны белорусов, таким образом стремившихся получить большую представительность. Члены делегации, в свою очередь, были связаны даже не с Белоруссией, а конкретно с Гродненской губернией. Среди них можно назвать Алексея Ознобишина, бывшего вице-губернатора, и Леонида Баркова, сына крупного чиновника губернского присутствия. Между ними приходилось балансировать главе белорусского правительства и одновременно министру иностранных дел Антону Луцкевичу.

Точно неизвестно, когда к этой разношерстной компании решил присоединиться Дитман. Его мотивация, однако, представляется вполне ясной. Стремление получить реальный или символический

11 *Richter K.* Einziger Beschützer vor der Gewalt der Polen: Kriegserfahrungen weißrussischer Soldaten in Grodno (1919) // *Jenseits des Schützengrabens: der Erste Weltkrieg im Osten.* Innsbruck, 2013. S. 351.

12 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 40. Л. 38.

13 Архівы БНР. Вільня, 1998. Т. 1. С. 631–633.

капитал подталкивала многих «бывших» представителей элиты присоединяться к новым политическим и национальным движениям. В этом отношении показателен случай Олега Васильковского. Генерал-майор русской армии, в свое время близкий к царскому двору, он рассчитывал стать главнокомандующим будущей белорусской армии. Вероятно, ради этого он безвозмездно выполнял поручения правительства БНР в Финляндии и даже начал писаться «Корчак-Крыница-Васильковский», по старой шляхетской традиции¹⁴. Несомненно, Барков и Ознобишин так же примкнули к белорусам, чтобы покинуть охваченный войной Гродно и сохранить свое общественное положение. Эта стратегия работала и на более низком уровне. Как следует из документов берлинской дипмиссии, паспорта БНР, закреплявшие некий правовой статус их владельца в эпоху постоянных потрясений, стремились получить все, кто имел хотя бы какое-то отношение к Белоруссии. В сложившейся ситуации бывший адвокат и неудавшийся чиновник видел идеальный социальный лифт.

С другой стороны, Дитману могли импонировать взгляды Луцкевича. Это имя он, вероятно, слышал еще в Гродно, где зимой 1918/19 гг. располагалось правительство БНР. Как известно, Луцкевич еще в 1916 г. озвучил идею политической и экономической конфедерации Литвы, Латвии, Белоруссии и Украины. На волне революции будущий глава белорусского кабинета допускал белорусскую автономию в составе России с надеждой на ее дальнейшую демократизацию¹⁵. Кроме того, свое влияние здесь оказал и локальный патриотизм Дитмана, много лет прожившего на Гродненщине и не видевшего ее в составе унитарной Польши или жестко централизованной России.

Как бы то ни было, в понедельник 4 августа 1919 г. Дитман оставил на имя Зайца заявление, в котором просил обеспечить ему подходящий пост в штате белорусской миссии. О себе Дитман сообщил, что владеет иностранными языками и имеет опыт работы в прессе. В тот же день (формально — с 1 августа) он был принят на должность референта по вопросам политики и прессы с жалованьем 1000 марок в месяц. На дополнительные траты (разъезды, работа стенографистки,

14 Тарасов К. А., Горный А. С. Между Беларусью и «Белой» Россией: генерал Васильковский в эмиграции // Нансеновские чтения 2019. СПб., 2020. С. 536–538.

15 Михалюк Д. Литовско-белорусские отношения на территории Ober-Ost в годы 1-й мировой войны (1915–1919) // Россия и Балтия. М., 2017. Вып. 8. С. 63–68.

представительские расходы) Дитману полагалось ежемесячно еще 400 марок. Позднее суммы были повышены до 1400 и 600 марок соответственно. Помимо прочего, новому сотруднику предстояло выполнять обязанности переводчика и не менее двух раз в месяц готовить для немецкой печати статьи о Белоруссии¹⁶.

Насколько можно судить, Дитман начал работать в пользу белорусской миссии еще до официального трудоустройства. Так, в июле 1919 г. берлинская «Вольная газета» опубликовала его большую статью «Возрождение Белоруссии»¹⁷. Следует отметить, что стремление «широко и детально осведомить и информировать германскую широкую публику» преобладало в деятельности Дитмана над политической ориентацией той или иной газеты¹⁸. Вместе с тем масштаб «пропаганды белорусского дела» был скромнее, чем его живописал пресс-атташе в своих отчетах. Так, в ноябре 1919 г. Дитман докладывал Зайцу, что установил «тесную связь» с «Немецкой всеобщей газетой», влиятельным правым изданием. По словам Дитмана, на его страницах стали печататься «все существенные новости в сфере политической и экономической жизни Белорусской народной республики»¹⁹. На самом деле за весь отчетный период газета поместила всего две небольших публикации на белорусскую тему²⁰. Публичные мероприятия тоже не отличались разнообразием. Из них Дитман упоминал лишь одно, состоявшееся 21 октября 1919 г. в берлинском отеле «Бристоль», где он выступал с докладом по «белорусскому вопросу» перед чиновниками германского МИДа и журналистами²¹.

Гораздо заметнее оказалась другая сторона деятельности Дитмана, а именно его участие в подготовке информационной брошюры «Белоруссия». Из-под его пера вышел исторический очерк, ставший центральным разделом издания. В его основе лежали «Короткая история Белоруссии» Вацлава Ластовского и «Основы белорусской государственности» Митрофана Довнар-Запольского. Развивая их идеи,

16 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 40. Л. 38–38об.

17 Weissrutheniens Auferstehung // Freie Zeitung, Nr. 71 (29.07.1919).

18 Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР у Нямецчыне (1919–1925). С. 247–249.

19 Там же. С. 250.

20 Die weißruthenische Volksrepublik // Deutsche Allgemeine Zeitung, Nr. 484 (4.10.1919). S. 1–2; Weißrutheniens und Litauens Kampf um die Unabhängigkeit // Deutsche Allgemeine Zeitung, Nr. 488 (6.10.1919). S. 1.

21 Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР у Нямецчыне (1919–1925). С. 250.

Дитман писал, что белорусские земли, входившие в Киевскую Русь, оставались автономными, имели собственных князей и национальное представительство (вече). При этом их политическое устройство сохраняло «чисто демократические тенденции», в отличие от Москвы с ее «азиатско-деспотичным» укладом.

Описывая дальнейший ход белорусской истории, автор подчеркивал, что белорусские княжества династическим путем вошли в состав Великого княжества Литовского, сохранив административно-правовую самостоятельность. В новообразованном государстве белорусы, к тому моменту уже имевшие развитую государственность, богатую письменную традицию и оживленные торговые сношения с Западной Европой, сразу заняли ведущее положение. Так продолжалось до 1569 г., когда Литва вошла в состав Речи Посполитой. С этого момента началась борьба между «польским империализмом» и «глубоким чувством свободы» белорусов.

Воспользовавшись слабостью соседа, белорусские земли поглотила Российская империя. Самодержавная политика Романовых, по Дитману, не могла терпеть даже скромной автономии. Было прекращено действие Литовского статута, «блистательного свидетельства белорусского государственного строительства», а вместо него были введены русские законы, противоречившие «правовому сознанию белоруса». Вплоть до самой революции царское правительство, как отмечалось в очерке, стремилось задуть любой росток белорусской национальной жизни. Провозглашение БНР 25 марта 1918 г. «пробудило к жизни народ, которого столетиями лишали любой возможности национального развития»²².

Опубликованная осенью 1919 г. «Белоруссия» стала уникальным для Германии изданием, полностью посвященным белорусской тематике. Дитман, в свою очередь, первым из немецкоязычных авторов изложил непрерывную версию белорусской истории. Вплоть до появления в 1943 г. одноименной монографии Ойгена фон Энгельгардта текст Дитмана оставался для немецкого читателя одним из немногих источников информации о Белоруссии.

Продолжая анализировать данный очерк, следует выделить еще несколько важных моментов. Во-первых, можно заметить, что, воспроизводя национальный исторический нарратив, Дитман модернизировал события в духе собственных федералистских и демократических взглядов. Похожие высказывания встречаются и в его отчетах. Как указывал Дитман, он стремился продвинуть в прессе идею о том,

22 [Dittmann V.] Die Geschichte // Weissruthenien. S. 33–51.

что «поддержка белорусского народа» была в интересах «демократической Германии» и в будущем помогла бы ей в борьбе с «империализмом Западной Европы». С другой стороны, здесь присутствовал российский фактор. После окончания войны Германия и Россия, воевавшая на стороне Антанты, но заключившая сепаратный мир, фактически оказались в одном лагере, что наметило их сближение. В этой связи Дитман подчеркивал, что «желанный союз с Россией возможен лишь с помощью и через Белорусскую народную республику»²³. Вероятно, автор разделял идею, распространенную среди антибольшевистских политиков. Согласно ей, установление советской власти стало проявлением «болезни» общества и имело временный характер. В этом смысле Дитман был близок к «непредрежденцам», считавшим, что вопрос о будущем общественно-политическом строе России нужно решать только после ее освобождения от большевизма.

Наконец, свою роль здесь сыграло характерное для Дитмана ощущение собственной особенности и важности возложенной на него задачи. 13 ноября 1919 г. он подал рапорт на имя Зайца с просьбой препроводить его Луцкевичу. В своем обращении Дитман отмечал, что «неоднократно удостоивался одобрения и благодарности», однако скромная должность не давала ему «свободы, инициативы и личного престижа». В этой связи он просил поддержать его ходатайство о предоставлении вакантной должности советника. По словам Дитмана, связанные с новой должностью «общественное положение и служебные права» облегчили бы его «ответственную политическую работу» работу в виду ухода Зайца с поста главы миссии. Кроме того, указывая на свое значение как «помощника и ближайшего сотрудника» для нового руководителя, Дитман подчеркивал, что ему необходим пост, «обеспечивающий личное и материальное положение и дающий необходимый престиж в глазах германского общества». Через пять дней, 18 ноября, Заяц оставил на прошение положительную резолюцию. При этом он отметил, что в таком случае миссию должен возглавить «известный в деле национального возрождения белорусский деятель»²⁴.

Дальнейшие события развивались стремительно и совершенно не в том ключе, как их представлял себе Дитман. Так, вероятные претенденты на место Зайца были отрезаны от Германии и к тому же были втянуты в политические баталии внутри белорусского дви-

23 *Сакалоўскі У.* Надзвычайная місія БНР у Нямецчыне (1919–1925). С. 248.

24 Там же. С. 252–253.

жения. В первую очередь они касались будущего устройства БНР. Глава кабинета Луцкевич, со своей стороны, допускал федерацию Белоруссии с Польшей. Напротив, ряд белорусских деятелей, прежде всего секретарь Рады БНР Петр Кречевский и министр финансов Василий Захарко, выступили за независимое белорусское государство. Столкновение позиций в конечном итоге обусловило раскол Рады в середине декабря 1919 г. и формирование нового правительства во главе с Вацлавом Ластовским. На фоне этих событий должность главы берлинской миссии неожиданно занял Леонид Барков, до этого работавший в парижской делегации. Формально он перенял дела у Зайца 10 декабря 1919 г.²⁵, однако продолжал выполнять свои прежние обязанности, курсируя между Берлином и Парижем. Из-за этого в миссии установилось своеобразное двоевластие.

Чтобы уравновесить ситуацию, предполагалось перевести Дитмана на место Баркова. Данная идея была отклонена самой делегацией по причине нехватки средств²⁶. Дитман все же отправился в Париж в качестве дипломатического курьера. Для БНР эта должность имела особое значение в то время, когда центры белорусской политической жизни были отрезаны друг от друга линиями фронтов или границ. Тем не менее новый курьер получил совсем не тот прием, на который рассчитывал. Обстоятельства дела Дитман изложил в письме Луцкевичу от 4 января 1920 г. По его словам, по прибытии в Париж он сразу же поехал в расположение делегации — большую съемную квартиру в центре города. С собой у Дитмана был портфель, где находились два запечатанных пакета и сумма денег в 425 французских франков. Там его встретил Евгений Ладнов, заместитель Луцкевича как главы белорусской делегации, и пригласил выпить с дороги чашку кофе. Портфель Дитман оставил в прихожей и проследовал в столовую. Следом туда, по его словам, влетел член делегации Ознобишин, который стал осыпать прибывшего курьера беспричинными оскорблениями и затем выгнал его из помещения миссии. По совету Ладнова Дитман поселился в гостинице «Метрополь», а несколько позже, вернувшись в миссию, обнаружил свои вещи на лестнице, куда их выставил Ознобишин. Когда Дитман открыл портфель, то обнаружил, что пакеты и деньги исчезли. Как впоследствии выяснилось, Ознобишин изначально распорядился не пускать Дитмана²⁷.

25 Архівы БНР. Т. 1. С. 523.

26 Там же. С. 522.

27 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 22. Л. 106–107об.

Степень нелепости ситуации было трудно переоценить. Очевидно, из-за этого Дитманом овладели смешанные чувства. С одной стороны, он сразу же направил официальное письмо Ладнову, где заявил об ответственности Ознобишина²⁸. Вместе с тем по неясной причине Дитман вскоре покинул Францию и через Швейцарию выехал к своей семье в южнонемецкий Констанц. Оттуда он планировал вернуться в Париж, однако этому помешал приступ тяжелой болезни, о чем супруга Дитмана сообщила в миссию 19 января 1920 г.²⁹ В ответ из Берлина в Констанц 28 января было направлено письмо от имени Баркова. В нем говорилось, что с момента потери документов Дитман может считать себя «свободным ото всех обязанностей в рамках миссии». Также ему вменялось то, что он больше месяца пребывал вне службы, не имея при этом поручений от делегации. На основании этого берлинская миссия с 1 февраля расторгала с Дитманом «любые деловые взаимоотношения». 29 февраля Дитман получил в Берлине свой месячный оклад в 2000 марок в качестве выходного пособия³⁰. Такую же сумму, за вычетом 200 марок в качестве накладных расходов, ранее авансом получила его супруга³¹.

Благодаря документам, сегодня мы знаем формальную сторону данной ситуации. Плачевное финансовое положение заставило Луцкевича как министра иностранных дел 23 января 1920 г. распорядиться о сокращении штата берлинской миссии. 27 января Заяц и Барков уведомили его, что, среди прочих, будет уволен Дитман³². Здесь на себя обращают внимание некоторые, на первый взгляд, странные моменты. С одной стороны, всего за два месяца до того Заяц дал Дитману положительную характеристику, о чем сообщил Луцкевичу. Написанное «по горячим следам» объяснительное письмо Дитмана также было переслано Ладновым главе кабинета. Тем не менее реакции Луцкевича на это сообщение не последовало. Более того, как следует из письма берлинской миссии от 28 января, там не получали разъяснений Дитмана о парижском происшествии.

Картина начинает немного проясняться, если взглянуть на нее глазами Луцкевича. В условиях нараставшего кризиса внутри белорусского движения главе кабинета хотелось иметь на ключевом посту

28 Архівы БНР. Т. 1. С. 538.

29 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 22. Л. 98–98об.

30 Там же. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 40. Л. 22–23об.

31 Там же. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 22. Л. 104–105.

32 Архівы БНР. Т. 1. С. 621, 629.

своего человека, молодого и энергичного сотрудника, который смог бы противодействовать его политическим оппонентам. Так его выбор пал на Баркова. В октябре 1919 г. по распоряжению Луцкевича он был назначен представителем правительства БНР в Берлине с правами консула. Помимо прочего, в задачу Баркова входило «поддерживать национальную работу» между белорусами, находящимися в Германии, координировать информационное сопровождение и продвигать идею признания независимости Белоруссии, завязывая необходимые контакты с представителями других правительств и миссий³³.

На момент вступления в должность главы миссии Баркову исполнилось всего 27 лет. Тем не менее это был честолюбивый и амбициозный человек. До войны он успел окончить престижное Училище правоведения в Петербурге, а после мобилизации получил чин прапорщика в Николаевском инженерном училище³⁴. Неясно, осознавал ли Луцкевич, что весь аппарат берлинской миссии состоял из людей подобного склада. Наряду с Дитманом, яркими персонажами были Антон Борик и Афроим Павловский. В частности, Борик ранее строил карьеру в русской армии. Поступив на службу добровольцем в возрасте 18 лет, он служил в Петрограде и на Балтике, закончив войну подпоручиком³⁵. На пост военного атташе в Германии Борик заступил в марте 1919 г., когда ему был 21 год. Павловский в свое время защитил в Берлинском университете диссертацию по медицине³⁶, а теперь управлял делами миссии и сам вел переговоры с немцами о признании Белоруссии. В этом смысле вероятный конфликт Баркова со своими подчиненными был предопределен.

Пользуясь тем, что Луцкевич фактически вверил ему весь функционал, Барков постепенно нейтрализовал всех своих конкурентов. Проработав несколько месяцев в парижской делегации, новый глава миссии хорошо изучил слабые стороны белорусского движения. В частности, зная о царившей в нем шпиономании, он объявил Дитмана немецким, а Павловского — советским агентом³⁷. Борик был уволен по сокращению

33 Там же. С. 461–462.

34 *Пашенный Н. Л.* Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид, 1967. С. 233.

35 РГВИА. Ф. 409. П/с 237–810. Л. 212–214об.; ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

36 *Chronik der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin für das Rechnungsjahr 1913.* Promotionen. Halle, 1914. S. 47.

37 Архівы БНР. Т. 1. С. 538, 749.

штата, хотя сам Луцкевич просил оставить его в составе миссии³⁸. При этом симптоматично, что Барков сохранил место за юрисконсультком миссии, Бруно Миллером, который был близок ему как по социальному происхождению, так и по политическим взглядам.

Следует также помнить, что Барков изначально принадлежал к «русской партии» и рассматривал «белорусское дело» как инструмент для достижения собственных целей. Этот подход, в частности, проявился в постоянных передвижениях Баркова между Парижем и Берлином, хотя подобная связь с Германией очевидным образом дискредитировала белорусов в глазах Антанты. Когда поражение Луцкевича стало очевидно, Барков не задумываясь перешел на сторону его оппонентов³⁹. Подобной свободе действий способствовала и атмосфера взаимного недоверия среди белорусов. Так, в мае 1920 г. Ладнов, сменивший Луцкевича на посту министра иностранных дел, выступил с обширным разоблачением Баркова. Как следовало из него, руководитель берлинской миссии вместе со своими соратниками еще за год до этого основал «монархическо-патриотическую русскую организацию», которая контактировала с немцами, прикрываясь белорусскими мандатами⁴⁰. Это обвинение, однако, не возымело действия, и Барков оставался в должности еще около года.

Что касается Дитмана, то последний раз его имя в связи с белорусским движением всплывает тогда же, весной 1920 г. Вместе с Павловским и другими бывшими сотрудниками миссии он подал на нее коллективный иск в суд с целью получить невыплаченное жалование. Дело, впрочем, застопорилось из-за юридической коллизии. Так, дипломатическое представительство в силу экстерриториальности было неподсудно прусским законам. Переквалификация дела против конкретных лиц (Зайца и Захарко) натолкнулась на отсутствие официального признания их статуса со стороны властей⁴¹. После этого о Дитмане нет ни одного упоминания. Его дальнейшая судьба, равно как и место и время смерти, неизвестны.

* * *

Революционные события 1917 г. в России обозначили не только глубокие политические изменения, но и столь же ощутимые подвижки

38 Там же. С. 621.

39 Там же. С. 659.

40 Там же. С. 768.

41 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 40. Л. 43–43об., 72.

в самоощущении людей. Образ мыслей и система мотиваций, считавшиеся до того незыблемыми, менялись на глазах. Сохранение и поддержание бывшего статуса требовали создания новых смыслов реальности, осуществление которых могло принимать самые замысловатые траектории. В первую очередь это касалось элитных групп, до этого считавшихся опорой империи. Так, кадровые офицеры русской армии, в зависимости от умонастроений, могли бороться за возрождение «большой страны», или напротив — отстаивали свое национальное государство (автономию). При этом армия, в которой они служили, могла не иметь ничего общего с личностными особенностями офицера, поскольку здесь он стремился реализовать свой профессионализм и в ответ ожидал «авторизации» в новой системе взаимоотношений.

Описанные процессы также затронули интеллигенцию, прежде всего, людей умственного труда и образованную часть бюрократии. Они оказались в двоякой ситуации. С одной стороны, у них не было универсальных навыков, как у военных. Тем не менее в переменявшемся положении они стремились найти оптимальные социальные лифты. С их помощью они стремились не только зафиксировать свой статус, но и, по возможности, улучшить его. Чаще всего подобные возможности давали «новые» государства, которые формировали или укрепляли собственные элиты. Неслучайно, что русские специалисты получали наиболее теплый прием в таких странах, как Югославия, Болгария и Чехословакия.

В похожей ситуации оказался и Валентин Дитман. В этом юристе из провинциального Гродно сошлось множество противоречий. Он был выходцем из специфической элитной группы, которая долгое время считалась одной из опор имперской власти на Балтике, однако из-за отстаивания собственной автономии превратилась в нелояльную. Свой отпечаток на Дитмана наложила домашняя обстановка и приверженность его семьи нетрадиционным духовным и профессиональным практикам. Он рос и формировался в столице империи, однако впоследствии нашел новую родину на ее западных границах. По духу Дитман был скорее национал-демократом, но при этом не мыслил себя без «большой страны», предпочитая автономию полной независимости.

Загадка Дитмана заключается в том, почему он в итоге выбрал БНР. Насколько можно судить, изначально он не «воображал» Гродненщину как часть белорусского государства. К тому же руководители БНР все же выступали за независимое существование. Трудно поверить, что лишь соображения карьерного характера заставили Дитмана стать вдохновителем и руководителем первой в Германии информационной

компании, посвященной Белоруссии. Написанный им краткий экскурс в белорусскую историю воспроизводил именно национальный нарратив и был пронизан свободолобием и надеждой на перемены.

Вероятно, ожидая демократизации России, Дитман хотел начать с Белоруссии. Здесь, однако, он попал в ловушку свойственного ему мессианского идеализма. Политически слабое и терзаемое внутренними раздорами белорусское движение нередко становилось инструментом для тех, кто стремился реализовать свои амбиции. Внутренне ощущавший себя незаменимым, Дитман пал жертвой интриг и безразличия, тем не менее оставив яркий след в ранней истории БНР.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі = Archives of the Belarusian Democratic Republic. Т. 1, кн. 1: Фонд № 582 Дзяржаўнага Архіву Літвы («Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі») / укладаньне, падрыхтоўка тэксту, уступны артыкул, камэнтары, пераклады, паказальнікі: С. Шупа. Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага: Беларускі інстытут навукі й мастацтва; Таварыства беларускага пісьменства; Наша Ніва Наша Ніва, 1998. xxxi, 850 с.

Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Гродзенская губернская ўправа // Берасцейскі Хранограф. Брэст: Альтэрнатыва, 2010. Вып. 5. С. 122–153.

Михалюк Д. Литовско-белорусские отношения на территории Ober-Ost в годы 1-й мировой войны (1915–1919) // Россия и Балтия. М.: Весь мир, 2017. Вып. 8. С. 59–78.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1910 год. Гродна: Издание Гродненского губернского статистического комитета (Губернская типография), [1909]. 535 с.

Пашенный Н. Л. Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид: Издание Комитета правоведской кассы, 1967. 456 с.

Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР у Нямецчыне (1919–1925) // Arche. 2009. № 3. С. 7–328.

Тарасов К. А., Горный А. С. Между Беларусью и «Белой» Россией: генерал Васильковский в эмиграции // Нансеновские чтения 2019. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2020. С. 527–551.

Хаген М. фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство, 2005. С. 15–44.

Чернякевич А. БНР: триумф побежденных. Минск: Янушкевич, 2018. 302 с.

Chronik der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin für das Rechnungsjahr 1913. Promotionen. Halle: Buchdruckerei des Waisenhauses, 1914.

Die weißruthenische Volksrepublik // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1919. Nr. 484.

Richter K. Einziger Beschützer vor der Gewalt der Polen: Kriegserfahrungen weißrussischer Soldaten in Grodno (1919) // Jenseits des Schützengrabens: der Erste Weltkrieg im Osten. Innsbruck: Studienverlag, 2013. S. 341–358.

Weissruthenien. Hrsg. v. W. Jaeger. Berlin: Curtius, 1919. 152 s.

Weissrutheniens Auferstehung // Freie Zeitung. 1919. Nr. 71.

Weißrutheniens und Litauens Kampf um die Unabhängigkeit // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1919. Nr. 488.

References

Cherniakovich, A. *BNR: triumf pobezhdenykh*. Minsk: Ianushkevich, 2018, 302 p.

Chronik der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin für das Rechnungsjahr 1913. *Promotionen*. Halle: Buchdruckerei des Waisenhauses, 1914.

Hagen, M. von. “Istoriia Rossii kak istoriia imperii: perspektivy federalistskogo podkhoda.” *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoĭ istoriografii*, Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005, pp. 15–44.

Jaeger W., editor. *Weissruthenien*. Berlin: Curtius, 1919, 152 p.

Liakhoŭski, U., and A. Charniakovich. “Hrodzenskaia hubernskaia uprava.” *Berastseŭski Khranohraf*, no. 5, Brest: Al'ternativa, 2010, pp. 122–153.

Mikhaliuk, D. “Litovsko-belorusskie otnosheniia na territorii Ober-Ost v gody 1-i Mirovoĭ voĭny (1915–1919).” *Rossii i Baltiia*, vol. 8, Moscow: Ves' mir, 2017, pp. 59–78.

Pashennyĭ, N. L. *Imperatorskoe Uchilishche pravovedeniia i pravovedy v gody mira, voĭny i smuty*. Madrid: Izdanie Komiteta pravovedskoĭ kassy, 1967, 456 p.

Richter, K. “Einziger Beschützer vor der Gewalt der Polen: Kriegserfahrungen weißrussischer Soldaten in Grodno (1919).” *Jenseits des Schützengrabens: der Erste Weltkrieg im Osten*, Innsbruck: Studienverlag, 2013, pp. 341–358.

Sakaloŭski, U. “Nadzvyčajnaia misiia BNP u Niamechchyne (1919–1925).” *Arche*, no. 3, Minsk, 2009, pp. 7–328.

Šupa S., compiler. *Archives of the Belarusian Democratic Republic = Arkhivy Belaruskaj Narodnaj Rėspubliki, vol. 1, book 1: Fond no. 582: The State Museum of Lithuania = Council of Ministers of the Belarussian Democratic Republic*. Vilnius, New York, Minsk, Prague: Belarusian Institute of Arts and Sciences, Belarusian Literary Association, Nasha Niva, 1998, xxxi, 850 p.

Tarasov, K. A., and A. S. Gornyi. “Mezhdu Belarus’iu i «Beloĭ» Rossiĭ: general Vasil’kovskii v ėmigratsii.” *Nansenovskie chteniia 2019*, Saint Petersburg: Russkaia ėmigratsiia, 2020, pp. 527–551.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.01

Barinov I. I.

“The naturalized son of Belarus”: The Mystery of Dr. Dittmann

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Citation

Barinov I. I. “The naturalized son of Belarus”: The Mystery of Dr. Dittmann // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 233–253 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.01

Received: 23.11.2020.

Abstract

The article examines the biography of Valentin Dittmann, a lawyer and politician of Baltic-German origin, who became a counselor of the Diplomatic Mission of the Belarusian People’s Republic (BNR) in Berlin. The German-language brochure “Weissruthenien” was published with Dittmann’s active involvement and was considered as the main source of information about this region in Germany for a long time. In a broader context, through the prism of Dittmann’s life and activities, the transformation of the system of ideas and motivations of former Imperial elites after the 1917 revolution became the subject of research. The

desire to preserve and improve their social status during the political instability has significantly expanded the boundaries of imaginary. In particular, the elite representatives previously loyal to the throne could drastically change their views on the very idea of a “strong state”. From now on their position ranged from federalism to cooperation with those who were previously considered as “separatists”. On the example of Dittmann, we can follow the peculiar experience of the “homo impericus”, who strove to combine the elitist consciousness inherited from his ancestors with national democratic political views and local (Belo) russian patriotism.

Keywords

Russian Empire, Baltic Germans, Belarusian People's Republic, Belarusian national movement, German-Belarusian relations.

Советское полпредство и белорусская колония в Литве в 1920-е гг.

Короткова Дарья Александровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: dasza1981@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

Цитирование

Короткова Д. А. Советское полпредство и белорусская колония в Литве в 1920-е гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 254–271.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.02

Статья поступила в редакцию 10.11.2020.

Аннотация

Статья посвящена малоизвестным страницам истории советской дипломатии. Контакты с эмигрантскими кругами были важной частью работы советского представительства в Литве в 1920-е гг. Поиски эффективных путей проникновения коммунистической пропаганды в широкие круги населения соседних стран, попытки склонить политических деятелей этих стран к сотрудничеству составляли основные мотивы данных отношений. Начиная с 1921 г. связи с советскими дипломатами, главным образом по финансовым соображениям, искали сами эмигранты, в том числе члены Рады БНР – непризнанного белорусского правительства в изгнании. Для советского руководства эти контакты стали представлять интерес после 1923 г.: окончательное признание советско-польской границы Советом послы Антанты похоронило надежды эмигрантов на реализацию идеи белорусского независимого государства. Поиск выхода из этой ситуации приводил либо их к мысли о переезде в БССР, где они надеялись воплотить хотя бы частично свои идеи, либо к тесному сотрудничеству с советской дипломатией, которая, в свою очередь, использовала этот канал для доступа к белорусскому меньшинству. Источниковую базу статьи составляют архивные материалы дипломатического ведомства СССР.

Ключевые слова

Ковенская Литва, Белорусский комитет, Ластовский, Головинский, Козюра, Зандер, Александровский.

12 июля 1920 г. был подписан Московский советско-литовский мирный договор, передававший Литве г. Вильну и значительную часть западнобелорусских земель — Ошмяны, Лиду и Гродно. Рижский мирный договор от 18 марта 1921 г. между РСФСР и Польской республикой закрепил западную часть Белоруссии, а именно Гродненскую, часть Минской и часть Виленской губернии, за Польшей. Вильно был передан Литве согласно Московскому договору, но уже в октябре 1920 г. захвачен польскими войсками под руководством генерала Л. Желиговского, и на его территории была образована формально независимая Срединная Литва, позже присоединенная к Польше.

Белорусская политическая эмиграция после Рижского мира окончательно лишилась надежды на создание независимого национального государства. Ее представители рассеялись по окрестным странам. Так, еще во время Рижской мирной конференции в Латвии осталось правительство непризнанной Белорусской народной республики (БНР) В. Ластовского. После заключения советско-латвийского договора в 1920 г. оно покинуло Ригу и переехало в литовскую столицу Ковно (Каунас). В конце 1920 г. Ластовский приступил к организации антипольских вооруженных формирований. Такую возможность ему предоставил польско-литовский конфликт из-за Вильны. Белорусские политики увидели в нем возможность заручиться поддержкой Ковно относительно своих претензий на политическую власть в отходивших полякам белорусских землях. Литовские власти допустили формирование белорусских частей на своей территории, обещали помочь в агитации и вербовке партизан на польской стороне границы, открыли дипломатическое представительство БНР. Ценой этой поддержки должны были стать голоса белорусов Виленской губернии на плебисците, который Антанта планировала провести для разрешения польско-литовского спора¹.

Что же касается коренного белорусского населения на территориях, отошедших к Литве, то, согласно переписи 1923 г., там проживало

1 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 9. Л. 14. Записка А. Е. Аксельрода Г. В. Чичерину от 22 ноября 1920 г.

всего около 4400 белорусов. Один из лидеров белорусского движения в Латвии, К. Езовитов, подвергал эту цифру обоснованному сомнению. Сравнивая данные литовской переписи с российской статистикой 1897 г., он предполагал, что на территории Литовской республики должно было проживать около 40–45 тыс. этнических белорусов². В дальнейшем оценки как польских, так и белорусских исследователей опирались также на цифры, вычисленные Езовитовым, хотя часть из них и высказывают некоторые сомнения в их точности. Проверка их затрудняется еще и тем, что перепись 1923 г. была единственной в Литве в межвоенный период³. Езовитов видел в этих данных отказ местного белорусского населения от своей национальной идентичности. Вина в этом, по его мнению, лежала в том числе на правительстве Ластовского, которое, как и правительство Литвы, значительно больше интересовалось белорусами Виленщины и Гродненщины, в связи с литовско-польским противостоянием, чем местным населением Ново-Александровского и Троцкого уездов. Не имея финансовой и культурной поддержки своей самобытности, это, крестьянское в своей массе, население быстро ассимилировалось русским и польским меньшинствами, чему неосознанно способствовала и литовская политика в отношении национальных меньшинств⁴. Заинтересовалось им в итоге советское постоянное представительство в Литве.

Советская миссия вела работу по нескольким направлениям: контакты с эмигрантскими группами по линии как дипмиссии, так и разведки, и попытки наладить коммунистическую пропаганду среди нацменьшинств, в том числе белорусского. Активное участие в этой деятельности также принимали представители руководства БССР, Коминтерн, непосредственно компартии Литвы, Польши, Западной Белоруссии.

Контакты эмигрантов из числа лидеров БНР с советскими дипломатами были достаточно активными с самого начала 1920-х гг. Непримируемая антипольская позиция группы В. Ластовского с удовлетворением отмечалась советским руководством, однако никаких далеко идущих расчетов оно с ней не связывало: «Надо держаться выжидательно. Они борются против поляков, поэтому не следует им противодействовать в данный момент, но опасно было бы активно им

2 *Ezasimaŭ K.* Беларусы ў Літве // Запісы. Беларускі інстытут навукі і мастацтва. New York; Miensk, 2013. № 36. С. [114].

3 *Błaszczak T.* Białorusini w Republice Litewskiej. Białystok, 2017. S. 255.

4 *Ezasimaŭ K.* Беларусы... С. [115].

содействовать, ибо это могло бы быть использовано позже», — писал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин советскому представителю в Ковно А. Е. Аксельроду 6 ноября 1920 г.⁵

Белорусы видели в восточном соседе шанс на получение финансовой помощи, а кроме того, поддерживали связи с минским руководством, которое во многом имело те же «национал-демократические» корни. В частности, Б. Тарашкевич, А. Луцкевич и др. печатали в Берлине тиражи учебников для БССР на белорусском языке в Берлине и Ковно. Часть тиража они имели возможность оставлять для собственных целей⁶. К тому же уже в 1921 г. начались трения между белорусскими лидерами и литовским руководством. Они представили в сейм меморандум по вопросу о положении белорусов и их правах в этнических литовских границах и на восточных территориях Республики.

В феврале 1921 г. Ластовский под нажимом литовских властей заявил об отсутствии у его правительства претензий на власть в БССР⁷. Однако, поскольку белорусское представительство в Литве претендовало на то, чтобы быть выразителем интересов всей этнической Белоруссии, это вызывало определенное беспокойство советских дипломатов. О положении белорусского вопроса писал в своих докладах заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову еще в июне 1921 г. полномочный представитель РСФСР в Литве С. И. Аралов, однако в Москве его сообщения отклика не имели. Советские дипломаты не выразили протеста против существования представительства и правительства БНР. Более того, его сохранение считалось полезным для РСФСР, так как оно вело активную антипольскую пропаганду⁸.

В конце 1921 г., убедившись в безнадежности своих обращений к Антанте, белорусские эсеры стали искать возможность договориться с советскими дипломатами. А. К. Головинский, член партии белорусских эсеров и советник непризнанной делегации БНР на мирной советско-польской конференции в Риге в 1920 г.⁹, осевший в конце концов в Ковно, проявлял значительную активность в этих контактах. Так, например, в конце 1921 г. он развивал «сумбурную идею» о соз-

5 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2111. Л. 4.

6 *Iwanow M.* Białoruskie zmienowiechostwo // *Białoruskie zeszyty historyczne*. Białystok, 2018. № 51. S. 79.

7 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 74.

8 Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0151. Оп. 7. П.6. Д. 3. Л. 113.

9 *Чернякевич А. Н.* БНР. Триумф побежденных. Минск, 2018. С. 181.

дании буферной республики Белоруссии по образцу Дальневосточной республики. Секретарь советского полпредства в Литве С. И. Зандер указывал ему на утопичность такой идеи: во-первых, ее исполнению мешали белорусские обязательства перед Литвой, во-вторых, НЭП сделал для белорусского крестьянства вполне приемлемой федерацию с Россией на советской платформе и агитацию за присоединение к БССР¹⁰. Головинский просил о координации действий с Минском и виленскими коммунистами по всем вопросам, в частности о бойкоте выборов в Виленский сейм. Переговоры существенно тормозились отсутствием специального сотрудника по взаимодействию с литовскими белорусами. Ни Зандер, ни Аралов не смогли добиться такой штатной единицы, несмотря на то, что связь с Вильной удобнее было бы осуществлять из Ковно, чем из Минска¹¹.

Однако в Москве перспективы такого сотрудничества оценивали скептически. 15 декабря 1921 г. член Коллегии НКВД Я. Х. Давтян писал, что с белорусскими эсерами, в частности с Головинским, всерьез считаться не стоит. Он оценивал их как «публику весьма подозрительную», которая «ищет контакты и денежного содействия с самыми разнообразными группировками и фактически шантажирует нас, а может быть и поляков»¹². Давтян пренебрежительно отзывался и о «фантастических» идеях Головинского о создании в Белоруссии буферного государства. «Сейчас нам некогда этим заниматься. Если они действительно хотят работать — пусть ведут активную работу в польской части Белоруссии — мы будем судить их по результатам»¹³.

Зандер, однако, имел иную позицию по белорусской проблеме. 25 декабря 1921 г. в докладе, адресованном Давтяну, он писал, что белорусский вопрос, по его мнению, «вступает сейчас в стадию если не практически, то идеологически актуальной проблемы, и, кажется, его под спудом хоронить более нельзя»¹⁴. Зандер считал, что белорусские эсеры собирались использовать советское влияние, чтобы давить на Литву и в будущем реализовать свои самостийные тенденции с

10 АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 7. П. 6. Д. 3. Л. 136.

11 Там же. Л. 137. Доклад Зандера члену Коллегии НКВД Я. Х. Давтяну от 10 декабря 1921 г.

12 Там же. Л. 110.

13 Там же.

14 Там же. Л. 113. Можно предположить, что связано это было с предстоящими в 1922 г. выборами в польский сейм, подготовка к которым шла и в Виленском крае.

помощью РСФСР. «Все такие возможности нам, умело маневрируя, желательно было бы и полезно использовать, но для этого нужно установить какую-то более определенную точку зрения на этот вопрос и вместе с тем дать директивы Литкомпартии, с которой они ищут контакта и у которой белорусский вопрос совершенно не освещен»¹⁵. Интересно описание в этом докладе беседы советского дипломата с Головинским, состоявшейся накануне. Зандер просил его дать ему меморандум и основные тезисы белорусских эсеров по национальному вопросу. Идею буфера он категорически объявил неприемлемой как для РСФСР, так и для отношений белорусов с Литвой. Он заявил о необходимости стремиться к объединению всей этнографической Белоруссии в границах БССР в федерации с Россией, однако, ввиду сложного международного положения, как тактический лозунг его выдвинуть было нельзя. Зандер потребовал полной координации действий с компартиями в белорусском вопросе, содействия Советской России в ее борьбе с Польшей и стоящей за ней Антантой¹⁶.

Головинский спросил, возможно ли поставить вопрос о присоединении к Минску и других белорусских областей. Зандер ответил, что этот вопрос не принципиален, и его разрешение будет зависеть от политической позиции, степени искренности и активности белорусских эсеров в их сотрудничестве с коммунистами. Главным же требованием было прекращение той двойственной политики, из-за которой деловые переговоры с ними для советских дипломатов вряд ли возможны. Головинский решил поставить все эти вопросы на рассмотрение партийного центра и окончательно определить линию Белорусской партии социалистов-революционеров (БПСР) по отношению к Советской России. Зандер считал, что шансы на сближение были велики, в связи с безнадежностью положения белорусов, с одной стороны, и с дружественной политикой БССР, с другой. В своем докладе Коллегии НКВД Зандер просил обсудить этот вопрос и составить четкие инструкции для компартии и советского представительства, и, главное, вновь просил прислать в Ковно специального сотрудника для контактов с белорусами, однако все так же не придавать этим контактам официального характера¹⁷.

Постепенно советская дипломатия сформулировала основные принципы своей политики по отношению к этим эмигрантским кру-

15 Там же.

16 Там же.

17 АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 7. П. 6. Д. 3. Л. 114.

гам: оказание поддержки, в том числе финансовой, в обмен на признание Минска единственным белорусским политическим центром. На первый план вышло сотрудничество с левым крылом национальной эмиграции. Связано это было во многом с политикой белорусизации, в проведении которой именно лидеры национальных движений могли оказать значительную помощь. При этом продолжало сохраняться положение, при котором основную роль играло представительство на месте, в Ковно. Именно полпредство выступало локомотивом контактов с белорусскими эмигрантскими кругами, требуя от центра директив и активно предлагая собственные решения.

В начале января 1922 г. Зандер провел неофициальное совещание с белорусскими эсерами — Т. Грибом, И. Мамонько, А. Головинским и Л. Заяцем. Предварительным условием любых переговоров Зандер поставил признание ими Советской Белоруссии в качестве «организационного центра, к которому должно в перспективе стремиться все организованное белорусское революционно-национальное движение белорусских крестьян»¹⁸. В целом эта позиция была эсерами принята, и Зандер предложил им составить на основании этих переговоров меморандум для отсылки в НКВД СССР. По мнению советского представителя, пренебрегать белорусскими эсерами не следовало, так как они были согласны работать под советским руководством. Он считал безосновательными опасения Литвинова, что белорусское национальное движение сможет «разложить» Советскую Белоруссию, если примет организованные формы. Он полагал, что этого не произойдет, если левые круги солидаризуются с коммунистами и будут под советским влиянием. Иначе перевес в белорусском движении могли бы получить правые элементы, что чревато осложнениями. Белорусы могли бы, по его мнению, быть полезны еще и в связи с намечавшимся охлаждением в отношениях РСФСР с Литвой: помочь сделать литовское правительство более податливым к советским предложениям¹⁹. Тем не менее, до 1923 г. советское внешнеполитическое ведомство не давало своим ковенским сотрудникам добро на вмешательство в белорусские дела.

Ситуацию, сложившуюся в 1922–1923 гг. в белорусских эмигрантских кругах в Литве, сами их члены характеризовали как «ковенское болото»²⁰. Делегации БНР не удалось включить «белорусский

18 Там же. Л. 87.

19 Там же. Л. 88. Доклад члену Коллегии НКВД Ганецкому от 7 января 1922 г.

20 *Błaszczak T. Białorusini...* S. 259.

вопрос» в повестку дня на Генуэзской конференции 1922 г. Не привели к успеху и многочисленные обращения правительства БНР к Лиге Наций и правительствам европейских государств. После того как конференция послов в Париже в 1923 г. утвердила восточную границу Польши согласно Рижскому договору, положение правительства БНР в Ковно изменилось. До этого правительство Литвы видело в белорусах дестабилизирующий фактор, который мог изменить ситуацию с Вильно, захваченным Польшей, в пользу Литвы. Теперь белорусы становились для Ковно бесполезны²¹. Это отозвалось конфликтами в эмигрантской среде. Ластовский, настаивавший на продолжении партизанской борьбы на Виленщине, 20 апреля 1923 г. подал в отставку. 7 июля 1923 г. специальная комиссия БПСР приняла решение об исключении Ластовского и его ближайшего соратника К. Душ-Душевского из партии²². Председатель Рады БНР П. Кречевский назначил премьер-министром А. Цвикевича.

Кризис белорусско-литовских отношений тем временем продолжал углубляться. 2 декабря 1923 г. большая часть Рады и правительства БНР переехали из Ковно в Прагу. Однако сами лидеры враждующих группировок — Ластовский и Цвикевич — остались в Ковно. События в Советской Белоруссии: НЭП, белорусизация, а особенно укрупнение территории БССР в 1924 г. — начали ориентировать белорусскую эмиграцию на Минск как центр национально-культурной консолидации²³. Новый глава правительства БНР А. Цвикевич и его сторонники считали, что советская власть, став на путь демократизации, способна стать союзником в деле возрождения Белоруссии. По мнению польско-литовского исследователя Т. Блащак, важную роль в переходе «группы Цвикевича» на советскую сторону сыграл бывший депутат сейма С. Яковюк, который встречался с Цвикевичем, Головинским и Тыминским в Ковно²⁴.

НКВД СССР бдительно следил за настроениями в эмигрантских центрах. Ликвидация правительства БНР с передачей его полномочий руководству БССР стала теперь одной из актуальных задач советской дипломатии. Преследовались следующие цели: ликвидация альтернативного национального проекта, потенциально враждебного советско-

21 *Ліс А.* Аляксандр Цвікевіч. Выдатны публіцыст і гісторык. Мінск, 2014. С. 42.

22 *Błaszczak T.* Białorusini... S. 260.

23 *Ліс А.* Аляксандр Цвікевіч... С. 43.

24 *Błaszczak T.* Białorusini... S. 263.

му; укрепление при этом позиции СССР как наиболее демократического в отношении национальных меньшинств, что особенно выгодно выглядело на фоне неумелого поведения руководства Польши; немаловажно было и кадровое усиление для политики белорусизации — возвращавшиеся эмигранты сразу же включались в этот масштабный проект. Вопрос о возвращении лояльных советской власти лидеров белорусских «незалежников» в БССР впервые ставился в 1923 г., при обсуждении укрупнения БССР, и был решен в принципе положительно²⁵. В 1924–1925 гг. эта идея получила возможность реализации.

Вынуждая белорусских лидеров — сначала Цвикевича, затем и Ластовского — переходить все более явственно на просоветские позиции, советские дипломаты добились фактической ликвидации белорусского антисоветского центра в балтийских республиках: Цвикевич в сентябре 1925 г. передал полномочия правительства БНР представителям БССР и переехал в Минск. Вскоре засобирались в столицу БССР В. Прокулевич, Л. Заяц и А. Валькович. Наконец, идеи возвращения проникли и в умы противников Цвикевича: в конце 1925 г. в Минск приехала П. Бодунова, а после съезда белорусоведов в Минске в 1926 г. к переезду стал готовиться и Ластовский, хотя и испытывал большие сомнения в правильности этого шага. Тем не менее советское дипломатическое ведомство считало, что в Литве должна была сохраниться белорусская колония. Был образован Ковенский белорусский национальный комитет во главе с А. Головинским и Я. Гузнем. На организационное собрание для учреждения Белорусского комитета в июле 1925 г. пришли 45 человек.

Накануне белорусской конференции в Берлине, 29 сентября 1925 г., судьба белорусской колонии и Ковенского комитета обсуждалась в переписке полномочного представителя СССР в Литве Александровского и члена Коллегии НКВД Аралова. Комитет, по мнению Александровского, нужен был, чтобы продолжать будировать литовское общественное мнение в связи с виленским вопросом. Сдача мандатов БНР не должна была повлиять на судьбу местного белорусского комитета, поскольку «всегда выгоднее быть организованным, чем неорганизованным»²⁶. Он должен был открыто ориентироваться на БССР²⁷.

25 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 315. Д. 54750. Л. 21. Заседание Комиссии по работе среди белорусов в Польше, в составе Рудзутака, Чичерина и Уншлихта, от 5 июня 1923 г.

26 Там же. Оп. 51. П. 316. Д. 54752. Л. 72.

27 Там же.

В письме от 3 октября 1925 г. Александровскому Аралов конкретизировал задачи группы Головинского. Она должна была оказывать помощь советскому полпредству не только в белорусских, но и в литовских делах. Однако не следовало присваивать ей никакого громкого имени. Группу же Ластовского следовало, по мнению Аралова, распустить: «он и его группа для Вас только вредны»²⁸.

В ноябре 1925 г. Александровский на встрече в Москве с минским руководством согласовал новые направления деятельности ковенского Белорусского комитета. По общему мнению, в дальнейшем Головинскому со товарищи следовало проводить более плотную работу с белорусским населением в Литве, для чего придать ей местный, постоянный характер, лишив ее «специфического привкуса эмиграционной деятельности белорусов, находящихся как бы “вне времени и пространства”»²⁹. Для этого необходимо было создать местные опорные пункты, национальные ячейки, организовать выпуск еженедельного белорусского журнала или газеты, а национальный комитет во главе с Головинским превратить в организационный центр всей этой деятельности. Предлагалось даже принять участие в предвыборной кампании в Сейм, чтобы заявить о себе. По мнению Александровского, почва для начала такой работы была, и он уже соответствующим образом «обработал» белорусских лидеров — Головинского, Гузнея и Яковюка³⁰. Однако главным элементом такой деятельности все же должен был быть, по мнению советского дипломата, выпуск белорусского журнала. Сложность состояла в том, что программная статья такого издания должна была ориентировать своих читателей на Минск как на культурный и политический центр всего белорусского движения, но в то же время не иметь антилитовской направленности, иначе его бы незамедлительно закрыла цензура³¹.

Вполне оптимистично были настроены и Головинский с Гузнем: в начале января 1926 г. они, ставшие после отъезда Цвикевича в Минск признанными лидерами белорусского движения в Литве, предложили новый план работы среди белорусского населения Литвы, который Александровский счел вполне перспективным: «... я считаю их план заслуживающим внимания не только с белорусской точки

28 Там же. Л. 61.

29 Там же. Л. 81. Доклад С. С. Александровского С. И. Аралову от 24 ноября 1925 г.

30 Там же.

31 Там же. Л. 82.

зрения. В называемых ими местностях живет также много русских, большей частью староверов. Не исключена возможность, если не будет крутого изменения избирательного закона, что в этой области на выборах в сейм будет иметь шансы на успех прогрессивный меньшинственный кандидат»³².

В своей записке для советского посольства Головинский и Гузней писали, что последний установил контакт с белорусским населением Трокского уезда — местности с наибольшим количеством компактно проживающих белорусов в Литве, к тому же расположенной в пограничной литовско-польской полосе. Центром пропагандистской работы они предполагали сделать деревню Балтеришки Еввинской волости. Там проживали исключительно православные белорусы, враждебно настроенные к литовским властям. Причинами этой враждебности ковенские лидеры считали дискриминацию белорусов в сравнении с литовцами при наделении землей и отсутствие белорусской национальной школы. В других деревнях там население было смешанным белорусско-литовским.

Белорусские активисты собирались прислать туда имеющуюся у них белорусскую литературу и газеты, составить приговор волости об открытии в Балтеришках белорусской начальной школы, а позднее, после официальной регистрации Белорусского национального комитета, открыть там его местное отделение. Оно должно было затем установить непосредственную связь с Виленщиной. Подобные же планы строились и относительно деревни Александровки Семилишской волости, где дело облегчалось тем, что большинство ее населения побывало в качестве беженцев в России и сохранило симпатии к коммунистам³³. В Высоко-Дворской волости в самом местечке они планировали организовать третий опорный пункт. Там почти не было литовского населения, при этом местечко власти пытались литвинизировать, открыли там литовскую прогимназию и учительские курсы³⁴.

Оптимистические настроения поддерживало и то, что был наконец выведен из игры наиболее вредный среди белорусов для советской пропаганды политик — В. Ластовский. Становясь периодически тактическим союзником СССР, он, тем не менее, долгое время весьма настроенно относился к коммунистам, был убежденным противником идей Цвикевича и вот, наконец, после съезда белорусоведов в

32 Там же. Д. 54755. Л. 4.

33 Там же. Л. 5.

34 Там же. Л. 6.

Минске в 1926 г., позволил убедить себя. Лидер БПСР Т. Гриб, пытавшийся противодействовать коммунистам, предлагал Ластовскому в конце 1925 г. отказаться от его пролитовской ориентации и переехать в Вильну, чтобы организовать там в противовес просоветской Белорусской рабоче-крестьянской Громаде белорусскую национальную партию «народнического типа»³⁵. Однако эти планы не воплотились в жизнь, наоборот, Ластовский оказался втянут в советскую игру.

Вот что писал 7 декабря 1926 г. уполномоченный НКВД СССР при СНК БССР С. Л. Козюра советнику советского полпредства в Польше, а неофициально — координатору всей белорусской работы за рубежом А. Ф. Ульянову: «...о Ластовском. Он уехал из Минска, вконец изменивши свое отношение к БССР. Правда, он еще ворчит, и надписей много на русском языке, и на двадцати копейках не видно белорусской надписи (чувствуете, куда он гнет), но все же вынужден был признать и об этом заявлял, что единственно свободная часть Белоруссии — есть БССР и он признает БССР со всеми ее недостатками за свое подлинное отечество. Он начал просить разрешить ему въезд в БССР и дать работать по музеям. Мы заявили, что принять-то его родина примет, но требует от него, чтобы он во всеуслышание заявил примерно то, что решила Берлинская конференция. Он согласился и заявил, что раз мы гарантируем ему прием и работу, он возвращается ликвидировать свои дела... Такое решение вопроса о Ластовском значительно облегчает работу в Литве»³⁶.

Решению Ластовского в немалой степени способствовали напряженные отношения белорусской колонии с литовскими властями, которые стремились ликвидировать деятельность организаций, принимавших участие в Берлинской конференции. Не желая выпустить из своих рук инициативу в белорусском вопросе, власти организовали Литовско-Белорусское товарищество. Группа Головинского постаралась парализовать его работу. Ее члены пришли на организационное собрание Товарищества и оказались на нем в большинстве. Организаторы испугались их численного перевеса и не допустили группу до участия в собрании. Это позволило Головинскому вынести публичный протест и лишить тем самым Товарищество функций общественной организации. Это нанесло удар группе Ластовского,

35 Iwanow M. Białoruskie zmienowichestwo. S. 88.

36 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54754. Л. 21. Письмо С. Л. Козюры советнику Полпредства СССР в Польше А. Ф. Ульянову от 7.12.1926 г. Сов. секретно.

и часть его сторонников стали склоняться к ориентации на Минск и сотрудничать с комитетом Головинского, в частности информировать его о плане деятельности Ластовского (а тем самым и литовцев) по белорусскому вопросу и вопросу Вильно. Об этом своевременно передавались сведения в советское полпредство³⁷.

Козюра оценивал Головинского как «безусловно честного человека, которому можно доверять». Он в целом одобрил планы Головинского (организация местных белорусских секций — *гуртков*, после чего планировалось собрать съезд и переизбрать на нем существующий комитет, дабы придать ему больший авторитет среди населения). Кроме того, Головинский возглавил группу белорусских деятелей, которая намеревалась организовать белорусскую секцию при Компартии Литвы (были названы фамилии Рогевич, Нюнько, Козлов, Гловацкая, Высоцкий, Михальченко и Бездольный). Головинский считал, что эта группа сумеет осторожно вести пропаганду через Белорусский комитет, «учитывая настроения той среды белорусского населения, в которой придется работать»³⁸. Белорусы группы Головинского и Гузnea хорошо усвоили тезис компартии о необходимости перенести работу в низы и установить контакты с местным населением³⁹ (что позволяет хотя бы частично опровергнуть обвинения Езовитова, что белорусские организации в Литве «не заметили, что в Ново-Александровском, Трокском и других уездах живет значительная масса белорусов, которым нужно дать и школу, и книгу, и театр на белорусском языке»)⁴⁰.

Вполне возможно, что под руководством Головинского такая местная белорусская организация могла бы вполне успешно существовать, однако переход от амбициозных планов по созданию независимой БНР в этнических границах к работе «на земле» произошел слишком поздно с учетом политической обстановки в Литве. Кроме того, Белорусский комитет не скрывал своих симпатий к коммунистам, что сказалось роковым образом на всей белорусской работе. Как можно видеть из отчета Головинского Александровскому, его работа в 1926 г. протекала в весьма неблагоприятных условиях. Берлинская конференция произвела на литовские власти «неприятное впечатление». После отъезда Цвикевича в Минск Головинскому отказали в праве жительства в Литве, а так как он не выехал из страны по требованию властей, его пытались

37 Там же. Д. 54755. Л. 16.

38 Там же. Л.11.

39 Там же. Л. 12.

40 *Езавітаў К.* Беларусы... С. [115].

принудительно вывезти в нейтральную зону на польско-литовской границе. Тем не менее он остался в Литве.

Головинский писал, что основой литовско-белорусских отношений являлся виленский вопрос. Общей тактики в этом вопросе у литовцев не было, но его разрешения требовал государственный престиж. По мнению Головинского, литовцы рассчитывали с помощью белорусов отобрать Вильно у поляков, а затем с помощью поляков парализовать белорусские национальные стремления. Этим можно объяснить заигрывание с белорусами при одновременном разворачивании широкой сети польских школ в Литве. Вряд ли можно было белорусам ожидать чего-то хорошего от такой политики, считал он. Потому следовало создать литовцам видимость дивидендов от сотрудничества с белорусами, дабы удержать их от сближения с Польшей. Для этого следовало усилить консолидацию и активность белорусских элементов в Литве⁴¹.

Чтобы расширить свое влияние среди белорусского населения, группа Головинского приняла участие в выборах в Сейм. Противником ее на выборах стал русский Демократический союз. Он раскололся на три части, с одной из которых, под руководством М. Рогевича (революционно-марксистской), комитет Головинского в итоге объединился. Вторая часть Демократического союза, под руководством Прозорова, отказалась от борьбы, в результате на выборы пошла только группа Ерина, поддерживаемая правительством Литвы. Белорусы Головинского в итоге получили втрое больше голосов, чем группа Ерина.

Характеризуя состояние белорусского дела в Литве, Головинский обращал внимание на общую разочарованность населения, которому много обещали, но очень мало из обещанного сделали. Большинство белорусского населения в Литве при аграрной реформе попали в списки русификаторов-колонистов, в результате чего потеряли землю. Это в значительной мере терроризировало местное крестьянство, заставляя людей скрывать свою национальность. Белорусские крестьяне в массе своей жили очень бедно, еще не оправившись от последствий мировой войны. Все это заставляло белорусов к литовской власти относиться негативно. Зато широко были распространены симпатии к СССР. Но этой же оппозиционностью по отношению к Литве успешно пользовались и польские агитаторы, играя на старых полонофильских традициях края, особенно в религиозных вопросах.

Ставя своей задачей развитие национально-политического и социального самосознания белорусского крестьянства, Головинский

41 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54755. Л. 16.

называл главным препятствием на этом пути не столько литовскую власть, сколько сплоченный польский элемент. Так что основной своей задачей он считал борьбу именно с польским влиянием, что позволило бы предохранить белорусов от полонизации и создать устойчивый в политическом отношении элемент.

Однако уже в конце 1926 г. ситуация в Литве кардинальным образом изменилась. 17 декабря в Литве произошел государственный переворот, сместивший левоцентристское правительство М. Слежявичюса и приведший к власти лидера литовских националистов А. Сметону. Не в последнюю очередь в падении правительства сыграло роль слишком доброжелательное отношение Слежявичюса к польскому меньшинству⁴². Однако прокоммунистические белорусы нравились литовским националистам еще меньше. Были арестованы лидеры компартии Литвы, четверо из них затем расстреляны. В апреле 1927 г. был распущен сейм. Рассчитывать на продолжение мало-мальски эффективной деятельности в ближайшие годы не приходилось.

В 1928 г. остатки белорусского эмигрантского центра, в том числе Головинский, перебрались в Минск. Как известно, решение Ластовского вернуться стало его роковой ошибкой. Уже в 1930 г. он был впервые арестован за свои национал-демократические убеждения и сослан в Саратов. Подобная же участь ожидала и его оппонентов — Цвикевича и Головинского.

Головинского арестовали в 1930 г. по тому же делу «Союза освобождения Беларуси», что и Ластовского. Приговор был достаточно мягким: пять лет ссылки в Нижний Новгород. Дальнейшая же его судьба неизвестна⁴³.

Трудно судить, насколько была предопределена полная ликвидация эмигрантского центра в Литве. Но стоит отметить, какое влияние на судьбу белорусской эмиграции оказала неспособность белорусских лидеров договориться между собой. Ластовский, которого практически все его соратники обвиняли в неуемных амбициях, не только не поддержал деятельность Ковенского белорусского комитета, который при благоприятных обстоятельствах имел возможность стать центром белорусской культурной жизни в Литве, но и настроил против него в то время еще достаточно доброжелательное к белорусам литовское правительство.

42 *Lopata R.* Authoritarian regime in interwar Lithuania: circumstances, legitimation, conception. Vilnius, 1998. P. 25.

43 Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d9/f64.htm> (дата обращения 15.10.2020).

Судя по имеющимся документам, деятели Ковенского комитета в Советский Союз могли бы и не переехать, их задачей была работа именно с местным населением. Заметим, что сотрудничество советских дипломатов с белорусским лидером в Латвии К. Езовитовым вполне плодотворно продолжалось и в 1930-е гг., даже на фоне подобного литовскому правого режима Ульманиса. Поэтому влияния внутренних противоречий белорусской колонии не стоит недооценивать. При этом, в отличие от Езовитова, Головинский, судя по всему, искренне симпатизировал коммунистическим идеям, считая их вполне совместимыми с белорусской национальной идеей. Однако зигзаги советской политики, подчас совершенно неожиданные даже для ее послушных исполнителей, поставили под удар в том числе и совершенно лояльных деятелей.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ezavitaŭ K. Беларусы ў Літве // Запісы. Беларускі інстытут навукі і мастацтва. New York; Miensk, 2013. № 36. С. [113]–[129].

Ліс А. Аляксандр Цвікевіч. Выдатны публіцыст і гісторык. Мінск: Харвест, 2014. 63 с.

Чернякевич А. Н. БНР. Триумф побежденных. Минск: А. Н. Янушкевич, 2018. 302 с.

Błaszczak T. Białorusini w Republice Litewskiej. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2017. 368 s.

Iwanow M. Białoruskie zmienowiechowstwo // Białoruskie Zeszyty Historyczne. No. 51. Białystok, 2018. S. 71–93.

Lopata R. Authoritarian regime in interwar Lithuania: circumstances, legitimation, conception. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1998. 121 p.

References

Błaszczak, T. *Białorusini w Republice Litewskiej*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2017, 368 p.

Cherniakevich, A. N. *BNR. Triumf pobezhdennykh*. Minsk: A. N. Ianushkevich, 2018, 302 p.

Ezavitaŭ, K. “Belarusy ŭ Litve.” *Zapisy. Belaruskі instytut navuki i mastatstva*, no. 36, New York, Minsk, 2013, pp. 113–129.

Iwanow, M. “Białoruskie zmienowiewchwstwo.” *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, no. 51, 2018, pp. 71–93.

Lis, A. *Aliaksandr Tsvikevich. Vydatny publitsiyst i historyk*. Minsk: Xarvest, 2014, 63 p.

Lopata, R. *Authoritarian regime in interwar Lithuania: circumstances, legitimation, conception*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1998, 121 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.02

Korotkova D. A.

The Soviet Plenipotentiary Mission and the Belarusian diaspora in Lithuania in the 1920s

Darya A. Korotkova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: dasza1981@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4516-3228

Citation

Korotkova D. A. The Soviet Plenipotentiary Mission and the Belarusian diaspora in Lithuania in the 1920s // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 254–271 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.02

Received: 10.11.2020.

Abstract

The article is dedicated to little-known pages of the history of Soviet diplomacy. Contacts with emigrant circles were an important part of the work of the Soviet representative office in Lithuania in the 1920s. The search for effective ways to infiltrate communist propaganda in broad circles of the population of neighboring countries, as well as attempts to persuade political figures of these countries to cooperate, were the main motives of these relations. Starting in 1921, the emigrants themselves, including members of the Council of the Belarusian People’s Republic, the unrecognized Belarusian government in exile, sought connections with Soviet diplomats, mainly for financial reasons. These contacts became interesting for Soviet establishment in 1923, when the Council of

ambassadors of the Entente recognized the Soviet-Polish borders under the Riga Peace treatment. Looking for the way out of situation they decided to transfer to BSSR to implement even partially their ideas, or to cooperate closely with the Soviet mission. This one in its turn used this channel for access to Belarusian minority in Lithuania. The article is based on archival materials of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR.

Keywords

Kovno Lithuania, Belarusian Committee, Lastovsky, Golovinsky, Kozyura, Zander, Alexandrovsky.

Абрамчик и Островский: борьба за лидерство в среде белорусской послевоенной эмиграции

Кодин Евгений Владимирович
Доктор исторических наук, профессор
Смоленский государственный университет
214000, ул. Пржевальского 4, Смоленск, Российская Федерация
E-mail: evkodin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5072-3034

Цитирование

Кодин Е. В. Абрамчик и Островский: борьба за лидерство в среде белорусской послевоенной эмиграции // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 272–290. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.03

Статья поступила в редакцию 12.11.2020.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-59-00001/20.

Аннотация

Послевоенная белорусская эмиграция, как в Европе, так и в США, разделилась на две основные группы: сторонников президента Белорусской центральной рады Р. К. Островского и председателя Рады БНР Н. С. Абрамчика. Рассекреченные документы ЦРУ свидетельствуют о том, что это было соперничество за право не просто выступать и действовать от имени всей белорусской эмиграции, но и получать существенные дивиденды от тесного сотрудничества с американским разведывательным управлением в реализации планов по дестабилизации обстановки в Белоруссии посредством подготовки разного рода шпионских, подрывных операций, вплоть до прямой заброски агентов на территорию БССР в 1950-е годы, а также в информационно-пропагандистской работе против советской Белоруссии. Данное противостояние выливалось в различные формы: обвинения в непосредственном сотрудничестве с нацистами в годы войны (Островский) или в самом назначении себя руководителем БНР (Абрамчик); разное виденье будущего свободной Белоруссии и ее внешнеполитического курса, а также средств и методов

борьбы за освобождение белорусского народа от коммунистического строя и др. При этом и Абрамчик, и Островский хорошо понимали, что для укрепления своих позиций в среде белорусской эмиграции необходимы были тесные отношения с теми, кто выстраивал и финансировал антисоветскую политику Запада в годы «холодной войны». В первую очередь речь шла об американских спецслужбах. И здесь очевидную победу одержал Абрамчик, в лагерь которого вскоре перешли и основные бывшие соратники Островского.

Ключевые слова

Белорусская послевоенная эмиграция, Н. С. Абрамчик, Р. К. Островский, ЦРУ, Европа, США.

В историографии о белорусском коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны имеется немало публикаций как объективно-исторического¹, так и односторонне-апологетического² характера. Ставшие относительно недавно доступными в Национальном архиве США рассекреченные документы ЦРУ проливают новый свет не столько на деятельность коллаборационистов в оккупированной нацистами Белоруссии, сколько на то, как в годы «холодной войны» американские спецслужбы, вопреки национальному законодательству о необходимости предания суду бывших нацистских приспешников, использовали их в своих интересах, финансировали, защищали от правосудия, предоставляли американское гражданство.

Одновременно документы ЦРУ показывают острое противостояние двух основных групп послевоенной белорусской эмиграции в

1 Например, *Романько О. В.* Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945). Симферополь, 2008; *Соловьёв А.* Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность и крах. Минск, 1995; *Loftus J.* The Belarus secret / ed. by N. Miller. New York, 1982; *Loftus J.* America's Nazi Secret. Walterville, 2010; *Rein L.* The kings and the pawns: collaboration in Byelorussia during World War II. New York, 2011 и др.

2 *Kalush V.* In the service of the people for a free Byelorussia: biographical notes on professor Radoslav Ostrowski. London, 1964; *Nakashidze N.* The truth about A.B.N. (Anti-Bolshevik Block of Nations): an answer to the provocations of Moscow's fifth column in the West. Munich, 1960 и др.

Европе, в первую очередь в Мюнхене и Париже, а затем и в самих США: сторонников президента Белорусской центральной рады Радослава Островского и группы «Кривичей» во главе с председателем Рады БНР (в эмиграции) Николая Абрамчика³.

13 апреля 1953 г. директор ФБР Джон Эдгар Гувер направил директору ЦРУ материалы, в которых дается такая оценка белорусским организациям в США: «Белорусы в Соединенных Штатах малочисленны и имеют две группы: одну возглавляет Микола (так в тексте, верное написание — Николай. — *Е. К.*) Абрамчик, а другую — Радислав (так в тексте, верное написание — Радослав. — *Е. К.*) Островский. Обе группы настроены антикоммунистически и хотят, чтобы Белоруссия была свободна от советского и иностранного господства. Тем не менее эти группы не имеют согласия в вопросе лидерства и не согласны друг с другом в связи с расхождениями по личностям, поскольку каждый желает быть главным в будущей Белой Руси»⁴.

В Европе же, согласно приводимым Н. П. Вакарком данным международного комитета помощи беженцам, в 1948 г. в 14 лагерях для беженцев на территории Германии находилось около 30 тыс. белорусов⁵. Хотя сам он считает эту цифру существенно заниженной. Но при этом также констатирует, что руководство белорусской эмиграции в Европе было расколото на две «открыто враждебные группы»⁶: сторонников Рады БНР и минской Центральной рады.

Документы ЦРУ свидетельствуют об участии многих бывших нацистских коллаборационистов в подготовке американскими спецслужбами разного рода разведывательных, подрывных операций, вплоть до прямой заброски агентов на территорию БССР в 1950-е гг., и в информационно-пропагандистской работе против СССР с территории Европы совместно и под эгидой Американского комитета освобождения от большевизма посредством «Радио Свобода», Мюн-

3 National Archives and Records Administration (далее — NARA). College Park. MD: RG 263. CIA. Ostrowski, Radoslaw. E ZZ-18. B 98; Abramtchik, Mikola. E ZZ-18. B 1.

4 Ibid. CIA. Ostrowski, Radoslaw. E ZZ-18. B 98. “Federal Bureau of Investigation, Byelorussian Democratic Republic, Central Council in the USA”, 23 March 1953. P. 3.

5 *Vakar N. P.* Belorussia: the making of a nation: a case study. Cambridge, MA, 1956. P. 220.

6 Ibid. P. 220.

хенского института по изучению истории и культуры СССР⁷ и иных структур. В 2015 г. стали известны раскритиченные криптонимы сотрудничавших с ЦРУ: Абрамчик проходил под именем CAMBISTA-4, Островский — АЕТОМАС-2⁸.

В противостоянии двух лидеров белорусского национализма в целом гораздо большую поддержку со стороны американцев с самого начала получил менее запятнавший себя непосредственным сотрудничеством с нацистами Н. С. Абрамчик. Островский же, вынужденный многие годы эмиграции провести в Лондоне, станет, подобно Н. П. Вакару в США, одним из основателей британского послевоенного исторического белорусоведения.

* * *

Радослав Казимирович Островский родился 25 октября 1887 г. в Слуцком уезде Минской губернии в крестьянской семье. Умер 17 октября 1976 г. в США. Похоронен в штате Нью-Джерси.

По окончании школы в Слуцке поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1911 г. арестован за революционную деятельность, выслан в Псков. Закончил Дерптский университет (с 1893 г. — Юрьевский, ныне Тартуский университет, Эстония. — *Е. К.*). Работал учителем в Польше, Минске, Ярославле. Весной 1917 г. в Слуцке избирается уездным комиссаром Временного правительства. После октябрьской революции 1917 г. Островский работает директором Слуцкой белорусской гимназии, в том числе и во время немецкой оккупации. В декабре 1918 г., опасаясь ареста, присоединяется к армии Деникина, служит офицером разведки в штабе дивизии генерала Виноградова⁹. В декабре 1919 г. в ходе отступления Добровольческой армии он вновь оказывается в Слуцке, но теперь уже оккупированном польскими войсками (идет

7 О работе института под полным контролем ЦРУ см.: *Кодин Е. В.* Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016.

8 “Research Aid: Cryptonyms and Terms in Declassified CIA Files: Nazi War Crimes and Japanese Imperial Government Records Disclosure Acts”. 1. Central Intelligence Agency Website. URL: <http://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records/second-release-lexicon.pdf> (дата обращения: 01.12.2020).

9 NARA. RG 263. CIA. Ostrowski, Radoslaw. E ZZ-18. B 98. “Brief Biography”. P. 2.

польско-советская война. — *Е. К.*) Участвует в Слудском восстании. Затем возглавляет польско-американский комитет помощи детям (Polish-American Relief Committee) в Пинске, становится инспектором этого комитета по всем пяти восточным губерниям — Полесье, Луцк, Новогрудок, Белосток, Вильно.

Осенью 1923 г. Островский принимает приглашение белорусских делегатов польского парламента поехать в Вильно и «спасать» белорусскую школу от поляков. В течение 13 лет он работал там директором школы, пока по требованию губернатора его, как «политически опасного человека», не направили в Лодзь учителем математики и физики, где он находился до начала Второй мировой войны. В октябре 1939 г. органами НКВД в Вильно были арестованы его жена, преподававшая в школе, и сын. Их приговорили к 5 и 8 годам концлагерей соответственно¹⁰. Это в значительной степени укрепило его изначальные антисоветские и антироссийские жизненные позиции.

Уже в начале июля 1941 г. Островский работает начальником управы Минского округа, создает местные органы власти. Затем та же работа будет в Брянске, Смоленске и Могилеве. В декабре 1943 г. приказом генерального комиссара в Минске Курта фон Готтберга Островский был назначен президентом Белорусской центральной рады — созданного нацистами органа управления из числа белорусов.

Под руководством Островского Рада создает отряды Белорусской краевой самообороны: было сформировано 40 батальонов¹¹, сосредоточенных в районах, где было больше всего партизанских действий.

В конце июня 1944 г. сотрудники Рады и члены их семей специальным поездом были отправлены в Берлин. Началась жизнь в эмиграции.

Здесь в Европе к этому времени все больше укреплял свои позиции в эмигрантской среде председатель Рады БНР (в эмиграции) Н. С. Абрамчик (руководил Радой с 1943 по 1970 г. — *Е. К.*). Именно с его именем связано и тесное послевоенное сотрудничество белорусской эмиграции с Центральным разведывательным управлением США. В документах ЦРУ имеется большое количество материалов, свидетельствующих о многолетних тесных контактах Абрамчика с американской спецслужбой, направленных на реализацию антибелорусских по своей сути проектов эпохи «холодной войны».

¹⁰ Ibid. “The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present”, August 22, 1952. 1. P. 5.

¹¹ Ibid. P. 11.

Сотрудники ЦРУ располагали достаточно полными данными о жизни Абрамчика.

Николай Семенович Абрамчик родился 6 августа 1903 г. в Сычевичах Виленского уезда Виленской губернии. Учился в школе в Минске и в Радошковичах (Сычевичи и Радошковичи находятся в Молодечненском районе современной Белоруссии. — *Е. К.*). В молодости Абрамчик был сторонником коммунистической идеи и активным участником белорусского комсомольского движения. Он создал комсомольскую организацию в Радошковичах и за активную работу был поощрен поездкой в Москву на съезд комсомола, откуда вернулся «важным официальным лицом в белорусском комсомоле»¹². Однако затем резко поменял свои политические взгляды, порвал с комсомолом и уехал в Прагу, где жил с 1925 по 1929 г. По окончании чешского колледжа получил диплом экономиста, затем учился на философском факультете Карлова университета в Праге. В столице Чехословакии познакомился с Василием Захарко (второй председатель Рады БНР (в эмиграции). — *Е. К.*). В 1931 г. поселился в Париже, включился в политическую деятельность в среде белорусской эмиграции¹³. К этому времени французское правительство разрешило деятельность Союза белорусов во Франции, и Абрамчик полностью посвятил себя работе в среде белорусских эмигрантов. Данная деятельность предполагала также и тесные контакты с Захарко, у которого Абрамчик стал своего рода «заместителем по Западной Европе». А 12 марта 1943 г. Захарко передал Абрамчику пост председателя Рады БНР (в эмиграции). Лявон Рыдлевский (Lyavon Ryidlevski), автор 15-страничной биографии Абрамчика, объясняет это так: Захарко знал Абрамчика как «революционера белорусского освободительного движения, человека с неиссякаемой энергией, посвятившего всю свою жизнь белорусскому народу. Не удивительно, что перед своей смертью президент Захарко не желал передать свои полномочия никому другому, кроме Абрамчика»¹⁴.

В дальнейшем именно это обстоятельство кулуарной передачи власти в руки Абрамчика будет основанием для глубокого раскола в рядах белорусской послевоенной эмиграции: группа Радослава

12 Ibid. “About the Byelorussian Committee “Krivichi”. 5 March 1957. P. 2.

13 Ibid. Abramtchik, Mikola. E ZZ-18. B1. Office Memorandum. “Mikola Abramchik. Biographic Information”. 17 April 1950. P. 2.

14 Ibid. “The Life and Activities of M. Abramchik”. Не позже 8 января 1950 г. P. 1–14.

Островского, президента Белорусской центральной рады, не признает Абрамчика по той причине, что его никто и никогда не избирал руководителем Рады БНР. В ответ группа «Кривичей» Абрамчика будет обвинять сторонников Островского в открытом сотрудничестве с нацистами, «с гордостью» заявляя в противовес, что во время войны «партизаны Абрамчика никогда не сотрудничали с немцами, а, наоборот, воевали против нацистов наравне с большевиками»¹⁵. Документы ЦРУ подтверждают, что в 1943 г. Абрамчик действительно нелегально побывал в оккупированной Белоруссии, где встречался с партизанами, боровшимися с фашистами. А после возвращения в Берлин в ноябре 1943 г. он был арестован и выслан в Париж под наблюдение гестапо. По словам Рыдлевского, там за ним был установлен жесткий контроль, ему было запрещено встречаться с белорусами где бы то ни было и даже вести переписку¹⁶.

Хотя в архивных документах имеются разные трактовки деятельности Абрамчика в самый начальный период Второй мировой войны. Так, у автора названной биографии Абрамчика этот эпизод представлен несколько туманно: Абрамчик два года в Берлине, создает в столице Германии и руководит Белорусским комитетом взаимопомощи, что являлось «значительной моральной поддержкой для белорусов». Иногда у него даже бывала возможность поездок в Прагу на встречи с Захаркой¹⁷.

Островский же пишет об этом совсем иначе. Осенью 1939 г. «Абрамчик, живший в Париже, вошел в контакт с немецким гестапо после оккупации Парижа, и в один прекрасный день гестапо доставило Абрамчика в Берлин работать в белорусской газете “Раница”». Но их надежды на работу Абрамчика в газете не оправдались, тем более что белорусский нацист Фабиан Акинчиц, уже работавший с немцами (Акинчиц — один из создателей Белорусской национал-социалистической партии, с 1938 г. проживал в Германии, работал в министерстве пропаганды. — Е. К.), представил в гестапо один из номеров издававшегося в Париже под редакторством Абрамчика белорусского журнала «*Rekha*», на страницах которого проводилась «полностью коммунистическая линия». По этой причине Абрамчик «пережил много неприятных моментов», но в итоге

15 Ibid. Memorandum “Byelorussian Resistance Movement”. 8 February 1951. P. 7.

16 Ibid. Abramtchik, Mikola. E ZZ-18. B1. “The Life and Activities of M. Abramchik”. P. 14.

17 Ibid. P. 13.

«его не тронули, а оставили на работе в департаменте взаимопомощи Белорусского комитета»¹⁸.

В справке ЦРУ данный эпизод описан уже в третьем варианте. В 1939 г. после нападения Германии на Польшу Абрамчик «был вызван» в Берлин «некоторыми немецкими политическими кругами». Ему было поручено издательство белорусской газеты «Раница», но с этой работой Абрамчик, не имевший соответствующей квалификации, не справился, и его «перевели на работу в Комитет белорусской взаимопомощи»¹⁹. Однако поработал он там недолго: возникли трения с комитетом по вопросам финансов, и вскоре Абрамчик уехал в Прагу.

Во время капитуляции Германии Абрамчику удалось покинуть Берлин и перебраться в Париж, где он и начинал свою работу в среде белорусских эмигрантов еще в 1931 г. Вначале Абрамчик сделал ставку на англичан и поляков. В июле 1947 г. он едет в Лондон, где встречается с польским правительством в изгнании. Здесь была созвана конференция, в ходе которой Абрамчик давал согласие считать западную Белоруссию польской территорией, а в ответ конференция «признавала Абрамчика президентом БНР»²⁰. Здесь же, в Лондоне, была достигнута договоренность и с генералом Андерсом: в случае войны белорусы будут воевать под общим командованием британцев, а офицерами в белорусских соединениях будут поляки. Польское правительство (в изгнании) взяло на себя обязательства финансировать деятельность БНР. Абрамчик сразу получил 300 фунтов стерлингов, что было существенной суммой для начала работы²¹. В конце 1947 г. он прибыл в Германию, где работа Рады начала строиться вокруг группы «Кривичей».

В оперативной информации ЦРУ говорилось, что «Кривичи» были созданы в июле 1945 г. в Регенсбурге (Германия). Целью организации была «подготовка будущего правительства Белоруссии»²². При этом она была сформирована на принципах «однопартийности, диктатуры и

18 Ibid. Ostrowski, Radoslaw. E ZZ-18. B 98. "The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present". August 22. 1952. P. 2.

19 Ibid. "About the Byelorussian Committee "Krivichi"". 5 March 1957. P. 3.

20 Ibid.

21 Ibid. "The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present". August 22. 1952. P. 14.

22 Ibid. "About the Byelorussian Committee "Krivichi"". 5 March 1957. P. 1.

шовинизма»²³. Группа «Кривичей» характеризовалась в американских документах как «крайне националистическая» и антирусская. Она выступала за полную независимость Белоруссии, против русского языка и русской культуры²⁴. Сам же Абрамчик оценивался в документах ЦРУ как «непримиримо враждебный к СССР», сторонник независимой в политическом и культурном отношении от Польши и СССР Белоруссии, настроенный на дружеские отношения со всеми странами, включая США²⁵. А в меморандуме разведывательного управления от 7 марта 1950 г., подготовленном на основе отчета офицера по итогам общения с Абрамчиком по время пребывания последнего в США, куда он прибыл 27 ноября 1949 г. по туристической визе (побывал в Нью-Йорке, Вашингтоне, Кливленде и Чикаго. — *Е. К.*), уже делалось заключение, что Абрамчик «мог быть полезен» ЦРУ²⁶.

Итак, группа Островского, в большом количестве вывезенная немцами в Германию летом 1944 г., оказалась в основном в американской зоне оккупации. Еще в ходе войны в Германии белорусские батальоны были реорганизованы в первую Белорусскую дивизию под командованием представителя штаба СС. Дивизия была дислоцирована в Баварии. 25 марта 1945 г. Островский посетил дивизию и на встрече с офицерами издал секретный приказ установить контакты с командованием войск союзников. Это было сделано в апреле. В итоге дивизия сдалась в плен американцам. В целом у Островского в Германии была многотысячная группа поддержки.

Сам же Островский поселился в небольшом городке Хёкстер (*Hoxter*), земля Северный Рейн-Вестфалия, в британской зоне оккупации и занялся установлением контактов с англичанами. К этому были и личные основания. В Лондоне проживал сын Островского Виктор, который в годы войны служил в армии Андерса и в результате сложных перемещений окончательно оказался в столице Великобритании. В 1950 г. Островский побывал в Лондоне, предложил британцам создать Белорусское освободительное движение как подпольную вооруженную армию под эгидой британских спецслужб в подчинении Островского и Рады. Но поддержки не получил. Воз-

23 Ibid.

24 Ibid. Mikola Abramtchik, E ZZ-18, B1. Memorandum “Byelorussian Resistance Movement”. 8 February 1951. P. 3.

25 Ibid. “Mikola Abramtchik”. May 1950.

26 Ibid. Office Memorandum. “Mikola Abramchik. Biographic Information”. 7 March 1950. P. 2.

можно, и по причине того, что англичан в полной мере устраивали состоявшиеся еще в 1947 г. договоренности с Абрамчиком, который опередил Островского на целых три года.

Белорусская центральная рада, обосновавшаяся в Германии и «продолжавшая борьбу за освобождение Белоруссии от советской оккупации»²⁷, пережила к этому времени существенные организационные преобразования. Для того чтобы не попасть под законодательство США и ее членам не быть выданными Советскому Союзу за сотрудничество с нацистами, по инициативе Островского Белорусская центральная рада была преобразована в Белорусский национальный центр, располагавшийся в том же Регенсбурге (Бавария), что и группа «Кривичей» Абрамчика. Белорусские военные подразделения, взятые в плен американскими войсками, также были размещены в лагере недалеко от Регенсбурга. Высокообразованные члены Белорусской центральной рады позиционировали себя в лагерях как польские граждане, чтобы не попасть под советскую репатриацию.

Таким временным бездействием Рады Островского сразу же воспользовался Абрамчик, претендуя на единоличное представительство белорусской эмиграции как председатель Рады БНР. И тогда к Островскому «пошли делегации» от эмиграции с требованием противостоять Абрамчику и восстановить деятельность минской Рады. Что и было сделано в мае 1948 г. на общем собрании, в котором приняли участие делегаты первого собрания 1918 г., минского съезда, представители от белорусских беженцев в лагерях для перемещенных лиц и др.²⁸ «Кривичи» Абрамчика не принимали участия в выборах 1948 г., поскольку понимали, что не получат большинства. Они также отказались войти в эмигрантский координационный совет политических партий, хотя их дважды приглашали.

Островский же, во избежание ареста и репатриации, получив летом 1950 г. визу, уезжает в Аргентину, где с 1948 г. с мужем и детьми проживала его дочь, работавшая врачом в Сан-Луисе. Этот отъезд Островского в Латинскую Америку способствовал еще большему падению его влияния в белорусских эмигрантских кругах Германии, а его последователи и даже самые близкие соратники по Белорусской центральной раде начали переходить в лагерь Абрамчика (Франчишек Кушель, Борис Рагула, Станислав Станкевич, Витовт Тумаш и др.).

27 *Kalush V.* In the service of the people for a free Byelorussia... P. 61.

28 *Ibid.* P. 14.

Вернувшись из Аргентины в Европу в мае 1952 г., Островский делает теперь ставку на американские службы в Западной Германии. С этой целью он представил сотрудникам ЦРУ свою биографию, историю создания Рады и информацию об антисоветской белорусской диаспоре в мире. Одновременно последовали подробные предложения о целесообразности создания совместной американо-белорусской разведывательной группы для работы на территории Белоруссии. Островский утверждал, что война Запада с СССР неизбежна, поскольку то были «две противоположные системы», а «демократия и коммунизм не могут сосуществовать»²⁹. Далее он рассуждал о способах борьбы с советским коммунизмом на территории Белоруссии. На первое место он ставил пропаганду. Но вестись она должна была не через «Голос Америки» или «Радио Свобода», а исходить от тех, «кому люди верят и кто ни разу их не предавал», от «кровных братьев» угнетенных людей, т. е. от белорусов-эмигрантов³⁰. При этом пропаганда должна была обязательно дополняться созданием антибольшевистского подполья на территории СССР. Островский уверял ЦРУ, что на земле Белоруссии это было возможно, поскольку там остались те, кто был в составе созданных им в 1944 г. белорусских батальонов. Одновременно можно было также опереться и на поляков, которые желали вернуть себе земли западной Белоруссии.

Островский предлагал объединить усилия американских спецслужб и белорусского подполья в Белоруссии. При этом он понимал, что в СССР долго находиться на конспиративном положении будет невозможно, но и легализоваться засланным агентам полностью так же не получится. Поэтому ставку нужно было делать на тех людей, которые уже находились на занимаемых постах в республике. И такие люди есть, утверждал Островский. Еще «с тех времен». И делал такой довольно двусмысленный вывод: «Они не будут работать за доллары, но активная работа невозможна без долларов»³¹.

С целью развеять сомнения американцев в возможности сотрудничества с ним из-за его прежней работы на нацистов Островский в специальной записке для ЦРУ писал: «Неважно, что мы были коллаборационистами в годы войны, и совершенно неважно, с кем мы сотрудничали — с немцами или с дьяволом. Важно то, что мы ни-

29 NARA. RG 263. CIA. Ostrowski, Radoslaw. E ZZ-18. B 98. "The Belorussian Central Rada (Council), Past and Present". August 22. 1952. 1. P. 17.

30 Ibid.

31 Ibid. P. 19.

когда не сотрудничали со Сталиным и что мы непрерывно боролись с ним»³². Другими словами, для Островского было неважно, что это нацисты сотнями тысяч уничтожали жителей Белоруссии. Для него главным было показать, что он и его соратники боролись со Сталиным, даже содействуя Гитлеру и непосредственно участвуя в массовых расстрелах евреев, в борьбе с партизанами, в организации военных подразделений и структуры гражданской администрации в оккупированной Белоруссии.

Именно такой подход звучал в выступлении Островского еще на втором Всебелорусском съезде в Минске 27 июня 1944 г.: «Когда мы создавали Белорусскую центральную раду, то нашей первой задачей было сделать что-либо по защите страны от большевиков и иных вооруженных бандитов»³³. То есть врагом белорусского народа Островский видел только большевиков. И эта мысль об «освободительной» роли Рады от большевиков и русских будет ретранслироваться и в послевоенное время. А в 1960 г. в одной из мюнхенских публикаций даже будет утверждаться, что Белорусская центральная рада «была не германским изобретением, а прямым результатом борьбы белорусского народа за освобождение своей страны от оккупантов, и в основном от русских и поляков»³⁴.

Однако и здесь Островский значительно запоздал со своими предложениями для американцев, поскольку уже с 1949 г. ЦРУ сделало ставку на Абрамчика.

Хотя однажды американцами все же была предпринята попытка объединить усилия двух соперничавших между собой белорусских групп. При содействии и с участием сотрудников ЦРУ 17 и 18 августа 1953 г. в Мюнхенском институте по изучению СССР состоялась встреча Абрамчика и Островского — первая за 30 лет. Островский предложил Абрамчику обсудить возможности примирения между двумя группами — Радой БНР и Белорусской центральной радой. Предложения Островского были следующими: 1) две группы сливаются в одну, Островский становится президентом белорусского правительства в изгнании, Абрамчик — премьер-министром и министром иностранных дел; 2) если нет, то одновременно и Островский, и Абрамчик отказываются от претензий на президентство, и вся белорусская эмиграция избирает новое правительство; 3) если нет, то

32 Ibid. P. 17–18.

33 *Kalush V.* In the service of the people for a free. P. 85.

34 Цит. по: Ibid. P. 88.

следует попробовать создать некий орган, который мог бы координировать деятельность БНР и БЦР³⁵. После шести часов обсуждений лидеры двух групп белорусской эмиграции пришли к заключению, что, хотя это будет и очень трудно, но они попробуют действовать в русле оговоренного. Но никаких подвижек в данном направлении ни от одной из сторон так и не последует.

В целом тесного сотрудничества с ЦРУ у Островского не получилось. Очевидно, что такое настороженное отношение к нему со стороны американских спецслужб было вызвано его непосредственным сотрудничеством с нацистами в годы войны. Не получив ответа на все свои предложения от американцев, Островский в 1954 г. уезжает к сыну в Лондон. Здесь он займется издательской деятельностью: вместе с сыном будут готовить и издавать под «шапкой» Белорусской центральной рады работы по белорусской истории. Красной нитью через все лондонские публикации конца 1950-х — 1960-х годов будет в первую очередь проходить антирусская и антисоветская позиция руководителя минской Рады.

Дочь Островского к тому времени уже проживала в США. В 1960 г. она получила американское гражданство и пригласила к себе отца. В апреле 1962 г. американцы выдают Островскому иммигрантскую визу. Через 10 лет ему одобряют и получение американского гражданства. Однако прежнего влияния на белорусскую диаспору у Островского уже не будет. Американские группы Островского (Нью-Йорк) и Абрамчика (Нью-Джерси) будут продолжать свое соперничество с существенным преимуществом последнего как «законного» руководителя Белорусской народной республики (в эмиграции).

Начиная со своего первого визита в США в 1949 г., Абрамчик уверенно перехватил инициативу в общении с американскими спецслужбами, демонстрируя свое якобы хорошее знание положения дел в среде белорусской эмиграции. Он заверял сотрудников ЦРУ, что, хотя белорусские эмигрантские группы и имели мало прямых контактов со своей родиной, в основном они сводились к формату редких писем, тем не менее он «знал многих способных и серьезно настроенных молодых белорусских эмигрантов, которые хотели бы побывать в своей стране с разведывательной миссией», и предлагал свои услуги по подбору нескольких групп из проживавших в разных странах белорусов, с тем чтобы заслать их в Белоруссию с подробными заданиями от ЦРУ.

35 NARA. RG 263. CIA. Abramtchik, Mikola. E ZZ-18. B1. "Report on meeting between Abramtchik and Ostrovskiy". 27 August 1953. P. 1.

Не отставал от своего соперника в этом вопросе и Островский. Вакар описывает это такими примерами. Представители Островского говорят о «тысячах белорусских героев, находящихся в лесах и в глубинках страны и, будучи полностью безоружными, нападающих на танки, вооруженные патрули коммунистической полиции и войска». Сторона Абрамчика в ответ заверяла, что в Белоруссии «около 50 тысяч партизан», которые «преследуют русских, под командованием генерала Витушко»³⁶. Все это, в оценке Вакара, выглядело совершенно нереалистичным, но поскольку проверить это было невозможно, обе стороны пользовались этим в полной мере. Представители БНР заявляли, что их Рада «объединила и консолидировала всю политическую эмиграцию» вокруг Абрамчика. Противники же утверждали, что «сила Абрамчика — фикция, а его организация раскола продолжающейся внутренней борьбой и склоками»³⁷.

Изначальный совместный проект ЦРУ и Рады БНР предполагал «установление контактов и поддержку любого существующего протестного движения внутри БССР или развитие такого движения», а также использование «всех средств, созданных в БССР в целях поддержки разведывательных закупочных операций в СССР»³⁸. ЦРУ брало на себя обязательства «оказывать помощь БНР в публикации листовок и других пропагандистских материалов, предназначенных для белорусского населения» и осуществлять финансовую поддержку БНР, позволяющую «издавать эмигрантскую газету с целью стимулирования развития белорусского национализма в эмигрантском сообществе»³⁹. Речь шла о газете «Отечество», которая начала выходить еще в 1946 г., но из-за нехватки средств печаталась и распространялась нерегулярно. В 1951 г. ЦРУ взяло на себя обязательства систематического финансирования издания, которые им и исполнялись.

Основным проектом ЦРУ и белорусской эмиграции в Европе, детали которого в течение многих лет обсуждали представители американской спецслужбы с Абрамчиком и финансировали эту часть его деятельности, стал проект под названием AEQUOR (эй-кор — лат., водная гладь. — *Е. К.*), включавший в себя подготовку разного рода операций на территории Белоруссии, вплоть до переброски туда диверсионных и разведывательных групп. Проект осуществлялся с 1951 по 1962 г. Кроме

36 *Vakar N. P.* Belorussia: the making of a nation... P. 221–222.

37 *Ibid.* P. 222.

38 NARA. RG 263. CIA. “AEQUOR, Vol. 3”. P. 4.

39 *Ibid.* P. 7.

Абрамчика в нем были задействованы и прежние соратники Островского по минской Раде — Кушель, Рагула, Станкевич, Тумаш.

С самого начала услуги Рады БНР и ее руководителя довольно щедро оплачивались ЦРУ. Так, в ноябре 1951 г. Абрамчик, соглашаясь на сотрудничество с американским разведывательным управлением по разным вопросам, включая сбор оригинальной белорусской одежды для ЦРУ, оценивал эту работу в одну тысячу долларов ежемесячно, поскольку парижская Рада БНР, по его выражению, «была бедной как церковная мышь»⁴⁰. Аналогичные суммы фигурируют в материалах архива ЦРУ и в последующие годы⁴¹. Деньги от ЦРУ Абрамчик направлял в Бельгию на четыре разных счета: один счет принадлежал социальной организации, три — проживавшим там белорусам. Часть денег Абрамчик получал наличными. Это одновременно должно было объяснять и подтверждать официальную версию его частых поездок в США — сбор благотворительных средств на нужды БНР⁴².

Укреплению позиций Абрамчика в эмигрантской среде способствовало и его выступление в Палате представителей Конгресса США во время слушаний 1954 г. по расследованию международной коммунистической агрессии. В своих показаниях Абрамчик оценивал результаты сталинского режима для Белоруссии следующим образом. В 1929–1930 гг. большевики развязали репрессии по всей стране, включая Белоруссию. В первую очередь арестовывались представители сферы образования и науки республики. В тюрьмы и лагеря попали несколько тысяч человек, среди них около 300 профессоров университетов. Затем в ходе коллективизации начались аресты в крепких крестьянских хозяйствах. Общее число арестованных белорусских крестьян составило около миллиона человек. Большой террор 1937–1938 гг. унес жизни около 50 тыс. белорусов только в территориальных границах самой Белоруссии. А всего за 35 лет большевистского режима в Белоруссии было репрессировано около 15 млн человек, из которых 3 млн были расстреляны или высланы в Сибирь. В 1918 г. численность населения Белоруссии составляла 18 млн человек. С учетом естественных темпов ежегодного прироста оно должно было вырасти на 12 млн, составив к середине 1950-х годов до 30 млн человек. В действительности же на момент дачи показаний

40 Ibid. Abramtchik, Mikola. E ZZ-18. B1. “Second Conference with Mykola Abramchik”. 25 November 1951.

41 Ibid. “Contact Report on Cambista 4”. 31 January 1952.

42 Ibid. Memorandum. “Contact Report — Meeting with Cambista 4”. 26 May 1953. P. 6.

в Конгрессе эта цифра составляла всего 16 млн человек⁴³. При этом о потерях Белоруссии в годы Второй мировой войны в выступлении Абрамчика не было ни слова. Каких-либо обоснований приведенных им цифр тоже не давалось. Слова Абрамчика принимались на веру. Теперь он уже выступал от имени всего белорусского народа.

При этом многие годы активного сотрудничества Абрамчика с ЦРУ не привели его к эмиграции в США. В 1956 г. детально обсуждался вопрос лишь о возможности эмиграции в Америку его жены и трехлетнего сына. В принципе Абрамчик мог обратиться за иммигрантской визой через соответствующую французскую квоту на выезд в Америку. Но рассмотрение заявления обычно занимало время до трех лет. А по существовавшим правилам с момента подачи заявления на иммиграцию Абрамчик терял бы право получения обычной туристической визы для поездок в США, которые в полной мере курировало и финансировало ЦРУ.

Таким образом, после отъезда Островского в Лондон в 1954 г. Николай Абрамчик будет позиционировать себя главным руководителем и представителем белорусской послевоенной эмиграции как в Европе, так и в Соединенных Штатах Америки. В значительной степени его влияние в эмигрантской белорусской среде определялось не столько какими-либо личными заслугами или достижениями Рады БНР, сколько поддержкой со стороны ЦРУ и отдельных официальных лиц американского истеблишмента.

Источники и литература

National Archives and Records Administration (NARA).

Кодин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? / Смоленский гос. университет. Смоленск: СмолГУ, 2016. 272 с., [12] л. ил.

Романько О. В. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945) / Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского. Симферополь: Антиква, 2008. 303 с.

43 Russia, the suburb of hell, from Ivan Kalita to Khrushchev Nikita; material for historical research and study of the subject / reviewed, arranged and compiled by W. Ostrowski. London, 1961. P. 69–70.

Соловьёв А. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность и крах. Минск: Навука і тэхніка, 1995. 176 с.

Kalush V. *In the service of the people for a free Byelorussia: biographical notes on professor Radoslav Ostrowski*. London: [Abjednańnie], 1964. 92 p.

Loftus J. *America's Nazi Secret: an insider's history of how the United States Department of Justice obstructed Congress by: blocking Congressional investigations into famous American families etc.* Waltherville, OR: TrineDay LLC, [2011]. xviii, 316 p.

Loftus J. *The Belarus secret* / ed. by N. Miller. New York: Knopf, 1982. viii, 196 p., [8] p. of plates.

Nakashidze N. *The truth about A.B.N. (Anti-Bolshevik Block of Nations): an answer to the provocations of Moscow's fifth column in the West*. Munich: A.B.N. Press and Information Bureau, 1960, 1960. 62 p.

Rein L. *The kings and the pawns: collaboration in Byelorussia during World War II*. New York: Berghahn Books, 2011. xxiii, 434 p.

Research aid: cryptonyms and terms in declassified CIA files: Nazi War crimes and Japanese imperial government records disclosure acts. 1. Central Intelligence Agency Website. URL: <http://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records/second-release-lexicon.pdf> (дата обращения: 01.12.2020).

Russia, the suburb of hell, from Ivan Kalita to Khrushchev Nikita; material for historical research and study of the subject / reviewed, arranged and compiled by W. Ostrowski. London: Byelorussian Central Council, 1961. 83 p.

Vakar N. P. *Belorussia: the making of a nation: a case study*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956. xii, 297 p.

References

Kalush, V. *In the service of the people for a free Byelorussia: biographical notes on professor Radoslav Ostrowski*. London: [Abjednańnie], 1964, 92 p.

Kodin, E. V. *Miunkhenskii institut po izucheniiu SSSR, 1950–1972 gg.: evropeiskii tsentr sovetologii?* Smolensk: Smolensk State University, 2016, 272 p.

Loftus, J. *America's Nazi Secret: an insider's history of how the United States Department of Justice obstructed Congress by: blocking Congressional investigations into famous American families etc.* Waltherville, OR: TrineDay LLC, [2011], xviii, 316 p.

Loftus, J. *The Belarus secret*. Edited by N. Miller, New York: Knopf, 1982, viii, 196 p., [8] p. of plates.

Nakashidze, N. *The truth about A.B.N. (Anti-Bolshevik Block of Nations): an answer to the provocations of Moscow's fifth column in the West*. Munich: A.B.N. Press and Information Bureau, 1960, 1960, 62 p.

Rein, L. *The kings and the pawns: collaboration in Byelorussia during World War II*. New York: Berghahn Books, 2011, xxiii, 434 p.

Research aid: cryptonyms and terms in declassified CIA files: Nazi War crimes and Japanese imperial government records disclosure acts. Central Intelligence Agency Website, <http://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records/second-release-lexicon.pdf>. Accessed 1 Dec. 2020.

Roman'ko, O. V. *Legion pod znakom Pogoni. Belorusskie kollaboratsionistskie formirovaniia v silovykh strukturakh natsistskoï Germanii (1941–1945)*. Simferopol: Antikva, 2008, 304 p.

Russia, the suburb of hell, from Ivan Kalita to Khrushchev Nikita; material for historical research and study of the subject. Reviewed, arranged and compiled by W. Ostrowski, London: Byelorussian Central Council, 1961, 83 p.

Solov'ev, A. *Belorusskaia Tsentral'naia Rada: sozдание, deiatel'nost' i krakh*. Minsk: Navuka i tēkhnika, 1995, 176 p.

Vakar, N. P. *Belorussia: the making of a nation: a case study*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956, xii, 297 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.03

Kodin E. V.

**Abramchik and Ostrovsky:
the struggle for leadership among the Belarusian post-war emigration**

Evgenii V. Kodin
Doctor of History, professor
Smolensk State University
214000, Przhevalskiy str. 4, Smolensk, Russian Federation
E-mail: evkodin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5072-3034

Citation

Kodin E. V. Abramchik and Ostrovsky: the struggle for leadership among the Belarusian post-war emigration // Slavic Almanac. 2021. No 1–2. P. 272–290 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.03

Received: 12.11.2020.

Acknowledgements

The study was funded by RFFI, project no 20-59-00001/20.

Abstract

The post-war Belarusian emigration, both in Europe and in the United States, was divided into two main groups: the supporters of the President of the Belarusian Central Rada R. K. Ostrowski (Astrouski) and the Chairman of the BNR Rada N. S. Abramchyk. The declassified CIA documents indicate that this was not just a rivalry for the right to speak and act on behalf of the entire Belarusian emigration, but also to receive substantial dividends from close cooperation with the American intelligence agency in the implementation of plans to destabilize the situation in Belarus through the preparation of various kinds of espionage and subversive operations, up to the direct delivery of agents to the territory of the BSSR in the 1950s, as well as in information and propaganda work against the Soviet Belarus. This confrontation took various forms: from accusations of direct collaboration with the Nazis during the war (Ostrowski) to the self-appointment as the head of the Belarusian Folk Republic (Abramchyk). The visions of the future of free Belarus and its foreign policy between these actors differed, as well as the means and methods of struggle for the liberation of the Belarusian people from the communist system. At the same time, both Abramchyk and Ostrowski understood well that in order to strengthen their positions among the Belarusian emigration, close relations with those who built and financed the anti-Soviet policy of the West during the Cold War were important. First of all, it was about the American intelligence services. And here Abramchyk won an obvious victory, and Ostrowski's main former comrades-in-arms were soon going to move to his camp.

Keywords

Belarusian post-war emigration, N. S. Abramchik, R. K. Ostrovsky, CIA, Europe, USA.

УДК [811.162.3+811.162.1]²282.4(045)
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.01

Скорвид С. С.

Русские лексические и сочетаемостные кальки в чешских и польских островных говорах в России

Скорвид Сергей Сергеевич

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект 32-А
Заведующий кафедрой славистики и центральноевропейских исследований

Институт филологии и истории РГГУ

125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, д. 6

E-mail: slavcenteur@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2173-4367

Цитирование: *Скорвид С. С.* Русские лексические и сочетаемостные кальки в чешских и польских островных говорах в России // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 291–309. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.01

Статья поступила в редакцию 15.10.2020.

Аннотация

В статье на материале островных чешских и польских говоров на территории России обсуждаются проблемы, связанные с вычленением в них русских лексических калек, в том числе с разграничением таких калек и адаптированных заимствований. Существует обширная переходная область на стыке лексического калькирования и адаптации заимствований; в ее рамках следует различать гибридные образования, в которых заимствуется русская аффиксальная морфема (префикс), формально совпадающая с имеющейся в данном идиоме; образования, в которых русская аффиксальная и/или корневая морфема преобразуется исходя из регулярных соответствий между идиомами; случаи образования носителями идиома-реципиента новых лексических единиц по русской модели с опорой на семантику соотносимых морфем при различии их звукового облика. Проблемы разграничения лексических калек и адаптированных заимствований порождает близкое родство русского языка и рассматриваемых идиомов как славянских. Автор намечает пути их решения, принимая во внимание размытость границ между анализируемыми

феноменами при частой закреплённости русских лексических и семантических калек в изучаемых говорах за определёнными устойчивыми коллокациями. В целях адекватного описания таких явлений предлагается ввести более общее понятие «сочетаемостьные кальки».

Ключевые слова

Чешские и польские говоры в России, языковой контакт, адаптированные заимствования, семантические и лексические кальки, коллокации.

Теория языковых калек до сих пор разрабатывалась прежде всего применительно к лексике современных литературных языков Нового времени. В отношении по крайней мере одной группы явлений в рамках данной категории, так называемых лексических — или, иначе, словообразовательных — калек, это объясняется традиционной трактовкой таких единиц (которые стали предметом внимания ученых ранее калек семантических) как результата особого рода заимствования, когда принимающий язык «переводит слово и употребляет словосоставления по чужезычному образцу» (Грот 1899: 2)¹; при этом с самого начала подразумевалось, что «переводят», более или менее сознательно, носители не народных языковых страт, а — по выражению Я. К. Грота — «образованного языка». Между тем, как оказывается, возможны и процессы стихийного, спонтанного лексического и тем более семантического калькирования за пределами «интеллектуальных» языковых форм, хотя здесь они имеют несколько иной характер.

Соответственно, в диалектологических исследованиях, посвященных говорам, находившимся или находящимся в ситуации языкового контакта, термин «калька» тоже используется, хотя зачастую нечетко, для характеристики достаточно разнородных лексических явлений. Если речь идет о контакте какого-либо говора с близкород-

¹ Это, по всей вероятности, первое определение лексических калек — еще не под этим наименованием — из сочинения Я. К. Грота 1869 г. процитировано со ссылкой на работу (Крысин 1968) в фундаментальном исследовании по теории калькирования (Obara 1989: 11), однако, к сожалению, неточно и без авторских примеров, которые сами по себе красноречивы: *благословлять, провидение, победоносный, землеписание, любомудрие, влияние, трогательный, последовательность, целесообразный*.

ственным языком (в диалектной, региональной разновидности или в литературной форме), такая нечеткость имеет под собой объективные основания. В этом случае тесное родство между идиомом-реципиентом и языком-донором предоставляет двуязычным носителям первого возможность воспользоваться механизмом поморфемного «пересчета», поэтому кальки, особенно лексические, бывает крайне трудно определить так, чтобы с уверенностью отделить их от адаптированных заимствований. Кроме того, в ряде работ при описании подобных явлений употребляются также термины «гибрид» или «гибридное образование» (см. Ананьева 2013: 474; Поляков 2014: 135–138; Дорошко 2016: 66). В данной статье будет предпринята попытка строже разграничить все эти понятия на материале западнославянских говоров в России: двух польских в Восточной и Западной Сибири (ВСП, ЗСП) и группы чешских в Западной Сибири и на Северном Кавказе (ЗСЧ, СКЧ)².

Русские семантические кальки в чешских островных говорах на территории РФ, т. е. новые значения исконных лексем, развившиеся под влиянием семантики их русских когнатов, уже обсуждались в работе (Скорвид 2020). К рассматривавшимся в ней чешским примерам, таким как *vinohrad* в русском значении ‘виноград’ наряду с исконно чешским ‘виноградник’, *dřevo* в русском значении ‘растение с твердым стволом и ветвями’ наряду с общим для русского и чешского языков ‘древесина’, *les* в русском значении ‘древесина (строительный материал)’ наряду с совпадающим в обоих языках ‘множество деревьев’ и др., можно добавить аналогичные примеры из ЗСП и ВСП с лексемами *las* в тех же двух значениях (при исконном для польских идиомов ‘множество деревьев’) или *xleb* (*xlěp* / *xlyp*) ‘хлеб’ в обоих

2 В Восточной Сибири представлен генетически малопольско-силезский говор д. Вершина Боханского р-на Иркутской обл.; в Западной Сибири — мазурский (польский) говор д. Александровка Краснотуранского р-на Красноярского края и с. Знаменка Богградского р-на Республики Хакасия и генетически восточночешский говор дд. Воскресенка, Новоградка и Репинка Калачинского р-на Омской обл.; на Северном Кавказе это, с одной стороны, также восточночешские по происхождению говоры д. Анастасиевка Туапсинского р-на Краснодарского края и х. Мамацев Шовгеновского р-на Республики Адыгея, а с другой — южночешские говоры пос. Кирилловка в составе муниципального образования (МО) Новороссийск и д. Варваровка в составе МО Анапа Краснодарского края. Подробнее о генезисе, истории и современном состоянии этих идиомов см.: (Ананьева, Скорвид 2018).

русских значениях ‘пищевой продукт из муки’ и ‘зерновые’ (при исконном первом)³:

- (1) в ЗСП *fšen 'že kšatusk' i / fšen 'že las* (всюду цветочки, всюду лес) при
- (2) *lasu duzo / strojić še možna* (леса много, строиться можно), *přižus lasu i m' i zrobžili štyr' i jizb' i* (привез лесу, и мы построили четыре избы);
- (3) в ЗСП *xlěp i suxari susili* (хлеб и сухари сушили) при
- (4) *s'ud'a pšežućili pomagac' / xlip rošćić* (сюда перебросили помогать, хлеб растить); *robžuć na kambajn' e / xlěp ubžerać* (работал на комбайне, хлеб убирал);
- (5) в ВСП *žev' in' ċ kavoukuf xleba* (девять кусков хлеба) при
- (6) *xlyb uotxožić / plevy uodlatuwać* (зёрна (хлеба) отделялись, полова отлетала), *xlěp sóli / ub'eral'i* (хлеб сеяли, убирали).

В приведенных фрагментах высказываний носителей островных польских говоров бесспорные семантические кальки-существительные сочетаются с глаголами, имеющими польский диалектный звуковой вид при типично русских значениях: *strojić še* (о постройке (себе) дома), *rošćić, ubžerać / ub'eral'i* (о хлебе). При этом, хотя все они находят себе точные, с поправками на особенности диалектной фонетики, общепольские — т. е. выступающие в польском языке метрополии — омонимы, здесь, конечно же, не приходится усматривать семантическое калькирование. Соответствующие исконно польские глаголы не обладают общей семантической базой (*tertium comparationis*) с русскими для развития у них в контактном идиоме вторичного значения, совпадающего с русским: польск. *stroić (się)* имеет основное значение ‘наряжать(ся)’, *ubierać (się)* — ‘одевать(ся)’, *rošćić* в современном языке — уже только переносное значение в устойчивых выражениях

3 Западносибирские польские примеры взяты из приложений к неопубликованным работам (Stupiński 2009, Егоров 2016), а восточносибирские — из приложения к монографии (Mitrenga-Ulitina 2015) и хранящихся в архиве кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ записей И. М. Егорова и других участников экспедиции в Вершину (2010). Примеры из диссертации Ступинского сверены с аудиозаписями, предоставленными автором в наше распоряжение и помещенными в тот же архив. Чешские примеры — либо из наших собственных записей, хранящихся в том же архиве, либо почерпнуты из неопубликованных работ (Nakénová 2015, Andrejs 2016). Косой чертой обозначается короткая, двумя косыми чертами — более длинная интонационная пауза в высказывании.

rościć nadzieję ‘питать надежду’, *rościć sobie prawo* ‘предъявлять свои права’ и т. п. Последний глагол в XVI в. сохранял близкое к русскому значение ‘растить’⁴, но крестьянам-переселенцам второй половины XIX — начала XX в. он едва ли был известен, как и предыдущие два глагола: по крайней мере в значении ‘одеть / надеть’ в ЗСП и ВСП употребляется глагол *oblec* / *uoblyc*. Непрефиксальные глаголы *strojić šě* (как и невозвратный *strojić* ‘строить’) и *rošćić*, таким образом, следует безоговорочно признать адаптированными заимствованиями⁵. Трактовка префиксального *ubžerać* / *ub’erać*, однако, допускает варианты. Рассмотрим этот случай подробнее с учетом аналогий, какие он находит в чешских говорах Сибири и Северного Кавказа.

В ЗСЧ отмечены глаголы несовершенного вида (НСВ) *ubírat* и совершенного вида (СВ) *ubrat* в нескольких частных значениях, совпадающих со значениями рус. *убирать* / *убрать* и отсутствующих у созвучных им собственно чешских глаголов *ubírat* / *ubrat* ‘убавлять, отбавлять / убавить, отбавить’:

- (7) *načináme se hotovit k uborce* <...> *jesli nebude dežd’i / nebudoų mixat jesi / budem načnem ubírat ječmen* (начинаем готовиться к уборке: если не будет дождей, если они не будут мешать, начнем убирать ячмень);
 (8) *učíteli ubírali n’ áki* (каких-то учителей убирали, т. е. увольняли — о сокращении штатов в школе);
 (9) *našlapoų tadi / ubírat nada* (натопчут тут, убирать надо);
 (10) *máslo se ubere* (масло убирают, букв. уберут, т. е. вынимают / вынут — об отделении от сбитого масла пахты).

Глаголы с корнем *-klid-* / *-klíz-*, употребляющиеся в этих значениях в чешском языке метрополии, или созвучные им в ЗСЧ не засвидетельствованы. Напротив, в СКЧ лишь изредка встречается глагол *ubrat* в значении ‘удалить’, один раз — как синоним глагола *uklidit*:

- (11) *že tam je / stojí gauč / abix uklid’ila s kuxin’i* <...> *abix ubrala ten kauč* (мол, там стоит диван, так чтобы я убрала из кухни, убрала этот диван

4 Słownik polszczyzny XVI wieku (edycja internetowa). URL: <https://spxvi.edu.pl/index/haslo/6989> (дата обращения: 10.04.2021).

5 У второго из них в ЗСП совмещаются значения русских глаголов *растить* (хлеб, скот, детей) и *расту* (о детях), ср.: *ošem žečuv biųo f s’em’je* <...> *tama pom’erųa i mi rošćili* (8 детей было в семье, мама умерла, и мы росли) и с префиксом: *žeći podrošćili* (дети подросли).

[переместила]);

(12) *i nám tab'ak ubr'alý* (и у нас табак убрали [отобрали, отняли]).

В значениях же 'унести, поместив в другое место' и 'навести / наводить порядок' в СКЧ регулярно употребляются собственно чешские глаголы *uklidit / uklízet*:

(13) *rozedn'ilo s'e a mlíko doma nemají <...> hdo ho neskoval / neuklid'il // fs'o* (рассвело, а молока у дома нет: кто его не спрятал, не убрал — всё);

(14) *uklid'íme tadi ve dvoře* (уберем тут во дворе);

(15) *d'ála ve škole / uklízela* (работала в школе, убирала(сь)).

Заслуживает внимания, что те же глаголы с префиксом *u-* выступают в СКЧ и в других значениях и контекстах, характерных для русских *убирать / убирать*, в том числе в контекстах, связанных с уборкой урожая:

(16) *vinohrát už mu uzrál <...> nado ho bilo už uklízet* (виноград у него уже созрел, уже надо было его убирать).

Ср. также возвратный глагол:

(17) *dali dvacet štíri hod'ini N'emcům abi se ukliďili s Āex* (дали 24 часа немцам, чтобы они убрались из Чехии).

В чешском языке метрополии в таких случаях используются глаголы от того же корня с другими префиксами: в частности, в контексте уборки урожая — *sklidit / sklízet*, в значении 'уйти' — *vyklidit se*. В СКЧ они не зафиксированы.

Расширение значения глаголов *uklidit / uklízet* под влиянием семантики русских когнатов *убрать / убирать* в СКЧ (при вытеснении других однокоренных префиксальных образований), несомненно, представляет собой результат семантического калькирования, а глагол *ubrat* в примерах (11) и (12) — даже почти не адаптированное окказиональное заимствование. Но будут ли точно такими же адаптированными заимствованиями глаголы *ubrat / ubirat* в ЗСЧ, а также *ub'erać / ubž'erać* в ВСП и ЗСП?

С одной стороны, в ЗСЧ глагол *ubirat* (об урожае и помещениях) органично связан с фонетически и морфологически адаптированным заимствованным существительным *uborka*, ср. в примере (7) и, в ином значении, в контексте *diž d'elaj uborku* (когда делают уборку).

С другой же стороны, для носителей диалекта оба эти глагола, по-видимому, разложимы на составляющие: одинаковые или близкие в чешском и русском языках по звуковой форме, но не по значению префикс *u-* и корень *-br-/-bir-*, в примерах (7)–(10) с аналогичным в обоих языках закорневым оформлением. Последнее относится также к сходным глаголам в польских говорах Сибири.

Префикс *u-* с русским значением в рассматриваемых идиомах довольно частотен. Он образует, например, такие префиксальные глаголы движения, соответственно в ЗСЧ (и части СКЧ), ЗСП и ВСП, как *ujd'it / ujsć / uun's* 'уйти', *ujet / ujexać* 'уехать' и парные им глаголы НСВ *uxázet / (u)uxožíć* 'уходить', *ujížd'et / ujězzać / ujiž'ac* 'уезжать'⁶. Вместе с тем не в чисто аблативном значении, как в русском языке, а в более специальных чешском и польском значениях, подразумевающих либо «ускользание», либо «покрытие некоторого расстояния», префикс *u-* у данных глаголов в названных говорах неизвестен⁷. Следует ли усматривать здесь явление «калькирования русских приставочных глаголов», как было предложено для некоторых «гибридных» глагольных образований в базирующейся на материале СКЧ работе (Поляков 2014: 136)? Соглашаясь с ее автором в том, что а) во всех таких случаях речь идет о процессах гибридизации и б) нередко при этом наблюдается «заимствование не столько словообразовательного форманта, сколько целой модели» (в основном в области способов глагольного действия и видообразования), которое, в принципе, сопоставимо с лексическим калькированием, мы тем не менее считаем, что иногда имеет место «просто подстановка русской приставки», как это называет Д. К. Поляков применительно к целому ряду префиксальных глаголов в СКЧ.

Гибридные образования, в которых действительно происходит только подстановка русского префикса, если он формально полностью

6 Ср. также глагол, соответствующий русскому *увезти*: *vzali ho / uvezli* (взяли его, увезли) (ЗСЧ), *do bol'n'icy potym juž uuv'ežli* (в больницу потом уже увезли) (ВСП), *zara pogružim i nazat užežim* (сейчас погрузим и назад увезем) (ЗСП).

7 При этом во всех обсуждаемых идиомах сохранились семантически, а в диахронном плане и структурно аналогичные глаголы со значениями '(у)бежать', 'убегать', такие как *u'ikat* в ЗСЧ, *(u)ućekać* в ЗСП и ВСП. Разумеется, существуют здесь также исконные глаголы с синхронно вычленившимся (перфективирующим) префиксом *u-*, например в образованиях от корня *-pad-* (со значением 'упасть').

совпадает с исконным, как кажется, нельзя отнести даже к адаптированным заимствованиям, разве что дополнив перечень возможных типов адаптации, выделенных в работе (Ананьева 2013: 474–475), чисто семантической адаптацией. Речь здесь идет всего лишь о заимствовании префиксальной морфемы, которая отождествляется с собственной, но не о поморфемном «пересчете» — и тем более не о «переводе» с русского языка на принимающий говор или копировании в нем внутренней формы иноязычного (русского) слова, что по традиции, идущей от XIX в. и поддерживаемой современными авторами, признается необходимым отличительным признаком лексических калек. Схематически механизм возникновения таких образований можно представить на примере одной цепочки глаголов, выступающих соответственно в ЗСЧ / ЗСП / ВСП, в следующей таблице:

исходный непрефиксальный НСВ	префикс	префиксальный перфектив: свой / <i>гибрид</i>	рус.	префиксальный имперфектив: свой / <i>гибрид</i>	рус.
ďit / íśc 'идти'	při- / pšý- / pšy- (< od- или vy-)	při-jďit / pšý-jśc / pšy-n'ś u-jďit / u-jśc / <i>un'ś</i> ↑ u-padnout / ↑ (u)u-paśc (свой префиксальный образец)	прийти	při-cházet / pšý ¹ (pšy)-hožíc	приходить
		← уйти	← уйти	u-xázet / (u)u-xo-žíc ↑ u'ikat / ↑ ućekać (свой непрефиксальный образец)	← уходить

В эту группу образований попадают все перечисленные выше глаголы движения с префиксом *u-* в ВСП (где, впрочем, префикс, приобретая протезу *u-*, всё же фонетически адаптируется), ЗСП, ЗСЧ и генетически связанной с ЗСЧ части СКЧ. Заметим, что в ином по происхождению идиоме в рамках СКЧ, говоре пос. Кирилловка под Новороссийском, сохранились глаголы движения с чешским префиксом *od-* в том или ином фонетическом варианте, тогда как образования с

префиксом *u-* не получили распространения. При этом также в ЗСЧ и ЗСП спорадически фиксируются глаголы движения с исконным префиксом, восходящим к **od-* или, в польском идиоме, к **vu-* и несущим чисто аблативное значение, в отличие от рус. *om-* и *vy-*: в ЗСЧ *te' fšec-ko otxázi* (теперь всё уходит [о давних обычаях]) наряду с *uxázi* с тем же значением; в ЗСП *žeči vzr'oštyji / dvoje odesuo jus / še pozen 'il'i* (дети взрослые, двое уже ушли, женились); *buoto tak'e / tera xož drog'i zrož' il'i / a pr'enzej to n'e bičo že tam n'ic / tam n'e vyjad'es n'e pšujad'es* (грязь такая — сейчас хоть дороги сделали, а раньше же там не было ничего, не уедешь — не подъедешь). В последнем примере, правда, в подчеркнутой словоформе можно усмотреть также адаптированную форму русского глагола с приставкой *vy-* (т. е. «оттуда не выедешь»).

Если бы удалось установить, что у глаголов движения в рассматриваемых говорах копируется не сам по себе аблативный русский префикс *u-*, формально совпадающий с исконным (при игнорировании элементов его семантики, важных для языка метрополии), а вся частная система близких по смыслу русских префиксов (*u-ŭti*, *vy-ŭti*, *oto-ŭti* и т. д.) с их специфическими значениями, которая закрепляется вместо первоначальной системы омонимичных, но семантически иначе распределенных собственных префиксов (*u-jít / u-jšć*, *vy-jít / vy-jšć*, *ode-jít / ode-jšć*), в этом случае, видимо, можно было бы говорить о «переводе» и, соответственно, о лексическом калькировании или некоей его фазе. Материал описываемых островных идиомов, однако же, столь далеко идущий вывод не подтверждает.

Вернемся теперь к глаголам *ub'erać (xlěp)* в ВСП, *ubž'erać (xlěp)* в ЗСП и *ubirat (ječmen)* в ЗСЧ. С одной стороны, здесь также можно усмотреть простую подстановку русского префикса вместо исконного *z-* (*s-*), поскольку и в польском, и в чешском языке метрополии в контекстах, относящихся к сбору плодов, трав и цветов, употребительны глаголы *zbierać / sbírat*⁸. С другой стороны, не исключено, что в этих случаях речь идет о копировании внутренней формы русского гла-

8 При этом польский глагол может относиться также и к уборке зерновых, а чешский в аналогичных контекстах подразумевает скорее подбирание колосков. Примечательно, что в анализируемых чешских говорах этот глагол лишь изредка выступает с префиксом *s-*, озвонченным перед корнем с начальным звонким согласным, например: *já sem dicki ti kitki zbirála* (я всегда эти цветы собирала). Более обычен здесь глагол *sebirat* с вокализированным под русским влиянием префиксом: *brambori sebirat* (собрать картофель) и т. д.

гола-образца, восприятию его семантической соотнесенности с прототипическим представлением о том, что соответствующие объекты «берут» и «у-даляют»⁹. Если допустить, что для носителей ВСП, ЗСП и ЗСЧ внутренняя форма глагола остается прозрачной, то использование ими своих соответствий морфем, образующих русский когнат, можно признать поморфемным «переводом», а возникшие в результате польские и чешские глаголы — словообразовательными кальками. В то же время обращает внимание закрепленность их употребления в исследуемых говорах за определенными коллокациями с русизмами в субстантивной части. Формулируя итоговые выводы, мы, безусловно, должны будем это учесть.

Вначале, однако, попытаемся применить предложенный «тест на (лексическое) калькирование», опирающийся на внутреннюю форму, к глаголам, в которых русская префиксальная или корневая морфема (с закорневым оформлением) преобразуется исходя из регулярных соответствий: например, префиксы *nepre-/npe-* и (в ЗСП и ВСП) *pro-* в *pře-/pře-/pše-*, *raz-/pac-* в *roz-/ros-*, *co-* в *se-/ze-* и т. д. Некоторые такие образования в СКЧ анализируются в работе (Поляков 2014: 136–137); в их числе глагол *přebijet* ‘прерывать собеседника’ — по утверждению автора, возникший «как калька русского *перебивать*, но с использованием собственно чешских формантов (приставки *pře-* и корне-суффиксальной части *-bije/t/*)». Примечательно, что этот глагол находит себе точную параллель в ЗСП, ср.:

(18) *Božena mluvila / tak sem nextela přebijet* (Божена говорила, и я не хотела перебивать) (СКЧ); *tama // a pše co jim roskasta / ja vam pše... vas pše... // no pšebžijaj* (мама, вы вот про что им расскажите... я вам... вас пере... — ну перебивай!) (ЗСП).

Употребляемые в указанном значении в чешском и польском языке метрополии глагол с тем же префиксом *přerušovat*, сочетающийся с винительным падежом, как и русский *перебивать*, и глагол *przerywać*, требующий дательного падежа, носителями данных идиомов забыты или помнятся слабо, судя по тому, что информантка из Знаменки колебалась, выбирая между дательным и винительным падежами личного местоимения *уу*. Префикс новых глаголов, возникших в говоре

9 Исторически, возможно, в этих префиксальных образованиях отражается еще исконное значение корня **bьr-* / *ber-* и т. д. ‘нести’ (т. е. *у-брать* = *у-нести*).

для передачи этого значения, мог сохраниться от исконных лексем или был «пересчитан» из русского *пере-*. Что же касается корневой и закорневой части, возможно, что и здесь внутренняя форма русского глагола-образца *перебивать* осталась прозрачной для носителей СКЧ и ЗСП («прерывать как бы ударом»); тогда использование собственных диалектных соответствий корня глагола *бить*, выступающих в образованиях НСВ, семантически оправданно и перед нами — лексические кальки, а не адаптированные заимствования.

Лишь спорадически в исследуемых диалектах встречаются также случаи создания новых лексических единиц по русской модели с опорой на семантику соотносительных морфем при различии их звукового облика. В чешских идиомах таковы несомненные лексические кальки русских глаголов *namontat* — *našlapat* в ЗСЧ из примера (9) выше и *подорвать* в значении ‘уничтожить взрывом’, а также, с возвратным местоимением, *подорвать себя* в речи представительниц одной семьи из Анапы (с выразительной фонетической чертой их юго-западночешского по происхождению говора):

(19) *diš uš k n'emu potxázeli / tak von se pojtrhnul i N'emci pojtrhnul* (когда к нему уже подходили, он подорвал себя и немцев подорвал); *von se nedal vzít i pojtrhnul se hranátov* (он не дал себя захватить и подорвал себя гранатой).

Эти кальки образованы путем присоединения префикса *pod-*, общего для русского и чешского языков, к корню чешских глаголов *trhat / trhnout*, которым соответствуют рус. *рвать / рвануть* (ср. с другими префиксами в СКЧ: *natrhaji kitki* (нарвут цветов), *já si pudu utrhnul vinohrat* (я пойду сорву винограда)), с суффиксацией, как в глаголе *trhnout*; при этом происходит оглушение конечного согласного префикса и перед корнем на тот же согласный типичная юго-западночешская диалектная диссимилиация *tt > jt*. Аналогичная калька с той же корневой морфемой в речи носителя СКЧ из Кирилловки — *strhneš se* (сорвешься [с обрыва]). Современные чешские глаголы *odpálit (se)* ‘подорвать(ся)’ и *zřítit se* ‘сорваться, рухнуть’ потомкам чешских переселенцев на Северном Кавказе, конечно, неизвестны, как и тот факт, что в чешском языке метрополии существуют глаголы *podtrhnout* со значением ‘подчеркнуть’ и *strhnout*, имеющий, кроме прочих, значение ‘сорвать’, но с возвратным компонентом — только ‘внезапно начаться’.

Примеры подобных же калек в ЗСП (из речи разных говорящих) — глаголы с префиксами, соответствующими русским *раз-* и *вы-*, от своего корня, которым передан русский *-тащ-* (алломорф *-таск-*):

(20) *u nas safxoz buu dobri <...> a tera rozvlekl'i / n'e ma n'ic* (у нас со-вход был хороший, а теперь растащили, и нет ничего); *fšo razvlekl'i* (всё растащили) [с русским «аканьем» в предударном слоге]; *kõn'my san' i na gure v'ivloko* (на лошадях сани наверх вытасят).

Русский глагол *тащить* (закрепившийся и в современном общепольском языке в виде *taszczyć*), конечно же, известный носителям ЗСП¹⁰, видимо, не воспринимался как «свой»; по этой или другой причине предпочтение было отдано «переводу»: *-тащ-* > *-vlek-* / *-vlok-*.

Беспорные факты словообразовательного калькирования, когда имеет место не просто «пересчет», а «перевод» русской корневой морфемы с помощью своей, имеющей иной звуковой облик, в анализируемых говорах, однако, редки. Преобладают переходные случаи, в которых оказывается невозможным проведение однозначной границы не только между адаптированными заимствованиями и кальками, но иногда также между кальками лексическими (словообразовательными) и семантическими. Проиллюстрируем последнее на примере префиксального глагола СВ *pšeprovažić* в ЗСП.

Исходным для него является префиксальный же общепольский глагол *proważić* ‘вести’, в том числе кого-либо — ‘проводить’ (показывая путь или направляя) и что-либо — ‘проводить’ (те или иные мероприятия, деятельность) и др. Почти во всех этих значениях данный глагол отмечен и в ЗСП:

(21) *(ja) jix provaže / fšex kamratkof* (я веду (провожаю, сопровождаю) их, всех подружек); *f'erm'ersk'e haz'ajstvo jeden vžuč i tak uny to provažo* (один взял (завел) фермерское хозяйство, и так они его ведут); *brat'ja pr'opov'et' provažo* (братья ведут (проводят) проповедь); *izucami bukvy / usen'e provažim* (изучаем буквы, проводим занятия).

Образуемый от него глагол СВ с префиксом *prze-* (в ЗСП *pše-* или *pře-*) имеет соответствующее общепольское значение ‘провести (направляя)’, ‘(со)проводить’, как в примерах (22)–(23) ниже, но под влиянием семантики русского когната развивает и другие, в том числе ‘устроить кому-либо проводы на прощание’ (24) и ‘провести какое-либо время’ (25):

10 Ср. фразеологическое выражение с полонизированным начальным словом *ja starsa / grub za tob'oj t'aščica* (я старшая — гроб за тобой тащится) (смысл: смерть тебя вот-вот настигнет).

- (22) *tedi ja jix přepravaže i un'i st'ixotvor'en'ije požezo* (и вот я их (со) провожу, и они стихотворение расскажут);
- (23) *tedi mi jex v nosy do ročovy drog'i přepravažim* (вот так мы их ночью до половины пути проводим);
- (24) *družno mi z n'imi přežili / fšex ix dobže přepravažili* (дружно мы с ними прожили, всех их хорошо проводили)¹¹;
- (25) *lad žešen'ž dostan'e / svoje mčode lata přepravaži v dobrym n'ejscu* (лет десять получит, проведет свои молодые годы в хорошем месте [= в тюрьме]).

Развитие этих значений, несомненно, следует отнести к области семантического калькирования, однако глагол *pšepřavažić* используется в ЗСП и в соответствии с русским 'перевести (с одного языка на другой)':

- (26) *n'e mog'e přepravažić či z rusk'ego na polsk'i* (я не могу перевести тебе с русского на польский).

В данном случае префикс *pše-* выступает как результат преобразования русского *пере-*, а корневая часть *provaž-* представляет собой фактически перевод глагола *вести*; таким образом, здесь можно говорить о лексическом калькировании.

Носительнице ЗСП, которой принадлежит высказывание (26), конечно, неизвестен современный общепольский глагол *przetłumaczyć* 'перевести' (о межъязыковом переводе), как неизвестны носителям СКЧ и ЗСЧ синонимичный ему чешский глагол СВ *přeložit* и парный глагол НСВ *překládat* 'переводить'. В этих значениях в обоих чешских островных говорах также употребляются русизмы с префиксом *pře-*, в который трансформируется русский *пере-*, и корнем, соответствующим русскому *-вед-* / *-вод-*:

- (27) *ten tumač co převádí na ruskí* (этот переводчик, что переводит на русский) (СКЧ); *trošku rozumíte / dav'ajte budete u nás převádět // převáděla sem / nu* (вы немного понимаете — давайте вы будете нам переводить... ну, я и переводила)¹²; *pročeť i převeť* (прочти и переведи) (ЗСЧ).

11 В аналогичном значении в ЗСП употребляется также глагол НСВ *pšepřavažac*, ср. *pšepřavažali mi jex / pšepřa:šali* (sic!) 'проводжали мы их, попрощались'.

12 Если носительница СКЧ из Кирилловки, жившая несколько лет в Чехословакии, помнила по крайней мере корень существительного *thu-*

Эти глаголы подобны рассмотренному выше образованию *přebijet* переходного характера и могли бы считаться не адаптированными заимствованиями, а лексическими кальками при допущении, что внутренняя форма русских глаголов *переводить* / *перевести* (с одного языка на другой) прозрачна для носителей чешских идиомов. Заметим попутно, что аналогичное русскому направление мотивации в случае обоих этих глаголов иногда мобилизуется и в чешском языке метрополии: лексемы *převádět* / *převést* используются для обозначения неточного перевода (пересказа), причем не обязательно речь идет о русизме.

Объективно существующую в описываемых говорах нечеткость границ между адаптированными заимствованиями и кальками, лексическими и семантическими, часто прослеживаемую нерасчлененность и взаимопроникновение данных явлений можно, как нам кажется, адекватно интерпретировать с опорой на понятие «сочетаемостные кальки». Вернемся еще раз к коллокациям *xlěp ub'erač* / *xlěp ubž'erač* в ВСП и ЗСП соответственно и зададимся вопросом, насколько целесообразно толковать отдельно их субстантивные компоненты как семантические, а глагольные — как потенциально словообразовательные кальки или адаптированные заимствования. Не следует ли трактовать их скорее как сочетаемостные кальки вполне устойчивого русского выражения *убирать хлеб* (разумеется, допускающего определенную вариативность в субстантивной части, ср. *убирать ячмень* > *ubirat ječmen* в ЗСЧ — при том что сама эта культура обозначается не адаптированным чешским когнатом русской лексемы)?

Копируемая носителями островных говоров русская коллокация может быть не общерусской, а региональной (диалектной). Так, глагол СВ *ubrač* в ЗСП отмечен, с одной стороны, в сочетании с русским названием масличной культуры — рыжика посевного: *rižik jek ubrali* <...> *maso robžili* (как рыжик убрали — масло делали), а с другой — в контексте *r'eš'ili Jen 'is 'ej ženjksy zrobžić i to d'er'evn'e zatopšić* <...> *i ubrali te d'er'evn'e* (решили Енисей сделать больше и ту деревню затопить — и убрали ту деревню). Это несколько необычное для литературного русского языка употребление практически совпадает с диалектным примером, иллюстрирующим основное значение глаголов *убирать* / *убрать* 'перемещать на другое место': *убирать будут деревню с низких-то местов* (СРНГ 46: 121). Аналогично в

tošnik 'переводчик (устный)', то чешка из Репинки в Сибири попыталась образовать это наименование по русской модели, но не справилась с задачей: *i vot ona / jak / pše... / n'ur'iv'otčikm byl'a*.

чешском примере из Анастасиевки под Туапсе *i nám tab'ak ubr'aly* (и у нас табак убрали) реализуется русское диалектное значение той же глагольной пары 'отбирать, лишать чего-л.', ср.: *У нас всё убрали немцы* (там же).

Сочетаемостные кальки близки фразеологическим. В широком смысле сочетания типа *убирать хлеб* — и калькирующие их в описываемых говорах — уже можно было бы отнести к области фразеологии. Если, однако, считать признаками фразеологизма в более узком понимании неизменный лексический состав и идиоматическое значение, то среди фразеологических калек окажутся такие выражения, как *lata svoje b'orom* (годы берут свое) в ВСП (Дорошко 2016: 70) или *tadi jim slibovali zlati hori* (тут им сулили золотые горы) в СКЧ (в сходном собственно чешском обороте — *hory doly*, букв. 'горы-долы'). Впрочем, встречаются и примеры неточного калькирования фразеологизмов, при котором оба эти параметра могут нарушаться, ср.:

(28) в ВСП *inn'i to by sob'e rence začožyl'i* (другие бы руки на себя наложили) (Дорошко 2016: 70) с заменой русской конструкции глагола с префиксом *на-*, управляющего винительным падежом возвратного местоимения с омонимичным предлогом, вероятно по аналогии с польской *zalożyć sobie* (с беспредложным винительным) 'надеть на себя что-либо';

(29) в ЗСП *u m'en'a serce še obervaço / ja jade do domu* (у меня сердце оборвалось: я еду домой!) со сдвигом значения русского фразеологизма, который подразумевает чувство страха, тревоги (здесь — радости).

Подробный анализ русских фразеологических калек в рассматриваемых идиомах, однако, не входит в задачи данной статьи.

Подведем основные итоги.

Материал чешских и польских островных говоров в России дает основания для вычленения в их словарном составе русских семантических и лексических калек. Тем не менее существует обширная переходная область на стыке лексического калькирования и адаптации заимствований; в ее рамках следует различать:

— гибридные образования, в которых заимствуется русская аффиксальная морфема (префикс), формально — но не семантически — совпадающая с имеющейся в данном идиоме;

— образования, в которых русская аффиксальная и/или корневая морфема (вместе с закорневым оформлением) преобразуется исходя из регулярных соответствий между идиомами, в чем можно усма-

тривать как простой фонетико-морфологический «пересчет», так и поморфемный «перевод», т. е. лексическое калькирование, если предположить, что в идиоме-реципиенте копируется внутренняя форма русского образца;

— случаи образования носителями идиома-реципиента новых лексических единиц по русской модели с опорой на семантику соотносимых морфем при различии их звукового облика, т. е. беспорное лексическое калькирование.

Вместе с тем закрепленность многих калек и/или адаптированных заимствований за определенными коллокациями побуждает ввести в целях адекватного описания таких явлений более общее понятие «сочетаемость калек». Оно не подразумевает отказа от идеи вычленения семантических и лексических калек: предлагая это понятие, мы лишь намечаем способ устранения затруднений, возникающих на этом пути. Учитываем мы и то, что «чистых» калек, которые полностью удовлетворяли бы строгим критериям отбора, в исследуемых говорах, бытующих в русскоязычном окружении, удастся выявить совсем немного. Это, однако, противоречит эмпирическому ощущению постоянного присутствия русского лексико-семантического «адстрата» в речи всех современных носителей таких идиомов. Принимая во внимание единицы большие, чем слово, мы, как представляется, преодолеваем этот дисбаланс.

Источники и литература

Ананьева 2013 — *Ананьева Н. Е.* Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации / ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 467–478.

Ананьева, Скорвид 2018 — *Ананьева Н. Е., Скорвид С. С.* Островные западнославянские диалекты на территории России // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 269–300. DOI: 10.31168/0417-6.3.1.

Грот 1899 — *Грот Я. К.* Филологические разыскания / 1, 2. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне / [соч.] Я. Грота. 4-е изд., доп., под ред. проф. К. Я. Грота. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1899. XVI, [2], 941 с.

Дорошко 2016 — *Дорошко Э.* Явление калькирования в польском говоре жителей деревни Вершина в Сибири // *Emigrantologia Słowian*. 2016. № 2. S. 63–75.

Егоров 2016 — *Егоров И. М.* Польский переселенческий говор в Республике Хакасия и в Красноярском крае РФ (фонетика, морфология имени существительного и глагола): выпускная квалификационная работа. М.: РГГУ, 2016. (Рукопись).

Крысин 1968 — *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.

Поляков 2014 — *Поляков Д. К.* Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах // *Гибридные формы в славянских культурах* / ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 132–147.

Скорвид 2020 — *Скорвид С. С.* Русские семантические кальки в чешских переселенческих говорах на территории России // *Вестник МГЛУ*. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. № 4 (833). С. 116–129.

СРНГ 46 — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 46 / гл. ред. Ф. Ф. Сороколетов. СПб.: Наука, 2013. 349 с.

Andrejs 2016 — *Andrejs R.* Vliv ruského jazyka na mluvu česky mluvících obyvatel obce Anastasijevka: diplomová práce. Olomouc: Univerzita Palackého, 2016. (Рукопись).

Hakenová 2015 — *Hakenová B.* Jazyk české menšiny ve vesnici Repinka na Sibíři. Diplomová práce. Praha: Univerzita Karlova, 2015. (Рукопись).

Mitrenga-Ulitina 2015 — *Mitrenga-Ulitina S.* Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015. 186 s. (Język. Kultura. Społeczeństwo).

Obara 1989 — *Obara J.* Teoretyczne problemy kalkowania. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989. 128, [2] s.

Stupiński 2009 — *Stupiński E.* Polszczyzna okolic Krasnojarska: rozprawa doktorska. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2009. (Рукопись).

References

Ananyeva, N. Ie. “Tipologija pol’skich govorov Sibiri i rezul’taty ikh kontaktov s russkim idiomom.” *Slavianskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyj s’ezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady rossijskoj delegatsii*, ed. by A. Moldovan, S. Tolstaya, Moscow: Indrik, 2013, pp. 467–478.

Ananyeva, N. Ie., and S. S. Skorvid. “Ostrovnye zapadnoslavianskie dialekty na territorii Rossii.” *Slavianskoe iazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyj s’ezd sla-*

vistov. Belgrad, 2018 g. *Doklady rossiyskoï delegatsii*, ed. by S. Tolstaya, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018, pp. 269–300. DOI: 10.31168/0417-6.3.1.

Andrejs, R. *Vliv ruského jazyka na mluvu česky mluvících obyvatel obce Anasijevka*. Diplomová práce, Olomouc: Univerzita Palackého, 2016 (manuscript).

Doroshko, E. “Yavlenie kal'kirovania v pol'skom govore zhitelei derevni Vershina v Sibiri.” *Emigrantologia Slowian*, no. 2, 2016, pp. 63–75.

Hakenová, B. *Jazyk české menšiny ve vesnici Repinka na Sibiri*. Diplomová práce, Praha, 2015 (manuscript).

Krysin, L. P. *Inoiazychnye slova v sovremennom russkom iazyke*. Moscow: Nauka, 1968, 208 p.

Mitrenga-Ulitina, S. *Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii*. Lublin, 2015, 186 p.

Obara, J. *Teoretyczne problemy kalkowania*. Wrocław, 1989, 128, [2] p.

Polyakov, D. K. “Interferentsionnye protsessy i gibridizatsiia v pereselencheskikh govorakh.” *Gibridnye formy v slavianskikh kul'turakh*, ed. by N. Zlydneva, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014, pp. 132–147.

Skorvid, S. S. “Russkie semanticheskie kal'ki v cheshskikh pereselencheskikh govorakh na territorii Rossii.” *Vestnik MGLU, ser. Gumanitarnye nauki*, no. 4 (833), 2020, pp. 116–129.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. F. Sorokoletov, vol. 46, Saint Petersburg, 2013, 349 p.

Stupiński, E. *Polszczyzna okolic Krasnojarska*. Rozprawa doktorska, Łódź, 2009 (manuscript).

Yegorov, I. M. *Pol'skiĭ pereselencheskiĭ govor v Respublike Khakassii i v Krasnoïarskom kraie RF (fonetika, morfologiya imeni sushchestvitel'nogo i glagola)*. Vypusknaiia kvalifikatsionnaiia rabota, Moscow, 2016 (manuscript).

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.01

Skorvid S. S.

Russian lexical and collocative calques in the Czech and Polish insular dialects in Russia

Sergej S. Skorvid

PhD, Senior Researcher

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

Head of the Slavic and Central European Studies Department

Russian State University for the Humanities

Institute for Philology and History

125993, Miusskaya Square 6, Moscow, Russian Federation

E-mail: slavcenteur@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2173-4367

Citation: *Skorvid S. S.* Russian lexical and collocative calques in the Czech and Polish insular dialects in Russia // *Slavic Almanac*. 2021. No. 1–2. P. 291–309 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.01

Received 15.10.2020.

Abstract

The paper reports on a study of immigrant Czech and Polish dialects in Russia that have been strongly influenced by the dominant language of their surroundings. The author discusses problems detecting Russian lexical calques in the examined dialects, in particular differentiating calques and adapted borrowings. These difficulties appear to be due to the close affinity of the Russian language and the influenced dialects, which have common Slavic origin. The article proposes approaches for solving the problems by observing various aspects of calque formation, taking into consideration the fact that the border between the analyzed phenomena is vague and the calques are often firmly bounded with certain collocations. There are numerous transitional phenomena at the intersection of lexical calques and adapted borrowings, such as hybrid formations, formations in which the Russian affixal or root morphemes are transformed based on regular correspondences between idioms, cases of the formation of new lexical units in the recipient idiom according to the Russian model based on the semantics of correlated morphemes. In order to adequately describe such phenomena, it is proposed to introduce a more general concept of “collocative calques”.

Keywords

Czech and Polish dialects in Russia, language contact, adapted borrowings, semantic and lexical calques, collocations.

**Чешский язык в полиэтничном окружении
(обзор полевого исследования 2019 года
в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине)**

Борисов Сергей Александрович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект 32-А
E-mail: borisovsergius@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Цитирование: *Борисов С. А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 310–328. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02

Статья поступила в редакцию 12.06.2020.

Аннотация

В статье представлен обзор полевого исследования, проведенного среди чехов в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине в 2019 г., излагаются первые результаты, приводятся образцы расшифрованных текстов. Целью экспедиции был сбор нарративов для собственно лингвистического исследования контактных элементов, беседы велись в том числе об истории переселений чехов на Балканы, материальной народной культуре, взаимодействии с другими славянскими и неславянскими этносами. В трех изученных регионах чешский язык сохраняется неодинаково в силу ряда лингвистических и экстралингвистических факторов. В Боснии и Герцеговине чехов осталось очень мало, чешский язык является родным только для пожилых людей, проживающих в сельской местности. В Сербии существует несколько школ, где преподается чешский язык и культура, а в Румынии есть школы, где в начальных классах все предметы ведутся на чешском. Полученный языковой материал является ценным источником для изучения местных чешских диалектов и контактных явлений (заимствований, переключений кода). Особый интерес для социолингвистики также представляют выявленные метаязыковые высказывания, с помощью которых

информанты комментируют трудности, возникшие при использовании ими чешского языка в беседе с исследователем.

Ключевые слова

Социолингвистика, языковые контакты, чешский язык, билингвизм, многоязычие, языковая ситуация, Румыния, Босния и Герцеговина, Сербия, этнические меньшинства, полевое исследование.

0.0. Сотрудниками Института славяноведения РАН С. А. Борисовым и Г. П. Пилипенко с 9 по 23 сентября 2019 г. проводилось полевое исследование среди чешского этнического меньшинства в Южнобанатском округе Автономного края Воеводина в Сербии¹, в румынских жудецах Караш-Северин и Мехединци², а также в северо-западной части Республики Сербской в Боснии и Герцеговине³. Данная экспедиция является продолжением работы по изучению языка чешских меньшинств на Балканах, начатой автором во время поездки в Хорватию (г. Дарувар и сёла в Бьеловарско-Билогорской жупании) в мае 2019 г.⁴ Целью исследования является анализ языковой ситуации у чехов в инославянском и неславянском этноконфессиональном окружении.

0.1. В статье представлен краткий обзор существующих исследований, посвященных языковой ситуации в чешских общинах сербского и румынского Баната, а также Боснии и Герцеговины (п. 1), описывается

1 Автор благодарит д-ра Билянну Сикимич (Институт балканистики САНИ, Белград) за предоставленные контакты в Сербии, ценные консультации, касающиеся особенностей диалектов и традиций народов, проживающих на сербско-румынском пограничье, и всестороннюю поддержку наших исследований.

2 За помощь в полевой работе и предоставленные контакты в Румынии автор выражает благодарность председателю Южнобанатского представительства Демократического союза чехов и словаков в Румынии Франтишеку Дракселу (Молдова-Ноуэ).

3 За помощь в полевой работе и предоставленные контакты в Боснии и Герцеговине автор благодарит члена Союза национальных меньшинств проф. д-ра Желько Вашко (Баня-Лука), председателя чешской беседы «Нова-Вес» Векослава Краатофила (Нова-Вес), председателя чешской беседы «Мачино-Брдо» Зденку Гаск (Мачино-Брдо). Работа в Боснии и Герцеговине велась при поддержке филологического факультета Университета Баня-Луки.

4 Об этой экспедиции см.: (Борисов, Пилипенко 2019: 593–604).

маршрут экспедиции (п. 2), метод исследования, дается характеристика материала (п. 3). Далее приводятся первые результаты анализа нарративов (пп. 4–6), формулируются общие выводы (п. 7).

1. Исследования данных миноритарных сообществ в первой половине XX в. носили в основном историко-этнографический характер. Среди них можно выделить работы Я. Ауэрхана, в одной из которых была описана численность и структура чешских колоний в Югославии, Румынии, Венгрии и Болгарии в 1921 г. (Auerhan 1921); Р. Урбана, в 1930 г. описавшего историю чешских и словацких колоний в Румынии (Urban 1930) и давшего краткую общую характеристику состояния чешского языка в них как «довольно чистого и мало подверженного влиянию иноязычных элементов»⁵. Подробные собственно лингвистические исследования начинают проводиться в 60-е гг. XX в. В Банате в это время работал чешский лингвист, один из авторов Чешского языкового атласа, С. Утешены. В рамках первой экспедиции в Румынию он посетил села Сфынта-Елена и Гырник (Utěšený 1962), во время второй — Эйбенталь и Бигэр (Utěšený 1964). Там же в 60-е гг. работал румынский богемист Г. Чипля, изучавший фонетику (Ciplea 1963) и диалектную основу (Ciplea 1967) местных чешских говоров. В 1967 г. С. Утешены посетил сербскую часть Баната, а именно Бела-Цркву, Крушчицу и Чешко-Село (Utěšený 1970). В экспедиции также принимала участие С. Попович, богемист из Белграда, изучавшая в это же время язык чехов в Боснии и Герцеговине (сёла Нова-Вес и Мачино-Брдо), см. (Popović 1968). Современные исследования чешских миноритарных сообществ в рассматриваемых регионах вновь затрагивают историческую и этнографическую проблематику. В 2011 г. в Румынии вышла монография Д. Гече об истории чешских общин в Румынии (Gecse 2011) (переведена на чешский язык в 2013 г.: Gecse 2013), в которой представлен подробный обзор поэтапной колонизации чехами территорий в румынском Банате, описаны их традиции, различные аспекты быта, религиозной жизни, образования на протяжении XIX–XX вв. Подобное антропологическое исследование в Боснии и Герцеговине проводил З. Угерек (Uherek 2011). Объемный труд «Земляки: По следам чехов в Восточной Европе» (Krajané 2009), вышедший под общей редакцией П. Кокаисла, представляет собой обзор современного состояния чешских сообществ во всей Восточной Европе. Собственно лингвистическая проблематика, к сожалению, в современных работах представлена

5 Цит. по: (Utěšený 1962: 201).

очень слабо. Исключением можно назвать работы К. Вискочиловой, которая изучала речь чехов села Бигэр с применением методов корпусной лингвистики (Vyskočilová 2016).

2.1. По данным переписи населения 2011 г., в Сербии проживает 1824 представителя чешского национального меньшинства. Наиболее компактно — в общине Бела-Црква в Южнобанатском округе автономного края Воеводина (644 чел.) (Етноконфесионални и језички мозаик 2014: 119). Чешский язык называют своим родным 810 человек во всей Сербии, из них 567 — в Воеводине (ibid.: 154). В общине Бела-Црква он имеет статус официального (Statut opštine Bela Crkva 2008). Участники экспедиции 2019 г. посетили города Бела-Црква (Bela Crkva) и Вршац (Vršac), а также сёла Крушчица (Kruščica), Чешко-Село (Češko Selo) в общине Бела-Црква.

Общение с представителями чешского меньшинства проходило в основном в с. Крушчица, расположенном на возвышенности в 5 км от г. Бела-Црква. Католическая церковь в Крушчице посвящена святому Вацлаву⁶. В селе находится одна из «чешских бесед» — культурный центр, помещение которого используют для проведения национальных мероприятий — традиционных праздников и фестивалей народной культуры. В Крушчице есть школа, в которой ученики 1–4 классов могут в качестве факультатива выбрать предмет «чешский язык с элементами национальной культуры». Такая же возможность есть у учеников двух школ в Бела-Цркве. Для взрослых курсы чешского языка организует учитель, работающий в Сербии в рамках программы Министерства образования Чешской Республики по сохранению чешского языка среди соотечественников за рубежом. Автор настоящей статьи побывал на одном из таких занятий, которое проводил учитель Станислав Гавел в г. Вршац. Стоит отметить, что курсы чешского языка пользуются популярностью не только среди местных чехов: на вводном уроке присутствовали и сербские подростки, чьи родители рекомендовали им выучить чешский язык для дальнейшей учебы в Чехии.

2.2. По завершении работы в Сербии исследователи отправились в Румынию, где на момент переписи населения 2011 г. проживало 2477 чехов. Целесообразность параллельного изучения миноритарного сообщества в этой стране объясняется тем, что чешская колонизация

6 Автор выражает благодарность ключнице костела св. Вацлава Барбаре Гановой за подробные рассказы о местных традициях, а также за неоценимую помощь и поддержку нашего исследования.

Баната в XIX в. началась именно с его горных районов, которые принадлежат современной Румынии. Речь идет о населенных пунктах в жудецах Караш-Северин (где проживает 1230 представителей чешского этноса — 49,7% всех румынских чехов) и Мехединци (321 чел. — 13% всех чехов в Румынии) (*Populația după etnie 2011*). Примечательно, что в Румынии процент респондентов-чехов, назвавших своим родным чешский язык, очень высок: 2174 чел. — 87,8% (*Populația după limba maternă 2011*). Исследователи посетили следующие населенные пункты в жудеце Караш-Северин: Златица (рум. *Zlatița*, чеш. *Zlatice*), Молдова-Ноуэ (рум. *Moldova Nouă*, чеш. *Nová Moldova*), Сфынта-Елена (рум. *Sfânta Elena*, чеш. *Svatá Helena*), Бэйле-Херкулане (рум. *Băile Herculane*, чеш. *Herkulovy lázně*), Шумица (рум. *Șumița*, чеш. *Šumice*); в жудеце Мехединци: Эйбенталь (рум. *Eibenthal*, чеш. *Eibental / Tisové Údolí*⁸).

В населенном пункте Сфынта-Елена исследователи посетили чешскую школу, в которой преподавание с 1 по 4 класс ведется полностью на чешском языке, а в программе 5–8 классов присутствуют предметы «чешский язык» и «история и традиции чешского меньшинства в Румынии»⁹. Стены в коридорах школы украшают яркие рисунки на сюжет переселения чехов в Банат, выполненные по «эскизам» учеников младших классов. Село Сфынта-Елена, которое местные чехи называют *Svatá Helena*, — одно из мест первичного расселения чешских колонистов в Банате, которых на сегодняшний день сохранилось шесть; из них исследователи посетили также сёла Эйбенталь и Шумицу. Все они расположены в гористой местности — об этом и о том, что переселенцы были недовольны новыми условиями жизни, которые оказались гораздо тяжелее, чем обещал австрийский двор, автору статьи уже было известно из письменных источников (Krajané 2009: 21–27; Gecse 2013: 34–40) и рассказов сербских чехов. Так, дорога к с. Эйбенталь и сегодня является довольно сложной для автомобилистов: она представляет собой однополосный извилистый подъем, на котором относительно редко встречаются «карманы» для разъезда встречного транспорта. На сегодняшний день она является основной благодаря тому, что имеет асфальтовое покрытие. Раньше, однако, на

7 В беседах с местными чехами также встречался вариант *Herkules*.

8 Вариант *Tisové Údolí* является калькой нем. *Eibenthal* ‘тисовая долина’ и представлен, например, на стеле при въезде в населенный пункт. Это название тем не менее является неофициальным, причем сами местные чехи не пользовались им во время интервью.

9 Об этом см. также: (Gecse 2013: 444–449).

ее месте проходили рельсы для вагонеток, перевозивших антрацит, который добывали в соседнем селе Байа-Ноуэ (рум. *Baia Nouă*, чеш. *Nové Doly*, венг. *Ujbánye*), а для проезда использовалась другая дорога, существующая и сейчас и имеющая грунтовое покрытие. Так или иначе, асфальтированная дорога используется чаще. Чешские сёла в Румынии входят в развитую инфраструктуру современного сельского и этнотуризма: из Чехии приезжают экскурсии к «землякам» (чеш. *krajané*) — туристы останавливаются на ночлег у местных жителей, в Эйбентале есть ресторан чешской кухни и пивная, оформленная в традиционном стиле¹⁰. Также участники экспедиции посетили населенный пункт Златица, находящийся вблизи пограничной реки Нера, разделяющей Румынию и Сербию.

2.3. Последней страной, в которой экспедиция обследовала чешское население, стала Босния и Герцеговина, а именно несколько населенных пунктов в Республике Сербской: города Баня-Лука (*Banja Luka*), Приедор (*Prijedor*), Прнявор (*Prnjavor*), сёла Мачино-Брдо (*Maćino Brdo*), Лужани (*Lužani*) в общине Прнявор; Нова-Вес (*Nova Ves*) в общине Србац (*Srbac*). По данным переписи населения 2013 г., в Республике Сербской проживает 218 чехов, а своим родным чешский язык считают 56 человек. Можно проследить следующее распределение по общинам и городам, где проживает более десятка чехов: Баня-Лука (9/47¹¹), Градишка (2/18), Приедор (10/57), Прнявор (14/46), Србац (12/17) (Перепись 2017). Причина такого распределения заключается в том, что чешский как язык повседневного общения сохраняется только в трех чешских сообществах в населенных пунктах Приедор, Мачино-Брдо (община Прнявор) и Нова-Вес (община Србац). В Баня-Луке существует Совет национальных меньшинств Республики Сербской — общественная организация, занимающаяся вопросами сохранения языка и культуры 12 миноритарных сообществ региона. Мероприятия, проводимые Советом и отдельными чешскими беседами, привлекают внимание не только представителей меньшинства, но и других жителей данных общин¹². Автор настоящей статьи посетил чешские беседы в Приедоре и Нова-Веси. В Приедоре удалось ознакомиться с книжным фондом местной чешской библиотеки, а также посетить католическую церковь святого Йосипа,

10 См. также: (Gecse 2013: 439–440).

11 В скобках указано количество человек с родным чешским по отношению к количеству всех чехов, проживающих в данном регионе.

12 Об этом см. также: (Krajané 2009: 404, 415).

восстановленную после войны 1992–1995 гг., а в селе Нова-Вес — храм Девы Марии.

3. Всего за время экспедиции было опрошено 15 информантов в Сербии (19 часов аудио), 23 информанта в Румынии (13,5 часов аудио), 16 информантов в Боснии и Герцеговине (13 часов аудио). Общая длительность аудиозаписей составила 45,5 часов, также было сделано несколько видеозаписей общей длительностью около часа. Большая часть собеседников принадлежала к старшему поколению, удалось побеседовать также с информантами среднего возраста и с одним представителем молодого поколения — этническим чехом, не владеющим чешским как родным, а выучившим его в университете Баня-Луки. Кроме того, был собран фотоматериал: фотографии населенных пунктов, лингвистического ландшафта, предметов быта, сельскохозяйственных построек и орудий труда, портреты информантов. Также были задокументированы надгробные памятники на кладбищах в Сербии: в Бела-Цркве, Крушчице; в Румынии: в Сфынта-Елене, Златице, Шумице; в Боснии и Герцеговине: в Нова-Веси и Мачино-Брдо.

Интервью в большинстве случаев проводились на чешском языке, исключение составляют несколько бесед в Боснии и Герцеговине. Так, разговор с тремя информантами в г. Приедор осуществлялся на сербском, поскольку собеседники-чехи владели чешским языком лишь пассивно. Во время двух интервью в с. Мачино-Брдо разговор шел частично на сербском по причине присутствия информантки, не владеющей чешским языком. В Румынии часть интервью с чехами проходила также на румынском и на сербском. Беседы велись о традиционных ремеслах, повседневных занятиях информантов. Обсуждались история переселений чехов в данный регион, современное состояние миноритарных общин, например наличие чешских культурных, общественных и образовательных учреждений, проведение богослужений на чешском языке в местных храмах. Были записаны также приграничные нарративы (о переходе через пограничную реку Неру; о переправе через Саву до того, как по ней была проведена граница между Боснией и Герцеговиной и Хорватией)¹³. Круг тем позволил активизировать употребление информантами лексем из

13 В ходе экспедиции использовался опросник, составленный автором с использованием книги (Валенцова 2016), а также частично анкеты (Плотникова 2009: 58–76) и дополненный с учетом цели и задач исследования.

различных сфер деятельности. В задачи исследования также входила фиксация контактных явлений: заимствований, фактов переключения кодов, интерференций. Интервью были полуструктурированными, проводились в форме свободной беседы, когда исследователь не прерывает информанта, но реагирует на повествование, задавая уточняющие вопросы или вопросы, позволяющие перейти к следующей интересующей его теме. Конкретные лексемы и формы уточнялись по ходу беседы¹⁴.

4. По отношению ко всем посещенным исследователями регионам можно говорить о сложном этноконфессиональном ландшафте, где чехи контактируют не только с представителями этнического большинства, но и с другими диаспорами. Так, в Воеводине в непосредственной близости от чешских сел находятся населенные пункты, где проживают румыны (например, Стража, серб. *Straža*, рум. *Strajă*), венгры (например, Добричево, серб. *Dobričevo*, венг. *Udvarszállás*), цыгане. До 1945 г. проживали также немцы, память о которых сохраняется в рассказах представителей старшего поколения, в том числе в виде использования старых топонимов (например, город Бела-Црква пожилые люди как в Сербии, так и в соседней Румынии до сих пор называют Вайскирх (от нем. *Weißkirchen*)¹⁵. Примеры из интервью, записанных в с. Крушчица: *a moje d'et'i si ve Vajskirxu* (а мои дети в Вайскирхе); *vozil do Vajskirxu* (ездил в Вайскирх). В конфессиональном отношении чехи в Сербии — преимущественно католики, некоторая их часть — протестанты; сербы, составляющие большинство населения, — православные. В Румынии в местах первичного расселения чехов, о которых шла речь выше, на протяжении XIX в. и практически до 1989 г., наоборот, складывалось относительно изолированное сообщество, что способствовало консервации чешского языка и культуры. Тем не менее контакты имели место: прежде всего с румынами, сербами, венграми и цыганами. Следующие примеры иллюстрируют языковую ситуацию как многоязычие, которое сегодня является обыденным явлением для чешского сообщества в Румынии. Информантка приводит выражения на венгерском, цыганском (северновалашский вариант), сербском (косовско-ресавский диалект) и румынском (банатский диалект). Курсивом в примерах (4.1)–(4.4) обозначены слова и фразы не на чешском языке.

14 Ср. похожий метод: (Пилипенко 2018: 291; Ганенкова 2018: 119).

15 Ср.: (Utěšený 1962: 202).

(4.1)	<p>Sloužila sem furt. Važila sem, prala sem, u n'akoho doktora sem bila aš votaj vodešel, von bil e-e ten e mad'ar¹⁶. A vona bila n'emcojka [рум. <i>nețoaică</i>]. A pak sem sloužila u n'aki s-srpki. A e-e vona mn'ela tetu mad'arku, a ja sem k n'i hod'ila, a vona na mn'e mluvila (je)nom mad'arski. A tak sem se naučila mad'arski teda, al uš sem to zapomn'ela, <i>közöm szepen, kezzem csókolom</i> [венг. <i>közönöm szépen, kezét csókolom</i>]. A tam bili blisko cikán'i, ja sem se naučila cikánski. <i>Bengo nakhe(l), kaže, hata (xata) phure</i>¹⁷.</p>	<p>Я всё время прислуживала. Я варила, стирала, была у одного доктора, пока он не уехал, он был этот, венгр. А она была (рум.) <i>немка</i>. А потом я прислуживала у одной сербки. А у нее была тетя венгерка, я к ней ходила, а она со мной разговаривала только на венгерском. Ну и так я выучила венгерский, но я уже всё это забыла, (венг.) <i>большое спасибо, целую ручки</i>. И были там близко цыгане, так что я выучила цыганский (цыг.) <i>Идет дьявол, говорит, вон старый</i> (А. С.¹⁸, Сфынта-Елена, Румыния).</p>
(4.2)	<p>A srpski, u jedni srpki sem sloužila teda, vona povida na mne: «Anka, <i>idi donesi mi bili lukac</i>». Ja šla do špajzu: gde je <i>bili lukac</i>? Pak sem šla:</p>	<p>А сербский — у одной сербки я, значит, служила, она мне говорит: «Анка, иди, принеси мне <i>bili lukac</i> (серб. диал. 'чеснок', букв. «белый лук»)». Я пошла в кладовку: где <i>bili lukac</i>?</p>

16 В примерах используется упрощенная транскрипция на основе стандартной чешской орфографии с некоторыми модификациями. Мягкость обозначается апострофом: *mad'ar*. Долгота гласных обозначена только там, где она встречается в речи информантов. Отсутствие долготы по сравнению с чешской литературной нормой может объясняться как особенностями диалектной основы современных форм существования чешского языка в посещенных регионах, так и результатом языковых контактов (об этом см., например: Popović 1967: 37–42). Для обозначения заднеязычного согласного, обозначаемого в стандартной орфографии *ch*, в транскрипции используется символ *x*. Для транскрипции цитат на других языках используется запись, приближенная к стандартной орфографии этих языков.

17 Транскрипция фразы на цыганском д-ра Биляны Сикимич, Институт балканистики САНИ. Данная фраза, однако, не может быть переведена адекватно, поскольку собеседница воспроизводит ее с ошибкой (неточно передана этой собеседницей и венгерская фраза).

18 Жен., 84 года, чешка.

	<p>«Pa, do(a)mna, acolo nu e niciunde»¹⁹. A vona: «Pa este, Anca, du-te să-l caut (cauți)!» — «Do(a)mna, l-am căuta(t) peste tot, dar nu e». Von to bil česnek. Po srpski bile luka(c).</p>	<p>Потом прихожу: «(рум.) Госпожа, там нигде нет». А она: «(рум.) Да есть же, Анка, иди его поищи!» — «Госпожа, я его искала везде, но его нет». А это был чеснок. На сербском bile(i) lukas (А. С., Сфынта-Елена, Румыния).</p>
(4.3)	<p>Pak me poveda jednou, že pri sed'ela takle f pokoji, a žika: «Anka, donesi mi marambici [серб. maramica / рум. mărămiță]!» Ale ja hledam kočku, mi-ic mi-ic (рум. орфогр. miț)! «Păi, do(a)mna, aicia nu e pisica niciunde». — «Anka, ai căutat pisica?» A vona se smala. Von to bil kapecnik, po srpsku.</p>	<p>Потом она мне как-то говорит, сидела она вот так в комнате и говорит: «Анка, принеси мне marambici (серб./рум. платок)!» А я ищу кошку: кис-кис (mic, mic)! «Госпожа, там нигде нет кошки». — «Анка, ты искала кошку?» И она смеялась. А это был платок, на сербском (А. С., Сфынта-Елена, Румыния).</p>
(4.4)	<p>«Anka, idi operi sudove!» A ja pam, pane Ježiši vona blázen nebo si strat'ila rozum. Te ja polezu po sudu, von'i tam srbáci lezou po žebříku. Do sudu, meli ti kad'e velki, von'i na vinogradux ne, toho vína ne. A ja: «Păi, do(a)mna, iou (eu) nu pot să mă urc cu scara acolo». Vona pa: «Unde vrei să te urci?» Ja: «Pa, mâncarați nu nu». A vono to bilo nádobi, sudove, ne. Al ja misela sudi.</p>	<p>«Анка, (серб.) иди помой посуду!» А я говорю, Господи Иисусе, она сумасшедшая или потеряла разум. Я полезу по бочке (чеш. sud 'бочка'), они, сербы, туда залезают по лестнице, в бочку, у них были такие кадки большие, для винограда. А я: «(рум.) Госпожа, я не могу подняться по лестнице туда». Она: «(рум.) А куда ты хочешь подняться?» А я: «(рум.) Ну вы не ешьте»²⁰. А это была посуда, sudove (серб. 'посуда'). А я думала, бочки (А. С., Сфынта-Елена, Румыния).</p>

Иная ситуация складывалась в населенном пункте Златица, который расположен вблизи пограничной реки Нера, разделяющей

19 За помощь в расшифровке румынских фраз здесь и далее автор благодарит Г. П. Пилипенко и Сильвану Андреас (Тимишоара).

20 Адекватный перевод данной фразы также представляется затруднительным по причине недостаточности контекста и возможных ошибок в речи собеседницы.

современные Румынию и Сербию. Это село является своеобразным перевалочным пунктом на пути переселений чехов из румынской части Баната в сербскую. На протяжении XX в. чехи здесь были третьей по численности этнической группой и остаются таковой до сегодняшнего дня. Этнический состав Златицы в 2002 г. выглядел следующим образом: румыны (340 чел.), сербы (253 чел.) и чехи (103 чел.) (Varga [2002]: 97).

В конфессиональном отношении румынские чехи в основном католики, однако особый интерес представляет ситуация в селе Сфынта-Елена. В самом начале колонизации, в 1830 г., здесь насчитывалось 252 католика и 86 евангелистов. Однако с 1870-х гг. евангелические службы всё чаще совершаются на венгерском языке, идет процесс мадьяризации чешского населения, из-за чего многие евангелисты примыкают сначала к адвентистам, которые не признавались конфессией в Румынии, а потом к баптистам. Построенный в 1890-е гг. евангелический костел был передан общине баптистов в 1979 г. (Gecse 2013: 218–230)

Весьма сложная этноконфессиональная ситуация и в местах проживания чешского сообщества в Боснии и Герцеговине. Чехи-католики живут здесь в окружении православных сербов, украинцев греко-католиков, католиков-хорватов и мусульман.

5. По причине тесных контактов чехов с другими этническими группами в разговоре с информантами часто обсуждались прозвища-этнонимы (в примерах (5.1), (5.2) обозначены курсивом). В Сербии, Боснии и Герцеговине, а также в Хорватии (где исследователи побывали с экспедицией в мае 2019 г.) местные жители из числа этнического большинства называют чехов *petci* (*petac*, *petkinja*)²¹ — производное от нем. *Böhm*²². Так называли переселенцев, прибывших в середине XIX в. из Чешского королевства (нем. *Böhmen*, Богемия). По словам информантки из с. Нова-Вес, страну, откуда пришли чешские переселенцы, в свою очередь, называют *Pemija*²³.

21 Ср.: (Речник 1971: 382). Лексема *Пемац* дана с пометой «пейоративное».

22 См. об этом, например: (Rajković 2005: 237).

23 Примечательно, что в окрестностях Дарувара, являющегося центром чешского меньшинства в Хорватии, Пемия (*Pemija*) — это неофициальное название населенного пункта Иваново-Село (*Ivanovo Selo*), куда в XIX в. прибывали первые переселенцы из Чехии (Богемии) в Славонию (Škiljan 2016: 268–271).

(5.1)	<p>L. V.: Ja, mn' e teta Karolina vkladala, to bila stara babička, devadesat šest let mn'ela, že to bila n'ekde <i>Pemija</i>.</p> <p>V. K.: Bohemija. A pak si z val'da od toto, Bohemija n'ekdi bila Češka. E pak diš kdesi tak n'egdo nežekl, xt'el žic bohemci, pa že val'da žekli <i>pemci</i>, tak to pak se... Špasovali ste.</p> <p>L. V.: Ta Bohemija n'ejaka že bila i že po tim se, ona mn'e to tak vkladala. Že ti <i>pemci</i> sme mi dostali tadi.</p> <p>V. K.: Bohemci.</p>	<p>Л. В.²⁴: Да, мне тетя Каролина рассказывала, это была старая бабушка, ей было 96 лет, что была где-то Пемия.</p> <p>В. К.²⁵: Богемия. А потом, наверное, от этого, Богемия когда-то была Чехия. И потом где-то так кто-то сказал, хотел сказать «богемцы», а сказал вроде «пемцы», так оно потом... Шутили.</p> <p>Л. В.: Что Богемия какая-то была, и что поэтому, она мне это так рассказывала. Что пемцы, мы, пришли сюда.</p> <p>В. К.: Богемцы (Нова-Вес, Босния и Герцеговина).</p>
-------	---	--

Румыны называют чехов похожим образом — *peṁi* [peṁ'] (рум. *peṁ* / *peṁoaică*, чеш. *peṁuch* / *peṁka*). Также в говорах сербского села Свиница (рум. *Svinița*) в Румынии зафиксированы формы *peṁac*, *peṁkinja*, *Peṁska* (Чехия) и *peṁski* 'чешский' (Томић 1984: 191). Для обозначения румын местные чехи используют лексему *valaši*²⁶. В Боснии и Герцеговине также было зафиксировано слово, обозначающее представителей украинского меньшинства, — *galicijani* (от названия региона Галиция, откуда происходило переселение украинцев):

(5.2)	<p>Ja nevim co voni žikaji <i>pemci</i>, proč von'i žikaji <i>pemci</i>. Nevim ja proč žikaji. Možda to n'aka pokrajina. N'akej d'il vodkud pšišli, jak tadi žikaji <i>galicijani</i>. Fšexni mo... voj <i>galcijani</i>! A voni sou ukrajinci.</p>	<p>Я не знаю, чего они говорят «пемцы», почему они говорят «пемцы». Не знаю я, почему говорят. Может, это какой-то край. Какой-то регион, откуда пришли, как здесь говорят «галицианы». Все: ой, ой, галицианы! А они украинцы (З.²⁷, Лужани, Босния и Герцеговина).</p>
-------	---	---

24 Жен., ок. 85 лет, чешка.

25 Муж., ок. 45 лет, чех.

26 Ср.: Valáh // Dicționarul explicative al limbii române (ediția a II-a revăzută și adăugită). Academia Română, Institutul de Lingvistică. București: Univers Enciclopedic Gold, 2009 // Dexonline. URL: <https://dexonline.ro/definitie/VAL%C3%81H> (дата обращения: 09.06.2020).

27 Жен., ок. 60 лет, чешка.

6. В записанных интервью содержится также материал для исследования дискурсивных стратегий двуязычных собеседников: цитации (см. примеры (4.1)–(4.4)), отражение метаязыковой рефлексии, обращение к более компетентному, по мнению говорящих, носителю языка, прикрепление этноконфессиональных ярлыков к высказываниям, констатация незнания информантами тех или иных лексем на языке, на котором они говорят в данный момент, дублирование высказывания на другом языке, вопросы контроля понимания²⁸. В примерах (6.1), (6.2) такие комментарии выделены курсивом.

В следующем отрывке информантка дает расширенный метаязыковой комментарий в связи с употреблением сербского выражения [*imati*] *zakazano* (серб. ‘иметь запись (в поликлинике)’) во время монолога на чешском языке, которое формально схоже с чешской конструкцией [*je*] *zakázáno* (чеш. ‘запрещено’). Она фиксирует свою ошибку и объясняет, какое значение имеет лексема в чешском языке, а какое — в сербском. В конце приводит пример из чешского: *vstup zakázán* «вход запрещен». Интересно, что реплика врача, которую информантка цитирует в этом отрывке, в их беседе произнесена на сербском языке (этот врач — серб), но она приводит ее по-чешски. Однако проблема возникает при назывании процедуры записи на прием, это связано с тем, что ситуация посещения доктора, как правило, связана с использованием сербского языка.

(6.1)	<p>Так <i>puvida</i>: «Ja s vami už nemam nic. Vi ste tej přešli na o... lečbu ke otorinolaringologovi, tak ste tej u nix, tak s nami nemate nic». V pátek du internistovi. Mnela sem zakaza... e za-a... <i>zakazano je to jinač na česki a jinač je to na srpski, z... srpski je to e-e abi ste to za-a... na ten den e-e u-u zařidili. A na srpski zakazani ze... z-zabranit za... u-u-u abi to ne... z-s-stup zákas (f)stupu ne, fstup za... e-e...</i></p>	<p>И он говорит: «Я с вами уже никак не связан. Вы теперь перешли на лечение к отоларингологу, так что вы теперь у них, а с нами никак не связаны». В пятницу я иду к терапевту. У меня <i>zakaza...</i>, э-э-э, <i>zaa... zakazano</i> — это означает по-чешски одно, а по-сербски другое, по-сербски это чтобы вы на этот день <i>записались</i>. А по-сербски (имеет в виду «по-чешски») <i>zakazani</i> — запретить, чтобы не... <i>вход, вход запрещен, вход за...</i> (Б. Г.²⁹, Крушчица, Сербия).</p>
-------	---	---

28 Ср.: (Pilipenko G. P. 2018: 296–302; Борисов, Пилипенко 2020: 127–156).

29 Жен., 71 год, чешка.

Столь расширенный метаязыковой комментарий, как в примере (6.1), можно объяснить присутствием исследователя. Собеседница хочет избежать переключений на сербский. В ситуации, когда с исследователем беседуют одновременно два и более информантов, для коррекции «ошибок» и уточнения тех или иных слов собеседники могут обращаться за помощью друг к другу. В следующем примере один из участников диалога не может вспомнить чешское название месяца и спрашивает его у другого информанта:

(6.2)	<p>J. I.: Ja se jmenuju (имя). Ročník tisíc devjetecet čtíricet i sedmej. Třet' i septemb(e)r. <i>Jak se řekne na česki?</i> V.: Zaři. J. I.: Třet' iho zaři.</p>	<p>Й. И.³⁰: Меня зовут (имя). Год рождения 1947. Третье (серб.) сентября. <i>Как сказать по-чешски?</i> В.³¹: Сентябрь. Й. И.: Третьего сентября (Вршац, Сербия).</p>
-------	---	---

7. В ходе экспедиции было выявлено, что чешский язык для представителей миноритарных сообществ в Сербии, Румынии и Боснии и Герцеговине является главным фактором сохранения идентичности в условиях иноязычного и иноконфессионального окружения, процессов естественной ассимиляции и сокращения численности общин. Однако современная языковая ситуация в трех обследованных регионах различается. Так, по данным переписи населения 2013 г., в Республике Сербской (Босния и Герцеговина) проживает 218 чехов, из которых чешский язык называют своим родным всего 56 человек. Поэтому, например, в г. Приедор нам не удалось записать ни одного полноценного интервью на чешском языке. Чешский язык там пока еще сохраняется в нескольких семьях, проживающих в сельской местности (сёла Нова-Вес и Мачино-Брдо). В Сербии и Румынии чешские сообщества более многочисленны, в местах компактного проживания их представителей существуют школы, в которых преподают чешский язык (в Румынии с 1 по 4 класс все уроки ведутся на чешском). Относительно высокая витальность чешского языка в Румынии может быть объяснена, с одной стороны, географической изолированностью чешских сел в горных регионах румынского Баната, которая сохранялась на протяжении XIX–XX вв., а с другой стороны, тем, что румынский язык принадлежит к

30 Муж., 72 года, чех.

31 Муж., ок. 75 лет, чех.

иной группе языков (а именно романо-балканской подгруппе романских языков), чем чешский, относящийся к западнославянским языкам, так как для близкородственных языковых контактов характерна более интенсивная интерференция, что наблюдается у чехов в инославянском окружении в Сербии, Боснии и Герцеговине и Хорватии.

Источники и литература

Борисов, Пилипенко 2019 — *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Полевое исследование среди венгров и чехов в Центральной Хорватии // *Zbornik Janković. Daruvar*, 2019. Vol. 4. № 4. S. 593–604. DOI: <https://doi.org/10.47325/zj.4.4.21>.

Борисов, Пилипенко 2020 — *Борисов С. А., Пилипенко Г. П.* Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // *Јужнословенски филолог*. Београд, 2020. Књ. 76, св. 2. С. 127–156. DOI: 10.2298/JFI2002127B.

Валенцова 2016 — *Валенцова М. М.* Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2016. 616 с.

Ганенкова 2018 — *Ганенкова Т. С.* Полевое исследование старообрядцев в Польше // *Славяноведение*. 2018. № 2. С. 117–124.

Этноконфессионални и језички мозаик 2014 — *Этноконфессионални и језички мозаик Србије / Бурић В. [и др.]*. Београд: Републички завод за статистику, 2014. 209 с.

Пилипенко 2018 — *Пилипенко Г. П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку // *Славянский альманах*. 2018. № 1–2. С. 289–300. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.05.

Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 160 с.

Попис 2017 — *Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Српској 2013. године. Етничка/национална припадност, вјероисповијест и матерњи језик*. Бања Лука: Републички завод за статистику Републике Српске, 2017. 78 с.

Речник 1971 — *Речник српскохрватскога књижевног језика*. Књ. 4: О–П (ограшје — претња). Нови Сад: Матица Српска, 1971. 1013 с.

Томић 1984 — *Томић М.* Говор Свиничана // *Српски дијалектолошки зборник*. Књ. 30. Расправе и грађа / гл. уред. П. Ивић. Београд, 1984. С. 7–265.

Auerhan 1921 — *Auerhan J.* *Čechoslováci v Jugoslávii, v Rumunsku, v Maďarsku a v Bulharsku*. Praha: Melantrich, 1921. 207 s.

Ciplea 1963 — *Ciplea G.* Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat // *Romanoslavica VII.* București, 1963. P. 211–218.

Ciplea 1967 — *Ciplea G.* Unele caracteristici ale graiului moravo-slovac din Clopidia (Banat) // *Romanoslavica XIV.* București, 1967. P. 283–292.

Gecse 2011 — *Gecse D.* Istoricul comunităților cehe din România (Așezare, evoluție etno-demografică și cultural-profesională). Timișoara: Editura Eubeea, 2011. 424 p.

Gecse 2013 — *Gecse D.* Historie českých komunit v Rumunsku / ed. A. Gecse, překl. z rum. do češ. J. Šabat. Praha: Herrmann & synové, 2013. 464 s.

Krajané 2009 — Krajané: po stopách Čechů ve východní Evropě / Kokaš P. a kol. Praha: Za hranice — Společnost pro rozvojovou spolupráci při Provozně ekonomické fakultě ČZU v Praze, 2009. 437 s.

Pilipenko 2018 — *Pilipenko G. P.* The Ukrainian language in Argentina and Paraguay as an identity marker // *Slověne.* 2018. № 1 (7). P. 281–308.

Popović 1968 — *Popović S.* Govor dvaju čeških naselja u Bosni (Nova Ves i Mačino Brdo). Beograd: Filološki Fakultet Beogradskog Univerziteta, 1968. 167 s.

Populația după etnie 2011 — Populația după etnie — macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități / Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul 2: populația stabilă (rezidentă) — structura etnică și confesională // *Recensământul 2011.* Institutul Național de Statistică. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t2.xls (data обращения: 31.05.2020).

Populația după limba maternă 2011 — Populația după limba maternă — macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități / Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul 2: populația stabilă (rezidentă) — structura etnică și confesională // *Recensământul 2011.* Institutul Național de Statistică. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t6.xls (data обращения: 31.05.2020).

Rajković 2005 — *Rajković M.* Višestruki identitet Čeha u Jazveniku // *Etnološka tribina: Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva.* Vol. 34/35, № 27/28. Zagreb, 2005. S. 237–287.

Statut opštine Bela Crkva 2008 — Statut opštine Bela Crkva // *Službeni list Opštine Bela Crkva 8/2008.* URL: <https://www.pravamanjina.rs/attachments/Bela%20Crkva%20-%20STATUT.pdf> (data обращения: 08.06.2020).

Škiljan 2016 — *Škiljan F.* Identitet pripadnika češke nacionalne manjine na području Grubišnog Polja // *Radovi Zavoda za znanstvenoistraživački i umjetnički rad u Bjelovaru.* Sv. 10. Bjelovar, 2016. S. 265–293.

Uherek 2011 — *Uherek Z.* Češi v Bosnë a Hercegovině. Praha: Etnologický ústav AV ČR, 2011. 230 s.

Urban 1930 — *Urban R. Čechoslováci v Rumunsku*. Bukurešť: Šmíd in Soběslav, 1930. 191 s.

Utěšený 1962 — *Utěšený S. O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu // Český lid*. Praha, 1962. Roč. 49, № 5. S. 201–209.

Utěšený 1964 — *Utěšený S. Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě // Český lid*. Praha, 1964. Roč. 51, № 1. S. 27–32.

Utěšený 1970 — *Utěšený S. O posrbšřování kruščické češtiny v jugoslávském Banátě // Naše řeč*. Praha, 1970. Roč. 53, № 3. S. 138–145.

Varga [2002] — *Varga E. Á. Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002*. URL: <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf> (дата обращения: 31.05.2020). 113 о.

Vyskočilová 2016 — *Vyskočilová K. Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat // International Journal of the Sociology of Language*. № 238. 2016. P. 145–167.

References

Auerhan, J. *Čechoslováci v Jugoslávii, v Rumunsku, v Maďarsku a v Bulharsku*. Praha: Melantrich, 1921. 207 p.

Borisov, S. A., and G. P. Pilipenko. “Diskursivnye praktiki i metaiazykovoje kommentirovanie v rechi predstaviteľi natsional’nykh men’shinstv Bosnii i Gertsegoviny (na primere slavianskikh soobshchestv Respubliki Serbskoj).” *Južnoslovenski filolog*, knj. 76, sv. 2, Beograd, 2020, pp. 127–156. DOI: 10.2298/JFI2002127B.

Borisov, S. A., and G. P. Pilipenko. “Polevoe issledovanie sredi vengrov i Chekhov v Tsentral’noĭ Khorvatii.” *Zbornik Janković*, vol. 4, no. 4, Daruvar, 2019, pp. 593–604. DOI: <https://doi.org/10.47325/zj.4.4.21>.

Ciplea, G. “Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat.” *Romanoslavica VII*, București, 1963, pp. 211–218.

Ciplea, G. “Unele caracteristici ale graiului moravo-slovac din Clopidia (Banat).” *Romanoslavica XIV*, București, 1967, pp. 283–292.

Đurić, V., editor. *Etnokonfesionalni i jezički mozaik Srbije*. Beograd: Republički zavod za statistiku, 2014, 209 p.

Ganenkova, T. S. “Polevoe issledovanie staroobriadtsev v Pol’she.” *Slavianovedenie*, no. 2, 2018, pp. 117–124.

Gecse, D. *Istoricul comunităților cehe din România (Așezare, evoluție etno-demografică și cultural-profesională)*. Timișoara: Editura Eubeea, 2011, 424 p.

Gecse, D. *Historie českých komunit v Rumunsku*, ed. A. Gecse, překl. z rum. do češ. J. Šabat. Praha: Herrmann & synové, 2013, 464 p.

Kokaisl, P., et al. *Krajané: Po stopách Čechů ve východní Evropě*. Praha: Za hranice — Společnost pro rozvojovou spolupráci při Provozně ekonomické fakultě ČZU v Praze, 2009, 437 p.

Pilipenko, G. P. “Ékspeditsiia k slavianam v Iuzhnuiu Ameriku.” *Slavi-anskiĭ al'manakh*, no. 1–2, 2018, pp. 289–300.

Pilipenko, G. P. “The Ukrainian language in Argentina and Paraguay as an identity marker.” *Slověne*, no. 1 (7), 2018, pp. 281–308. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.05.

Plotnikova, A. A. *Materialy dlia étnolingvističeskogo izučeniia balkanoslavianskogo areala*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2009, 160 p.

Popis stanovništva, domaćinstva i stanova u Republici Srpskoj 2013. godine. Etnička/nacionalna pripadnost, vjeroispovijest i maternji jezik. Banja Luka: Republički zavod za statistiku Republike Srpske, 2017, 78 p.

Popović, S. *Govor dvaju čeških naselja u Bosni (Nova Ves i Mačino Brdo)*. Beograd: Filološki Fakultet Beogradskog Univerziteta, 196, 167 p.

Rajković, M. “Višestruki identitet Čeha u Jazveniku.” *Etnološka tribina. Godišnjak Hrvatskog etnološkog društva*, god. 34/35, no. 27/28. Zagreb, 2005, pp. 237–287.

Škiljan, F. “Identitet pripadnika češke nacionalne manjine na području Grubišnog Polja.” *Radovi Zavoda za znanstvenoistraživački i umjetnički rad u Bjelovaru*, sv. 10, Bjelovar, 2016, pp. 265–293.

Tomić, M. “Govor Sviničana.” *Srpski dijalektološki zbornik, knj. 30. Rasprave i građa*, ed. by P. Ivić, Beograd, 1984. S. 7–265.

Uherek, Z. *Češi v Bosně a Hercegovině*. Praha: Etnologický ústav AV ČR, 2011, 230 p.

Urban, R. *Čechoslováci v Rumunsku*. Bukurešť: Šmíd in Soběslav, 1930, 191 p.

Utěšený, S. “O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu.” *Český lid*, Praha, roč. 49, no. 5, 1962, pp. 201–209.

Utěšený, S. “Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě.” *Český lid*, Praha, roč. 51, no. 1, 1964, pp. 27–32.

Utěšený, S. “O posrbšřování kruščické češtiny v jugoslávském Banátě.” *Naše řeč*, Roč. 53, no. 3, Praha, 1970, pp. 138–145.

Valentsova, M. M. *Narodnyĭ kalendar' chekhov i slovakov. Étnolingvističeskĭĭ aspekt*. Moscow: Indrik, 2016, 616 p.

Varga, E. Á. *Krassó-Szörény megye településeinek etnikai (anyanyelvi/nemzetiségi) adatai 1880–2002*, 113 p., <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002/csetn02.pdf>. Accessed 31 May 2020.

Vyskočilová, K. “Czech language minority in the South-Eastern Romanian Banat.” *International Journal of the Sociology of Language*, no. 238, 2016, pp. 145–167.

Czech language and the traditional culture in the multiethnic environment (results of the field research of 2019 in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina)

Sergej A. Borisov

Junior Researcher

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: borisovsergius@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2321-9983

Citation: *Borisov S. A. Czech language and the traditional culture in the multiethnic environment (results of the field research of 2019 in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina) // Slavic Almanac. 2021. No. 1–2. P. 310–328 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02*

Received 12.06.2020.

Abstract

The article provides an overview of a field study conducted among Czechs in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina in 2019. The first results are presented, samples of transcribed texts are given. The purpose of the expedition was to collect narratives for the proper linguistic study of contact elements, conversations were conducted, among other things, about the history of the resettlement of Czechs to the Balkans, about folk culture, and interaction with other Slavic and non-Slavic ethnic groups. In the three regions studied, the Czech language remains unevenly due to a number of linguistic and extralinguistic factors. There are very few Czechs left in Bosnia and Herzegovina; Czech is the mother tongue only for elder people living in rural areas. In Serbia, there are several schools where Czech language and culture are taught, and in Romania there are schools where in the primary grades all subjects are taught in Czech. The collected language data is a valuable source for studying local Czech dialects and contact phenomena (borrowings, code-switching). The metalinguistic comments used by informants when they have difficulties in their Czech language during a conversation with a researcher are of particular interest to sociolinguistics.

Keywords

Sociolinguistics, language contacts, Czech language, bilingualism, multilingualism, language situation, Romania, Bosnia and Herzegovina, Serbia, ethnic minorities, field research.

**Змееподобные мифологические персонажи
провинции Шаньдун (Китай)
в сопоставлении с сербскими¹**

Лю Ху

Аспирант

Институт славяноведения РАН,

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 32-А

E-mail: liu.hu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1662-098X

Цитирование: Лю Ху. Змееподобные мифологические персонажи провинции Шаньдун (Китай) в сопоставлении с сербскими // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 329–345. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.03

Статья поступила в редакцию 12.01.2021.

Аннотация

Статья посвящена анализу змееподобных мифологических персонажей, встречающихся в китайской мифологии провинции Шаньдун, которые сопоставляются с южнославянскими образами на примере сербской традиции. В статье на материале этнических традиций анализируются наименования мифологических персонажей сквозь призму двух языков. Материалом для исследования послужили народные верования и обычаи, локальные ритуалы, этиологические легенды и предания. В работе показано, как мифологическое восприятие действительности отражается в культурном коде и в языковой картине мира. Рассматриваемые мифологические персонажи можно разделить в зависимости от облика, в котором их представляют, на зооморфные и антропоморфные. В мифологии провинции Шаньдун и Сербии при изучении змееподобных персонажей наблюдаются

¹ Выражаю признательность А. А. Плотниковой (Институт славяноведения РАН) за важные рекомендации, которые были учтены мною при написании статьи. Выражаю особую благодарность А. Б. Старостиной (Институт востоковедения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») за ценные замечания, перевод ряда китайских терминов на русский язык и помощь при оформлении статьи.

как сходства, так и различия, отражающие общие когнитивные процессы. Так, имена различных змееподобных персонажей, соответствующих представлениям носителей этнокультуры провинции Шаньдун и Сербии, демонстрируют как изоморфность, так и типологические и индивидуальные различия. В анализируемой сфере культурной лексики наблюдаются такие явления, как табуирование, эвфемизация и др. В исследовании используется методология Московской этнолингвистической школы, направленная на реконструкцию духовной культуры.

Ключевые слова

Сербская народная мифология, китайская мифология, змееподобные персонажи, дракон, этнокультура, этнолингвистика, провинция Шаньдун (Китай).

Провинция Шаньдун, расположенная на востоке современного Китая, считается одним из древних очагов северокитайской культуры; в местном фольклоре сохранились типичные для данной области мифологические персонажи. Сербия граничит со многими балканскими странами, а ее культура — часть особой южнославянской традиции. Эти две отдельные культуры демонстрируют сходства и различия, дающие автору импульс к размышлению о когнитивном подходе к тем или иным явлениям и представлениям, отраженным в языке, и прежде всего в семантике. Еще В. Гумбольдт писал о межъязыковых различиях, зависящих от способа обозначения того или иного явления, и о сходствах их восприятия: «Несмотря на бесконечное их разнообразие, во всем том, что имеет название у какого-либо народа, заложена некая общность явления, которая сообщается слову как знаку» (Гумбольдт 1985: 379). Н. Д. Арутюнова также указывала на общее и различное в восприятии мира разными этносами, отражающееся в языке: «Индивидуальное зарождается в общечеловеческом, капризы языка начинаются с логики. Нет сомнения в том, что логические схемы обыденного мышления встроены в язык» (Арутюнова 1999: 793).

В статье при анализе мифологических персонажей используется метод анализа, разработанный Московской этнолингвистической школой. Этнолингвистика «изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» (Толстой, Толстая 1995: 5). Эта школа реконструирует этническую духовную культуру в рамках общеславянского мира. Целью данного исследо-

вания является попытка расширения культурно-языкового контекста путем привлечения данных из неславянских культур и обращения к мифологической памяти и представлениям человека о мире.

Можно говорить о разной степени мифологизации змееподобных персонажей. Эти мифологические образы в провинции Шаньдун и Сербии можно разделить на четыре типа. Первые действуют как вредоносные демоны, могут представать в облике человека, — они *антропоморфны* (например, змеи-оборотни в провинции Шаньдун и летающий змей в восточной Сербии). Вторые — *зооморфные* — змеи-защитники, наделенные демоническими чертами (например, водяной змей и домовый змей в провинции Шаньдун, домовая змея в Сербии). Третий тип персонажей — змеи-драконы, которые могут вызывать природные катаклизмы (черный бесхвостый дракон в провинции Шаньдун, змей-дракон в Сербии: *ала, ламуја, аждаја*). Еще один тип персонажей — особенный мифический защитник в Сербии: дух человека или животного покидает тело спящего и в облике змея (в восточных областях Сербии) или любого другого существа (в западной Сербии, а также соседней Черногории, восточной Герцеговине) отправляется бороться с демонами непогоды.

В китайской провинции Шаньдун известны змеи-оборотни (первый из выделенных нами типов персонажей) как мужского, так и женского пола. Змея-оборотень, относящаяся к женским мифологическим персонажам, наделяется способностью к ясновидению, может вызывать дождь, а также причинять вред людям. Номинации² этого персонажа указывают на его змеиную природу: *шэцзин* (蛇精 ‘змея-оборотень’) или *шэяо* (蛇妖 ‘змея-демон’). По народным представлениям, змея-оборотень происходит от животных — ящерицы, змеи или черепахи. Она способна получать энергию от солнца, луны, снадобий бессмертия, волшебных трав и даже от человеческого дыхания, под воздействием которых она может превращаться в бессмертную красавицу. Она может оборачиваться человеком, животным или предметом, чтобы обманывать мужчин или ловить их в свои сети. По поверьям, *шэцзин* своей красотой завлекает мужчин, вступает с ними в

2 В статье приводятся в том числе диалектные номинации, т. е. чтение иероглифов, соответствующее диалектному произношению в провинции Шаньдун. За консультации при редактировании статьи редакция благодарит А. Б. Старостину (Институт востоковедения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»). — *Прим. ред.*

связь, а затем высасывает мужскую кровь и силу, см. (Чжан Ши 1989: 497–499). Китайская поговорка гласит: «Характер у красавицы, как у змеи». Змей-оборотень, относящийся к мужским мифологическим персонажам, предстает в образе парня, обманывающего людей и причиняющего им вред. На территории Шаньдунa бытует предание о том, как люди сражались со змеем. Змеем противостоит и сражается с ним волшебник, исповедующий даосизм (Сун Цзункэ 1991: 92–94).

В восточной Сербии известен «летающий змей, который превращается в человека (мужчину или женщину), чтобы вступить в половые отношения с человеком» (Плотникова 2004б: 111). Такого змея называют диалектным (*змеј*) или литературным (*змај*) словом, иногда *змај* считается существом мужского пола, а *змеј* — женского (там же: 111). В быличках из восточной Сербии, собранных А. А. Плотниковой, отмечается, что летающий *змеј* происходит от змеи-долгожителя, у которой вырастают крылья и ноги, — таким образом она приобретает свой мифический облик. К женщинам обычно приходит змей, а к мужчине — *змеица*, которые превращаются в красивого мужчину либо в красивую женщину. Полет этого существа сопровождается сиянием. Когда у него сложены крылья, сияние пропадает (Плотникова 2013: 186). В большинстве случаев змей является красивым девушкам в облике молодого мужчины. Считается, что в результате регулярных посещений девушки змеем она «постепенно слабеет, поэтому в народе известны традиционные обереги: перед входом в дом ставят чан с кипящей водой, чтобы туда попал змей; девушку одевают в старые наряды цыганки, чтобы змей не захотел навещать ее как “инородцу”, и т. д.» (Плотникова 2020: 19).

В провинции Шаньдун известен другой персонаж, домовый змей. В основе его номинации могут лежать два признака: место обитания — *цзясянь* (家仙, букв. ‘домовый дух’) или *чансянь* (宅仙, букв. ‘домовый дух’); внешний облик: *чансянь* (长仙, букв. ‘длинный дух’). Люди также называют его *сяолун* (小龙, букв. ‘маленький дракон’) или *цзялун* (家龙, букв. ‘домашний дракон’). Но дракон в китайской мифологии в большинстве случаев является священным мифическим существом, поэтому само слово «змей» («змея») запрещается произносить. В Сербии наблюдается схожее явление: чтобы избежать прямого употребления слова *змија*, используются заменяющие его диалектные названия, например *алесија*, *алосија*, *алетина*, *алетёрчина*, *алетёрина*; *гад*, *гадина*, *гадотија*; *гаведина*, *гузодёрчина*, *мангулотина*, *незгодија*, *несрётник*, *онаја страината*; *проклетија*, *проклетница*, *пустиња*; *тётка*; *това* (Богдановић 2007: 521–547; Гује и Јакрепи 2012).

Цзясянь в провинции Шаньдун считается духом умершего родственника или предка. Облик *цзясяня* — как у обычной маленькой змеи, но его тело необычного цвета (ярко-красного или золотисто-желтого). Считается, что *цзясянь* защищает семью и приносит счастье и удачу: в этом случае члены семьи талантливы, их карьера становится успешной, а здоровье — крепким. *Цзясянь* прячется в доме или на крыше.

До сих пор сохранился ритуал поклонения духу *цзясянь* в горном районе Имэншань. Ритуал совершается дома, так как в каждой отдельной семье имеется свой собственный *цзясянь*. Большинство людей поклоняется змею раз в год. При этом ритуал может проводиться в любой сезон. Некоторые семьи всегда выкладывают для *цзясяня* ладан в доме (Чжао Минь 2017: 11). Ладан называется *гунъян* (供养, диал. букв. ‘кормить’). В качестве даров домовому змею ставят самую лучшую пищу. В три миски кладут жареную рыбу, свинину и курицу. К ним добавляют свежие фрукты, три чарки, наполненные водкой, на стол ставят три миски и кладут три пары палочек для еды. Затем из цветной бумаги вырезают изображение змея, придают ему форму небольшого флажка и помещают на стол.

Домовый змей на востоке провинции называется *чанцзясянь* (长家仙, букв. ‘длинный домовый дух’), а слово 长 (*чан* ‘длина’) происходит от популярного прозвища змеи 长虫 (*чанчун*, букв. ‘длинное насекомое’) и символизирует долгую жизнь. Другое название, 常家仙 (*чанцзясянь*, букв. ‘постоянный домовый дух’), — омоним упоминавшегося 长家仙 (*чанцзясянь* ‘длинный домовый дух’). Считается, что домовый змей всегда следует за своей семьей. Если по какой-то причине люди перестанут ему поклоняться, то домовый змей будет приносить беды членам семьи — вызывать различные болезни или нарушать покой в семье. В Сербии широко известно, что домовая змея также обитает в каждом доме. Ее считают другом дома, и ее нельзя убивать. «Если ее убить, в доме немедленно будет покойник» (Гура 1997: 309).

В приморских районах Яньтай и Цзяодун провинции Шаньдун домового змея называют 圣虫 (*шэнчун* ‘святое насекомое’); 圣 (*шэн* ‘святой’) и 剩 (*шэн*, ‘избыток’) — омонимы, поэтому считают, что этот змей может обеспечить богатый урожай и изобилие пищи. Для праздника весны выпекают хлеб *шэнчун*, напоминающий свернувшуюся в клубок змею, и потом кладут его в посуду для хранения риса, надеясь получить хороший урожай, даже с избытком (Е Тао, Дяо Тунцзюй 2014: 314). Полагают, что домовый змей приносит семье счастье и богатство; если домовый змей в доме, то в доме всегда есть рис. На востоке провинции Шаньдун жители считают хлеб-змею талисманом. В

районе Лайчжоу провинции Шаньдун люди при строительстве нового дома пекли большой хлеб, по форме напоминающий змею, помещали его на крышу дома, а в «хребет змеиного хлеба» втыкали несколько маленьких флажков, на которых было написано *да цзи да ли* (大吉大利 ‘большое счастье’) (Цзян Сяомэй 2017: 173).

В Сербии образ змеи как домашнего покровителя связан с образом предка. Если домовая змея становится видимой для окружающих или она, наоборот, внезапно покидает дом, то это предвещает смерть хозяина или кого-либо из домашних (Гура 1997: 311). «Сербы Грбаля считают, что домовую змею нельзя убивать потому, что она *сјен* (тьень, душа) кого-то из домашних, и если убить змею, то и тот человек в семье умрет» (там же). С. Зечевич отмечал, что домовая змея представляет собой «тьень», т. е. двойника: «Змея может быть “тьенью” любого члена семьи, а в некоторых местах верили, что вообще у каждого человека есть своя змея-двойник» (Zečević 1970: 146).

Сербы верят, что домовая змея живет под порогом дома, под фундаментом, в стене или в очаге. Такая змея есть в каждом доме. В некоторых районах Сербии считают, что на голове у домовой змеи есть крест (ср. одно из сербских наименований змеи — *крснара* < *крс(т)* ‘крест’). В различных районах Сербии местом обитания домовой змеи считается место под порогом, место, где находится очаг, или пространство под лестницей (Гура 2000: 309).

Домовая змея охраняет дом. Сербские номинации домовой змеи чаще всего указывают на место ее обитания: *домаћа змија*, *кућна змија*, *кућевна змија*, *покућарка*, *змија кућарица*, *кућевник змија*, *кућњача*, *покућарица*, *покућарка*, подчеркивают ее функции хозяина и покровителя дома: *чуваркућа*, *чувар куће*, *сајбијка* (Раденковић 2012: 170; Левкиевская 1999: 339).

На юго-западе провинции Шаньдун известен другой тип змееподобного мифологического персонажа — *даван* (大王, обращение к местному правителю). В этом районе течет река Хуанхэ, которой управляет *даван*, он может вызвать дождь или остановить наводнение. Его также называют *хэдаван* (河大王, букв. ‘великий царь реки’), *Хуанхэ даван* (黄河大王, букв. ‘великий царь реки Хуанхэ’). Эти мифологические персонажи тоже представляются в виде змеи, обитающей в реке Хуанхэ. Во время наводнения люди молились *давану*.

Считается, что *даваны* — духи местных чиновников или героев, умерших в борьбе с наводнениями. «Существуют шесть *даванов*: *цзиньлунсы даван* (金龙四大王), *Хуан даван* (黄大王), *Сун даван* (宋大王), *Бай даван* (白大王), *Чжу даван* (朱大王), *Ли даван* (栗大王)» (Ху

Мэнфэй 2001: 410). В номинации этих духов включаются китайские фамильные имена. Так, *Хуан* (黃), *Бай* (白), *Чжу* (朱), *Ли* (栗) — это китайские фамилии со значением цвета: *хуан* — желтый, *бай* — белый, *чжу* — красный, *ли* — коричневый; таким образом, в названии духа указывается цвет *давана*. *Цзиньлунсы даван* переводится буквально как «золотой четвертый дракон». Легенда гласит, что *цзиньлунсы даван* родился и жил на горе золотого дракона и занимал среди братьев четвертое место по старшинству. И только в названии *Сун даван* (宋大王) формант *Сун* (宋), также китайская фамилия, не несет дополнительной семантической нагрузки.

Представления о внешнем облике *даванов* разнятся, его характеризуют яркие черты: одни считают, что у *даванов* рог на квадратной голове; другие думают, что они красного, желтого или золотого цвета; третьи полагают, что только тело *давана* имеет форму змеи, а душа его — это душа предка. Этих сверхъестественных змей якобы обнаруживали рабочие на плотине и лодочники, которые умеют распознавать ипостаси *давана*. Для этого готовят большую пустую тарелку и произносят приглашение. Сначала говорят: «Приглашаем *Ли давана* забраться на тарелку». Если змея этого не делает, то в приглашении меняют имя змеи: «Приглашаем *Хуан давана* забраться на тарелку». Если змея, услышав свое имя *Хуан даван*, сразу оказывается на тарелке, люди понимают, что это именно *Хуан даван* (Хуан Чжиган 1988: 86).

Жители провинции Шаньдун также молятся *давану* о дожде. Во многих местах на юго-западе провинции есть храмы в честь него, где четыре раза в год проводят грандиозные ярмарки, каждая из которых длится три дня. Люди устанавливают сцену для восхваления великого местного правителя *хэдавана*. Кроме того, когда долго не было дождя, люди ставили тарелки на берегу реки Хуанхэ, преклоняли колени и молились. Если маленькая змея заползала в тарелку, то она воспринималась как воплощение *хэдавана*. Люди приглашали духа в храм, возжигали ладан и поклонялись. Они обращались к *хэдавану* с просьбой послать дождь или предотвратить наводнения (Ли Жань 2008: 102).

Работа лодочника и рыбака тесно связана с рекой Хуанхэ, поэтому представители именно этих профессий верят в *давана*. Когда они отправляются в плавание, они исполняют ритуал «приглашение *давана*». Обращения к *давану* написаны на красной бумаге, в качестве приношения *давану* на стол ставят еду (среди них должны быть блюда из свинины и петуха) и поклоняются *давану*, стоя на коленях. Перед отплытием сжигают ладан, ритуальные деньги и запускают петарды. Этот ритуал также называют *фа ма-цзы* (发马子, букв. 'посылать

лошадь') (Ли Жань 2008: 102). Он символизирует быстрый ход коня и призван обеспечить успешное плавание: как быстро лошади бегут по земле, так и попутный ветер должен раздувать паруса для легкого движения судна по воде.

В провинции Шаньдун очень распространены верования о змее-драконе. В разных районах дракон представляется по-своему. На побережье известен царь морских драконов — *хайлунван* (海龙王); в городских округах Линьши и Цзаочжуан — дракон *Чжу лунван* (朱龙王 'царь-дракон Чжу') или *Чжу хэйлун* (朱黑龙 'черный дракон Чжу'); в городском округе Хэцзэ бытуют представления о черном бесхвостом драконе, которого называют *Цзяо Сань лунван* (焦三龙王 'царь-дракон Цзяо Сань') или *лунван Фэн* (龙王冯 'царь-дракон Фэн'). В восточных районах Шаньдуна (городских округах Вэйхай, Циндао, Яньтай) черный бесхвостый дракон зовется *туйба Лао Ли* (秃尾巴老李 'господин Ли без хвоста'), его также называют просто *Лао Ли* (老李 'господин Ли') или *Ли лун* (李龙 'дракон Ли'); в Вэйфане, центральном городском округе провинции Шаньдун, его зовут *Ли хэйлун* (李黑龙 'черный дракон Ли'). Различия в названиях змея-дракона находят отражение в представлениях о разных ипостасях мифического существа и в этиологических легендах.

Имя *хайлунван* связано с представлением жителей побережья о царе морских драконов. Он живет под водой, на дне моря и имеет свой собственный дворец с бесчисленными сокровищами, управляет всеми речными и морскими существами. *Хайлунван* также отвечает за дождь. Согласно китайским верованиям, драконы могут содействовать наступлению хорошей погоды. На морском пляже района Цзимо провинции Шаньдун каждый год проводится фестиваль, посвященный Царю драконов, и рыбаки участвуют в церемонии поклонения *хайлунвану* (Е Тао 2002: 66–67).

В районе Хэцзэ черный бесхвостый дракон называется *Цзяо Сань лунван*. Это название связано с легендой. Один мужчина по имени Цзяо Сань занимал третье место по силе среди молодых людей. Он приехал в деревню Фэнцзява, жил в доме Фэн Чунли и помогал ему обрабатывать землю. Когда всходы высохли из-за засухи, Цзяо Сань вызывал тучи и дождь. После трех лет работы, в тот день, когда была гроза, он взлетел в небо и бесследно исчез (У Чжаньминь 2008: В03). На юге деревни Фэнцзява люди построили храм в честь *Цзяо Сань лунвана*, чтобы поблагодарить дракона. Храмовая ярмарка в деревне Лунванфэн в районе Хэцзэ проводится во второй день второго месяца по лунному календарю.

Дракона без хвоста в уезде Фэйсянь называют *Чжу лунван*. Местные жители рассказывают, что *Чжу лунван* родился в семье Чжу в деревне Сицзян уезда Фэйсянь, и его звали Чжу Фу. Сначала он мог свободно изменять свой облик, становясь то человеком, то драконом. Однажды он превратился в дракона: его тело стало очень большим и покрылось чешуей, глаза стали похожи на большие колокольчики. Широко открыв рот, он покачал головой и повертел хвостом перед своей женой и свояченицей и тем самым напугал жену до смерти. С тех пор Чжу Фу больше не может превращаться в человека (Дяо Тунцзюй, Ли Жань 2015: 239–257). Ежегодно в шестой день шестого месяца по лунному календарю люди из разных деревень устраивают храмовую ярмарку на горе Лунвантан. *Чжу лунвана* называют также черным драконом. Сохранилась легенда о том, что в один год была сильная засуха, погибали посевы. Тогда люди пошли в храм просить *Чжу хэйлуна* вызвать дождь. *Чжу хэйлун* пожалел своих односельчан и тайно, темной ночью, пролил на них дождь. Но бог на небесах узнал об этом и наказал *Чжу хэйлуна*, повелев лежать в грязи 49 дней. В результате его хвост сгнил, а тело стало черным (Ли Жань 2016: 31).

В восточных районах Шаньдуна (Вэйхай, Циндао, Яньтай) черного бесхвостого дракона называют *туиба Лао Ли*. Он имеет облик получеловека-полудракона, так как родился от дракона. Жители рассказывают историю, связанную с происхождением *туиба Лао Ли*. В марте одна женщина, стиравшая одежду у реки, увидела на дереве сливу размером с яйцо. Она ее взяла и съела и почувствовала, что забеременела. В легенде также говорится, что «дракон тайком посещал эту женщину, потом она родила маленького дракона, а именно Ли, который улетел сразу после своего рождения. Но каждое утро он возвращался пить молоко своей матери. Дракон-отец возненавидел своего сына, ножом отрезал ему хвост и прогнал его (Ван Цинань 2010: B02).

Туиба Лао Ли стал черным драконом, в народной мифологии он выполняет функцию носителя дождя и града. Говорят, что каждый год он навещает свою мать и приносит с собой град. *Туиба Лао Ли* мстит отцу, поэтому приносит град, чтобы уничтожать посевы на полях отца. До сих пор в провинции Шаньдун существует поверье: когда падает град, люди должны подбросить нож, чтобы таким образом напугать *туиба Лао Ли* и остановить град. В Сербии есть сходный ритуал. Градовую тучу разрезают, рассекают режущими предметами (серпом, ножом, топором): «Чаще всего этими предметами машут в сторону приближающейся градоносной тучи, но возможно и распространено также вынесение серпа, топора, косы на двор и постановка

их в таком положении, чтобы острие было обращено к градовой туче. Известно и бросание топора или молота навстречу туче или закрепление тучи косою или серпом» (Толстой, Толстая 1981: 46).

Есть и другой вариант мифа: один белый дракон вредил людям в провинции Хэйлунцзян (на северо-востоке Китая), *туба Лао Ли* сразился с ним, победил и стал покровителем северо-востока. Но *туба Лао Ли*, скучая по матери, каждый год возвращается в провинцию Шаньдун, принося с собой град — не специально, а потому, что погода в провинции Хэйлунцзян очень холодная (Ли Жэнь 2016: 10–19).

В Сербии известны змееподобные мифологические персонажи (*х*)ала, ламџа (ламња), аждаја. Ала (змея, балканский турцизм) — фольклорный термин, обозначающий животное из народных верований, которое причиняет людям вред (Скок 1971: 651). Производные от этих названий обозначают черты характера и свойства человека, которыми наделяются и сами мифологические персонажи: проявление стихии — ала, алоција; прожорливость, ненасытность (человека, животного) — алав, алесџа, алоција, аждаја, аждер, аждерајка; сила, мощь (человека, животного) — аловит; проявление болезни, наличие телесных или умственных недостатков — алосан (Плотникова 2004а: 226). Ламња (ла́нца, балканский грецизм) — «аждая», пожирающая людей, или чародейка, ведьма (Скок 1972: 265). Известны представления о змеиных детях, которые рождаются от обычной женщины. Когда они спят, душа покидает их тела, чтобы бороться со змееподобным врагом земельных угодий и урожая. С демоном-героем, наименования которого имеют семантику ‘змей, дракон’ (например, *змај, змеј, змајевит човек, змејави човек*, реже (*х*)ала, (*х*)аловит човек), связаны соответствующие мотивы быличек: рождение героя от змея, наличие у него внешнего змееподобного облика, борьба с противником — вредоносным змеем-драконом. Другой тип наименования на западе Сербии не связан с семантикой ‘змей, дракон’, в названиях этого типа акцентируется мотив бури, непогоды, ветра: например, зап.-серб. *здува, здуа, здувач, здуаћ, здуач, здухач; вјетровњак, виловит човек*; (Поперина) *градобранитель*, (Срем) *облачар* (Плотникова 2004а: 223–224). «Название *здухач* связано с о.-слав. *dŏti (duti), возможно влияние и греч. στοιχειό <дух стихии, защитник места> через посредство с.-алб. *stih*i <демоны бури, непогоды>» (Плотникова 1999: 303).

Считается, что непогоду вызывают змеи-драконы. На востоке и юге Сербии, а также в ее центральных областях (*х*)ала или аналогичный змееподобный персонаж (*ламџа / ламња, аждаја*) приносит град, уничтожающий посевы. Часто встречается мотив противобор-

ства «алы» и змея, защищающего свое село (Плотникова 2013: 197). Считается, что причиной вихря могут быть различные действия демонологических персонажей *ал* (наблюдается типологическое сходство между *алой* и балканославянскими змеями-драконами женского пола, такими как *ламја*, *аждаја*). Со стремлением объяснить причины наступающей засухи тесно связаны балканославянские поверья о насылающем засушливую погоду летающем змее, который посещает свою любовницу (там же), о женском змееподобном демонологическом персонаже «ламия», приносящем град и вредящем урожаю, о змеях-драконах «але», «аждае», летающих в черных густых облаках, с градом см.: (там же: 54).

Изложенный материал позволяет сделать некоторые выводы о наименованиях змееподобных персонажей в мифологии провинции Шаньдун (Китай) и южнославянской сербской традиции.

1. В наименовании змееподобных персонажей используются табуированные номинации или эвфемизмы: в Сербии, чтобы избежать прямое использование слова *змија*, эти персонажи называют, например, *гад* / *гадина* / *гадотија* (рептилия); *несретник* (неудачник), *онаја страшната* (вон та страшная); *проклетија* / *проклетница* (проклятая), *пустиња* (опустошающая). В провинции Шаньдун домовый змей называется *чанцзясянь* (长家仙 ‘длинный домовый дух’), а слово *чан* (长 ‘длина’) символизирует долгую жизнь. В приморском районе домового змея называют *шэнчун* (圣虫 ‘святое насекомое’), *шэн* (*шэн* ‘святой’) и *шэн* (*шэн* ‘избыток’) — омонимы, существование которых породило убеждение в том, что змей может обеспечить богатый урожай и изобилие пищи.

2. Названия змееподобных персонажей связаны с их предполагаемой внешностью, характером или функцией. В Сербии домовую змею называют по охранной функции: *чуварица*, *чуваркућа* (ср. серб. *чувати кућу* ‘охранять дом’) / *сајбија* (турцизм с внутренней формой ‘хозяин’); по внешнему облику, в котором ее представляют: *крснара*, *крсташица* — название происходит от поверья, что змея с крестом / *bijela zmija* — белая змея / *мљекарица* ‘молочница’. В провинции Шаньдун домовую змею называют по месту обитания: *цзясянь* (家仙 ‘домашний дух’); по внешнему облику: *чансянь* (长仙 ‘длинный дух’). Змeya-дракона называют по внешнему облику: *туиба Лао Ли* (秃尾巴老李 ‘господин Ли без хвоста’).

3. Названия образов змееподобных персонажей в китайской народной традиции включают имена собственные — фамильные имена. Водяной змей называется фамилией + *даван* (大王 ‘господин’, обра-

щение к местному правителю): *Хуан даван* (黃大王), *Сун даван* (宋大王), *Бай даван* (白大王), *Чжу даван* (朱大王), *Ли даван* (栗大王). Бесхвостый черный дракон называется просто *Лао Ли* (老李 ‘господин Ли’) или *Ли лун* (李龙 ‘дракон Ли’); в других районах его номинация представляет более сложную конструкцию: *тумба Лао Ли* (秃尾巴老李 ‘господин Ли без хвоста’). Традиция номинации дракона с помощью имени собственного в сербской традиции не отмечена, но нередко можно встретить указания на реальных людей, которые считаются «змееподобными» (*змејави човек* и т. п.).

Источники и литература

Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Богдановић 2007 — *Богдановић Н.* Змијски речник југоисточне Србије // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 54. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. С. 521–547.

Ван Цинань 2010 — 王庆安. 秃尾巴老李在山东 // 齐鲁晚报. 2010. 21 十月. [*Ван Цинань.* Тумба Лао Ли цзай Шаньдун (Бесхвостый Лао Ли в Шаньдуне) // Цилуваньбао: вечерняя газета. 2010. 21 октября].

Гује и јакрепи 2012 — Гује и јакрепи: књижевност, култура / уредници М. Детелић, Л. Делић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. 399 с.

Гумбольдт 1985 — *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Гура 2000 — *Гура А. В.* Демонологические свойства животных в славянских мифологических представлениях // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / Институт славяноведения РАН; [отв. ред. С. М. Толстая]. М.: Индрик, 2000. С. 303–313.

Дяо Тунцзюй, Ли Жань 2015 — 刁统菊, 李然. 庙会、传说与历史—对费县龙王堂庙会的调查与思考 // 民俗研究. 2015. № 4. 第239–257页. [*Дяо Тунцзюй, Ли Жань.* Мяохуэй чуаньшо юй лиши дуй Фэйсянь Лунвантан мяохуэй дэ тяоча юй сыкао (Храмовые ярмарки, легенды и история — исследования и размышления о храмовой ярмарке Лунвантан в уезде Фэйсянь) // Миньсу яньцзю: журнал. 2015. № 4. С. 239–257].

Е Тао 2002 — 叶涛. 海神、海神信仰与祭祀仪式 // 民俗研究. 2002. № 3. 第65–80页. [*Е Тао.* Хайшэнь, хайшэнь синьян юй цзисы иши (Божество

моря, вера в божество моря и жертвенная церемония) // Миньсу яньцзю: журнал. 2002. № 3. С. 65–80].

Е Тао, Дяо Тунцзюй 2004 — 叶涛, 刁统菊. 山东民俗. 兰州: 甘肃人民出版社, 2004. 281页. [Е Тао, Дяо Тунцзюй. Шаньдун миньсу (Шаньдунский народный обычай). Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2004. 281 с.].

Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Змея домашняя // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 339–341.

Ли Жань 2008 — 李然. 传说的融合与再造—以鲁西南地区的黄河大王与秃尾巴老李传说为例 // 民俗研究. 2008. № 3. 第100–110页. [Ли Жань. Чуаньшо дэ жунхэ юй цзайцзао — и лусинань дицюй дэ Хуанхэ даван юй туиба Лао Ли чуаньшо вэйли. (Слияние и воссоздание легенд — на примере легенды о даване реки Хуанхэ и бесхвостом Лао Ли на юго-западе провинции Шаньдун) // Миньсу яньцзю: журнал. 2008. № 3. С. 100–110].

Ли Жань 2016 — 李然. 山东秃尾巴老李传说与信仰研究. 济南: 山东人民出版社. 2016. 188页. [Ли Жань. Шаньдун туиба Лао Ли чуаньшо юй синьян яньцзю. (Исследование легенд и верований о бесхвостом Лао Ли в провинции Шаньдун). Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2016. 188 с.].

Плотникова 1999 — *Плотникова А. А.* Здухач // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 303–305.

Плотникова 2004а — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

Плотникова 2004б — *Плотникова А. А.* Мифологическая лексика сербско-болгарского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 92–142.

Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 384 с.

Плотникова 2020 — *Плотникова А. А.* Сербская народная мифология в ареальном аспекте // Славяноведение. 2020. № 6. С. 15–27. DOI: 10.31857/S0869544X0012093-5.

Раденковић 2012 — *Раденковић Љ.* Кућна змија у веровању и предању словенских народа // Гује и јакрепи: књижевност, култура / уредници М. Детелић, Ј. Делић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. С. 167–184.

Сун Цзункэ 1991 — 宋宗科. 丘处机斩蛇精 // 崂山故事选. 青岛: 青岛市崂山风景区管委会. 下篇. 1991. 第92–94页. [Сун Цзункэ. Цю Чуцзи чжань шэцзин (Цю Чуцзи убивает демона змеи) // Лаошань гуши сюань (Подборка рассказов из района Лаошань). Т. 3. Циндао: Циндаоши Лаошань фэнцзинцой гуаньвэйхуэй, 1991. С. 92–94].

Толстой, Толстая 1981 — Толстой Н. И., Толстая С. М. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст / Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М.: Наука, 1981. С. 44–120.

Толстой, Толстая 1995 — Толстой Н. И., Толстая С. М. О словаре «Славянские древности» // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 5–12.

У Чжаньминь 2008 — 武占民. 龙王冯与“秃尾巴老李” // 菏泽日报 2008. 25 六月. [У Чжаньминь. Лунван Фэн юй туйба Лао Ли (Царь-дракон Фэн и бесхвостый Лао Ли) // Хэцзэ жибао: газета. 2008. 25 июня].

Ху Мэнфэй 2017 — 胡梦飞.“河神大王”: 晚清黄运沿岸地区祀蛇风俗考述 // 淮阴师范学院学报. 2017. № 4. 第410–415页. [Ху Мэнфэй. Хэшэнь даван: ваньцин хуанюнь яньань дицой сышэ фэнсу каошу («Хэшэнь даван»: исследование народного обычая жертвоприношения змее вдоль берега реки Хуанхэ в эпоху поздней династии Цин) // Хуайин шифань сюэюань сюэбао: вестник университета. 2017. № 4. С. 410–415].

Хуан Чжиган 1998 — 黄芝岗. 中国的水神. 上海: 上海文艺出版社. 1988. 183页. [Хуан Чжиган. Чжунго дэ шуйшэнь (Бог воды в Китае). Шанхай: Шанхай вэньи чубаньшэ, 1988. 183 с.].

Цзян Сяомэй 2017 — 姜晓梅. 山东莱州面塑“圣虫”造型艺术研究 // 艺术评鉴. 2017. №4. 第172–173页. [Цзян Сяомэй. Шаньдун Лайчжоу мяньсу шэнчун цаосин ишу яньцзю (Исследование изображений «Священного насекомого»: скульптуры из теста в районе Лайчжоу провинции Шаньдун) // Ишу пинцзянь: журнал. 2017. № 4. С. 172–173.

Чжан Ши 1989 — 张氏. 木匠与蛇精 // 泰安市郊区民间故事选编—民间故事集. 泰安: 泰安市郊区民间文学集成办公室. 1989. 第497–499页. [Чжан Ши. Му цзян юй шэцзин (Плотник и демон змеи) // Тайаньши цзяоцой миньцзянь гуши сюаньбянь — миньцзянь гуши цзи (Избранные народные предания в пригороде Тайаня. Сборник народных преданий). Тайань: Тайаньши цзяоцой миньцзянь вэньсюэ цзичэн баньгунши, 1989. С. 497–499].

Чжао Минь 2017 — 赵敏. 山东地区农村女性的民间信仰实践研究 — 以某村“社”组织为例. 硕士论文: 沈阳师范大学. 2017. 共43页. [Чжао Минь. Шаньдун дицой нунцунь нюйсин дэ миньцзянь синьян шицзянь янь-

цзю — и моуцунь шэ цзучжи вэйли. (Практическое исследование народных верований среди деревенских женщин в Шаньдуне: на примере деревенской общины): магистерская диссертация. Шэньян шифань дасюэ, 2017. 43 с.].

Skok 1971, 1972 — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslovenska akademija znanosti i umetnosti, 1971–1974. Knj. 1. 1971. 788 с.; Knj. 2. 1972. 700 с.

Zečević 1970 — Zečević S. Poreklo naših verovanja o kućnoj zmiji // Narodno stvaralastvo. God. 9, № 35–36. Beograd, 1970. С. 141–150.

References

Arutyunova, N. D. *Iazyk i mir človeka*. Moscow: LRC Publishing house, 1999. 896 p.

Bogdanović, N. “Zmijski rečnik jugoistočne Srbije.” *Srpski dijalektološki zbornik*, Beograd: Institut za srpski jezik SANU, knj. 54, 2007, pp. 521–547.

Detelić, M., and Delić, L., editors. *Guje i jakrepi književnost, kultura*. Beograd: Balkanološki institut SANU, 2012, 399 p.

Diao, Tongju, and Li Ran. “Miao hui, chuan shuo yu li shi — dui Feixian long wang tang miao hui de diao cha yu si kao.” *Min su yan jiu*, no. 4. 2015, pp. 239–257.

Gura, A. V. *Simvolika životnykh v slavianskoj narodnoj traditsii*. Moscow: Indrik, 1997, 912 p.

Gura, A. V. “Demonologicheskie svoïstva životnykh v slavianskikh mifologicheskikh predstavleniïakh.” *Slavianskiï i balkanskiï fol'klor: narodnaia demonologïia*, ed. by S. M. Tolstaya, Moscow: Indrik, 2000, pp. 303–313.

Huang, Zhigang. *Zhonguo de shui shen*. Shanghai: Shanghai wen yi chu ban she, 1988, 183 p.

Hu, Mengfei. “‘He shen da wang’: Wan qing huang yun yan an di qu si she feng su kao shu.” *Huaiyin shi fan xue yuan xue bao*, no. 4, 2017, pp. 410–415.

Humboldt, V. fon. *Iazyk i filosofïia kul'tury*. Moscow: Progress, 1985, 448 p.

Jiang, Xiaomei. “Shandong Laizhou mian su ‘sheng chong’ zao xing yi shu yan jiu.” *Yi shu ping jian*, no. 4, 2017, pp. 172–173.

Levkievskaya, E. E. “Zmeia domashniaia.” *Slavianskie drevnosti: ètnolingvisticheskiï slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, pp. 339–341.

Li, Ran. “Chuan shuo de rong he yu zai zao — yi Luxinan diqu de Huanghe da wang yu tu yi ba lao li chuan shuo wei li.” *Min su yan jiu*, no. 3, 2008, pp. 100–110.

Li, Ran. *Shandong tu yi ba lao li chuan shuo yu xin yang yan jiu*. Jinan: Shandong ren min chu ban she, 2016, 188 p.

Plotnikova, A. A. *Ėtningvisticheskaia geografiia Iuzhnoi Slavii*. Moscow: Indrik, 2004, 768 p.

Plotnikova, A. A. *Iuzhnye slaviane v balkanskom i obshcheslavianskom kontekste: ėtningvisticheskie ocherki*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2013, 384 p.

Plotnikova, A. A. “Mifologicheskaia leksika serbsko-bolgarskogo pograničia.” *Issledovaniia po slavianskoj dialektologii, vyp. 10, Terminologicheskaia leksika material'noi i dukhovnoi kul'tury balkanskikh slavian*, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2004, pp. 92–142.

Plotnikova, A. A. “Serbskaia narodnaia mifologiiia v areal'nom aspekte.” *Slavianovedenie*, no. 6, 2020, pp. 15–27. DOI: 10.31857/S0869544X0012093-5.

Plotnikova, A. A. “Zdukhach.” *Slavianskie drevnosti: ėtningvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, pp. 303–305.

Radenković, Lj. “Kućna zmija u verovanju i predanju slovenskih naroda.” *Guje i jakrepi književnost, kultura*, ed. by M. Detelić, L. Delić, Beograd: Balkanološki institut SANU, 2012, pp. 167–184.

Skok, P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. 1. Zagreb: Jugoslovenska akademija znanosti i umetnosti, 1971, 788 p.; knj. 2, 1972, 700 p.

Song, Zongke. “Qiu Chuji zhan she jing.” *Laoshan gu shi xuan, xia pian* (vol. 3), Qingdao: Qingdao shi Laoshan feng jing qu guan wei hui, 1991, pp. 92–94.

Tolstoy, N. I., and S. M. Tolstaya. “O slovare ‘Slavianskie drevnosti.’” *Slavianskie drevnosti: ėtningvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 1, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, pp. 5–12.

Tolstoy, N. I., and S. M. Tolstaya. “Zametki po slavianskomu iazychestvu. 5. Zashchita ot grada v Dragacheve i drugikh serbskikh zonakh.” *Slavianskiĭ i balkanskiĭ fol'klor: Obriad. Tekst*, Moscow: Nauka, 1981, pp. 44–120.

Wang, Qing'an. “Tu yi ba lao li zai Shandong.” *Qi lu wan bao*, 21 Oct. 2010.

Wu, Zhanmin. “Long wang Feng yu ‘Tu yi ba lao li.’” *Heze ri bao*. 25 June 2008.

Ye, Tao. “Hai shen, hai shen xin yang yu ji si yi shi.” *Min su yan jiu*, no. 3, 2002, pp. 65–80.

Ye, Tao, and Diao Tongju. *Shandong min su*. Lanzhou: Gansu ren min chu ban she, 2004, 281 p.

Zečević, S. “Poreklo naših verovanja o kućnoj zmiji.” *Narodno stvaralashтво*, year 9, no. 35–36, Beograd, 1970, pp. 141–150.

Zhang, Shi. “Mu jiang yu she jing.” *Taian shi jiaoqu min jian gu shi bian — min jian gu shi ji*, Taian: Taian shi jiaoqu min jian wen xue ji cheng ban gong shi, 1989, pp. 497–499.

Zhao, Min. *Shandong diqu nong cun nv xing de min jian xin yang shi jian yan jiu — yi mou cun she zu zhi wei li: shenyang shi fan da xue*, 2017, 43 p.

**Snake-like mythological characters of Shandong province (China)
in comparison with Serbian ones**

Liu Hu

Graduate student

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: liu.hu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1662-098X

Citation: *Liu Hu*. Snake-like mythological characters of Shandong province (China) in comparison with Serbian ones // *Slavic Almanac*. 2021. No. 1–2. P. 329–345 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.03
Received: 12.01.2021.

Abstract

The article is devoted to the snake-like mythological characters, found in the mythology of Chinese Shandong province in comparison with South Slavic word on the example of the Serbian tradition. The article presents an analysis of the names of mythological characters through the two languages on the basis of the ethnic tradition. The images of snake-like mythological characters, etiological legends, local rituals and folk customs in the Shandong province and the Serbian tradition are also considered. This study shows how the mythological perception of reality is reflected in the cultural code and in the language picture of the world. The characters can be divided according to the appearance into zoomorphic and anthropomorphic ones. The names of various snake-like characters, corresponding to the presentational carrier of the ethnic culture in Shandong province and Serbia, show typological and individual differences. In the analysis of cultural vocabulary common linguistic phenomena were found, such as taboo words, euphemisms, etc. In the mythology of Shandong province and Serbia, the images of snake-like characters have similarities and differences, reflecting the human perception and cognitive process. The study uses the methodology of the Moscow ethnolinguistics school, aimed at the reconstruction of spiritual culture.

Keywords

Serbian folk mythology, Chinese mythology, snake-like characters, dragons, ethnoculture, ethnolinguistics, Shandong (China).

УДК 82.091

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.01

Адельгейм И. Е.

**Поэтизированная индульгенция.
Феномен успеха романа Анджея Щипёрского «Начало»**

Адельгейм Ирина Евгеньевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Цитирование

Адельгейм И. Е. Поэтизированная индульгенция. Феномен успеха романа Анджея Щипёрского «Начало» // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 346–364. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.01

Статья поступила в редакцию 20.11.2020.

Аннотация

Статья посвящена проблеме восприятия романа Анджея Щипёрского «Начало» (1986). Успех книги оказался чрезвычайно наглядным свидетельством тогдашнего состояния польского общества в плане отношения к проблеме участия / неучастия поляков в судьбе евреев во время Холокоста и выработки адекватного этой травме языка. Рецепция романа в очередной раз показала, что сбыт книжной продукции напрямую зависит от ее способности потакать требованиям широких слоев потребителей — и это совершенно necessarily касается низких жанров. «Начало» Щипёрского стало первым художественным шагом в общественной дискуссии, касающейся самого, вероятно, болезненного сюжета в истории Польши (связанная с ним историческая правда, десятилетиями замалчивавшаяся, с огромным трудом, вызывая сопротивление в самых разных кругах общества, прокладывает себе дорогу в светлое поле сознания — опыт стыда с трудом включается в багаж памяти, поскольку не создает позитивного образа социума и индивида как его части, а потому любое национальное государство стремится к подавлению памяти о событиях, нарушающих декларируемую общность национальной традиции). Однако писатель предлагает обществу — которое подспудно ощущает этический дискомфорт, но на самом деле не готово ни к пересмотру представления о себе

исключительно как о героической жертве истории, ни к рефлексии над дискурсом польского патриотизма, ни к испытанию эмоцией коллективного стыда — успокаивающую совесть иллюзию нравственного самоочищения и переживания траура по уничтоженному еврейскому населению Польши.

Ключевые слова

Щипёрский, Холокост, бестселлер, соучастие, чувство вины, общественная дискуссия.

Холокост, значительная часть которого совершалась на территории Польши, глубинно связан с опытом поляков. По словам психиатра М. Орвид — прозвучавшим, подчеркнем, спустя двадцать лет после выхода книги Щипёрского, — «<...> опыт пребывания в роли свидетеля такого рода, даже пассивное участие в Холокосте не может не накладывать свой отпечаток. Если воспользоваться терминологией Юнга, могу сказать: я убеждена, что польское коллективное подсознание переполнено этим преступлением против человечества. Сосредоточенная в этом подсознании агрессия, с моей точки зрения, является причиной многих немотивированных убийств, свидетелями которых мы являемся теперь. <...> Большинство людей не осознает, что носит в себе образ преступления и еще не доросло до чувства вины»¹. Это подтверждает статистика последующих лет (чувство стыда в связи с польско-еврейским прошлым испытывает всего около одной десятой опрошенных, что, правда, больше, чем было зафиксировано в середине 1960-х гг., когда о стыде говорило всего 4,5% респондентов²; во время общепольского опроса в школах почти половина учащихся (46%) на вопрос, что произошло в Едвабне³, от-

1 *Orwid M. Przeżyć... i co dalej? / rozmawiają K. Zimmerer, K. Szwajca. Kraków, 2006. S. 310.*

2 *Kucia M. Polacy wobec Auschwitz, Zagłady i Żydów w świetle badań socjologicznych z 2010 roku i badań wcześniejszych // Antysemityzm, Holokaust, Auschwitz w badaniach społecznych. Kraków, 2011. S. 31. Цит. по: Przymuszała B. Smugi Zagłady. Emocjonalne i konwencjonalne aspekty tekstów ofiar i ich dzieci. Poznań, 2016. S. 140.*

3 Ставшее нарицательным название деревни, где в июле 1941 г. польским населением был осуществлен чудовищный по жестокости еврейский погром.

ветила, что «немцы убили там поляков, укрывавших евреев»; «Исследования общественного мнения показывают, что большинство поляков считает, будто поляки пострадали во время оккупации сильнее, чем евреи»⁴ и т. д.). Фигура еврея до сих пор «остаётся эмблемой Чужого, помогающей обозначить границы польской идентичности, даже при почти полном отсутствии еврейского меньшинства»⁵. В результате проблема «еврейского соседа» всякий раз оказывается точкой отсчета для польского коллективного сознания, для рефлексии о национальной идентичности.

Роман Щипёрского «Начало» (1986) был первым художественным шагом в связанной с (со)участием поляков в Холокосте общественной дискуссии в Польше — и шагом чрезвычайно показательным.

Коротко о предмете этой дискуссии и ближайшей предыстории — в этом контексте — книги Щипёрского. Помощь еврейским соседям отдельные поляки, разумеется, оказывали⁶, однако те, кто помогал, по словам Б. Энгелькинг, достойны уважения и восхищения *еще и потому*, что «вынуждены были действовать в одиночку, во враждебной обстановке, среди людей, которые скептически относились к идее спасения или хотя бы помощи евреям и в лучшем случае молчали, а в худшем — доносили немцам. *Мало было столь одиноких миссий во время гитлеровской оккупации в Польше, как оказание помощи евреям*»⁷ [Здесь и далее курсив мой. — И. А.]. Помимо бездействия на территории Польши происходили и вполне конкрет-

4 J. T. Gross o polskim udziale w Zagładzie: Postawcie pomniki wywiezionym z miasteczek Żydom zamiast Kaczyńskiemu. Rozmowa Sławomira Sierakowskiego // Krytyka Polityczna, 12.02.2018. URL: <http://krytykapolityczna.pl/kraj/jan-tomasz-gross-slawomir-sierakowski-wywiad-polska-antysemityzm-holokaust/> (дата обращения: 07.11.2020).

5 Prof. Barbara Engelking: W sprawie “polskich obozów koncentracyjnych” musimy użyć raczej skalpela niż siekiery. Wywiad // Gazeta.pl Weekend. URL: http://weekend.gazeta.pl/weekend/1,152121,22970864,prof-barbara-engelking-w-sprawie-polskich-obozow-koncentracyjnych.html#Z_MT (дата обращения: 07.11.2020).

6 И поскольку страна немаленькая, а процент еврейского населения был к началу оккупации достаточно высок, этих «отдельных» поляков оказалось достаточно много, чтобы выдвигать сегодня излюбленный обывателем (но и не только) и властью аргумент — «польских» деревьев в Аллее Праведников в музее Яд Вашем больше всего.

7 Prof. Barbara Engelking...

ные действия⁸, и все вместе не может быть названо иначе, чем (со) участие в Холокосте⁹.

Ожесточенная (и поныне не законченная) дискуссия вспыхнула в 1985 г. после первого шока, вызванного показанным по польскому телевидению документальным фильмом Клода Ланцмана «Шоа». Фильм не декларировал, но давал возможность сделать вывод о *пассивности* свидетелей Холокоста на территории Польши и об антисемитизме местного населения. Фильм сочли «антипольским» и осудили как «несправедливое обвинение против поляков, которое заставляет их встать на защиту национальной чести и морали»¹⁰.

8 Gross J. T. Sąsiedzi. Historia Zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny, 2000. S. 58–59; Engelking B. “Szanowny panie gisto””: donosy do władz niemieckich w Warszawie i okolicach w latach 1940–1941. Warszawa, 2003; Tokarska-Bakir J. Rzeczy mgliste. Sejny, 2004; Engelking B. Pamięć: historia Żydów polskich przed, w czasie i po zagładzie. Warszawa, 2004; Bikont A. My z Jedwabnego. Warszawa, 2004; Engelking B. Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim. Warszawa, 2007; Gross J. T. Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści. Kraków, 2008; Tokarska-Bakir J. Legendy o krwi. Antropologia przesądu. Warszawa, 2008; Leociak J. Ratowanie. Opowieści Polaków i Żydów. Kraków, 2010; Gross J. T. Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na obrzeżach zagłady Żydów. Kraków, 2011; Janicka E. Festung Warschau. Warszawa, 2011; Engelking B. Jest taki piękny słoneczny dzień... Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942–1945. Warszawa, 2011; Tokarska-Bakir J. Okrzyki pogromowe. Szkice z antropologii historycznej Polski lat 1939–1946. Wołowiec, 2012; Tokarska-Bakir J. Pod klątwą. Portret społeczny pogromu kieleckiego. Kraków, 2018. T. 1; Leociak J. Młyny Boże. Zapiski o Kościele i Zagładzie. Wołowiec, 2018; Dalej jest noc. Losy Żydów w wybranych powiatach okupowanej Polski / pod redakcją B. Engelking i J. Grabowskiego. Warszawa, 2018 и др.

9 Потрясением для польского общества явились результаты несложных математических подсчетов, произведенные Я. Т. Гроссом: «Во время войны в оккупированной Польше погибло примерно 2 000 немцев. Прибавь к этому 17 000 немцев, убитых во время сентябрьской кампании в боях с польской армией. Округлив, получаем 20 000. Во время оккупации поляки убили или обрекли на смерть — согласно самым осторожным подсчетам — 200 000 польских евреев. Не требуется высшее математическое образование, чтобы сопоставить эти два числа» (J. T. Gross w rozmowie z Aleksandrą Pawlicką. ... bardzo dawno temu, mniej więcej w zeszły piątek... Warszawa, 2018. S. 194).

10 Steinlauf M. Pamięć nieprzyswojona. Warszawa, 2001. S. 129.

Книга Щипёрского появилась через год и, как уже говорилось, имела необычайный успех в Польше и за границей¹¹ (в течение пяти лет ее перевели на полтора десятка языков, включили в школьную программу, осыпали хвалебными рецензиями, автор получил несколько десятков премий¹²) — и у широкого читателя, и у профессионального.

К числу заслуг автора рецензенты единодушно отнесли три момента, в которых нетрудно увидеть три этапа своего рода «общественного заказа»: обращение к замалчиваемой и болезненной проблеме; разрешение ее в духе единения и согласия; очищение польской совести.

Другими словами, автор «Начала» удивительно точно определил назревшую в обществе задачу и сумел виртуозно найти для востребованного этим обществом ее решения адекватную художественную форму. А точнее — найти форму для создания лишь *иллюзии* такого, потому что спустя год о проблеме польской совести (отнюдь не очищенной умело манипулирующим эмоциями читателя повествованием Щипёрского) заговорил Я. Блоньский, и его эссе «Бедные поляки смотрят на гетто» (1987) — еще достаточно деликатное в сравнении с глубоко потрясшими впоследствии польское общество документальными свидетельствами (опубликованными Я. Т. Гроссом и другими исследователями) — вызвало бурные споры¹³. А ведь

11 Об успехе романа за границей см.: *Jaranowski M.* Fenomen Szczypiorskiego (Trzysta tysięcy Niemców kupiło “Piękną pania Seidenman”) // *Życie Warszawy*. 29.VI.1992. S. 8–9; *Szewczyk G.* Szczypiorski po niemiecku // *Przekład artystyczny*. Т. 3. Tłumaczenia literatury polskiej na języki obce. Katowice, 1992 (“Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego”, 1274). S. 7–21; *Krzemiński A.* Syndrom Szczypiorskiego. Tajemnica sukcesu polskiego pisarza w Niemczech // *Polityka*. 1996. № 6. S. 43–44; *Więckowski A.* Szczypiorski w Niemczech // *Odra*. 2000. № 9. S. 14–19; *Maroszczuk G.* Dyskurs i historie. O powieściach Andrzeja Szczypiorskiego. Katowice, 2004. S. 27–32; *Buras J. S., Biernacki A.* O Początku czyli “Pięknej pani Seidenman” za granicą // *Literatura na Świecie*. 1989. № 5–6. S. 617–624.

12 В числе важнейших премий: Премия еженедельника «Вядомосци Литерацке» (1987), австрийская государственная премия в области европейской литературы (1988), премия Нелли Закс (1990), премия искусства и культуры немецких католиков (1990), премия Гердера (1994), премия «Золотое перо» за заслуги в сближении немецкого и польского народов (1998).

13 Б. Крупа приводит в качестве важнейших голосов в этой дискуссии следующие (*Krupa B.* Opowiedzieć Zagładę. Polska proza i historiografia wobec Holocaustu (1987–2003). Kraków, 2013. S. 60–61); *Salmonowicz S.* Głębokie korzenie i długi żywot stereotypów // *Tygodnik Powszechny*. 1987.

Блоньский говорил лишь о *страхе* поляка, опасавшегося, как бы его не сочли «пособником смерти», совершавшейся на польской земле: «Он [этот страх. — *И. А.*] столь ужасен, что мы делаем все, чтобы его отогнать, скрыть от самих себя <...>. Мы ведь чувствуем — что-то получилось не так, как надо. <...> и сознательно или неосознанно — боимся, что нас обвинят. <...> ага, вы тоже служили смерти? Вы тоже помогали убивать? Или, по крайней мере: вы спокойно смотрели, как умирали евреи? <...> Давайте признаем честно: такой вопрос не может не возникнуть. Его обязан задать каждый, кто задумывается о польско-еврейском прошлом <...>. Мы отгоняем его от себя, считая чудовищным, скандальным. Ведь мы не были на стороне убийц. Ведь в очереди в печь мы сами были следующими. Ведь мы с этими евреями сосуществовали — не идеально, но все же. <...> Приходится постоянно всем об этом напоминать. Иначе — что другие о нас подумают? Что мы сами о себе подумаем? Что станет с добрым именем нашей страны, нашего общества?.. Эта забота о “добром имени” неизменно стоит за частными — и в еще большей степени публичными — высказываниями. Иначе говоря, размышляя о прошлом, мы хотим получить моральную выгоду. Даже осуждая, сами хотим оказаться над — или вне — осуждения. Хотим быть абсолютно вне осуждения, хотим остаться совершенно чистыми. Хотим сами быть жертвами — и только... Однако за этим стремлением ощущается подспудный страх <...>, и этот страх искажает, деформирует наши мысли о прошлом. <...> Мы не хотим иметь ничего общего с чудовищным преступлением. Однако чувствуем, что оно нас как-то пятнает, “бесчестит”. Поэтому предпочитаем обо всем этом не говорить. Или говорить только затем, чтобы опровергнуть осуждение. Осуждение как таковое звучит редко, но оно словно бы витает в воздухе. <...> Кровь осталась на стенах, впиталась в землю, хотим мы того или нет. Она впиталась в нашу память, в нас

№ 6. S. 5; *Siła-Nowicki*. Janowi Błońskiemu w odpowiedzi // Tygodnik Powszechny. 1987. № 13. S. 4; *Turowicz J.* Racje polskie i racje żydowskie // Tygodnik Powszechny. 1987. № 14. S. 1, 4; Czarna dziura. Ze S. Krajewskim rozmawia E. Berberyusz // Tygodnik Powszechny. 1987. № 14. S. 4; *Rymanowski W.* Siewca antysemityzmu? // *Życie Literackie*. 1987. № 15. S. 13; *Romanowski A.* Biedni Polacy patrzą na siebie // *Znak*. 1988. № 5–6. S. 141–159. См. также о дискуссии: *Koźmińska-Frejłak E.* Świadkowie Zagłady — Holocaust jako zbiorowe doświadczenie Polaków // *Przegląd Socjologiczny*. 2002. № 2. S. 181–206; *Głowiński M.* Esej Błońskiego po latach // *Zagłada Żydów. Studia i materiały*. 2006. № 2. S. 12–20.

самих. Значит, именно себя мы должны очистить, то есть увидеть себя по правде. Без этого дом, земля, мы сами останемся запятнанными»¹⁴.

Книга Щипёрского интересна не тем, что автор попытался направить рефлексию коллективного (и каждого индивидуального) сознания над польско-еврейским сюжетом в сторону исторической правды, — он этого не сделал. Необычайный успех «Начала» — следствие виртуозно безболезненной художественной актуализации вытеснявшегося общественным сознанием содержания и закрепления уже существующих мифов, позволяющих вывести из-под удара национальную самоидентификацию.

Щипёрский ловко манипулирует читателем при помощи многократно используемого приема сравнения, градации. Прежде всего, автор представляет гитлеровскую оккупацию и послевоенную зависимость от СССР как единую цепь исторических событий, единый процесс переживания польским обществом травмы тоталитарной власти (подавая при этом фашизм как меньшее зло, тоталитаризм «наивный», направленный исключительно на физическое уничтожение человека, в отличие от советского режима — тоталитаризма «изошрённого», метившего также и в психику). Кроме того, Щипёрский показывает, что хотя во время войны среди поляков встречались антисемиты, но имелись предатели и среди евреев (что, разумеется, правда, но никоим образом не способствует осмыслению проблемы польского (со)участия в Холокосте). Наконец, автор решительно сдвигает акцент ответственности, утверждая, что хотя немцы и осуществляли «окончательное решение еврейского вопроса в Польше», но по-настоящему довели этот процесс до конца послевоенные коммунисты, изгнав в 1968 году последних уцелевших во время Холокоста евреев (что также никоим образом не снимает вины с польских соседей, выдававших и убивавших соседей еврейских, а также с тех «простых людей», которые в 1968 г. с легкостью подхватили призыв коммунистической власти, действительно решавшей при помощи мощной антисемитской кампании задачи внутрипартийной борьбы).

Якобы декларируя свободу от черно-белых национальных стереотипов (что, в частности, покорило немецких критиков¹⁵), Щипёрский

14 *Błoński J.* Biedni Polacy patrzą na getto // *Tygodnik Powszechny*. 1987. № 2. S. 3.

15 *Reich-Janicki M.* Miejsce akcji — Warszawa // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 19.III.1988. Позже опубликована в: *Reich-Janicki M.* Najpierw żyć, potem igrać. Szkice o literaturze polskiej. Wrocław, 2005.

умело подводит читателя к не менее черно-белым выводам, затрагивающим опять-таки национальную идентичность: русские хуже немцев (немецкие оккупанты действовали жестоко, но методично, русские же — бесчеловечны и непредсказуемы); еврейские антисемиты хуже антисемитов польских (варшавские антисемиты, выступающие в романе, — это довоенные маргиналы, а еврейские антисемиты — неопиты польскости, выкресты, у которых ксенофобия является агрессивной формой вытеснения правды о собственных корнях); польские коммунисты в своем антисемитизме хуже оккупантов (у немцев все же была идея, хоть и преступная и безумная, а послевоенный антисемитизм в Польше был связан с внутрипартийными распрями).

Итак, Щипёрский обращается к небольшой части самого, очевидно, болезненного и постыдного сюжета в истории Польши. Он напоминает о «шмальцовниках»¹⁶, о процветавшем во время оккупации в польском обществе антисемитизме. Однако при этом мастерски контролирует все эти манипуляции с ящиком Пандоры, не позволяя его содержимому потрясти общество и начать процесс очистительной рефлексии. Роман эстетизирует и возвышает функционировавшую в Польше версию, которая гласила, что лучшая часть польского общества вела себя *достойно*, пассивность общества в целом была *вынужденной*, а разобщенный еврейский социум был уничтожен при соучастии *немногочисленных* польских *маргиналов*. Роман ловко переносит акцент повествования на физические или психологические страдания польского народа и уводит читателя от рефлексии над чувством вины и стыда: Щипёрский подчеркивает, что поляки продолжали испытывать не меньшие страдания в послевоенный период (по словам одного из критиков, «антикоммунистический дискурс сработал здесь как бальзам на душу»¹⁷), и успешно перекладывает ответственность на политический режим.

Важнейшей психологической аберрацией, насаждаемой автором и охотно воспринятой читателем, была идея того, что *ностальгия* по утраченным еврейским соседям (как формулирует это Щипёрский в книге интервью спустя несколько лет, «мы осиротели, нам отрубили часть тела, нашего польского организма. Польскость воплотилась столетиями в поддержку евреев, против евреев, но всегда неотъемле-

16 Те, кто во время оккупации шантажировал евреев и укрывавших их поляков.

17 *Nowacki D.* O polsko-niemieckim pojednaniu (w literaturze) // *Literatura i konflikty. Poznańskie Studia Polonistyczne*. 2003. Т. 10. S. 77.

мо от них. И вот вдруг их не стало, вдруг они исчезли»¹⁸) и является собственно *трауром*.

Таким образом, Щипёрский дал польскому обществу середины 1980-х гг. повествование, точно отражавшее то, что оно *хотело о себе думать*. И при этом — что очень важно — дал *иллюзию того, что сделан некий шаг* в сторону исторической правды. В этом смысле нельзя не согласиться с рецензентами — роман действительно «исполнен чувства милосердия по отношению к собственному народу», что это «*katharsis alla Polassa*», что книга «исполнена такта»¹⁹, что она показывает «страдания Польши»²⁰.

Огромный успех романа П. Чаплиньский спустя несколько десятилетий назвал «результатом на редкость удачного выражения коллективных чаяний и мифов»²¹. В самом деле, автору удалось, «умело пробудив демонов, тут же их усыпить», вписать в национальный (направленный на самое себя) траурный ритуал, национальную мартирологию еврейский социум и, не вызывая чувства вины, «поэтизировать и эстетизировать повсеместно функционирующую в Польше версию истории»²². «Начало» стало в польской культуре «не столько романом о войне, сколько — удивительно искусно сконструированной индульгенцией, освобождающей от бремени совместной истории»²³. Индульгенцией красивой, поэтизированной, сентиментальной.

Характерна перспектива, в которой изображается Другой в этом романе — экзотический, завораживающий, прежде всего эротически (в сцене встречи еврейского юноши с польской проституткой использован известный польской литературе²⁴ синтез еврейскости и эротики, а также эхо стереотипа еврея-«вампира»: польская женщина, выступающая здесь своего рода Марией Магдалиной, запятнана контактом с еврейским мужчиной, благородным, но нечистым Чужим; для

18 Początek raz jeszcze. Z Andrzejem Szczypiorskim rozmawia T. Kraśko. Warszawa, 1991. S. 181.

19 Le Nouvel Observateur // Szczypiorski A. Początek. Poznań, 1989. Последняя страница обложки.

20 Le Figaro // Ibidem.

21 *Czapliński P.* Poruszona mapa. Kraków, 2016. S. 191.

22 Ibid. S. 192.

23 *Czapliński P.* Polska do wymiany. Późna nowoczesność i nasze wielkie narracje. Warszawa, 2009. S. 83.

24 Отсылающий, например, к роману Ю. У. Немцевича «Лейбе и Сара, или Письма двух любовников» (1821).

мужчины же это своего рода ритуал инициации, дающий ему силу). Подлинным же объектом меланхолии и траура здесь оказывается не этот сметенный с лица земли Другой, а *сами поляки*, утратившие в силу *внешних* обстоятельств (в которых они, следовательно, не повинны) — немецкого фашизма и принесенного СССР, послевоенного тоталитаризма — соседа и теперь элегически о нем тоскующие.

Показательно, что в духе меланхолического воспоминания об экзотическом и завораживающем Другом, хотя и с позиции уже послевоенного поколения, написан также вышедший в следующем году и также невероятно популярный роман Павла Хюлле «Вайзер Давидек». Эта книга не касается непосредственно темы Холокоста, однако загадочное — и загадочно, необъяснимо сильно травмирующее польского героя-повествователя — исчезновение полуфантазмагорического еврейского мальчика представляет собой прозрачную аллюзию на исчезновение еврейского соседа из жизни польского общества в результате войны и антисемитской кампании 1968 г. И здесь тоже в центре — *травма поляка*, который, по остроумному замечанию Чаплинского, «на исторический вопрос <...> ищет метафизический ответ»²⁵. Спустя десятилетие использует поэтическую метафору таинственного исчезновения завораживающего Другого и Марек Беньчик (р. 1956), писатель того же поколения, что и Хюлле, в романе «Творки» (1999): «Соня — тайна этой книги, тайна, тревожащая сознание героев <...>. Тайна Сони невыразима, как невыразима и тайна исчезновения евреев и трагедии Холокоста»²⁶.

Таким образом, Щипёрский *не нарушил* неписанные табу и ненадолго успокоил польское общество. По словам практически единственного тогда скептически настроенного критика Яна Вальца, «хотя стол для духовного пира пан Анджей накрыл щедро, в рот взять особо нечего»²⁷. Щипёрский лишь *подкрепил* польскую «манию собственной невиновности»²⁸, вызванную страхом предстать соучастником Зла, запятнать романтическую роль жертвы приятием роли (со)виновного и заставляющую замалчивать историческую правду, не позволяющую пережить подлинный траур по еврейским соседям, принять представление о себе как о народе, в истории которого, как в истории *любого*, есть постыдные

25 *Czapliński P. Zagłada — niedokończona narracja polskiej nowoczesności // Ślady obecności. Kraków, 2010. S. 354.*

26 *Nadana K. U Pana Boga za piecem // Res Publica Nowa. 1999. № 7–8. S. 105.*

27 *Walc J. Początek żaloszny // Kultura Niezależna. 1987. № 35. S. 132.*

28 *Tokarska-Bakir J. Obsesja niewinności // Tokarska-Bakir J. Rzeczy mgliste. S. 14.*

фрагменты, выработать зрелую модель самоидентификации, побороть мегаломанию мартирологии и нежелание делить ее с кем-либо еще²⁹.

29 Об этом в связи с сегодняшней политической ситуацией и имиджем Польши говорят в интервью О. Токарчук, М. Тулли, Я. Т. Гросс: «Мы выстроили самих себя на ощущении обиды и порожденном ею эгоизме. Мы говорим Европе: “Посмотрите, как мы страдали во время войны, каким насилием стала советская оккупация. Пока вы наживали свое богатство, мы страдали. И теперь имеем моральное право на компенсацию. Нам причитаются с вашей стороны сочувствие и помощь”. Мы не можем примириться с мыслью, что какие-то беженцы займут наше место — место тех, кто постоянно нуждается в помощи. Такое мышление означает, что мы не повзрослели, что мы не умеем быть сильными» (Olga Tokarczuk, laureatka Nike 2015: Ludzie, nie bójcie się! Wywiad // Wyborcza.pl. URL: <https://wyborcza.pl/1,75410,18999849,olga-tokarczuk-laureatka-nike-2015-ludzie-nie-bojcie-sie.html> (дата обращения 07.11.2020)); «— Раньше это мы, поляки, были жертвой войн и бед. — Всегда на первом плане, во всяком случае в своем представлении. Жертва — в центре драмы, она стоит посреди сцены, а помощники копошатся где-то по бокам, менее значительные. Мы привыкли видеть себя в главной роли. Это мы были теми, кому оказывалась помощь. А теперь в роли жертвы — другие. Возможно, как народ мы слишком сосредоточены на себе, чтобы отдать главную роль тем, кто сегодня бежит от бомб. Мы не умеем принять новую роль, из благородной и невинной жертвы превратиться в того, кто сам помогает другим и вряд ли будет оценен так, как ему того бы хотелось» (Tulli M. Jaka piękna iluzja. Kraków, 2017. S. 224); «Нужно, наконец, усвоить эту историческую правду: во время оккупации были герои на баррикадах, но было и множество соотечественников, убитых при содействии наших предков. Давайте, наконец, проговорим это вслух. Впишем в учебники истории. И небо на землю от этого не рухнет. Все страшное, что могло в связи с этим случиться, уже случилось; с этим мы ничего поделать не в силах; исправить в этом кошмарном прошлом мы ничего не можем. Но можем или усложнять себе жизнь и без конца выставлять себя на посмешище, перевирать собственную историю — вспомним реакцию мирового сообщества на поправки к закону об Институте национальной памяти, — или открыто говорить правду в публичном пространстве и, так сказать, наконец, успокоиться. Тем более что узнать эту правду о периоде оккупации в Польше нетрудно, спасибо прекрасным исследователям, которые эти проблемы подробно описали! Множество обществ на свете имеют темные пятна в своей истории, и нет ничего оскорбительного в том, чтобы осознать, что поляки — такие же люди, как и все прочие. Совсем наоборот. Вот когда Польша изображает из себя ангела <...> ее воспринимают как шута» (J. T. Gross w rozmowie... S. 197–198).

Чтобы все это совершилось, должна быть пережита — в том числе, если не в первую очередь, на уровне поиска адекватного дискурса — эмоция стыда. А переживание чувства исторического стыда в Польше с трудом вербализируется до сих пор³⁰. В истории литературы мотивы стыда «ни в одном варианте повествования, касающегося проблем польской судьбы, не выходили на первый план... Поляк стыдиться не любит, не умеет и не хочет. Уж скорее он предпочтет (горькую) самоиронию»³¹. Стыд вытесняется или охотно подменяется иногда спасительным чувством яростной обиды, иногда, как в описанных случаях, наоборот, — ностальгией и меланхолией. Эстетизируется привычная для польского общественного сознания, психологически безопасная роль героической жертвы истории, совершается головокружительный, в сущности, этический кульбит: даже применительно к чудовищному опыту ближайших соседей — польских евреев — польское общество склонно осмыслять себя как жертву истории.

Источники и литература

Адельгейм И. Е. Психология поэтики. Аутопсихотерапевтические функции художественного текста. М.: Индрик, 2018. 648 с.

Antysemityzm, Holokaust, Auschwitz w badaniach społecznych / pod redakcją M. Kuci. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011. 174 s.

Bikont A. My z Jedwabnego. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2004. 417, [26] p. il.

Błoński J. Biedni Polacy patrzą na getto // Tygodnik Powszechny. 1987. № 2. S. 1–5.

Buras J. S., Biernacki A. О «Początku» czyli «Pięknej pani Seidenman» za granicą // Literatura na Świecie. 1989. № 5/6. S. 617–624.

Czapliński P. Polska do wymiany. Późna nowoczesność i nasze wielkie narracje. Warszawa: W.A.B., 2009. 379, [3] s.

Czapliński P. Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016. 420 s.

30 См.: *Адельгейм И. Е.* Психология поэтики. Аутопсихотерапевтические функции художественного текста. М., 2018. С. 228–244, 531–539.

31 *Gosk H.* Wychodzenie z “cienia imperium”. Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków, 2015. S. 109.

Czapliński P. Zagłada — niedokończona narracja polskiej nowoczesności // Ślady obecności / red. S. Buryła, A. Molisak. Kraków: Universitas, 2010. S. 337–381.

Czarna dziura. Ze S. Krajewskim rozmawia E. Berberyszus / Tygodnik Powszechny. 1987. № 14. S. 7–10.

Dalej jest noc. Losy Żydów w wybranych powiatach okupowanej Polski / pod redakcją B. Engelking i J. Grabowskiego. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2018. 400 s.

Engelking B. Jest taki piękny słoneczny dzień... Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942–1945. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2011. 288 s.

Engelking B. «Szanowny panie gistapo»: donosy do władz niemieckich w Warszawie i okolicach w latach 1940–1941. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2003. 116 s.

Głowiński M. Esej Błońskiego po latach // Zagłada Żydów. Studia i materiały. 2006. № 2. S. 12–20.

Gosk H. Wychodzenie z “cienia imperium”. Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków: Universitas, 2015. 264 s.

Gross J. T. Sąsiedzi. Historia Zagłady żydowskiego miasteczka: Pamięci Szmula Wasersztajna. 2. wyd. Sejny: Fundacja Pogranicze, 2000. 162 s.

Gross J. T. Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści. Kraków: Znak, 2008. VII, 343 s., [8] л. ил.

Gross J. T., Grudzińska-Gross I. Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na obrzeżach zagłady Żydów. Kraków: Znak, 2011. 202, [2] s.

J. T. Gross o polskim udziale w Zagładzie: Postawcie pomniki wywiezionym z miasteczek Żydom zamiast Kaczyńskiemu / rozmowa Sławomira Sierakowskiego // Krytyka Polityczna. 12 lutego 2018. URL: <http://krytykapolityczna.pl/kraj/jan-tomasz-gross-slawomir-sierakowski-wywiad-polska-antysemityzm-holokaust> (data обращения: 07.11.2020).

Jan Tomasz Gross w rozmowie z Aleksandrą Pawlicką: «...bardzo dawno temu, mniej więcej w zeszły piątek...» Warszawa: W.A.B., 2018. 294, [16] s.

Janicka E. Festung Warschau. Raport z oblężonego miasta. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2011. 397 s.

Jaranowski M. Fenomen Szczypiorskiego (Trzysta tysięcy Niemców kupiło «Piękną panią Seidenman») // Życie Warszawy. 1992. 29 czerw.

Koźmińska-Frejłak E. Świadcowie Zagłady — Holocaust jako zbiorowe doświadczenie Polaków // Przegląd Socjologiczny. 2002. № 2. S. 181–206.

Krupa B. Opowiedzieć Zagładę. Polska proza i historiografia wobec Holocaustu (1987–2003). Kraków: Universitas, 2013. 568 s.

Krzemiński A. Syndrom Szczypiorskiego. Tajemnica sukcesu polskiego pisarza w Niemczech // Polityka. 1996. № 6. S. 43–44.

Leociak J. Młyny Boże. Zapiski o Kościele i Zagładzie. Wołowiec: Czarne, 2018. 200 s.

Leociak J. Ratowanie. Opowieści Polaków i Żydów. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2010. 313, [2] s.

Maroszczuk G. Dyskurs i historie. O powieściach Andrzeja Szczypiorskiego. Katowice: Gnome, 2004. 117 s.

Nadana K. U Pana Boga za piecem. Marek Bieńczyk, Tworki // Res Publica Nowa. 1999. № 7/8. S. 103–105.

Nowacki D. O polsko-niemieckim pojednaniu (w literaturze) // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka / [zespół red. P. Czapliński, Z. Przychodniak, P. Śliwiński]. T. 10 (30): Literatura i konflikty. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2003. (Prace Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza). S. 71–85.

Olga Tokarczuk, laureatka Nike 2015: Ludzie, nie bójcie się!: wywiad / [rozmawia] Dorota Wodecka // Wyborcza.pl. 10.10.2015. URL: <https://wyborcza.pl/1,75410,18999849,olga-tokarczuk-laureatka-nike-2015-ludzie-nie-bojcie-sie.html> (дата обращения: 07.11.2020).

Orwid M. Przeżyć... i co dalej? / rozmawiają K. Zimmerer, K. Szwajca. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006. 346 s.

Pamięć: historia Żydów polskich przed, w czasie i po zagładzie / B. Engelking [et al.]; pod red. naukową Feliksa Tycha. Warszawa: Golda Tencer: Fundacja Shalom, 2004. 224 s.

Prof. Barbara Engelking: W sprawie «polskich obozów koncentracyjnych» musimy użyć raczej skalpela niż siekiery: wywiad / [rozmawia] Mike Urbaniak // Weekend.Gazeta.pl. 02.02.2018. URL: http://weekend.gazeta.pl/weekend/1,152121,22970864,prof-barbara-engelking-w-sprawie-polskich-obozow-koncentracyjnych.html#Z_MT (дата обращения 07.11.2020).

Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim / B. Engelking [et al.]; pod red. B. Engelking et al. Warszawa: [Centrum Badań nad Zagładą Żydów], 2007. 681 s.

Przymuszała B. Smugi Zagłady. Emocjonalne i konwencjonalne aspekty tekstów ofiar i ich dzieci. Poznań: WNU im. A. Mickiewicza, 2016. 370 s.

Reich-Janicki M. Miejsce akcji — Warszawa // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1988. 19 März.

Reich-Janicki M. Najpierw żyć, potem igrać. Szkice o literaturze polskiej / przekład: E. Herden. Wrocław: Ossolineum, 2005. 202 s.

Romanowski A. Biedni Polacy patrzą na siebie // Znak. 1988. № 5/6. S. 38–41.

Rymanowski W. Siewca antysemityzmu? // Życie Literackie. 1987. № 15. S. 13.

Salmonowicz S. Głębokie korzenie i długi żywot stereotypów // Tygodnik Powszechny. 1987. № 6. S. 5.

Sila-Nowicki W. Janowi Błońskiemu w odpowiedzi // Tygodnik Powszechny. 1987. № 13. S. 4

Steinlauf M. C. Pamięć nieprzyswojona: Polska pamięć zagłady / przekład: A. Tomaszewska. Warszawa: Cyklady, 2001. 166 s.

Szczypiorski A. Początek. Poznań: Instytut Zachodni, 1989. 184 s.

Szczypiorski A., Kraśko T. Początek raz jeszcze / z Andrzejem Szczypiorskim rozmawia Tadeusz Kraśko. Warszawa: Andy Grafik, 1991. 188 s.

Szewczyk G. Szczypiorski po niemiecku // Przekład artystyczny. T. 3. Tłumaczenia literatury polskiej na języki obce / pod red. P. Fasta. Katowice: Uniwersytet Śląski. Katowice, 1992. (Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego; nr 1274). S. 7–21.

Tokarska-Bakir J. Legendy o krwi. Antropologia przesądu. Warszawa: W.A.B., 2008. 800 s.

Tokarska-Bakir J. Okrzyki pogromowe. Szkice z antropologii historycznej Polski lat 1939–1946. Wołowiec: Czarne, 2012. 400 s.

Tokarska-Bakir J. Pod klątwą. Portret społeczny pogromu kieleckiego. T. 1. Warszawa: Czarna Owca, 2018. 768 s.

Tokarska-Bakir J. Rzeczy mgliste. Eseje i studia / wprowadzenie M. Janion. Sejny: Fundacja Pogranicze, 2004. 224 s.

Tulli M. Jaka piękna iluzja. Kraków: Znak, 2017. 264 s.

Turowicz J. Racje polskie i racje żydowskie // Tygodnik Powszechny. 1987. № 14. S. 1–4.

Walc J. Początek żaloszny // Kultura Niezależna. 1987. № 35. S. 129–133.

Więckowski A. Szczypiorski w Niemczech // Odra. 2000. № 9. S. 14–19.

References

Adelgeym, I. E. *Psikhologija poetiki. Autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta*. Moscow: Indrik, 2018, 648 p.

Bikont, A. *My z Jedwabnego*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2004, 417, [26] p.: il.

Błoński, J. “Biedni Polacy patrzą na getto.” *Tygodnik Powszechny*, no. 2, 1987, pp. 1–5.

Buras, J. S., and A. Biernacki. “O ‘Początku’ czyli ‘Pięknej pani Seidenman’ za granicą.” *Literatura na Świecie*, no. 5–6, 1989, pp. 617–624.

Czapliński, P. *Polska do wymiany. Późna nowoczesność i nasze wielkie narracje*. Warszawa: W.A.B., 2009, 379, [3] p.

Czapliński, P. *Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016, 420 p.

Czapliński, P. “Zagłada — niedokończona narracja polskiej nowoczesności.”

Ślady obecności, ed. by S. Buryła, A. Molisak, Kraków: Universitas, 2010, pp. 337–381.

“Czarna dziura. Ze S. Krajewskim rozmawia E. Berberysz.” *Tygodnik Powszechny*, no. 14, 1987, pp. 7–10.

Engelking B. *Jest taki piękny słoneczny dzień... Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942–1945*. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2011, 288 p.

Engelking B. *‘Szanowny panie gisto’ : donosy do władz niemieckich w Warszawie i okolicach w latach 1940–1941*. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2003, 116 p.

Engelking, B., and J. Grabowski, editors. *Dalej jest noc. Losy Żydów w wybranych powiatach okupowanej Polski*. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2018, 400 p.

Engelking, B., et al. *Pamięć: historia Żydów polskich przed, w czasie i po zagładzie*, ed. by F. Tych. Warszawa: Golda Tencer: Fundacja Shalom, 2004. 224 p.

Engelking, B., et al. *Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim*. Warszawa: [Centrum Badań nad Zagładą Żydów], 2007, 681 p.

Głowiński, M. “Esej Błońskiego po latach.” *Zagłada Żydów. Studia i materiały*, no. 2, 2006, pp. 12–20.

Gosk, H. *Wychodzenie z ‘cienia imperium’ . Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku*. Kraków: Universitas, 2015, 264 p.

Gross, J. T. *Sąsiedzi. Historia Zagłady żydowskiego miasteczka: Pamięci Szmula Wasersztajna*. 2. wyd., Sejny: Fundacja Pogranicze, 2000, 162 p.

Gross, J. T. *Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści*. Kraków: Znak, 2008, VII, 343 p., [16] p. with ill.

Gross, J. T., and I. Grudzińska-Gross. *Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na obrzeżach zagłady Żydów*. Kraków: Znak, 2011, 202, [2] p.

“J. T. Gross o polskim udziale w Zagładzie: Postawcie pomniki wywiezionym z miasteczek Żydom zamiast Kaczyńskiemu, rozmowa Sławomira Sierakowskiego.” *Krytyka Polityczna*, 12 Febr. 2018, <http://krytykapolityczna.pl/kraj/jan-tomasz-gross-slawomir-sierakowski-wywiad-polska-antysemityzm-holokaust>. Accessed 7. Nov. 2020.

Jan Tomasz Gross w rozmowie z Aleksandrą Pawlicką: ‘...bardzo dawno temu, mniej więcej w zeszły piątek...’ Warszawa: W.A.B., 2018, 294, [16] p.

Janicka, E. *Festung Warschau. Raport z oblężonego miasta*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2011, 397 p.

Jaranowski, M. “Fenomen Szczypiorskiego (Trzysta tysięcy Niemców kupiło ‘Piękną panią Seidenman’).” *Życie Warszawy*, 29 June 1992.

Koźmińska-Frejłak, E. “Świadkowie Zagłady — Holocaust jako zbiorowe doświadczenie Polaków.” *Przeгляд Socjologiczny*, no. 2, 2002, pp. 181–206.

Krupa, B. *Opowiedzieć Zagładę. Polska proza i historiografia wobec Holocaustu (1987–2003)*. Kraków: Universitas, 2013, 568 p.

Krzemiński, A. “Syndrom Szczypiorskiego. Tajemnica sukcesu polskiego pisarza w Niemczech.” *Polityka*, no. 6, 1996, pp. 43–44.

Kucia, M., editor. *Antysemityzm, Holokaust, Auschwitz w badaniach społecznych*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011, 174 p.

Leociak, J. *Młyny Boże. Zapiski o Kościele i Zagładzie*. Wołowiec: Czarne, 2018, 200 p.

Leociak, J. *Ratowanie. Opowieści Polaków i Żydów*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2010, 313, [2] p.

Maroszczyk, G. *Dyskurs i historie. O powieściach Andrzeja Szczypiorskiego*. Katowice: Gnome, 2004, 117 p.

Nadana, K. “U Pana Boga za piecem. Marek Bińczyk, Tworki.” *Res Publica Nowa*, no. 7/8, 1999, pp. 103–105.

Nowacki, D. “O polsko-niemieckim pojednaniu (w literaturze).” *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka*, vol. 10 (30): *Literatura i konflikty*, Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2003, pp. 71–85.

“Olga Tokarczuk, laureatka Nike 2015: Ludzie, nie bójcie się!: wywiad, [rozmawia] Dorota Wodecka”. *Wyborcza.pl*, 10 Oct. 2015, <https://wyborcza.pl/1,75410,18999849,olga-tokarczuk-laureatka-nike-2015-ludzie-nie-bojcie-sie.html>. Accessed 7. Nov. 2020.

Orwid, M. *Przeżyć... i co dalej? Rozmawiają K. Zimmerer, K. Szwajca*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006, 346 p.

“Prof. Barbara Engelking: W sprawie ‘polskich obozów koncentracyjnych’ musimy użyć raczej skalpela niż siekiery: wywiad, [rozmawia] Mike Urbaniak.” *Weekend.Gazeta.pl*, 2 Febr. 2018, http://weekend.gazeta.pl/weekend/1,152121,22970864,prof-barbara-engelking-w-sprawie-polskich-obozow-koncentracyjnych.html#Z_MT. Accessed 7. Nov. 2020.

Przymuszała, B. *Smugi Zagłady. Emocjonalne i konwencjonalne aspekty tekstów ofiar i ich dzieci*. Poznań: WNU im. A. Mickiewicza, 2016, 370 p.

Reich-Janicki, M. “Miejsce akcji — Warszawa.” *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 19 March 1988.

Reich-Janicki, M. *Najpierw żyć, potem igrać. Szkice o literaturze polskiej*. Translated from German by E. Herden, Wrocław: Ossolineum, 2005, 202 p.

Romanowski, A. “Biedni Polacy patrzą na siebie.” *Znak*, no. 5/6, 1988, pp. 38–41.

Rymanowski, W. “Siewca antysemityzmu?” *Życie Literackie*, no. 15, 1987, p. 13.

Salmonowicz, S. “Głębokie korzenie i długi żywot stereotypów.” *Tygodnik Powszechny*, no. 6, 1987, p. 5.

Siła-Nowicki, W. “Janowi Błońskiemu w odpowiedzi.” *Tygodnik Powszechny*, no. 13, 1987, p. 4.

Steinlauf, M. C. *Pamięć nieprzyswojona: Polska pamięć zagłady*. Translated from English by A. Tomaszewska, Warszawa: Cyklady, 2001, 166 p.

- Szczypiorski, A. *Początek*. Poznań: Instytut Zachodni, 1989, 184 p.
- Szczypiorski, A. and T. Kraśko. *Początek raz jeszcze*. Z Andrzejem Szczypiorskim rozmawia Tadeusz Kraśko, Warszawa: Andy Grafik, 1991, 188 p.
- Szewczyk, G. "Szczypiorski po niemiecku." *Przekład artystyczny, vol. 3: Tłumaczenia literatury polskiej na języki obce*, ed. by P. Fast, Katowice: Uniwersytet Śląski. Katowice, 1992, pp. 7–21.
- Tokarska-Bakir, J. *Legends o krwi. Antropologia przesądu*. Warszawa: W.A.B., 2008, 800 p.
- Tokarska-Bakir, J. *Okrzyki pogromowe. Szkice z antropologii historycznej Polski lat 1939–1946*. Wołowiec: Czarne, 2012, 400 p.
- Tokarska-Bakir, J. *Pod klątwą. Portret społeczny pogromu kieleckiego*, vol. 1. Warszawa: Czarna Owca, 2018, 768 p.
- Tokarska-Bakir, J. *Rzeczy mgliste. Eseje i studia*. Wprowadzenie M. Janion, Sejny: Fundacja Pogranicze, 2004, 224 p.
- Tulli, M. *Jaka piękna iluzja*. Kraków: Znak, 2017, 264 p.
- Turowicz, J. "Racje polskie i racje żydowskie." *Tygodnik Powszechny*, no. 14, 1987, pp. 1–4.
- Walc, J. "Początek żalony." *Kultura Niezależna*, no. 35, 1987, pp. 129–133.
- Więckowski, A. "Szczypiorski w Niemczech." *Odra*, no. 9, 2000, pp. 14–19.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.01

Adel'gejm I. E.

**A poeticised indulgence. "The Beginning" by Andrzej Szczypiorski:
A story of success**

Irina Adel'gejm

Doctor of Letters, leading research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Citation

Adel'gejm I. E. A poeticised indulgence. "The Beginning" by Andrzej

Szczypiorski: A story of success // *Slavic Almanac*. 2021. № 1–2.

P. 346–364 (In Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.01

Received: 20.11.2020.

Abstract

The article dwells upon the reception of the novel “The Beginning” (“The Beautiful Mrs. Seidenman”) by Andrzej Szczypiorski. The success of the book turned out to be an extremely clear evidence of the then state of the Polish society in terms of the attitude to the problem of participation / non-participation of Poles in the fate of Jews during the Holocaust and the development of a language adequate to this trauma. The reception of the novel once again showed that the sale of book products directly depends on its ability to indulge the requirements of a wide segment of consumers — but this does not necessarily apply to low genres. Szczypiorski’s “The Beginning” was the first artistic step in a public discussion concerning probably the most painful story in the history of Poland. The historical truth associated with it, on being silenced for decades, makes its way into the bright field of consciousness, even though with great difficulty and provoking resistance in various circles of the society. The experience of shame is hardly included into the baggage of memory, since it does not create a positive image of society and the individual as a part of it, and therefore any nation state seeks to suppress the memory of events that violate the declared commonality of the national tradition. However, the writer offers the society — which latently feels ethical discomfort, but in fact is not ready neither to revise the idea of itself as of a solely heroic victim of history, nor to reflect on the discourse of Polish patriotism, or to experience the emotion of collective shame — the illusion of moral self-purification and mourning for the exterminated Jewish population of Poland to soothe the conscience.

Keywords

Szczypiorski, Holocaust, bestseller, complicity, guilt, public discussion.

Украинский бестселлер: на пути к национальной идентичности

Байдалова Екатерина Викторовна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kuzmukk@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6263-8358

Цитирование

Байдалова Е. В. Украинский бестселлер: на пути к национальной идентичности // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 365–379.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.02

Статья поступила в редакцию 25.12.2020.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос появления коммерчески успешных художественных произведений, написанных на украинском языке, с начала периода обретения Украиной независимости, а также дается краткий экскурс в историю вопроса. Бестселлер рассматривается как полифункциональное явление, возникновение которого обуславливается не только наличием самого художественного текста, но и необходимой для хороших продаж инфраструктуры и грамотного маркетинга. В 1990-е гг. не было и не могло быть бестселлеров, так как не существовало не только необходимой инфраструктуры, поддержки государства, соответствующей работы издательств, но и, в первую очередь, не было украинского читателя: покупатели охотнее брали книги на русском языке, существовало некоторое недоверие к современной украинской литературе. Определенные изменения происходят в 2000-е гг. В пространстве украинской культуры с середины 2000-х гг. хитами продаж становятся книги, предлагающие ангажированный взгляд на неоднозначные исторические события советского прошлого, использующие «язык вражды» по отношению к другим этносам, манипулирующие читательской эмпатией. Делается вывод об актуальности в текущий исторический период такого одномерного изображения прошлого для становления украинской национальной идентичности.

Ключевые слова

Бестселлер, национальная идентичность, историческая память, роман, украинская литература.

«Прежде чем претендовать на Нобелевскую премию, необходимо написать национальный бестселлер».

Н. Билоцеркивец

«Бестселлеры — это и есть та литература, которая составляет содержание “актуальной книжной культуры” любой нации».

И. Тартаковская

В первом номере одного из наиболее заметных и влиятельных изданий Украины, посвященных гуманитарным наукам, журнале «Критика»¹, была помещена статья Натальи Билоцеркивец с подзаголовком «Возможен ли украинский бестселлер?»². И это неслучайно. Пилотный номер такого типа издания — не только презентация основного направления, демонстрация подходов и стратегий, но и стремление привлечь потенциального читателя актуальностью, свежестью, новизной представленной тематики и проблематики. В середине — конце 1990-х гг. появление украинских бестселлеров представлялось залогом дальнейшего развития украинской литературы, которая, как любая другая, не может существовать без читателя или лишь для скромного в количественном отношении читателя-интеллектуала. Н. Билоцеркивец приходила к неутешительному выводу, что в общественной ситуации середины 1990-х гг. появление и существование украинского национального бестселлера невозможно: «...бестселлер в прямом значении слова, то есть “книга, что лучше всего продается”, имеет большой тираж и массовый спрос, — на Украине на сегодня не

1 Подробнее об этом издании см.: Байдалова Е. В. Must-read украинской интеллектуальной элиты: журнал «Критика» как социокультурное явление // Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: структура, типология, социокультурный контекст / под общ. ред. Л. Ф. Широковой. М., 2020. С. 48–64.

2 *Билоцеркивец Н.* Література на роздоріжжі // Критика. Рік І. Число 1 (1). URL: <https://krytyka.com/ua/articles/literatura-na-rozdorizhzi> (дата обращения: 26.12.2020).

может существовать. Это относится не только к украинской (точнее, украиноязычной) книге — вряд ли украинским бестселлером может стать и русскоязычное издание. <...> Изменилось отношение к литературе. <...> Вообще основная масса нашего населения (на которую должен был бы рассчитывать бестселлер) переживает системную апатию — не только относительно политики, но и духовной сферы своего существования — и не ждет от литературы никаких ответов про смысл жизни: потому что не задает сейчас таких вопросов. <...> Бестселлер в прямом значении слова на Украине сегодня невозможен. Украинской литературе не доверяют априори — даже не читая ее»³. Через десять лет ту же мысль повторил Евгений Баран в книге «Вдогонку дев'яностим» (главу, посвященную этой теме, он назвал «Бестселлер: поиски черного кота в темной комнате»): «Бестселлер у нас пока невозможен. Конечно, само произведение может появиться (и, наверное, появляется). Невозможен принцип бестселлера. Отсутствует инфраструктура, которая работала бы на “муссирование” читательского сознания. Отсутствует культура бестселлера. Отсутствует национальное пространство»⁴.

Вопрос появления «своего» бестселлера был настолько острым, что Национальный союз писателей Украины организовал дискуссию «Что такое украинский бестселлер?». Ее материалы были опубликованы в литературоведческом журнале Украины «Слово и Час» в феврале 2003 г. Большинство выступающих не скрывало своих пессимистических представлений о появлении коммерчески успешных украинских художественных книг. Так, В. Панченко назвал национальный бестселлер «условным, если не сказать грустно-ироничным» явлением, а В. Даниленко, рассуждая о потенциальных читателях украинской книги, говорил: «Украинский бестселлер должен разорвать три круга, которые низводят его до маргинального явления: узкий круг украинских филологов и литераторов, круг массового украинского читателя и, наконец, круг украинского русскоязычного читателя»⁵. Выводы, сделанные в ходе обсуждения, свидетельствовали о том, что, в первую очередь, в стране необходимо создать соответствующую

3 Білоцерківець Н. Література на роздоріжжі. URL: <https://krytyka.com/ua/articles/literatura-na-rozdorizhzi> (дата обращения: 27.12.2020).

4 Баран Є. Навздогін дев'яностим: Проза бібліофіла. Івано-Франківськ, 2006. С. 30.

5 Панченко В., Даниленко В., Шкляр В., Яровий О., Сивокінь Г. Що таке український бестселер? // Слово і Час. 2003. № 2. С. 43.

инфраструктуру, оказывать поддержку национальной книге на государственном уровне, но и самим писателям быть более активными, понимать структуру современного книжного рынка⁶.

Необходимо отметить, что до 1990-х гг. некоторые украинские книги все же становились бестселлерами⁷. Это роман Павла Загребельного «Роксолана» (1980), очень популярный у читателей⁸, и более ранний пример — пожалуй, первый украинский роман-бестселлер, он же первый социальный фантастический антиутопический роман Владимира Винниченко «Солнечная машина» (1928)⁹. Конечно, как верно указывает Сергей Чупринин в работе «Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям» (2007), говорить о бестселлере до 1990-х гг. не совсем корректно¹⁰, так как в советское время не было корреляции между огромными тиражами и реальным читательским спросом. Однако не заметить неординарную популярность романа Винниченко было невозможно. Ее отметил в своей книге «От Кулиша до Винниченко» украинский филолог-неоклассик Николай Зеров: «У “Солнечной машины” полный, недвусмысленный успех. Про нее пишут, говорят, устраивают дискуссии, а главное — ее читают, как ни одну украинскую книжку, как не читали даже общерекомендованных и обязательных Коцюбинского и Нечуя-Левицкого в предэкзаменационные дни украинизации <...> книжка вышла и читательскую массу

6 Интересно, что одним из участников встречи был будущий автор украинского бестселлера «Черный ворон» Василь Шкляр, о котором далее в статье пойдет речь.

7 Безусловно, по количеству проданных экземпляров «Кобзарь» Т. Г. Шевченко является главным украинским бестселлером.

8 Характерно издание этого романа на русском языке издательством АСТ в серии «Главный славянский бестселлер»: *Загребельный П. Роксолана*. М., 2020. Хотя, безусловно, современная популярность книги связана с сериалом «Великолепный век» (Турция, 2011–2014), повествующем о тех же событиях, что изображены в романе.

9 Впервые на это указала в своей статье С. О. Филоненко: *Филоненко С. О. Бестселер як проблема сучасного літературного процесу в Україні // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: Міжвуз. сб. наук. ст. 2009. Вип. XXI. С. 539–545.*

10 *Чупринин С. Жизнь по понятиям: русская литература сегодня*. М., 2007. URL: <https://www.rulit.me/books/russkaya-literatura-segodnya-zhizn-po-ponyatiyam-read-162023-1.html> (дата обращения: 12.12.2020).

заинтересовала»¹¹. Зеров делает попытку определить составные успеха этой книги. Среди них он выделяет жанр произведения (первый научно-фантастический роман с элементами авантюрного), экзотику изображенной действительности (действие происходит в Германии), разнообразие характеров и сюжетных ходов, мастерство писателя в создании интриги. Таким образом, еще в 1929 г. Зеров верно отметил главное качество бестселлера: удовлетворять интересы массового читателя, оставаясь написанным на высоком художественном уровне. Или, как в 2007 г. определил С. Чупринин, «сочетание (хотя бы относительной) рыночной успешности книги с ее качественными параметрами»¹².

Книги, на которых сфокусировано исследовательское внимание в этой статье, на первый взгляд соответствуют этим двум составляющим: они активно покупаются украинскими читателями и стали яркими, заметными явлениями в современном литературном процессе Украины. С начала независимости до середины 2000-х гг. украинских художественных книг, ставших бестселлерами, действительно, не было, несмотря на довольно высокую писательскую активность. В 1990–2000 гг. книгоиздание и книготорговля страны находились в глубоком кризисе. Вот как об этом с горечью писал один из вполне успешных украинских писателей, автор остросюжетных романов Андрей Кокотюха: «Пока на Украине не будет нормальной книжной торговли, не будет и украинского бестселлера в прямом понимании этого слова. Будем читать чужие. Пусть даже и в качественных переводах, но — про чужие страны, чужих людей, чужие обычаи, чужую жизнь. Еще немного — и окончательно станем чужими сами себе»¹³. Тем не менее существовала одна книга, претендовавшая на звание национального бестселлера. Это «Полевые исследования украинского секса» (1996) Оксаны Забужко. Книга, ставшая гимном феминизма на Украине, повествует о специфических в гендерном аспекте поисках национальной идентичности и постколониальной травме, представляет из себя «поток сознания» и никак не могла быть массово востребована украинскими читателями 1990-х гг. Однако издатели неизменно помещают на обложку данного романа сведения о том, что

11 Зеров М. Від Куліша до Винниченка: Нариси з новітнього українського письменства. Київ, 1929. С. 173.

12 Чупринин С. Жизнь по понятиям...

13 Кокотюха А. Що таке «український бестселер». URL: <http://bukvoid.com.ua/column/2010/08/25/082719.html> (дата обращения: 20.12.2020).

это бестселлер, в сети Интернет существуют неоднократные упоминания о том, что это первый национальный бестселлер, хотя никаких подтверждений высокого количества проданных экземпляров нет. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с маркетинговым ходом, который применялся с согласия автора. Известно, что было десять переизданий романа, но каков их тираж — неясно.

Здесь мы имеем дело со специфической украинской проблемой в определении бестселлера. В реалиях современной Украины невозможно узнать не только количество проданных экземпляров той или иной книги, но и ее тираж. На самом издании тираж, как правило, не указывается. Издательствам в этом вопросе также невозможно доверять, поскольку существуют так называемые «серые тиражи», о которых может не знать даже автор произведения. Интернет-магазины могут использовать маркеры «хит продаж», «бестселлер» с целью повышения спроса на то или иное издание. Все это связано с особенностями налогообложения, государственного контроля и книжного рынка в современной Украине. Книги, о которых пойдет речь в статье, можно назвать бестселлерами, поскольку они часто упоминались в медийном пространстве, переиздаются, на них много отзывов в книжных интернет-магазинах, их активно обсуждают в соцсетях читатели-неспециалисты, данные из открытых источников говорят об их больших тиражах (повторюсь, каких точно, не представляется возможным узнать).

Поскольку бестселлер — это полифункциональный продукт культурной индустрии, безусловно, был целый комплекс причин появления в середине 2000-х гг. украинских романов-бестселлеров. Самой существенной из них, по-видимому, стала произошедшая в 2004 г. так называемая «Оранжевая революция», в результате которой во многом изменилось самосознание многих украинцев, ощутивших себя самостоятельными значимыми единицами, способными что-либо решать в собственной стране. Отсюда и возросший интерес к национальной истории, литературе, культуре. Среди других факторов, повлиявших на развитие книжной культуры, можно назвать конкурс «Коронация слова»¹⁴, открывший для украинских читателей и, что не менее важно,

14 «Коронация слова» — международный литературный конкурс ранее не публиковавшихся произведений на украинском языке (романов, киносценариев, пьес, песенной лирики, произведений для детей). Организован представителями диаспоры Ю. и Т. Логушами с целью содействия развитию современной украинской культуры. Проводится с 2000 г.

издателей имена многих популярных в настоящее время писателей¹⁵. Еще одним важным фактором стало появление новых и активное развитие старых издательств¹⁶ с разными задачами и подходами, среди продукции которых читателю стало легче найти «свою».

Одним из первых «серьезных» романов, добившимся коммерческого успеха, стала «Даруся сладкая, или Драма на три жизни» (2004)¹⁷ Марии Матиос (род. 1959). В нем рассказывается о трагической судьбе девушки из глухого буковинского села, чья семья была уничтожена бойцами НКВД за помощь украинским повстанцам. Книга удостоена Шевченковской премии¹⁸ в 2005 г.¹⁹, а также названа «Книгой года» в 2004 г. и получила звание «Книги, которую читают чаще других» в 2007 г. Переведена на польский, немецкий, хорватский, французский, литовский, итальянский, английский и русский языки. По мотивам романа в 2008 г. была поставлена пьеса в Черновицком областном драматическом театре им. Ольги Кобылянской, идут съемки фильма. К настоящему моменту в СМИ сообщалось, что было продано более двухсот тысяч экземпляров этого произведения.

Нетривиальный сюжет, яркий буковинский колорит, неординарные, психологически изоциренно обрисованные герои, умелое «жонглирование» такими средствами художественной выразительности, как метафоры, гиперболы, метонимии, литоты, синекдохи, аллегии и т. п. — все это делает книгу занимательной для читателя, вызывает неподдельный интерес. Вместе с тем переизбыток мелодраматизма, откровенное манипулирование читательской эмпатией, однобокость в изображении отрицательных героев помещает это произведение скорее в рамки жанрового, максимально приближенного не к «высокой» литературе, а к массовой. Однако это произведение Матиос получило высокую оценку многих украинских литературоведов и критиков,

15 В том числе В. Шкляра и М. Матиос, чьи романы в фокусе внимания данной статьи.

16 Перечислю только некоторые из них. Это «Meridian Czernowitz», «Піраміда», «А-ба-ба-га-ла-ма-га», «Видавнича група КМ-Букс», «Нора-Друк», «Фоліо», «Клуб сімейного дозвілля» и др.

17 *Matioc M.* Солодка Даруся: драма на три життя. Львів, 2004.

18 Национальная премия Украины имени Тараса Шевченко — государственная награда Украины, вручаемая за весомый вклад в развитие культуры и искусства. Присуждается с 1961 г.

19 Интересно, что выдвинул роман на получение премии Павел Загребельный.

которые отмечают, что оно «высокохудожественно осмысливает человеческое бытие сквозь призму исторических событий»²⁰.

Роман Василя Шкляра (род. 1951) «Залишенец. Черный ворон»²¹ (2009) имеет подходящую для бестселлера «биографию», в центре которой — широко транслировавшийся в СМИ общественно-литературный скандал. Стал «Книгой года» в 2009 г., «Лучшим историческим романом» в конкурсе «Ярослав вал»²², в 2011 г. за эту книгу писатель должен был получить Шевченковскую премию, однако он обратился с просьбой к тогдашнему президенту В. Януковичу перенести вручение присвоенной ему награды на время, когда министром образования будет не Д. Табачник²³. В итоге имя писателя было исключено из списков лауреатов, зато Шкляру вручили «Народную Шевченковскую премию»²⁴. Благодаря этому скандалу продажи и без того активно раскупавшейся книги значительно выросли, о ней узнало максимально возможное количество потенциальных читателей. В 2019 г. вышел фильм «Черный ворон» (реж. Т. Ткаченко), что способствовало очередной волне интереса к роману. В итоге общее количество проданных экземпляров книги, по сообщениям СМИ, пре-

20 Павлович Г. Рецепція роману Марії Матіос «Солодка Даруся» Дмитром Павличком // *Studia Methodologica*: альманах. Тернопіль, 2010. Вип. 30. С. 30.

21 Роман вышел почти одновременно под разными названиями в разных издательствах: «Чорний ворон» (Київ: «Ярославів вал»), «Залишенець» (Харків: «КСД»). В настоящее время принято указывать оба названия.

22 Конкурс проводится международной неполитической независимой организацией «Лига украинских меценатов».

23 Дмитрий Табачник — в 2010–2014 гг. министр образования и науки Украины. Известен своей пророссийской позицией. Назвал книгу В. Шкляра «ксенофобской», в то время как писатель указал на «украинофобию» министра: Шкляр відмовився від Шевченківської премії. Через Табачника. URL: <https://tyzhden.ua/News/18163> (дата обращения: 15.01.2021).

24 Альтернативная награда, врученная В. Шкляру 17 апреля 2011 г. на месте, которое считается местом последнего боя последнего атамана Холодного Яра, «За возвращение украинской нации исторической памяти» (URL: https://lb.ua/culture/2011/04/17/92964_shklyaru_vruchili_narodnuu_shevchenko.html. Дата обращения: 18.01.2021). В денежном эквиваленте превысила сумму Шевченковской премии (250 тысяч гривен), была собрана через Интернет «всем миром».

высило полмиллиона экземпляров. На сегодняшний день это самый большой известный тираж издания современного беллетристического произведения, написанного на украинском языке. Книга переведена на английский, португальский и словацкий языки. Автор не дал согласия на перевод романа на русский язык.

«Черный ворон» — приключенческий исторический роман, в центре которого — герой-украинец, атаман по прозвищу Черный ворон, участвующий в неравной по силам борьбе украинских повстанцев на территории Центральной Украины с большевиками в 1920-х гг.²⁵ Произведение написано на основании историко-документального романа «Холодный Яр» Ю. Горлис-Горского²⁶, бывшего непосредственным участником этих событий, и других исторических документов. Роман добротен, качественно «сделан»: оригинальная композиция, напряженный сюжет, насыщенный яркими событиями, детективными линиями, любовными коллизиями, в нем перемешаны реалистическое изображение, мистика и выдержки из документальных и псевдодокументальных источников (газетных статей, заметок, отчетов и постановлений чекистов и т. п.). При этом один из блогеров метко назвал произведение Шкляра ««Свадьбой в Малиновке» наоборот»: «Только вместо симпатичных и справедливых красноармейцев — гайдамаки с пылающими глазами, а вместо пьяных и тупых бандитов — “маскалі”, все, как один, плюгавые уроды, гаварящіє на свайом кацапскам наречіі ну прямо как савременніє інтернет-ідіюти»²⁷. И действительно, писатель чрезмерно романтизирует положительных героев, борцов за независимость Украины и гротескно, вплоть до карикатурности, изображает отвратительными героев отрицательных, «оккупантов», тех, кто находится на стороне большевиков, не забывая настойчиво подчеркнуть их «кацапство» или «жидовство»: «Кацапищи толпой набросились на мертвого — мелкие, кривоногие, но очень мордатые, с плоскими, налитыми кровью рожамі, — они

25 События романа происходят в конце существования Холодноярской республики — повстанческого образования, существовавшего в районе лесного массива Холодный Яр (Чигиринского уезда Киевской губернии, в настоящее время Черкасской области Украины) с 1918 по 1922 г. Их девиз был «Свобода Украины или смерть».

26 Наст. имя Юрий Юрьевич Городянин-Лисовский (1898–1946).

27 «Залишенець» завтрашнего дня. Про книжку и про жись нашу. URL: <https://tov-sergeant.livejournal.com/17452.html> (дата обращения: 16.01.21). Орфография и пунктуация автора сохранены.

с дикими гоготом и матерщиной также начали дубасить атамана»²⁸. Тем более печально, что современный украинский литературовед эту и другие книги Шкляра называет «учебными пособиями по воспитанию национального самосознания и патриотизма»²⁹.

Роман Оксаны Забужко (род. 1960) «Музей заброшенных секретов» (2009) можно назвать долгожданным, так как писательница работала над ним больше семи лет и все это время в СМИ и на личных страницах в Интернете усиленно подогревала интерес к нему. Книга получила множество премий (среди них «Книга года Би-Би-Си-2010», международная премия «Angelus» (2013)) и активно раскупалась читателями. «Музей» — это семейная сага, охватывающая три поколения, шестьдесят лет украинской истории от 1944 до 2004 г.³⁰ Одно из центральных мест в нем занимает переосмысление событий, связанных с деятельностью Украинской повстанческой армии (УПА), в романе происходит «типичная инверсия образов советского солдата и “бандеровца” <...>, героизированные бойцы УПА становятся недостижимыми образцами для своих потомков»³¹. Желая изменить отношение к представителям УПА как к откровенным антисемитам, Забужко даже вводит в роман образ еврейской девушки Рахели, пострадавшей от советской власти и теперь воюющей на стороне украинских националистов, живущей с ними бок о бок в партизанской «крыивке».

В этих трех произведениях можно обнаружить некоторые общие черты. Они написаны писателями примерно одного поколения. Все они обращаются к неоднозначным историческим событиям советского прошлого,

28 Шкляр В. Залишенець. Чорний ворон. Харків, 2012.

29 Новиков А. О. Українська історія кризь призму творчості Василя Шкляра // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Філологія. 2016. № 21. Т. 1. С. 23.

30 Подробнее об этом романе см.: Байдалова Е. В. Проблема национальной памяти в украинской женской постколониальной прозе: роман О. Забужко «Музей заброшенных секретов» // ПАМЯТЬ vs ИСТОРИЯ. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений) / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М., 2019 (Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). С. 56–74; Байдалова Е. В. Украинская постколониальная проза: проблемы национальной и гендерной идентичности в романах О. Забужко // Славянский сборник: язык, литература, культура / отв. ред. Н. Е. Ананьева, О. А. Остапчук, Е. И. Якушкина. М., 2019. С. 337–344.

31 Байдалова Е. В. Проблема национальной памяти... С. 69–70.

память о котором деконструируется в тенденциозном, конъюнктурном ключе. Каждый из этих авторов умело манипулирует читательской эмпатией, а также активно использует «язык вражды» по отношению к представителям других этносов (русским — все, евреям — Шкляр). Вместе с тем эти книги получили престижные премии и признание читателей, о природе которого с грустью пишут некоторые украинские критики: «В Украине нелюбовь к Другому имеет читательский спрос»³².

Безусловно, читательским спросом пользуются не только эти книги: хорошо продается жанровая литература (например, криминальные и детективные романы Андрея Кокотюхи, авантюрно-мистические книги Лады Лузиной, фантастические триллеры Макса Кидрука, «женские» романы Люко Дашвар), нон-фикшн, детская литература, однако тот факт, что произведения, в большей степени пропагандистские, чем художественные, оказываются не только премированными, но и активно покупаемыми, не может не вызывать определенного беспокойства, поскольку «книги, относящиеся к числу самых популярных, выбранные для чтения совершенно самостоятельно, а не по указанию учителей и духовных пастырей, тесно связаны с системой ценностей рядовых читателей, составляющих большинство нации. Конечно, ставить знак равенства между содержанием бестселлеров и ценностным сознанием их поклонников нельзя, но вопросы о том, какие идеи получают широкое распространение, какие концепции оказываются наиболее приемлемыми для массового читателя, чрезвычайно интересны»³³.

32 *Славінська І.* Премія як симптом // Критика. Рік XVI. Число 3 (173). Березень 2012. URL: <https://krytyka.com/ua/articles/premiya-yak-symptom?page=2> (дата обращения: 27.01.2021).

33 *Тартаковская И. Н.* Феномен бестселлеров и массовая культура. Обзор исследований по социологии чтения // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 176. В этом отношении определенный оптимизм внушает коммерческий успех романа Софии Андрухович (род. 1982) «Феликс Австрия» (2014) (роман получил премии «Книга года Би-Би-Си», «Литакцент года», в 2020 г. вышел фильм, в работе над сценарием которого принимала участие С. Андрухович, «Віддана» (реж. К. Сиволап), что способствовало дальнейшим хорошим продажам книги), в котором писательница обращается к историческому периоду рубежа XIX–XX вв., когда часть Украины входила в состав Австро-Венгрии, который она осмысляет сквозь призму сложных взаимоотношений двух молодых женщин (Стефы — украинки и Адели — наполовину польки, наполовину немки) не плоско, а многомерно, предлагая читателю более глубокое и многообразное изображение взаимоотношений с народами-«колонизаторами».

По-видимому, для украинской культуры и общества в целом вопросы становления национальной идентичности, ее самооценности все еще остаются крайне актуальными. Нельзя не согласиться с К. Султановым, что «освобожденная от идеологических ограничений, историческая память явно переросла функцию одного из источников исторической достоверности, превратившись не только в доминирующую форму репрезентации прошлого, но и в движущую силу самоидентификации»³⁴. Формирование национальной идентичности, по всей видимости, не может обойтись без «этноцентричной ангажированности»³⁵ в изображении исторического прошлого, что и демонстрируют романы, о которых шла речь в данной статье.

Источники и литература

Байдалова Е. В. Проблема национальной памяти в украинской женской постколониальной прозе: роман О. Забужко «Музей заброшенных секретов» // ПАМЯТЬ vs ИСТОРИЯ. Образы прошлого в художественной практике современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам II Хоревских чтений) / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы». С. 56–74.

Байдалова Е. В. Украинская постколониальная проза: проблемы национальной и гендерной идентичности в романах О. Забужко // Славянский сборник: язык, литература, культура / [ред. кол.: Н. Е. Ананьева (отв. ред.), О. А. Остапчук, Е. И. Якушкина]. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 337–344.

Баран Є. Навздогін дев'яностим: Проза бібліофіла. Івано-Франківськ: Тіповіт, 2006. 191 с.

Белімова Т. Алхімія слова: вимір сучасного українського бестселера // Слово і час. 2017. № 11. С. 22–31.

Білоцерківець Н. Література на роздоріжжі // Критика. Рік 1, № 1 (1). URL: <https://krytyka.com/ua/articles/literatura-na-rozdorizhzhzhi> (дата обращения: 23.12.2020).

34 Султанов К. К. Прошлое в настоящем: историческая память как ресурс самоидентификации в постсоветской литературе // Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности в меняющихся контекстах. М., 2017. С. 4.

35 Там же. С. 5.

Зеров М. Від Куліша до Винниченка: Нариси з новітнього українського письменства. Київ: Культура, 1929. 192 с.

Кокотюха А. Що таке «український бестселер» // Буквоїд: [сайт]. 26 серп. 2010. URL: <http://bukvoid.com.ua/column/2010/08/25/082719.html> (дата звернення: 20.12.2020).

Матіос М. Солодка Даруся: драма на три життя. Львів: Піраміда, 2004. 174 с.

Новиков А. О. Українська історія крізь призму творчості Василя Шкляра // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Філологія. Одеса, 2016. Вип. 21, т. 1. С. 20–23.

Павлишин Г. Рецепція роману Марії Матіос «Солодка Даруся» Дмитром Павличком // *Studia Methodologica*: альманах. Вип. 30. Тернопіль: Тернопільський державний педагогічний університет ім. В. Гнатюка, 2010. С. 28–31.

Панченко В., Даниленко В., Шкляр В., Яровий О., Сивокінь Г. Що таке український бестселер? // Слово і Час. 2003. № 2. С. 41–45.

Славінська І. Премія як симптом // Критика. Рік 16, № 3 (173). Березень 2012. URL: <https://krytyka.com/ua/articles/premiya-yak-symptom?page=2> (дата звернення: 27.01.2021).

Султанов К. К. Прошлое в настоящем: историческая память как ресурс самоидентификации в постсоветской литературе // Вопросы изучения национальных литератур. Дискурс идентичности в меняющихся контекстах / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; [отв. ред. К. К. Султанов]. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 4–48.

Тартаковская И. Н. Феномен бестселлеров и массовая культура. Обзор исследований по социологии чтения // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 176–181.

Філоненко С. Бестселер як проблема сучасного літературного процесу в Україні // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: [міжвуз. зб. наук. ст. / відп. ред. В. А. Зарва]. Вип. 21. Бердянськ: Бердянський державний педагогічний університет, 2009. Вип. XXI. С. 539–545.

Чупринин С. И. Жизнь по понятиям: русская литература сегодня. М.: Время, 2007. 768 с. URL: <https://www.rulit.me/books/zhizn-po-ponyatiyam-read-162023-1.html> (дата звернення: 12.12.2020).

Шкляр В. Залишенець. Чорний ворон. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2012. 384 с.

References

Baïdalova, E. V. “Problema natsional'noï pamiaty v ukrainskoï zhenskoï postkolonial'noï proze: roman O. Zabuzhko «Muzeï zabroshennykh sekretov».” *PAMIAT' vs ISTORIIA. Obrazy proshlogo v khudozhestvennoï praktike sovremennykh literatur Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy (po materialam II Xorevskikh chteniï)*, ed. by I. E. Adelgeym, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2019, pp. 56–74.

Baydalova, E. V. “Ukrainskaia postkolonial'naia proza: problemy natsional'noi i gendernoï identichnosti v romanakh O. Zabuzhko.” *Slavianskiï sbornik: iazyk, literatura, kul'tura*, ed. by N. E. Ananyeva, Moscow: MAKS Press, 2019, pp. 337–344.

Baran, Ie. *Navzdohin dev'ianostym: Proza bibliofila*. Ivano-Frankovsk: Tipovit, 2006, 191 p.

Belimova, T. “Alkhimiia slova: vymir suchasnoho ukrains'koho bestselera.” *Slovo i chas*, no. 11, 2017, pp. 22–31.

Bilotserkivets', N. “Literatura na rozdorizhzhzi.” *Krytyka*, year 1, no. 1 (1), <https://krytyka.com/ua/articles/literatura-na-rozdorizhzhzi>. Accessed 23 Dec. 2020.

Chuprinin, S. I. *Zhizn' po poniatiiam: russkaia literatura segodnia*. Moscow: Vremia, 2007, 768 p., <https://www.rulit.me/books/zhizn-po-ponyatiyam-read-162023-1.html>. Accessed 12 Dec. 2020.

Filonenko, S. “Bestseller iak problema suchasnoho literaturnoho protsesu v Ukraïni.” *Aktual'ni problemy slov'ians'koï filolohii. Serii: Linhvistyka i literaturoznavstvo, mizhvuz. sb. nauk. st.*, ed. by V. A. Zarva, book 21, Berdiansk: Berdians'kyï derzhavnyi pedahohichnyi universytet, 2009, pp. 539–545.

Kokotiukha, A. “Shcho take ‘ukrains'kyï bestseller?’” *Bukvoid*, 26 Aug. 2010, <http://bukvoid.com.ua/column/2010/08/25/082719.html>. Accessed 20 Dec. 2020.

Matios, M. *Solodka Darusia: drama na try zhyttia*. Lvov: Piramida, 2004, 174 p.

Novykov, A. O. “Ukrains'ka istoriia kriz' pryzmu tvorchosti Vasylia Shkliara.” *Naukovyi visnyk Mizhnarodnoho humanitarnoho universytetu. Ser.: Filolohiia*, book 21, vol. 1, Odessa, 2016, pp. 20–23.

Panchenko, V., et al. “Shcho take ukrains'kyï bestseller?” *Slovo i Chas*, no. 2, 2003, pp. 41–45.

Pavlyshyn, H. “Retseptsiia romanu Mariï Matios ‘Solodka Darusia’ Dmytrom Pavlychkom.” *Studia Methodologica: al'manakh*, vol. 30, Ternopol: Ternopil's'kyï derzhavnyi pedahohichnyi universytet im. V. Hnatiuka, 2010, pp. 28–31.

Shkliar, V. *Zalyshenets'. Chornyi voron*. Kharkov: Klub simeïnoho dozvillia, 2012, 384 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.02

Baydalova E. V.

The Ukrainian bestseller: On the way to national identity

Ekaterina V. Baydalova

Junior research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kuzmukk@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6263-8358

Citation

Baydalova E. V. The Ukrainian bestseller: On the way to national identity // Slavic Almanac. 2021. № 1–2. P. 365–379 (In Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.02

Received: 25.12.2020.

Abstract

The article considers the commercially successful works of fiction written in Ukrainian since the beginning of Ukraine's independence, and provides a brief excursion into the history of the issue. A bestseller is viewed as a multifunctional phenomenon, the emergence of which is determined by not only the presence of the literary text itself, but also the infrastructure and competent marketing necessary for good sales. In the 1990s there were no and could not be bestsellers, since there were no necessary infrastructure, support from the state, appropriate attitude of publishing houses, and moreover, there was no Ukrainian reader. The buyers would more willingly buy books in Russian and there was some distrust of modern Ukrainian literature. Certain changes took place in the 2000s. Since the mid-2000s in Ukrainian culture the hit sales are books that offer a biased view of the controversial historical events of the Soviet past, use "hate speech" in relation to other ethnic groups, and manipulate the reader's empathy. A conclusion is made about the relevance of such a one-dimensional image of the past for the formation of Ukrainian national identity in the current historical period.

Keywords

Bestseller, Ukrainian literature, national identity, novel, historical memory.

Как менялась «формула» успеха: словенские бестселлеры 2010-х гг. «Чефуры, вон!» Г. Войновича и «Белое стирают при девяносто» Б. Жакель

Старикова Надежда Николаевна
Доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nstarikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1230-2244

Цитирование

Старикова Н. Н. Как менялась «формула» успеха: словенские бестселлеры 2010-х гг. «Чефуры, вон!» Г. Войновича и «Белое стирают при девяносто» Б. Жакель // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 380–395. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.03

Статья поступила в редакцию 01.11.2020.

Аннотация

В статье в контексте исследования проблем книжного рынка Словении и социологии «потребления» книжных изданий представлены два романа 2010-х гг: «Чефуры, вон!» (2008) Г. Войновича и «Белое стирают при девяносто» (2018) Б. Жакель. Оба в свое время стали лидерами продаж и получили статус национальных бестселлеров. Их curriculum vitae схожи: это дебютные произведения авторов, не являвшихся профессиональными литераторами, получившие национальную литературную премию «Кресник» за лучший роман года и вызвавшие в социальных сетях бурную дискуссию. Коммерческий успех обеих книг обусловлен не только эффективным маркетингом, рекламой, местом в рейтинге, вкусовыми стереотипами литературных критиков и другими внелитературными факторами, но и определенными художественными референциями: это экзистенциальность проблематики, автобиографический дискурс, тип наррации («я»-форма), специфика хронотопа. В центре романа Войновича — судьба национальных меньшинств на постъюгославском пространстве, рассказанная от лица подростка. После окончательного распада Югославии жители беднейших

республик и краев бывшей титовской империи начали искать прибежища в Словении, к середине 2000-х гг. в республике остро встала проблема межнациональных противоречий, связанная с младшим поколением иммигрантов. Роман-исповедь Жакель сфокусирован на трагических и драматических перипетиях ее собственной жизненной истории и авторской рефлексии на пережитое. Сравнительный анализ произведений дает представление о том, как трансформировалась система ценностей рядовых словенских читателей, как их интерес к резонансным проблемам современной жизни страны сменился потребностью в эмпатии, желанием найти в книге психологическое убежище.

Ключевые слова

Словенский бестселлер, актуальная книжная культура, книжный рынок, автобиографический дискурс, экзистенциальная проблематика.

Словенцы занимаются изучением социологии книжного рынка и особенностей национальной читательской культуры со времен социализма, научно-исследовательский проект «Книга и читатели» был начат в Любляне в 1973 г.¹ Первая монография этой серии, вышедшая 46 лет назад, принадлежит перу литературоведа Г. Коцияна, последняя — «Книга и читатели VI», написанная авторским коллективом в составе П. Рупара, А. Блатника, М. Ковача и С. Ругеля, — увидела свет в 2019 г. С годами отраслевая профессионализация участников проекта изменилась, теперь ведущая роль принадлежит социологам культуры, специалистам по библиотечному делу и аналитикам крупных национальных издательств. Представленный в труде «Книга и читатели VI» мониторинг разных аспектов социологии чтения и национальной культурной политики в книжной сфере подкреплен статистическими данными интернет-опросов, проведенных агентством Vakklicon. Их результаты неутешительны: согласно последним показателям, в стране наблюдается тенденция к снижению числа прочитанных книг². Книга постепенно теряет свой социокультурный статус, ее создание переходит в разряд конвейерного производства, где все — от

1 Šikonja K., Petek M. Branje sodobnih slovenskih romanov v izbranih enotah Mestne knjižnice Ljubljana // Knjižnica. 2015. Let. 59. Št. 1–2. S. 38.

2 Rupar P., Blatnik A., Kovač M., Rugelj S. Knjiga in bralci VI. Bralna kultura in nakupovanje knjig v Sloveniji v letu 2019. Ljubljana, 2019. S. 31.

рождения текста до реализации конечного книжного продукта — оказывается подчинено рынку. При этом покупательский спрос падает, читательские привычки меняются в худшую сторону (например, родители в Словении стали меньше читать детям вслух), словенский язык на фоне распространения английского начинает рассматриваться как препятствие в развитии бизнеса и личной самореализации, чтение из процесса познания и получения эстетического удовольствия трансформируется в стрессирующую читателя процедуру, требующую от него повышенного внимания и сосредоточенности. Помочь стабилизировать ситуацию и «удержать флуктуацию покупателей в книжном цикле»³, по мнению авторов исследования, возможно с помощью бестселлеров, которые к могут многое сказать о вкусах и предпочтениях среднестатистического словенского читателя.

Эту точку зрения разделяют М. Ковач и Р. Грегорин, авторы монографии «Что такое “конец” книги: тайные силы книжного рынка» (2016)⁴, посвященной исследованию словенского книжного пространства 2010-х гг. Используя множество примеров и статистических данных, они пытаются ответить на некоторые весьма важные для судьбы книги как носителя кода нации вопросы. Подтверждает ли книжная статистика предсказания о конце книги? Как эволюция медиа влияет на человеческое мышление и эмоции? Как распространение английского языка в мире влияет на производство книг в Словении? Почему до сих пор не сформировался рынок электронных книг на словенском языке? Откуда взялось убеждение, что словенская национальная идентичность фатально зависит от культуры слова? Специальный раздел монографии посвящен проблеме бестселлера, в качестве примеров рассматриваются главные лидеры продаж мирового рынка (книги Дэна Брауна, Стига Ларссона, Джоан Роулинг, Стивена Кинга и др.). Авторы приходят к выводу, что спрогнозировать рыночную траекторию бестселлера нельзя, можно лишь ретроспективно проанализировать, почему конкретная книга добилась успеха. Представляя картину «потребления» словенских печатных изданий, Ковач и Грегорин фиксируют структурные изменения в концепциях продаж и параметры, которые влияют на этот процесс.

Именно распроданные тиражи, уверен издатель и социолог издательского дела С. Ругель, являются одновременно отражением совре-

3 *Rugelj S.* Krčenje: diktatura trga, erozija duha in slovensko knjižno založništvo 2008–2020. Ljubljana, 2019. S. 18

4 *Kovač M., Gregorin R.* Ime česa je konec knjige. Ljubljana, 2016.

менного состояния издательского дела в Словении и его мотором. Согласно его наблюдениям, появление коммерчески успешных книжных проектов помимо эффективного маркетинга, рекламы, места книги в рейтинге и других внелитературных факторов имеет свои национальные особенности, связанные с ролью книги в духовном развитии словенской нации⁵. Так, устойчиво сохраняющийся спрос на поэтические сборники поддерживается, с одной стороны, известным стереотипом: «словенцы — нация поэтов», с другой — литературной и человеческой репутацией поэтов старшего поколения. Например, необыкновенно успешной стала в 2010-е гг. серия изданий поэтической четверки, дебютировавшей в начале 1950-х гг., своеобразных битлз словенской поэзии второй половины XX в.: Я. Менарта (1929–2004), Т. Павчека (1928–2011), К. Ковича (1931–2014) и Ц. Злобеца (1925–2018). Первым вышел посмертный сборник Павчека «Ангелы» (2012), ставший самой востребованной художественной книгой года⁶ — было продано свыше 20 тыс. экземпляров. Затем в аналогичном дизайне вышли «Лабрадор» (2014) Ковича, подготовленная Злобцем к своему 90-летию «Любовь» (2015) и «Последняя весна» (2016) Менарта, все они также пользовались высоким покупательским спросом. Традиционно коммерчески успешны и востребованы в словенском культурном пространстве биографии знаменитостей, причем в этом сегменте монография о Й. Б. Тито (Й. Пирьевец «Тито и товарищи», 2011) может соседствовать с историей жизни выдающегося национального спортсмена (С. Бандур, А. Жердин, М. Хочевар «Петер Превц»⁷, 2016). Особого внимания, по мнению Ругеля, заслуживают дебюты, часто паралитературные, представляющие или бумажное издание текстов из блогов, или документальный рассказ о преодолении автором различных жизненных трудностей. К первым относится книга блогера К. Кесара «Меня никто не поймет» (2014), куда вошла иллюстрированная подборка самых остроумных и злободневных его постов. Второй формат получил распространение среди авторов-женщин, как правило, профессиональных

5 *Rugelj S.* Slovenske knjižne uspešnice // *Sodobnost*. 2016. Let. 80. Št. 12. S. 1605.

6 URL: <https://old.delo.si/kultura/knjizevni-listi/angeli-toneta-pavcka.html> (дата обращения: 10.01.2021).

7 Петер Превц (род. 1992) — словенский прыгун с трамплина, двукратный призер зимних Олимпийских игр 2014 г., чемпион мира по полетам на лыжах (2016), обладатель Кубка мира по прыжкам на лыжах (2015/2016).

журналисток, в центре внимания которых оказываются личные проблемы, связанные со здоровьем (депрессия, анорексия, рассеянный склероз и пр.), актуальные в сегодняшнем обществе⁸.

До сих пор одним из самых коммерчески успешных художественных текстов второй половины XX в. в Словении считается роман Э. Флисара «Ученик чародея» (1986), за 30 лет переживший 9 переизданий (последнее в 2015 г.)⁹. Секрет такого читательского долголетия, на наш взгляд, связан с выигрышной комбинацией тематики и хронотопа, а также жанровым синкретизмом этого произведения. Соединение увлекательного травелога (паломничество героя по ламаистским монастырям Тибета) и интеллектуального повествования о поиске внутренней гармонии через знакомство с духовными практиками Востока вкупе с отличным слогом принесли свои плоды — популярность у читателей разных поколений и высокую оценку критиков¹⁰.

Попытку проверить алгеброй гармонию — вычислить параметры гипотетических бестселлеров с помощью компьютерной программы, распознающей определенные количественные характеристики текстов, т. е. предложить индексы, измеряющие «бестселлерный потенциал» книги, недавно предприняли американцы Дж. Арчер и М. Л. Джокерс в резонансной книге «Код бестселлера» (2016)¹¹. Вкратце их гипотеза такова: все бестселлеры характеризуются определенным набором латентных сигналов, неким тайным кодом, имеют столько скрытых общих черт, что фактически представляют собой отдельный жанр. При этом отклик читателя на литературный текст зависит от того, из каких слов состоит этот текст, в каком порядке они выстроены и как организованы в предложения. Самый примитивный пример: по подсчетам авторов, герои бестселлеров, по сравнению с героями коммерчески неудачных книг, «хотят» (чего-то или кого-то) в 2 раза чаще, «скучают и любят» — в 1,5 раза чаще, «испытывают неприязнь» — в 1,6 раза реже, «желают» — в 1,3 раза реже. Авторы утверждают, что если герой произведения «желает» (wish), а не «хочет» (need / want), то такая книга — однозначно бестселлером не станет.

8 Например, *Lorenčič D. Ana v meni* (2014), *Bakarič D. Na tesnobi* (2016), *Pešut B. Prvi polčas* (2016).

9 *Rugelj S. Slovenske knjižne uspešnice ... S. 1614.*

10 О романе подробнее см. в: *Словенская литература XX века / отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2014. С. 209–211.*

11 *Archer J., Jockers M. L. The Bestseller Code: Anatomy of the Blockbuster Novel. London: Penguin, 2016.*

Количественный подход при изучении успешного литературного текста, безусловно, может быть полезен, однако в «чистом» виде он, на наш взгляд, обесценивает ту иррациональную творческую составляющую, которая есть в любом качественном литературном произведении. Возможно, более продуктивно было бы взглянуть на коммерчески успешные произведения современной литературы с точки зрения проблематики и поэтики и попытаться определить, какие художественные характеристики могли в той или иной степени повлиять на читательское восприятие и судьбу тиража.

В качестве примера будут рассмотрены два словенских бестселлера последнего десятилетия: «Чефуры вон!» Г. Войновича (2008) и «Белое стирают при девяносто» (2018) Б. Жакель. Помимо коммерческого успеха эти романы имеют несколько общих референций: оба написаны дебютантами, не являвшимися профессиональными литераторами, оба удостоены премии «Кресник», присуждаемой газетой «Дело» за лучший роман года, оба вызвали в обществе дискуссию и дали обратную связь — бурный отклик читателей в социальных сетях.

Лидер продаж 2008 г. роман режиссера Г. Войновича (род. 1980) «Чефуры вон!»¹² затрагивает проблему национальных меньшинств, проживающих в Республике Словении. Благодаря переводам на хорватский, боснийский и сербский языки он имел резонанс не только в Словении, но и на территории всей бывшей Югославии, а также в Польше и Швеции. Согласно анализу данных электронного каталога COBISS, проведенному профессором Люблянского университета М. Хладником, в конце 2008 г. эта книга была самой востребованной в словенских библиотеках. В некоторой степени этому поспособствовал разразившийся после поступления новинки в книжные магазины публичный скандал: отдельные сцены романа словенская полиция расценила как оскорбление и обвинила автора в клевете. Возмущенная общественность, прежде всего литературная, встала на защиту Войновича, в итоге министр внутренних дел г-жа К. Кресал принесла ему публичные извинения.

Вопрос об этническом меньшинстве имеет для словенцев особый подтекст, связанный с перипетиями собственной исторической судьбы: на протяжении многих веков они сами были в роли зависимого национального меньшинства. После окончательного распада Югос-

12 См.: *Radetič A. Bralni okus Slovencev in njegove posledice // Vestnik za tuje jezike. 2010. № 1–2. S. 114.*

лавии процессы миграции резко интенсифицировались — жители беднейших республик и краев бывшей титовской империи начали искать прибежища в более развитых ее частях. В первые годы независимости число нелегальных иммигрантов в Словении резко увеличилось. Одними из самых активных переселенцев в новое относительно благополучное государство постъюгославского пространства в период балканского конфликта начала 1990-х стали жители Боснии. В середине 2000-х гг. в Словении остро встала проблема детей старшего поколения боснийских иммигрантов, которые, хотя выросли и учились в Словении, были кровно связаны с другим — балканским — менталитетом, языком и культурными приоритетами, поэтому не всегда «вписывались» в предлагаемую европейскую систему общественных координат и ценностей.

В словенском этимологическом словаре слово «чефур» с пометкой «презрительное» обозначает иммигранта из южных республик бывшей Югославии. В массовом сознании эти люди часто ассоциируются с криминальной маргинальной средой, коренные люблянцы не скрывают своих опасений относительно иммигрантов, видя прямую связь их присутствия в городе (и в стране в целом) с ростом преступности. Названием для романа послужило ксенофобское граффити люблянских улиц: «Šefurji raus!» — «Чефуры вон!». Произведение написано от лица семнадцатилетнего «чефура» Марко Джоржича, сына боснийских иммигрантов Радована и Ранки, обитающих в малогабаритной квартире многоэтажки люблянского района Фужины, и во многом основано на личном опыте Войновича. Герой с отвращением ходит в местную школу, тихо ненавидит постоянно ругающихся друг с другом родителей, болеет за каталонский футбольный клуб «Барселона» и общается с себе подобными — Ацо, Ади и Деяном — парнишками из неполных семей в тренировочных штанах и с бритыми затылками, у которых нет компьютеров, и поэтому они торчат на улице с пивом и наркотиками, грязно ругаются, задирают прохожих, пристают к девчонкам и больше всего боятся показаться кому-нибудь лохами. Они прекрасно понимают свою второсортность и самоутверждаются через вызывающее, наглое поведение: например, врубают кассету на полную катушку, когда едут на подержанном отцовском «мерине» допотопной модели по центру Любляны, чем доводят до истерики добропорядочных люблянских пешеходов. «Есть что-то кайфовое, когда вот так врубаешь музыку и едешь медленно на тачке с опущенными стеклами <...>. А самый большой кайф — смотреть, как народ вокруг офигевает. Ясно же: они б с удовольствием накостыляли нам

и заслали обратно в Боснию»¹³. С действительностью героя несколько примиряет баскетбол — он играет за клуб «Слован» (его отец уверен, что сын когда-нибудь будет играть в ЭнБиЭй). Но когда тренер, увидев Марко с сигаретой, не пускает его на тренировку, обиженный парень решает бросить баскетбол. И вот тут все идет наперекосяк: с горя он с друзьями напивается, они устраивают дебош в рейсовом автобусе, водитель которого — кстати, сам чефур — сдает несовершеннолетних хулиганов в полицейский участок, где стражи порядка их жестоко избивают. В отместку один из них — Ацо — выслеживает водителя и набрасывается на него, Марко оказывается свидетелем расправы. Пострадавший шофер в коме, и, опасаясь судебного разбирательства, Радован Джорджич отправляет сына к своим родителям в Боснию.

Роман написан как исповедь неприкаянного тинейджера, оказавшегося между двумя национальными культурами и столкнувшегося с проблемой выбора и поиска самоидентичности. Это, по сути, роман воспитания, в котором представлен процесс взросления современного подростка. В то же время произведение Войновича — своеобразный путеводитель по Фужинам, энциклопедия чефурской жизни в Словении, представленная через быт и нравы семьи Джорджич и других боснийских семей, оказавшихся заложниками последнего югославского конфликта. Герой критически относится и к словенцам, в которых ощущает скрытую враждебность и явное превосходство, и к землякам, с недетской наблюдательностью замечая их смешные, а иногда и постыдные стороны. Он остро чувствует свою второсортность, и защитной реакцией становятся агрессия, вызывающее поведение, алкоголь, оглушительные децибелы балканского турбо-фолка. «Свои» в Боснии добры и хлебосольны, искренни и жизнестойки: «...никто ни на что не жалуется, хотя у них там была война и всем досталось так, что мама не горюй, <...> все друг другу помогают, к любому можешь прийти в гости кофе попить без приглашения <...>»¹⁴. А в Словении «все только думают о своей заднице, чтобы у них всего было побольше: и тачка крутая, и хата в несколько этажей — и насрать им на братьев, сестер, дядьев, теток. Замкнутые все. Потому и несчастливые. Потому только и делают, что ноют»¹⁵. Столкновение сложившихся этнических стереотипов — австрийской законопослушности и конформизма сло-

13 *Войнович Г.* Чефуры вон! / пер. со словен. А. Красовец. СПб., 2014. С. 102.

14 Там же. С. 69.

15 Там же. С. 70.

венцев и взрывного балканского темперамента чефуров в жизни героя осложнено тем, что сам он ассимилирует обе идентичности. Марко постоянно приходится выбирать между Боснией и Словенией, между открытостью и коллективизмом ленивых и часто невежественных земляков — и трудолюбием и дисциплинированностью равнодушных и эгоистичных коренных жителей его новой родины.

Главный инструмент авторской поэтики — провокационность языка, важнейшая отличительная черта, как отмечает переводчица романа на русский язык А. Н. Красовец, — «двуязычие, построенное на постоянном переходе с одного славянского языка на другой, а также запечатленное в смешанных грамматических, синтаксических и лексических формах»¹⁶. Для аутентичной передачи речи персонажа Войнович использует не только словенскую лексику, но и социолект переселенцев, в котором причудливо переплетаются словарные пласты самых разных частей Югославии, молодежный сленг и общенизмы. Марко говорит так, как принято среди его земляков, для которых употребление непечатных оборотов естественно и не вульгарно, его язык эмоционален, остроумен, спонтанен, открыто выражает отношение повествователя к происходящему и несет в себе большой семантический потенциал. Дети переселенцев, родившиеся в Словении, — билингвы, и зачастую коверканье словенских слов и нарочитое использование словаря иммигрантов первого поколения — это вызов тем представителям коренного населения, которые смеются над акцентом и ошибками в речи их отцов. То есть именно живая речь со всеми ее вульгаризмами и бранью становится для молодежи способом самоутверждения, вызовом, брошенным социуму. Кстати, многие «чефурские» выражения уже внедрились в ткань разговорного языка Любляны. Опираясь на личный опыт, прозаик соединяет в поступках и речи своих чефурских персонажей комическое и трагическое, как «ценностное свойство конфликтных ситуаций»¹⁷, чтобы привлечь внимание к проблеме отношений между малыми и большими этносами в условиях глобализации.

На уровне содержания роман «Чефуры вон!» отличает острота, злободневность и конфликтность затронутой темы, универсальность

16 Красовец А. Н. Стратегия и проблемы перевода на русский язык романа Горана Войновича «Чефуры вон!» // *Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 2016. С. 142.

17 Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб., 1997. С. 168.

сфер проблематики — экзистенциальной (проблема «другого») и кросс-культурной (проблема самоидентификации), автобиографический дискурс. Тип повествования акториальный, рассказ ведется от первого лица («я»-форма), главным художественным средством является использование разных языковых и диалектных пластов и регистров современной разговорной речи, продуцирующих тип юмора героя-подростка. Для национального книжного рынка текст Войновича стал по-своему прецедентным — впервые произведение, публично «озвучившее» одну из самых неудобных проблем современного словенского общества, оказалось столь коммерчески успешным.

Роман «Белое стирают при девяносто», вышедший через десять лет после «Чефуров», — литературный дебют словенской журналистки и маркетолога Брони Жакель (род. 1969), он сразу принес автору широкую известность, читательский и коммерческий успех. В 2019 г. книга получила премию «Кресник», а сама Жакель была номинирована на премию «Мира», ежегодно присуждаемую лучшей женщине-литератору Словении. На данный момент общий тираж превысил 10 тыс. экземпляров и с 2018 до 2020 г. шесть раз допечатывался¹⁸. Текст первоначально писался «для себя», никаких литературных амбиций у его создательницы не было, а когда дело все-таки дошло до издания, несколько раз отвергался руководителями крупных издательств. Но неожиданно понравился главному редактору издательства «Белетрина» М. Чандеру и после положительной рецензии известного литературоведа, академика М. Кмечла был опубликован. В название вынесены последние слова, произнесенные перед смертью матерью писательницы Митой Жакель, умершей в 37 лет от рака, ее уход навсегда разделил жизнь четырнадцатилетней девочки на «до» и «после». Так же, на «до» и «после», разбит текст романа: его первая часть рассказывает о жизни героини до трагедии, вторая — о том, что происходило с ней потом. «До» была ежевечерняя веселая, шумная суматоха на маленькой прокуренной кухне в доме на Войковой улице в Любляне, ворчание бабушки Дады, возня с младшим братом Роком, несмолкающий радиоприемник, Олимпийские игры в Сараево по телевизору, чудесный отпуск на море в Хорватии и другие радости титовской Югославии рубежа 1970-х — 1980-х гг. «После» — тишина в квартире, тоска по умершей матери, потом собственное столкновение с болезнью (через несколько лет у Брони была диагностирована

18 См.: *Rupar P., Blatnik A., Kovač M., Rugelj S. Knjiga in bralci VI. Bralna kultura in nakupovanje knjig v Sloveniji v letu 2019...* S. 104.

лимфома Ходжкина), одиночество, страх смерти, тяжелое лечение, потеря брата (Рок в 19 лет разбился на склоне Триглава). Сюжет романа построен на воспоминаниях писательницы о своем детстве и юности, об отношениях и перипетиях внутри ее семьи, о чем она пишет в примечании к первой главе («Настоящий роман основан на автобиографических фактах, повествование беллетризировано. В процессе его создания автор опиралась на личные воспоминания, поэтому текст не всегда точно воспроизводит реальные события и поступки»¹⁹). История взросления героини, ее личный травматический опыт, борьба сначала с утратой, потом со смертельной болезнью рассказана непритязательным, порой упрощенным языком. Убедительность наррации придают аскетизм синтаксиса, повторы, изменение порядка слов, попытки ритмизации отдельных абзацев, включение в текст семейной переписки. Роман написан от первого лица, в настоящем времени, главная цель повествования — передать подлинность и остроту каждого пережитого героиней момента. В первой части у рассказчицы есть адресат — мать писательницы, к которой рассказчица обращается на «ты»: «10 марта у тебя день рождения»²⁰, «в субботу ты не можешь подняться»²¹, «ты лежишь, вытянувшись, под белой простыней, хрупкая и нежная»²². В основе авторского подхода лежит принцип максимальной откровенности, так, что некоторые подробности могут шокировать, вызвать у читающего отторжение, брезгливость, внутренний дискомфорт. Это касается не только натуралистичных описаний того, как протекала химиотерапия («...корчусь и блюю, блюю не останавливаясь. Сначала чипсами, потом чипсами и арахисом, потом только арахисом. Когда арахис заканчивается, блюю желтой пеной»²³), но и документальных деталей поведения самых близких людей. Отец Жакель был настолько сломлен болезнью и смертью жены, что отказался сопровождать дочь-тинейджера в клинику, быть рядом и поддерживать ее во время болезненных сеансов. «Папа тебя слишком любит, чтобы смотреть на это», — эту фразу, сказанную родной теткой по телефону, героиня повторяет палатной медсестре, отвечая на вопрос, почему на процедуры она пришла одна. «Медсестра удивляется, ведь с другими приходят мамы и жены или кто-то еще. Сидят с ними в оче-

19 *Žakelj B.* Belo se pere na devetdeset. Ljubljana, 2018. S. 7.

20 *Ibid.* S. 102.

21 *Ibid.* S. 108.

22 *Ibid.* S. 114.

23 *Ibid.* S. 168.

реди на анализ крови, потом во время прокапывания держат за руку. Выливают тазики со рвотой и кладут мокрые полотенца на горячие лбы. Утром складывают им одежду в сумки, а я сама засовываю свою в школьный рюкзак и шагаю на девятый автобус. Медсестра удивляется, а мне это кажется вполне нормальным. Просто это значит, что я ни на секунду не должна сдаваться, ни на секунду не должна терять надежды, должна надеяться изо всех сил»²⁴. Основанная на реальных событиях конкретная история борьбы за жизнь, физическую и психологическую, оказалась не менее востребована читающей публикой, чем произведение, построенное на «классическом» художественном вымысле, — Жакель начала получать множество откликов в соцсетях, причем не только от женщин, провела за прошедшие два года около пятидесяти читательских встреч в Словении и Италии, дала десятки интервью, выступала на радио и телевидении. В своих выступлениях и интервью она не раз касалась внезапного успеха своей книги. Вот некоторые выдержки:

«Мне всегда казалось, что автобиографию кого-то малоизвестного никто читать не захочет. Она никому не будет интересна, особенно если речь идет о раке, смерти, одиночестве. Но случилось совершенно обратное: людей привлекла исповедь кого-то с улицы, в субъективном рассказе о проблемах, который плохо вписывается в навязываемое нам “общество счастья”, о проблемах, которые могут коснуться каждого, они вдруг слышали искреннюю ноту. Столь живой отклик читателей меня удивил, удивило, что моя история так их тронула <...>. И я не скрываю, что это была моя аутопсихотерапия и что беллетризация памяти стала для меня действенным способом преодоления травмы» (газета «Дело», беседа с И. Братожем²⁵).

«После кончины о маме и ее смерти в семье не говорили. Понимаю, что родные хотели этим защитить нас с братом, думали, что так мы сможем быстрее забыть о потере. Но это не работает. Нужно разрешить себе скорбеть. Если после такой большой утраты, как потеря матери, избегать процесса переживания скорби, чувство тоски подступает еще сильнее и начинает хватать тебя за горло. От горя невозможно убежать, его нельзя перехитрить. Ты просто должен его пережить, т. е. прочувствовать, выразить и принять все эмоции, которые оно вызывает.

24 Ibid. S. 171.

25 URL: <https://www.delo.si/kultura/knjiga/bronja-zakelj-trudila-sem-se-priblizati-resnici-svoji-resnici/> (дата обращения: 10.01.2021).

Это непросто, и это не происходит в одночасье <...>. Мы живем в обществе, которое культивирует “миф о счастье” и всепроникающий позитивизм, кроме того, полагается быть здоровым, молодым, красивым, активным и эффективным. В этой системе координат нет места смерти и скорби. Угроза ухода из жизни находится где-то на периферии, те, кто с ней сталкиваются, как столкнулась я, остаются с ней один на один» (сетевое издание SiolNET, беседа с Н. Мревлье²⁶).

Беллетризация личной памяти получилась у Жакель пронзительно-субъективной и одновременно универсальной, поскольку в ее частной судьбе преломляются экзистенциальные и психологические проблемы, с которыми так или иначе в течение жизни сталкивается каждый: смерть, болезнь, одиночество, страх, скорбь, переживание утраты. Аутопсихотерапевтическая и эмпатическая составляющие авторской позиции дают читателю ключ к преодолению его собственных психологических травм. Основным средством художественного воздействия является протагонистический акториальный тип наррации, повествование в настоящем времени от первого лица («я»-форма) максимально приближает чувства героини к читателю. Авторский текст «интимно обращается к воспринимающему человеку, вступает с ним в личный контакт и взаимодействует с его неповторимым личным опытом»²⁷. Пережитые и отрефлексированные Жакель эмоции вступают в резонанс с читательским сознанием и субъективным восприятием и получают новое прочтение, в каждом конкретном случае индивидуализированное. И, конечно, многих читателей привлек не только исповедальный автобиографический сюжет, но и предлагаемый автором способ облегчить переживание личного травматического опыта с помощью выплеснутого на бумагу слова.

Романы Войновича и Жакель нельзя назвать ни «элитарными», «высокохудожественными», ни «массовыми», «развлекательными». Но сам факт, что каждый из них оказался в числе самых популярных изданий, самостоятельно выбранных покупателями на книжном рынке, дает представление о той реальной литературе, которая

26 URL: <https://siol.net/trendi/odnosi/kot-najstnica-je-zaradi-rakazgubila-mamo-nato-je-za-njim-dvakrat-zbolela-sama-intervju-480175> (дата обращения: 10.01.2021).

27 *Борев Ю. Б.* Художественные направления в искусстве XX в.: борьба реализма и модернизма. Киев, 1986. С. 33.

составляет содержание актуальной книжной культуры Словении, и показывает, какие изменения за десятилетие 2008–2018 претерпела система ценностей ее рядовых читателей, как постепенно их интерес к злободневным и резонансным проблемам текущей общественной жизни вытесняет потребность в эмпатии, желание найти в книге психологическое убежище.

Источники и литература

Борев Ю. Б. Художественные направления в искусстве XX в.: борьба реализма и модернизма. Киев: Мистецтво, 1986. 135 с.

Войнович Г. Чефуры вон! / пер. со словен. А. Красовец. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. 224 с.

Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997. 544 с.

Красовец А. Н. Стратегия и проблемы перевода на русский язык романа Горана Войновича «Чефуры вон!» // Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2016 («Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»). С. 142–153.

Словенская литература XX века / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индик, 2014. 325 с.

Archer J., Jockers M. L. The Bestseller Code: Anatomy of the Blockbuster Novel. London: Penguin, 2016. 238 p.

Kovač M., Gregorin R. Ime česa je konec knjige. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2016. 214 s.

Radetič A. Bralni okus Slovencev in njegove posledice // Vestnik za tuje jezike. 2010. № 1–2. S. 111–118.

Rugelj S. Krčenje: diktatura trga, erozija duha in slovensko knjižno založništvo 2008–2020. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2019. 205 s.

Rugelj S. Slovenske knjižne uspešnice // Sodobnost. 2016. Letnik 80. Št. 12. S. 1603–1614.

Rupar P., Blatnik A., Kovač M., Rugelj S. Knjiga in bralci VI. Bralna kultura in nakupovanje knjig v Sloveniji v letu 2019. Ljubljana: UMco, 2019. 228 s.

Šikonja K., Petek M. Branje sodobnih slovenskih romanov v izbranih enotah Mestne knjižnice Ljubljana // Knjižnica. 2015. Letnik 59. Št. 1–2. S. 37–51.

Žakej B. Belo se pere na devetdeset — 6. natis. Ljubljana: Beletrina, 2019. 268 s.

References

- Archer, J., Jockers, M. L. *The Bestseller Code: Anatomy of the Blockbuster Novel*. London: Penguin, 2016, 238 p.
- Borev, Iu. B. *Xudozhestvennye napravleniia v iskusstve XX v.: bor'ba realizma i modernizma*. Kyiv: Mistetstvo, 1986, 135 p.
- Kagan, M. S. *Ėstetika kak filosofskaia nauka*. Saint Petersburg: Petropolis, 1997, 544 p.
- Kovač, M., Gregorin, R. *Ime česa je konec knjige*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2016, 214 p.
- Krasovets, A. N. "Strategiia i problemy perevoda na ruskiĭ iazyk romana Gorana Voĭnovicha «Chefury von!»." *Xudozhestvennyĭ perevod i ego rol' v literaturnom protsesse Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*, ed. by I. E. Adelgeim, Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2016, pp. 142–153.
- Radetič, A. "Bralni okus Slovencev in njegove posledice." *Vestnik za tuje jezike*, no. 1–2, 2010, pp. 111–118.
- Rugelj, S. "Slovenske knjižne uspešnice." *Sodobnost*, vol. 80, no. 12, 2016, pp. 1603–1614.
- Rugelj, S. *Krčenje: diktatura trga, erozija duha in slovensko knjižno založništvo 2008–2020*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2019, 205 p.
- Rupar, P., Blatnik, A., Kovač, M., Rugelj, S. *Knjiga in bralci VI. Bralna kultura in nakupovanje knjig v Sloveniji v letu 2019*. Ljubljana: UMco, 2019, 228 p.
- Slovenskaia literatura XX veka*, ed. by N. N. Starikova. Moscow: Indrik, 2014, 325 p.
- Šikonja, K., Petek, M. "Branje sodobnih slovenskih romanov v izbranih enotah Mestne knjižnice Ljubljana." *Knjižnica 59*, no. 1–2, 2015, pp. 37–51.
- Vojnovich, G. *Chefury von!* transl. by A. Krasovets. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 2014, 224 p.
- Žakelj, B. *Belo se pere na devetdeset – 6. natis*. Ljubljana: Beletrina, 2019, 268 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.03

Starikova N. N.

How the "formula" of success has changed: Slovenian bestsellers of the 2010s. "Čefurji raus!" by G. Vojnović and "Belo se pere na devetdeset" by B. Žakelj

Nadezhda N. Starikova
 Doctor of Letters, head of the Department
 Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nstarikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1230-2244

Citation

Starikova N. N. How the “formula” of success has changed: Slovenian bestsellers of the 2010s. “Čefurji raus!” by G. Vojnović and “Belo se pere na devetdeset” by B. Žakelj // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 380–395 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.03

Received: 01.11.2020.

Abstract

In the article, in the context of the studying the problems of Slovenian book market and the sociology of “consumption” of book publications are presented two novels of the 2010s: “Čefurji raus!” (2008) by G. Vojnović and “Belo se pere na devetdeset” (2018) by B. Žakelj. Both have become sales leaders and received the status of national bestsellers. Their curriculum vitae are similar: both were the debut works of authors who were not professional writers, both received the Kresnik national literary prize for the best novel of the year and both caused a heated discussion on social networks. The commercial success of both books was not only related to effective marketing, advertising, place in the rating, taste stereotypes of literary critics and other extra-literary factors, but also to certain artistic references: this is the existential nature of the problematic, autobiographical discourse, the type of narration (“Ich”-form), the specificity of the chronotope. In the focus of Vojnović’s novel is the fate of national minorities in the post-Yugoslav space, told on behalf of a teenager. After the final collapse of Yugoslavia, the inhabitants of the poorest republics and regions of the former Tito empire began to seek refuge in Slovenia, by the mid-2000s there was in the republic an acute problem of interethnic contradictions associated with the younger generation of immigrants. Žakelj’s confession novel focuses on the tragic and dramatic twists and turns of her own life story and the author’s reflection on her experiences. A comparative analysis of the works gives an idea of how the system of values of ordinary Slovenian readers was transformed, how their interest in the resonant problems of modern life in the country was replaced by the need for empathy, the desire to find a psychological refuge in the book.

Keywords

Slovenian bestseller, actual book culture, book market, autobiographical discourse, existential problems.

«Лидеры продаж» или «книги-лауреаты»: вкусы и предпочтения словацкого читателя

Широкова Людмила Федоровна
Кандидат филологических наук
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: shirocco@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9368-9086

Цитирование

Широкова Л. Ф. «Лидеры продаж» или «книги-лауреаты»: вкусы и предпочтения словацкого читателя // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 396–406. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.04

Статья поступила в редакцию 25.12.2020.

Аннотация

Книжный рынок в Словакии весьма богат и разнообразен; здесь представлены произведения различных жанров и тематики, ориентированные на читателей с самыми разными вкусами. В статье рассматриваются подходы к оценке литературной продукции, с одной стороны, с точки зрения читающей публики, и с другой — членов жюри целого ряда литературных премий, ежегодно присуждаемых в стране. Крупнейшие словацкие издательства и книжные магазины проводят мониторинг, постоянно обновляя свои данные о книгах — лидерах продаж. К числу бестселлеров относятся, как правило, произведения популярных жанров, в их числе — детектив, женский роман, политический триллер, роман с элементами мистики. Иные критерии выдвигают жюри престижных литературных конкурсов, прежде всего — премии «Анасофт литера» за лучшее оригинальное прозаическое литературное произведение на словацком языке. Более подробно в статье рассматриваются книги-победители последних лет. Это роман Ondreja Штефаника «Я — Паула» (2016), сборник рассказов Ивана Медеши «Поедание» (2018), роман Яны Сабуховой «Шептуньи» (2019), роман Этелы Фаркашовой «Сценарий» (2017), имевший благодаря своим высоким художественным достоинствам и гуманистической направленности большой успех и у критики, и у читателей.

Ключевые слова

Словацкая литература, книжный рынок, популярные жанры, литературные премии, автор и герой.

Говоря об оценках и рейтингах, встречающихся на просторах словацкого книжного рынка, нужно различать два их аспекта: речь идет о предпочтениях «массового» читателя и о суждениях намного более узкого круга членов жюри разного рода литературных конкурсов, ежегодно оценивающих новейшую литературную продукцию. Наряду с очевидной разнонаправленностью интересов этих групп, можно наблюдать и ряд некоторых совпадений.

Данные о лидерах продаж приводят крупнейшие издательства и сетевые книжные магазины. В списках бестселлеров, на верхних строчках, стоят книги популярных жанров — пособия по фитнесу, ЗОЖ, кулинарии, детективы, женские романы, политические триллеры, романы с элементами мистики. Среди их авторов нередко из года в год повторяются одни и те же имена.

Так, книжный магазин «Мартинус» публикует на своем сайте список «ТОП 100» наиболее продаваемых изданий; к концу 2020 г. выстроился следующий рейтинг по числу продаж¹.

На первой строчке появился новый детективный роман Доминика Дана «В тени», второй из опубликованных автором в 2020 г. В первой десятке остается и предыдущий его роман, «Клубок змей», 30-я книга автора детективов, который выступает под псевдонимом Доминик Дан и позиционирует себя как бывшего сотрудника криминальной полиции. О нем достоверно ничего не известно, даже настоящее имя и год рождения, при этом на протяжении почти пятнадцати лет он ежегодно публикует по две книги («для летнего и для зимнего чтения»), общий их тираж превысил 1000000 экземпляров. В его детективах действуют повторяющиеся персонажи, с регулярностью в два-три года он возвращается и к сюжетам прежних книг, дополняя и развивая их. Доминик Дан имеет своих многочисленных почитателей и считается мастером детективного жанра.

На втором месте в рейтинге сети «Мартинус» — книга журналиста Марека Ваговича «Собственной головой — 2 (Как при Фицо²

1 Обновляемый список книг-лидеров по продажам: URL: <https://www.martinus.sk/knihy/najpredavanejsie> (дата обращения: 22.12.2020).

2 Роберт Фицо (р. 1964) — один из ведущих современных словацких политиков, премьер-министр Словакии в 2006–2010 и 2012–2018 гг.

государство захватила мафия)» (2020), очередное политическое расследование, касающееся темных закулисных дел руководства политической партии «Направление СД». Предыдущая книга Ваговича со схожим названием, «Собственной головой (Как Фицо продал страну олигархам)» (2016), заняла 3-е место, вновь вызвав к себе интерес благодаря продолжению серии.

С ним соседствует в рейтинге книга-разоблачение Мирослава Бемлавого «Новая шляхта (Политические шишки от Мечьяра³ до Матовича⁴)». Далее следует мистический триллер автора исторических романов-эпопей Йозефа Карики «Смерч».

В верхних строках рейтинга традиционно занимает почетное место женский роман, а конкретно — 38-й по счету роман Тани Келеовой-Василковой «Жены спустя годы». Это лидер в своем жанре, она публикует романы с конца 1990-х по два, иногда по три в год и неизменно становится победительницей в номинации «Платиновая книга года» издательства «Икар» (25 000 проданных экземпляров) или «Золотая книга» (15 000 экземпляров). В числе ее романов — «Лекарство от печали», «Ароматы жизни», «Мои рецепты», «Зеркало» и др., где она изображает повседневную семейную жизнь современной женщины с проблемами, драмами и непременным хэппи-эндом. У писательницы есть свой сайт в Интернете (www.tanavasilkova.sk) с рубриками «Новости», «Мои книги», «Обо мне», «Дискуссии», «Галерея». Из рубрики «Новости»: «Таня Келеова-Василкова снова платиновая. В Словакии у нее просто нет конкурентов. Первой среди словацких писательниц она достигла в 2012 г. миллиона проданных книг и остается в числе самых востребованных авторов. Это подтвердилось и на торжественном вручении престижных премий крупнейшего издательства “Икар”. Таня, как и каждый год, получила там Платиновую книгу!»⁵. У ее романов масса поклонниц; правда, в отзывах читательниц можно найти разные оценки — от восторга: «Всю ночь не могла оторваться, после прочтения такое приятное чувство на душе»; «Хорошо почитать что-то такое, лайт»; «Я хорошо отдохнула за этим чтением» до критики и иронии:

3 Владимир Мечьяр (р. 1942) — словацкий политический деятель, в 1990-е гг. дважды занимал пост премьер-министра СР.

4 Игор Матович (р. 1973) — лидер словацкой политической партии «Обычные люди и независимые личности», возглавил коалиционное правительство после парламентских выборов 2020 г.

5 URL: <https://www.bux.sk/autori/31576-tana-keleova-vasilkova.html> (дата обращения: 08.11.2020).

«Дочитала роман только до 45-й страницы»; «Книга не удивила, все одно и то же»; «Разве люди так разговаривают?»⁶.

За Т. Келеовой-Василковой следует еще один обладатель «Платиновых» и «Золотых» книг издательства «Икар» Йозеф Банаш с мистическим романом-травелогом «Великолепная смерть на Алтае»; ранее он выпустил политические триллеры «Идиоты в политике», «Остановите Дубчека!», «Зона энтузиазма» и ряд травелогов, описывающих приключения в Тибете, Непале, Кашмире с элементами мистики («Код 1», «Код 7», «Код 9»), что дало основание для сравнения его с Дэном Брауном.

Издательство и книжный магазин «Артфорум», ориентирующиеся на интеллектуального, требовательного читателя, предлагают совсем иной список своих наиболее продаваемых книг; в их числе и переводные произведения.

На 1-м месте стоит перевод книги Ольги Токарчук «Потерянная душа» с аутентичными иллюстрациями польского издания, за ней следует книга практических советов психолога Мартины Вагачовой «Как пережить свое родительство» о налаживании позитивных и уважительных отношений между родителями и детьми. Третье место — за книгой — лауреатом престижных литературных премий 2020 г., романом Алены Сабуховой «Шептуньи» о народных целительницах из сел польско-белорусского пограничья. На 4-м месте — вышедший в словацком переводе роман Милана Кундеры «Торжество незначительности» (2013), и на 5-м — автобиографическая книга писателя и публициста Мартина Милана Шимечки «Физическое воспитание» с повествованием о времени, проведенном на карантине в одинокой избушке в словацкой глубинке, о своих размышлениях и о постоянной физической работе, движении, беге, ведущих к совершенствованию тела и духа.

Переходя к книгам, получившим высокую оценку профессионалов, и в итоге — литературную премию, надо заметить, что в Словакии ежегодно присуждается целый ряд таких премий по разным номинациям и от разных организаций и фондов.

В их числе — премия Яна Йоганидеса⁷, присуждаемая (с 2010 г.) «авторам, которые в своих произведениях развивают тради-

6 URL: <https://www.martinus.sk/authors/tana-keleova-vasilkova> (дата обращения: 08.11.2020).

7 Ян Йоганидес (1934–2008) — словацкий прозаик и эссеист, автор ряда романов и сборников новелл. Принадлежал к поколению словацких писателей-«шестидесятников».

ции его творчества и способствуют успеху современной словацкой литературы»⁸ (лауреаты за 2020 г. — Ю. Биндзар и А. Сабухова), премии Литературного фонда в области поэзии, прозы и драматургии (лауреатами в 2020 г. стали Э. Ондрейчико, Э. Фаркашова и С. Штепка), за оригинальное произведение словацкой литературы (Я. Швантнер), в категории «Литературоведение и эссеистика» (Д. Гайко) и др.

Самая престижная словацкая литературная премия — «Анасофт литерера», присуждаемая при участии спонсора, IT компании «Анасофт», за лучшее оригинальное прозаическое литературное произведение на словацком языке (с 2006 г.). В ежегодно обновляемый состав жюри конкурса входят известные писатели, критики, литературоведы. В первом туре жюри отбирает из всего огромного количества вышедших за год в Словакии книг десять лучших, которые получают статус «финалист литературной премии Анасофт литерера». Во втором туре жюри проводит голосование только по тем произведениям, которые были номинированы в первом туре, и объявляет победителя.

Наряду с основной, ежегодно присуждается еще две премии. Читатели могут проголосовать на сайте «Анасофт литерера» и выбрать лауреата «Приза читателей». В 2017 г. была учреждена и премия «Анасофт литерера гимназистов» — «Приз Рене» (в названии — аллюзия на роман Йозефа Игнаца Байзы «Юноши Рене приключения и испытания», 1785 г.). Кроме того, с 2012 года реализуется проект «Живой бич» (аллюзия на одноименный роман словацкого писателя Мило Урбана, 1927 г.), нацеленный на проведение в библиотеках, средних и высших учебных заведениях Словакии встреч с получившими премию авторами.

За всю историю «Анасофт литерера» наибольшего признания добились Павел Виликовский (две премии, за 2006 и 2014 гг., и восемь номинаций в первую десятку) и Вероника Шиколова (премия 2015 г. и три номинации). В последние годы победителями конкурса становились Ондрей Штефаник (роман «Я — Паула», 2016), Этела Фаркашова (роман «Сценарий», 2017), Иван Медеша (сборник рассказов «Поедание», 2018), Яна Сабухова (роман «Шептуньи», 2019). Остановимся на них подробнее.

Роман О. Штефаника (р. 1978) основан на параллельном развитии двух линий сюжета в чередующихся главах под названиями «Паула» и «Писатель». Повествование ведется попеременно то от лица моло-

8 Cena Jána Johanidesa — O ocenení // Literárne informačné centrum. URL: litcentrum.sk (дата обращения: 22.12.2020).

дой, внешне успешной в карьере и семейной жизни журналистки Паулы, то от лица безымянного мужчины средних лет, также преуспевающего сотрудника пиар-агентства, называемого в книге «писатель». Персонажи показаны в процессе нарастания внутреннего кризиса, связанного с усталостью от офисной рутины, от формализованных отношений в семье и давних детских травм, от эмоционального выгорания и опустошения. Повторяющийся мотив в романе — общение героев через социальные сети, электронную почту, погружение в гаджеты как способ спрятаться от проблем. Герой, переживая психологический и творческий кризис, ощущает себя сломанным компьютером: «Моя голова была словно неисправный процессор, неспособный к обработке данных»⁹. В определенной точке фабульные линии героев, наконец, пересекаются, однако ожидаемого взаимного обновления не получается, отрицательная энергия каждого еще более нарастает, не давая перспективы благополучного исхода.

Иван Медеши (р. 1982) — молодой писатель из сербской Воеводины, который пишет на местном варианте русинского языка (“bačvańsko-ruska bešeda”). Его книгу перевели на словацкий язык и опубликовали в восточнословацком культурном объединении «Валал». «Поедание» — это сборник из шести новелл, повествующих о бедной и неустроенной жизни молодых обитателей воеводинской глубинки; только в одной, титульной новелле события разворачиваются на фоне города. Ее героиня — студентка Жермен из Нового Сада, юная наркоманка, которая в состоянии ломки и депрессии устремляется по улицам города в поисках дозы героина; при этом в динамичном повествовании мелькают пестрые картины и сценки, звучат «балканская духовая музыка, сигналы подержанных шикарных “мерседесов” <...>, брань, звон разбитых бутылок и снова — вездесущие тромбоны»¹⁰.

«Шептуньи» — первый роман начинающей писательницы и сценаристки А. Сабуховой (р. 1989). Взросление героинь проходит в живописной и таинственной среде польско-белорусского пограничья, где сильны традиции народного целительства. Практикующие его женщины-шептуньи пользуются непререкаемым авторитетом сельчан, заговаривают боль, ворожат, оказывают помощь в бытовых и семейных неурядицах: «Которая-то из шептуний дала совет, как решить спор за

9 Štefánik O. Som Paula. Bratislava, 2017. S. 67.

10 Medeši I. Jedenie / preklad M. Volovár. Petrikovce, 2018. S. 214.

наследство между родней»¹¹. Созданию особой магической атмосферы происходящего, когда фантазия взаимодействует с действительностью, способствует и стилистическое мастерство автора в использовании образных и речевых характеристик. Кроме премии «Анасофт литера», за этот роман А. Сабухова была удостоена и специальная премия Яна Йоганидеса в категории прозы писателей до 35 лет.

Более детального рассмотрения заслуживает роман Э. Фаркашовой (р. 1943) «Сценарий», который не только получил престижную литературную премию, но и имел большой читательский успех. О высоком интересе к роману говорит и тот факт, что через два года вышло его второе издание. Помимо романа, в него вошли и связанные с ним тематически и идейно эссе, в которых автор размышляет о проблемах образного восприятия музыки, о процессах взаимодействия писателя со своим героем, о роли второстепенных персонажей в литературном произведении и др. В книге, таким образом, более широко представлен круг интересов Э. Фаркашовой, поскольку наряду с литературным творчеством она занимается научными исследованиями, возглавляет кафедру философии Братиславского университета, руководит созданным ею Кабинетом гендерных исследований.

«Сценарий» — объемный роман о семейной паре словацких интеллигентов, которые столкнулись на закате жизни с проблемами взаимоотношений со взрослыми детьми, потери прежних социальных позиций в чуждых для них условиях гонки за материальными ценностями. Выход они видят в обращении к духовному, к классической музыке, к своей годами собиравшейся коллекции пластинок, на основе которой они пишут своеобразный сценарий музыкальной композиции для собственных похорон.

Повествование от третьего лица идет нарочито неспешно, подробности событий, характеристики персонажей, детали их жизни и даже имена раскрываются исподволь и постепенно. Происходящее передается через восприятие центральной героини Катарины, наделенной автором рядом автобиографических черт: солидным возрастом (за 70 лет), профессиональными занятиями — героиня долгое время преподавала в университете, а на пенсии занимается литературным трудом — переводом художественной литературы. В этом персонаже представлена одна из главных тем романа — тема самовыражения духовной личности, требующей глубины и неспешности в своей творческой работе. Катарина старается убедить редактора издательства в

11 Sabuchová A. Šeptúchy. Bratislava, 2019. S. 151.

необходимости публиковать не только развлекательную, но и интеллектуально более сложную литературу, несмотря на сиюминутные выгоды и затраты труда: «В издательстве сказали, что в хорошем переводе должен быть драйв — слово, которое ее раздражает <...>, у кого есть драйв, тот победит в конкурентной борьбе, а она все более жесткая <...>, факультеты извергают сотни и сотни переводчиков, ловких, гибких, способных сделать перевод толстого романа за половину, даже за треть того времени, что было бы нужно ей <...>, о каком индивидуальном стиле вообще можно говорить при такой супербыстрой работе»¹².

Э. Фаркашова не идеализирует свою героиню — она порой излишне требовательна к близким и к себе, часто спорит, кричит, настаивая на своем. Остальные персонажи представлены через ее восприятие: муж — ученый-микробиолог, вынужденный распрощаться с любимой работой, сыновья, разлетевшиеся из родного гнезда, подрастающий вдаль от нее внук, подруги с их традиционными встречами в кафе, а в воспоминаниях — ушедшие родители.

Сюжет романа построен на переплетении повседневных будничных событий в жизни героини (перевод книги, уборка в старом доме, работа в саду, разговоры с мужем и проч.) с ее внутренними переживаниями, рефлексией, возвращением в прошлое, часто связанными с музыкой. Прослушивание старых записей стало для Катарины и ее мужа способом восстановления собственной биографии, почти забытых моментов прежней жизни: «Воспоминания оживают, с каждым произведением связано что-то конкретное, помнишь, как мы покупали эту пластинку в Лейпциге, в Будапеште, в Праге, в Саламанке, в Тбилиси... Каждая из них вызывает в памяти какой-нибудь эпизод, всю жизнь можно было бы пересказать через музыку»; «Они придумали для себя особую игру, в которой пытались уловить следы соприкосновения музыки с самыми значимыми местами в их жизни, с тогдашними своими переживаниями»¹³.

На фоне кажущейся упорядоченности и благополучия все сильнее звучит тема неизбежности старения и потерь — это касается и разрушающегося семейного, родового гнезда, дома, где выросло и сменилось несколько поколений, и заросшего бурьяном сада, где играла в детстве Катарина, и состояния самих героев. Кроме уже привычной рассеянности и заторможенности, Катарина замечает за собой и

12 *Farkašová E.* Scenár. Uvidieť hudbu. Bratislava, 2019. S. 129.

13 *Ibid.* S. 30, 290.

тревожащие ее приступы «раздвоенности», когда в моменты нервного напряжения она словно становится бесстрастным наблюдателем событий, видя себя со стороны: «Все чаще ее охватывает чувство, будто она смотрит на себя издалека и отделяет друг от друга эти две личности, смотрящую и ту, на которую устремлен ее упорный взгляд, будто она ускользает из собственной жизни»¹⁴.

Финал романа, тем не менее, дает героям некую духовную перспективу. После одинокого рождественского ужина, за которым впервые не собралась вся семья, героиня снова слушает любимую музыку, и Катарина впервые «видит» ее, «ощущает прикосновения мягких лучей, которые зажигают в ней ее собственный внутренний свет»¹⁵.

В рецензии на первое издание романа «Сценарий» критик, указывая на «важность его проблематики в моральном и этическом плане», апеллирует к «внимательному читателю, который сможет соединить отдельные уровни столь тонко выстроенного сюжета, затрагивающего проблемы поколений и проникнутого глубокими рассуждениями о музыке; после прочтения этой замечательной книги он будет до краев наполнен ее богатым гуманистическим посланием»¹⁶.

Возвращаясь от слов о «внимательном читателе» к высказанному ранее замечанию о некоторых совпадениях читательских предпочтений и высоких оценок жюри литературных премий, укажу на наиболее очевидные: их можно обнаружить в результатах читательских опросов в словацких средствах массовой информации, в том числе в литературной периодике, в читательских комментариях на сайтах и форумах, а также в упомянутой форме открытого голосования за «Приз читателей»; решающую роль чаще всего играет художественный уровень произведения, хотя в ряде случаев это и неочевидно.

Источники и литература

Farkašová E. Scenár. Uvidieť hudbu. Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov. 2019. 432 s.

Košková H. Etela Farkašová. Scenár // Slovenské pohľady. 2018. № 5. S. 120.

14 Ibid. S. 103.

15 Ibid. S. 341.

16 *Košková H.* Etela Farkašová. Scenár // Slovenské pohľady. 2018. № 5. S. 120.

- Medeši I. Jedenie* / [z rukopisu v jazyku vojvodinských Rusnákov] preložil M. Volovár. Petrikovce: Valal, 2018. 224 s.
Sabuchová A. Šeptúchy. Bratislava: Artforum, 2019. 192 s.
Štefánik O. Som Paula. Bratislava: Tatran, 2017. 260 s.

References

- Farkašová, E. *Scenár. Uvidieť hudbu*. Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, 2019, 432 p.
Košková, H. “Etela Farkašová. Scenár.” *Slovenské pohľady*, no. 5, 2018, p. 120.
Medeši, I. *Jedenie*. Translated by M. Volovár, Petrikovce: Valal, 2018, 224 p.
Sabuchová, A. *Šeptúchy*. Bratislava: Artforum, 2019, 192 p.
Štefánik, O. *Som Paula*. Bratislava: Tatran, 2017, 260 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.04

Shirokova L. F.

“Sales leaders” or “prize-winning books”: tastes and preferences of the Slovak reader

Liudmila F. Shirokova

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: shirocco@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9368-9086

Citation

Shirokova L. F. “Sales leaders” or “prize-winning books”: tastes and preferences of the Slovak reader // *Slavic Almanac*. 2021. № 1–2. P. 396–406 (In Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.04

Received: 25.12.2020.

Abstract

The book market in Slovakia is very rich and diverse; it presents works of various genres and themes, aimed at readers with a variety of tastes. The article discusses approaches to the evaluation of literary products, on the one hand, from the point of view of the reading public, and, on the other hand, the members of the juries of a number of literary prizes

awarded annually in the country. The largest Slovak publishing houses and bookstores conduct monitoring, constantly updating their data on the best-selling books. Among the bestsellers are, as a rule, works of popular genres, including detective stories, women's novels, political thrillers, novels with elements of mysticism. Other criteria are put forward by the jury of prestigious literary competitions, first of all, the Anasoft Litera Award for the best original prose literary work in the Slovak language. In more detail, the article discusses the books of the winners in the recent years. These are Ondrej Štefánik (the novel "I am Paula", 2016), Ivan Medeši (the collection of short stories "Eating", 2018), Jana Sabuchová (the novel "Whisperers", 2019). Etela Farkašová's novel "The Script" (2017), due to its high artistic merits and humanistic orientation, was a great success with both critics and readers.

Keywords

Slovak literature, book market, popular genres, literary awards, the author and the hero.

**Травелог второй степени:
«Письма из Норвегии» Исидоры Секулич
как претекст книги о Норвегии Виды Огненович**

Бодрова Анна Геннадьевна
Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Российская
Федерация
E-mail: bodrann@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8625-6589

Цитирование

Бодрова А. Г. Травелог второй степени: «Письма из Норвегии» Исидоры Секулич как претекст книги о Норвегии Виды Огненович // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 407–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.05

Статья поступила в редакцию 03.11.2020.

Аннотация

Произведение сербской писательницы Виды Огненович «Путешествие в травелог» (2004) посвящено ее пребыванию в Норвегии и восприятию этой страны сквозь призму известного в сербской литературе травелога «Письма из Норвегии» (1914) Исидоры Секулич. Текст Огненович содержит не только впечатления о жизни в Норвегии, но и рефлексию о жанре травелога, о тексте предшественницы и полемике, которую вызвало произведение Секулич. В рамках сербской литературы «Письма из Норвегии» стали гипотекстом для восприятия норвежской культуры. Помимо обширного метатекстуального пласта в произведении Огненович содержатся «Письма Исидоре Секулич из Норвегии», в которых автор в эпистолярной форме обращается к своей предшественнице и рассказывает ей о предпринятой поездке по Норвегии, — Огненович, подробно изучив норвежский маршрут Секулич, решила его повторить и поделиться с воображаемой Секулич своими впечатлениями. Гипертекст Огненович предлагает не только новое прочтение травелога Секулич, ставшего настольной книгой сербских эмигрантов в Норвегии, но и

содержит смелое предположение, что «Письма» Секулич были адресованы знаменитому критику Йовану Скерличу, который позже назовет писательницу «скандинавствующей», осудит за отсутствие патриотизма. Травелог Огненович с его интенсивными интертекстуальными связями и элементами палимпсеста имеет ярко выраженные черты постмодернистского текста, однако полностью не вписывается в парадигму постмодернизма, занимая пограничное положение между почитанием Логоса, авторитета и постмодернистской иронией.

Ключевые слова

Исидора Секулич, Вида Огненович, сербская литература, травелог, интертекстуальность, гипертекст, постмодернизм.

Как явствует из названия, в статье речь идет о двух сербских писательницах и их текстах о Норвегии, в частности о приеме художественной реинкарнации (ХудРеи) — «превращении известной личности <...> в виртуальную», например, известного писателя в персонажа литературного произведения. Понятие ХудРеи используется вслед за Бранко Тошовичем, выделявшим три типа транспозиции: «транспозиция личности писателя, транспозиция его персонажей, транспозиция его мотивов»¹.

Вида Огненович (Огњеновић, р. 1941) в произведении «Путешествие в травелог» («Путовање у путопис», 2004) буквально воскрешает известную сербскую писательницу первой половины XX в. Исидору Секулич (Секулић, 1877–1958) и ее травелог «Письма из Норвегии» («Писма из Норвешке», 1914), ставший каноническим для сербской национальной литературы. «Путешествие в травелог» содержит впечатления о жизни автора в Норвегии — Огненович с 2001 по 2005 г. была послом Югославии в Осло. Ее восприятие Норвегии можно назвать литературоцентричным, т. е. опосредованным литературой. С одной стороны, она упоминает норвежских писателей (Г. А. Вергеланна, К. Гамсуна, Г. Ибсена, Т. Весоса и др.); к такому приему прибегает в своем травелогe и Секулич². С другой стороны, основным мотивом

1 Тошович Б. Художественная реинкарнация // Актуальные проблемы стилистики. М., 2016. Вып. 2. С. 160.

2 Более подробно об этом см.: Бодрова А. Г. «Письма из Норвегии» Исидоры Секулич // Славяне в неславянских странах. СПб., 2011. Вып. 2. С. 39–46.

текста Огненович становятся «Письма из Норвегии» Исидоры Секулич и их рецепция в сербской культуре.

Повествование начинается с подготовки к путешествию — Вида Огненович завершает свои дела в Белграде, работает над постановкой спектакля «Милева Эйнштейн» в Национальном театре, собирает информацию о Норвегии, изучает язык, читает норвежские сказки. Именно когда речь заходит о народном творчестве норвежцев, об их верованиях в лесных духов и троллей, в тексте впервые упоминается имя Исидоры: «Я вспоминаю, как Исидора в своих письмах описывала их (норвежцев. — А. Б.) верование, что гномы холодными ночами приходят переночевать в хлев <...> и своим дыханием согревают скот»³. Неслучайно писательница вводит в повествование Исидору Секулич в эпизоде, посвященном народным преданиям, которые, по мнению Огненович, лучше справочников могут подготовить к поездке по Норвегии. Ведь теме легенд и суеверий посвящены многие страницы текста Секулич — так, уже на первых страницах «Писем из Норвегии» пересказывается сюжет о рождении изо льда великана Имира, из тела которого в дальнейшем был сотворен весь мир (например, из его костей были созданы горы и камни). Секулич в духе скандинавской мифологии пишет о камнях как о застывших великанах. В тексте Огненович Исидора с каждой страницей все больше оживает. Автор подчеркивает, что идея повторить маршрут Исидоры Секулич была подсказана ей коллегами-журналистами. Данный сюжетный ход иллюстрирует активное присутствие «Писем из Норвегии» Секулич в сербском культурном поле. Получается, что при упоминании поездки по Норвегии у образованных сербов возникает ассоциация с текстом Исидоры. Также это произведение стало настольной книгой сербских эмигрантов в Норвегии, в 1990-е гг. массово покидавших Югославию, охваченную войной. «Письма из Норвегии» в рамках сербской культуры стали гипотекстом для восприятия норвежской культуры.

В тексте Огненович имеет место обширный метатекстуальный пласт. Во-первых, это рефлексия о путешествии и жанре травелога. По мнению писательницы, путешествие связано со смертью, с переходом из одного состояния в другое. К жанру травелога Огненович относится скептически. Она приводит афоризм Р. У. Эмерсона, который считал, что от себя не убежишь, поэтому назвал путешествие «раем для дураков»⁴. Писательница вспоминает и о своих детских

3 *Ognjenović V. Putovanje u putopis. Zrenjanin, 2004. S. 25.*

4 *Ibid. S. 28.*

травмах — как ее в школе заставляли писать сочинения о поездках за город, а также упрекает авторов травелогов в описательности и отсутствии фантазии. Данное мнение напоминает о полемике вокруг любого жанра, находящегося на границе документа и фикции. Является ли травелог художественной литературой и где границы этой художественности? Данный вопрос может стать отдельной темой для обсуждения. Редкие травелоги, которые ценит Огненович, это те произведения, которые она читает как фикциональную прозу. Она приводит имена некоторых писателей и их, по ее мнению, шедевры: Патрик Ли Феймор («Время даров — пешком до Константинополя», 1977, «Между лесом и водой», 1986), Брюс Чатвин («В Патагонии», 1977), Джен Моррис («Сидней», 1992), Ивлин Во (ранние травелоги, например «Девяносто два дня», 1934). В этом ряду появляются «Письма из Норвегии» И. Секулич.

Далее Огненович продолжает свое «путешествие» по тексту Секулич, делится с читателем историей своих взаимоотношений с этим травелогом. Огненович заинтересовалась творчеством Исидоры, еще будучи ученицей гимназии. Однако ее привлекла не столько книга, сколько связанный с ней литературный скандал: знаменитый сербский критик Йован Скерлич неодобрительно отозвался о «Письмах из Норвегии», обвинил Секулич в отсутствии патриотизма и сказал, что у некоторых «скандинавствующих» «туман в голове, туман в выражениях»⁵. Огненович признается, что хотела выяснить, что же так не понравилось Скерличу в этой книге. Именно конфликт со Скерличем больше всего занимал как саму Виду Огненович, так и других начинающих литераторов ее круга. Сам же текст травелога Виду Огненович не впечатлил. Писательница признается, что она без сожаления пропускала описания норвежской природы, которые считала «скучным мудрствованием». Огненович объясняет это тем, что тогда еще не доросла до текста Исидоры⁶. Позже писательница вновь обратилась к сюжету «Скерлич — Секулич» в качестве режиссера драмы «Как далеко от человека до человека» (премьера состоялась в белградском театре «Ателье 212» в 1979 г.). По мнению Огненович, реакция Секулич на несколько критических замечаний Скерлича парадоксальна — ее удивляет, что известная писательница долго не могла забыть нанесенную ей обиду. 25 лет спустя после выхода книги, в предисловии ко второму изданию «Писем из Норвегии» (1951), Се-

5 Секулич И. Сабрана дела. Књига прва. Београд, 1961. С. 147.

6 Ognjenović V. Putovanje ... S. 47.

кулич в ответ на критику Скерлича пишет несколько страниц в свою защиту. Она пытается объяснить, что путешествие по Норвегии, как и другие путешествия, а также чтение книг, были для нее проявлением космополитизма.

Примечательно, что в «Письмах» используется обращение во втором лице единственного числа. Секулич, вспоминая, как выглядят осенью разные города Европы (Осло, Париж, Лондон), переносится мыслями в Сербию, в Белград, и обращается к адресату: «И я знаю. О! Лучше всего я знаю, как у тебя. В два часа после полудня, греет солнце в Топчидере, медленно и долго падает лист за листом у платанов, и нигде никого нет?..»⁷ Упоминание белградского парка указывает читателю на конкретные географические координаты. Обращение Секулич к какому-то человеку, живущему в Белграде, позволило Огненович сделать смелое предположение, что «Письма» были адресованы именно Скерличу, эрудированному критику, одобрение которого было так важно для начинающей писательницы. Он же, по мнению писательницы, книгу Секулич даже не прочел.

Вида Огненович «воскрешает» не только биографию Секулич, но и ее восприятие норвежской жизни. Так, гуляя по Осло, Огненович вспоминает сцену из «Писем» Исидоры, в которой описаны жители, ловко и задорно перемещающиеся на маленьких санках. Она подтверждает и высказанную Секулич мысль о необычайной музыкальности норвежцев — «в этой стране большинство людей играет и поет лучше, чем у нас меньшинство», — цитирует Огненович Секулич⁸. Она признается: «Мне казалось, что каждый мой скандинавский знакомый вышел из Исидориных описаний, несмотря на столетие, разделяющее моих и ее норвежских знакомых»⁹.

«Путешествие в травелог» продолжается рассказом о том, как Огненович, уже находясь в Норвегии, в третий раз читает книгу Секулич (ее 3-е издание) — книга попадает к ней в руки удивительным образом. Перед отъездом в Осло писательнице не удалось перечитать «Письма из Норвегии». Уже в Норвегии Огненович, занимавшаяся устройством сербского культурного центра в Осло, регулярно получает из Сербии посылки с книгами. И в одной из них находится книга издательства «Плави яхач», присудившего премию имени Исидоры Секулич писа-

7 Секулић И. Проза. Нови Сад; Београд, 1971. С. 78. Перевод автора статьи.

8 Ognjenović V. Putovanje ... S. 83.

9 Ibid. S. 84.

тельнице Любиче Арсич. В качестве награды издательство просило Огненич помочь организовать десятидневное путешествие по Норвегии по маршруту Исидоры. Это мероприятие по неизвестным причинам так никогда и не состоялось. Однако идею воскресить маршрут Исидоры Секулич реализовала сама Вида Огненич.

Последняя глава книги называется «Письма Исидоре Секулич из Норвегии», в этой главе автор в эпистолярной форме обращается к своей предшественнице и рассказывает ей о предпринятой поездке по Норвегии — Огненич, изучив норвежский маршрут Секулич, идет по ее следам и делится с воображаемой Исидорой своими впечатлениями: «Дорогая госпожа Секулич, я пребываю в некотором затруднении. Как мне к Вам обращаться? Я живу с постоянной мыслью, что мы с Вами хорошо знакомы. Но все-таки я решила придерживаться официальной формы обращения. Не могу сказать, почему, скорее всего, просто из застенчивости <...>»¹⁰.

Оказалось, что, хотя многое в ритме и образе жизни норвежцев XXI в. за последние 90 лет изменилось (поезда идут быстрее, население в норвежских городах разрослось, появились новые постройки и т. д.), описанные Секулич особенности норвежцев (отзывчивость, стоицизм, скромность, музыкальность, любовь к солнцу, цветам, литературе) представляются Огненич актуальными по сей день: «Просто потрясающе, как Вам удалось подобрать ключ к шифру этой страны и ее культуры! Многое из подмеченного Вами сказано на все времена»¹¹.

Огненич обращается к воображаемой Исидоре в доверительной манере, сравнивая впечатления от Норвегии Секулич со своими: «Надеюсь, Вы позволите Вас пригласить сегодня вечером на концерт в Филармонию, которой в Ваше время еще не было. Однако Вы наверняка слушали какие-нибудь маленькие оркестрики, ведь здесь, как и в других норвежских городах, в них никогда не было недостатка». Писательница XXI в. предлагает своей предшественнице приобщиться к разнообразной культурной программе: «Завтра, если будет у Вас

10 В отличие от «Писем из Норвегии» Секулич, которые так и не были переведены на русский, последняя глава «Путешествия в травелог» была переведена Натальей Вагаповой и опубликована в журнале «Иностранная литература» в 2007 г.: *Огненич В.* Путешествие по Норвегии с Исидорой Секулич. Эссе // Иностранная литература. 2007. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2007/12/puteshestvie-po-norveгии-s-isidoroj-sekulich.html> (дата обращения: 12.01.2021).

11 Там же.

настроение, мы можем вместе заглянуть в Галерею современного искусства, и вот это будет для Вас нечто новое. <...> Продолжается и Фестиваль музыки, танца и театра. Я Вас свожу на премьеру пьесы, которая Вас должна заинтересовать. <...> Я уверена, что Вам бы понравилось, я знаю, как хорошо и доброжелательно Вы всегда писали об актерах и вообще о театральном искусстве»¹².

Свое путешествие Огненович называет паломничеством¹³. Она пишет, что не повторяет маршрут со всей точностью, ведь это бы выглядело так, как если бы кто-то сейчас отправился по пути Колумба и «симулировал бы открытие Америки»¹⁴.

Здесь писательница использует слово «симулировать», что, безусловно, становится своего рода ключом для понимания текста самой Огненович. Литературная реинкарнация во многом связана с симуляцией, по словам Бранко Тошовича, ссылающегося на теоретика симулякров Жана Бодрийяра¹⁵, «порождением гиперреального предмета при помощи моделей реального, не имеющих собственных истоков в реальности»¹⁶.

«Путешествие в травелог» Огненович, с одной стороны, имеет референциальную связь с реальными событиями (такова установка жанра травелога), с другой стороны, очевидны его палимпсестность (сквозь текст Огненович проглядывает произведение Секулич) и гипертекстовый характер, осознанно симулирующий связь с реальностью (так, Вида Огненович пишет письма не реальной личности Исидоре Секулич, а объекту своей писательской рефлексии). Огненович в игровой постмодернистской манере обновляет жанр литературы путешествий¹⁷. Очевидно, что сочинение Огненович с его интенсивными

12 Там же.

13 *Ognjenović V. Putovanje ...* S. 125.

14 *Ibid.* S. 124.

15 *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкиной. Тула, 2013.

16 *Тошович Б.* Художественная реинкарнация // Актуальные проблемы стилистики. М., 2016. Вып. 2. С. 159–171. С. 162. О симуляции и эстетике симулякра см. также: *Маньковская Н. Б.* Эстетика постмодернизма. М., 2000. С. 56–69.

17 О трансформации литературы путешествий в постмодернистском ключе в других национальных литературах см., например: *Елисеева А. В.* «Faserland» — обновление традиций романа-путешествия // Проза Кристиана Крахта: коды постмодернизма: монография / под ред. Т. Н. Андреевской. Тольятти, 2016. С. 30–43.

интертекстуальными и метатекстуальными связями и элементами палимпсеста формально можно отнести к постмодернистскому травелогу. Однако в «Путешествии в травелог» сохраняется приверженность ценностному центру — «Письмам из Норвегии» Секулич как каноническому произведению сербской литературы. Для постмодернистских произведений, наоборот, свойственно отсутствие всякой иерархии или централизующего принципа¹⁸. Помимо преклонения перед травелогом Исидоры Секулич, Вида Огненович выстраивает иерархию других текстов — речь идет о списке шедевров в жанре травелога, о котором говорилось ранее. Тем не менее прием литературной реинкарнации несколько понижает градус почитания канона. Любопытно, как в финале произведения Огненович описывает сцену с памятником национальному поэту Генриху Вергеланну. Следующая цитата, непропорционально большая, в постмодернистском духе несколько нарушит соразмерность данной статьи и отразит двойственность текста Огненович, его пограничное положение между почитанием Логоса, авторитета и постмодернистской иронией.

Сознаю, что мои письма слишком пространны, но не могу удержаться и не написать Вам о поэте Вергеланне и о птице, которая сидит у него на голове. Я предполагаю, что памятник национальному барду и в Ваше время стоял все там же, в парке, между зданиями Парламента и Национального театра. Статуя похожа на скульптуры подобного рода, украшающие многие европейские города. Поэт стоит, вытянув руку. Кажется, что он собирается произносить одну из своих знаменитых речей, которыми он прославился ничуть не меньше, чем стихами.

Так вот, с первыми лучами весеннего солнца, обычно в марте, на голову поэта Вергеланна усаживается птица, обычно чайка, а иногда и сорока, и сидит там несколько часов.

Как только она улетает, другая тут же бросается на освободившееся место и продолжает этот обряд восседания на бронзовой голове великого поэта. Создается впечатление, что птицы соперничают за возможность там посидеть. Та, которой это удастся, сидит совершенно неподвижно, что мне представляется настоящим чудом. Она сидит на голове у поэта не дыша, как будто высиживает птенцов, и невозмутимо обзревает окрестности. Этим птиц не привлекают ни растущие непо-

18 Более подробно см.: *Елисеева А. В.* Постмодернизм // *Словарь течений литературы XX века. Европа и Америка* / под ред. А. Ф. Кофмана. (Цитируется по рукописи, книга находится в печати.)

далеку деревья, ни столбы электропередач, ни другие памятники. Исключительно только памятник поэту Вергеланну.

Редкостное зрелище. И народ собирается и глазет на это дополнение к идее скульптора, предложенное самой природой.

Я сама слышала, как американские туристы, страшно галдя, бились об заклад, живая это птица или она — часть скульптуры.

Признаюсь, что когда я впервые увидела бронзового поэта с пепельно-серой чайкой на голове, я тоже была готова спорить с кем угодно, что это идея зодчего, и, главное, сочла ее превосходной. Но все-таки мне по душе больше другая версия, согласно которой сама природа дополняет фантазию художника¹⁹.

В этом отрывке очевидны как уважительное отношение к словесности и ее «иконам», так и умеренная ирония по отношению к авторитетам — в данном случае к канонизированным в национальных литературах писателям, памятники которым можно увидеть во многих городах Европы.

Таким образом, травелог Огненович при наличии постмодернистских приемов не полностью вписывается в постмодернистскую парадигму. Нередко исследователи говорят о текстах «с элементами постмодернизма»²⁰. Специфика преломления постмодернистской эстетики в сербской литературе требует более пристального рассмотрения в контексте постмодернистских произведений других национальных литератур и является отдельной темой для изучения. Внимания исследователей заслуживает мнение Н. Н. Стариковой, объясняющей «особый характер постмодернизма в южнославянских литературах» кроме прочего тем, что они, приобщаясь к «постмодернистскому видению мира, пытались в его стилистике описать собственный опыт, по своей природе совершенно иной, чем в Америке и Западной Европе. Если там постмодернизм оказался естественным порождением постиндустриального общества, был тесно привязан к постструктуралистской теории и использовал весь арсенал западной масскультуры, то здесь его возникновение было вызвано самой абсурдностью социалистической системы и идейным коллапсом тоталитарного общества»²¹. Данное утверждение, бесспорно, соотносится с идеологи-

19 Огненович В. Путешествие...

20 См., например: Старикова Н. Н. Постмодернизм // Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 354.

21 Там же. С. 351.

ческой (протестной) составляющей «Путешествия в травелог» Огненович. Писательница, выросшая в Югославии Тито, своим ориентиром выбирает произведение, выходящее за рамки одного разрешенного при социализме метода творчества — как известно, поэтика многих текстов Секулич наиболее близка модернизму²², а ее мировоззрение чуждо коммунизму. Таким образом, оммаж «Письмам из Норвегии» в рамках сербской литературы можно считать своего рода протестным проявлением по отношению к идеологической несвободе художника в период позднего тоталитаризма, который автор «Путешествия в травелог» еще застала. Вместе с тем избранный пародийно-игровой модус повествования позволяет Огненович приблизить канонический текст сербской литературы к современному читателю, «оживить» национальную традицию, подчеркнув при этом преемственность сербского модернизма и постмодернизма.

Отдельного изучения заслуживает гендерная специфика «Путешествия в травелог», поскольку его можно рассматривать как своего рода великую феминистскую утопию, проявление солидарности и женской преемственности в литературе. Данный аспект также свидетельствует о том, что исследуемое произведение не полностью встраивается в постмодернистскую парадигму, ведь вместе с наступлением постмодернизма завершаются великие утопии, наблюдается кризис утопического мышления²³.

Источники и литература

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / [пер. с фр. и вступ. ст. О. А. Печенкиной]. Тула: [б. и.], 2013. 204 с.

Бодрова А. Г. «Изохимены» в творчестве Исидоры Секулич: диалектика национального и космополитического // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / [Бодрова А. Г. и др.], отв. ред. М. Ю. Котова; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014. С. 33–48. (Литературоведение. Языкознание).

22 О поэтике текстов Секулич и ее мировоззрении см.: *Бодрова А. Г.* «Изохимены» в творчестве Исидоры Секулич: диалектика национального и космополитического // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / А. Г. Бодрова, Е. Е. Бразговская, В. С. Князькова, М. Ю. Котова и др.; отв. ред. М. Ю. Котова. СПб., 2014. С. 33–48.

23 *Елисеева А. В.* Постмодернизм... (в печати).

Бодрова А. Г. «Письма из Норвегии» Исидоры Секулич // Славяне в неславянских странах / [отв. ред. М. Ю. Котова]. СПб.: Изд-во филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2. СПб., 2011. Вып. 2. С. 39–46.

Елисеева А. В. Постмодернизм // Словарь течений литературы XX века. Европа и Америка / под ред. А. Ф. Кофмана (в печати).

Елисеева А. В. «Faserland» — обновление традиций романа-путешествия // Проза Кристиана Крахта: коды постмодернизма: монография / [Т. Н. Андреюшкина и др.]; под ред. Т. Н. Андреюшкиной; Тольяттинский гос. ун-т, Гуманитарно-педагогический ин-т, каф. «Теория и практика перевода». 2-е изд., испр. и доп. Тольятти: Издательство ТГУ, 2016. С. 30–43

Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов / ИНИОН РАН. М.: INTRADA, 2001. 384 с.

Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма = Esthétique postmoderne. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с. (Gallicinium).

Огненевич В. Путешествие по Норвегии с Исидорой Секулич. Эссе / пер. и вступление Н. Вагаповой // Иностранная литература. 2007. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2007/12/puteshestvie-po-norvegii-s-isidoroj-sekulich.html> (дата обращения: 12.01.2021).

Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2003. 600 с.

Секулич И. Сабрана дела. Књ. 1. Београд: Матица српска, 1961. 370 с.

Старикова Н. Н. Постмодернизм // Лексикон южнославянских литератур / Институт славяноведения РАН; [отв. ред. Г. Я. Ильина]. М.: Индрик, 2012. С. 350–355.

Тошович Б. Художественная реинкарнация // Актуальные проблемы стилистики: международный научный журнал / Факультет журналистики Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, каф. стилистики; Стилистическая комиссия Междунар. комитета славистов. № 2. М.: Факультет журналистики Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2016. С. 159–171.

Ognjenović V. Putovanje u putopis. Zrenjanin: Gradska narodna biblioteka «Žarko Zrenjanin», 2004. 153 s.

References

Baudrillard, J. *Simuliacry i simuliacsiia*. Translated by O. A. Pechenkina, Tula: s. n., 2013, 204 p.

Bodrova, A. G. “‘Izokhimeny’ v tvorchestve Isidory Sekulich: dialektika natsional’nogo i kosmopoliticheskogo.” *Segmenty identichnosti v tvorchestve za-*

rubezhnykh slavianskikh pisatelei, ed. by M. Iu. Kotova, Saint Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2014, pp. 33–48.

Bodrova, A. G. “‘Pis'ma iz Norvegii' Isidory Sekulich.” *Slaviane v neslavianskikh stranakh*, ed. by M. Iu. Kotova, vol. 2, Saint Petersburg: Izdatel'stvo filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Saint Petersburg, 2011, pp. 39–46.

Eliseeva, A. V. “‘Faserland' — obnovenie traditsii romana-puteshestviia.” *Proza Kristiana Krakhta: kody postmodernizma*, ed. by T. N. Andreiushkina, Togliatti: Togliatti State University Press, 2016, pp. 30–43.

Il'in, I. P. *Postmodernizm: slovar' terminov*. Moscow: INTRADA, 2001, 384 p.

Man'kovskaia, N. B. *Ėstetika postmodernizma = Esthétique postmoderne*. Saint Petersburg: Aleteiia, 2000, 347 p.

Ognenovich, V. “Puteshestvie po Norvegii s Isidoroi Sekulic. Ėsse.” *Inostrannaia literatura*, no. 12, 2007, <https://magazines.gorky.media/inostran/2007/12/puteshestvie-po-norvegii-s-isidoroi-sekulich.html>. Accessed 12 Jan. 2021.

Ognjenović, V. *Putovanje u putopis*. Zrenjanin: Gradska narodna biblioteka ‘Žarko Zrenjanin’, 2004, 153 p.

Rudnev, V. P. *Ėntsiklopedicheskiĭ slovar' kul'tury XX veka. Kliuchevye poniatii i teksty*. Moscow: Agraf, 2003, 600 p.

Sekulić, I. *Sabrana dela*, knj. 1. Beograd: Matica srpska, 1961, 370 p.

Starikova, N. N. “Postmodernizm.” *Leksikon iuzhnoslavianskikh literature*, ed. by G. Ia. Il'ina. Moscow: Indrik, 2012, pp. 350–355.

Tošović, B. “Khudozhestvennaia reinkarnatsiia.” *Aktual'nye problemy stilistiki: ezhegodnyi mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*, vol. 2, Moscow: Faculty of Journalism of the Lomonosov Moscow State University Press, 2016, pp. 159–171.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.05

Bodrova A. G.

A travelogue of the second degree: “The Letters from Norway” by Isidora Sekulić as a pretext of the book about Norway of Vida Ognjenović

Anna G. Bodrova

Candidate of Letters, associate professor

Saint Petersburg State University

199034, Universitetskaya Emb., 13B, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: bodrann@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8625-6589

Citation

Bodrova A. G. A travelogue of the second degree: “The Letters from Norway” by Isidora Sekulić as a pretext of the book about Norway of Vida Ognjenović // *Slavic Almanac*. 2021. № 1–2. P. 407–419 (In Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.05

Received: 23.11.2020.

Abstract

The work of the Serbian writer Vida Ognjenović “A Travel to a Travelogue” (2004) is dedicated to her stay in Norway and the perception of this country through the prism of the well-known Serbian travelogue “The Letters from Norway” (1914) by Isidora Sekulić. Ognjenović’s text contains not only impressions of life in Norway, but also a reflection on the travelogue genre, on the text of her predecessor and the controversy caused by Sekulić’s work. Within the framework of Serbian literature, “The Letters from Norway” became a hypotext for the perception of Norwegian culture. In addition to the extensive metatextual layer Ognjenović’s work contains “The Letters to Isidora Sekulić from Norway”, in which the author addresses her predecessor in an epistolary form and tells her about the trip to Norway. Having studied the Norwegian route of Sekulić in detail, Ognjenović decided to repeat it and to share her impressions with an imaginary Sekulić. The hypertext by Ognjenović offers not only a new reading of the Sekulić’s travelogue, which has become a reference book for Serbian emigrants in Norway, but also contains a bold assumption that Sekulić’s “Letters” were addressed to the famous critic Jovan Skerlić, who would later call the writer “Scandiphile”, and would condemn her for lack of patriotism. Ognjenović’s travelogue with its intense intertextual connections and palimpsest elements has pronounced features of a postmodern text, but does not completely fit into the paradigm of postmodernism, occupying a borderline position between the veneration of Logos, of authority and the postmodern irony.

Keywords

Isidora Sekulić, Vida Ognjenović, Serbian literature, travelogue, intertextuality, hypertext, postmodernism.

**О трансформации одной украинской песни
на венгероязычных землях
в первой половине XIX в.**

Калавски Жофия

Кандидат филологических наук, научный сотрудник

Институт литературоведения, Центр исследований

филологических наук (ВАН)

1118 Ménesi út. 11-13, Budapest, Hungary

E-mail: kalavszky.zsofia@btk.mta.hu

ORCID: 0000-0003-1276-3243

Цитирование

Калавски Ж. О трансформации одной украинской песни на венгероязычных землях в первой половине XIX в. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 420–451 DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.06

Статья поступила в редакцию 01.12.2020.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-512-23002.

Аннотация

В статье предпринимается попытка описания процесса попадания украинской песни «Їхав козак за Дунай» в начале XIX в. в Европу, через немецкое посредничество на чешские и венгерские земли. На немецкоязычных территориях один из переводов распространялся по сути как народная песня. Переведенная, а точнее, переложенная на немецкий Христофором Тидге, песня «Прекрасная Минка», которая сильно отличается от оригинала, достигла территории Чешской короны, а затем и Венгерского королевства, вероятнее всего, с войсками, принимавшими участие в Наполеоновских войнах. Именно на чешскоязычных и венгерскоязычных территориях появился другой вариант украинской песни, который ближе к оригиналу. На чешском языке этот вариант был опубликован Франтишеком Челаковским в 1822 г., а венгерским вариантом мы обязаны графу Ференцу Телеки. Телеки работал не с русско- или украиноязычными источниками, а с одним немецким текстом. Этим текстом-по-

средником оказался перевод «Russisches Lied» Теодора Кернера. Перевод графа Телеки представляет интерес с точки зрения истории и русской, и венгерской литератур, так как в нем обнаруживаются сходства с другим переводом украинской песни, «Der Kosak und das Mädchen» 1814 г., Вильгельма Кюхельбекера.

Ключевые слова

Компаративистика, перевод, Наполеоновские войны, «Їхав козак за Дунай», «Прекрасная Минка», песенники, инсurreкционная поэзия, Кристофор Тидге, Вацлав Ганка, Франтишек Челаковский, Ференц Телеки, Вильгельм Кюхельбекер.

Наполеоновские войны — одно из наиболее важных длительных и многоэтапных исторических событий европейской истории конца XVIII — начала XIX в. Они не только формировали политическую повестку Европы, но и, несомненно, содействовали появлению новых транскультурных явлений. В настоящей статье я концентрируюсь лишь на одном из них, связанном с пребыванием российской армии в Европе в 1813–1814 гг. Я имею в виду уже зарождавшийся *европейский интерес* к русской (украинской, казацкой) культуре и литературе, считавшейся то варварской, то экзотической, — *интерес*, который резко возрос в первой половине 1810-х гг. благодаря тому, что у европейского населения появилась непосредственная возможность встретиться с солдатами и офицерами царской армии. В рамках похода, известного как «заграничный поход русской армии 1813–1814 гг.», войска Александра I вслед за Прагой и другими важными европейскими городами прошли по улицам Берлина и Парижа. Из воспоминаний на немецком и чешском языках, публицистики и других документов 1810-х гг. известно, что российская армия на своем пути по Европе распространяла и русские, и украинские народные и квазифольклорные песни. Это осуществлялось либо в устной форме (в кругу рядовых солдат и офицества их пели просто «для души», а профессиональные военные хоры даже давали концерты там, где войска останавливались на постоя), либо в письменной (через песенники, принадлежавшие русским офицерам и перешедшие во владение европейцев). Существует также немало письменных и визуальных свидетельств того, как вместе с проходящими российскими войсками русские и украинские песни попадали в немецко- и чешскоязычные земли. Интересно, что благодаря связям императора Александра I и прусского короля Фридриха

Вильгельма III в прусскую армию зачисляли русские военные хоры¹. Чешский поэт Ян Коллар (Jan Kollár, 1793–1852) вспоминал, например, что уже в 1812 г. русские и украинские песни стали известны на чешскоязычных территориях².

Хотя интересующая меня украинская песня была известна в Европе еще до кампании 1812 г., ее широкой популярности несомненно содействовало присутствие здесь российских войск, в том числе казаков, в 1813–1814 гг. и ликование населения по случаю побед шестой коалиции над наполеоновскими войсками.

В данной статье я попытаюсь проследить историю распространения песни «Їхав козак за Дунай» («Ехал казак за Дунай») в первой половине XIX в. В центре моего исследования стоит маршрут распространения и смены функции этого произведения на венгерскоязычных территориях, однако я также затрагиваю историю переводов и адаптаций песни в чешскоязычных регионах Габсбургской монархии. Венгерское королевство, как и земли Чешской короны, находились в составе Габсбургской монархии (с 1804 г. — Австрийской империи). В силу своего географического положения Венгрия была вовлечена в Наполеоновские войны в гораздо меньшей степени, чем чешские земли. На территории Венгерского королевства лишь во время пятой коалиции, в 1809 г., произошла битва с французами у города Дьёр. При этом российские войска в 1813–1814 гг. не входили на территорию Венгрии.

Важно отметить, что Наполеоновские войны объединили сопротивлявшиеся Наполеону европейские государства не только в политическом смысле. На мой взгляд, также хорошо прослеживается, как эти войны «объединили» венгерские и чешские земли в некую имажинарную, культурную территорию с точки зрения распространения украинской песни (эти процессы проходили весьма схоже, разве что в Венгрии с задержкой по фазе по сравнению с землями Чешской короны). При этом, однако, мы можем наблюдать очень интересные

1 В 1814 г. в лейпцигской газете «Allgemeine Musikalische Zeitung» были опубликованы статьи о русских солдатских песнях и хорах, см., например: -r, Über russische Soldatenlieder // Allgemeine musikalische Zeitung, 31 (1814. 08). S. 515–518. Подобный русский хор, причисленный к прусской армии, изображен на одной литографии 1815 г.: *Файбисович В.* Русские песенники в прусской гвардии // Родина (блог). URL: <https://rg.ru/2017/05/30/rodina-ermitag.html> (дата обращения: 15.08.2020).

2 *Нудьга Г.* Українська дума і пісня в світі. Львів, 1997. С. 198.

и специфические расхождения, имевшие место быть при чешском и венгерском освоении песни. Они становятся очевидными, если обратиться к истории перевода с украинского оригинала и авторского / литературного распространения именно этой вариации песни, а не немецкого квазифольклорного варианта, получившего огромную популярность на немецких, чешских и венгерских территориях.

В этих процессах огромную роль играли следующие общие и различавшиеся условия, в которых развивались чешская и венгерская литературы: немецкий язык как язык-посредник; в целом связи с немецкой культурой; связи с представителями русской литературы и деятелями Российской академии наук (у чешских филологов, писателей, поэтов, лингвистов это была живая и сильная связь); территориальная близость или отдаленность центров; замкнутость или открытость конкретной культуры; наиболее важное: фундаментально различившиеся эстетические и идеологические намерения, которыми руководствовались авторы переводов и адаптаций. Я считаю, что как раз с этими разными целями и связано то, что именно в венгерской литературе произошло изменение функции песни.

Под изменением функции я подразумеваю то, как по-разному преобразуется, пересекая национальные, языковые и культурные границы, лирическая песня, изначально звучавшая в темпе *Andante*. Так, в одном из венгерских вариантов песни «Їхав козак за Дунай» текст становится жанрово гибридным: сохраняя лирическую основу, он обретает признаки *военного марша*; то есть, адаптируясь как минимум к двум каналам распространения — к авторскому (литературному) и (квази)фольклорному, текст отдаляется от своего первичного жанра *прощальной песни*. Непосредственный исторический фон, на котором претерпевает изменения изначальная функция песни, создавали бушевавшие по всей Европе Наполеоновские войны, а культурный и литературный фон — связанные с походами Наполеона народные или стилизованные эпические и лирические тексты на общественно-историческую тематику. На территории Венгрии это была так наз. инсургентная / инсуррекционная (повстанческая) поэзия.

Под влиянием шедших еще с конца XVIII в. Наполеоновских войн на территориях, где говорили на венгерском языке, родилось множество фольклорных и авторских стихотворных текстов. Доподлинно известно, что дворянские ополчения 1797, 1800, 1805 и 1809 гг. на землях Венгерского королевства нередко становились источником поэтического вдохновения. На призыв монарха к дворянству встать на защиту границ стихотворцы дворянского происхождения отклика-

лись маршами и духоподъемными песнями. В память об этих четырех ополчениях (лат. *generalis insurrectio*) в венгерской научной литературе они объединены под общим названием *инсургентной поэзии*. Такие «частушки», рифмованные воззвания, авторы обычно сочиняли на мотив известных народных песен или, по крайней мере, в духе последних. Эти произведения являют собой особую группу текстов, как и тексты, воспевающие собственно регулярную армию. Напечатанные в виде прокламаций, они были в ходу на больших территориях: передавались из уст в уста, переписывались. Исследования показали, что в корпус инсургентной поэзии попало и множество более ранних текстов, которые, всплывая в войсковых лагерях, при актуализации нередко меняли функцию³.

Чешскими литераторами руководила совсем иная цель: в этот период у них уже были в разгаре поиски исконного народного *славянского* творчества. Поэтому та же самая украинская песня, которая в Венгрии «смешалась» с инсургентной поэзией, стала у них объектом исследования оригинального славянского фольклора.

«Їхав козак за Дунай»

Песня, начинающаяся со слов «Їхав козак за Дунай» («Ехал казак за Дунай»), считалась в XIX в. самой популярной украинской песней на всем украинско- и русскоязычном пространстве. И, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что уже с начала 1800-х гг., благодаря Наполеоновским войнам, она была на слуху у всей Европы, по крайней мере всей Восточной Европы. На сегодняшний день существует три гипотезы происхождения песни. По одной, автором песни был современник Петра Великого, казак-сочинитель по имени Семен Климовский (Климов). Согласно второй, песня действительно возникла в первой половине XVIII в., при этом авторство Климовского не опровергается, но ставится под сомнение⁴. Согласно третьей, она возникла во второй половине

3 *Porkoláb T.* Szempontok a francia háborúk insurrekciós költészetének textológiai és filológiai vizsgálatához // *Textológia — filológia — értelmezés* / eds. Czifra M., Szilágyi M. Debrecen, 2014. 191–214. old.

4 «Свидетельств тому, что в первой половине XVIII в. на Украине пели песню “Їхав козак за Дунай”, у нас нет. Не встречается она и в рукописных сборниках тех лет. Зато под конец XVIII столетия эта песня была очень популярной на Украине и за ее пределами. Принимая в расчет, что при тогдашних условиях песня быстро не могла стать столь популярной, можно предположить, что она возникла где-то в первой половине

XVIII в., автор неизвестен, позднее песня перешла в фольклор. Семисложный силлабо-тонический размер, безукоризненная строфа склоняет исследователей к выводу, что это блестяще скомпонованное произведение принадлежит перу человека, хорошо знакомого с украинским фольклором и владеющего техникой стихосложения⁵. Широко известной на украинских и русских землях она была уже задолго до Наполеоновских войн, однако с 1812 г. стала встречаться в песенниках заметно чаще⁶. Один из самых известных ранних русских печатных песенников, собрание Львова — Прача, попавший даже в Западную Европу, за пятнадцать лет издавался трижды. В издании 1806 г. к текстам песен прилагались и ноты; здесь наша песня фигурирует под № 147:

Ехав козак за Дунай,
Сказав: дивчина прощай.
Вы коники вороненьки,
На силу: гуляй.

Постой, постой, козаче,
Твоя дивчина плаче,
Як ты мене покидаєшь,
Тільки подумай.

Билых ручек не ломай,
Серых очек не зтирай,
Мене з войны со славою
К соби дожидай.

Не хочу я ничего,
Только тебе одного,
Ты будь здоров мий миленький,
А все пропадай⁷.

XVIII века» (*Нудьга Г.*, Про Семена Климовського і його пісню // Радянське літературознавство. 1960. № 4. С. 58; перевод с украинского мой. — *Ж. К.*).

5 *Прейма Ф.* Об одном немецком переводе украинской народной песни «Їхав козак за Дунай» // Русская литература. 1960. № 3. С. 172.

6 Впервые песня была опубликована в журнале «*Journal d'airs italiens, français et russes avec accompagnement de guitare par J. B. Hainglaise*» (St. Pétersbourg, 1796. № 3). Затем И. Герстенберг и Ф. Дитмар включили ее в «Песенник, или Полное собрание старых и новых российских народных и прочих песен для фортепиано, собранных издателями» (СПб., 1797–1798. Ч. 1–3). О дальнейших публикациях нам известно из работ Михаила Сперанского. Сперанский выяснил, как и когда именно в конце XVIII — начале XIX вв. украинские песни включали в русские песенные собрания. Исследователь перечисляет пятнадцать печатных русских песенников, в которых фигурирует «Їхав козак за Дунай». Из дат их публикации явствует, что всплеск популярности песни был напрямую связан с Наполеоновскими войнами: так, и в 1812 г., и в отдельные годы в течение 1816–1822 гг. ее напечатали сразу в нескольких сборниках (*Сперанский М. Н.* Малорусская песня в старинных русских печатных песенниках // Этнографическое обозрение. 1909. № 2–3. С. 143).

7 Цит. по: Собрание русских народных песен с их голосами / на муз. положил И. Прач; под ред. и с вступ. статьей В. М. Беляева. М., 1955. С. 309–310.

Популярности песне добавили — при этом успешно ею воспользовавшись — драматург Александр Шаховской и композитор Катерино Кавос. 15 мая 1812 г. в петербургском Императорском театре состоялась премьера их одноактной оперы-водевиля с анекдотическими элементами «Казак-стихотворец». Постановка шла с таким успехом, что с 28 мая 1814 г. ее давали уже дважды в месяц. Позднее водевиль ставили и на украинских землях, в частности в театрах Харькова и Полтавы⁸. Добрался он и до студентов Царскосельского лицея: граф Варфоломей Толстой поставил его в своем крепостном театре в Царском Селе. А в 1815 г. либретто вышло отдельным изданием⁹.

Известно, что после контрнаступления 1812 г. — с победой над французами у села Тарутино — и донские, и украинские казаки еще более оказались в центре внимания как в России, так и за рубежом¹⁰. На русских землях образ героя-казака был поднят мощной национально-патриархальной волной, став ее символом; «храбрый донской казак» стилизовался в литературный персонаж. В Западной Европе также возрос интерес к царским войскам, и к казакам в частности.

В августе 1813 г. Александр I вошел в Прагу, где его приветствовал австрийский император Франц I. Зимой 1813/1814 гг. русские офицеры квартировали в городе, участвовали в общественной жизни, развлекались, ходили в театр¹¹. В 1814 г. Александр I победоносно вошел в Париж, подобно тому как до этого — в Берлин¹².

8 Гозенпуд А. А. Казак-стихотворец // Оперный словарь. М.: Л., 1965.

9 В начале XIX в. публикация театральной инсценировки считалась большой редкостью.

10 Эрхард Хексельшнайдер на основании прусских публикаций интересующего периода приходит к выводу: «Zum Symbol der russ. Truppen wurden die Kosaken. Man kann für diese Zeit von einer wahren Kosakenbegeisterung sprechen, die breiteste Volksschichten erfasste» («Казаки стали символом российского войска. Можно говорить о том, что население восхищалось казаками и это настроение охватило самые широкие слои народа»). См.: *Hexelschneider E. Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß auf die Verbreitung russischer Volksdichtung in Deutschland // Zeitschrift für Slawistik. 1963. № 8. S. 677.*

11 Францев В. А. Русские в Чехии. 1813–1823. Прага, 1913. С. 17.

12 Об этом сохранился иллюстрированный отчет: в 1814 г. Георг Опиц (Georg Emanuel Opiz, 1775–1841), немецкий художник, родившийся в Праге, находился в Париже, когда туда вошли русские войска. Свои тогдашние впечатления он отобразил в цикле из сорока жанровых акварелей «Казаки в Париже». См.: Русские казаки в Париже двести лет назад //

На немецкоязычной территории Австрийской империи и в прусских землях тема освободительного казацкого воинства привлекала не одну лишь прессу; помимо журналистов и карикатуристов живой спрос публики на экзотику подхватили и кустари с лавочниками: в ходу были литографии, фарфоровые, деревянные и бумажные поделки, изображавшие казаков. По свидетельству исследовательницы Л. Кириллиной, неизменным атрибутом австрийской салонной культуры тех лет стали живопись и скульптура на тему казачества. Известно также, что письменный стол Бетховена долгие годы украшали две статуэтки в виде казаков¹³.

«Прекрасная Минка, я должен тебя покинуть» Христофора-Августа Тидге

Своей известностью в Западной Европе песня обязана поэту Х.-А. Тидге (Christophor-August Tiedge, 1752–1841), который в 1808 г. перевел ее на немецкий язык. Она начинается со слов «Schöne Minka, ich muss scheiden»:

Schöne Minka, ich muß scheiden, ach du fühlst nicht das Leiden,
fern auf freudelosen Heiden, fern zu sein von dir!
Finster wird der Tag mir scheinen, einsam werd ich gehn und weinen;
auf den Bergen, in den Hainen ruf ich, Minka, dir

Nie werd ich von dir mich wenden; mit den Lippen, mit den Händen
werd ich Grüße zu dir senden von entfernten Höhn.
Mancher Mond wird noch vergehen, ehe wir uns wiedersehen;
ach, vernimm mein letztes Flehen: bleib mir treu und schön!

Du, mein Olis, mich verlassen? Meine Wange wird erblassen;
alle Freuden werd ich hassen, die sich freundlich nahn.
Ach, den Nächten und den Tagen werd ich meinen Kummer klagen;
alle Lüfte werd ich fragen, ob sie Olis sahn!

LiveJournal (блог). 31 марта 2014. URL: <https://vita-colorata.livejournal.com/652951.html> (дата обращения: 15.08.2020).

13 Кириллина Л. «Schöne Minka» и ее сестры // Бортнянский и его время. К 250-летию со дня рождения Д. С. Бортнянского: Материалы международной конференции / Научные труды Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. М., 2003. Т. 43. С. 199.

Tief verstummen meine Lieder, meine Augen schlag ich nieder;
 aber seh ich dich einst wieder, dann wird's anders sein.
 Ob auch all die frischen Farben deiner Jugendblüte starben:
 ja, mit Wunden und mit Narben bist du, Süßer mein!

В случае Тидге корректнее говорить о переложении, так как немецкий поэт весьма вольно отнесся к размеру, структуре, да и к лексике оригинального текста. Эрхард Хексельшнайдер пришел к выводу, что необычайная популярность «Прекрасной Минки» Тидге, помимо живого интереса к русскому и украинскому казачеству, объясняется еще и тем, что по многим характерным деталям она напоминала немецкую *городскую песню*. Когда русская армия входила в Берлин, по словам исследователя, «Schöne Minka» «разносилась из каждого окна»¹⁴. Свидетельством популярности перевода Тидге стали и многочисленные подражания: песни эти известны под собирательным названием «Minkalieder»¹⁵. Немецкая публика настолько сроднилась с «Прекрасной Минкой», что та в конце концов «утратила родословную» и попала в сборник немецких народных песен¹⁶. Она была одной из самых любимых солдатских песен¹⁷ и,

14 *Hexelschneider E.* Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß... S. 676–688.

15 *Исаков С. Г.* Материалы по русской литературе и культуре на страницах немецкой прибалтийской печати начала XIX века // Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение / ред. Б. Ф. Егоров, Ю. М. Лотман, В. Т. Адамс. Ученые записки Тартуского университета 184. Tartu, 1966. С. 199.

16 Двенадцать вариаций включены в книгу «Musikalischer Hausschatz der Deutschen. Eine Sammlung von über 1100 Liedern und Gesängen mit Singweisen und Klavierbegleitung. Gesammelt und herausgeben von G. W. Fink», изданную в Лейпциге. Об этом см.: *Нудьга Г.* Про Семена Климовського і його пісню. С. 62, 64.

17 «Das von Tiedge nationalisierte Kleinrussische Volkslied war in den deutschen Freiheitkriegen ein Lieblingslied; nach dem Drucke im *Liederbuch hanseatischen Legion* gewidmet <...> fand es damals weiteste Verbreitung und wurde bis 1850 in Deutschland viel gesungen und seine Musik gern gespielt». *Böhme F. M.* Volksthümliche Lieder der Deutschen im 18. und 19. Jahrhundert. Nach Wort und Weise aus alten Drucken und Handschriften, sowie aus Volksmund zusammengebracht, mit kritisch-historischen Anmerkungen versehen und herausgegeben von Franz Magnus Böhme. Leipzig, 1895. S. 549. No. 721. Der Kosak und sein Mädchen. (Olis und Minka).

по свидетельству современников, «в одночасье стала в немецкой армии массовой»¹⁸.

О том, как с собственно украинской песней познакомился Тидге, нам известно из нескольких трудов. Автор одного из них, Сергей Исаков, изучавший опубликованные в Прибалтике в начале XIX в. документы на немецком языке, утверждает, что Тидге услышал ее в Баден-Бадене от своего русского слуги. При этом венгерский исследователь Реже Галош, украинский фольклорист Григорий Нудьга и немецкий литературовед Эрхард Хексельшнайдер заявляют, что ее пели слуги отдохавших в Баден-Бадене русских аристократов¹⁹. Одним из источников для исследователей могла послужить антология «Slawische Balalaika», где в главе «Lieder aus Kleinrussland und der Ukraine» («Песни из Малороссии и Украины») фигурирует песня под названием «Lebewohl» («Прощание»), начинающаяся словами «Donau über gilt es reiten. Fahr' wohl Heimat!» («Пора скакать за Дунай, / Езжай же, Родина!»), текст которой редактор снабдил длинным комментарием о происхождении «Schöne Minka»:

Тидге, поэт «Урании», вместе со своим другом, историком Сисмонди, услышал, как поет слуга одного русского аристократа означенную песню, каковая песня так тронула обоих мужей, что каждый попытался передать ее на своем языке, хотя и не знал содержания. Сисмонди не сумел создать пригодного для пения текста, и его вариант остался неизвестным; Тидге же удалось приноровить свой текст к мелодии, и содержание его тоже стало популярным. В чем читатель может убедиться и сам, ознакомившись с собранием стихотворений Тидге (перевод с немецкого мой. — Ж. К)²⁰.

Тидге переводил по подстрочнику, к тому же очень основательно переиначив текст в угоду бюргерским вкусам публики. И, наконец, в 1808 г. он опубликовал свою «Schöne Minka» в рижской газете «Iris, ein Wochenblatt für Damen» («Ирис, еженедельная газета для женщин») под заголовком «Der Kosak und sein Mädchen (Nach der bekannten rus-

18 Нудьга Г. Про Семена Климовського і його пісню. С. 66.

19 Gálos R. Tiedge Kozák-dalának ismeretlen fordításai // Irodalomtörténeti Közlemények 1937. № 4. 408. old; Нудьга Г. Про Семена Климовського і його пісню. С. 60; Исаков С. Г. Материалы по русской литературе и культуре...; Hexelschneider E. Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß...

20 Waldbrühl W. von. Slawische Balalaika. Leipzig, 1843.

sischen National-Melodie: Ехал козак за Дунай») («По мотивам известной русской народной мелодии: Ехал козак за Дунай») (24.X.1808. 43. S. 146–147). Согласно С. Исакову, в прибалтийскую газету перевод Тидге попал благодаря его возлюбленной. Елизавета Шарлотта фон дер Рекке (Elisa Charlotte von der Recke, 1754–1833) и сама была известной поэтессой, а с Прибалтикой ее связывали курляндские поместья и живые литературные связи²¹. С 1803 г. Рекке и Тидге жили вместе. Пара была знакома с Бетховеном.

Год спустя текст Тидге был опубликован как минимум дважды: в альманахе «*Taschenbuch zum geselligen Vergnügen*» («Карманная книжка для дружеского времяпрепровождения») (Leipzig, 1809) под редакцией Вильгельма Готтлиба Беккера и вместе с нотами в песеннике под названием «*Schauenburgs allgemeines Deutsches Kommersbuch*» («Общий немецкий сборник песен, изданный Шауэнбургом») (Leipzig, 1809)²². В 1813 г. песня «*Der Kosak und sein Mädchen. Nach einer Russischen National Melodie*» («Казак и его девушка. По мотивам русской народной мелодии») вошла в еще один сборник, сборник солдатских песен: «*Liederbuch der Hanseatischen Legion gewidmet*» («Песенник, посвященный Ганзейскому легиону») (Hamburg, 1813. № 104. S. 117).

«Прощание казака» Вацлава Ганки и «За Дунай едет...» Франтишека Челаковского

1813 год является первым годом известности песни в ее печатной чешскоязычной истории. В Вене, в газете «*Prwotiny pěkných umění*» («Первые опыты в изящных искусствах»), литературном приложении к газете «*Cýsařské královské wjdeňské nowiny*» («Императорская королевская венская газета»), была опубликована песня с начальной строкой «*Krásná Minka musím jíti...*» («Прекрасная Минка, я должен уезжать») и подписью — *Hanka*²⁴. Данная публикация является чешским переводом не оригинального текста украинской

21 Исаков С. Г. Материалы по русской литературе и культуре... С. 200.

22 Об известности ее в Венгрии см.: *Waldapfel J. A Ziska második részéhez // Irodalomtörténeti Közlemények. 1935. № 3. 308. old.*

23 *Кириллина Л. «Schöne Minka»: Судьба украинской песни в творчестве Бетховена // Проблемы взаємодії мистецтва, педагогіки та теорії і практики освіти: зб. наук. ст. Бетховен — terra incognita / під ред. Г. І. Ганзбург. Харків, 2015. С. 10.*

24 *Hanka V. Kozákovo loučení // Prwotiny pěkných umění (Cýsařské královské wjdeňské nowiny). 1813. № 23. S. 136.*

песни, а немецкой адаптации Тидге. Вацлав Ганка (Václav Hanka, 1791–1861), чешский литератор, лингвист и переводчик, не указал, что это перевод, а опубликовал песню как собственную оригинальную работу²⁵. Ганка озаглавил стихотворение «Kozákovo loučení» («Прощание казака»).

Krásná Minko musím jíti,
 ach mé srdce bolest cítí,
 daleko od tebe býti
 Minko rozmilá!
 Smutný den až odtud půjdu,
 smutně pro tě plakat budu,
 v hájích, roklicích volat budu:
 kde jsi Minko má!
 Nikdy se ti neodvrátí
 srdce vždycky plápolati,
 pozdravení posílati
 z boje Minko má.
 Kolik měsícův as mine,
 než tě hoch tvůj k srdci vine,
 ach slyš, jak teď hořem hyne,
 zůstaň upřímá.

Mám svou Minku opustiti,
 a své líce bledé míti,
 radost všecku zapuditi,
 Minko upřímá!
 Ve dne v noci budu státi
 a jim žel svůj žalovati,
 lidí všech se budu ptáti,
 kdo mou Minku zná?
 Hlubě umlknou mé písně,
 oči mé se zamknou svísně,
 vrátími se však z té tísně,
 Minko v slibu stůj.
 Přijdu s jízvami v tváři,
 nechť i kvetoucí pleť září
 mladosti tvé trudnost maří,
 budu věčně tvůj!

Этот текст, точнее исправленные его вариации, Ганка затем опубликовал в 1815 и в 1819 гг. На популярность песни на чешскоязычных территориях указывает то, что в 1851 г. песня вместе с нотами уже вошла в печатный сборник «Společenský zpěvník český» («Чешский песенник для широкой публики»). Здесь она фигурирует под названием «Kozak» («Казак») (№ 66). Позднее этот сборник многократно переиздавался.

Достоверно известно, что на редкость популярный песенник Львова — Прача (в котором фигурирует «Ехал козак...» с нотами) добрался и до Вены, и до Праги. Так, многие исследователи склонны полагать, что граф Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836), посол России в Вене, богач и меломан, музыкант камерного оркестра, собиратель книг и меценат, мог подарить один экземпляр самому

25 О связи текста Ганки и перевода Тидге см.: *Hanka V. Hankovy písně a prstonárodní srbská muza, do Čech převedená / ed. J. Máchal. Praha, 1918. S. 202–204.*

Бетховену²⁶. В Праге песенник Львова — Прача привлек восторженное внимание Вацлава Ганки. В 1814 г. в газете «Prwotiny pěkných umění» (№ 16 от 22 августа) вышла его статья, в которой Ганка ставит сборник в пример для будущих редакторов — собирателей славянского фольклора²⁷.

Не только песенник Львова — Прача, но и другие русские песенники попали в Вену и Прагу. Так, достоверно известно, что у Вацлава Ганки их было даже несколько²⁸. Долгие годы исследователи считали наличие русских песенников доказательством того, что источник следующего, появившегося в печати в 1822 г., чешского перевода песни находится именно в этих изданиях. Чешский поэт Франтишек Ладислав Челаковский (František Ladislav Čelakovský, 1799–1852) долгие годы исследовал народные песни чехов и других славянских народов²⁹. Результаты своих штудий он издал в 1822 г. в сборнике «Slovan-ské národní písně» («Славянские народные песни»), в котором кроме прочего были опубликованы также переводы русских и украинских песен³⁰. В первом томе в стихотворном цикле под названием «Maloruské dumky» («Малорусские песни») начальными словами «*Za Dunaj stupat poroučí...*» («За Дунай наступать приказывает царь...») под № 2 фигурирует перевод нашей песни³¹.

26 Бетховен не единственный, кто — даже дважды — создал музыкальную обработку этой песни. О связях Разумовского и Бетховена см.: *Кириллина Л.* «Schöne Minka»: Судьба украинской песни в творчестве Бетховена; *Clive P.* Beethoven and His World: A Biographical Dictionary. Oxford, 2001.

27 *Францев В. А.* Очерки по истории чешского Возрождения... С. 67; *Hanka V.* Hankovy písně a prstonárodní srbská muza, do Čech převezená. S. XIX–XX.

28 «Собрание разных песен» (без заглавного листа), «Новейший и полный российский общенародный песенник, изданный Ж. Г. Т. А. К.» (М., 1810), «Новый, избранный песенник» (СПб., 1819), «Молодчик с молодкою на гулянье с песельниками» (СПб., 1790), «Новейший, полный, всеобщий песенник» (М., 1822). Об этом см.: *Францев В. А.* Очерки по истории чешского Возрождения... С. 101.

29 *Berkes T.* The Ideal of Folk Culture in the Literature of the Czech National Rebirth // History of the Literary Cultures of East-Central Europe III. New York; Amsterdam, 2007. P. 302–303.

30 Первый том Челаковского при содействии Ганки доходит и до Петербурга. В 1824 г. в газете «Северный архив» была опубликована рецензия на него известного этнографа Николая Цертелева.

31 Второй том вышел в 1825, а третий — в 1827 г.

Za Dunaj stupat poroučí
car, s milou kozák se loučí:
“Ty koníku, můj vraníku,
nes mne poskokem!”

Dívčina ruce lomila,
tčťce plačíc promluvila:
“Ach, jak ty mne zde pouštíš,
v dálný táhneš kraj!”

Na koně kozák vyskočil,
ještě se k milé otočil:
“Zdráva buď! k tobě se vrátím
ještě před rokem.”

“Ej, rukou nelom bělounkých,
nepokal oči černounkých,
zdráva buď! já šťastně jedu
s druhý za Dunaj.”³²

В издании 1822 г. Челаковский разместил рядом и источник, и перевод. Однако поскольку они не совпадают с вариацией в сборнике Львова — Прача, остается вопрос, с какими источниками он работал.

На этот счет существуют разные гипотезы. Украинские и чешские исследователи пришли к заключению, что Челаковский опирался не на какой-то немецкий перевод-посредник, как и не на песенники, принадлежавшие Ганке, а что у него был другой источник или источники. Владимир Францев в статье 1923 г. о рукописном наследии крупного чешского филолога, основоположника славистики Йосефа Добровского (Josef Dobrovský, 1753–1829) указывает на то, что Челаковский мог пользоваться множеством рукописных текстов украинских песен из бумаг ученого³³. Г. Нудьга считает, что в 1815 г. польский лингвист Ежи Самуэль Бандтке (Jerzy Samuel Bandtkie / Bandtke, 1768–1835) переслал Добровскому набор украинских песен, полученный им от галицийского поляка Николая Гошовского (Mikołaj Moroz Hozzowskij, 1778–1828), собиравшего фольклор в Галиции³⁴. О том же еще более детально писал в 1930 г. и украинский исследователь Константин Чехович: он упоминал и то, что Гошовский, который публиковался под псевдонимом, записывал украинские тексты с помощью польского алфавита³⁵. В 1810-е гг. До-

32 *Čelakovský Fr. L. Slovanské národní písně. Kritické vydání / ed. K. Dvořák. Praha, 1946. S. 118–119. Первая публикация: Čelakovský Fr. L. Slowanské národní písně sebrané Frant. Ladisl. Čelakowským. W Praze, 1822. S. 156–157.*

33 *Francev V. A. Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského. Příspěvek k dialektologickým a folkloristickým studiím Dobrovského // Národopisný Věstník Československý. 1923. № XVI. S. 33–64.*

34 *Нудьга Г. Українська дума і пісня в світі. С. 200.*

35 *Чехович К. Йосиф Добровський і українська мова // Slavica — časopis pro slovanskou filologii. 1930–1931. № 9. S. 702.*

бровский не занимался этими рукописями. Позже, в 1820-е гг., 9 из 65 песен опубликовал Челаковский, а остальные нашли в 1923 г.³⁶ Францев в статье 1923 г. считал доказанным, что Челаковский работал не по песенникам, а выполнил перевод песни «Ехал козак...» по рукописи, найденной у Добровского, среди текстов, собранных в Галиции (№ 61)³⁷.

Источник опубликованный Челаковским в 1822 г. в сборнике «Slovakské národní písně»:

2.

Jichav kozak za Dunaj,
moviv: dívčino sproščaj,
ty koniku, voroniku,
nesi pohulaj.
Svišnuv kozak na konia,
budi zdrorova moloda,
vernu ja sja, kogda budet
jaka prihoda.

Vyišla ručki zalomavši,
a tiažemke zaplakavši
kak ty mene pokidaješ,
toliko podumaj!
Bělych ručok nelomaj
černych očok ne vteraj,
budi zdrorova, bo ja jidu
uže za Dunaj.

Рукописный источник из наследия Добровского, опубликованный Францевым в 1923 г.:

61.

1.

Jichaw kozak za Dunaj,
mowyw d'iwczyno spraszczaj
Ty konyku woronyku,
nesy pohulaj.
Swysnuw kozak na końja,
bud' zdrorowa mołoda,
Wernu ja šja, kohda budet
jaka pryhoda.

2.

Wyjszła ruczky załomawszy
i t'jaženko zaplakawszy,
Kak ty mene pokydajesz,
tolko podumaj,
Biłych ruczok nełomaj,
czornych oczok ne wteraj,
Bud' zdrorowa, bo ja jidu
uže na Dunaj.

Вильгельм Кюхельбекер: «Der Kosak und das Mädchen»

Конечно же, Наполеоновские войны и роль России в них чрезвычайно волновали и царскосельских лицеистов. В 1814 г. один из лучших друзей Пушкина, Вильгельм Кюхельбекер, набросал на листке бумаги стихотворение в четыре строфы, без названия, на немецком

36 См.: *Гудьга Г.* Українська дума і пісня в світі. С. 194.

37 *Francev V. A.* Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského. Příspěvek k dialektologickým a folkloristickým studiím Dobrovského.

языке³⁸. «Der Kosak und das Mädchen», как позднее был назван этот текст в специальной литературе, без каких бы то ни было примечаний, нашли в лицейских бумагах Кюхельбекера. Лишь позднее он был идентифицирован как перевод украинской песни, начинающейся со слов «Їхав козак за Дунай». Известно, что Кюхельбекер намеревался опубликовать его вместе с другими своими переводами в книге под рабочим названием «О древней российской словесности»³⁹. О том, что такая всеохватывающая вещь готовится, в Лицее знали многие. Антон Дельвиг рассказывает об этом в одной своей статье, а Алексей Илличевский в частном письме⁴⁰.

Мог ли знать Кюхельбекер об адаптации Тидге? Я уже упоминала, что впервые перевод Тидге был опубликован в прибалтийской газете. Балтийское направление важно нам в одном аспекте: именно здесь и обнаруживается недостающее звено, позволяющее с куда большей вероятностью предположить, что и Кюхельбекеру мог быть известен текст Тидге⁴¹. Ведь Кюхельбекер, хотя и родился в Петер-

38 К. Грот, публикуя бумаги I-го курса Царскосельского лицея, собранные его отцом, бывшим лицеистом, отметил следующее: «Еще сохранились два листка с двумя немецкими пьесами-песнями, писанными Кюхельбекером (автографы)...». Ниже Грот привел и сами тексты. См.: *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. СПб., 1998. С. 244, 246–247 (курсив в оригинале. — Ж. К.).

39 В одно и то же время Кюхельбекер переводит казацкую песню, Пушкин пишет стихотворение «Козак», а чуть позже Антон Дельвиг — балладу «Поляк». О тесной взаимосвязи этих трех текстов и последующей фольклоризации пушкинского текста см.: *Kalavszky Zs.* Puskin liceumi lírájának közköltészeti vonatkozásai egy ukrán dal tükrében // *Doromb. Közköltészeti tanulmányok 7* / ed. R. I. Csörsz. Budapest, 2019. 389–424. old.

40 *Прийма Ф.* Об одном немецком переводе... С. 171.

41 Прибалтийский регион, включавший в начале XIX в. сегодняшние Эстонию и Литву, возможно, сыграл роль не только в публикации немецкого перевода песни, но и в появлении на свет ее английского перевода. В 1803 г. в должность преподавателя английского и итальянского языков только что открывшегося Дерптского университета вступил оксфордский пастор и почетный профессор университета в Галле, бывший учитель английского языка прусской императрицы, к тому времени успевший уже перевести на английский немало немецких стихов, Бенямин Бересфорд (Benjamin Beresford, 1750–1819). В Дерпте (сегодня Тарту) он задержался ненадолго, до 1806 г., и вскоре уже преподавал в Харьковском университете, а затем в Москве, где вдобавок исполнял так-

бурге в 1797 г., детские годы провел у Рижского залива, где граничат сегодняшние Латвия и Эстония⁴². Он жил тут до 1811 г., до самого поступления в Царскосельский лицей, и до шестилетнего возраста говорил только по-немецки, так что он вполне мог быть знаком со стихотворением. Перевод Кюхельбекера куда ближе к оригиналу; что же касается немецкого переводчика, то он привнес в свой текст немало значительных изменений.

Перевод Кюхельбекера:

D. K.	Auf und fort der Donau zu! Lebe wohl, feins Liebchen du! Tummlе, tummlе dich mein Rappe, Strecke dich mein Ross!
D. M.	Wart, Kosak, o warte noch! Denkeinmal, bedenk dich noch: Du verlässt dein trautes Liebchen! S' Liebchen weint so sehr.
D. K.	Wein doch Mädchen nicht so sehr, Ring die Händ umsonst nicht mehr! Harre mein: ich kehre wieder, Bring viel Ruhm und Ehr.
D. M.	Nichts ist Her und Ruhm für mich, Ach, ich wünsch und will nur dich! Sei nur du gesund, mein Trauter, Und nichts kümmer mich! ⁴³

же пасторские обязанности. Бересфорд покинул Россию, когда прусский император Вильгельм III, основав в 1810 г. Берлинский университет, попросил его вернуться, чтобы занять место преподавателя в нем (*Anvelt I. Benjamin Beresford — The First English Lecturer at the University of Tartu // Estonian Association of Teachers of English. 2018. № 53. P. 9–13*). В 1816 г., уже в Лондоне, неутомимый литератор и переводчик издал за свой счет сборник «The Russian troubadour, or a collection of Ukrainian and other national melodies together with the words of each respective air translated into English verse by the author of the German Erato, interspersed with several favourite Russian songs», в котором под № 4 фигурирует снабженная нотами украинская песня «Cossack and his Love».

42 В детстве Кюхельбекер жил в Лифляндии, в имении Авенорм (Авинурме), а с 1808 г. — в эстляндском городе Верро (Выру).

43 Цит. по: *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. С. 246–247.

Перед каждой строфой Кюхельбекер указал, чья это реплика (D. K., т. е. казака, или D. M., т. е. девушки), далее поменял местами первую и вторую строки в первой и третьей строфах; во втором случае поменялись местами мотив *ломанья рук* и мотив *глаз* (слез). Более радикальное изменение Кюхельбекера заключается в том, что он перенес действие в *настоящее время*, заводя песню чуть ли не с боевого клича казака, в отличие от украинского текста, которому глагол «їхав» *прошедшего времени* сообщает эпический настрой. Как отмечает один из первых исследователей темы, патриотически настроенный Кюхельбекер по сути стилизовал украинское стихотворение *в военный, конный марш*⁴⁴. Для нас это изменение существенно, ведь в водевиле Шаховского Маруся запеваёт печально, медленно; и в песеннике у Львова — Прача тоже указано «Andante». Именно регистр Кюхельбекера, приближающий песню к военному маршу, привлек мое внимание к одной венгерской интерпретации этой украинской песни.

Венгерское распространение: квазифольклорные и литературные варианты

Известно, что в венгерский языковой ареал песня попала отнюдь не только благодаря журнальным публикациям немецкого перевода. Р. Галош пришел к выводу, что хождению песни на венгерских землях столь же, если не более, способствовала устная «распространительная» деятельность солдат-рекрутов, как явствует из найденных в Дьёре (Győr) венгерских переводов текста Тидге (см. русский перевод в Приложении I):

A' Kozák és Jegyese

A' Kozák.

Jegyese.

Ah, szép Minka! kell távoznom,

Hah! nem érzed te nagy kínom !

Messze bús földre utaznom

Messze te töled!

Homályban fog napom kelni

Könnyim éj' 's nappal ömleni,

Szám hegyekkel versent zengni

Minka felőled.

Ha Oliszom eltávozik,

Arczom színében változik,

Szívemtől öröm búcsúzik

'S bennem helyt nem lel.

Napnak, éjnek panaszlani

Fogom gyötrelmem nyújtani,

Minden szellőt szóllítani:

Olisz hol lehel?

44 *Прийма Ф.* Об одном немецком переводе... С. 173.

Soha téged nem feledlek	Némulni fognak énekim,
Karom ajkim feléd esdnek,	Mélyen csüggeni szemeim;
Téged tólem idvezülnek,	De ha ölelnek kezeim
‘S fáj bele a’ szív!	Minden másképp lesz.
Több hold fog változni, érzem,	Huljon-le orczád’ rózsája,
Még láthatlak, egy kérésem —	Vesszen korodnak virágja;
Végre, tedd-meg ezt Édesem	A’ vitézül nyert seb’ árja
Légy ah hozzám hív.	Téged szebbé tesz ⁴⁵ .

То есть текст разошелся одновременно по двум каналам: немецкий журнал доносил его до образованной публики, а в народе, передаваясь из уст в уста, ходили разные другие варианты: где-то «Szép Minka» («Красивая Минка»), где-то «Gyöngyöm Minkám» («Минка, жемчуг мой»), а где-то «Édes Minkám» («Минка милая моя»).

Кроме текстов, найденных Р. Галош, существовало множество других венгерских переложений Тидге. Несколько ее рукописных вариантов с указанием мест обнаружения с 1820-х гг. собрал Дюла Пергер. Вариации песни можно найти в «Balla Pál énekeskönyv» («Песенник Пала Баллы», 1827), в двух анонимных собраниях «Dalok» («Песни», 1823) и «Oblectamena animi» (1827), а также в изданном в первой половине XIX в. «Sárosi Mihály-melodiárium» («Мелодирии Михая Шароши»). Попала она и в «Énekek gyűjteménye» («Собрание песен»), опубликованное Ференцем Енеи (Ferenc Jenei). Печатали песню и в дешевых изданиях. Так, в вышедшей в 1823 г. брошюре «Két Dallok» («Две Песни») эта песня — первая («Минка, жемчуг мой, я должен [тебя] покинуть»). И по сути без изменений она перепечатана в брошюре Шандора Цеха «Világi Dallok» («Светские Песни»), датируемой приблизительно 1836–1840 гг.⁴⁶ Фигурирует она и в собрании любовных песен Йозефа Рапоша 1837 г. под названием «Távozás» («Разлука»)⁴⁷ и в других песенниках.

Свою популярность песня сохраняла вплоть до второй половины XIX в. Так, у одного из величайших венгерских эпиков XIX столе-

45 Один из найденных текстов, записанных в 1820-е гг. См.: *Gálos R. Tiedge Kozák-dalának ismeretlen fordításai.* 407–408. old.

46 *Perger Gy. Egy vidéki nyomda által kiadott «Világi dallok» // Doromb. Közköltészeti tanulmányok 6. / ed. R. I. Csörsz. Budapest, 2018. 236–237. old.*

47 *Csörsz R. I. A kesergő nimfától a fonóházi dalokig. Közköltészeti hatások a magyar irodalomban (1700–1800).* Budapest, 2016. 95. old.

тия Мора Йокаи (Mór Jókai) песня, начинающаяся со слов «*Gyöngyöm Minkám el kell válnom*» («Минка, жемчуг мой, я должен [тебя] покинуть») упоминается даже дважды, в романе «Венгерский набоб» («*Egy magyar nábob*», 1853–1854) и в новелле «Не тронь меня!» («*Ne nyúlj hozzám!*», 1863), причем, как замечает в этой связи историк венгерской литературы Габор Вадерна, «в обоих случаях в качестве текста столь популярного и общеизвестного, что он принадлежит, скорее, к регистру низкого стиля»⁴⁸. А еще и немецкий, и венгерский переводы песни приводит в своем в рассказе «*Gömög rózsái*» («Розы Гёмёра») Шандор (она же Шаролта) Вай (Sándor/Sarolta Vay, 1859–1918)⁴⁹.

«Русская песня» Теодора Кёрнера и «Казацкая песня» графа Ференца Телеки

Граф Ференц Телеки (1785–1831), математик и поэт, воспитывался в немецкой языковой среде и к венгерской культуре и поэзии обратился лишь во второй половине 10-х гг. XIX в. Большая часть стихов Телеки была опубликована уже после его смерти под редакцией Габора Дёбрентеи. Г. Вадерна обнаружил в архивах Телеки еще один вариант нашей песни. Вадерна искал источники стихотворения графа под названием «*Csata-dal*» («Боевая песня», или, еще точнее, «Песня сраженья») 1817 г. и пришел к выводу, что это стихотворение Телеки напрямую связано с другим его же стихотворением «*Egy Kozák dal /: Muszka nyelvből:/*» («Казацкая песня. С москальского»): «Боевая» звучит на мотив «Казацкой песни»⁵⁰. Вадерна цитирует источник, указанный самим Телеки: это песня, начинающаяся со слов «*Durch den Don schwimmt...*». Продолжая разматывать клубок, Вадерна обнаружил, что это первая строка стихотворения Теодора Кёрнера под названием «*Russisches Lied. Nach einer bekannten Melodie*» («Русская песня. На известную мелодию»), вышедшего в сборнике еще в 1814 г. В качестве источника текста Кёрнера автор исследования называет украинскую песню, подчеркивая — об этом я уже упоминала в связи с переводом Кюхельбекера, — что у этой песни, по крайней мере с 1808 г., существовал немецкий перевод, выполненный Тидге. Думаю, здесь непременно следует отметить, что поэт Теодор Кёрнер (Theodor Körner, 1791–1813), вероятнее всего, слышал песню от своих русских

48 *Vaderna G.* A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet // *Doromb: Közköltészeti tanulmányok* 3. / ed. R. I. Csörsz. Budapest, 2014. 40. old.

49 *Perger Gy.* Egy vidéki nyomda által kiadott «Világi dallók». 237. old.

50 *Vaderna G.* A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet. 39. old.

и украинских товарищей по оружию, солдат и казаков, будучи непосредственным участником Наполеоновских войн. Он сражался в партизанском отряде Лютцова (Lützow), одном из отрядов под командованием барона Фридриха Карла фон Теттенборна (Friedrich Karl von Tettenborn), действовавших совместно с казаками. Русская пресса тех лет придавала фигуре Кёрнера огромное значение; так, журнал «Вестник Европы» в 4-м номере за 1818 г. опубликовал большую статью о жизни и геройской гибели поэта, о стихах и переводах, популяризовавших русскую литературу, а на последней странице напечатал перевод Кёрнера песни «Ехал козак за Дунай», начинающийся словами «Durch den Don schwimmt...»⁵¹. Так что песня «возвратилась» в Россию и в этом немецком переводе.

Говоря об успехе песни в Западной Европе и ее различных музыкальных переложениях, Г. Вадерна делает существенное замечание: с течением времени переводы Тидге и Кёрнера разминулись, распространяясь по разным каналам и приживаясь в разных средах. Вадерна предполагает, что дальнейшее их квазифольклорное и характерное скорее для литературы распространение протекали одновременно и независимо друг от друга. До графа Телеки дошел перевод Кёрнера. Как полагает исследователь, «Казацкая песня: с Москальского» Телеки «несомненно, явилась на свет как часть инсurreкционной поэзии начала XIX в. В этой сфере одна из традиций элитарной и, как части ее, сословной поэзии и поэзии народной сближаются. В данном случае фольклоризируется аристократическое инсurreкционное стихотворение, происходящее из источника, который, вне всякого сомнения, является частью элитарной культуры»⁵².

В этой связи важно отметить, что ситуация, когда правят и актуализируют текст, приводя его в риторическое и тематическое соответствие с патриотическим духом поэзии, порожденной Наполеоновскими войнами, вовсе не уникальна в истории нашей песни. Известно, что сохранился и подобный русскоязычный вариант, где анонимный автор или авторы, переиначивая песню на потребу времени, даже дополнили ее новыми строками⁵³.

51 Статья является сокращенным переводом на русский язык биографии Кёрнера, написанной Тидге (переводчик — Сокольский): Биографические известия о Кернере // Вестник Европы. ХСVII. 1818. № 4. С. 258–273.

52 Vадерна G. A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet. 40–42. old.

53 «На протяжении всего времени песня имела более-менее устойчивый текст, состоявший всего из 16 строк. В 1818 г. неизвестный автор

Три перевода: Кёрнер, Кюхельбекер и Телеки

А теперь сравним немецкие варианты Кёрнера, Кюхельбекера и венгерский вариант графа Телеки в русском подстрочном переводе (см. венгерский оригинал в приложении).

Теодор Кёрнер 1814	Ференц Телеки до 1820 (?) ⁵⁴	Вильгельм Кюхельбекер 1814
Russisches Lied. Nach einer bekannten Melodie.	«Казацкая песня: с Москальского»	—
Er.		D. K.
Durch den Don schwimmt kampffentschlossen Der Kosack mit den Ge- nossen, Sagt zuletzt noch seinen Rossen, Seiner Braut Ade.	Плывет казак к берегу Дона, Valé говорит прекрасной Невесте, „Давай!, кличет лошадку свою, „Мы идем на битву.	Auf und fort der Donau zu! Lebe wohl, feins Liebchen du! Tummlle, tummlle dich mein Rappe, Strecke dich mein Ross!
Sie.		D. M.
Willst du treulos von mir scheiden, In die Schlacht des Todes reiten? Warum glaubt ich deinen eiden! Weh mir armen, weh!	„Постой, мое сокровище, на мольбу мою „оглянься назад на пе- чаль мою „что покидаешь меня так на гибель мою „одну тут.	Wart, Kosak, o warte noch! Denk einmal, bedenk dich noch: Du verlässt dein trautes Liebchen! S'Liebchen weint so sehr.

делает попытку обновить песню, придать ей патриотический настрой — в духе песен, сложенных в годы Наполеоновских войн. К основному тексту неизвестный стихотворец дописывает свои двадцать четыре строки, с которыми она и была напечатана в сборнике “Новейший полный и всеобщий песенник в 4-х частях” (СПб., 1818). Весь этот неуклюжий доверсок пропитан монархическими мотивами». См.: *Нудьга Г.* Про Семена Климовського і його пісню. С. 59 (перевод с украинского мой. — *Ж. К.*)

54 Со слов Г. Вадерны нам известно, что в переписке Телеки с Дёбрентеи «Казацкая песня» впервые упоминается в 1820–1821 гг.: *Teleki F. Gróf Teleki Ferencz' Versei, s nehány leveléből töredékek / ed. G. Döbrentei.* Buda, 1834. 222–228. old.

Er.		D. K.
Ringe nicht die zarten	„Не губи зазря больших	Wein doch Mädchen nicht
Hände,	глаз своих,	so sehr,
Mich die augen von mir	„Не сцепляй рученок,	Ring die Händ umsonst
wende,	„Со славой милого своего	nicht mehr!
Kehr ich siegreich doch	„получишь назад.	Harre mein: ich kehre
am ende		wieder,
Aus des Kampfes Glück.		Bring viel Ruhm und Ehr.

Sie.		D. M.
Denkst du wohl noch an	„Не нужно мне славы,	Nichts ist Her und Ruhm
mich arme	„Если ты мой, и верный,	für mich,
In der wilden Krieger	довольно.	Ach, ich wünsch und will
Shwarme?	„Прекрасная удача, до-	nur dich!
Kehre treu in meine arme,	брое здоровье	Sei nur du gesund, mein
Kehre bald zurück ⁵⁵ .	„Пусть будут с тобой	Trauter,
	оба” ⁵⁶ .	Und nichts kümmer mich!

Особенно интересно, что венгерский вариант Телеки в чем-то ближе к переводу Кюхельбекера 1814 г., а в чем-то к опубликованному в том же году переводу Кёрнера. Бесспорно, первая строфа у Телеки вторит лексике Кёрнера — венгерский поэт так же называет Дон, а не Дунай, употребляет (пусть латентно) глагол *плыть*, а не *скакать*, то есть родство обоих текстов предполагает прямое заимствование⁵⁷. Но если сравнить вариант Телеки с немецким переводом не только Кёрнера, но и Кюхельбекера, то обнаружатся и интересные расхождения. Так, несмотря на то, что оба переводчика используют настоящее время глагола вместо прошедшего в оригинале и оба перед каждой строфой называют говорящего, у Кёрнера — благодаря глаголам и предложениям в вопросительном и изъявительном наклонениях — стихотворение звучит более замедленно, ближе к нарративу, чем у Кюхельбекера и Телеки. Динамичный, изобилующий повелительными предложениями, призывный перевод Кюхельбекера сильно перекликается с венгерским текстом Телеки с его обращениями «давай! /

55 Стихи Кёрнера и Телеки цитируются по изданию: *Vaderna G. A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet // Doromb: Közköltészeti tanulmányok 3. / ed. R. I. Csörsz. Budapest, 2014. 39–40. old.*

56 Подстрочный перевод с венгерского Майи Цесарской.

57 Подмена в немецких переводах «Дуная» «Доном» многим бросилась в глаза еще в XIX в.

остановись! / не губи! / не сцепляй!»). Однако «Казацкую песню» Телеки и перевод Кюхельбекера сближает не только их боевой, маршевый дух. Так, в третьей строфе Телеки осуществляет точно ту же перемену мест, то есть мотивов (*глаза — руки*), что и Кюхельбекер, к тому же последние строки во второй и четвертой строфах немецкого и венгерского текстов совпадают, пускай и не буквально.

К сказанному нам нечего добавить. Ведь литературоведение ничего не знает о том, кому сам Кюхельбекер показывал свой перевод, в чьих руках он побывал после его смерти. Однако точно известно: в 1820 г. — когда прошло уже шесть лет с тех пор, как он перевел украинскую песню — Кюхельбекер в качестве секретаря князя Александра Нарышкина совершил путешествие по Европе, в ходе которого познакомился со многими немецкими поэтами — Гёте, Тиком, а также с Тидге⁵⁸. Подтверждено, например, что именно Кюхельбекер передал Тидге несколько лицейских стихов Пушкина. В 1821 г. без ведома автора в одном из немецких журналов было опубликовано пушкинское стихотворение «Роза»⁵⁹.

Что же касается «Казацкой песни» Телеки, то тут я лишь вправе предположить, что граф мог быть знаком не только с переводом Кёрнера, расхвалившимся по литературным каналам, но и с другими источниками.

* * *

Подведу предварительные итоги. На основании компаративного анализа очевидно, что первые переводы квазифольклорной вариации украинской песни «Їхав козак за Дунай» на чешский и венгерский язык появились в 1810-е гг. при посредничестве немецкого языка. Также можно констатировать, что в устном распространении этой вариации произведения на обеих языковых территориях огромную роль сыграли солдаты Наполеоновских войн. Многочисленные венгерские варианты песни, обнаруженные в рукописных и опубликованных сборниках, брошюрах и листовках, свидетельствуют, что на территории Венгерского королевства вариации «Їхав козак за Дунай» были популярными среди простонародья. При этом исследователям еще предстоит детально реконструировать маршруты их распространения.

58 О популяризации Кюхельбекером русской литературы на немецких территориях см., например: *Ершофф Г.* Прижизненная известность Пушкина в Германии // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1987. Т. 21. С. 68–78.

59 *Пушкин А. С.* Лицейские стихотворения, 1813–1817 / ред. В. Э. Вачуро // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 20-ти томах. СПб., 1999. Т. 1. С. 768.

Авторские переводы песни на чешский и венгерский языки появились в начале 1820-х гг. Источниками для единственного известного на сегодняшний день венгерского профессионального перевода, возможно, послужили не один а, как я это попыталась показать, несколько уже имевшихся немецкоязычных переводов. Чешские литераторы пользовались другими источниками. На волне интереса к славянскому фольклору они активно знакомились с русскими песенниками, а также текстами, пришедшими с украинских и польских территорий. Таким образом, одна и та же украинская песня в чешской среде была связана с обращением чехов к их славянским корням, а в венгерском обществе она была адаптирована как инсургентное, повстанческое, стихотворение в духе эпохи Наполеоновских войн.

Следует отметить, что Наполеоновские войны особенно благоприятствовали межкультурному взаимодействию. И анализ конкретного случая — распространения и адаптации песни «Їхав козак за Дунай» — позволяет говорить о Центральной Европе в начале XIX в. уже как о едином имажинарном культурном пространстве.

Приложение I

Казак и Суженая
(начало 1820-х гг.)

Казак

Ах, прекрасная Минка! мне пора,
Ох! Не чуешь ты великой муки моей!
Далече на смурную землю ехать,
Далече от тебя!
Сумрачно солнцу моему всходить,
Слезам моим ночью и днём течь,
Устам моим в голос с горами состязаться,
Минка, за тебя.

Никогда тебя не забуду,
Рукам моим, губам моим молить о тебе,
Тебя от меня привечать,
И сердцу от того болеть!
Много лун сменится, чую,
Покуда увижу тебя, об одном прошу —

Наконец, исполни это, Милая,
Будь, ах, верна мне.

Суженая.

Если мой Олис удалится,
Лицо мое в цвете изменится,
С сердцем моим радость прощается
И места во мне не сыщется.
Дню и ночи жалобиться
Буду, страданье длить,
Каждый ветерок окликать:
Олис где дышит?

Умолкнут песни мои,
Глубоко опечалятся глаза мои;
Но как обнимут тебя руки мои,
Всё по-другому будет.
Увянь роза лица твоего,
Опади цвет лет твоих;
Геройски полученной раны струя
Тебя краше делает⁶⁰.

Приложение II

Teleki Ferenc

Egy Kozák dal/:Muszka nyelvből:
1820 (?)

Usz a kozák Don partjának,
Valét mond szép Mátkájának,
„Rajta! szollal kis lovának,
Harczban megyünk mü.

„Meg állj kincsem kérésemre
„tekints vissza keservemre
„hogy hagysz engem így vesztmemre
„Csak egyedül itt.

60 Подстрочный перевод с венгерского Майи Цесарской.

„Ne rontsd ingyen nagy szemedet,
 „Ne kocsoljad kis kezedet,
 „Dicsőségel kedvesedet
 „Vissza nyered majd.

„Nem kell nékem a dicsőség,
 „Ha te enyim, s hiv vagy, elég.
 „Szép szerentse, jo egészség
 „Véled légyen mind”.

Источники и литература

Биографические известия о Кернере // Вестник Европы. ХСVII, 1818. № 4. С. 258–273.

Гозенпуд А. А. «Казак-стихотворец» // Оперный словарь. М.; Л.: Музыка, 1965. 480 с.

Грот К. Я. Пушкинский лицей. СПб.: Академический проект, 1998. 512 с.

Ершофф Г. Прижизненная известность Пушкина в Германии // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1987. Т. 21. С. 68–78.

Исаков С. Г. Материалы по русской литературе и культуре на страницах немецкой прибалтийской печати начала XIX века // Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение / ред. Б. Ф. Егоров, Ю. М. Лотман, В. Т. Адамс. Tartu, 1966 (Ученые записки Тартуского Университета, 184). С. 142–203.

Кириллина Л. «Schöne Minka» и ее сестры // Бортнянский и его время. К 250-летию со дня рождения Д. С. Бортнянского: Материалы международной конференции / Научные труды Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. М.: МГК, 2003. Т. 43. С. 191–205.

Кириллина Л. «Schöne Minka»: Судьба украинской песни в творчестве Бетховена // Проблемы взаємодії мистецтва, педагогіки та теорії і практики освіти: зб. наук. ст. Бетховен — terra incognita / ред. Г. І. Ганзбург. Харків: Видавництво ТОВ С. А. М., 2015. С. 5–23.

Нудьга Г. Про Семена Климовського і його пісню // Радянське літературознавство. 1960. № 4. С. 53–66.

Нудьга Г. Українська дума і пісня в світі. Львів: Інститут народознавства НАН України, 1997. 419 с.

Прийма Ф. Об одном немецком переводе украинской народной песни «Їхав козак за Дунай» // Русская литература. Историко-литературный журнал. 1960. № 3. С. 170–174.

Пушкин А. С. Лицейские стихотворения, 1813–1817 / ред. В. Э. Вацуро // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 20-ти томах. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. 839 с.

Русские казаки в Париже двести лет назад // LiveJournal (блог). 31 марта 2014. URL: <https://vita-colorata.livejournal.com/652951.html> (дата обращения: 15.08.2020).

Собрание русских народных песен с их голосами / на муз. положил И. Прач; под ред. и с вступ. статьей В. М. Беляева. М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. 350 с.

Сперанский М. Н. Малорусская песня в старинных русских печатных песенниках // Этнографическое обозрение. 1909. № 2–3. С. 120–144.

Файбисович В. Русские песенники в прусской гвардии // Родина (blog). 01 июня 2017. URL: <https://rg.ru/2017/05/30/rodina-ermitag.html> (дата обращения: 12.01.2020).

Францев В. А. Очерки по истории чешского Возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1902. 473 с.

Францев В. А. Русские в Чехии. 1813–1823. Прага: Изд. Э. П. Гейстлиха, тип. Политика, 1913. 63 с.

Чехович К. Йосиф Добровський і українська мова // Slavia — časopis pro slovanskou filologii. 1930–1931. № 9. С. 697–725.

Anvelt I. Benjamin Beresford — The First English Lecturer at the University of Tartu // Estonian Association of Teachers of English. 2018. № 53. P. 9–13.

Berkes T. The Ideal of Folk Culture in the Literature of the Czech National Rebirth // History of the Literary Cultures of East-Central Europe III. New York, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 298–309.

Böhme F. M. Volksthümliche Lieder der Deutschen im 18. und 19. Jahrhundert. Nach Wort und Weise aus alten Drucken und Handschriften, sowie aus Volksmund zusammengebracht, mit kritisch-historischen Anmerkungen versehen und herausgegeben von Franz Magnus Böhme. Leipzig, 1895. xxi, [1], 628 s.

Čelakovský Fr. L. Slovanské národní písně. Kritické vydání / ed. K. Dvořák. Praha: Kuncíř, 1946. 729 s.

Čelakovský Fr. L. Slowanské národnj písně sebrané Frant. Ladisl. Čelakowským. W Praze: Josefa Fetterlowá z Wildenbrunu. W Praze, 1822. 232 s.

Clive P. Beethoven and His World: A Biographical Dictionary. Oxford, 2001. 490 p.

Csörsz R. I. A kesergő nimfától a fonóházi dalokig. Közköltészeti hatások a magyar irodalomban (1700–1800). Budapest: Reciti, 2016. 446. old.

Francev V. A. Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského. Příspěvek k dialektologickým a folkloristickým studiím Dobrovského // Národopisný Věstník Československý. 1923. № 16. S. 33–64.

Gálos R. Tiedge Kozák-dalának ismeretlen fordításai // Irodalomtörténeti Közlemények. 1937. Vol. 4. 407–408. old.

Hanka V. Kozákovo loučení // Prwotiny pěkných uměňj (Cýsařské královské wjeďenské nowiny). 1813. № 23. S. 136.

Hanka V. Hankovy písně a prstonárodní srbská muza, do Čech převedená / ed. J. Máchal. Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, Slovesnost a umění. Praha, 1918. 264 s.

Hexelschneider E. Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß auf die Verbreitung russischer Volksdichtung in Deutschland // Zeitschrift für Slawistik. 1963. Vol. 8. S. 676–688.

Kalavszky Zs. Puskin líceumi lírájának közköltészeti vonatkozásai egy ukrán dal tükrében // Doromb. Közköltészeti tanulmányok 7. / ed. R. I. Csörsz. Budapest: Reciti, 2019. 389–424. old.

Perger Gy. Egy vidéki nyomda által kiadott «Világi dallok» // Doromb. Közköltészeti tanulmányok 6. / ed. Csörsz R. I., Budapest: Reciti, 2018. 229–254. old.

Porkoláb T. Szempontok a francia háborúk inszurrekciós költészetének textológiai és filológiai vizsgálatához // Textológia — filológia — értelmezés / eds. M. Czifra, M. Szilágyi. Csokonai Könyvtár: Bibliotheca Studiorum Litterarium 55. Debrecen, 2014. 191–214. old.

Teleki F. Gróf Teleki Ferencz' Versei, 's nehány leveléből töredékek / ed. Döbrentei G. Buda, 1834. 246. old.

Über russische Soldatenlieder // Allgemeine musikalische Zeitung, 1814. № 31, August 3. S. 515–518.

Vaderna G. A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet // Doromb: Közköltészeti tanulmányok 3. / ed. R. I. Csörsz. Budapest: Reciti, 2014. 3–50. old.

Waldapfel J. A Ziska második részéhez // Irodalomtörténeti Közlemények. 1935. Vol. 3. 307–308. old.

Waldbrühl W., von. Slawische Balalaika. Leipzig, 1843. 524 s.

References

Anvelt, I. “Benjamin Beresford — The First English Lecturer at the University of Tartu.” *Estonian Association of Teachers of English*, no. 53, 2018, pp. 9–13.

Berkes, T. “The Ideal of Folk Culture in the Literature of the Czech National Rebirth.” *History of the Literary Cultures of East-Central Europe* – 3, New York, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007, pp. 298–309.

Čelakovský, Fr. L. *Slovanské národní písně. Kritické vydán*, ed. by K. Dvořák. Prague: Kuncič, 1946, 729 p.

Chekhovych, K. “Іосyf Dobrovs'kyi i ukraїns'ka mova.” *Slavia – časopis pro slovanskou filologii*, no. 9, 1930–1931, pp. 697–725.

Clive, P. *Beethoven and His World: A Biographical Dictionary*. Oxford, 2001, 490 p.

Csörsz, R. I. *A kesergő nimfától a fonóházi dalokig. Közköltészeti hatások a magyar irodalomban (1700–1800)*. Budapest: Reciti, 2016, 446 p.

Ershoff, G. “Prizhiznennaia izvestnost' Pushkina v Germanii.” *Vremennik Pushkinskoj komissii*, vol. 21, Leningrad: Nauka, 1987, pp. 68–78.

Faibisovich, V. “Russkie pesenniki v prusskoj gvardii.” *Rodina*, 01 June 2017, <https://rg.ru/2017/05/30/rodina-ermitag.html>. Accessed 12 Jan. 2020.

Francev, V. A. “Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského. Příspěvek k dialektologickým a folkloristickým studiím Dobrovského.” *Národopisný Věstník Československý*, no. 16, 1923, pp. 33–64.

Frantsev, V. A. *Očerki po istorii cheshskogo Vozrozhdeniia: Russko-cheshskie uchenye sviazi kontsa XVIII i pervoi poloviny XIX st.* Warsaw: Tip. Varshavskogo ucheb. okruga, 1902, 473 p.

Frantsev, V. A. *Russkie v Chekhii. 1813–1823*. Prague: Izd. Ě. P. Gejštikha, tip. Politika, 1913, 63 p.

Gálos, R. “Tiedge Kozák-dalának ismeretlen fordításai.” *Irodalomtörténeti Közlemények*, vol. 4, 1937, pp. 407–408.

Gozenpud, A. A. “Kazak-stikhotvoret.” *Opernyi slovar'*. Moscow, Leningrad: Muzyka, 1965, 480 p.

Grot, K. Ia. *Pushkinskii litsei*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 1998, 512 p.

Hanka, V. *Hankovy písně a prstonárodní srbská muza, do Čech převedená*, ed. by J. Máchal. Prague: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, Slovesnost a umění, 1918, 264 p.

Hexelschneider, E. “Die deutschen Befreiungskriege und ihr Einfluß auf die Verbreitung russischer Volksdichtung in Deutschland.” *Zeitschrift für Slawistik*, vol. 8, 1963, pp. 676–688.

Isakov, S. G. “Materialy po rusškoj literature i kul'ture na ctranitsakh nemetskoj pribaltiňskojo pečati nachala XIX veka.” *Trudy po rusškoj i slavianskoj filologii. Vol. 9. Literaturovedenie*, ed. by B. F. Egorov, Iu. M. Lotman, V. T. Adams, Tartu: s. n., 1966, pp. 142–203.

Kalavszky, Zs. “Puskin líceumi lírájának közköltészeti vonatkozásai egy ukrán dal tükrében.” *Doromb. Közköltészeti tanulmányok 7*, ed. by R. I. Csörsz, Budapest: Reciti, 2019, pp. 389–424.

Kirillina, L. “«Schöne Minka» i ee sestry.” *Bortnianskii i ego vremia. K 250-letiiu so dnia rozhdeniia D. S. Bortnianskogo: Materialy mezhdunarodnoj kon-*

ferentsii, Nauchnye trudy Moskovskoi gosudarstvennoi konservatorii im. P. I. Chaikovskogo, vol. 43, Moscow: MGK, 2003, pp. 191–205.

Kirillina, L. “«Schöne Minka»: Sud’ba ukrainskoj pesni v tvorcestve Betkhovena.” *Problemy vzaimodii mystetstva, pedahohiky ta teorii i praktyky osvity. Beethoven – terra incognita*, ed. by H. I. Hanzburh, Kharkiv: Vydavnytstvo TOV S. A. M., 2015, pp. 5–23.

Nud’ha, H. “Pro Semena Klymovs’koho i ioho pisniu.” *Radnians’ke Literaturoznavstvo*, no. 4, 1960, pp. 53–66.

Nud’ha, H. *Ukrains’ka дума i pisnia v sviti. Naukove vydannia Instytut narodoznavstva NAN Ukraïny*. Lviv: The Ethnology Institute of NAS of Ukraine, 1997, 419 p.

Perger, Gy. “Egy vidéki nyomda által kiadott «Világi dallok».” *Doromb. Köz-költészeti tanulmányok 6*, ed. by R. I. Csörsz, Budapest: Reciti, 2018, pp. 229–254.

Porkoláb, T. “Szempontok a francia háborúk inszurrekciós költészetének textológiai és filológiai vizsgálatához.” *Textológia – filológia – értelmezés*, ed. by M. Czifra, M. Szilágyi, Debrecen, 2014, pp. 191–214.

Priima, F. “Ob odnom nemetskom perevode ukrainskoj narodnoj pesni «Īkhav kozak za Dunaĭ».” *Russkaia literatura. Istoriko-literaturnyĭ zhurnal*, no. 3, 1960, pp. 170–174.

“Russkie kazaki v Parizhe dvesti let nazad.” *LiveJournal*, 31 March 2014, <https://vita-colorata.livejournal.com/652951.html>. Accessed 15 Aug. 2020.

Sobranie russkikh narodnykh pesen s ikh golosami, ed. by V. M. Beliaev. Moscow: State Music Publ., 1955, 350 p.

Speranskiĭ, M. N. “Maloruskaia pesnia v starinnykh russkikh pechatnykh pensnikakh.” *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 2–3, 1909, pp. 120–144.

Vaderna, G. “A közköltészet kutatása és az irodalomtörténet.” *Doromb: Köz-költészeti tanulmányok 3*, ed. by R. I. Csörsz, Budapest: Reciti, 2014, pp. 3–50.

Waldapfel, J. “A Ziska második részéhez.” *Irodalomtörténeti Közlemények*, vol. 3, 1935, pp. 307–308.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.06

Kalavszky Zs.

Transformations of a Ukrainian song in Hungarian territories during the first half of the 19th century

Kalavszky Zsófia

PhD, research fellow

Institute for Literary Studies, Research Centre for the Humanities (MTA Centre of Excellence)

1118 Ménesi út. 11-13, Budapest, Hungary

E-mail: kalavszky.zsofia@btk.mta.hu

ORCID: 0000-0003-1276-3243

Citation

Kalavszky Zs. Transformations of a Ukrainian song in Hungarian territories during the first half of the 19th century // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 420–451 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.06

Received: 01.12.2020.

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project № 18-512-23002.

Abstract

In my study I examine through what channels the Ukrainian song “*Īhav kozak za Dunaj*” reached Czech and Hungarian territories through German mediation at the beginning of the 19th century. In the German-speaking territories, the Ukrainian song was spreading in German almost like a folk song. “*Schöne Minka*”, a Christophor Tiedge’s adaptation of the Ukrainian song, which differs significantly from the original, probably reached the territory of the Czech Crown and later the Kingdom of Hungary in the 1810s with the soldiers participating in the Napoleonic wars. A decade later, another version of the Ukrainian song much closer to the original appeared in the Czech and Hungarian territories. In Czech this version was published by František Čelakovský in 1822, and we owe the creation of the Hungarian version to Count Ferenc Teleki. Teleki did not work with Russian or Ukrainian sources, he translated the Ukrainian song into Hungarian with the help of a German translation. This text mediating between Ukrainian and Hungarian is Theodor Körner’s translation “*Russisches Lied*”. At the same time, Teleki’s translation is especially exciting for Russian and Hungarian literature since it shows surprising correspondences with Wilhelm Küchelbecker’s text “*Der Kosak und das Mädchen*” (1814), which is also a translation of the Ukrainian song.

Keywords

Comparative literature, translation, Napoleon wars, Īhav kozak za Dunaj, Schöne Minka, songbooks, insurrection poetry, Christoph Tiedge, Václav Hanka, František Čelakovský, Ferenc Teleki, Wilhelm Küchelbecker.

УДК 94: «1962»

Ковалёв М. В.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.5.01

**В. М. Жирмунский в Венгрии, 1962 г.:
из истории научных связей¹**

Ковалёв Михаил Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

Институт всеобщей истории РАН

119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

Архив РАН

117418, ул. Новочеремушкинская 34, Москва, Российская Федерация

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4722-818X

Цитирование

Ковалёв М. В. В. М. Жирмунский в Венгрии, 1962 г.: из истории научных связей // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 452–476.

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.5.01

Статья поступила в редакцию 21.04.2020.

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 18-78-00102.

Аннотация

Публикуется научный отчет выдающегося лингвиста и литературоведа В. М. Жирмунского о его поездке в Будапешт в октябре 1962 г. на международную конференцию по сравнительному литературоведению. Этот документ примечателен не только в контексте истории советско-венгерских научных связей и интеллектуальных обменов между социалистическими странами, а также в свете истории литературоведения и славистики. Он интересен тем, что отражает взгляды крупного ученого на развитие международных научных контактов, показывает его критику советской академической бюрократии, осторожную неудовлетворенность существующей системой управления наукой. Отчет также примечателен в связи с изучением интеллек-

1 Выражаю слова благодарности за ценные советы и помощь при подготовке статьи А. С. Стыкалину (Институт славяноведения РАН) и А. Бабушу (Отдел рукописей Библиотеки Венгерской академии наук).

туальных трансферов в эпоху холодной войны. Представленный документ обнажает болевые точки в истории советской научной дипломатии. Подробная вступительная статья показывает взаимодействие В. М. Жирмунского и его коллег с венгерскими учеными, их совместные исследовательские проекты. Особое место отводится фигуре видного венгерского литературоведа и писателя Иштвана Шётера, который выступил инициатором конференции 1962 г. Обрисованы его отношения с советскими учеными, в частности с Ю. Г. Оксманом, которого венгерский ученый тщетно пытался пригласить на упомянутую будапештскую конференцию. При этом делается вывод, что трудности в развитии международных связей советских ученых помимо идеологических причин были обусловлены низкой эффективностью управления и бюрократизацией.

Ключевые слова

В. М. Жирмунский, И. Шётер, Ю. Г. Оксман, литературоведение, международные научные связи, научная дипломатия, холодная война, Венгрия.

Отчеты советских ученых о заграничных командировках относятся к числу слабоизученных исторических источников. Они довольно редко подлежали открытой публикации. Большая их часть носила служебный или вовсе закрытый характер, а потому оседала в архивах. В этом плане интересны фонды Главного управления внешних связей АН СССР (Ф. 579) и Управления научного сотрудничества с социалистическими странами АН СССР (Ф. 681) в Архиве РАН, где сохранился огромный массив подобных источников. Правда, было бы неверным считать, что именно там сосредоточен весь комплекс отчетов, ведь в заграничные командировки направлялись не только сотрудники Академии наук, но и преподаватели высших школ, работники отраслевых научно-исследовательских институтов, музеев и архивов. В международные связи были включены как столичные, так и региональные ученые². К тому же названные фонды содержат немало

2 Пахомова А. В. *Das War ein Land: воспоминания о научной стажировке в ГДР в 1978/1979 гг.* // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 214–225; Курасова А. С. Академическая мобильность по-советски: научные командировки преподавателей высших учебных заведений (1956–1986 гг.) //

тематических и хронологических пробелов. Документы сдавались в архив не всегда аккуратно и порой не в полном объеме. Тем важнее выявлять отчеты о заграничных командировках в фондах конкретных организаций, а также в личных фондах тех советских ученых, кто был включен в систему международных научных связей и имел возможность поездок за границу. В первую очередь речь идет о крупных научных деятелях, обладавших как высоким авторитетом, так и выездным статусом. Этот статус зачастую определялся сложным комплексом факторов, к которым относились политическая лояльность, отношения с руководством, партийность, отсутствие грифа секретности на проводимых исследованиях, включенность в общественные организации, социальное и национальное происхождение, семейное положение и др. Исследователи уже обратили внимание, что Холодная война внесла изменения в статус советских ученых мирового уровня. Среди них «когорта так называемых медийных лиц, на которых руководство СССР возлагало задачи презентации новейших достижений советской науки, продвижение ее образа как мирового лидера»³. Но далеко не всегда таковыми оказывались высокопоставленные научные бюрократы или пропагандисты. Формирование позитивного образа советской науки за рубежом требовало включения в практику международного сотрудничества авторитетных исследователей, которые далеко не всегда являлись партийными или общественными активистами, выделялись своим свободомыслием, не всегда укладывавшимся в генеральную линию, а порой откровенно фрондировали⁴.

К числу таковых ученых относился выдающийся литературовед и лингвист, академик АН СССР Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971). В его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились многочисленные свидетельства об обширных международных научных связях, в том числе о поездках за границу в 1950–1960-е гг. Примечателен его отчет об одной из командировок, состоявшейся в конце октября 1962 г., когда его пригласили в Будапешт для участия в конференции по проблемам сравнительного литературоведения. Отчет о поездке содержит не только интерес-

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2018. С. 313–320.

3 Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989. М., 2018. С. 100.

4 Разумеется, такое включение было обставлено многочисленными ограничениями и повышенным контролем.

ные подробности из истории советско-венгерских научных связей и интеллектуальных обменов внутри социалистического блока, или из истории литературоведения и славистики. Он также отражает взгляды этого ученого на практики международного сотрудничества и содержит критические оценки работы советской академической бюрократии.

Конференция была созвана по инициативе Венгерской академии наук. И так уж совпало, что время ее работы, 25–29 октября 1962 г., пришлось на обострение Карибского кризиса. Ученым разных стран предстояло обсуждать взаимодействия национальных литератур и поиск общих точек культурного соприкосновения в пору, когда человечество находилось на пороге ядерного конфликта. Гуманистические ценности мировой литературы в буквальном смысле оказались перед лицом смертоносной угрозы. К сожалению, известные на сегодняшний день источники не позволяют судить о настроениях и раздумьях участников конференции.

В Будапешт были приглашены именитые ученые социалистических стран, как, например, профессор Ян Мукаржовский (Jan Muкаřovský; 1891–1975), активнейший участник Пражского лингвистического кружка и крупнейший представитель чехословацкого структурализма, виднейший болгарский литературовед, фольклорист, исследователь межславянских культурных связей Петр Диневков (1910–1992), или румынский историк литературы, критик и переводчик Тудор Виану (Tudor Vianu; 1898–1964), зачинатель сравнительного литературоведения в Бухарестском университете. Заслуживает внимания и фигура немецкого профессора Вернера Краусса (Werner Krauss; 1900–1976), филолога-романиста и специалиста по литературе эпохи Просвещения, который в годы Второй мировой войны входил в знаменитую шпионскую антифашистскую сеть «Красная капелла», был арестован гестапо в ноябре 1942 г. и лишь чудом сумел избежать смерти в нацистских застенках.

Советскую делегацию возглавлял академик Михаил Павлович Алексеев (1896–1981), крупнейший исследователь российско-европейских литературных связей, а ее членами, помимо В. М. Жирмунского, были профессор Ирина Григорьевна Неупокоева (1917–1977), специалист по романтизму из ИМЛИ АН СССР, и Саломея Григорьевна Арешян (1913–1966), исследовательница российско-армянских литературных связей из Института литературы АН Армянской ССР. Примечательно, что И. Г. Неупокоева незадолго до поездки в Будапешт выступила с важной статьей «Некоторые вопросы изучения взаимо-

связей и взаимодействия литератур»⁵. И пусть в этой работе в духе времени цитировалась речь Н. С. Хрущева, критиковалась «реакционная буржуазная литература и эстетика» и «атлантическая цивилизация», в ней содержался научно актуальный призыв к изучению международных литературных связей, делалась важная оговорка о сложностях процесса интеллектуального взаимодействия, которое нередко развивалось между представителями разных идейных направлений, социальных и этических взглядов.

Главным организатором конференции был венгерский литературовед, писатель и переводчик Иштван Шётер (István Sőtér; 1913–1988). Он был воспитанником престижного Коллегиума Йожефа Этвёша при Будапештском университете (1931–1935), там увлекся историей европейских литератур. В 1935–1936 гг. И. Шётер стажировался во Франции, вернувшись в Будапешт, преподавал французский язык в стенах *alma mater*, затем трудился в университетской библиотеке, занимался литературным творчеством. В 1939–1945 гг. И. Шётер работал в Будапештской торгово-промышленной палате (*Budapesti Kereskedelmi és Iparkamara*). Лишь после окончания Второй мировой войны он получил возможность в полной мере погрузиться в научную работу. В 1945 г. И. Шётер стал профессором Научно-исследовательского института Пала Телеки (*Teleki Pál Tudományos Intézet*), занимавшегося изучением истории, культуры, социальной и экономической жизни венгров и их ближайших соседей. В августе 1946 г. он был приглашен на работу в министерство по делам религии и народного образования. В 1948 г. И. Шётер стал профессором в Сегеде и проработал там до 1952 г., когда получил предложение занять кафедру в Будапештском университете. Вдобавок в 1953 г. он стал ректором, пробыв на этом посту до 1956 г.⁶ С 1960 по 1969 гг. И. Шётер был президентом Венгерского ПЕН-клуба. Одновременно он развивал академическую карьеру, став в 1957 г. директором Института литературы Венгерской академии наук. В этой должности он проработает до 1983 г. И. Шётер обладал значительной интернациональной научной репутацией, потому в 1970–1973 гг. возглавлял Международную ассоциацию сравнительного литературоведения.

Венгерский ученый живо интересовался русской и советской литературой, ратовал за увеличение масштабов и улучшение качества

5 Неупокоева И. Г. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия литератур // Известия АН Армянской ССР. 1960. № 5–6. С. 3–22.

6 Повторно И. Шётер будет занимать ректорский пост в 1963–1966 гг.

переводов с русского языка на венгерский⁷. В конце 1950-х гг. он начал активно изучать русский язык⁸, занимался осмыслением русского литературного влияния в Венгрии. В 1961 г. на международном конгрессе литературоведов в Утрехте И. Шётер сделал доклад о сравнительном изучении русской и венгерской литературы⁹.

В 1958 г. он посетил Москву и о своих впечатлениях рассказал вскоре в книге очерков «Вид с высоты птичьего полета»¹⁰. И. Шётер познакомился со многими советскими деятелями науки и культуры. Особенно сблизился он с Юлианом Григорьевичем Оксманом (1895–1970). Время их знакомства как раз совпало с судьбоносным для советского литературоведа окончательным переездом из Саратова в Москву¹¹. На протяжении 1950–1980-х гг. И. Шётер будет плотно сотрудничать с советскими учеными, в особенности из Института мировой литературы АН СССР. Взаимодействие это выразится в различных формах. Едва ли не главными его вехами станет подготовка фундаментального совместного исследования по истории двухсторонних литературных связей, вышедшего по-венгерски¹² и в сокращенном виде по-русски¹³, а также коллективного труда о европейском романтизме¹⁴. Среди близких коллег и знакомых И. Шётера назовем И. Г. Неупокоеву, Бориса Леонтьевича Сучкова (1917–1974), Олега Константиновича Россиянова (1921–2016), Дмитрия Федоровича Маркова (1913–1990), Николая Ивановича Балашова (1919–2006). В 1950-х гг. И. Шётер живо интересуется исканиями русских форма-

7 *Scheibner T. A Magyar irodalomtudomány szovjetizálása: A szocialista realista kritika és intézményei, 1945–1953.* Budapest, 2014. 192. old.

8 *Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye* (далее — МТА Könyvtár). Ms 5978/185.

9 МТА Könyvtár. Ms 5971/133.

10 *Sőtér I. Madártávtlat: Esszék városokról.* Budapest, 1959.

11 Вскоре после освобождения из лагеря, 10 апреля 1947 г., Ю. Г. Оксман поступил на работу в Саратовский государственный университет. 20 ноября 1956 г. он перешел на основную работу в Институт мировой литературы АН СССР, оставив при этом полставки профессора в Саратове. Окончательно он уволился из университета 1 октября 1958 г. См.: Архив Саратовского государственного университета. Оп. 1. Д. 298 (Личное дело Ю. Г. Оксмана). Л. 1, 101, 110, 112.

12 *Tanulmányok a magyar–oroszi irodalmi kapcsolatok köréből.* Budapest, 1961. 1–3. köt.

13 Венгерско-русские литературные связи: Сборник статей. М., 1964.

14 Европейский романтизм. М., 1973.

листов, инициирует издание на венгерском языке работ Виктора Борисовича Шкловского (1893–1984), занимается организацией его приезда в Будапешт¹⁵. В контексте этого интереса связи с В. М. Жирмунским, приглашенным на конференцию 1962 г., приобретают особый оттенок, поскольку тот был близок к «формальной школе» и по праву считался одним из главных теоретиков литературоведения.

Поездка в Будапешт дала В. М. Жирмунскому возможность встретиться с давними знакомыми, например с Миклошем Хуттерером (Miklós Hutterer; 1930–1997), который был его аспирантом в 1955–1958 гг. и защитил диссертацию о немецких говорах Центральной Венгрии¹⁶. Впоследствии М. Хуттерер станет одним из ведущих венгерских специалистов в сфере индоевропейской лингвистики, диалектологии и социолингвистики¹⁷. Другая встреча произошла с востоковедом, лингвистом Дюлой Неметом (Gyula Németh; 1890–1976), который в ту пору возглавлял Институт языкознания Венгерской академии наук (1950–1965). Венгерский ученый с большим почтением относился к трудам В. М. Жирмунского о тюркском героическом эпосе и состоял с ним в рабочей переписке¹⁸. Здесь следует отметить, что исследования В. М. Жирмунского вообще привлекали большое внимание венгерских филологов и историков, многократно цитировались как в монографических исследованиях, так и на страницах ведущих научных журналов «*Studia Slavica*», «*Acta Orientalia*», «*Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae*», «*Helikon*». Его научный авторитет, равно как и авторитет И. Шётера, был неоспоримо высок. Не случайно чехословацкая исследовательница Людмила Лантова (Ludmila Lantová; род. 1926) говорила о большом методологическом влиянии работ обоих ученых в области сравнительного литературоведения, важных для «адекватной интерпретации и характеристики литературных явлений»¹⁹.

15 МТА Könyvtár. Ms 5778/182.

16 *Хуттерер М.* Немецкие говоры Центральной Венгрии. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1958; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 1001. Оп. 3. Д. 96. Л. 1–4.

17 *Manherz K.* Búcsú Hutterer Miklóstól // *Magyar Nyelv*. 1998. 94. évf. 2. Sz. 227–228. old.

18 ПФА РАН. Ф. 1001. Оп. 3. Д. 625. Л. 1–11.

19 *Lantová L.* Pamietnik literacki o komparatistice // *Česká literatura*. 1969. Sv. 17. Č. 5. S. 531.

И. Шётер был доволен конференцией, своими благожелательными впечатлениями он делился в октябре 1963 г. в письме к Ю. Г. Оксману: «На этом конгрессе большое значение имели работа и участие советской делегации, лекции профессоров Алексеева и Жирмунского. Беседы с ними дали мне исключительно многое, и эти два отличных коллеги стали мне очень близкими»²⁰. Будапештская конференция способствовала укреплению деловых коммуникаций В. М. Жирмунского и давала хорошую возможность лично представить результаты своих исследований зарубежным коллегам. В. М. Жирмунский, как человек широкого культурного кругозора, как литературовед-компаративист, прекрасно осознавал важность развития международных интеллектуальных контактов. Вернувшись в Ленинград, 6 ноября 1962 г. он подписал по-французски открытку для И. Шётера, в которой еще раз благодарил за сердечный прием в Будапеште и выражал надежду на скорый ответный визит венгерского коллеги²¹.

Скоре после возвращения В. М. Жирмунский составит отчет о поездке. Примечательно, что после подробного рассказа о конференции он перейдет к описанию важных проблем интернационального научного сотрудничества и управления наукой в целом. Он сделает акцент на трудностях оформления командировок, плохой организации поездок, их длительном согласовании. Он упоминает случай Сергея Александровича Миронова (1910–1998), специалиста в области голландского и немецкого языков, который из-за бюрократических проволочек смог прибыть на международный съезд в Нидерландах лишь в день его закрытия. С. А. Миронов назван не случайно. В конце 1930-х гг. он был аспирантом В. М. Жирмунского в Ленинградском университете и под его руководством подготовил диссертацию. Работа была посвящена развитию аналитизма в системе склонения немецких диалектов в Поволжье и тематически оказалась сгенерирована научными наработками В. М. Жирмунского в период его профессорства в Саратове в 1917–1921 гг.

В советской научной реальности, как известно, за границу пускали не всех. Многие талантливые ученые были вынуждены носить клеймо невыездных. Показателен случай Ю. Г. Оксмана. Делясь впечатлениями о конференции, И. Шётер в октябрьском письме 1963 г. сокрушался, что его советский коллега вопреки официальному приглашению отсутствовал: «Я сожалею лишь, что среди членов делегации

20 МТА Könyvtár. Ms 5971/133.

21 МТА Könyvtár. Ms 5975/147.

не удалось увидеть и Вас. Не присутствовал, к моему сожалению, и академик Виноградов, с научной деятельностью которого я уже познакомился давно, а после личного знакомства с ним в Москве почувствовал, что круг моих знакомых пополнился еще одним человеком, к которому, как и к Вам, я питаю особые чувства и уважение. Итак, наконец, постепенно сформируются такие отношения с советской наукой, к которым я так стремился, и во что Вы внесли наибольший вклад»²². Если обратиться к архивным документам, то выяснится, что И. Шётер неоднократно пытался организовать визит Ю. Г. Оксмана в Будапешт. Еще в начале 1959 г. он писал коллеге в Москву: «Наша Академия официально запросила Ваш визит у Академии наук СССР, я лично получил обещание на ваш визит в Венгрию от руководства Первого отдела Академии наук СССР. <...> После нашей встречи в Москве я по-прежнему хочу, чтобы наши контакты стали регулярными, и не только в форме переписки. Я с нетерпением жду продолжения нашего первого разговора, и именно поэтому я был бы счастлив, если бы Вы посетили нашу страну. Так думаю не только я, но и большое количество венгерских студентов, которые одинаково были бы рады узнать об этом»²³. Воодушевленный Ю. Г. Оксман планировал приехать весной или осенью, однако поездка не состоялась. И. Шётер был разочарован исходом дела, но 8 июля 1960 г. вновь поинтересовался у Ю. Г. Оксмана возможностью его приезда и обещал подготовить приглашение от имени Президента Венгерской академии наук на конец 1960 г. или на 1961 г.²⁴ 12 октября 1960 г. он заверил Ю. Г. Оксмана, что приглашение в Будапешт в силе и что академия снова отправит письмо в АН СССР²⁵. 21 июня 1961 г. И. Шётер уведомил Ю. Г. Оксмана о повторном направлении официального приглашения в Москву²⁶. Поездка вновь не состоялась. Хотя И. Шётер не оставил упорных попыток, в Будапешт Ю. Г. Оксмана так и не выпустили. Шлейф политически неблагонадежного будет тянуться за ним до конца жизни.

Вместе с тем препятствия ученым то и дело чинились не в силу идеологических установок, а из-за бюрократической неповоротливости. Уместно привести красноречивый пример, отраженный в одном из отчетов. Осенью 1956 г. в Словакию для работы в архивах и

22 МТА Kőnyvtár. Ms 5971/133.

23 МТА Kőnyvtár. Ms 5978/182.

24 МТА Kőnyvtár. Ms 5978/184.

25 МТА Kőnyvtár. Ms 5978/185.

26 МТА Kőnyvtár. Ms 5971/132. II.

библиотеках были направлены молодые советские слависты А. И. Виноградова и В. В. Марьина. Однако иностранный отдел АН СССР заранее не договорился со Словацкой академией наук об организации командировки. Рассчитывая, что поездка будет проводиться на условиях академического обмена, советским стажерам выдали лишь 1/3 командировочных расходов. Поскольку Москва заранее не уведомила Братиславу о подробностях визита, то деньги на содержание гостей там были не предусмотрены. В своем отчете советские стажеры сообщали: «Даже тогда, когда Иностранному отделу стало известно об этом, дополнительные деньги не были высланы. В результате этого мы оказались в очень неудобном положении перед словацкими товарищами. Финансовые затруднения явились значительной помехой в работе во время нашей командировки»²⁷. Подобные ремарки, наглядно отражающие неповоротливость советской научной бюрократии, фигурируют в немалом числе командировочных отчетов.

В своем отчете В. М. Жирмунский апеллирует к необходимости укрепления интеллектуальных связей внутри социалистического содружества. Говоря о заграничных командировках, он осторожно замечает, что основанием для отказа в них может служить разве что политическое недоверие. Анализируя эти высказывания, важно иметь в виду не только идеологический фон развития советской науки, но и конкретного адресата отчета. Так, В. М. Жирмунский апеллировал к Отделению литературы и языка АН СССР. Подобные отчеты могли составляться для разных уровней управления и контроля. Как уже было отмечено исследователями, координирование международных научных связей было неравномерно распределено между различными органами и ведомствами: ЦК КПСС, МИД, Советом советских обществ дружбы, АН СССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР и т. д.²⁸ Отчеты о научных командировках имели разных институциональных адресатов, но составлялись по схожим правилам официального и неофициального характера. Так, отсылки к классикам марксизма, заверения в идеологической лояльности, пафос антиимпериализма, борьбы за мир и социалистического единства были способны положительно повлиять на восприятие отчетной информации и, главное, конкретных предложений автора. В. М. Жирмунский же не только в силу своего характера и кругозо-

27 Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 124. Л. 72.

28 Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. С. 98.

ра, но и в силу высокого академического статуса мог позволить себе фрондировать и говорить то, что думал. Тем более что дело происходило в пору еще не увядшей «оттепели», которая давала столь много надежд советской интеллигенции.

Описанные В. М. Жирмунским проблемы были характерны не только для принятых в СССР практик международного научного сотрудничества и управления наукой. В каждой стране социалистического блока они имели свою специфику, порой разительно отличающуюся. Те же венгерские ученые имели довольно обширные возможности участия в международных академических обменах, печатания своих работ за рубежом, интернациональных стажировок. В то же время в ГДР система контроля копировала, а нередко превосходила советскую. Примечательна в этом плане судьба одного из участников будапештской конференции — Ганса Майера (Hans Mayer; 1907–2001), видного литературоведа и социолога, приятеля Вальтера Бенямина и Бертольта Брехта. Он был убежденным социалистом и марксистом, потому в 1948 г. осознанно поселился в Восточной Германии, где получил пост профессора в Лейпциге. Но постепенно его отношение к ГДРовским порядкам становилось все более критичным. В 1963 г. он поехал в командировку в ФРГ, из которой решил не возвращаться назад. Вскоре он получил приглашение занять кафедру немецкой литературы в Ганноверском университете²⁹. Этот пример показателен с точки зрения того, как важно пристальнее смотреть на конкретные феномены взаимоотношений власти и ученого сообщества в странах социалистического блока, сравнивая их друг с другом, пытаясь выявить общее и особенное. Отчеты о заграничных командировках дают в этом плане немало возможностей.

Отчет В. М. Жирмунского напечатан на машинке на листах формата А4. В конце документа имеется авторская подпись. Текст содержит незначительные рукописные исправления, не влияющие на смысл, а потому не оговариваемые специально при публикации. Также сохраняются и специально не оговариваются авторские подчеркивания. При публикации полностью сохранена авторская стилистика, орфография, пунктуация, а также общепринятая система сокращений. В комментариях опущена биографическая информация о лицах, упомянутых во вводной статье.

²⁹ *Kesting H. Begegnungen mit Hans Mayer: Aufsätze und Gespräche. Göttingen, 2007.*

Отчет о командировке в Венгерскую народную республику члена-корреспондента АН СССР, проф. В. М. Жирмунского

Я был командирован Академией наук СССР в Венгерскую Народную Республику, в г. Будапешт, на международную конференцию по вопросам сравнительного литературоведения в составе советской делегации, в которую кроме меня входили: акад. М. П. Алексеев³⁰ (глава делегации), доктор филологических наук И. Г. Неупокоева (Институт мировой литературы им. А. М. Горького) и доктор филологических наук С. Г. Арешян (Институт литературы АН Армянской ССР). Мы были приглашены Венгерской Академией наук и за ее счет. Командировка была представлена нам АН СССР на пять дней с 25 по 29 октября 1962 г. Продлилась конференция три дня: 26, 27 и 29 октября. Заседания происходили утром и вечером — утром пленарные, вечером — секционные. Воскресенье 28 октября было днем отдыха, отведенным под экскурсию по городу Вышеград и Эстергом, места археологических раскопок исторических памятников венгерского средневековья.

Конференция была созвана по инициативе академика-секретаря Отделения литературы и языка ВАН, члена-корреспондента ВАН проф. Иштвана Шётера, директора Института литературы ВАН. Целью ее было установление научных контактов и обмен мнениями между учеными прежде всего стран социалистических, работающими в области сравнительного изучения литератур. Тема эта, связанная с широкими проблемами международного культурного общения, заняла в настоящее время одно из ведущих мест как в марксистском, так и в буржуазном литературоведении. Проведенная в Москве Институтом мировой литературы в 1960 году всесоюзная конференция по вопросам взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур и сборник трудов этой конференции³¹ сыграли важную роль в методологическом обосновании и углублении этой проблемы в свете марксистского понимания исторического процесса в его историко-литературной специфике. Результаты этой работы, как обнаружилось, имели большое плодотворное влияние на литературоведение

30 Алексеев Михаил Павлович (1896–1981), литературовед, академик АН СССР (1958), автор исследований о русско-европейских литературных связях.

31 Речь идет о сборнике: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: Материалы дискуссии, 11–15 января 1960 г. М., 1961.

в социалистических странах — Венгрии, Чехословакии, Германской Демократической Республике, Румынии и Болгарии. Проф. Шётер предполагал, что совместное обсуждение этой проблематики с личным участием советских ученых, работающих в указанной области, будет содействовать консолидации марксистских научных сил и более успешной борьбе против буржуазной компаративистики. Последняя уже давно организационно объединяется научным обществом по сравнительному литературоведению с центрами в США и во Франции, которое проводит свои международные конгрессы без участия (за единичными персональными исключениями) ученых социалистических стран.

Конференция в Будапеште была очень представительной. В ней участвовало около 120 научных работников из разных стран, в том числе 40 гостей из-за границы. Социалистические страны были представлены такими крупными учеными, как акад. Выка³² (Польша), акад. Виану (Румыния), профессора Мукаржовский и Доланский³³ (Чехословакия), профессора Ганс Майер, Вернер Краусс и Э. Винтер³⁴ (ГДР), проф. Динеков (Болгария), проф. Банашевич³⁵ (Югославия) и др. В качестве гостей присутствовало также несколько ученых из капиталистических стран (общим числом 5) — из Франции, Швейцарии, Голландии, Бельгии, в том числе председатель Международной ассоциации компаратистов³⁶ и глава ее последнего конгресса в г. Утрехте³⁷

32 Выка Казимирж (Kazimierz Wyka; 1910–1975), польский историк литературы, исследователь литературного романтизма.

33 Доланский Юлиус (Julius Dolanský; 1903–1975), чехословацкий историк литературы и общественный деятель, исследователь межславянских литературных связей.

34 Винтер Эдуард (Winter Eduard; 1896–1982), немецкий историк, славист, член Германской академии наук в Берлине (1955), автор работ по истории славяно-германских связей, католической церкви.

35 Банашевич Никола (Banašević Nikola; 1895–1992), югославский литературовед, славист, переводчик, профессор Белградского университета, исследователь южнославянского средневекового эпоса, истории французской и сербской литератур.

36 Имеется в виду Международная ассоциация сравнительного литературоведения (International Comparative Literature Association — Association Internationale de Littérature Comparée), основанная в 1955 г.

37 III конгресс Международной ассоциации сравнительного литературоведения проходил в Утрехте 21–26 августа 1961 г.

[проф. Смит³⁸]³⁹ (Голландия) и заведующий кафедрой сравнительного литературоведения в Парижском университете проф. Этиамбль⁴⁰.

Всего на конференции было прочитано более 50 докладов, 8 на пленарных заседаниях, остальные в секциях. На пленарных заседаниях основные доклады сопровождались большим числом подготовленных выступлений, числом свыше 10-ти на каждом заседании, из которых некоторые имели характер небольших содокладов; в секциях за докладами следовал более краткий обмен мнений.

Языками конференции были установлены французский, немецкий и русский. Учитывая это последнее обстоятельство, советская делегация выступала на русском языке. Доклад проф. И. Г. Неупокоевой, присланный за несколько дней до начала конференции, был переведен работниками ВАН на французский язык. Мой доклад был представлен мною уже по приезде в Будапешт в русском оригинале и в немецком переводе, который также был размножен, однако лишь в небольшом числе экземпляров. В остальных случаях краткое переложение выступлений советских делегатов на французский язык давал сразу же после каждого выступления проф. Л. Галди⁴¹, научный сотрудник Института литературы ВАН, обнаруживший в этом деле очень больше искусство.

На трех пленарных заседаниях конференции обсуждались следующие общие вопросы: 26.X. Задачи и методы сравнительного изучения литератур; 27.X. Историко-литературная терминология; 29.X. О возможностях совместного сравнительно-исторического изучения литератур восточной Европы (социалистических стран).

По первому (основному) вопросу, кроме доклада проф. Шётера, были намечены доклады советских делегатов — акад. М. П. Алексе-

38 Смит Виссе Альфред Пьер (Smit Wisse Alfred Pierre; 1903–1986), нидерландский литературовед, поэт, исследователь голландской литературы Золотого века, член Королевской академии наук и искусств Нидерландов (1959).

39 Фамилия ученого в документе зачеркнута.

40 Этиамбль (Этьембль) Рене (René Ernest Joseph Eugène Étienne; 1909–2002), французский литературовед, писатель, критик, исследователь транснациональных литературных связей, в особенности между Европой и Дальним Востоком.

41 Галди Ласло (Gáldi László; 1910–1974), венгерский лингвист, литературовед, переводчик, автор исследований по сравнительной диалектологии, международным литературным связям, лексикографии.

ева и проф. И. Г. Неупокоевой. Однако, поскольку акад. М. П. Алексеев не был своевременно извещен о том, что ему предстоит читать именно на эту тему (см. ниже, стр. 8), он не имел возможности представить доклад, и из советской делегации выступала только И. Г. Неупокоева.

Я сделал по этой теме развернутое сообщение, которое представляло сжатое изложение основных положений моей статьи: «Задачи сравнительного изучения литератур»⁴². В своем выступлении я отстаивал мысль, что в марксистском понимании основой литературных взаимодействий является единство и закономерность историко-литературного процесса в его социально-исторической обусловленности и что так называемые литературные влияния необходимо рассматривать в рамках более общих историко-типологических аналогий литературного процесса, обусловленных сходством социально-исторических отношений. Как мне пришлось убедиться на данной конференции и из просмотра научной литературы, идеи эти имеют в настоящее время ряд сторонников как в Венгрии, так и в других социалистических странах.

Во второй день конференции мне было представлено слово, в добавление к программе дня, для заявленного мною доклада: «Проблемы сравнительной стилистики». В качестве материала для этого доклада я использовал недавно напечатанную мною в «Трудах филологического факультета Ленинградского университета» статью, а также ряд других своих печатных работ, соприкасающихся с этой темой.

В своем докладе я дал теоретическое обоснование задач стилистики в связи с проблемой поэтического стиля как системы художественно выразительных средств данного писателя или литературного направления. Я подчеркиваю необходимость изучения этих выразительных средств в связи с выражаемым, т. е. с идейно-художественным содержанием произведения, и в историческом развитии, чем определяется, с моей точки зрения, самая возможность сравнительно-стилистического исследования, которое и было иллюстрировано мною на ряде разноязычных примеров.

Доклад был встречен сочувственно и вызвал ряд откликов в публичных выступлениях и частных беседах.

42 Вероятно, имеется в виду статья: *Жирмунский В. М.* Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1960. Т. XIX. Вып. 3. С. 177–186.

На третьем пленарном заседании я выступил по поводу доклада Б. Кёпеци⁴³ о сравнительном методе в современных литературах социалистических стран. Отметив общие, хотя и во многом различные пути современного развития этих литератур, я подчеркнул большую теоретическую и практическую актуальность этой темы и аргументировал ее возможность⁴⁴ опытом составления истории литературы народов СССР в Институте мировой литературы АН.

Три секции объединили свою работу вокруг более частных тем сравнительного изучения средневековых, классических и современных литератур, как и некоторых более специальных вопросов теории. Здесь акад. М. П. Алексеев выступил с докладом о до сих пор малоизученном памятнике древнерусской литературы «Прение Земли и Моря» в сравнительном освещении. Проф. С. Г. Арешян сделала теоретическое сообщение на тему: «Национальное и интернациональное в литературных связях и взаимодействиях». Оба доклада также получили сочувственную оценку аудитории.

Следует отметить, что как пленарные, так и, в особенности, секционные заседания наглядно показали, что венгерская литературоведческая наука располагает в настоящее время большим и высококвалифицированным отрядом специалистов, в том числе и подающими надежду молодыми кадрами, которые пытаются разрабатывать вопросы национального и международного литературного развития, в том числе и теорию литературы, опираясь на марксистское понимание литературного процесса.

В заключительном заседании, в целях дальнейшего закрепления и углубления связей между литературоведами социалистических стран, организатор конференции проф. Шётер от имени бюро конференции внес на обсуждение три организационных предложения: 1. создать общий для социалистических стран журнал по сравнительному литературоведению⁴⁵; 2. организовать систематическое библиографирование работ по этой теме, публикуемых в социалистических странах, в целях издания сводной библиографии; 3. периодически

43 Кёпеци Бела (Béla Kőpeczi; 1921–2010), венгерский литературовед, историк, политический деятель, академик Венгерской академии наук (1972), министр культуры Венгрии (1982–1988).

44 Вероятно, опечатка. Вместо слова «возможность» кажется более логичным слово «важность».

45 В 1974 г. стараниями И. Шётера будет создан международный журнал «Literatura».

повторять международные научные конференции по примеру организованной в Будапеште, поочередно в каждой стране.

Поскольку решение этих вопросов превышало компетенции данной конференции, было принято решение обсудить эти предложения в Академиях и научных институтах соответствующих стран. Необходимо, однако, признать, что предложения проф. Шётера имеют серьезные основания. В области изучения международных литературных связей научные организации и издания капиталистического Запада более или менее последовательно игнорируют большой вклад социалистических стран в мировую литературу и культуру как в прошлом, так и в особенности в настоящем. Организованное выступление в этой области ученых социалистических стран несомненно помогло бы заполнить этот вопиющий пробел и показало бы большие культурные и литературные достижения этих стран, продемонстрировав вместе с тем и правильный марксистский метод подлинно научного изучения этого материала.

Вне рамок конференции я встречался с моими друзьями, венгерскими лингвистами — акад. Неметом, крупнейшим венгерским тюркологом, посетившим несколько лет тому назад СССР, и доц. К. Хуттерером, германистом-диалектологом, в прошлом моим аспирантом, защитившим кандидатскую диссертацию при Московском университете.

В заключение я считаю необходимым коснуться некоторых организационных недочетов и неполадок нашей поездки, имеющих, к сожалению, значение не только для этого случая.

1. Нам был предоставлен для поездки строгий лимит в пять дней, в соответствии с приглашением Венгерской Академии наук. Перед отъездом я был предупрежден в АН, что продление этого срока хотя бы на день или два потребует длительного согласования, а потому практически невозможно. Между тем мне было ясно, что мои ученики и научные друзья в ВНР будут просить меня остаться на день-другой в Будапеште для прочтения лекции, собеседования или консультации вне программы конференции. Так оно и произошло на самом деле. Ко мне явилась группа венгерских фольклористов из Института фольклора и этнографии ВАН именно с такой просьбой. И хотя я захватил на всякий случай свой находящийся в печати в СССР теоретический доклад о сравнительном изучении фольклора, я вынужден был отказать моим венгерским друзьям, поскольку в дни конференции я был связан ее весьма уплотненной программой.

Вообще, как известно всем участникам международных конференций и съездов, значение подобных мероприятий заключается не

только в слушании докладов (которые всегда могут быть прочитаны в печатном виде), а в международных научных контактах между учеными в часы, свободные от заседаний. Поэтому, если ВАН на этот раз очень скупо лимитировала пятью днями наше пребывание в Будапеште, Академия наук СССР, раз она уже сочла возможным послать своих делегатов за границу, могла бы со своей стороны содействовать их несколько более длительному пребыванию в командировке.

2. Вследствие затянувшегося на долгое время решения вопроса о личном составе советской делегации и связанного, по-видимому, с этим вопросом отсутствия точных сведений о программе конференции, советская делегация была поставлена в очень затруднительное положение. О том, кто именно из нас поедет, мы узнали всего лишь за 12 дней до начала конференции. В результате только проф. И. Г. Непукоева имела возможность до своего выезда послать свой доклад в ВАН, который (учитывая прохождение через Главлит) был получен в Будапеште перед самым нашим приездом, но все-таки мог быть переведен на французский язык. Акад. М. П. Алексеев, своевременно не предупрежденный, вынужден был отказаться от ведущего доклада. Что касается меня, то, узнав уже после приезда о постановке моего доклада на пленуме конференции, я должен был проработать две ночи подряд (дни были заняты заседаниями), чтобы приготовить доклад из различного печатного материала своих прежних работ, которые я, по счастью, захватил с собою.

Мне известно, что извещение за 12 дней далеко не самый короткий срок, который предоставляется в таких случаях советским делегатам. Так, чл.-корр. Д. С. Лихачев⁴⁶ в сентябре 1960 г. вынужден был опоздать на два дня на конференцию Польской Академии наук по вопросам поэтики⁴⁷. Ст. научный сотрудник С. А. Миронов⁴⁸, от-

46 Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999), литературовед и культуролог, академик АН СССР (1970), автор работ по истории древнерусской литературы и русской культуры.

47 В. М. Жирмунский немного ошибается в хронологии: международная конференция по вопросам поэтики состоялась в Варшаве 18–27 августа 1960 г. См.: *Kopczyńska Z., Pszczółowska L. Międzynarodowa Konferencja Poetyki, 18–27 sierpnia 1960 // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 1960. T. 51. № 4. S. 525–532.*

48 Миронов Сергей Александрович (1910–1998), лингвист, специалист в области голландского и немецкого языков, один из основоположников нидерландистики в СССР.

правленный четыре года тому назад, как голландист, в командировку в Нидерланды, явился на международный съезд голландистов ко дню его закрытия⁴⁹.

Мне кажется поэтому, что более оперативно и полезно для дела было бы, если бы советские делегаты оповещались о предстоящей поездке по крайней мере за месяц до назначенного срока, с тем, чтобы они могли, зная достоверно, что им предстоит такая поездка, более основательно к ней подготовиться.

Напомню еще, что большинство международных съездов, по крайней мере — по моей специальности (съезд лингвистов, германистов, диалектологов), требует для включения доклада в повестку срока до 6 месяцев до открытия съезда. Поскольку вряд ли может быть целесообразной заявка доклада без твердой уверенности в командировке (а такие случаи, к сожалению, бывали не раз и вызывали конфуз при не приезде советского делегата — например, на недавнем съезде лингвистов в Гарварде^{50!}), ученые нашего Союза фактически лишены возможности нормальным образом и своевременно заявить о своем докладе.

49 Имеется в виду 25-й Нидерландский филологический конгресс (Nederlands Filologencongres), состоявшийся в Лейдене 9–11 апреля 1958 г. См.: *Миронов С. А.* О научной деятельности нидерландских языковедов: (По материалам научной командировки в Нидерланды в апреле — мае 1958 г.) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1959. Т. XVIII. Вып. 5. С. 462–467.

50 Речь идет о IX Международном конгрессе лингвистов, состоявшемся 27–31 августа 1962 г. в г. Кембридж, штат Массачусетс. Под неприехавшим советским делегатом В. М. Жирмунский подразумевал индоевропеиста Николая Дмитриевича Андреева (1920–1997). Его доклад о лингвистических аспектах перевода, связанных с разработкой машинных методов перевода (*Andreyev N. D.* Linguistic aspects of translation // *Proceeding of the Ninth International Congress of Linguists.* Cambridge, Mass., August 27–31, 1962. The Hague, 1964. P. 625–634), был зачитан в отсутствие автора, что вызвало большое сожаление участников конгресса (*Якобсон Р. О.* Итоги девятого конгресса лингвистов // *Новое в лингвистике.* Вып. 4: Математические аспекты структуры языка. Лингвистические направления. Доклады IX международного конгресса лингвистов. М., 1965. С. 581). Примечательно, что на конгрессе присутствовал троюродный брат В. М. Жирмунского, американский лингвист, профессор Калифорнийского университета в Беркли Яков Малкиель (*Yakov Malkiel*; 1914–1998).

3. Большое огорчение наших венгерских товарищей вызвало то обстоятельство, что некоторые советские ученые, которых они пригласили на свои средства и приезда которых они очень ждали, не были командированы на конференцию нашей Академией наук (например, чл.-корр. Д. С. Лихачев). К сожалению, нам известен ряд подобных же случаев, когда советского ученого приглашают в ту или иную страну, в том числе в дружественные нам социалистические страны, за счет этой страны, а Академия наук СССР не санкционирует командировки.

Сошлюсь на свой опыт. Я был приглашен в сентябре 1961 г.⁵¹ Польской Академией наук в Варшаву на конференцию по вопросам поэтики, по которым я давно уже считаю себя специалистом. По указанию Бюро отделения языка и литературы я заявил о своей теме, которая была включена в печатную программу. Но, по неведомым мне причинам, я не был включен в состав делегации, с мотивировкой, что будто бы посланных без меня делегатов уже «совершенно достаточно». Этим решением я был поставлен в очень неудобное положение, да и остальная часть нашей советской делегации, как мне кажется, тоже.

Я получал в разное время аналогичные приглашения с аналогичным результатом из Германской Демократической Республики (где я являюсь членом-корреспондентом Германской Академии наук и почетным доктором Берлинского университета), из Амстердама (в этом случае я вообще не дождался ответа из иностранного отдела АН — ни положительного, ни отрицательного!) и ряд других.

Поскольку вопрос этот касается не меня одного, а достаточно большого числа моих товарищей филологов, я позволю себе в общей форме высказать свое мнение по этому вопросу. Если советского ученого приглашают для чтения лекций или докладов по его специальности в ту или иную страну (в особенности в страну нам дружественную) за счет приглашающей страны, это следует рассматривать как знак уважения к советской науке и к советскому ученому и как существенную возможность более широкой пропаганды достижений советской науки. Поэтому отказывать в разрешении в таких случаях можно только имея на то очень серьезное основание (например,

⁵¹ Имеется в виду конференция по вопросам поэтики, проходившая 21–28 сентября 1961 г. В состав советской делегации тогда вошли В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев и Н. И. Жинкин. См.: *Pszczolowska L., Wierzbicka A. Sprawozdanie z Konferencji Poetyki 21–28.IX.1961 // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej*. 1962. Т. 53. № 1. S. 325–330.

политическое недоверие к командируемому лицу). Поэтому я лично всегда рассматриваю такой отказ как незаслуженное оскорбление, нанесенное мне как советскому ученому, и предпочитаю теперь, когда это возможно, наученный опытом, под тем или другим благовидным предлогом самостоятельно отказываться от приглашения, не затрудняя ни себя, ни иностранный отдел АН запросом по этому поводу.

Считая, что отчет о командировке требует всестороннего освещения связанных с нею вопросов, я позволяю себе обратить внимание Отделения и руководящих органов Академии наук на эти серьезные неполадки в организации наших заграничных связей (во всяком случае, в рамках наших гуманитарных специальностей).

Член-корреспондент АН СССР
В. Жирмунский

*Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
Ф. 1001. Оп. 2. Д. 155. Л. 1–11. Машинопись.*

Источники и литература

Архив РАН.

Архив Саратовского государственного университета.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye.

Венгерско-русские литературные связи: Сборник статей / под ред. И. И. Анисимова. М.: Наука, 1964. 282 с.

Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: Материалы дискуссии, 11–15 января 1960 г. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 439 с.

Европейский романтизм / отв. ред. И. Г. Неупокоева, И. Шётер. М.: Наука, 1973. 506 с.

Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1960. Т. XIX. Вып. 3. С. 177–186.

Курасова А. С. Академическая мобильность по-советски: научные командировки преподавателей высших учебных заведений (1956–1986 гг.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды / отв. ред. Ю. А. Петров, В. Н. Круглов. М.: ИРИ РАН, 2018. С. 313–320.

Миронов С. А. О научной деятельности нидерландских языковедов: (По материалам научной командировки в Нидерланды в апреле — мае 1958 г.) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1959. Т. XVIII. Вып. 5. С. 462–467.

Неупокоева И. Г. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия литератур // Известия АН Армянской ССР. 1960. № 5–6. С. 3–22

Пахомова А. В. Das War ein Land: воспоминания о научной стажировке в ГДР в 1978/1979 гг. // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / под ред. М. В. Ковалева, И. Р. Плева. Саратов: Изд-во СГТУ имени Ю. А. Гагарина, 2015. С. 214–225.

Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989 / под ред. О. С. Нагорной. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 446 с.

Хуттерер М. Немецкие говоры Центральной Венгрии. Автореферат дис. канд. филолог. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1958. 16 с.

Якобсон Р. О. Итоги девятого конгресса лингвистов // Новое в лингвистике. Вып. 4: Математические аспекты структуры языка. Лингвистические направления. Доклады IX международного конгресса лингвистов. М.: Прогресс, 1965. С. 576–588.

Andreyev N. D. Linguistic aspects of translation // Proceeding of the Ninth International Congress of Linguists. Cambridge, Mass., August 27–31, 1962. The Hague: Mouton and Co, 1964. P. 625–634.

Kesting H. Begegnungen mit Hans Mayer: Aufsätze und Gespräche. Göttingen: Wallstein Verlag, 2007. 128 s.

Kopczyńska Z., Pszczółowska L. Międzynarodowa Konferencja Poetyki, 18–27 sierpnia 1960 // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 1960. T. 51. № 4. S. 525–532.

Lantová L. Pamietnik literacki o komparatistice // Česká literatura. 1969. Sv. 17. Č. 5. S. 531–534.

Manherz K. Búcsú Hutterer Miklóstól // Magyar Nyelv. 1998. 94. évf. 2. Sz. 227–228. old.

Pszczółowska L., Wierzbicka A. Sprawozdanie z Konferencji Poetyki 21–28.IX.1961 // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 1962. T. 53. № 1. S. 325–330.

Scheibner T. A Magyar irodalomtudomány szovjetizálása: A szocialista realista kritika és intézményei, 1945–1953. Budapest: Ráció Kiadó, 2014. 314. old.

Sőtér I. Madártávtlat: Esszék városokról. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1959. 338 ol.

Tanulmányok a magyar–orosz irodalmi kapcsolatok köréből / Szerk. G. Kemény. Budapest, 1961. 1. köt. 595. old.; 2. köt. 487. old.; 3. köt. 486. old.

References

Andreyev, N. D. "Linguistic aspects of translation." *Proceeding of the Ninth International Congress of Linguists. Cambridge, Mass., August 27–31, 1962*. The Hague: Mouton and Co, 1964, pp. 625–634.

Evropejskii romantizm, ed. by I. G. Neupokoeva, I. Sötér. Moscow: Nauka, 1973, 506 p.

Hutterer, M. *Nemetskie govory Tsentral'noi Vengrii. Doctoral dissertation summary*. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1958, 16 p.

Jakobson, R. O. "Itogi deviatogo kongressa lingvistov." *Novoe v lingvistike. Vol. 4: Matematicheskie aspekty struktury iazyka. Lingvisticheskie napravleniia. Doklady IX mezhdunarodnogo kongressa lingvistov*, Moscow: Progress, 1965, pp. 576–588.

Kesting, H. *Begegnungen mit Hans Mayer: Aufsätze und Gespräche*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2007, 128 p.

Kopczyńska, Z., Pszczółowska, L. "Międzynarodowa Konferencja Poetyki, 18–27 sierpnia 1960." *Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej*, vol. 51, no. 4, 1960, pp. 525–532.

Kurasova, A. S. "Akademicheskaiia mobil'nost' po-sovetski: nauchnye komandirovki prepodavatelei vysshikh uchebnykh zavedeniĭ (1956–1986 gg.)." *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzgliady*, ed. by Iu. A. Petrov, V. N. Kruglov, Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 2018, pp. 313–320.

Lantová, L. "Pamietnik literacki o komparatietice." *Česká literatura*, vol. 17, no. 5, 1969, pp. 531–534.

Manherz, K. "Búcsú Hutterer Miklóstól." *Magyar Nyelv*, vol. 94, no. 2, 1998, pp. 227–228.

Mironov, S. A. "O nauchnoi deiatel'nosti niderlandskikh iazykovedov: (Po materialam nauchnoi komandirovki v Niderlandy v aprele – mae 1958 g.)." *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, vol. 18, no. 5, 1959, pp. 462–467.

Neupokoeva, I. G. "Nekotorye voprosy izucheniia vzaimosviazei i vzaimodeistviia literatur." *Izvestiia AN Armianskoĭ SSR*, no. 5–6, 1960, pp. 3–22

Pakhomova, A. V. "Das War ein Land: vospominaniia o nauchnoi stazhirovke v GDR v 1978/1979 gg." *Istoriicheskaiia pamiat' i strategii rossiisko-nemetskogo mezhkul'turnogo dialoga*, ed. by M. V. Kovalev, I. R. Pleve. Saratov: Yuri Gagarin Saratov State University Publ., 2015, pp. 214–225.

Pszczółowska, L., Wierzbicka, A. "Sprawozdanie z Konferencji Poetyki 21–28.IX.1961." *Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej*, vol. 53, no. 1, 1962, pp. 325–330.

Scheibner, T. *A Magyar irodalomtudomány szovjetizálása: A szocialista realista kritika és intézményei, 1945–1953*. Budapest: Ráció Kiadó, 2014, 314 p.

Sőtér, I. *Madártávtlat: Esszék városokról*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1959, 338 p.

Sovetskaia kul'turnaia diplomatia v usloviakh Xolodnoi voŋny. 1945–1989, ed. by O. S. Nagornaia. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2018, 446 p.

Tanulmányok a magyar–orosz irodalmi kapcsolatok köréből, ed. by G. Kemény, vols. 1–3. Budapest: Akad., 1961.

Vengersko-russkie literaturnye sviazi: Sbornik statei, ed. by I. I. Anisimov. Moscow: Nauka, 1964, 282 p.

Vzaimosviasi i vzaimodeistvie natsional'nykh literatur: Materialy diskussii, 11–15 ianvaria 1960 g. Moscow: AS USSR Publ., 1961, 439 p.

Zhirmunskiĭ, V. M. “Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniia literatur.” *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, vol. 19, no. 3, 1960, pp. 177–186.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.5.01

Kovalev M. V.

**V. M. Zhirmunsky in Hungary, 1962:
Towards the history of the scientific ties**

Mikhail V. Kovalev

Candidate of History, associate professor, senior research fellow

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32A, Moscow, Russian Federation

Archive of the Russian Academy of Sciences

117418, Novocheremushkinskaya st. 34, Moscow, Russian Federation

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4722-818X

Citation

Kovalev M. V. V. M. Zhirmunsky in Hungary, 1962: Towards the history of the scientific ties // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 452–476 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.5.01

Received: 21.04.2020.

Acknowledgements

The study was funded by RNF, project no 18-78-00102.

Abstract

The scientific report of an outstanding linguist and literary critic V. M. Zhirmunsky on his trip to Budapest in October 1962 to an International conference on comparative literature is published with comments and the introduction. This document is not only remarkable in the context of the history of Soviet-Hungarian scientific ties and intellectual exchanges between socialist countries, but also in the light of the history of literary criticism and Slavic studies. It's interesting because the document reflects the views of the major scientist on the development of international scientific contacts, shows his criticism of the Soviet academic bureaucracy and cautious dissatisfaction with the existing system of science management. The report is also important in connection with the study of intellectual transfers in the Cold War era. The presented document reveals pain points in the history of Soviet science diplomacy. A detailed introduction shows the interaction of V. M. Zhirmunsky and his colleagues with Hungarian scientists, their joint research projects. A special place is given to the figure of Prof. István Sőtér, a prominent Hungarian literary critic and writer, who was the initiator of the 1962 conference. His relations with Soviet scientists, in particular, with Yu. G. Oksman, whom the Hungarian scientist tried in vain to invite to the aforementioned Budapest conference. At the same time, it is concluded that difficulties in the development of international relations of Soviet scientists, in addition to ideological reasons, were due to low management efficiency and bureaucratization.

Keywords

V. M. Zhirmunsky, I. Sőtér, Yu. G. Oksman, literary criticism, international scientific relations, science diplomacy, Cold War, Hungary.

**На гетманской Украине летом — осенью 1918 г.:
из воспоминаний генерала П. С. Махрова**

Ганин Андрей Владиславович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Цитирование

Ганин А. В. На гетманской Украине летом — осенью 1918 г.: из воспоминаний генерала П. С. Махрова // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 477–507. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.6.01

Статья поступила в редакцию 18.05.2020.

Аннотация

Материал представляет собой комментированную публикацию отрывка из воспоминаний генерала П. С. Махрова о событиях Гражданской войны на Украине в 1918 г. Мемуары Махрова, хранящиеся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в США, являются важным источником по истории Первой мировой войны, Гражданской войны в России и на Украине, а также русской военной эмиграции и охватывают период конца XIX — первой половины XX в. Мемуарист подробно освещает жизнь Украины при гетмане П. П. Скоропадском и германскую оккупацию. Большое внимание уделено поведению офицерства в условиях независимой Украины.

Ключевые слова

Гражданская война, Украина, офицерство.

Мемуарное наследие генерал-лейтенанта Петра Семеновича Махрова (01.09.1876–29.02.1964) представляет значительный интерес как ценный источник по истории Первой мировой войны, Гражданской войны в России и на Украине, русской военной эмиграции¹. Воспоми-

1 См. наши публикации: «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А. В. Га-

хания Махрова хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Часть воспоминаний, посвященная украинским событиям, носит название «Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г.». Она написана Махровым спустя много лет, в марте — ноябре 1953 г., в Каннах.

После развала Юго-Западного фронта, где Махров служил исполняющим должность начальника штаба, он в феврале 1918 г. приехал в Полтаву, где проживала семья его тестя, отставного полковника А. И. Бафталовского. Именно в этом городе генерал прожил почти год. П. С. Махров устроился на службу помощником начальника Хлеб-бюро в Полтавской губернии, занимавшегося сбором зерна для германских оккупационных сил. После падения режима гетмана П. П. Скоропадского Махров в связи с наступлением советских войск уехал в Киев и в Одессу. Так он попал в Вооруженные силы на Юге России, где служил в 1919–1920 гг. и в итоге достиг высокого поста начальника штаба главнокомандующего.

Предлагаемый вниманию читателей отрывок воспоминаний охватывает период лета — осени 1918 г. В этом фрагменте Махров много внимания уделяет размышлениям о дальнейших действиях в сложившейся неопределенной обстановке, что особенно волновало его в то время. Генерал сочувствовал Добровольческой армии, но при этом не хотел втягиваться в братоубийственную войну. Вместе с тем он не стремился служить и в украинской армии. В этой связи крайне интересны характеристики, даваемые мемуаристом бывшим русским офицерам, поступившим в гетманскую армию, — настоящая портретная галерея различных исторических деятелей.

Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок. Неточности

нина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74; Ганин А. В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П. С. Махрова // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2. С. 144–156; Ганин А. В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119; Конец Юго-Западного фронта. Воспоминания генерал-лейтенанта П. С. Махрова о событиях на Украине в 1917–1918 гг. / публ. А. В. Ганина // Исторический архив. 2019. № 6. С. 143–163; Ганин А. В. П. С. Махров. Гражданская война на Украине // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 108–137. Также см. отдельное издание: Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994.

(исключая ошибки в фамилиях, именах и отчествах, которые исправлены в тексте) в публикуемом фрагменте поясняются в комментариях. Все относящиеся к истории России даты до февраля 1918 г. в комментариях приведены по старому стилю. Название дано публикатором.

Вычеркнутый П. С. Махровым текст воспоминаний в тех случаях, когда он подлежал восстановлению и содержал дополнительную информацию, восстановлен в сносках.

* * *

Новые сведения о Добровольческой армии. Поездки в Киев для обсуждения вопроса поступления в Добровольческую армию

В середине июня ко мне приехал мой младший брат подполковник Генерального штаба Василий Семенович²... Он был моложе меня на десять лет. В это время это был 32-летний молодой человек, полный сил и энергии. Он был высокого роста, широкоплечий, с тонкой талией, стройный блондин со слегка вьющимися густыми волосами и небольшими живыми карими глазами. Ни усов, ни бороды он не носил.

Он получил хорошее образование, окончил 3 класса Константиновского артиллерийского училища и Николаевскую Императорскую военную академию, из которой вышел прямо на войну 1914 года. В Генеральном штабе 7-й армии ему предложена была должность начальника службы связи.

Его, как исполнительного и толкового офицера, выделял генерал-квартирмейстер генерал Незнамов³ и начальник штаба ген. Головин⁴. Во время революции он своим тактом завоевал даже симпатию военного комиссара, известного террориста Б. В. Савинкова⁵. Вообще же, будучи человеком общительным, мягким, добрым и благовоспитанным, он был любим и уважаем как начальством, так и подчиненными.

По убеждениям своим он был монархист-конституционалист. О Савинкове он отзывался хорошо, п[отому] ч[то] он всегда отстаивал офи-

2 Махров Василий Семенович (01.01.1887–19.10.1940) — подполковник (впоследствии — полковник). Служил в украинской армии (1918), затем — участник Белого движения на Юге России.

3 Пост генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии генерал А. А. Незнамов занимал с 12.07.1916 по 01.05.1917.

4 Головин Николай Николаевич (22.02.1875–10.01.1944) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант). Начальник штаба 7-й армии (1915–1917).

5 Савинков Борис Викторович (19.01.1879–07.05.1925) — революционер, террорист. Военный комиссар Временного правительства в 7-й армии (1917).

перство против демагогов-солдат и был, вероятно, единственный из социалистов-революционеров, понимавших значение воинской дисциплины.

Мой брат приехал ко мне из Одессы, где он после развала Юго-Западного фронта служил в штабе округа.

Он был в курсе дел и событий в Добровольческой армии и заглянул ко мне, чтобы посоветоваться относительно поступления на службу в армию ген. Деникина⁶.

От него я впервые узнал, что еще в начале декабря 1917 г. состоялось секретное соглашение между французским и английским правительством об оказании генералу Алексееву⁷ содействия в организации Добровольческой армии, что было известно генералу Щербачеву⁸, главнокомандующему Румынским фронтом.

Генерал Щербачев в смысле свободы действий находился в гораздо лучших условиях, чем главнокомандующие других фронтов. Присутствие дисциплинированной румынской армии стесняло разгул развала русской солдатчины и обеспечивало безопасность штаба. Генерал Щербачев имел возможность допустить у себя на фронте формирование добровольческих частей. В январе 1918 года генерал Щербачев назначил генерал-инспектором по формированию добровольческих частей Генерального штаба генерала Кельчевского⁹.

Последний сразу же поручил формирование 1-й бригады генералу Семенову Валериану¹⁰, бывшему командиру 3-го стрелкового

6 Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) — генерал-лейтенант, главнокомандующий Добровольческой армией.

7 Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857–25.09(08.10).1918) — генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий (1917), один из основоположников Белого движения на Юге России.

8 Щербачев Дмитрий Григорьевич (06.02.1857–18.01.1932) — генерал от инфантерии. Помощник Августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта.

9 Келчевский (Кельчевский) Анатолий Киприанович — генерал-лейтенант. Инспектор по формированию добровольческих частей на Румынском фронте (1918). Отдал приказ о роспуске добровольческих формирований. Впоследствии — участник Белого движения на Юге России.

10 Махров ошибается. 1-й отдельной бригадой русских добровольцев Румынского фронта командовал полковник М. Г. Дроздовский. Семенов Валериан Владимирович (16.03.1875–04.02.1928) — генерал-майор. Командир Сводно-стрелкового полка 1-й отдельной бригады русских добровольцев Румынского фронта (1918).

Его Величества полка¹¹, и назначил ему начальником штаба полковника Колтышева (Петра Владимировича)¹², очень талантливого и доблестного офицера, причисленного к Генеральному штабу. Вторая бригада начала формироваться под начальством генерала Белозора¹³ и третья — под командой полковника Дроздовского¹⁴. Однако порыв, с которым началось формирование, скоро остыл. Генерал Щербачев в феврале 1918 [года] приказал эти бригады распустить. Все они были расформированы, кроме бригады полковника Дроздовского, отказавшегося исполнить приказ Щербачева и уведшего свою бригаду на Дон. Колтышев вошел в состав бригады и был назначен в штаб Дроздовского. Бригада Дроздовского совершила 1200-верстный поход на Дон и своими частями усилила на 30% армию ген. Деникина.

Мой брат очень любил Дроздовского и решил уехать к нему. Он же желал увлечь с собой своего друга и товарища по выпуску из ака-

11 Махров ошибается. В. В. Семенов лишь служил в Лейб-гвардии 3-м стрелковом резервном батальоне и в Лейб-гвардии 4-м стрелковом Императорской Фамилии полку.

12 Колтышев Петр Владимирович (27.05.1894–09.08.1988) — капитан (впоследствии — полковник). И. д. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии. Бежал со штабом в Батрушаны и записался рядовым в 1-ю бригаду русских добровольцев Румынского фронта (01.01.1918) — отряд полковника М. Г. Дроздовского. Участник Гражданской войны. Участник похода бригады под командованием полковника М. Г. Дроздовского от Ясс на Дон (26.02–25.04.1918).

13 Белозор Юлиан Юлианович (10.01.1862–1942) — генерал-лейтенант. Начальник формировавшейся в Кишиневе 2-й бригады русских добровольцев Румынского фронта (01.1918). Распустил бригаду в соответствии с приказом генерала А. К. Келчевского и отказался примкнуть к отряду полковника М. Г. Дроздовского. Впоследствии — участник Белого движения на Юге России.

14 Махров неточен. Дроздовский Михаил Гордеевич (07.10.1881–14.01.1919) — полковник (впоследствии — генерал-майор). Инициатор формирования 1-й отдельной бригады русских добровольцев Румынского фронта (с 12.1917, около 1000 человек, в основном офицеров). Отказался распустить бригаду по приказу генерала А. К. Келчевского и выступил 26.02.1918 в поход на Дон, на соединение с Добровольческой армией. Бригада Дроздовского заняла Ростов-на-Дону (21.04.1918), оказала содействие казакам в удержании Новочеркаска. Один из вождей Белого движения на Юге России. Подробнее см.: Дроздовский и дроздовцы. М., 2006.

демии генерала Василия Федоровича Кирея¹⁵, о котором я уже упоминал выше как о знаменитом русском¹⁶ ученом-артиллеристе в армии, отказавшемся служить в гетманской армии.

Мы решили проехать в Киев, чтобы повидать Кирея. В Киеве его не было. Нам сказали, что Кирей служит сторожем в одном из гаражей в Святошине¹⁷. Там мы и встретились. Кирей, будучи русской культуры человеком, предпочел зарабатывать свой хлеб в гараже, чем занять пост инспектора артиллерии в украинской армии. Предложение моего брата ехать в Добровольческую армию в принципе он одобрил, но считал нужным повременить, т. к. Добр[овольческая] армия еще не выяснила своего политического лица.

Вскоре мы встретили адвоката Ив[ана] Яковлевича Германа¹⁸, который был очень расположен к Кирею и выручал его в трудные минуты жизни.

Я рад был вновь встретиться с Германом, с которым я потерял связь 3-го февраля 1918 года¹⁹, когда поезд с отрядами защиты Учредительного собрания, в котором мы ехали, был остановлен большевистским комендантом в Гомеле²⁰.

15 Кирей Василий Фаддеевич (01.01.1879–05.06.1942) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант). Генеральный хорунжий (укр.). В украинской армии. Инспектор артиллерии IV корпуса (1918).

16 В тексте несогласованно: как знаменитым русским.

17 Святошин — исторический район в западной части Киева, дачная местность в начале XX в.

18 Герман Иван Яковлевич — адвокат, прапорщик, эсер, председатель комиссии по выборам в Учредительное собрание на Юго-Западном фронте (1917), сослуживец П. С. Махрова.

19 В документе ошибочно — 1917 года.

20 Далее зачеркнуто:

«После пререканий, чуть ли не дошедших до вооруженного столкновения, Герман добился, чтобы его эшелон был направлен в Ставрополь якобы на базу демобилизации Самурского полка, а вагон-теплушка, в котором помещался Герман с женой и [под]полковник Махин и еще несколько лиц, по настоянию Германа, был прицеплен к поезду, шедшему на Москву.

Какую цель преследовали Махин и Герман, следуя в Москву, мне не было известно, тем более что оба они были сторонниками Временного правительства и могли быть каждую минуту там арестованными. В мае месяце я получил весть от Махина, извещавшего, что он поступил на службу в Красную армию, и приглашал меня делать то же. Зная политические убеждения Махина, бывшего социалистом-революционером, его поступок был для меня необъяснимым».

Герман после прихода власти гетмана возвратился в Киев, где он был кооптирован в качестве члена городской думы и с присущей ему энергией занялся общественной деятельностью. Я редко встречал человека, который имел бы такие большие знакомства во всех сферах общества, как Герман. Человек необычайной энергии и кипучей деятельности, он искал выхода для России из создавшейся обстановки. Теперь, когда на Юге начала действовать Добровольческая армия, по предложению общественных и политических деятелей он решил войти в контакт с командованием Добр[овольческой] армии. Полковник Карамышев²¹, бывший «начальником центра» в Киеве от Добр[овольческой] армии, знавший хорошо Германа, сочувствовал поездке его на Юг. Встретившись с моим братом Василием и узнав, что он собирается ехать в Добр[овольческую] армию, он просил его оказать ему в этом содействие, т. к. туда пропускали далеко не всех. Германа в прошлом на Юго-Западном фронте все знали только с хорошей стороны, но то, что он был социалист-революционер, хотя и с большим уклоном вправо, ему могло помешать. Мой брат и Кирей обещали ему помочь. Оставалось только установить день отъезда из Киева.

До своей поездки в Добр[овольческую] армию Герман в Киеве входил в тройку боевой организации соц[иалистов]-рев[олюционеров] и состоял в союзе «Защиты Родины». Председателем последней был проф[ессор] Мякотин²²; Герман — начальником военного отдела, а Станкевич²³, бывший

Махин Федор Евдокимович (15.04.1882–02.06.1945) — подполковник, и. д. начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Поступил на службу в РККА по заданию военной организации ЦК партии социалистов-революционеров для осведомления и ведения подрывной работы. Военный специалист РККА. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 27–332.

21 Карамышев Владимир Дмитриевич (14.06.1881–25.05.1936) — полковник. Член подпольной антибольшевистской организации «Азбука» (псевдоним «Иже») с 15.06.1918 в Одессе. Позднее — участник Белого движения на Востоке России.

22 Мякотин Венедикт Александрович (12.03.1867–11.09.1937) — историк, общественно-политический деятель. Один из руководителей «Союза возрождения России».

23 Станкевич Владимир Бенедиктович (16.11.1884–25.12.1968) — общественно-политический деятель, комиссар Временного правительства в Ставке Верховного главнокомандующего (1917).

комиссар при ставке Верховного, был начальником отдела министерства внутренних дел.

Насколько мне известно, эта организация существовала только в бумагах, но ничем себя не проявила.

Взрыв склада снарядов в Зверинце возле Киева и убийство фельдмаршала Эйхгорна

Мне пришлось быть в июне месяце в Киеве на второй или третий день после взрыва большого склада снарядов в Зверинце²⁴ в предместье гетманской столицы²⁵.

Весь город только и говорил об этом ужасном событии. Сила взрыва была так сильна, что в ближайших частях города к Зверинцу были снесены целые кварталы, а рванувшиеся снаряды долетали до Дарницы. Район места катастрофы был оцеплен немецкими солдатами, но даже на третий день продолжались разрывы снарядов. Последнее объяснялось тем, что украинские мародеры ринулись за наживой и, шагая по снарядам, способствовали взрывам и гибели там. Никто не знал, каковы были жертвы.

Уцелевшие жители как безумные бросились в город. Я встретился на улице с Ив[аном] Яков[леви́чем] Германом, который в это время был кооптирован членом городской думы. Он очень спешил и пригласил зайти к ним в думу, где он был занят оказанием материальной помощи пострадавшим. Санитарно-медицинская помощь организована не была. На месте катастрофы в качестве волонтера работал только доктор, профессор Николай Васильевич Краинский²⁶, которого я хорошо знал. Он был мой друг и мой учитель по предмету психологии²⁷. Николай Васильевич

24 Зверинец — исторический район Киева, место княжеской охоты в период Киевской Руси, в начале XX в. — предместье города.

25 Речь идет о взрыве артиллерийских складов на Зверинце в Киеве утром 6 июня 1918 г. В результате взрыва погибли около 200 человек, 8300 получили ранения и контузии. Было разрушено 1088 жилых и 1290 хозяйственных построек.

26 Краинский Николай Васильевич (01.05.1869–19.07.1951) — русский и украинский психиатр. Подробнее см.: *Краинский Н.* Психофильм русской революции. М., 2016.

27 С проф. Н. В. Краинским я познакомился в 1910 году в г. Вильне, где [он] занимался врачебной деятельностью. В это время я написал книжку: «Специальность Генерального штаба и его служебная практика». Эта книжка произвела в то время много шума и вызвала взрыв негодования со стороны моего начальства, особенно генерала Преженцова, начальника штаба Виленского воен[ного] округа. Преженцов передал

дело военному прокурору с намерением предать меня суду, но прокурор, ознакомившись с моей книгой, «состава преступления» в ней не нашел, хотя я резко критиковал деятельность некоторых генералов, указывая на причины нашего поражения в войну 1904–1905.

Краинский, будучи сам участником войны в роли волонтера, заинтересовался моей книгой и сделал мне визит.

Вскоре мы с ним подружились. Я ему рассказал, что я пишу мою диссертацию «Применение законов психологии в области военного дела», что, к сожалению, не обладаю достаточной эрудицией в области психологии. Он как ученый-психолог и психиатр охотно предложил мне свои услуги помочь мне в этом. Так началось мое знакомство с Николаем Васильевичем. В лице его я встретил замечательного ученого, человека редких дарований и исключительных душевных качеств. В это время, будучи доктором медицины и профессором, он в роли студента физико-математического факультета слушал лекции в Петербургском университете, куда ездил из Вильны. Этот студент, кроме ученых степеней, уже имел за свои труды по химии премию от Бельгийской академии наук. Соприкасаясь ближе с ним в нашей работе по психологии и в научных беседах, я с ужасом увидел те пробелы, которые были в моем образовании. Он дал мне толчок в стремлении пополнить мои знания, и он дал мне вкус к науке. В познании я нашел истинное счастье человека. Николай Васильевич стал для меня не только близким человеком, но и учителем, которому во многом я обязан.

Он был человек большого и многогранного ума. Его эрудиция была необъятная. Он обладал чрезвычайной энергией, спал не более пяти часов в сутки. Целые дни он проводил за работой в лаборатории, принимая и посещая больных, то писал, то сидел за книгой и даже находил время для спорта — ежедневно рано утром ездил верхом.

Он был замечательный музыкант, игравший на виолончели, находил время заглянуть к друзьям, где все слушали с удовольствием его беседу. Долг, служение ближнему было радостью его жизни. По своей воле, будучи богатым, вполне обеспеченным человеком, он побывал в Персии в борьбе с чумой и в России во время холерных заболеваний. Патриот — он отправился волонтером за свой счет в Русско-японскую войну, глубоко осуждая русскую, затронутую революционным ядом, общественность. Особенно он презирал П. Б. Струве как распылителя душ молодого поколения, посылавшего микадо телеграммы с пожеланием побед для Японии.

Он был монархист, но отрицал парламентаризм как психолог, знавший психологию коллектива. Великие социальные идеи он полностью воспринимал, но для применения их в жизни, опять-таки как психолог, находил неизменно необходимым считаться с психологией народа и его

сам организовал санитарный отряд, в котором не оказалось ни одного волонтера-мужчины, кроме [н]его самого. Зато туда пошли женщины-героини, сестры милосердия, работавшие с Краинским еще на фронте в роли сестер милосердия.

Растерянность гетманского правительства была поразительная и не находила себе оправдания.

Герман выбивался из сил, чтобы поднять общественность для организации помощи. В самой же думе, где толпились обездоленные, он с присущей ему сердечностью внимательно всех выслушивал и немедленно оказывал материальную помощь.

Когда он освободился от хлопот и звонков по телефону, я спросил его, как он объясняет происшедшее событие. Он ответил, что это дело рук союзников с участием социалистов-революционеров, союзники имели в виду лишить возможности немцев воспользоваться богатейшими складами артиллерийских запасов.

«Но разве социалисты-революционеры не могли заранее принять меры, чтобы из этого района выселить жителей?» — спросил я Ив[ана] Яковл[евича] Германа. Он на это ответил пожатием плеч. Однако из дальнейшего нашего разговора я выяснил, что количество людских жертв было не так велико, как следовало бы ожидать от этого ужасного взрыва. Вскоре газеты сообщили о подобной же катастрофе под Одессой. Там людских жертв почти не было.

Между тем в июле месяце на западе союзники начали теснить немцев, а в Киеве на улице был убит немецкий главнокомандующий

историческим прошлым. Во время революции он был одним из первых контрреволюционеров и боролся с керенщиной, украинской Радой и большевиками с оружием в руках. Служение Родине и ближнему заполняло всю его жизнь, а наука и искание истины освещало путь для его вечно мятущейся благородной души (*примеч. П. С. Махрова*).

Ср. со свидетельством Н. В. Краинского о Махрове: «Этого талантливого генерала я знал еще в те времена, когда он был в Вильно капитаном Генерального штаба, и мы вместе с ним работали над вопросами военной психологии. Это был в высокой степени образованный офицер, о котором лестно отзывается и Врангель в своих записках» (*Краинский Н. Психofilm русской революции. М., 2016. С. 570–571*). Махров ошибается. П. Б. Струве не отправлял телеграмм микадо с пожеланием победы Японии. Подробнее см.: *Пайнс Р. Струве: левый либерал, 1870–1905. М., 2001. Т. 1. С. 475–481, 507–508*. Преженцов Александр Богданович (25.01.1859–11.11.1915) — генерал-лейтенант, начальник штаба Виленского военного округа (1909–1913).

генерал Эйхгорн²⁸, а в Москве — ген. Мирбах²⁹. Преступники не были обнаружены, репрессий со стороны немцев не последовало³⁰.

Шаткость положения гетмана

Вскоре после убийства Эйхгорна мне вновь пришлось побывать по делам в Киеве, и, пользуясь случаем, я заглянул в штаб гетмана к моему приятелю [под]полковнику Владимиру Васильевичу Колосовскому³¹, начальнику разведывательного отделения гетманского штаба.

«Ну как идут дела, Владимир Васильевич?» — спросил я его.

«Дела как сажа бела!» — ответил русской поговоркой этот «щирий»³² украинец. Оказалось, что в Киев прибыли войска, сформированные при содействии австрийцев, силой около бригады, так называемые «синежупанники». Они были укомплектованы из русских и украинских военнопленных, отлично были одеты и снабжены всем, кроме морали и понятия о чести. «Синежупанниками» они назывались по их мундиру, покрою «жупана», т. е. кафтана синего цвета.

Они пришли служить гетману. Последний их хорошо принял и приказал разместить в казармах. Однако скоро началось дезертирство. Это доблестное воинство начало заниматься грабежом, и немцы потребовали, чтобы они были разоружены и распущены... Мирные переговоры с большевиками, председателем делегации которых³³ был румынский еврей Раковский³⁴, затягивались. На Украине кой-где уже

28 Эйхгорн Герман, фон (13.02.1848–30.07.1918) — прусский генерал-фельдмаршал. Командующий австро-германскими оккупационными войсками на Украине (1918). Убит левым эсером Б. М. Донским в Киеве. Подробнее см.: Боевой восемнадцатый год. Сб. док. и восп. М., 2018. С. 243–286; *Каховская И. К.* Воспоминания террористки. М., 2019. С. 8–10, 81–119.

29 Мирбах Вильгельм, фон (02.07.1871–06.07.1918) — граф, германский дипломат. Посол Германии в России (1918). Убит левыми эсерами Я. Г. Блюмкиным и Н. А. Андреевым в Москве.

30 Махров ошибается. Б. М. Донской был схвачен на месте убийства и 10 августа 1918 г. по приговору германского военно-полевого суда публично повешен на Лукьяновской площади Киева.

31 Колосовский (Колосовский) Владимир Васильевич (06.03.1884–1944) — войсковой старшина.

32 Т. е. настоящий (укр.).

33 В документе — которой.

34 Махров ошибается. Раковский Христиан Георгиевич (01.08.1873–11.09.1941) — советский политический и государственный деятель бол-

начались восстания против немцев, а в Киевской губ. под Каневом произошло целое сражение, где немцы вынуждены были применить дивизию пехоты с артиллерией для восстановления порядка.

У гетмана вооруженной силы не было, т. к. «Сердюкская» дивизия продолжила оставаться невооруженной, а так называемая «варта», т. е. государственная полиция, была и малочисленна, и по своему составу неблагонадежна³⁵. В такой же мере гетман не мог рассчитывать на бригаду Болбочана³⁶ и Натиева³⁷, двух авантюристов, предложивших Скоропадскому свои услуги для укрепления самостийной Украины. То, что я услышал от Колоссовского: взрывы артиллерийских складов в Киеве и Одессе; убийство генерала Эйхгорна и самое главное то, что союзники взяли инициативу в свои руки, — казалось неблагоприятным для Скоропадского.

Однако Колоссовский продолжал верить в силу немцев и не считал положение серьезным.

От Колоссовского я отправился в городскую думу повидать Германа. Улицы в районе дворца, где жил новый немецкий командующий оккупационными войсками после убийства Эйхгорна, были забаррикадированы, всюду стояли часовые и никого не пропускали. Германа я застал, как всегда, за работой, но он рад был со мной побеседо-

гарского происхождения. Раковский был этническим болгаринном, но имел румынское подданство.

35 Далее зачеркнуто несколько вариантов текста: «У гетмана родилась мысль по примеру Добровольческой армии сформировать добровольческие украинские отряды, но это пока было в стадии “обсуждения”, если не считать сомнительного качества бригаду каких-то авантюристов Болбочана и Натиева, предложивших свои услуги гетману для поддержания славы самостийной Украины. Между тем украинские социал-революционеры подняли голову и ждали только выпуска немцами из тюрьмы Петлюры».

36 Болбочан (Балбочан) Петр Федорович (05.10.1883–28.06.1919) — полковник (укр.), главнокомандующий Левобережным фронтом войск Директории. Прототип полковника Болботуна из романа М. А. Булгакова «Белая гвардия». Подробнее см.: *Сидак В., Осташико Т., Вронська Т.* Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ, 2004.

37 Натиев Александр (1873–16.06.1919) — полковник (впоследствии — генерал-майор). Генеральный хорунжий (укр.). Занимался формированием Отдельного отряда верных запорожцев для обороны Киева от войск Директории. После падения режима Скоропадского арестован. Затем освобожден и участвовал в Белом движении на Юге России.

вать. Герман³⁸ прямо не говорил, но чувствовалось, что к гетманскому правительству он относился скорее отрицательно. В Киеве тяга в Добровольческую армию все больше и больше увеличивалась, но на месте не было хорошо организованного управления для вербовки добровольцев и снабжения их средствами для отправки на Кубань. Кроме полковника Карамышева, у которого с Германом установились дружеские отношения, от имени Деникина в Киеве действовали генерал Ломновский³⁹ и князь Долгоруков⁴⁰. Единства во взглядах у них не было.

На Юге образовалась еще одна армия, т[ак] наз[ываемая] «Астраханская», поднявшая монархический флаг. Немцы почему-то особенно покровительствовали следующим туда добровольцам, но имя Деникина заслуживало большего внимания. Русские добровольцы-летчики, не имея средств, даже прибегали к такому способу: поступали на службу к гетману, получали русские аэропланы, попавшие в руки украинцев, всю материальную часть, укомплектовывали их и, организовав эскадрильи, перелетали на Кубань в Добр[овольческую] армию⁴¹. Надо отдать дань уважения Скоропадскому, что он на эти «измены» смотрел сквозь пальцы. Герман теперь окончательно перемещал центр своей деятельности в оказании содействия белой армии [с] помощью общественных деятелей и торопился с отъездом, ожидая моего брата Василия из Одессы.

Во второй половине июля я вновь очутился в Полтаве, где жизнь казалась после Киева тихой и спокойной. Моя служба в Хліб-бюро не отягощала меня работой. Досуг свой я заполнял чтением книг, благо у моего тестя была богатая библиотека.

38 Далее зачеркнуто: «относился к обстановке на Украине более пессимистично, чем я».

39 Ломновский Петр Николаевич (24.11.1871–02.03.1956) — генерал-лейтенант, представитель Добровольческой армии в Киеве, начальник Киевского главного центра Добровольческой армии.

40 У Махрова ошибочно — Долгорукий. Долгоруков Александр Николаевич (27.12.1872–17.01.1948) — генерал-лейтенант, главнокомандующий всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины (сменил Ф. А. Келлера). Прототип князя Белорукова из романа М. А. Булгакова «Белая гвардия».

41 Одну из таких эскадрилий преподнес Деникину известный летчик, георгиевский кавалер штабс-капитан Николай Адамович Бафталовский, родной брат моей жены (*примеч. П. С. Махрова*).

В этом маленьком городке трудно было не встречаться с моими добрыми знакомыми, особенно с ген. Бреслером⁴² и его очаровательной женой. Они оба были очень гостеприимны и общительны.

У них часто собирались не только мы с Маркодеевым⁴³ с нашими женами, но и местные мукомолы с их дамами. Беседы наши касались обычно злобы дня и обмена сведений, получаемых с разных сторон⁴⁴. Евреи — «хлебные короли» — были всегда хорошо ознакомлены с общей обстановкой на Украине, и главной заботой их теперь было превращение украинских денег в немецкие марки и австрийские кроны, что они советовали делать и Бреслеру, обладавшему большими средствами...

Путешествие в Одессу. Красавица-Одесса, большая язва большевизма

В конце июля приехал из Одессы мой брат Василий по своим личным делам и объявил мне, что он решил в ближайшем времени отправиться в Добр[овольческую] армию в Екатеринодар. Он предложил мне проехать в Одессу, дабы повидать нашего дядю по матери Казимира Осиповича Рутковского, у которого он жил. Я охотно согласился, и мы отправились в Одессу в пассажирском скором поезде, состав которого напоминал доброе старое время. Подъезжая к Одессе, мне брат показал место, где союзники взорвали склад русских артиллерийских снарядов. Разрушение было действительно ужасное. Все было сметено с лица земли, и даже, глядя сквозь окно, можно было видеть поле, усыпанное осколками стали.

Одесса при ярком южном солнце казалась веселой и шумной. Все кафе были заполнены праздными людьми и «дельцами»-евреями. Женщины после Киева и особенно Полтавы поражали своими нарядами, как будто здесь не было никогда ни керенщины, ни украинизации, ни большевистских банд. На улицах можно было встретить русских офицеров и даже генералов, щеголявших гетманскими погонами. Мелькали и офицеры-поляки, успевшие одеть зеленовато-защитные

42 Бреслер Владимир Петрович (24.06.1874–1945?) — генерал-майор, начальник снабжений армий Юго-Западного фронта, сослуживец П. С. Махрова.

43 Маркодеев Павел Анисимович (05.03.1878 — не позднее 1931) — генерал-лейтенант. Впоследствии — участник Белого движения на Юге России.

44 Далее зачеркнуто: «После моего возвращения из Киева на вечеру у Бреслера я поделился тем, что узнал в гетманской столице. И Маркодеев, и Бреслер сказали: “Пахнет жареным”».

конфедератки с эмблемой одноглавого орла или сокола, что точно, я не знал. Магазины были открыты и бойко торговали. В порту стояло несколько кораблей...

Мы с братом явились к нашему дяде, который в это время был стариком почтенных лет. Очень высокого роста, очень полный, со свежим круглым лицом, украшенным седыми подстриженными усами, элегантно одетый, с толстой золотой цепочкой от часов, прудетой в петлице бархатного жилета, он имел вид богатого купца, каковым и был в действительности. Он был очень энергичен и подвижен, всегда занятый настолько, что у подъезда его дома на Пушкинской улице, № 4, почти всегда стоял его экипаж, чтобы без задержки отправиться по делам.

Он был совершенно обрусевший поляк. Его сын Владислав в гимназии был переименован в Володю. Так его звали и дома. «Володя» окончил Одесский университет и Киевский политехникум, женился и теперь жил у отца, ожидая у моря погоды, т. к. у него не было никакой склонности к коммерческой деятельности отца. Он колебался, уехать ли в Добровольческую армию или поступить в организовывающуюся в Одессе какою-либо польскую воинскую часть.

Его старшая сестра Елена окончила русскую гимназию и по характеру своему походила на отца. Рано овдовев, она стала ближайшей помощницей своего отца. Мать их была маленькая седая старушка, сохранившая былую красоту. Это была женщина добрейшей души, очень религиозная. Она любила помогать бедным людям, и все это делала по-христиански, не участвуя в благотворительных обществах. Муж же ее вносил туда свою лепту, любя прочесть об этом в газетах.

К. О. Рутковский, как богатый человек, играл большую роль в городе вообще, и в частности в польской колонии. Во время моего приезда он был занят снабжением обмундированием и обувью формирующихся в Одессе польских войск. Но в это время он встретил затруднения с рабочими в его мастерских, хотя в них и преобладали поляки. Рабочие не только постоянно требовали увеличения заработной платы и сокращения рабочих часов, но и расхищали товар. Чтобы поддерживать порядок и увеличить продуктивность, К. О. Рутковский пошел навстречу желаниям рабочих. Однако это мало изменило положение, и стали случаи врывания постороннего элемента, возбуждавшего мастеровых. Тогда он обратился с просьбой к командиру одного из польских отрядов поставить в мастерские польские караулы, что и было исполнено. Однажды в мастерскую вошла банда явных польско-русских большевиков. Караул предложил им убраться вон. Тогда один из вожаков подошел к начальнику караула и, тыкая пальцем в

кокарду конфедератки, закричал: «Ты прентко здеймишь tego когута», что по-русски значит: «Скоро ты снимешь этого петушка». Так презрительно, петушком, он называл государственный польский герб — одноглавый орел.

К. О. Рутковский хорошо знал местных рабочих и в одесском порту, т. к. ему принадлежала транспортная контора с большими перевозочными средствами, конюшнями из битюгов и кучерами. Он считал порт гнездом большевизма. По его данным, там был международный рабочий люд, не исключая и поляков, которые выражали симпатию к русским большевикам и глубоко верили, что большевики скоро выгонят и немцев, и гетмана.

Таким образом, Одесса, внешне веселая, шумная и беззаботная, имела внутри себя язву большевизма, время от времени себя проявлявшую.

На другой день мы с братом отправились навестить генерала Николая Николаевича Головина. Мой брат его знал как профессора, еще в академии в 1912–1914 году, а потом в штабе 9[-й] армии на Юго-Западном фронте, будучи его подчиненным, и любил Николая Николаевича. Мне служить с Головиным не приходилось, но в мирное время я соприкасался с ним в совместной научной работе.

Он очень благожелательно относился к моим печатным военным трудам и часто их цитировал в своих лекциях. В наших беседах на военные темы я со многими его мыслями соглашался, особенно в методах преподавания стратегии и тактики. Он, как и я, был сторонником давать живые задачи, т. е. подставлял ученикам постоянно меняющуюся обстановку, а не мертвое задание, сводившееся к обороне или наступлению. В 1907 г., когда начальником Академии Генерального штаба стал генерал Щербачев, в академии появилось созвездие профессоров-«новаторов», как, напр[имер], Головин, Незнамов, Кельчевский⁴⁵ и Болдырев⁴⁶. Все они отrekliсь от классической стратегии Леера⁴⁷, считавшего и наступатель-

45 Кельчевский (Кельчевский) Анатолий Киприанович (19.01.1869–01.04.1923) — генерал-лейтенант, в 1909–1914 гг. в чине полковника служил в Императорской Николаевской военной академии.

46 Болдырев Василий Георгиевич (05.04.1875–20.08.1933) — в описываемый период — подполковник (впоследствии — генерал-лейтенант). Преподавал в Императорской Николаевской военной академии (1911–1914). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии (с 08.01.1911). Экстраординарный профессор (с 1914).

47 Леер Генрих Антонович (04.04.1829–16.04.1904) — генерал от инфантерии, выдающийся военный ученый.

ные и оборонительные действия одинаково законными и неизбежными. Новаторы чрезвычайно увлекались наступательным духом, совершенно игнорируя т[ак] наз[ываемую] пассивную оборону. Я был сторонником лееровской школы, но с новаторскими методами преподавания.

Головин в академии занял непримиримую позицию и в 1909 году вынужден был покинуть академию⁴⁸. Однако, будучи выходцем из гвардии и имея большие связи, этот факт послужил для него только в пользу. Ему вне всякой очереди, не считаясь с законоположениями выслуги лет, дали Финляндский драгунский полк. Вскоре он был произведен в генералы и был назначен командиром Лейб-гв[ардии] Гродненского гусарского полка, с каковым и выступил на войну 1914 года. В 1915 году мне пришлось с ним встретиться в Самборе, в штабе армии генер[ала] Брусилова⁴⁹. Он, следуя с полком в резерв, остановился на дневке в нашем районе и заходил ко мне в оперативное отделение, интересуясь, как поставлена у меня организация дела.

После мне с ним встречаться не приходилось, но я знал о его блестящей карьере, т. к. он скоро был назначен начальником штаба 9-й армии.

Головин жил в Одессе в скромной квартире в одном из отдаленных от центра кварталов. Он очень был рад нашему визиту, и мы начали вспоминать встречи в прошлом, а затем перешли к настоящему. Головин, приехав на Украину, немедленно зашел к Скоропадскому как к своему доброму знакомому по Петербургу и сослуживцу в гвардии. Скоропадский предложил ему выбрать любую высшую должность в гетманской армии, но Николай Николаевич просил гетмана назначить его только начальником военного архива, вывезенного украинцами с Юго-Западного фронта. Он имел в виду разобрать этот материал, дабы потом приступить к описанию войны 1914–1918 года. Скоропадский пожалел, что Головин уклонился от занятия командных должностей, но немедленно приказал создать управление начальника военным архивом.

48 Махров ошибается. На самом деле Н. Н. Головин служил в Императорской Николаевской военной академии до января 1914 г. После академии Головин командовал 20-м драгунским Финляндским полком, а на фронт Первой мировой войны выступил командующим Лейб-гвардии Гродненским гусарским полком.

49 Брусилов Алексей Алексеевич (19.08.1853–17.03.1926) — русский полководец, генерал от кавалерии, командующий 8-й армией (19.07.1914–17.03.1916).

Головин теперь в Одессе и работал в архиве, вполне удовлетворенный своим делом. Гетманскую самостийную Украину он считал временной, а свою службу — как бы привалом на походе в неизвестном направлении.

Узнав, что я в таком же положении нахожусь в Полтаве, он мне предложил занять у него должность помощника и переехать в Одессу. Я согласился.

Отъезд из Киева в Добров[ольческую] армию генерала Кирея, полк[овника] Махрова Василия и прапорщика Германа

Вскоре мы с братом опять уехали в Полтаву. Он с намерением отправиться в Киев, чтобы с ген. Киреем и Германом следовать в Екатеринодар, а я — ждать моего назначения в Одессу. Когда о последнем узнали Владимир Петрович Бреслер и Маркодеев, оба они были огорчены и стали меня убеждать, что мне не следует покидать Полтаву, а лучше нам вместе ждать у моря погоды, тем более что материально мы были обставлены очень хорошо. К этому же склоняла меня и жена моя, и семья моего тестя. Я подчинился их совету. Чрез несколько дней состоялся приказ гетмана о назначении меня помощником ген. Головина, но я к месту назначения не уехал. Брат же мой Василий с Киреем и Германом отправились в белую армию.

Там ген. Кирей был назначен начальником артиллерийской части, а мой брат — в штаб генерала Дроздовского. Что касается Германа, то, несмотря на отличные рекомендации различных общественных деятелей и его сослуживцев по 8-й армии, он не достиг никаких результатов в своей миссии. Более того, ген. Кирей, узнав о враждебном настроении офицерства к Герману как к социалисту-революционеру, посоветовал ему скорее покинуть Екатеринодар и для безопасности лично проводил его до Ростова. Герман, несомненно, мог быть очень полезным человеком в Добровольческой армии как человек умный, честный, порядочный и благородный, но «керенщина», сам Керенский⁵⁰, все комиссары и социал-революционеры оставили по себе такую подлую славу, что в офицерстве слово «эсер» вызывало чувство негодования.

Впрочем, слово «эсер» в Добровольческой и особенно потом во врангелевской⁵¹ армии сделалось этикеткой, которую гвардейская кли-

50 Керенский Александр Федорович (22.04.1881–11.06.1970) — министр-председатель Временного правительства (1917).

51 Речь идет о Вооруженных силах на Юге России и Русской армии, которые в 1920 г. возглавлял генерал П. Н. Врангель. Врангель Петр Николаевич (15.08.1878–25.04.1928) — барон, генерал-лейтенант, главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России и Русской армией (1920).

ка и их единомышленники приклеивали всякому, несогласному с их политическими взглядами.

«Эсером» был назван умный, честный и достойнейший генерал Романовский⁵², начальник штаба генерала Деникина.

Этой участи не избег и я, будучи начальником штаба ген. Врангеля и его военным представителем при польском правительстве. Но самое интересное, что Врангель, польз[овавшийся] моими трудами и выражавший мне многочисленно благодарность в приказах и письмах, назвал меня «любившим поиграть “демократизмом”», а дальше пояснил, что это значит быть «эсером»⁵³.

Герман возвратился в Киев, занял свое место кооптированного члена киевской городской думы и, сохраняя связь со своим бывшим начальником по 8-й армии генералом Заболотным⁵⁴, ставшим командиром 4-го украинского корпуса, окунулся в свою общественную деятельность.

52 Романовский Иван Павлович (16.04.1877–05.04.1920) — генерал-лейтенант, начальник штаба Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России (1918–1920).

53 См. архив Колумбийского университета в Нью-Йорке. П. Махров. Генерал Врангель и Б. В. Савинков и «Белое дело». Записки П. Н. Врангеля, часть вторая, стр. 18 (*примеч. П. С. Махрова*).

Речь идет о следующих строках «Записок» генерала П. Н. Врангеля: «С оставлением генералом Романовским поста начальника штаба и уходом генерал-квартирмейстера генерала Плющевского-Плющик начальником штаба главнокомандующего был назначен генерал Махров. Должность генерал-квартирмейстера занял полковник Коновалов. Делами второго генерал-квартирмейстерства ведал полковник Дорман.

Генерала Махрова я знал очень хорошо. Он долгое время состоял в Кавказской армии начальником военных сообщений. Это был чрезвычайно способный, дельный и знающий офицер Генерального штаба. Ума гибкого и быстрого, весьма живой. Он не прочь был поиграть “демократизмом”. Либерализм начальника штаба в настоящее время являлся в значительной мере отражением политических взглядов его ближайших помощников, обоих генералов-квартирмейстеров.

Среди офицерства ставки и высших чинов, настроенных в общем право, либерализм начальника штаба и его ближайших помощников вызывал большие нарекания. Их обвиняли в “эсеровщине”» (*Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.)*. М., 1992. Ч. 2. С. 28).

54 Махров неточен. Заболотный Аркадий Моисеевич (07.01.1870–18.04.1928) — генерал-майор. Генеральный хорунжий (укр.). В украинской армии. Начальник штаба IV корпуса (1918).

Убийство царской семьи

Во второй половине июля в Полтаву прилетела ужасная весть об убийстве императорской семьи в Екатеринбурге в Ипатьевском доме. Страшное совпадение названий. Из Ипатьевского монастыря суждено было взойти на российский престол первому царю династии Романовых, и в купеческом Ипатьевском доме династия утасла. Весть эта глубоко взволновала в Полтаве всю интеллигенцию, и даже ту революционную, которая в день отречения императора Николая II бесновалась в телячьем восторге от радости. Подробности убийства царской семьи не были известны. Сообщали только, что по приказу еврея Нахамкиса (Свердлова)⁵⁵ царская семья была расстреляна венгерскими военнопленными солдатами в подвале Ипатьевского дома⁵⁶. Я не знаю, были ли в это время в Полтаве епископ Феофан⁵⁷, которому надлежало бы вознести молитву царю небесному за царя земного, к которому во дворец Феофан ввел «старца» Распутина⁵⁸. Но в Полтаве в это время был очень популярный священник, отец Георгий Спасский⁵⁹, замечательный проповедник, человек умный и мистик. От него можно было ждать исполнения пастырского долга, но этого не последовало. Говорили, что гетманское правительство воспретило официальную панихиду... Крестьянская украинская масса отнеслась к этому злодеянию безразлично... При обсуждении факта убийства семьи императора почти все обвиняли Керенского. Он имел полную возможность найти безопасное убежище для царя и его семьи.

55 Махров ошибается. Свердлов — настоящая фамилия. Свердлов Яков Михайлович (22/23.05.1885–16.03.1919) — революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета (1917–1919).

56 Эти данные неточны. Семья бывшего императора Николая II была расстреляна в Екатеринбурге в подвале дома инженера Н. Н. Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Вопрос о санкции Москвы на расстрел остается спорным. Участники расстрела в основном были русскими. Венгров среди них не было.

57 Феофан (Василий Дмитриевич Быстров) (12.01.1873–19.02.1940) — архиепископ Полтавский и Переяславский, духовный отец семьи императора Николая II.

58 Распутин (Новых) Григорий Ефимович (09.01.1869–17.12.1916) — авантюрист, приобретший влияние при дворе императора Николая II.

59 По-видимому, Спасский Георгий Александрович (26.09.1877–16.01.1934) — протоиерей, главный священник Черноморского флота. Однако его деятельность не связана с Полтавой.

Обвиняли и офицеров гвардии, которые палец о палец не ударили, чтобы спасти того, кому они обязались служить и охранять. Наконец, все проклинали жида Нахамкиса⁶⁰, который закончил план еврея Троцкого⁶¹, выполненный Муравьевым⁶² избиением около 5000 офицеров в Киеве⁶³...

Весть эта нас всех, приютившихся на Украине, очень обеспокоила и огорчила. Видно было, что большевики мало смутились немецкой оккупацией и отделением Украины. С дьявольской настойчивостью они стремились к укреплению своей власти и, чтобы не было попыток восстановления монархии, уничтожили всю царскую семью.

Знакомых у меня в Полтаве было мало. Бреслер, Маркодеев и Фролов⁶⁴. Вот и все из моих близких, с которыми можно было обменяться мыслями. Правда, я иногда встречался с несколькими «недорезанными» помещиками, в числе них с Леонидом Кривцовым и графом Капнистом, очень симпатичными людьми, как и я, не верившими в прочность гетманского трона.

Газетные сведения о том, что делается на белом свете, были скудны, да и тенденциозны. Кой-что мне удавалось узнавать во время моих поездок в Киев от офицеров гетманского штаба или от Ив[ана] Яковлевича Германа, но самым осведомленным был мой приятель

60 Нахамкисом П. С. Махров ошибочно именовал Я. М. Свердлова, при том что Свердлов — настоящая фамилия. Фамилию Нахамкис среди видных большевиков носил Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович (Овший Моисеевич) (15.08.1873–15.09.1941) — редактор газеты «Известия» (1917–1925).

61 Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879–21.08.1940) — российский революционер, член РСДРП(б). Народный комиссар по военным и морским делам (с 1918), председатель Высшего военного совета (1918), председатель Реввоенсовета Республики и РВС СССР (1918–1925).

62 Муравьев Михаил Артемьевич (13.09.1880–11.07.1918) — бывший подполковник, советский военный деятель. Командующий группой войск на Киевском направлении (01–02.1918). Примыкал к партии левых эсеров. Главнокомандующий советским Восточным фронтом. Поднял мятеж против Советской власти, но был убит.

63 Эти данные считаются преувеличенными.

64 Фролов Александр Григорьевич (08.01.1886–10.06.1924) — капитан (впоследствии — полковник). Начальник Полтавского центра Добровольческой армии. Махров именует Фролова Флоровым. Во всех случаях фамилия исправлена без оговорок.

подполковник Дорман⁶⁵, служивший в гетманском министерстве в отделе хлебных заготовок.

В конце августа он неожиданно приехал для «ревизии» конторы нашего «Хліб-бюро». «Ревизия» была только предлогом, чтобы повидаться со мной, Маркодеевым, Бреслером и Фроловым. От него мы узнали, что Антанта вынудила немцев к отступлению на укрепленную линию Гинденбурга, что союзники высадили десантный отряд в Архангельске в конце июля, на что большевики 1-го августа объявили себя в состоянии войны с Антантой, и что чехословаки вместе с войсками омского правительства двигались к Иркутску. В Киеве неспокойно, петлюровские отряды начали выступление против гетмана, у гетмана надежных войск нет, а немцы держат себя нейтрально, вернее двулично. Положение оккупационных войск стало шатким. При этих условиях Дорман советовал нам готовиться к выбору места, куда уехать с Украины. Сам он решил отправиться в Прагу, где ему чехи обещали и гостеприимство, и работу. Он и нам всем предлагал свое содействие для отъезда в Чехословакию.

Бреслер определенно заявил, что пока можно будет, он останется в Полтаве, т. к. он хотел ликвидировать свои дела в имении Чернуха, принадлежавшем его жене, а потом он решил уехать в Константинополь. Принимать участие в Гражданской войне он не намеревался. Маркодеев и я тоже не хотели участвовать в братоубийственной войне, тем более что у Маркодеева и у меня были наши родные братья, мобилизованные большевиками в Красную армию⁶⁶.

Вести о близких родных

В сентябре я получил письмо из Новгорода-Северска от моей сестры Надежды Семеновны, муж которой, полковник Андрей Никола-

65 Дорман Павел Евстигнеевич (27.08.1884–25.05.1945) — подполковник, начальник штаба 1-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии, сослуживец П. С. Махрова.

66 Мой брат Ген[ерального] штаба генерал Николай Семенович командовал одной из красных дивизий (*примеч. П. С. Махрова*).

Махров Николай Семенович (28.12.1877–1936) — брат П. С. Махрова. Генерал-майор. Военный специалист РККА. В 1918–1919 гг. Н. С. Махров в РККА занимал посты начальника штаба Вяземского отряда завесы, начальника 2-й Московской дивизии (с 13.04.1918), начальника штаба 3-й стрелковой дивизии (26.09.1918–1919), состоял в распоряжении командующего 13-й армией.

евич Светозаров⁶⁷, был мобилизован большевиками. Где он находился, она не знала. У нее на руках была четырехлетняя дочь. Она мне сообщила, что положение ее было чрезвычайно тяжелое. Она в Новгород-Северск попала из Москвы, своего постоянного места жительства во время войны большевиков с украинцами. Ее муж был отправлен куда-то на другой фронт и ее взять с собой не мог. К счастью, в Новгороде-Северском она случайно встретила моего товарища Генерального штаба [под]полковника Величковского⁶⁸, у которого недалеко был свой маленький хутор. Он ее и выручил от полуголодного существования и дал ей мой адрес, советуя обратиться ко мне, чтобы я выслал ей муки, что я немедленно и сделал. Моя сестра мне дала и сведения о другой моей старшей сестре Марии Семеновне, бывшей замужем за небольшим помещиком Павлом Адольфовичем Олекевичем. Они жили в имении Выдричи Минской губ. Олекевич был очень хороший хозяин и убежденный «толстовец». Жил он до революции в добрососедских отношениях с крестьянами, которые не только его не разграбили, но защищали от большевистских банд. При реквизиции земли и леса большевиками «для бедноты» крестьяне добились того, чтобы Олекевичу, у которого было 8 человек детей, была оставлена усадьба и соответственное количество земли. Олекевич работал с моей сестрой в своем прежнем имении, но значительно сокращенном по размерам площади. В общем, они жили неплохо. Мой брат родной Николай командовал одной из большевистских дивизий, где-то на фронте.

Жена моя сведений о своих двух сестрах не имела. Знала только, что старшая из них жила в Тифлисе, а другая — в Москве.

Ее брат, летчик, штабс-капитан, служил в армии Деникина⁶⁹, дру-

67 Светозаров Андрей Николаевич (22.10.1876–07.07.1963) — полковник. Военный специалист РККА.

68 Величковский Яков Васильевич (20.03.1874–?) — подполковник. На службе в украинской армии (с 23.05.1918–01.1919). На службе в РККА (03–08.1919). Перешел на сторону белых. На службе во ВСЮР и Русской армии (с 19.08.1919–1920).

69 Бафталовский Николай Адамович (01.09.1893–1920?) — из дворян Вольнской губернии. Уроженец Минской губернии. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1912), Павловское военное училище (1914), Севастопольскую военную авиационную школу (1916), курсы 3-й очереди Военной академии. Участник Первой мировой войны. Трижды ранен. Военный летчик. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. Последний чин в старой армии — штабс-капитан. Участник Гражданской войны. В украинской армии (1918). С поручиком Т. С. Боровым совершил перелет

гой, Игорь⁷⁰, слушал курс Академии Генерального штаба у большевиков в Петрограде, а младший брат Борис⁷¹ лежал в госпитале в Екатеринодаре с ампутированной правой ногой выше колена. Во время боев с большевиками он был ранен и оставался в течение трех дней на поле сражения без всякой помощи. Когда его подобрала казаки, у него уже началась гангрена, и ему пришлось немедленно сделать операцию. Жаль мне его было потом видеть. Высоченного роста, красавец, полный сил, в 21 год жизни на костылях! Однако когда ему сделали протез, он поступил в роли наблюдателя-летчика в эскадрилью своего брата Николая и продолжил службу в белой армии.

Мой тесть Адам Иванович⁷², благословлявший своих детей на бранный подвиг в 1914 году, теперь убеждал своих сыновей не идти в Добровольческую армию. Он доказывал, что повернуть колеса истории невозможно, что все жертвы контрреволюции будут напрасны. «Вы думаете, — говорил он, — что мужик, захвативший барскую землю, отдаст ее? — Никогда! Вы думаете, что наша кухарка Феня, сделавшаяся комиссаршей, опять вам будет готовить щи? — Никогда! Вы воображаете, что парикмахер Иванов, вкусивший власти в роли

из Харькова в Добровольческую армию (10.1918). На службе в Добровольческой армии и Вооруженных силах на Юге России. Капитан. Из-за остановки мотора совершил вынужденную посадку на советской территории в 30 верстах от линии фронта (18.09.1919) и взят в плен. По некоторым данным, расстрелян в начале 1920. Подробнее см.: *Нешкин М. С., Шабанов В. М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006. С. 34–35.

70 Бафталовский Игорь Адамович (19.01.1896–30.12.1959) — из дворян Волынской губернии. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1913), Павловское военное училище (1914), ускоренные курсы Военной академии (младший класс 2-й очереди). Участник Первой мировой войны. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. Капитан (последний чин старой армии). Участник Гражданской войны. Военный специалист РККА. Участник Белого движения на Востоке России. Подполковник. В эмиграции — в Китае, Тунисе и во Франции. Умер в Каннах. Мемуарист.

71 Бафталовский Борис Адамович — из дворян Волынской губернии. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1916). Поручик. Умер в эмиграции во Франции.

72 Бафталовский Адам Иванович (30.11.1850–?) — полковник в отставке, бывший командир 46-го пехотного Днепропровского полка. Отец восьми детей, тесть П. С. Махрова.

комиссара, вновь будет мыть вам головы, стричь и брить вас? — Никогда...» Ему дети возражали: «Что ж, по-твоему, идти служить жидам, властвующим теперь в России, сидеть и ждать, как они будут нас вырезывать, подобно киевской бойне⁷³? Нет, лучше нам погибнуть в боях за ту Россию, которая нас вырастила и воспитала, чем переживать позор жидовской власти!...»

Я соглашался с моим тестем, что повернуть назад ход колеса истории невозможно, но в поступках моих beau-frère'ов видел ту «контрреволюцию», которая могла бы дать этому стихийному бурному ходу направление русское, национальное.

Теперь, когда уже началась Гражданская война, когда пролилась братская кровь, мне ясно стало, что оставаться в России, быть нейтральным нельзя. Судьба меня толкала в Добровольческую армию.

За полгода существования гетманской Украины, несмотря на ее некоторые уродливые и комичные формы, все же Скоропадскому удалось к октябрю месяцу восстановить человеческое существование и [дать] отдохнуть русским людям, особенно офицерству, замученному на Юго-Западном фронте керенщиной, Петлюрой и большевиками.

Даже русские школы начали работать. В Полтаве вновь открылась дворянская мужская гимназия и женская Старицкой. Обе эти школы, славившиеся своим замечательным педагогическим персоналом в мирное время, и теперь самоотверженно стремились учить молодежь. Но Полтавский кадетский корпус, несмотря на все усилия директора полковника Антонова⁷⁴, продолжал бездействовать, так его разорили большевики.

Я знал полк[овника] Антонова давно, когда я был юнкером в Виленском военном училище, в 1897 году, он тогда там был преподавателем топографии.

Теперь в Полтаве мы с ним встретились. Он переживал тяжелые дни. Политикой он не занимался, всецело отдавался педагогической деятельности, отлично поставил дело, и вот корпус разорили большевики как контрреволюционное гнездо.

Он мне показывал помещение этой прекрасной школы, в которой мне приходилось бывать в мирное время. Все было разгромлено,

73 Речь идет о событиях, последовавших за занятием Киева войсками М. А. Муравьева в конце января 1918 г.

74 Антонов Александр Николаевич (08.09.1863–16.05.1942) — полковник. Директор Петровского Полтавского кадетского корпуса. Участник Белого движения на Юге России.

кровати и матрасы, белье и посуда растащены и т. д. Учительский персонал наполовину разъехался, кадеты рассеялись, и Антонов бессилен был все восстановить...

Он не знал, что ему делать дальше, т. к. видел, что гетманской Украине приходит конец. В таком же положении было несколько офицеров-воспитателей корпуса. Все это был элемент нестроевой, немолодой, и они не рассчитывали быть полезными в Добровольческой армии, куда заметно было движение офицеров чрез Полтаву с севера.

Тяга в Добровольческую армию

Как-то ко мне зашел полковник Петр Петрович Крылов⁷⁵, мой однополчанин по 119[-му] пех[отному] Коломенскому полку, где мы вместе служили со дня производства в офицеры. Ему теперь было лет 40. Высокий, широкоплечий, красивый и бравый мужчина. Мы с ним не виделись лет 20. И говорить нечего, мы были рады встрече. Он приехал из Минска, а теперь пробирался с женой в Екатеринодар.

От него я узнал, что он состоит в монархической тайной организации, центр которой находится в Москве, и что с пятьюдесятью своими единомышленниками он следует в Екатеринодар. Я ему напомнил, что в Полтаве есть «центр» Добровольческой армии, возглавляемый полковником Фроловым, который может ему и его группе оказать всякое содействие, в том числе и деньгами. Крылов рад был повидать Фролова, но заметил, что ни он, ни его спутники в деньгах не нуждаются. Он был оптимистически настроен. Побывав в Москве и видя на пути своем в Полтаву большевистские войска, он считал их плохо организованными, не имеющими настоящих офицеров и почти не обученными. По его мнению, центральная власть в Москве не чувствовала прочной почвы под собой, но все же там успела установить некоторый порядок. Население в деревнях к советской власти относилось неблагоприятно, а в провинциальных городах тяготилось тем, что все командные должности были заняты евреями. При таких условиях Крылов считал, что Добровольческая армия имеет все шансы разбить большевиков. Он торопился в Екатеринодар. Его же родной брат, тоже полковник и мой однополчанин, уже был в рядах белой армии⁷⁶. Мне очень хотелось с

75 Крылов Петр Петрович (03.07.1880–?) — капитан (впоследствии — полковник). Сослуживец Махрова по 119-му пехотному Коломенскому полку (Минск).

76 Крылов Александр Петрович — капитан. Сослуживец Махрова по 119-му пехотному Коломенскому полку (Минск).

ним побеседовать, узнать о моих однополчанах, с которыми я провел мои молодые годы и [о которых] сохранил самые лучшие воспоминания, но он торопился к поезду.

О себе мой милый друг успел мне вкратце рассказать, что во время войны он и его брат Александр были несколько раз ранены, что в период развала армии на фронте оба они не раз были на волоске от смерти от разнuzданных солдат, а потом удалось им покинуть фронт, когда Крыленко⁷⁷ начал переговоры о мире с немцами. Они возвратились в Минск, где жили их семьи. Денег у них не было. В городе царило безобразие. Надо было что-то делать, чтобы зарабатывать на жизнь. Оба они поступили подмастерьями к сапожнику, который им прежде шил сапоги, и научились сапожному мастерству, а потом открыли сапожную починочную мастерскую... Поступать в Красную армию они не желали. Однако когда нависла над ними угроза быть мобилизованными, они вместе со своими некоторыми однополчанами стали искать выхода из положения.

Слухи о формировании Добровольческой армии дали им идею уехать на Юг. Случай им помог войти в тайную монархическую организацию: Крылов Петр по делам своим был в Москве в начале января 1918 года, и там его товарищ по Павловскому военному училищу ввел его в монархическую организацию... Теперь Крылов осуществлял свой план.

Он спросил меня, поеду ли я к Деникину. Я ему откровенно сказал, что если бы можно было больше не воевать, то я не поехал бы, но обстоятельства складываются так, что и я скоро отправлюсь в Екатеринодар. «Ну вот и хорошо, мы там встретимся», — сказал он мне на прощание⁷⁸.

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University). P. S. Makhrov Collection. Вых. 4. Тетрадь 6–7. С. 563–598. Автограф.

77 Крыленко Николай Васильевич (02.05.1885–29.07.1938) — бывший прапорщик, Верховный главнокомандующий русской армии (11.1917–03.1918).

78 Летом 1919 года я искал Петра Крылова, чтобы повидаться, но увы! Узнал, что он был убит большевистской пулей при атаке какой-то деревни, а с его братом Александром я встретился в октябре 1919 г. при отступлении от Царицына. Потом узнал, что и он погиб, но при каких обстоятельствах, не было известно (*примеч. П. С. Махрова*).

Источники и литература

Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: биографический справочник / Федеральное архивное агентство, Российский гос. военно-исторический архив; сост. М. С. Нешкин, В. М. Шабанов. М.: РОССПЭН, 2006. 359 с., [8] л. портр.

Боевой восемнадцатый год: сборник документов и воспоминаний / [сост.: Я. В. Леонтьев, Д. И. Рублев]; научный редактор Я. Леонтьев; Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив социально-политической истории. М.: Русская книга, 2018. 592 с.

Врангель П. Н. Воспоминания. [Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.): в 2 ч.]. М.: Терра, 1992. Ч. 2. 474 с.

Ганин А. В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову. Воспоминания деникинского генерала о событиях в Киеве, ставших основой знаменитого романа // Родина. 2018. № 12. С. 116–119.

Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Пятый Рим, 2020. 800 с.

Ганин А. В. П. С. Махров. Гражданская война на Украине // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 108–137. DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.1-2.08.

Ганин А. В. «Русский проект» гетмана П. П. Скоропадского: опыт Екатеринослава (ноябрь — декабрь 1918 года) // Славяноведение. 2019. № 1. С. 56–61. DOI: 10.31857/S0869544X0003672-2.

Ганин А. В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П. С. Махрова // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2. С. 144–156. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.11.

Дроздовский и дроздовцы / [ред.-сост. Р. Г. Гагкуев и др.]. М.: Посев, 2006. 692 с., [14] л. ил.

Каховская И. К. Воспоминания террористки / [авт. ст. Я. Леонтьев]. М.: Радикальная теория и практика, 2019. 236 с.

Конец Юго-Западного фронта. Воспоминания генерал-лейтенанта П. С. Махрова о событиях на Украине в 1917–1918 гг. / публ. А. В. Ганина // Исторический архив. 2019. № 6. С. 143–163.

Краинский Н. Психofilm русской революции / [сост., предисл., примеч. О. В. Григорьева, И. К. Корсаковой, С. В. Мущенко, С. Г. Шевченко; отв ред. О. А. Платонов]. М.: Институт русской цивилизации, 2016. 617 с. (Русская биографическая серия).

Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина: записки началь-

ника штаба главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России / [вступ. ст., биогр. справка Н. Рутыча]. СПб.: Logos, 1994. 304 с. (Историческая серия, XIX–XX век).

«Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А. В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.

Пайнс Р. Струве: левый либерал, 1870–1905. Т. 1: Струве: левый либерал, 1870–1905 / пер. с англ. А. Цуканова. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 549 с. (Культура. Политика. Философия).

Сидак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ: Темпора, 2004. 416 с.

References

Gagkuev, R. G., compiler. *Drozdovskii i drozdovtsy*. Moscow: Posev, 2006, 692 p., [28] p. ill.

Ganin, A. V. “‘Belaia gvardiia’ po Bulgakovu i po Makhrovu. Vospominaniia denikinskogo generala o sobytiiah v Kieve, stavshikh osnovoi znamenitogo romana.” *Rodina*, no. 12, 2018, pp. 116–119.

Ganin A. V. *Izmena komandarmov. Predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoi armii, pereshedshie na storonu protivnika v gody Grazhdanskoii voiny v Rossii 1917–1922 gg.* Moscow: Piatyi Rim, 2020, 800 p.

Ganin, A. V. “Konets Iugo-Zapadnogo fronta. Vospominaniia general-leitnanta P. S. Makhrova o sobytiiah na Ukraine v 1917–1918 gg.” *Istoricheskii arkhiv*, no. 6, 2019, pp. 143–163.

Ganin, A. V. “‘Ne strashny nikakie Solov'i-Razboiniki'. Nachal'nik shtaba Vrangelia o Stalingradskom triumfe.” *Rodina*, no. 1, 2013, pp. 71–74.

Ganin A. V. “P. S. Makhrov. Grazhdanskaia voina na Ukraine.” *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2020, vol. 15. no. 1–2, pp. 108–137. DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.1-2.08.

Ganin, A. V. “‘Russkii proekt’ getmana P. P. Skoropadskogo: opyt Ekaterinoslava (noiabr' — dekabr' 1918 goda).” *Slavianovedenie*, no. 1, 2019, pp. 56–61. DOI:10.31857/S0869544X0003672-2.

Ganin, A. V. “Sobytiia 1917–1919 gg. na Ukraine v osveshchenii generala P. S. Makhrova.” *Slavianskii al'manakh*, vol. 1–2, 2018, pp. 144–156. DOI:10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.11.

Kakhovskaia, I. K. *Vospominaniia terroristki*. Introduction by Ia. Leont'ev, Moscow: Radikal'naia teoriia i praktika, 2019, 236 p.

Kraiskii, N. *Psikhofil'm russkoii revoliutsii*. Edited by O. A. Platonov, Moscow: Institut russkoii tsivilizatsii, 2016, 624 p.

Leont'ev, Ia. V., and D. I. Rublev, compilers. *Boevoi vosemnadtsatyř god: sbornik dokumentov i vospominaniı̄*. Moscow: Russkaia kniga, 2018, 592 p.

Makhrov, P. S. V *Beloı̄ armii generala Denikina: Zapiski nachal'nika shtaba glavnokomanduiushchego Vooruzhennymi Silami Iuga Rossii*. Edited by N. Rutych, Saint Petersburg: Logos, 1994, 304 p.

Neshkin, M. S., and V. M. Shabanov, compilers. *Aviatory — kavaleriia ordena Sv. Georgiia i Georgievskogo oruzhiia perioda Pervoı̄ mirovoı̄ voı̄ny 1914–1918 godov: biograficheskiı̄ spravochnik*. Moscow: ROSSPĖN, 2006, 360 p.

Pipes, R. *Struve: levyı̄ liberal, 1870–1905*, vol. 1. Moscow: Moscow School of Political Research, 2001, 552 p.

Sidak, V., Ostashko, T., Vrons'ka, T. *Polkovnik Petro Bolbochan: tragediia ukrains'kogo derzhavnika*. Kiev: Tempora, 2004, 416 p.

Vrangel', P. N. *Vospominaniia. Iuzhnyi front (noiabr' 1916 g. — noiabr' 1920 g.)*, 2 pts., pt. 2. Moscow: Terra, 1992, 474 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.6.01

Ganin A. V.

In Ukraine under Hetman summer — autumn 1918

Andrey V. Ganin

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8602-1990

Citation

Ganin A. V. In Ukraine under Hetman summer — autumn 1918 // Slavic Almanac. 2021. No 1–2. P. 477–507 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.6.01

Received: 18.05.2020.

Abstract

This article introduces previously unpublished memoirs of General P. S. Makhrov about the events of the Civil war in the Ukraine in 1918. Makhrov's Memoirs from the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University are an important source for the different events of the late XIX — first half of the XX century. Primarily on the history of the First world war and

Civil war in Russia and Ukraine. The memoirist describes in detail the Ukraine under Hetman P. P. Skoropadski and the German occupation. P. S. Makhrov pays special attention to the behavior of officers in independent Ukraine.

Keywords

P. S. Makhrov, Civil war, Ukraine, officers.

УДК 9(94)

Баринов И. И.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.7.01

Белорусская народная республика: возвращение истории

Чернякевич А. Н. БНР. Триумф побежденных. — Минск: Янушкевич, 2018. — 302 с.

Баринов Игорь Игоревич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. Белорусская народная республика: возвращение истории // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 508–516.

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.7.01

Рецензия поступила в редакцию 23.11.2020.

Аннотация

В рецензии рассматривается первая обобщающая монография о Белорусской народной республике (БНР) на русском языке. В ней рассмотрены основные этапы формирования данного явления, политические дискуссии вокруг проблемы белорусской государственности в начале XX в., дан обширный экскурс в историю белорусского движения.

Ключевые слова

Белорусская народная республика, белорусское национальное движение.

Изучение феномена Белорусской народной республики (БНР) традиционно не является популярным направлением в российской исторической науке. В частности, за последние десять лет в России было опубликовано лишь четыре статьи на эту тему, да и те были подготовлены не российскими исследователями¹. Хотя существует

1 *Мартыненко В. В.* Провозглашение Белорусской Народной Республики в условиях немецкой оккупации (февраль — декабрь 1918 г.) //

много изданий по истории белорусской государственности, по сути, единственными русскоязычными работами, где непосредственно рассматривалась БНР, вплоть до недавнего времени оставались две книги, созданные белорусскими историками. Первая, за авторством Ивана Ковкеля и Николая Сташкевича, вышла еще в 1980 г., вторая, написанная Вадимом Круталевичем, появилась в 2005 г.

Следует заметить, что в обоих случаях речь идет о представителях советской исторической школы. Это напрямую отразилось на характере изложения. Так, Ковкель и Сташкевич критиковали руководителей БНР за то, что они якобы выступали за «буржуазную государственность» и классовый мир, желая оторвать белорусов от революционной деятельности и социалистического строительства в братском союзе с советской Россией². В работе Круталевича присутствуют схожие идеи. При этом у него политики, связанные с БНР, выступают приспособленцами, готовыми в угоду «имущих классов» сделать из Белоруссии государство «с западной ориентацией и антироссийской направленностью»³.

Таким образом, в российской науке не сформировалось целостной картины БНР как исторического явления. В этом смысле появление книги Андрея Чернякевича стало значительным шагом вперед на пути изучения предмета. Работа охватывает весь период существования БНР от провозглашения (март 1918 г.) до прекращения работы ее правительства (октябрь 1925 г.). Книга разделена на главы, которые хронологически соответствуют сменам правящих кабинетов. Этот оригинальный замысел автора, несомненно, облегчает восприятие

Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Астрахань, 2009. С. 9–15; *Третьяк С. А.* Киевская миссия Белорусской Народной Республики (1918 год) // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2010. Вып. 3. С. 194–203; *Михалюк Д.* Попытки добиться признания независимости БНР в период Парижской конференции // Версальско-вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. М., 2011. С. 169–179; *Протьюко Т. С.* Обращение («Мемориал») правительства Белорусской Народной Республики к Патриарху Тихону и его ответ на это обращение // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2011. № 3. С. 80–98.

2 *Ковкель И., Сташкевич Н.* Почему не состоялась БНР? Минск, 1980. С. 9, 17–19.

3 *Круталевич В. А.* О Белорусской Народной Республике (аналитические заметки и комментарии). Минск, 2005. С. 8–9, 204–205.

сложной тематики. Кроме того, основную часть предваряет общий экскурс в историю белорусского движения.

Начиная говорить о книге Чернякевича, следует отметить, что она удачно сочетает в себе серьезные монографические исследование и элементы беллетристики. Основательно разработанные материалы из архивов Белоруссии, Литвы и России ложатся в основу увлекательного повествования о формировании и развитии белорусской политической идеи — от кружков революционной молодежи и землячеств до провозглашения независимости. Рассматривая бурные события 1917–1918 гг. и место в них белорусских земель, автор подробно разбирает дискуссии, которые шли относительно политического будущего Белоруссии. Так, читатель узнает, что идея государственной самостоятельности возобладала далеко не сразу. Участники Первого Всебелорусского съезда осторожно относились к этой идее, тогда как наибольшие симпатии вызвала федерализация как укрепление «единого фронта российской революции» (с. 39–40). Само провозглашение БНР во многом было попыткой сохранить целостность и политическую субъектность Белоруссии в условиях нестабильности (с. 51–54). Необходимость реагировать на быстро меняющиеся события и в дальнейшем определяла модус существования республики.

Вместе с тем работа Чернякевича оказывается по большей части описательной. Складывается ощущение, что ей не хватает теоретической фундированности. Как представляется, белорусский случай хорошо укладывался в стадиальную модель, предложенную чешским историком Мирославом Грохом. Согласно ей, на стадии «А» происходит становление национальной культуры, основанной на местном языке и его нормальном использовании в образовании и управлении. В этот период происходит осознание собственных корней и формирование исторической памяти. Следующая стадия «В» подразумевает получение гражданских прав и развитие политического самоуправления от автономии к независимости. На завершающей стадии «С» народ превращается в нацию, создавая законченную социальную структуру общества, и закрепляет за собой государство.

Насколько можно судить, белорусы изначально находились на первой стадии. События Первой мировой войны и революции вынесли белорусов сразу во вторую стадию. Пройти ее было невозможно, не завершив первую, учитывая, что тогда, как пишет Чернякевич, само понятие «белорус» свободно перемещалось «от языковой идентификации к религиозной и даже социальной» (с. 7). Недаром в ходе советской «белорусизации» ситуацию пришлось отыгрывать назад и

начинать все сначала. Кроме того, своеобразие исторического момента в 1918 г., прежде всего реконфигурация Восточного фронта после Брестского мира, создало вокруг белорусских деятелей политический вакуум. В этом смысле БНР опередила свое время.

Кроме того, важное место здесь могла бы занять и концепция так называемой «мобилизующей группы» (термин Энтони Смита). По версии ученого, именно она выступает на первых порах движущей силой национального движения. Такое сообщество появилось и у белорусов, в ходе краткого периода белорусского возрождения, связанного с выходом газеты «Наша Нива» и другими культурно-просветительскими инициативами. Порой эта «мобилизующая группа» (в данном случае — белорусская городская интеллигенция) ошибочно рассматривается как некое ответвление основной, «крестьянской» нации⁴.

С другой стороны, Чернякевич в своем исследовании опирается на традиции постимперских национальных историографий. В этом отношении стремление разобрать тот или иной кейс без оглядки на исторический контекст в конечном итоге делает его герметичным. Общая логика процессов нарушается, а их генезис становится неясным. Отсюда проистекают тезисы автора о том, что белорусов было больше в Москве и Петербурге, чем в городах Северо-Западного края, из-за «экономической политики царских властей» (с. 8), или что империя уничтожила «ростки национального, едва начавшие появляться среди местных элит» (с. 7–8). В первом случае исход крестьян в города был предопределен отменой крепостного права и общей модернизацией России в ходе либеральных реформ Александра II. В это время связи различных частей страны друг с другом усилились как никогда раньше, а мобильность населения многократно возросла. Зная о высокой конкуренции со стороны польского и еврейского городского населения у себя дома, белорусы отправлялись в крупные города империи, чтобы вырваться из своей среды и обрести более высокий социальный статус на новом месте. В этот процесс было вовлечено большинство регионов империи, и белорусские земли не являются здесь чем-то уникальным.

Второй тезис также оказывается весьма шатким. К настоящему времени существует достаточно большой массив научной литературы, в которой описаны попытки «позитивной дискриминации» белорусов и других непольских народов западных губерний со стороны «цар-

4 Горны А. С. Гарады як лакальныя цэнтры беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі // Гісторыя і грамадазнаўства. 2020. № 5. С. 11–12.

ских властей»⁵. Так, задолго до национальных активистов в Петербурге «воображали» обширную территорию западных губерний вплоть до Ковно как белорусскую. На протяжении долгого времени между учеными-этнографами и интеллектуальной частью имперской бюрократии велись дискуссии о путях развития этнокультурного своеобразия белорусов. Действительно, данные мероприятия предполагалось осуществить в рамках проекта «большой русской нации», и они были призваны артикулировать у местного населения «общерусскую» же версию исторической памяти. При этом, однако, она не только не отрицала, но и, наоборот, подталкивала «простой народ» к осознанию своей инаковости по отношению к «панам». Подобные эксперименты вызвали ответную реакцию местной польской элиты и подъем локального патриотизма (одним из его проявлений стала концепция «краёвости»). В этом отношении можно говорить, что белорусское национальное движение рождалось между двух огней и впитывало идеи обеих «мобилизующих групп». На практике это выражалось в том, что выходцы из шляхты, осознавшие себя белорусами, пользовались как польским наследием, так и наработками западнорусиста Ефима Карского.

Отдавая дань роли личности в истории, Чернякевич на живом материале показывает, насколько большую роль в белорусском движении играл человеческий фактор и как взаимоотношения внутри него во многом определяли расстановку сил и политическое развитие. Как можно узнать из книги, Антону Луцкевичу, знаковой фигуре среди национальных активистов, приходилось доказывать свое белорусское происхождение. Уже во времена работы сменявшихся друг друга правительств БНР дипломатические курьеры путешествовали по всей Европе, преодолевая границы и линии фронтов, чтобы доставить в нужное место документы и деньги, в которых постоянно нуждалась республика. Личные симпатии и антипатии влияли на формирование кабинета министров, а эсеровское подполье могло провалиться из-за неразделенной любви партийки к руководителю.

Подобные микроисторические сюжеты, несомненно, важны для понимания событий в том случае, когда они не задают тон повествования. Учитывая, что автор, выпуская книгу о БНР на русском языке,

5 Прежде всего здесь можно выделить фундаментальную монографию Михаила Долбилова «Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II» (М., 2010).

заранее обращается к широкой аудитории, следовало бы более подробно остановиться на общих, хорошо изученных в белорусской историографии, но малоизвестных за ее пределами моментах. Прекрасно разбираясь в локальных реалиях, Чернякевич часто уходит от широкого контекста и слишком углубляется в детали. К примеру, рассматривая события 1919 г., он много пишет об активности политика Павла Алексюка, тогда как издательской деятельности БНР в Берлине, на тот момент главном белорусском политическом центре, уделяет один абзац (с. 118–121). С другой стороны, те сюжеты, которые, очевидно, более интересны или близки автору, описаны подробно, тогда как о других, не менее важных, упоминается лишь вскользь. Помимо прочего, это касается работы Белорусского общества по оказанию помощи потерпевшим от войны в Петрограде. В нем прошли организационную школу многие будущие активисты БНР, включая председателя первого белорусского правительства Иосифа Воронко. Документы, разбросанные между Петербургом и Минском, были сведены вместе и частично опубликованы в межархивном справочнике⁶.

Что касается справочного аппарата, то неудачным решением является громоздкий «подвал» сноска с многочисленными уточнениями и цитатами, который формирует своего рода «книгу в книге». Это усложняет понимание и без того непростой картины. Не избежала работа и мелких фактических ошибок. Так, автор упорно именует командующего германской 10-й армией Эриха фон Фалькенгайна «Фолькенгайном», а Антон Овсяник становится «Антоном Овсеенко» (в последнем случае, вероятно, произошла путаница с советским военачальником Владимиром Антоновым-Овсеенко).

Завершая свою книгу, Чернякевич подчеркивает значение БНР как политического прецедента и одновременно культурного ориентира, называя ее «символом белорусского возрождения» (с. 292). Несмотря на «виртуальность» БНР, советская сторона пристально следила за развитием ситуации вокруг нее и фактически инспирировала сложение правительством республики своих полномочий. После этого БНР подверглась клеймению как «антинародный» проект, который из поколения в поколение использовали «враги советского государства». В этом отношении Чернякевич, посвятивший работу своему учителю И. Ковкелю, опроверг и его аргументацию, и его выводы. С другой стороны, книга приобретает дополнительное значение для русско-

6 Белорусское общество в Петрограде по оказанию помощи пострадавшим от войны 1916–1918 гг. Минск, 2008.

язычного сегмента. Как отмечал в 1920 г. Борис Савинков, «в Белоруссии политические течения многочисленны и запутанны» и «не белорусу разобраться в них трудно» (с. 196). Сто лет спустя, благодаря появлению книги Чернякевича, понимания стало гораздо больше.

Источники и литература

Белорусское общество в Петрограде по оказанию помощи пострадавшим от войны 1916–1918 гг.: межархивный справочник / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь [и др.]. Минск: НАРБ, 2008. 89 с.

Горны А. С. Гарады як лакальныя цэнтры беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі // Гісторыя і грамадазнаўства. 2020. № 5. С. 11–15.

Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛЮ, 2010. 999 с.

Ковкель И., Сташкевич Н. Почему не состоялась БНР? (Из истории политического банкротства националистической контрреволюции в Белоруссии, 1918–1925 гг.). Минск: [б. и.], 1980. 125 с. (Бібліятэчка газеты «Голас Радзімы»).

Круталевич В. А. О Белорусской Народной Республике (аналитические заметки и комментарии) / Институт гос. и права Нац. акад. наук Беларуси. Минск: Право и экономика, 2005. 208 с.

Мартыненко В. В. Провозглашение Белорусской Народной Республики в условиях немецкой оккупации (февраль — декабрь 1918 г.) // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы Всероссийской научной конференции, г. Астрахань, 27 апреля 2009 г. / Астраханский гос. университет, ист. факультет, Студенческое научное общество; [редкол.: Д. В. Васильев, А. В. Сызранов]. Астрахань: Астраханский университет, 2009. С. 9–15.

Михалюк Д. Попытки добиться признания независимости БНР в период Парижской конференции // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг.: [сборник статей на основе выступлений на международном форуме, 23 сентября 2009 г.] / Отделение историко-филологических наук РАН, Постоянный представитель Польской акад. наук при РАН [и др.]; [редкол.: Е. Ю. Сергеев (отв. ред.) и др.]. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 169–179.

Протько Т. С. Обращение («Мемориал») правительства Белорусской Народной Республики к Патриарху Тихону и его ответ на это обращение // Вест-

ник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 3. С. 80–98.

Третьяк С. А. Киевская миссия Белорусской Народной Республики (1918 год) // Европейские сравнительно-исторические исследования / Институт всеобщей истории РАН; [отв. ред. А. А. Улунян]. М.: Наука, 2010. Вып. 3. С. 194–203.

References

Belorusskoe obshchestvo v Petrograde po okazaniiu pomoshchi postradavshim ot voïny 1916–1918 gg.: mezharhivnyĭ spravochnik. Minsk: NARB, 2008, 89 p.

Dolbilov, M. D. *Russkii kraĭ, chuzhaia vera: ètnokonfessional'naiia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 1000 p.

Horny, A. S. “Harady iak lakal’nyia tsèntry belaruskaha natsyianal’naha rukhu ŭ mizhvaennaĭ Zakhodniaĭ Belarusi.” *Historyia i hramadaznaŭstva*, no. 5, 2020, pp. 11–15.

Kovkel', I., Stashkevich, N. *Pochemu ne sostoialas' BNR? (Iz istorii politicheskogo bankrotstva natsionalisticheskoi kontrrevoliutsii v Belorussii, 1918–1925 gg.)*. Minsk: s. n., 1980, 125 p.

Krutalevich, V. A. *O Belorusskoi Narodnoi Respublike (analiticheskie zametki i kommentarii)*. Minsk: Pravo i èkonomika, 2005, 208 p.

Martynenko, V. V. “Provozglashenie Belorusskoi Narodnoi Respubliki v usloviiakh nemetskoĭ okkupatsii (fevral' — dekabr' 1918 g.)” *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki: materialy Vserossiĭskoi nauchnoi konferentsii, g. Astrakhan', 27 apreliia 2009 g.* Astrakhan: Astrakhan State University, 2009, pp. 9–15.

Mikhaliuk, D. “Popytki dobit'sia priznaniia nezavisimosti BNR v period Parizhskoi konferentsii.” *Versal'sko-Vashingtonskaia mezhdunarodno-pravovaia sistema: vznikovnenie, razvitie, krizis, 1919–1939 gg.*, Moscow: Institute of World History of the RAS, 2011, pp. 169–179.

Prot'ko, T. S. “Obrashchenie (‘Memorial’) pravitel'stva Belorusskoi Narodnoi Respubliki k Patriarkhu Tikhonu i ego otvet na èto obrashchenie.” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriiia 2: Istoriiia. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, no. 3, 2011, pp. 80–98.

Tret'iak, S. A. “Kievskaiia missiia Belorusskoi Narodnoi Respubliki (1918 god).” *Evropeĭskie sravnitel'no-istoricheskie issledovaniia*, vol. 3, Moscow: Nauka, 2010, pp. 194–203.

Rediscovering History: The Belarusian People's Republic

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Citation

Barinov I. I. Rediscovering History: The Belarusian People's Republic // Slavic Almanac. 2021. No 1–2. P. 508–516 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.7.01

Received: 23.11.2020.

Abstract

The critical review evaluates the first general monograph on the Belarusian People's Republic (BNR), written in Russian. It examines the development stages of the formation of this phenomenon, political discussions around the problem of Belarusian statehood in the early XX century, and also gives an extensive outline of the history of the Belarusian national movement.

Keywords

Belarusian people's Republic, Belarusian national movement.

УДК 94

Дронов М. Ю., Клопова М. Э.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.01

**Международная научная конференция
«Украинцы и белорусы в восточноевропейском регионе:
Проблема интеграции в полиэтнических сообществах»**

Дронов Михаил Юрьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Клопова Мария Эдуардовна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mkloпова@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8723-5838

Цитирование

Дронов М. Ю., Клопова М. Э. Международная научная конференция «Украинцы и белорусы в восточноевропейском регионе: Проблема интеграции в полиэтнических сообществах» // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 517–519. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.01

Текст поступил в редакцию 01.02.2021.

Вопреки пандемии коронавируса 20 октября 2020 г. состоялась очередная ежегодная международная конференция, подготовленная усилиями коллектива отдела восточного славянства ИСл РАН (зав. отделом д. и. н. Е. Ю. Борисёнок). Правда, впервые прошла в формате онлайн на базе платформы Zoom. Организаторы посвятили конференцию 2020 г. такой актуальной теме, как интеграция украинцев и белорусов в полиэтнических сообществах Восточной Европы. В качестве модераторов выступили к. и. н. И. И. Баринов и к. и. н. Д. А. Короткова.

Конференцию открыл доклад к. и. н. *С. С. Лукашовой* «Интеграция малороссийской элиты во властные структуры Российской империи XVIII в.». Д. и. н. *М. В. Лескинен* осветила тему присутствия малороссов/украинцев на открытках и плакатах 1890-х — 1860-х гг.

как отражения концепции единства или братства восточнославянских народов. Выступление к. и. н. *М. Э. Клоповой* было посвящено украинским партиям в политическом пространстве Галиции и Австро-Венгрии. К. и. н. *М. Ю. Дронов* поведал о русском публицисте родом из Малороссии *Е. Н. Матросове* (псевдоним — граф Лелива) и его связях с русинами Австро-Венгрии. Д. и. н. *Е. Ю. Борисёнок* представила на суд коллег доклад «Советская украинизация во внутрипартийной полемике 1920-х». К. и. н. *К. С. Дроздов* (Институт российской истории РАН, г. Москва) рассказал об украинских и белорусских национальных сельсоветах и районах в РСФСР в 1920-е — середине 1930-х гг. К. ф. н. *О. А. Остапчук* сосредоточила внимание на присутствии украинцев в образовательных практиках на Правобережье во второй половине XIX в.

Героем выступления д. ф. н. *Ю. А. Лабынцева* стал профессор Михаил Кобрин, эволюционировавший от членства в Союзе русского народа в Российской империи до участия в украинском национально-религиозном движении. К. ф. н. *Л. Л. Щавинская* посвятила доклад роли православной литературы, выходявшей в межвоенной Польше, в развитии украинской и белорусской идентичности. *С. М. Слоистов*, основываясь на материалах личного архива архиепископа Алексия (Дехтерева), осветил тему послевоенного перехода в православие русинов Пряшевщины. Д. ф. н. *Е. Е. Левкиевская* (РГГУ) поделилась результатами исследований формирования идентичности в украинских анклавах на территории России (*хохлы, украинцы*).

К. и. н. *Ю. Н. Снапковский* (Национальный исторический архив Беларуси) выступил с несколько неожиданным в контексте тематики конференции сообщением о кончине и похоронах минского «святого доктора» Вильгельма Гинденбурга, усматривая в них «феномен межэтнического катарсиса». К. и. н. *А. С. Горный* (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы) в докладе «Белорусский Ганди» рассмотрел проблему лидерства в белорусском национальном движении в межвоенной Польше. К. и. н. *Д. А. Короткова* представила новые материалы о беженцах из России как агентах русского влияния в Западной Белоруссии в 1920-е гг. *А. Г. Чернявский* (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы) предпринял попытку анализа уровня национального самосознания белорусского населения в Латвии (1918–1940 гг.). К. и. н. *Ю. А. Борисёнок* (МГУ им. М. В. Ломоносова) выступил с докладом «Белорусская политика Ю. Пилсудского в 1918–1921 гг. в интерпретации польской исторической науки 2010-х гг.». В заключительном выступлении к. и. н. *И. В. Грибкова*

(МИСиС) было рассмотрено отражение национально-исторических мифов в школьных атласах Республики Беларусь.

Материалы конференции планируется опубликовать в течение 2021 г. на страницах нового периодического издания ИСл РАН «Восточнославянские исследования» (главный редактор — чл.-корр., д. и. н. Б. Н. Флоря).

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.01

Dronov M. Yu., Klopova M. E.

**An International Academic Conference
“Ukrainians and Belarusians in the Eastern Europe:
The Problem of Integration in Multiethnic Communities”**

Mihail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Maria E. Klopova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mklopova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8723-5838

Citation

Dronov M. Yu., Klopova M. E. An International Academic Conference “Ukrainians and Belarusians in the Eastern Europe: The Problem of Integration in Multiethnic Communities” // Slavic Almanac. 2021. No 1–2. P. 517–519 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.01

Received: 01.02.2021.

**Круглый стол «Феномен бестселлера в литературах ЦЮВЕ:
национальное и мультикультурное»**

Усачёва Анастасия Викторовна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: anastasia.usacheva@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5248-1027

Цитирование

Усачёва А. В. Круглый стол «Феномен бестселлера в литературах ЦЮВЕ: национальное и мультикультурное» // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 520–524. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.02

Текст поступил в редакцию 15.01.2021.

10 ноября 2020 г. в Институте славяноведения РАН состоялся круглый стол «Феномен бестселлера в литературах ЦЮВЕ: национальное и мультикультурное», организованный Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ИСл РАН. Мероприятие прошло в формате видеоконференции. В ходе дискуссии были обсуждены факторы, влияющие на популярность художественного произведения, роль и место отдельных жанров в современном литературном процессе и некоторые другие вопросы, касающиеся специфики бестселлера. Круглый стол делился на две секции. В рамках первой, более общей, речь шла о книжных рынках и читательских предпочтениях в некоторых странах региона (сообщения Е. В. Байдаловой и С. А. Кожинной), эффекте престижных премий и их значении в формировании интереса к авторам (доклады Л. Ф. Широковой и А. В. Усачёвой), а также о месте отдельного жанра в национальной литературе (выступление А. Н. Красовец). Во второй части И. Е. Адельгейм, А. Г. Шешкен, Н. А. Лунькова, Е. В. Шатько и Н. Н. Старикова проанализировали конкретные произведения, раскрыв феномен их успеха.

Круглый стол был открыт докладом *Е. В. Байдаловой* «Украинский бестселлер: миф или реальность?», в котором, рассмотрев появление украинских романов-бестселлеров с исторической перспективы — начиная от времени образования независимого государства

в 1991 г., — исследовательница утверждала: первые по-настоящему коммерчески успешные произведения на национальном языке появились лишь в середине 2000-х гг. На данное положение дел повлияли в большей степени внелитературные факторы: отсутствие инфраструктуры, недостаточность финансирования издательского дела, дефицит украиноязычных читателей и т. д. Было также отмечено, что для большинства украинских бестселлеров стержневой темой становится поиск национальной идентичности. В выступлении «Современный чешский книжный рынок, причины популярности жанра социально-бытового романа (на материале произведений А. Морнштайновой)» С. А. Кожина показала, как на волне читательского интереса к романам в жанре «о частных судьбах на фоне большой истории» на рынок литературной продукции вышли книги Алены Морнштайновой (романы «Слепая карта», «Отельчик», «Ганна», «Тихие годы»). Интересу способствовали и достаточно простой стиль, характеризующийся отрывочностью, и лейтмотив семейной тайны, которая раскрывается в произведении. Был сделан вывод о том, что в современной чешской литературе наибольшей популярностью пользуются непосредственно романы с социальной или социально-исторической тематикой, а также описывающие межличностные отношения. В докладе Л. Ф. Широковой «“Лидеры продаж” или “книги-лауреаты”: вкусы и предпочтения словацкого читателя» рассматривалась разница в критериях оценки литературной продукции читающей публикой и членами жюри ежегодно присуждаемых в Словакии литературных премий. К числу бестселлеров, определяемых издательствами и сетевыми книжными магазинами на основе постоянно проводимого мониторинга, относятся, как правило, произведения популярных жанров, в их числе — детектив, женский роман, политический триллер. Жюри престижных литературных конкурсов, прежде всего — премии «Анасофт литер», руководствуются критериями художественного уровня и творческого вклада произведения в развитие национальной литературы. Выступление А. В. Усачёвой «Герта Мюллер в Румынии и в мире: Нобелевская премия и вопрос культурной идентичности» продолжило тему роли премий в формировании читательских предпочтений. В нем говорилось о том, как присуждение в 2009 г. Герте Мюллер Нобелевской премии «за реалистическое отображение жизни в прозе и поэзии, а также за мужественное противостояние угнетению и политическому террору» повлияло на интерес румынской публики к писательнице, и о возникшей в Румынии в результате этого события дискуссии о национальной идентичности Мюллер и культурной принадлежно-

сти ее произведений (все книги Мюллер, кроме сборника «Низина», переведены на румынский язык после 2009 г.). Завершила первую секцию *А. Н. Красовец*, рассказав в сообщении «Жанр детектива и его место в современной словенской литературе» об особом расцвете в национальной литературе указанного жанра, что подтверждается как числом продаж, так и престижными номинациями в категории лучшего романа года. Среди произведений была упомянута серия Августа Демшара об инспекторе-криминалисте Мартине Вренко, детективы Мойцы Широ, Мирта Комела, Петера Чеферина и Васи Ягера. Отдельно говорилось о серии криминальных романов Тадея Голоба об инспекторе Тарасе Бирсе, ставшей настоящим феноменом по количеству проданных экземпляров и вниманию публики. Автор рассмотрела эти романы через призму их близости жанру скандинавского нуара, на который ориентируется писатель, выделив среди особых черт предельную реалистичность вплоть до натурализма, сложный психологизм, размытую грань между героем и антигероем.

Вторая секция круглого стола началась с доклада *И. Е. Адельгейм* «Поэтизированная индугенция. Феномен успеха романа А. Щипёрского “Начало”». Этот роман, впервые вышедший в Париже в 1986 г., за короткий срок был издан в двадцати странах, принес автору европейскую известность и был удостоен нескольких литературных премий. В этом произведении автор обращается к политическим событиям, изменившим жизнь Европы в середине XX в., и стремится разобраться в непростых отношениях, которые складывались на протяжении десятилетий между поляками, немцами и евреями. Докладчица проанализировала причины успеха романа, явившегося наглядным свидетельством состояния польского общества в плане отношения к проблеме участия / неучастия поляков в судьбе евреев во время Холокоста и с выработкой адекватного языка для выражения этого болезненного опыта. Сообщение *А. Г. Шешкен* «Момо Капор и сербский бестселлер XX века» касалось популярности указанного автора (1937–2010), который в начале 1970-х гг. приобрел популярность не только в Сербии, но и в Югославии в целом. Его герои, подростки и студенты, остроумные и полные презрения к разного вида конформизму, карьеризму, мещанству и фальши, выражали взгляд на мир нового поколения. Читателя привлекал яркий стиль прозы Капора, ориентированный на жаргон белградской молодежи, и незамысловатые, но увлекательные сюжеты, а критики считают Капора одним из родоначальников так называемой «джинс-прозы». Романы «Притворщики» и «Провинциал» (1976) закрепили за писателем репутацию ав-

тора, произведения которого были «обречены» стать бестселлерами. В докладе *Н. А. Луньковой* «Поэтика романа “Физика грусти” Георги Господинова» шла речь об особенностях второго крупного прозаического произведения известного болгарского писателя. Автор рассуждала о причинах успеха этого романа: сразу после публикации он возглавил списки самых продаваемых книг в Болгарии и был высоко оценен критиками, получил на родине несколько престижных наград, в 2016 г. был удостоен швейцарской литературной премии имени Яна Михальского, а в 2019 Господинов стал первым болгаринцем, которому присудили премию «Ангелус», вручающуюся писателям Центральной Европы. Особое внимание докладчица уделила нарративной стратегии произведения, выраженной в формуле «Я — это мы». Рассказывая собственную, частную историю, главный герой не вычленяет ее из потока истории собственной семьи, прослеживая жизнь нескольких поколений своего рода. Выступление *Е. В. Шатко* «Роман “Кинцуги тела” С. Марич: о запретном» был посвящен «автобиографической работе о борьбе женщины со страшной болезнью». Докладчица показала, почему писательница получила награду Меши Селимовича за лучший роман, опубликованный в 2018 г. в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Сербии и Черногории. Книга представляет собой «исповедь от второго лица» героини, болеющей раком груди. Фрагментированная композиция романа напоминает осколки сосуда, собрать который в единое целое при помощи японской техники восстановления керамических изделий — кинцуги — задача читателя. Все эпизоды объединены общей темой — телесностью, сопровождаемой натуралистичными описаниями физиологических процессов. Марич повествует о женском организме, его болезнях, изменениях, сопровождающих их, о многом, о чем не принято говорить вслух: о травме взросления и травме умирания. Завершил вторую секцию и круглый стол доклад *Н. Н. Стариковой* «Бестселлер по-словенски, или как менялась “формула” успеха: Г. Войнович “Чефуры, вон!” (2008) и Б. Жакель “Белое стирают при девяносто” (2018)», посвященный сравнительному анализу двух романов-бестселлеров 2010-х гг., представленных в контексте рыночного «потребления» печатных изданий в Словении. Были рассмотрены художественные характеристики (вектор проблематики, тип наррации, специфика хронотопа и др.) обоих произведений, которые наряду с маркетингом и литературными наградами оказали влияние на читательское восприятие и судьбу тиража.

Доклады сопровождались дискуссией о том, под влиянием каких факторов произведения современных писателей региона приобретают

популярность у читателей и становятся лидерами продаж, в какой мере «читательская судьба» художественного текста зависит от статуса автора, вкусовых стереотипов литературных критиков и членов жюри литературных премий, национального менталитета аудитории, востребованности темы и эстетического уровня ее реализации. Ведь несмотря на то, что в современных условиях потребительского информационного общества литература стала, по сути, частью массовой культуры, она все еще не полностью подконтрольна законам маркетинга — реклама, упоминание в средствах массовой информации и модных блогах, продажа прав на экранизацию и другие механизмы рыночного продвижения не гарантируют, что книга станет бестселлером.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.02

Usacheva A. V.

The roundtable “The phenomenon of a bestseller in the literatures of Central and South-East Europe: The national and the multicultural”

Anastasia V. Usacheva
junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: anastasia.usacheva@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5248-1027

Citation

Usacheva A. V. The roundtable “The phenomenon of a bestseller in the literatures of Central and South-East Europe: The national and the multicultural” // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 520–524 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.02

Received: 15.01.2021.

В честь 75-летия Победы над фашистским агрессором

Будагова Людмила Норайровна
Доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: inslav@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-1945-7612

Цитирование

Будагова Л. Н. В честь 75-летия победы над фашистским агрессором // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 525–539.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.03

Текст поступил в редакцию 01.02.2021.

25 ноября 2020 г. в Институте славяноведения РАН в режиме онлайн прошел Круглый стол на тему «Переоценка итогов Второй мировой войны в художественной литературе, публицистике и СМИ зарубежных славянских стран».

Тема эта способна привлечь внимание не только в юбилейные годы. К ней безразличны общественность, властные структуры, политики разных народов и стран, к ней безразлична и наука. Восприятие хода и последствий этого исторического события неоднозначно, порой тенденциозно и субъективно, зависит от мировоззрения воспринимающей стороны и от требований момента. Проследить эволюцию этого процесса и его современные результаты в ряде зарубежных славянских стран и стремились участники Круглого стола. Помимо сотрудников Отдела истории славянских литератур, его организовавшего, в этой мини-конференции выступили с докладами и в дискуссии коллеги из Отдела современных литератур ЦЮВЕ, Отдела истории двух мировых войн и других подразделений Института. Охват материала определялся специализацией участников. Очередность докладов отвечала, в основном, национально-географическому принципу: группировались, соседствуя друг с другом, выступления, освещавшие разные аспекты проблемы в одной из национальных литератур, а их сменяемость напоминала вектор наступления Крас-

ной Армии — с Востока на Запад — на оккупированные Третьим Рейхом и подконтрольные ему территории. При свободном выборе темы доклада предлагалось обратить внимание на эволюцию оценок итогов Второй мировой войны с 1945 г. до настоящего времени, на особенности восприятия ее хода и итогов в разных национальных и социальных контекстах, на способы отражения этой проблематики в художественном творчестве и публицистике, на роль СССР в победе над фашистской Германией, а также на значение уроков истории в современных противодействиях рецидивам коричневой чумы.

Доклад *Е. В. Байдаловой*, связанный с современной Украиной, был посвящен углублению существующего многие годы разрыва между официальной и альтернативной памятью о событиях периода Второй мировой войны. Этот процесс «деконструкции официальной памяти» способствует, как показала докладчица, «расколу украинской нации». Ее представители стали смотреть на события прошлого абсолютно разными глазами. Отказ от диалога, который бы привел к «достижению взаимопонимания-прощения-покаяния», все дальше и дальше отдаляет от возможности увидеть и признать не однобокую, а всеобъемлющую историческую правду. Это было проиллюстрировано *Е. В. Байдаловой* на анализе романа известной украинской писательницы *Оксаны Забужко* «Музей заброшенных секретов» (2009). В 2013 г. он был издан на русском языке. В нем представлена версия событий Второй мировой войны, связанных с деятельностью УПА (Украинской повстанческой армии). Писательница предложила свою деконструкцию прошлого, тенденциозную и политически ангажированную. Точка зрения *О. Забужко* в этом вопросе предельно ясна: для формирования национальной идентичности в рамках независимого государства Украины необходимо максимально отмежеваться от советской версии общей истории, с которой, как подчеркнуто в романе, возникает «элементарная химическая реакция несовместимости», как метафорически определила *Е. В. Байдалова* суть своего доклада про «Деконструкцию официальной памяти о событиях Второй мировой войны в романе *О. Забужко* “Музей заброшенных секретов”».

Большая дистанция отделила обращение современной словацкой литературы к теме Второй мировой войны от ранних откликов ее участников и современников на ситуацию в «независимом» Словацком государстве. Оно возникло под властью клерикально-националистической партии Глинки и под эгидой гитлеровской Германии в марте 1939 г.; в 1945 г. Красная армия освободила Словакию от этой формы фашистской оккупации. В произведениях военных и первых

послевоенных лет отчетливо звучала тема антифашистского сопротивления: стихи Я. Есенского (сравнивавшего независимость профашистской Словакии с «независимостью» цыпленка в когтях у ястреба), Я. Смерека «Сталинград, 1942». Словацкое национальное восстание (август — сентябрь 1944 г.) получило отражение в романе его участника В. Минача «Смерть ходит по горам» (1948), в «Хронике» (1947) П. Илемницкого и в произведениях других авторов. С годами подобная тематика не ушла из словацкого искусства, но потеряла актуальность, реагируя на современные интересы и потребности культуры и общества Словакии. Участники Круглого стола Л. Ф. Широкова и А. Ю. Пескова дружно обращаются к теме Холокоста.

Л. Ф. Широкова в докладе «Доктор Мраз и другие: новый взгляд на тему Холокоста в современной словацкой прозе» отметила, что тема расовых преследований и репрессий по отношению к евреям со стороны властей профашистской Словацкой республики поднималась в целом ряде произведений, начиная с первых послевоенных лет. Но в словацкой прозе 2000-х гг. она зазвучала по-новому, обретая черты личной, семейной драмы, неизгладимой травмы, пронесенной через поколения. Такой подход к теме Холокоста демонстрируют романы «Дом глухого» (2012) Петера Криштуфека, «Первая и последняя любовь» (2013) Павла Виликовского, «Воскресные шахматы с Тисо» (2016) Сильвестра Лаврика и два произведения Денисы Фулмековой — «Конвалария» (2016) и «Доктор Мраз» (2018). В первой книге Фулмекова стремится к максимальной правдивости, ссылается на устные рассказы, семейные и государственные архивы, частную корреспонденцию. Беллетризованные документы представлены и в ее романе «Доктор Мраз», изменены лишь названия районов и городков Западной Словакии. Композиция построена на чередовании главков, набранных то курсивом, то прямым шрифтом. В первых представлены воспоминания 95-летней Анны Мразовой о юности, пришедшейся на годы войны, о переживаниях и отношениях с окружающими, о нарастании чувства опасности, грозящей семье. В главках, набранных прямым шрифтом, ведется повествование от 3-го лица о событиях в провинциальном городке, о закулисной борьбе внутри малого социума за карьерный рост и материальные блага, жертвами которой становится еврейское население, в первую очередь — состоятельные люди вроде адвоката, доктора Мраза. Эмоциональность и опора на воспоминания, интерес к судьбе отдельной семьи в контексте «большой» истории, подчеркнутость документальной основы можно считать спецификой словацкой прозы последних лет, затрагивающей тему Холокоста.

На ней останавливается и *А. Ю. Пескова* в докладе «Отражение и переосмысление темы Второй мировой войны в современной словацкой драматургии». По наблюдениям докладчицы, для современного словацкого общества одним из важнейших становится вопрос, как и почему словаки фактически примкнули к фашистской Германии, что их к этому подтолкнуло. Причем речь идет не только о простых обывателях, но и о ряде представителей культурной элиты. Так, например, классик словацкой литературы, прозаик Мило Урбан, автор известного романа «Живой бич» (1927), он же герой пьесы Я. Юраневоу «Тихий бич» (2015), воспринял национал-социализм как наступление новой эры благоденствия, процветания и порядка. В поисках ответов многие словацкие драматурги и режиссеры пытаются погрузить зрителей в атмосферу предвоенной Словакии 1930-х гг., напомнить о низком уровне жизни и культуры населения, о его этнической пестроте, где бок о бок проживали словаки, чехи, евреи, венгры, немцы, русины, о том, что словаков почти не было среди государственных и административных служащих — практически все должности занимали чехи и евреи. Все это способствовало разжиганию национал-социалистами межнациональной розни, зависти к состоятельным еврейским общинам, которых обвиняли в угнетении, обирании словацкого народа, в его спаивании, эпидемиях и даже в мадьяризации. В целом все межнациональные распри стали восприниматься в военный период как конфликт между христианами и иудеями. В последние годы темы Холокоста и аризации были наиболее подробно разработаны в документальных драмах *А. Грусковой* «Жена раввина» (2012), *В. Климачека* «Холокост» (2012), они акцентируются в ставшей уже классикой пьесе *И. Буковчана* «Пока не пропоет пух» (Театр *А. Багара* в Нитре, 2017 г.), в новой инсценировке новеллы *Л. Гросмана* «Магазин на площади» (Театр *Й. Заборского* в Прешове, 2014). Словацкие авторы не могут обойти болезненную тему вины и ответственности за судьбы десятков тысяч евреев, депортированных с территории Словакии в концлагеря. Порой они напоминают и о нашей собственной ответственности за трагедии прошлого, как бы предостерегая от их повторений в настоящем и будущем.

Постановки, посвященные теме войны и Холокоста, не только несут в себе воспоминания о событиях давних лет, но и дают возможность высказаться на тему тревожных явлений сегодняшнего дня: о набирающем популярность неонацизме, о национальной нетерпимости, об использовании темы войны и Словацкого национального восстания в спекулятивных целях и т. д. Можно добавить, что современная по-

пулярность темы Холокоста, с одной стороны, восполняет недостаток ее освещения в искусстве XX–XXI вв., с другой — как бы превращает Холокост в символ всенародных страданий от фашизма.

А. В. Бырина выступила с докладом «Фильм “Krok do tmy” (Шаг в темноту) Милослава Лютера — современный взгляд на Словацкое национальное восстание». По данным IMDb (Internet Movie Database) — крупнейшей в мире базе данных о кинематографе, — в Словакии за последние почти тридцать лет Второй мировой войне посвящено около 10 полнометражных фильмов. *А. В. Бырина* анализирует один из последних. В 2014 г. кинорежиссер Милослав Лютер объявил, что фильмом «Шаг в темноту», написав к нему совместно с Марианом Пуобишем сценарий, он завершает свою карьеру. Словакия выдвигала «Шаг в темноту» на «Оскар» как лучший иностранный фильм, но до основного конкурса он не дошел. Однако фильм оценили в России. В 2015 г. он получил награду за лучший сценарий на Международном фестивале военного кино имени Ю. Н. Озерова.

Жанр фильма обозначен как драма и как исторический фильм. Драматургию определяет основная эмоция. Чаще всего это сострадание герою, на которого зритель смотрит не снизу вверх, как в трагедии, а на равных, сочувствуя его переживаниям. Трагедия как киножанр в современном кино практически не представлена, но есть драма — «сниженная» трагедия, где вместо трагической вины перед миром — вина перед самим собой или своей семьей, некая ошибка, совершенная до начала событий фильма. В драме героя обычно мучают сомнения, он страдает от неумения жить в согласии с другими или со своей совестью.

В фильме «Шаг в темноту» нет четкой структуры, не очень понятен характер молодого героя, к чему он стремится, кто или что ему мешает, что ему грозит, если он не достигнет своей цели. Ясно лишь, что он врач и что его зовут Мартин Дубовский. Это герой «мольеровского типа», который не развивается, а раскрывается. Во время Словацкого национального восстания Мартин стал командиром партизанского отряда. По его приказу были расстреляны его брат Феро и несколько других партизан, неосторожные действия которых спровоцировали немецких вояк и привели к смерти невинных жителей деревни, в том числе и отца Мартина.

Словацкая и чешская критика негативно восприняла фильм. Отмечали схематизм и поверхностность персонажей, не двигающих сюжет, отсутствие личности, на которую зритель хотел бы быть похожим. Не нашлось в фильме и нового взгляда на болезненное прошлое, исторические события в нем — лишь фон для любовных переживаний

героя. Сам Лютер взялся за экранизацию рассказа Альфонза Беднара «Недостроенный дом» (1956), который лежит в основе фильма, по личным причинам. Дебютируя в 1979 г., он работал над фильмом «Утро под луной» по сценарию А. Беднара, который поразил Лютера своей искренностью. К ней стал стремиться в творчестве и сам Лютер. «Шаг в темноту» — это попытка рассказать о времени, когда «все были соперниками, и брат забывал брата». Это и дегероизация Словацкого национального восстания, — делаем мы вывод, который отсутствует, но напрашивается в докладе молодой словакистки.

Доклад *И. А. Герчиковой* «Чехословакия 1945: освобождение — занятие территорий — оккупация. Освещение роли СССР в чешских СМИ» посвящен сегодняшнему восприятию в Чехии роли Советского Союза в освобождении страны от немецко-фашистских захватчиков и в дальнейшей судьбе чешского народа. Оно далеко не столь однозначно, как в годы «строительства социализма» у нас и у них, многое в нем основано на горькой правде, обнажившейся с годами. В Праге 27 февраля 2020 г., к пятилетию убийства Бориса Немцова, его именем назвали площадь, где расположено посольство Российской федерации. 3 апреля в столице Чехии сняли с постамента, несмотря на протесты Москвы, статую маршала Конева.

Обращаясь к весне 1945 г., *И. А. Герчикова* отмечает, с каким восторгом жители Праги встречали тогда советских воинов, забрасывая их цветами. После шести долгих лет Второй мировой войны во вновь воссоединенной Чехословацкой республике наступил новый период. Освобождение страны Красной армией (что тогда никто не подвергал сомнению) сначала принесло новые надежды. Известные авторы, писатели и публицисты воздали дань уважения советским солдатам и благодарность Советскому Союзу, запечатлев ее в стихах и прозе. За освобождением, однако, со стороны СССР последовали притязания на глобальное влияние, национализация, политические репрессии. А потом пришел 1968 год, и в сознании чехов советский солдат-освободитель был вытеснен солдатом-оккупантом.

«По плану Сталина, — утверждает чешский историк *П. Жачек*, — 11 или 12 мая Прагу должна была освободить Красная армия. В то время чехи были бы благодарны Красной армии, которая уже тогда, и в той атмосфере, привела бы к власти “клементов готвальдов” и им подобных, проделав это под лозунгом “Ведь вы обязаны нам за то, что мы освободили вас от немцев”. Однако когда утром 9 мая Красная армия добралась до Праги, дело уже было сделано. Более 24 часов назад немецкий гарнизон сдался самим чехам».

Настоящими освободителями Праги признаны власовцы. В декабре 2019 г. в районе Ржепорые после оживленных дебатов с участием местных жителей была одобрена установка памятника солдатам армии Власова, что и произошло 30 апреля 2020 г. На табличке — текст о том, что в Ржепорые во время Пражского восстания руководством первой дивизии РОА было принято решение прийти на помощь восставшим. В тексте на памятнике упоминается о неоднозначном восприятии исторической роли власовцев, однако подчеркивается, что без их помощи спасти Прагу от фашистских войск было бы невозможно. «300 военнослужащих Русской освободительной армии погибли за освобождение Праги», — написано на памятной плите. И цитата из Солженицына: «Все ли чехи разобрались потом, какие русские спасли им город?» Полемику вокруг памятника и дискуссии в Чехии об итогах Второй мировой войны можно считать в итоге восстановлением исторической справедливости. «Или же это тупик отношений Чехии и России, пока у нас не признают очевидное?» — задает вопрос докладчица, считая, что год 75-летия окончания войны подводит черту долгим дискуссиям об освобождении Чехословакии. На наш взгляд, черту подводить рано, а что считать очевидным — это тоже вопрос (Л. Б.).

Л. Н. Будагова, выступившая с докладом «Эволюция чешского восприятия победной весны 1945 года», в целом была солидарна с И. А. Герчиковой, сначала лишь добавив в нарисованную ею картину некоторые штрихи, например, что в литературе, выражавшей благодарность Красной Армии и ее солдатам за освобождение, лидировала поэзия, что написанные «по случаю» стихи и поэмы не были случайными, а выражали чувства и настроения выстрадавшие, еще не отредактированные потерей памяти или политической конъюнктурой. По ее мнению, их можно отнести к документам истории, в которых достоверность подтверждается увиденным своими глазами на пражских улицах в начале мая 1945 г., как люди плакали, обнимая «запыленные солдатские колени», как «молча гладили танковую броню» (Я. Сейферт, «Утренняя песня Красной армии», сб. «Шлем глины», 1945). Причины же и мотивы негативной переоценки событий мая 1945 г. и роли Красной армии в победе над гитлеровской Германией были следствием разочарований в послевоенной действительности, став истоком нетипичной для чехов русофобии. Она усилилась после военного подавления «пражской весны», реформаторского движения 1960-х гг. «за социализм с человеческим лицом», начавшегося в период «оттепели», наступившей после смерти Сталина и Готвальда.

Хотя в военной акции участвовали разные страны Варшавского пакта, всем было очевидно, что первой скрипкой здесь был СССР. Именно советские танки на Вацлавской площади 21 августа 1968 г. раздавили традиционное чешское русофильство и привезли с собой режим так называемой «нормализации» с партийными чистками, преследованием инакомыслящих, запретами на профессию. Конец ему положила «бархатная революция» (1989), взявшая курс на «строительство капитализма», на избавление от «советских влияний», особенно в преподавании истории. Стали замалчиваться, не включаться в антологии и некоторые произведения, прославляющие Красную армию, а также дискредитироваться, подвергаться осмеянию образы советского солдата. Однако помимо этой явной, официальной тенденции, лежащей на поверхности общественной жизни, в Чехии наблюдается другая, неофициальная, ей противоположная, сохранившая память о победной весне 1945 г. и благодарность за нее тем, кто того заслуживает. В небольшом провинциальном городке, находящемся в полутора часах езды от Праги, перед входом на кладбище расположены две братские могилы, одна — жертв Первой мировой войны, другая — 14 красноармейцев, погибших в конце Второй мировой. Одиннадцатого мая 2020 г. автор этих строк получила отсюда электронное письмо от своей чешской подруги: «Вчера мы с сыном поехали на кладбище, из-за чего я тебе и пишу, я очень обрадовалась, когда увидела, что на могиле красноармейцев горит множество свечей, конечно же, мы зажгли и свои, а еще там лежал большой венок от города и живые цветы, принесенные жителями из своих садов. По телевизору все время вспоминают, как нас освободили американцы, а какой-то полоумный староста хвалил и власовцев за помощь Праге (хотя известно, что в Праге они воевали, чтобы освободить себе дорогу к американцам). Только из бесед с настоящими специалистами и поймешь, как на самом деле все было».

В своем докладе «Восприятие Второй мировой войны в современной Польше: историческая политика и научная рефлексия» А. В. Липатов, объяснив значение термина «историческая политика», вошедшего в польский научный обиход на рубеже XX–XXI вв., ранее связанное в ФРГ с программой преодоления общественного сознания времен нацизма и с формированием нового типа исторической памяти, в сжатой форме проследил специфику польской истории с конца XVIII в. вплоть до современности, перечислив практически все основные события, ее определившие. Среди них — уничтожение Речи Посполитой в конце XVIII в., более чем вековое гражданское сопро-

тивление и череда восстаний на протяжении XIX в., общенародное — надклассовое — единение в защиту только что обретенной свободы от Красной армии в 1920 г. и трагедия новой утраты национальной независимости в результате нападения фашистской Германии 1 сентября 1939 г., последующий переход Красной армией польской границы 17 сентября, трагедия оккупации и Сопротивления, наконец, особенности общественно-политической реальности (как и во всей Восточной Европе) после победы над гитлеровской Германией. В нынешней Польше осмысление прошлого и сама память о прошлом оказывают сильнейшее воздействие на общественные настроения и партийные установки. При всем различии отдельных оттенков основной водораздел пролегает между ориентацией на ценности общеевропейской цивилизации и устремленностью к сохранению «исконных» национальных традиций. Эти разграничения накладывают отпечаток на отношение к России. Здесь в среде российских и польских ученых — в отличие от политической оголтелости и пропагандистских штампов СМИ по обеим сторонам границы — просматривается стремление к диалогу как единственному средству достижения взаимопонимания. В качестве примера — помимо академических конференций и отдельных публикаций — можно назвать совместные труды российских и польских ученых «Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях» (М., 2010) и «Россия и Польша. История общая и разобценная» (М., 2015).

В докладе *М. Г. Смольяниновой* «Оценка результатов Второй мировой войны в современной Болгарии» показано, как по-разному болгары оценивают эти результаты. Одни считают, что 9 мая 1945 г. — святая дата, так как был сброшен монархо-фашистский режим в Болгарии. Доктор Александр Сивилев, преподающий на историческом факультете Софийского университета, уверен, что «9 мая 1945 г. — одна из самых важных дат в современной истории. После нее прошла конференция в Потсдаме, на которой были обозначены политические и институционные рамки, в которых мы живем и сегодня» (газета «Дума», 09.05.2020).

Однако некоторые публицисты и политики, переписывая историю, утверждают, будто бы заслуга освобождения Европы от фашистского агрессора принадлежит западным союзникам, и настоящими победителями нацизма являются лишь либеральная демократия и западный мир.

Как известно, итогом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало освобождение Болгарии от 500-летнего турецкого ига, что вызвало

усиление болгарского русофильства. В связи с этим царь Борис III отказывался посылать болгарские части на восточный фронт для военных действий против Красной армии. Многие граждане его страны помнили, кто принес им освобождение от османского ига. Тысячи болгар сражались в партизанских отрядах. Сейчас публикуются воспоминания болгарских партизан. Весьма интересны воспоминания Веры Тодоровой, дочери Тодора Павлова, известного болгарского ученого и политического деятеля, которая участвовала в боях с немцами на территории Украины, а также, будучи врачом, лечила раненых. Ей часто приходилось оперировать под открытым небом, в лесу или в поле, а после операций брать в руки автомат. За ее плечами 800 сложных операций, спасших жизнь многим партизанам, участие в 33-х сражениях. Советское правительство наградило ее орденом Красной Звезды.

Болгарские русофилы ежегодно 9 мая проводят акцию «Синий платочек». Тем не менее среди болгар есть и те, кто считает, что «СССР не освободил нас, а оккупировал». Среди них профессор Драгомир Драганов. Так, в газете «24 часа» от 7 сентября 2017 г. был опубликован документ о том, как Черчилль и Сталин делили послевоенную Европу. В результате торга Болгария попала в советскую зону влияния. Долгосрочные последствия этого были такими же, как и для других стран Восточной Европы, — 45 лет тоталитарного режима, около 20 тысяч репрессированных. Один из сегодняшних ответов на это — осквернение памятника советским воинам в Софии. Кто-то считает, что его надо демонтировать. Однако в Пловдиве по-прежнему «стоит над горою Алеша, Болгарии русский солдат...». Известно, что один болгарин ради сохранения памятника выкупил землю, где он установлен, превратив ее в неприкосновенную частную собственность. Пока никакого примирения между двумя слоями болгарского общества не наблюдается.

Отражение «Второй мировой войны в школьных учебниках Болгарии (1950–2010-е годы)», которому посвятил свой доклад Н. С. Гусев, условно делится на три категории. Первая — учебники советского времени, значительно менявшиеся при переизданиях. Вторая — пособия переходных 1990-х гг. Третья же создавалась уже с прицелом на вступление в Евросоюз при содействии и консультациях со стороны европейских экспертов. Примечательны и новейшие учебники, вокруг которых в 2018–2019 гг. развернулась бурная дискуссия.

Описание Второй мировой войны за обозреваемый период кардинально изменилось и сократилось. В советское время трансформации касались прежде всего расширения круга участников борьбы против

прогерманского курса, благодаря чему со все бóльшей части населения снималась ответственность за союз с гитлеризмом. В современных пособиях один из прежних предметов гордости — участие в освобождении Европы от гитлеровцев — стал «проходным» фактом, причем исчезло и подчеркивание заслуг СССР. Мимоходом упоминаются и англо-американские бомбардировки городов. Но главное — изменились место и роль всех этих событий в национальном нарративе. Раньше борьба коммунистического подполья рисовалась как национально-освободительная, ее масштабы всячески раздувались, вступление Советской армии изображалось как освобождение, а последующее установление нового режима правления — как начало «светлого будущего». Теперь массовые манифестации 1940 г. в поддержку советских предложений о заключении союза с Болгарией не упоминаются, а сами переговоры сопоставляются с присоединением Прибалтики к Советскому Союзу. Размеры партизанского движения обрисовываются как скромные, а деятельность подполья — как антиболгарская и мало-значимая. В итоге в учебниках 1944 год стал девиацией в развитии страны, отклонением с ее магистрального исторического пути.

Налицо стремление европеизироваться и доказать окружающим, а в первую очередь — себе самим, что Болгария всегда являлась частью европейской цивилизации.

«Словенские домобранцы — герои или предатели? Столкновение двух идеологий» — назвала свой доклад *Н. С. Пилько*, посвятив его оценке деятельности Народно-освободительной армии и домобранского движения. Одну из спорных тем словенской исторической науки, а также спора историков и публицистов докладчица связывает с критическим пересмотром событий 1941–1945 гг., который начался в Словении после смерти Тито, т. е. еще во времена существования СФРЮ. Впервые поднимался вопрос о примирении враждовавших в годы Второй мировой войны домобранцев и партизан. Социолог С. Хрибар в сборнике, посвященном памяти Э. Коцбека, выступила за установку памятника всем павшим во время войны словенцам, независимо от того, на чьей стороне они воевали, и за примирение со словенцами, оказавшимися в эмиграции. После распада Югославии подобного рода дискуссии стали весьма популярны. Обесценивание партизанского движения, оправдание домобранцев, возвеличивание католических священников, которые сотрудничали с оккупантами и поддерживали домобранцев, — все это остается актуальным по сей день. Историческое сообщество разделилось на два лагеря — так называемых «партизан» и «белогвардейцев». Главный аргумент, который

используется в поддержку домобранского движения, — это то, что домобранцы не столько сотрудничали с оккупантами, сколько боролись с коммунизмом, с тоталитаризмом. «Партизан» обвиняют в массовых репрессиях своих сограждан, чья вина заключалась только в том, что они были против коммунистов. Данная аргументация находит в какой-то степени отклик у молодежи, которая не слишком вникает в исторические детали. Существует набор стереотипов, которые весьма логичны, доходчивы и легко усваиваются. С подобными взглядами уже выросло целое поколение. Да, были во время войны партизаны и домобранцы, но все они были словенцами и одинаково любили свою родину. Для современной молодежи противостояние двух лагерей уже представляется историей, это борьба тех, кому сейчас 50–60 лет и кто ведет ее начиная с 1990-х гг., когда пересмотр истории был весьма агрессивным и нужно было защищать историческую правду. Для них эта борьба все еще актуальна. Мало осталось непосредственных участников прошедших событий, но память о них оберегается. Ни один памятник партизанам не был осквернен или разрушен. Экспозиции в музеях сохранены. И память о домобранцах тоже увековечена. В основном в церквях висят мемориальные доски с именами погибших.

Ю. А. Созина выступила с докладом «Война как точка отсчета в современной репрезентативной прозе югославянских народов». По ее наблюдениям, литература (и, конечно, шире — культура) юга Славии рассматривает Вторую мировую войну в череде крупных трагических событий, выпавших на долю народов, которые составляли в свое время СФРЮ. Это и Первая мировая, и конфликт Сталина с Тито с партийными «чистками» общества, и война между хорватами и сербами начала 1990-х гг., и бомбардировки Белграда в конце прошлого тысячелетия, и так далее — вплоть до живой современности. Писатели пытаются следовать принципам гуманизма, человечности (имея в виду Человека с большой буквы), в чем, возможно, усматривается и влияние глобализации. Сложнейшие процессы XX в. выработали в литературных элитах стран бывшей Югославии своеобразное восприятие исторической действительности, особенностями которого можно назвать стремление к приподнято-отстраненному, в чем-то по-философски «толерантному» отношению к страшнейшим событиям национальной истории, собственной жизни и реальной ситуации в мире. Это, если можно так сказать, «боль, спрятанная за размеренностью повествования» или «симфония истории».

Под репрезентативной прозой понимаются произведения, рекомендуемые к изучению в школе (в т. ч. высшей) и к переводу на

иностранные языки. Ю. А. Созина, оттолкнувшись от исследований, отразившихся и в ее монографии «Словенский роман последней трети XX века как исследование человека и его арены жизни» (М., 2018), осветила острые вопросы, поднимаемые в произведениях, составивших национальную серию на русском языке «Словенский глагол» (туда, к примеру, вошел роман Драго Янчара «Той ночью я ее видел», 2010; рус. перевод Т. И. Жаровой, 2013) и международный издательский проект «Сто славянских романов», уже охвативший романы Марко Сосича «Балерина, Балерина» (1997; перевод со словен. Ю. А. Созиной, 2016); Ласло Блашковича «Ожерелье для мадонны. По следам реальных событий» (2003; пер. с сербск. Е. В. Сагалович и В. Н. Соколова, 2016); Миленко Ерговича «Gloria in excelsis» (2005; пер. с хорв. Л. А. Савельевой, 2018) и Роберта Перишича «Наш человек в горячей точке» (2007; пер. с хорв. Л. А. Савельевой, 2020). Во всех этих произведениях война явно или косвенно влияет на события и судьбы героев, становится отправной точкой для проверки автором и читателем себя на человечность.

Завершивший череду выступлений доклад *А. С. Александровой* «Вопрос о германских репарациях в Греции: популизм или попытка восстановления исторической справедливости?» выбивается из направленности и проблематики Круглого стола. В этом докладе нет славян, но есть Вторая мировая война, пострадавшая в ней Греция, пережившая «безоговорочную капитуляцию» Германия и практически неизвестный участникам нашей мини-конференции послевоенный процесс урегулирования финансовых отношений между противоборствовавшими во время войны сторонами. Знакомство с ним способно расширить кругозор славистов.

В период Второй мировой войны Греция сильно пострадала в результате германской оккупации. Кроме того, Третий рейх взял у Греции оккупационный кредит, вернуть который планировалось после войны — чего, однако, не произошло. В послевоенные годы Греция получила часть репараций, некоторые компенсации были выплачены греческим гражданам, пострадавшим от действий германских оккупантов. Окончательное решение вопроса выплаты репараций и оккупационного кредита было отложено до момента воссоединения Германии и заключения мирного договора. Однако по итогам заключенного в 1990 г. договора «2+4» (о границах и статусе Германии и отказе от ее репараций) Греция не могла претендовать на новые компенсации. Усилия греческих дипломатов в последующие годы также не привели к каким-либо результатам: на все претензии Греции Гер-

мания отвечала, что вопрос военных репараций давно политически и юридически урегулирован. Кроме того, подобные требования, по мнению Германии, были неуместны со стороны ее партнера по НАТО и Евросоюзу.

Вялотекущий многолетний конфликт вышел на новый уровень в конце 2009 г., когда в Греции начался глубокий финансовый кризис, поставивший страну на грань банкротства. Ключевую роль в разработке программы международной финансовой помощи Греции, согласно которой она была вынуждена проводить политику жесткой бюджетной экономии в обмен на многомиллиардные кредиты, сыграла именно Германия. В этой ситуации в сознании греков закономерно всплыл «образ врага», которым, как и 70 лет назад, была Германия. Этими настроениями сразу же воспользовались греческие политики, сделавшие из Германии «козла отпущения», виновного во всех экономических бедах страны. С началом кризиса вопрос германских репараций вышел в Греции на новый — массовый — уровень, а к старому требованию восстановления исторической справедливости добавилось популистское стремление греческих политиков обвинить Германию в нынешнем тяжелом положении греческой экономики.

Как показал ряд докладов Круглого стола, в настоящее время в зарубежных славянских странах военная тема, тема пересмотра хода и результатов Второй мировой раскрывается не в пользу Советского государства, занижается роль СССР и Красной армии в победе над фашизмом. Это связано прежде всего с послевоенной действительностью, с советизацией политических режимов в подконтрольных нашему государству странах, противоречиво отразившейся на жизни их граждан. Происходит своего рода актуализация прошлого, в чем-то проясняющая, а в чем-то искажающая правду и уроки Истории. В их изучении рано ставить точку. Они слишком важны для нашего настоящего и будущего.

Автор аналитического обзора не ограничивался механическим монтированием аннотаций или тезисов, представленных авторами докладов, а иногда прояснял и комментировал без ремарок мысли докладчиков, добавляя «от себя», какие-то необходимые сведения. Можно считать, что в этот «обзор» вмешивались и его собственные размышления и оценки.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.03

Budagova L. N.

To the 75th anniversary of the Victory over fascist aggressor

Lyudmila N. Budagova

Doctor of Letters, head of Department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: inслав@inслав.ru

ORCID: 0000-0002-1945-7612

Citation

Budagova L. N. To the 75th anniversary of the Victory over fascist aggressor // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 525–539 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.03

Received: 01.02.2021.

**Научная конференция
«Врата Цареграда: Константинополь
в истории и культуре славян»**

Лескинен Мария Войттовна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marles70@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7638-507X

Цитирование

Лескинен М. В. Конференция «Врата Цареграда: Константинополь в истории и культуре славян» // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 540–549. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.04

Текст поступил в редакцию 16.12.2020.

25 ноября 2020 г. в Институте славяноведения РАН состоялась конференция «Врата Цареграда: Константинополь в истории и культуре славян»¹ в онлайн-формате. Ее организаторами выступили ведущие научные сотрудники Института славяноведения д. ф. н. Е. А. Яблоков и д. и. н. М. В. Лескинен.

Миф о Константинополе как духовной святыне православного мира, которую необходимо «вернуть», реализовался в политических доктринах и межгосударственных отношениях, обуславливая внешнеполитические ориентиры и державные претензии Российской империи. При этом он был непосредственно связан с идеей освобождения славянских народов от мусульманского гнета. «Константинопольский миф» стал одним из устойчивых мотивов в философии, публицистике и художественной культуре, оказав влияние на формирование и интерпретации «славянского вопроса» в Российской империи. Ее восточная политика апеллировала к идее византийского наследия московского самодержавия, которая в XVIII–XIX вв. определила

1 Программа конференции на сайте Института славяноведения: URL: https://inslav.ru/sites/default/files/2020_programma_vrata_caregrada.pdf (дата обращения: 15.12.2020).

трактовку славянской общности и отношения России со славянскими народами. В период национальных движений и нациестроительства теория панславизма также оперировала идеологемой о праве России на обретение Константинополя как Империи, выражающей интересы православной державы и всего православного мира.

Завоевание Константинополя / Царьграда — одна из констант российской политической мифологии на протяжении четырех столетий. Она нашла отражение в историографии, историософии, публицистике, литературе и иных видах искусства, в политических проектах, манифестах, дипломатической стратегии и тактике России и других государств, отразилась в культуре русской послереволюционной эмиграции. Мифологема Константинополя / Царьграда обусловила разнородную реакцию и рефлексию в славянском мире и в Западной Европе; «внешние» дискуссии касались осмысления места Российской империи в европейской цивилизации, притом непосредственно влияли (и, очевидно, продолжают влиять) на европейскую политику.

Реконструируя «константинопольский миф» в русской культуре, следует отметить не только его долговечность и «живучесть», но и способность органично встраиваться в религиозные, философские, политические доктрины. Взаимосвязь мифа и государственной политики, соотношение идеологемы с народными представлениями, утопических проектов — с дипломатической и военной стратегией, а также воплощение образа Царьграда в разных видах искусства являются наиболее перспективными направлениями междисциплинарных исследований.

Все эти вопросы в той или иной мере были затронуты в докладах, прозвучавших на конференции. В ней приняли участие историки и филологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Саратова.

Во вступительном докладе *М. В. Лескинен* кратко охарактеризовала сущность «константинопольского мифа» и его роль в русской культуре.

Выступление историка *К. А. Кочегарова* (ИСл РАН) было посвящено историческим сюжетам, использовавшимся в качестве аргументов в пользу позиции Московского государства в дипломатических переговорах 1700 г. в Константинополе. В архивном тексте наказа для посольства, возглавлявшегося посланником при Оттоманской Порте Е. И. Украинцевым, для объяснения нового внешнеполитического курса Русского государства в отношении Порты предлагалось прибегнуть к исторической аналогии между походами первых русских князей (Аскольда и Дира, Олега и Игоря) на Царьград, завершивши-

мися получением с него дани (эти сведения излагались по «Повести временных лет»), и ситуацией конца XVII в., когда «Московское государство свободное и самовластное» декларировало свое право выдвигать требования Османской империи. Сюжет из древней истории, как указал докладчик, не был использован Украинцевым в русско-османских переговорах. Однако в ходе встречи с константинопольским патриархом Калинником Украинцев в связи с одной из статей мирного договора с Турцией (пункт «Свобода веры для турецких подданных православного вероисповедания, неприкосновенность церквей и монастырей, “вольность” православным строить и ремонтировать свои церкви и отправлять богослужения») затронул вопрос о России как наследнице Византийского христианства и благочестия. Впервые в дипломатической практике XVI–XVII вв., по мнению К. А. Кочегарова, был предъявлен в качестве аргумента библейский сюжет о странствующих благочестивых царствах, призванный доказать, что Россия является духовной наследницей Византии в духе концепции «Москва — Третий Рим». Она бытовала в религиозной в светской публицистике эпохи, но не встречалась ранее в дипломатической практике.

Доклад историка-византиниста *С. А. Иванова* (НИУ «Высшая школа экономики») был посвящен анализу того, что знали о Византии главные инициаторы и популяризаторы «греческого проекта» последней трети XVIII в. — императрица Екатерина II и князь Г. А. Потемкин. С. А. Иванов охарактеризовал возможные источники исторических сведений и уровень лингвистических познаний, которыми обладали российские государственные деятели. Сочинения и записки императрицы свидетельствуют о том, что она произвольно понимала топонимы и лексемы, использовавшиеся, в частности, В. Н. Татищевым в его исторических трудах о России, не разграничивала древнегреческие и византийские реалии (например, сочиняя пьесу «Начальное управление Олега» (1783) или выбирая костюмы к ее постановке (1790)). Это объяснялось, однако, не тем, что история и быт Византийской империи не были известны науке того времени. При желании Екатерина могла бы получить подробную консультацию у петербургских и тем более европейских ученых. Деятельность Г. А. Потемкина по созданию новой топонимики Крыма, так или иначе соотносившегося с византийскими историческими владениями, как убедительно показал С. А. Иванов, тоже демонстрирует незнание истории и топонимики Византии, а также новогреческого языка. Воспитатели Константина Павловича, с колыбели предназначавшегося

к управлению новым государством, как и авторы модных греческих хоров и придворные петербургские стихотворцы, сочинявшие на популярную тогда «греческо-византийскую» тему, не владели византийским греческим и не всегда — современным разговорным и литературным греческим языком. Характерно, что Екатерина и Потемкин в русском наименовании Византии пользовались калькой с западноевропейской номинации эпохи Просвещения, называя ее Греческой, или Восточной, империей. С. А. Иванов резюмировал, что основанная на отрывочной и недостоверной информации «система» представлений об истории, бытовых реалиях и религиозных традициях Византии заведомо не могла способствовать успешному осуществлению «греческого проекта».

В докладе *Л. М. Аржаковой* (Санкт-Петербургский государственный университет) рассматривались тексты В. С. Соловьева, в которых выражена рецепция общественных проблем, затрагивавшихся в творчестве Ф. М. Достоевского. Известно, что последний касался «восточного вопроса» и права России на Царьград в «Дневнике писателя», где сформулирован тезис: «Рано ли, поздно ли, а Царьград будет наш». Соловьев в работе «Три речи в память Достоевского» не цитирует это и другие высказывания писателя на «царьградскую» тему. Тем не менее, как показала *Л. М. Аржакова*, реакция на них подспудно присутствует в статье Соловьева, ибо, по его убеждению, «общий смысл всей деятельности Достоевского, или значение Достоевского как общественного деятеля, состоит в разрешении двойного вопроса: о высшем идеале общества и настоящем пути к его достижению». Сосредоточившись на характеристике Достоевского-писателя, Соловьев подчеркивал, что главным предметом осмысления для него было именно общественное движение. В этом философ усматривал отклик Достоевского на самые злободневные вопросы времени. При этом он утверждал, что «Достоевский не подчинился влиянию господствовавших кругом него стремлений, не следовал покорно за фазисами общественного движения, — он предугадывал повороты этого движения и заранее судил их», будучи «свободным мыслителем» и «могучим художником». Возможно, по этой причине, как предположила *Л. М. Аржакова*, в «Трех речах в память Достоевского» о Царьграде формально не говорится.

Выступление *М. В. Белова* (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) было посвящено почти столетней истории проекта и строительства (1890-е – 2010 гг.) храма Св. Саввы на Врачаре в Белграде, архитектурным образцом для которого

послужил храм Св. Софии в Константинополе. Храм Св. Саввы задуман в конце XIX в. и посвящен первому сербскому святому, чьи мощи — символ сербства и сербской национальной церкви — были тремя столетиями ранее уничтожены турками. По первоначальному замыслу храм, архитектурно «перекликавшийся» с цареградским, должен был возвеличить возвращение / обретение независимости Сербского княжества и его превращение в Королевство, а также воплотить духовные ориентиры и внешнеполитические притязания Сербии в новых исторических условиях. Он выступал религиозным символом православия и государства-лидера в постосманской группе держав, принадлежащих к «византийскому содружеству наций» (Д. Д. Оболенский).

Проект храма неоднократно подвергался пересмотру; причиной были не столько художественные поиски, сколько политические обстоятельства: смена династии, обострение отношений с соседями и начавшиеся в 1910-х гг. военные конфликты на Балканах. Из пламени Первой мировой войны родилось совершенно новое Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия), и реализация замысла была отложена до 1935 г. Затем воплощению проекта в жизнь мешали послекризисная депрессия, межнациональные трения, политическая нестабильность, вызванная убийством короля Александра, и наконец — новая мировая война.

С приходом к власти коммунистов идея строительства храма перестала быть реалистичной уже по другим, идеологическим, мотивам. Новое осмысление получила она после смерти И. Б. Тито — в условиях разделения Югославии, обострения косовской проблемы и национализации партийных элит. Строительство храма возобновилось в 1986 г., и к моменту прекращения деятельности Союза коммунистов Югославии и распада югославской федерации (1989) были возведены стены и купол. Строительные работы не раз останавливались, однако в 2000-х гг. были продолжены благодаря российскому финансированию. Таким образом, возведенный через столетие после первого замысла мемориальный храм Св. Саввы обрел новый смысл — теперь он символизирует не только независимость Сербии и ее главного небесного покровителя, но и особые отношения между Сербией и Россией. Стиль интерьера, дизайн, в котором использованы традиционные формы восточнохристианского декора, содержат имперско-византийские реминисценции, воплощая общее для России и Сербии византийское наследие и подчеркивая идею сближения государства и церкви.

М. В. Лескинен проанализировала изменение содержания устойчивых выражений-формул «щит на вратах Цареграда» и «щит Олега», восходящих к стихотворениям А. С. Пушкина «Песнь о вешем Олеге» (1822) и «Олегов щит» (1830), отразивших один из аспектов мифа о Цареграде в русской культуре XIX – начала XX в. В докладе была рассмотрена реализация стереотипных представлений о легендарном событии (впервые упомянутом в «Повести временных лет») в трех основных группах источников, наиболее важных для формирования исторических образов и речевых клише в широких кругах русского общества. Среди них, во-первых, поэтические произведения 1820-х — 1830-х гг., актуализировавшие тему Царьграда эпохи первых русских князей с реминисценциями легенды о щите Олега (литературоведы усматривают в этих текстах отголоски событий Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.); во-вторых, российская историография, учебники истории и хрестоматии 1860-х — 1910-х гг.; в-третьих — визуальные воплощения мотива водружения щита «на вратах Цареграда» как ключевого эпизода похода Олега 907 г.

Авторы, использовавшие мифологему «Олегова щита» для подкрепления идеи военного овладения Константинополем в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. (Н. М. Языков, Ф. И. Тютчев, Д. И. Хвостов, В. Г. Тепляков и др.), в той или иной степени ориентировались на текст летописного предания в изложении Н. М. Карамзина. Совершенно в другом — ироническом и сатирическом — ключе интерпретировал летописный сюжет К. С. Аксаков в пьесе «Олег под Константинополем» (1835) — здесь князь прибывает щит на ворота при помощи молотка и гвоздя, и это действие не знаменует победу, а «заменяет» захват города. Заканчивается пьеса сценой в современной университетской аудитории, где профессор-историк заявляет, что в предании об Олеге нет ни слова правды, князь и его походы не более чем мифы.

Если в исторических сочинениях Н. М. Карамзина (1818), Н. А. Полевого (1829) и учебнике А. О. Ишимовой (1837) эпизод с «царьградским щитом» излагался наряду с другими легендарными деяниями Олега, то с 1840-х до 1900-х гг. и ученые-историки (С. М. Соловьев, М. П. Погодин, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский) в своих фундаментальных трудах, и авторы наиболее популярных учебных курсов отечественной истории (Д. И. Иловайский, М. Я. Острогорский, В. А. Абаза), а также известные составители хрестоматий для начальной школы (К. Д. Ушинский, Н. А. Корф, В. И. Водовозов) полностью игнорировали данный сюжет. Иловайский и Соловьев считали

сведения летописи об Олеговом щите недостоверными и легендарными, а потому не заслуживающими упоминания.

Впрочем, на рубеже веков положение изменилось — одной из причин, как полагает докладчик, могло стать грандиозное празднование юбилея А. С. Пушкина (1899). Легенда о щите вернулась на страницы школьных учебников истории, а сама баллада стала ключевым «хрестоматийным» произведением, формировавшим стереотипный образ Константинополя. Это вызвало реакцию в виде появления сатирических и пародийных текстов — например, соответствующих разделов «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”» (1910).

Анализ представленных в докладе М. В. Лескинен визуальных изображений князя Олега, водружающего щит на ворота Константинополя (графика Ф. А. Бруни, Б. А. Чорикова, А. Д. Кившенко, Н. К. Бодаревского, В. П. Верещагина), показывает, что их авторы использовали стереотипную формулу — работы почти идентичны по композиции и непременно включают атрибуты «прибивания» щита: лестницу, гвоздь, молоток и т. п.

Выступление *О. В. Кочуковой* (Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского) и *С. А. Кочукова* (Государственный архив Саратовской области) касалось образа Константинополя на страницах российской прессы в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Как известно, эта война актуализировала «константинопольский миф» и надежды на скорую реализацию мечты о возвращении «Олегова щита» на «врата Царьграда». Мощный патриотический подъем, небывалое общественное внимание к событиям войны были порождены не только идеологизацией миссии России как покровительницы единоверцев и братьев-славян, но и внутренним состоянием российского общества 1870-х гг. Освободительный пафос отразил стремление к обретению новых возвышенных идеалов, общей цели, которая могла бы консолидировать разъединенный российский социум.

Докладчики отметили, что в публиковавшихся в периодике 1870-х гг. стихотворениях топоним «Константинополь» практически не встречался, наиболее частотным были «Стамбул» и «Царьград». Стамбулом именовалась реальная столица Османской империи, а образ Царьграда был призван актуализировать мифологизированное прошлое и идею скорого «возрождения» Византии. При этом в обоих случаях подразумевался библейский контекст Города как сакрального, мистического пространства, осмыслявшегося через оппозицию «город греха» (Стамбул) / «град Божий» (Царьград).

В докладе *К. С. Романовой* (Российская академия народного хозяйства и государственной службы) речь шла об образах Константинополя-Стамбула в русской литературе Серебряного века (Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам и др.) и 1920-х гг. Было показано, что в эмигрантской литературе образ Константинополя утратил романтические и утопические черты, в нем стали доминировать, с одной стороны, онирически-«потусторонние», с другой — пародийно-сатирические оттенки. *К. С. Романова* представила различные варианты реализации образа Константинополя. Так, для *Г. И. Газданова* характерны эстетизация окружающей действительности, «уход» в экзистенциальную рефлексию. В произведениях авторов-сатириков (А. Т. Аверченко, Дон Аминадо) очевидно стремление преодолеть драматизм эмигрантской действительности через сатирическое и ироническое остранение. Для авторов сборника «Листья» была важна идея высокой духовной миссии русской эмиграции. *Н. А. Тэффи* использует онирические мотивы, стремление «вернуться» к идеализированному, «доэмигрантскому» образу города. При этом *К. С. Романова* подчеркнула, что для многих эмигрантских текстов характерным было отождествление Стамбула с Вавилоном.

С этим контрастировали тексты *П. А. Павленко*, в чьих рассказах и очерках о Турции 1920-х гг. были представлены красочные, в ориенталистских традициях, зарисовки турецкого мегаполиса нового времени. Советский писатель подчеркивал новые формы социальной жизни в государстве, дружественном Советской России. Этнографические детали и исторические экскурсы использованы здесь для обострения контраста между прошлым и настоящим и обоснования прогрессивности нового пути. В отличие от эмигрантской литературы, *П. А. Павленко*, создавая образ Константинополя / Стамбула, оперировал клише и стереотипами, выработанными в рамках западной традиции ориентализма.

Доклад *Е. А. Яблокова* был посвящен созданному в пьесе *М. А. Булгакова* «Бег» образу Константинополя как элементу городского мифа. Занимая срединное положение между «крайними» точками художественного мира пьесы — Петербургом и Парижем, Константинополь здесь выполняет функцию мирового «центра». При этом источником «импульса» движения в константинопольском хронотопе выступают тараканы бега, помещение которых представлено как «сооружение в виде карусели», именуемое «вертушкой».

«Римские» коннотации в пьесе связаны, в частности, с фигурой Романа Хлудова, которого неоднократно именуют «Ромой» (итал.

Roma — Рим), вместе с тем это ассоциируется с династией Романовых. Судьба персонажа воплощает травестийную коллизию трех «Римов»; в новом, большевистском (т. е. «четвертом») «Московском царстве» Хлудов обречен на гибель. Показательно, что его образ амбивалентно сочетает признаки святости и демонизма, болезни и здоровья, нормы и аномалии.

Именно в монологе Хлудова введен символический образ бегущих тараканов, который затем получит развитие в мотиве тараканьих бегов. Хозяином «вертушки», повелителем «Второго Рима» (в образе многоязычного Константинополя присутствуют коннотации Вавилона) и, соответственно, «князем мира» — пародийным Вельзевулом предстает «тараканий царь» Артур. Объявивший себя «венгерцем», этот персонаж в подтексте ассоциируется с гуннами, виновными в падении «первого» Рима. Главным пленником «тараканьего царя» оказывается генерал Чарнота, чья фамилия недаром созвучна кличке таракана-«фаворита» — Янычар. В итоге он остается «прикованным» к «вертушке»; при этом травестия ветхозаветных мотивов обуславливает пародийную «перемену» функций: потомок запорожцев Чарнота объявляет себя «Вечным Жидом» (то есть вечным странником), а еврей Артур играет роль поработителя-«фараона».

Е. А. Яблоков резюмировал, что образ Константинополя в булгаковской пьесе воплощает оппозицию двух видов движения: если заглавие «Бег» ассоциируется с векторным, поступательным движением, то «вертушка» с тараканьими бегами символизирует движение циклическое, иллюзорное.

Таким образом, в центре внимания участников конференции оказалась мифологема Царьграда-Константинополя преимущественно в русском «изводе». Лишь доклад М. В. Белова был посвящен эпизоду сербской культуры.

Как показали прозвучавшие доклады, в российском осмыслении образа Константинополя можно выделить три линии. Первая — церковно-религиозное направление, связанное с доктриной «Москва — Третий Рим», которая в имперский период русской истории была дополнена идеями, направленными на обоснование православного византийского наследия и греческих корней русского религиозного своеобразия. Византия и Константинополь в XIX в. понимались как духовный исток, колыбель русского христианства. Вторая линия — историософские концепции расширения российской цивилизации и России как оплоте славянства. Панславистские деятели и философы (Леонтьев, Данилевский, Достоевский) возлагали на Российскую

империю мессианские надежды на создание единой славянской державы. Третья — конкретные политические проекты и военные планы, связанные с решением так называемого «восточного вопроса», рассматривавшие обретение Царьграда и обладание Проливами как практическую задачу, решение которой призвано подтвердить военно-государственную мощь России, ее претензии на европейское господство.

Характерен при этом исторический парадокс: декларировавшееся на разных этапах стремление Российского государства обрести Константинополь сочеталось с неоднократным отказом от реализации этой цели уже у «стен» вожделенного града. Тем не менее щит Олега на воротах и православный крест на куполе Святой Софии — два главных символа русского образа Константинополя — продолжают оставаться существенными элементами патриотической и национально-религиозной риторики. Особое место идея «возвращения» Царьграда играла в годы Первой мировой войны, когда соответствующие проекты осмысливались как средство «разрешения Россией завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря» (Николай II).

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.04

Leskinen M. V.

The conference “*Gates of Tsaregrad: Constantinople in the history and culture of the Slavs*”

Maria V. Leskinen

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marles70@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7638-507X

Citation

Leskinen M. V. The conference „*Gates of Tsaregrad: Constantinople in the history and culture of the Slavs*” // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 540–549 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.04

Received: 16.12.2020.

Международный круглый стол «Имя страны: Белоруссия и ее название в языках народов мира»

Баринов Игорь Игоревич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Короткова Дарья Александровна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: dasza1981@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4516-3228

Цитирование

Баринов И. И., Короткова Д. А. Международный круглый стол «Имя страны: Белоруссия и ее название в языках народов мира» // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 550–553. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.05

Текст поступил в редакцию 01.03.2021.

19 января 2021 г. на платформе Zoom состоялся международный круглый стол «Имя страны: Белоруссия и ее название в языках народов мира», организованный усилиями отдела восточного славянства ИСл РАН. В ходе его работы был рассмотрен широкий круг вопросов. Прежде всего, рассматривались традиции обозначения белорусских земель как целого в различных языках, трансформации официальных наименований Белоруссии как исторической области и государства в XIX–XXI вв. и повлиявшие на них факторы. Конференция вызвала большой интерес среди специалистов по указанной тематике. В ее работе участвовали ученые-слависты из России, Беларуси, Польши, Германии, Дании и Японии.

В первой части конференции прозвучали тематические доклады. *И. И. Баринов* (ИСл РАН), выступивший в качестве модератора, и *Томас Бон* (Университет Юстуса Либига, Гисен, ФРГ) рассказали о

немецкой традиции восприятия и обозначения белорусских земель с XVIII в. до наших дней. Эти доклады приобрели особую актуальность в связи с тем, что летом прошлого, 2020 г. Германо-белорусская историческая комиссия рекомендовала заменить традиционную немецкую форму *Weissrussland* на новую — *Belarus*. А. С. Горный (ГрГУ, Гродно, РБ) рассказал о бытовании двух способов обозначения Белоруссии и белорусов в литовском языке — архаичном *gudai* и более современном *baltarusiai*, разобрав смысловое наполнение этих конструкций. Сообщение Д. А. Коротковой (ИСл РАН) было посвящено наименованию Белоруссии во французском языке. Согласно выводам докладчицы, Франция в этом отношении испытала заметное влияние русскоязычной традиции. Аналогичным образом К. А. Климова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) подчеркнула в своем докладе роль русского (советского) официоза при формировании греческого названия Белоруссии — Λευκορωσία от λευκός «белый» и Ρωσία «Россия», а также общую консервативность греческой топонимической традиции. Хенрик Дуда (Люблинский католический университет, Люблин, Польша) рассмотрел проблему мотивации изменения названия страны. С одной стороны, у имен собственных есть функция идентификации объекта. С этой точки зрения спор о нюансах наименований представляется бессмысленным. Однако есть у имени собственного еще одна, не всегда осознаваемая, функция, которую докладчик назвал «территориализмом», — функция присвоения себе территории, подчеркивания владения ею именно данным народом. Отсюда становится понятна щепетильность в этом отношении именно наций, недавно обретших государственность.

Другой блок докладов был посвящен культурным, религиозным и идентичностным аспектам, повлиявшим на возникновение и распространение форм «Белоруссия / белорусский». Ю. А. Лабынцев и Л. Л. Щавинская (ИСл РАН) рассмотрели эту тематику через призму биографий православного иерарха Георгия Конисского и католического прелата Станислава Богуш-Сестренцевича. Семейно-региональная проблематика нашла отражение в сообщении М. Ю. Дронова (ИСл РАН), рассмотревшего вопросы белорусской самоидентификации в пограничном регионе нынешних Украины, Беларуси и России.

Оживленная дискуссия после докладов обозначила еще ряд аспектов данной проблемы. Д. А. Короткова и И. И. Баринов обратили внимание на связь представленности страны и нации в широком информационном поле с принятием другими странами их самоназвания как нормативного. Профессор Х. Дуда подчеркнул, что процесс

«присвоения» нацией своего государства неизбежно приводит к конфликту с языковыми традициями соседей, особенно если это бывшие части одной империи. М. В. Лескинен (ИСл РАН) согласилась с этим постулатом, обозначив постимперский синдром как одну из основных причин (хотя и не единственную причину) таких расхождений. Также она отметила практически идентичность в разных частях Европы современной эволюции политонима Белоруссия / Беларусь на примере финского и шведского языков. Т. Бон отметил ответственность историков за политкорректность изложения исторического нарратива, в том числе важность правильного (в соответствии с оригиналом) употребления имен собственных. Елизавета Дудинка (Дания) описала ситуацию с наименованием Республики Беларусь в Дании. Изменение традиционного *Hviderusland* на *Belarus* идет с большим трудом, что создает, помимо прочего, ряд проблем для белорусских эмигрантов, поскольку этот политоним никаким образом не воспринимается ими связанным с РБ. Она подчеркнула, что европейская тенденция называть народы и страны, подражая оригинальным названиям, связана с желанием обращаться к каждому так, как ему хотелось бы. Это прослеживается даже на уровне брендов (запрет на название «эскимо», поскольку это потенциально оскорбительно для эскимосов, и т. д.). М. В. Лескинен обратила внимание, что подобная тенденция может дойти до абсурда, поскольку традиционные наименования далеко не всегда оскорбительны, и такая агрессивная политика уже является насилием по отношению к языку. Ю. А. Лабынцев согласился, что тенденции переименования в первую очередь обусловлены современными политическими реалиями, несмотря на массу уже проведенных исследований по данному вопросу. В целом участники пришли к заключению, что различные аспекты темы, затронутые на круглом столе, требуют дальнейшего изучения.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.05

Barinov I. I., Korotkova D. A.

**An International Round Table “The name of a country:
Belarus and its naming in the world’s languages”**

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Darya A. Korotkova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospekt 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: dasza1981@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4516-3228

Citation

Barinov I. I., Korotkova D. A. An International Round Table “The name of a country: Belarus and its naming in the world’s languages” // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 550–553 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.05

Received: 01.03.2021.

**Румынский акцент современной славистики:
Международный симпозиум «100 лет клужской славистике»**

Кириллов Виктор Борисович

Кандидат исторических наук, доцент, проректор, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

119454, пр. Вернадского, 76, Москва, Российская Федерация

E-mail: kirillov@mgimo.ru

ORCID: 0000-0003-4208-6984

Лесная Галина Мирославовна

Кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

119454, пр. Вернадского, 76, Москва, Российская Федерация

E-mail: glesnaya@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1501-0060

Цитирование

Кириллов В. Б., Лесная Г. М. Румынский акцент современной славистики: Международный симпозиум «100 лет клужской славистике» // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 554–566.

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.06

Текст поступил в редакцию 29.10.2020.

Международный симпозиум, посвященный 100-летию юбилею клужской славистики, прошел 30–31 мая 2019 г. на филологическом факультете Университета им. Бабеша-Бойаи в г. Клуж-Напока в Румынии. Значимость состоявшегося форума можно оценить, если понимать, что такое румынская славистика и каково ее место в современном комплексе научных славистических знаний.

Румыния принадлежит к тем странам, в которых славистика как область филологии имеет давнюю и интересную историю. Несомненную роль в ее формировании и развитии сыграли румыно-славянские

исторические контакты и культурные связи, которые своими корнями уходят в далекое прошлое. Собственно научное становление румынской славистики связано с идеями национального возрождения, характерными для XIX в., а также с научным развитием славистики в нескольких странах мира. В конце XIX в. обостренный интерес румын к основам национальной жизни и изучению истории закономерно привел их к необходимости научного взгляда на историю, религию и языки тех народов, которые в течение веков жили вместе или по соседству с ними.

Материальная база для становления научной славистики в Румынии формировалась в течение длительного времени. Но именно в XIX в., когда «начинается преподавание русского языка в качестве учебной дисциплины на различных уровнях школьного и высшего образования»¹, возникают предпосылки для изучения и других славянских языков. Организационно «начало систематическим исследованиям в области славянской филологии»² было положено в 1891 г., когда открылась первая в Румынии славянская кафедра в Бухарестском университете. Этот год стал датой основания румынской славистики. А ее родоначальником по праву считается Йоан Богдан (1864–1919) — талантливый ученый, педагог и организатор, автор свыше 1 тыс. научных трудов по славистике. Его лекция «Значение славистических исследований для румын», прочитанная в связи с открытием кафедры, до сих пор является актуальной для румынских славистов, не только филологов, но и специалистов по истории славян³, поскольку в ней определены главные проблемы исследования румыно-славянских связей. Три года спустя лекция была издана⁴.

С этого времени, помимо разработки практических курсов, написания учебников и составления словарей, румынские слависты занимаются широким кругом научных исследований, в которых центральной темой становится изучение румыно-славянских исторических и культурных связей, а после дифференциации славистических

1 Барбэ Г., Вольф З. Из истории румынской славистики // *Filologie rusă*. 2009. № XXV. P. 140.

2 Осинова Н. 90 лет румынской славистики // *Советское славяноведение*. 1983. № 4. С. 53.

3 *Mârza R. The History of Romanian Slavic Studies. From the Beginnings until the First World War. Cluj-Napoca, 2008.*

4 *Bogdan I. Însemnătatea studiilor slave pentru Români. București, 1894.*

дисциплин румынскими учеными были созданы фундаментальные труды в разных областях славистики⁵.

Закономерным результатом следующего полувека развития славистики в Румынии стало образование в 1956 г. Ассоциации славистов Румынии (ASR), в которую вместе с бухарестскими учеными вошли слависты, работающие в ведущих университетах страны: в Клуже, Яссах, Тимишоаре, Крайове и Констанце. Сейчас в этих университетах функционируют 5 филиалов ассоциации. В соответствии с Уставом, целью деятельности АСР является «развитие и поощрение исследований в области славистики в лингвистическом, историческом, литературоведческом, фольклорном и этнографическом аспектах, и в первую очередь — в аспекте славяно-румынских отношений»⁶.

Ассоциация славистов Румынии представляет румынских ученых на главных славистических форумах — международных съездах — с 1958 г., когда в Москве состоялся IV Международный съезд славистов. Румынские исследователи принимали участие в работе всех съездов, начиная с I, прошедшего в Праге, Брно и Братиславе (Чехословацкая республика, 1929), и по XVI — в Белграде (2018).

С 1958 г. по инициативе румынских ученых ассоциация издает журнал «*Romanoslavica*», в котором публикуются исследования ведущих румынских и мировых славистов. В 2010 г. в состав редколлегии издания вошли известные ученые из нескольких зарубежных стран, а также, чтобы предоставить возможность публиковаться начинающим исследователям, прежде ежегодный журнал стал выходить ежеквартально. Издание включает такие рубрики, как лингвистика, литературоведение, менталитет, персоналии, хроника; большое внимание уделяется исследованиям по компаративистике.

Следует сказать и о том, что в Румынии как область филологических знаний в рамках славистики (или параллельно с ней) довольно широко представлена русистика, функционирует Румынская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, издается журнал «*Filologie rusă*».

5 Din istoricul slavisticii românești. București, 1982.

6 Statutul Asociației Slaviștilor din România. București, 2001 // *Romanoslavica*. URL: <http://romanoslavica.ro/statut.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

Важной составляющей научной деятельности румынских славистов являются конференции и симпозиумы, на которых рассматривается широкая славистическая проблематика. С конца XX — начала XXI в. многие работы исследователей посвящаются проблемам истории румынской славистики. Накопленный в течение века материал систематизируется и описывается.

В числе наиболее важных форумов следует назвать: симпозиум, посвященный 90-летию со дня основания кафедры славянской филологии в Бухарестском университете (1981), а в 1991 г. — симпозиум, приуроченный к 100-летию образования кафедры, Международный симпозиум «Межкультурные диалоги. 50 лет славистике в Тимишоаре» (2007), празднование 60-летия образования кафедры современных славянских языков и литератур в Бухарестском университете (2009) и др. Значимым научным событием была Международная научная конференция «1150-летие святых Кирилла и Мефодия. Вклад Кирилла и Мефодия в развитие европейской культуры» (Бухарест, 2013).

Международный симпозиум «100 лет клужской славистике», находясь в этом ряду, вместе с тем вошел в серию юбилейных празднований, состоявшихся на всех факультетах Университета им. Бабеша-Бойаи в г. Клуж-Напока, поскольку связан с датой основания университета в качестве румынского вуза (1919). Симпозиум провел департамент славянских языков и литератур филологического факультета университета при финансовой поддержке Института польского языка в Бухаресте.

Высокий научный уровень симпозиума обусловлен не только достижениями клужской славистики в течение ее длительной истории, но и современным состоянием и особенностями ее развития. В настоящее время Университет им. Бабеша-Бойаи готовит специалистов по двум направлениям славистики — русистике и украинистике (она открыта в 1999 г.) — и факультативно — по полонистике (польский язык преподается с начала 1990-х гг.).

Важным научным начинанием департамента стало проведение в июне 2006 г. культурных и научных мероприятий, посвященных Дню славянской письменности и культуры, а в декабре того же года в университете прошел симпозиум «Международная европейская славистика». С тех пор проведение научных славистических форумов стало доброй традицией, в их работе участвуют слависты из многих стран мира. Всего прошло десять международных симпо-

зиумов, в дальнейшем получивших название «Диалог славистов в начале XXI века»⁷.

В работе Международного симпозиума «100 лет клужской славистике» приняли участие ученые из Румынии, Украины, России, Польши, Венгрии, Болгарии, Финляндии и Казахстана. Состоялись приветственное, пленарное и 8 секционных заседаний, на которых прозвучало около 70 докладов. Рабочими языками на симпозиуме были украинский, русский, польский, румынский и английский. Сотрудниками департамента осуществлялся перевод приветственного заседания с румынского языка на русский и польский. Важной особенностью организации этого симпозиума была работа нескольких секций на польском и украинском языках, что облегчало проведение научных дискуссий. Заседания секций проходили на филологическом факультете и в функционирующем в рамках университета Центре польского языка и культуры (создан в 2003 г.).

От имени администрации Университета им. Бабеша-Бойаи участников симпозиума поздравил заместитель декана филологического факультета Л. Т. Сабо, который зачитал приветствие от ректора университета академика Й. А. Попа. В своем выступлении др. Сабо рассказал о современных достижениях филологического факультета: уже в течение нескольких лет Университет им. Бабеша-Бойаи занимает первое место в рейтинге румынских университетов по филологическому образованию и 200-е — в мире. Также он отметил, что университет хочет сохранить эти позиции, как и университетские традиции прошлого, а сотрудники университета осознают, что достижения в подготовке специалистов и научные контакты ученых способны улучшить международные отношения, в том числе между Россией и Украиной.

Также на открытии симпозиума с докладом «Галерея портретов: это были наши учителя, которыми мы гордимся!» выступила директор департамента славянских языков и литератур др. К. Балаж. Она рассказала о ключевых фигурах в истории клужской славистики, таких как И. Попович, Т. Капидан, Э. Петрович, и о современных достижениях кафедры (сейчас — департамента). Продолжая традиции своих учителей, клужские слависты занимаются изучением научных проблем (исследование румыно-русско-украинской интерференции, украинская ономастика, украинские говоры Румынии), переводами

7 Dialogul slaviștilor la începutul secolului al XXI-lea. Cluj-Napoca, 2019. Anul VII, nr. 1/2019.

из русской и украинской литературы на румынский язык, руководят исследовательской деятельностью студентов и др.

На секционных заседаниях сотрудниками департамента славянских языков были прочитаны еще два доклада об истории клужской славистики: *Ю. Барталиши* представила главные исследования выдающихся клужских русистов в области фонетики русского языка, а *М. Томашкевич* рассказала о преподавании польского языка и деятельности Центра польского языка и культуры в Университете им. Бабеша-Бойаи в 2003–2019 гг.

На пленарном заседании прозвучали три доклада. *Т. Буданова* из Университета г. Турку (Финляндия) в своем выступлении на тему «Лингвистический портрет десятилетия (“Слова года” в России 2007–2018)» проанализировала обширный список слов-лауреатов разных лет и подвела вербальные и концептуальные итоги прошедшего десятилетия. На ее взгляд, список таких слов не только отражает исторический смысл времени, но и позволяет наблюдать языковую динамику.

А. Яскульский из Варшавского университета (Польша) представил исследование «Предложно-падежные конструкции с пространственным значением в польском говоре жителей с. Вершина в Сибири». По его мнению, билингвальное сообщество села Вершина, возникшее в результате добровольного переселения жителей с территории Заглембья и Малой Польши в Сибирь в 1908–1910 гг., употребляет польский говор или русский язык в зависимости от коммуникативной ситуации. Польский говор жителей села Вершина является производным от нескольких малопольских говоров. В своей речи они используют многочисленные заимствования и кальки, поэтому больше всего воздействие русского языка прослеживается на лексическом и синтаксическом уровнях, а фонетическая и морфологическая системы говора оказались более устойчивыми, хотя изначально находились под влиянием русского языка.

С. Бердагулова из Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан (г. Нур-Султан) прочитала доклад «Казахстан: территория гармонии и межкультурная коммуникация», в котором рассказала о феномене межкультурного согласия в Казахстане, его истоках, причинах и механизмах, а также о реальном двуязычии, благодаря которому страна стала диалоговой площадкой для решения многих международных конфликтов.

В обзоре разнообразной проблематики симпозиума следует остановиться на нескольких тематических блоках, которые, как представ-

ляется, независимо от их секционной принадлежности характеризуют основные направления развития не только клужской, но и европейской славистики. Прежде всего это глубокий интерес ученых к памятникам древности, подлинно научный анализ которых способен не только дополнить, но часто и изменить устоявшиеся представления о развитии и функционировании славянских языков и культур. Здесь следует обратить внимание на два доклада известных ученых А. Золтана и С. Лучканина.

В докладе на тему «Мнимое праславянское **staratisę*» А. Золтан из Будапештского университета им. Лоранда Этвеша (Венгрия) рассмотрел этимологию русского глагола *стараться* и аналогичных ему глаголов в других славянских языках. В результате исследования старославянского, среднеболгарского, древнесербского, староукраинского, древнепольского языков, а также болгарских и русских народных говоров ученый пришел к выводу, что самые ранние фиксации этого глагола относятся к древнечешскому языку (XV в.), а не являются континуантом формы **starati se*, якобы существовавшей уже в праславянском языке. В староукраинском языке первые случаи употребления глагола *старатися* относятся к первой половине XVI в. (1532 г.). В русском языке этот глагол фиксируется со второй половины XVII в. в переводных документах Посольского приказа, где, как известно, большей частью работали выходцы из Польско-Литовского государства.

Исследователь румынского языка С. Лучканин (Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина) в своем докладе «“Грамматика славянская” Мелетия Смотрицкого (1619) и румынская филология XVII–XVIII веков (к 400-летию публикации памятника)» рассмотрел переиздания «Грамматики славянской» в румынских землях в 1697 г. и 1755 г., а также определил следы влияния произведения Смотрицкого на «Румынскую грамматику» Д. Е. Брашовяну (1730–1796), первую грамматику собственно румынского языка.

В нескольких докладах был представлен этнолингвистический и культурологический анализ лексических единиц, основанный на исследовании традиций, обычаев и контактов этносов, населявших разные регионы Центральной и Восточной Европы. Имена собственные венгерского происхождения в украинско-молдавских грамотах XIV–XV вв. исследовала В. Штефуца из Ниредьгазского университета (Венгрия). Лексемы румынского происхождения в лексическом составе одного из малопольских говоров в северо-западной части Оравы (Малопольское воеводство) рассмотрела А. Очко (Ягеллон-

ский университет, Польша). Об ономастическом образе поляков, вытекающем из названий полонистических организаций, рассказала *М. Кулаковская* (Жешувский университет, Польша). Этнолингвистический анализ украинских, румынских, венгерских и немецких фамилий, указывающих на профессии и бытующих в регионе Марамуреш и в Закарпатье, провел *Й. Хербил* (Университет им. Бабеша-Бойаи, Румыния).

Выдающемуся лингвисту Ласло Деже (1927–2016), исследовавшему этот регион, был посвящен доклад *Е. Барань* из Закарпатского венгерского института им. Ференца Ракоци II (г. Берегово, Украина). Автор известных монографий «Памятники деловой письменности Закарпатья XVIII ст.», «Очерки по истории закарпатских говоров», «Украинский памятник середины XVI ст. Няговские поучения», «Деловая письменность русинов в XVI–XVIII вв.», Деже сыграл значительную роль в развитии венгерской славистики, а на взгляд *Е. Барань* — и в развитии украинской исторической диалектологии.

Следующий тематический блок на симпозиуме был связан с румыно-славянскими контактами в период становления литературных языков и развития национальных литератур. Процесс формирования новых литератур под влиянием румыно-польских контактов в XVII в. исследовала *Б. Гай* (Университет кардинала Стефана Вышинского в Варшаве, Польша), проанализировав взаимопроникновение *Latinitas* и славянских литератур на примерах из древней латинской литературы Силезии, где в это время в гуманитарных гимназиях часто обучались граждане Трансильвании. *К. Дворник* (Варшавский университет, Польша) исследовал роль Трансильванской школы в процессах кодификации румынского литературного языка на рубеже XVIII–XIX вв. и параллельные явления в славянских языках.

Значительная часть докладов была посвящена вопросам современного языкознания. Исследователи из Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (Украина) в своих выступлениях рассмотрели кореферентность нерасчлененных компонентов в структуре предложения (*О. Максимюк*), когнитивную матрицу функционально-семантического типа речи (*Ю. Руснак*), валентные свойства предиката в дуплексивных конструкциях (*Л. Томусяк*), эмоционально-аксиологическое пространство комплементарных высказываний (*С. Шабат-Савка*).

В работе лингвистических секций большое внимание было уделено аспекту межкультурного диалога: о кризисе языкового разнообра-

зия и причинах исчезновения языков рассказал *Д. Й. Кира* (Университет им. Бабеша-Бойаи, Румыния); концепции дома в языковой картине мира румын, украинцев и русских был посвящен доклад *К. Силаги* (Университет им. Бабеша-Бойаи, Румыния).

О роли перевода в диалоге культур говорили *О. Ташкович* («Методы перевода культурных реалий на примере венгерско-украинского перевода опер Ференца Эркеля “Ласло Хуняди” и “Банк Бан”») и *В. Лебович* («Нюрнбергский процесс — колыбель синхронного перевода») из Будапештского университета им. Лоранда Этвеша (Венгрия).

В блоке литературоведческих секций доклады распределились по национальным литературам. Связь природы и книжности в творчестве В. Набокова исследовала *Д. Тетеан* (Университет им. Бабеша-Бойаи, Румыния). Венгерские ученые рассмотрели интертекстуальные связи романов В. Пелевина с набоковским творчеством (*Ж. Калафатич*, Будапештский экономический университет) и романов «Лестница Якова» Л. Улицкой и «Доктор Живаго» Б. Пастернака (*Т. Сабо*, Печский университет). В центре внимания *М. Т. Бобок* (Бухарестский университет, Румыния) был анализ романов Ю. Трифонова. *А. Жиенбай* (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан) исследовала лирический цикл И. Бродского «Часть речи». Христианские мотивы в творчестве Ю. Н. Вознесенской стали предметом изучения *А. Гач* (Варшавский университет, Польша).

Широкий охват представленных направлений исследований характерен для докладов, посвященных польской литературе. Диалектику эволюции понятий «малая родина» — «национальное самосознание» в эпоху романтизма проанализировала *М. Возьневская-Дзялак* из Университета кардинала Стефана Вышинского в Варшаве (Польша). Воспоминания поляков, вовлеченных в народническое движение в России в 1870-е гг., представила *М. Гронцкая* из Варшавского университета (Польша). Феноменологической интерпретации стихотворения Б. Лесьмяна «Уршуля Кохановская» был посвящен доклад *Б. Гарлей* из Университета кардинала Стефана Вышинского в Варшаве (Польша). Новая польская проза о путешествиях стала предметом анализа *А. Невядомского* и *Р. Щербакевича* из Университета им. М. Склдовской-Кюри в Люблине (Польша). Знаковый роман нобелевского лауреата О. Токарчук «Бегуны» был в центре внимания *А. Бручу-Козляну* из Университета им. Бабеша-Бойаи (Румыния).

В блоке докладов об украинской литературе центральное место занимали исследования малоизученных явлений в украинской куль-

туре XX в. и современной литературе. С докладами об украинской литературе XX в. выступили Г. Лесная (МГИМО-Университет, Россия) о несправедливо забытом украинском литературоведе А. Дорошкевиче, М. Хербил (Университет им. Бабеша-Бойаи, Румыния) о новаторских находках М. Кулиша в драме «Патетическая соната», Руслана Крамар (Варшавский университет, Польша) о судьбе писательницы У. Кравченко (1860–1947), Ростислав Крамар об украинской народной сатире (по материалам советских архивов 1920–1980-х гг.). Анализ современной украинской прозы был дан Й. Замбжицкой (Варшавский университет, Польша) в докладе об обретении памяти в современной украинской прозе и Т. Чонки (Закарпатский венгерский институт им. Ференца Ракоци II, г. Берегово, Украина) в исследовании повести Я. Дубинянской «Жены привидений».

Творчеству современных украиноязычных писателей Румынии были посвящены доклады Э. Баллы (Ужгородский национальный университет, Украина) и В. Антофийчука (Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича, Украина). Э. Балла исследовала малую прозу Степана Ткачука (1936–2005) — автора многочисленных поэтических сборников, прозаических произведений и художественных переводов. В. Антофийчук проанализировал творческий дебют Ивана Ковача в румынском украиноязычном журнале «Ліричні струни» в 1968 г. в контексте эволюции украинской поэзии Румынии второй половины XX в. По мнению исследователя, издание альманаха стало событием для целой плеяды украинских поэтов Румынии, среди которых И. Ковачу принадлежит особое место.

В широком контексте диалога культур были рассмотрены гоголевский «Вий» в сербском и мировом кинематографе (С. Стаменкович, Великотырновский университет им. святых Кирилла и Мефодия, Болгария) и город Яссы как текст (Л. Беженару, Ясский университет им. А. И. Кузы, Румыния).

О межкультурном диалоге на симпозиуме говорилось неоднократно, также ему были посвящены предыдущие десять конференций славистов в Университете им. Бабеша-Бойаи, которые, как представляется, определили специфику и этого клужского форума. Его организаторам удалось не только продолжить традиции предшественников, но и собрать круг ученых, которые в широком контексте исследуют исторические и современные межславянские культурные связи и румыно-славянские контакты.

И это закономерно, поскольку особенности самой клужской славистики обусловлены характерными чертами того региона, в кото-

ром она развивалась. Ведь в современной Трансильвании — исторической области в северо-западной и центральной части Румынии, в течение веков входившей в разные государственные формирования, — этническое, религиозное и культурное разнообразие региона ярко отражено в образе жизни местного населения. В современных условиях это обстоятельство является привлекательным также для многочисленных туристов и студентов. Клуж — город нескольких университетов, в которых обучаются молодые люди из многих европейских стран.

Клуж-Напока — это и культурная столица Румынии, обладающая многочисленными музеями и памятниками архитектуры, и современный город, живущий насыщенной интеллектуальной и культурной жизнью, к которой смогли прикоснуться и участники симпозиума. Доброй традицией клужских славистических мероприятий стали пешеходные экскурсии по городу и знакомство с его главными достопримечательностями. Как правило, форумы, приуроченные к Дню славянской письменности и культуры, совпадают с днями города, когда в Клуже проводятся исторические реконструкции, ночь музеев и музыкальный марафон на центральной площади рядом с памятником королю Матиусу Корвину. Выставки, презентации книжных новинок и музыкальные вечера проходят и в Российском культурном центре, с которым сотрудничает университет. В день открытия симпозиума его участников пригласили в Башню швейников на фотовыставку «Ваш Чехов», посвященную постановкам чеховских пьес на сценах клужских театров. Здесь с музыкальной программой выступили студенты Академии музыки «Георге Дима» в Клуж-Напоке.

Источники и литература

Барбэ Г., Вольф З. Из истории румынской русистики // *Filologie rusă. București*, 2009. № 35. P. 139–144.

Ситова Н. 90 лет румынской славистики // *Советское славяноведение*. 1983. № 4. С. 53–61.

Bogdan I. Însemnătatea studiilor slave pentru Romîni. București: Socecu, 1894. 41 p.

Dialogul slaviștilor la începutul secolului al XXI-lea. Anul 7. № 1 / Universitatea Babeș-Bolyai Cluj-Napoca, Facultatea de Litere, Departamentul de limbi și literaturi slave; editori K. Balázs, I. Herbil. Cluj-Napoca: Casa Cărții de Știință, 2019. 1502 p.

Din istoricul slavisticii românești / Universitatea din București, coordonator: E. Lința. București: Universitatea din București, 1982. 403 p.

Mârza R. The history of Romanian Slavic studies. From the beginnings until the First World War / transl. from the Romanian by L. Ciocan. Cluj-Napoca: Ed. Academiei Române, Centrul de Studii Transilvane (Romanian acad., Center for Transylvanian studies), 2008. 624 p.

Statutul Asociației Slaviștilor din România. București, 10 mai 2001 // Romanoslavica. URL: <http://romanoslavica.ro/statut.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

References

Barbe, G., Wolf, Z. "Iz istoriei rumynskoï rusistiki." *Filologie rusă*, no. 25, București, 2009, pp. 139–144.

Bogdan, I. *Însemnătatea studiilor slave pentru Romîni*. Bucharest: Ed. Socecu, 1894, 41 p.

Balázs, K., and I. Herbil, editors. *Dialogul slaviștilor la începutul secolului al XXI-lea*, vol. 7, no. 1, Cluj-Napoca: Casa Cărții de Știință, 2019, 502 p.

Lința, E., editor. *Din istoricul slavisticii românești*. București: Universitatea din București, 1982, 403 p.

Mârza, R. *The history of Romanian Slavic studies. From the beginnings until the First World War*. Translated from the Romanian by L. Ciocan. Cluj-Napoca: Romanian acad., Center for Transylvanian studies, 2008, 624 p.

Osipova, N. "90 let rumynskoï slavistiki." *Sovetskoe slavianovedenie*, no. 4, 1983, pp. 53–61.

"Statutul Asociației Slaviștilor din România. București, May 2001." *Romanoslavica*, <http://romanoslavica.ro/statut.htm>. Accessed 10 Aug. 2020.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.06

Kirillov V. B., Lesnaya G. M.

A Romanian Accent in Modern Slavic Studies: The International Symposium "100 years of Cluj Slavic Studies"

Victor B. Kirillov

Candidate of History, associate professor, vice-rector, Professor of the Department of European and American Studies

MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations) 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirillov@mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-4208-6984

Galina M. Lesnaya
Candidate of Letters, associate professor
MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations)
119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: glesnaya@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1501-0060

Цитирование

Kirillov V. B., Lesnaya G. M. A Romanian Accent in Modern Slavic Studies: The International Symposium “100 years of Cluj Slavic Studies” // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 554–566 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.8.06

Received: 29.10.2020.

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2021

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
35,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87